Т. Б. Никитина

МАРИЙЦЫ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

40936

Н-62

МАРИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ
им. В.М.ВАСИЛЬЕВА

Т.Б. НИКИТИНА

МАРИЙЦЫ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
(ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ)

70956
НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

Йошкар-Ола
2002

УДК 902
ББК 63.5 (2рос. Мар)
Н 622

Печатается по решению Ученого совета Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М.Васильева

Рецензент
доктор исторических наук,
член-корреспондент РАН В.В. Седов

Никитина Т.Б.
Н 622 Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам): Монография. – Йошкар-Ола: МарНИИ, 2002. – 432 с. илл.

ISBN 5-94950-005-9

Монография представляет общий обзор культуры марийского народа в эпоху средневековья и охватывает период с VI по XVII вв. В работе рассмотрены вопросы происхождения и динамика этнического развития марийцев, обозначены особенности средневековья марийских памятников. Для решения вопросов исторического развития марийского народа привлечены данные языкознания, фольклора, письменных источников.

Издание рассчитано на археологов, историков, музейных работников, краеведов, преподавателей школ, студентов и школьников.

ISBN 5-94950-005-9

ББК 63.5 (2рос. Мар)

© Никитина Т.Б., 2002
© МарНИИ, 2002

ВВЕДЕНИЕ

Финно-угорская народность – марийцы – составляет, по переписи 1989 года, 670868 человек. В настоящее время они проживают, в основном, в Ветлужско-Вятском междуречье и на прилегающем к нему участке Волги: южная граница расселения проходит по правобережью Волги в пределах Марийско-Чувашского Поволжья, северная – по р. Пижме в Кировской области. На территории Республики Марий Эл проживает 324349 представителей марийской национальности. Остальные небольшими группами обитают в Башкирской, Татарской, Удмуртской республиках, Нижегородской, Кировской, Екатеринбургской, Пермской и Оренбургской областях России (рис. 1). По особенностям языковой речи, материальной и духовной культуры, самосознанию выделяются три этнографические группы: горные, луговые, восточные.

Самоназвание народа – мари (*marij, marэ*) первоначально употреблялось в значении «человек, мужчина», которое сохранилось и поныне [Хайду П. 1985. С. 66], а также представлено в традиционных названиях мелких территориальных групп: «Вытля марэ» (марийцы, осевшие на р. Ветлуге), «Пижман-марэ» (марийцы на р. Пижма), «Рдэ-марэ» (марийцы по р. Рутка)..., «Юрон-марэ» (марийцы по р. Юронге), «Кудьман-марэ» (марийцы по р. Кудьме) и т.д. [Смирнов И.Н. 1889. С. 17]. Данное слово является заимствованием из иранского языка, – ср. ав. *mairya* «молодой человек, юноша, член воинского союза», др.–перс. *marika* «дружинник, стражник, член воинского союза», пехл. *merāg* «муж, молодой человек» и т.д. [Напольских В.В. 1997. С. 42].

В научной литературе существует мнение, что марийцы под именем «Imniscaris» [Смирнов А.П. 1952. С. 173] или «Scremniscans» [Фасмер М. С. 1987. С. 339] (в интерпретации различных исследователей) перечислены готским историком VI в. Иорданом в «Гетике» в числе северных народов, подвластных в IV в. готскому вождю Германариху [Иордан. 1960. С. 89]. Более достоверны упоминания

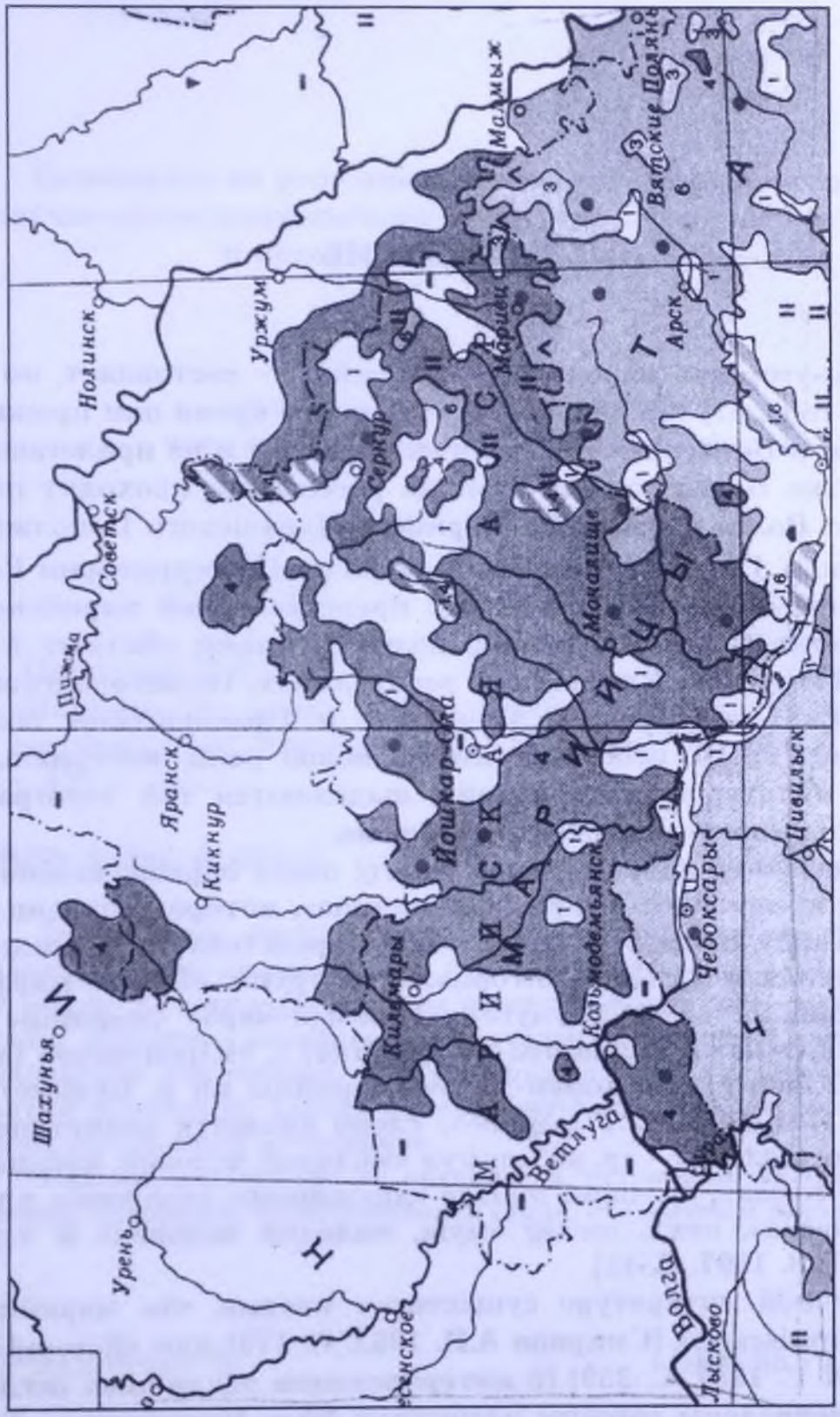

Рис. 1. Карта расселения марийцев. [Атлас народов мира. М., 1964].

об этом народе под названием «Ц-р-мис» в письме X в. хазарского кагана Иосифа [Коковцев П.К. 1932. С. 98]. С XI в. вплоть до XX в. сведения о них неоднократно встречаются в русских и иностранных источниках под этнонимом «черемис».

Этимология термина «черемис» на протяжении нескольких десятилетий вызывала большие споры у языковедов, не выяснена окончательно и в настоящее время. Ф.И. Гордеев трактует значение термина «черемис» с иранского языка как «кочевой», «живущий в соседстве народ» [Гордеев Ф.И. 1964. С. 207–217]. По мнению Ф.Е. Егорова, этот термин в древнетюркском языке обозначает «воинствующий человек» [Егоров Ф.Е. 1927. С. 107–108; 1929. С. 6]. Петер Хайду склоняется к волжско-болгарской этимологии термина [Haidu P. 1981. С. 48], а Ласло Клима выводит его из хазарской среды [Клима Л. 1989. С. 49]. И.Г. Иванов обьясняет понятие «черемис» с муромского и мерянского языков «мужчина из племени «чере» [Иванов И.Г. 1978. С. 46], Д.Е. Казанцев с мордовского – «солнечный, т.е. проживающий к востоку (восходу солнца) от мордвы человек» [Казанцев Д.Е. 1985]. Основываясь на анализе звукового состава, последний предполагает, что «русские заимствовали слово черемис из языка мордвы... Сами марийцы не называли себя этим словом в силу его внутренней формы» [Казанцев Д.Е. 1985. С. 11].

По данным современного языкознания, марийский язык относится к финно-волжской или волжской языковой общности. Существование финно-волжской общности признается большинством языковедов [Хайду П. 1985; Серебренников Б.А., Ермушкин Г.И., Майтинская К.Е. 1989; Напольских В.В. 1997 и т.д.]. По их мнению, финно-волжская общность существовала недолго, и связи составляющих ее этнических групп были, вероятно, довольно слабыми [Гуя Я. 1974; Редеи К., Эрдейн И. 1974]. Уже в течение I тысячелетия до н.э. произошло разделение предков прибалтийских финнов, саамов, мордвы и марийцев [Хайду П. 1985. С. 201].

Некоторые исследователи считают, что определенное время волжские языки были объединены в волжскую общность, от которой до нас дошли марийский и мордовские языки [Setälä E.N. 1916. С. 512; Хайду П. 1985; Казанцев Д.Е. 1985; Серебренников Б.А. 1985; Taagepera R. 1994] (рис. 2–4). Территория волжской общности занимала среднее течение р. Оки и восточную часть Волго-Окского междуречья [Казанцев 1980. С. 99, 1885. С. 27] или районы вблизи правобережья Волги, несколько западнее областей современного расселения марийцев [Хайду П. 1985. С. 201], заселенные в I тысячелетии н.э. волжскими финнами (рис. 5). Окончательное разделение

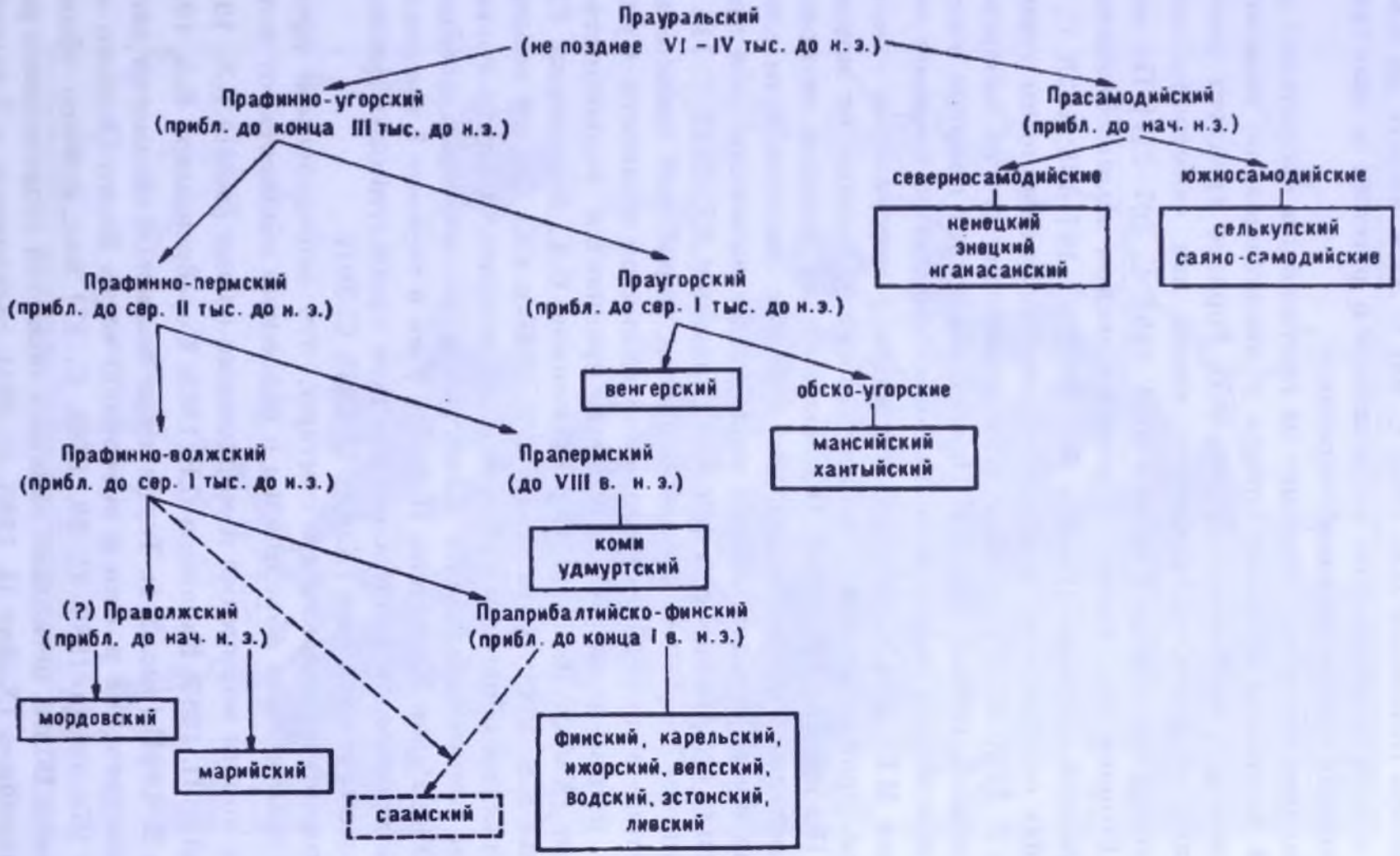

Рис. 2. Родословное дерево уральских народов [Хайду П. 1985. В обработке В.В.Напольских. 1997].

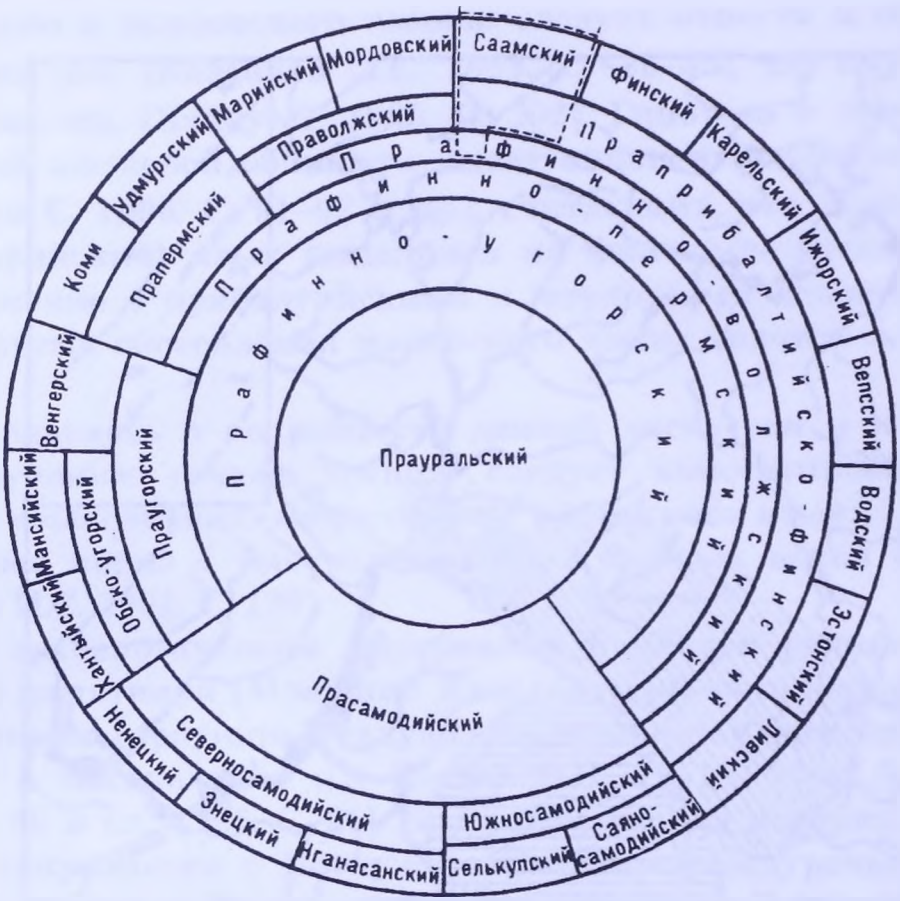

Рис. 3. **«Родословное древо» уральских народов [Хайду П. 1985].**

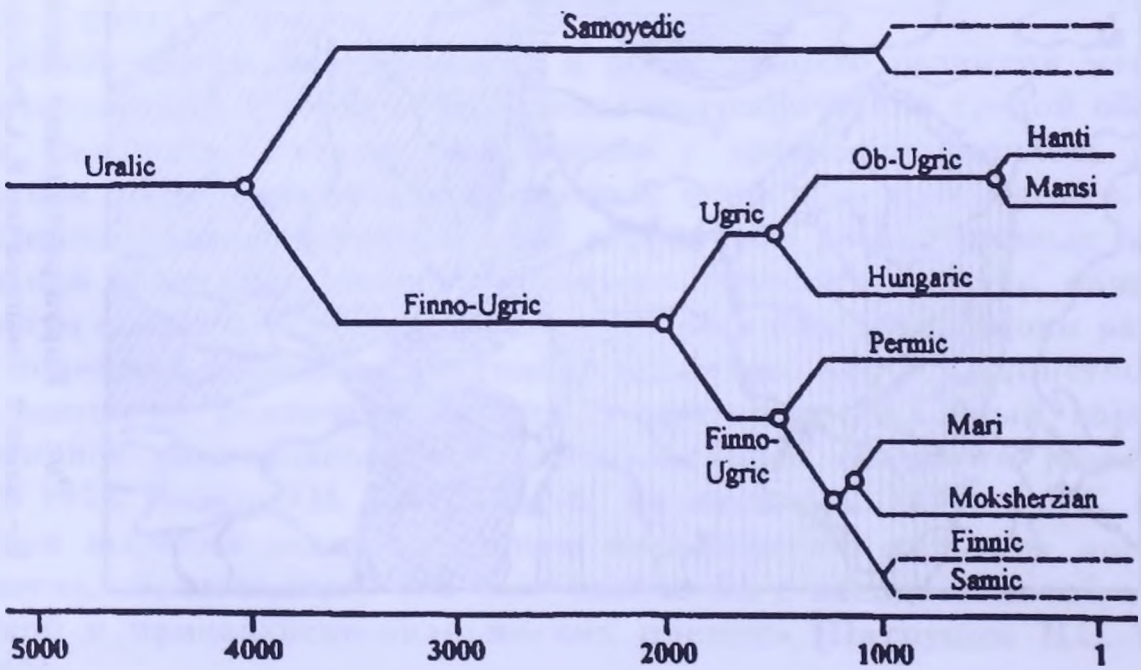

Рис. 4. **Дендрограмма уральских народов [Taagapera. 1994].**

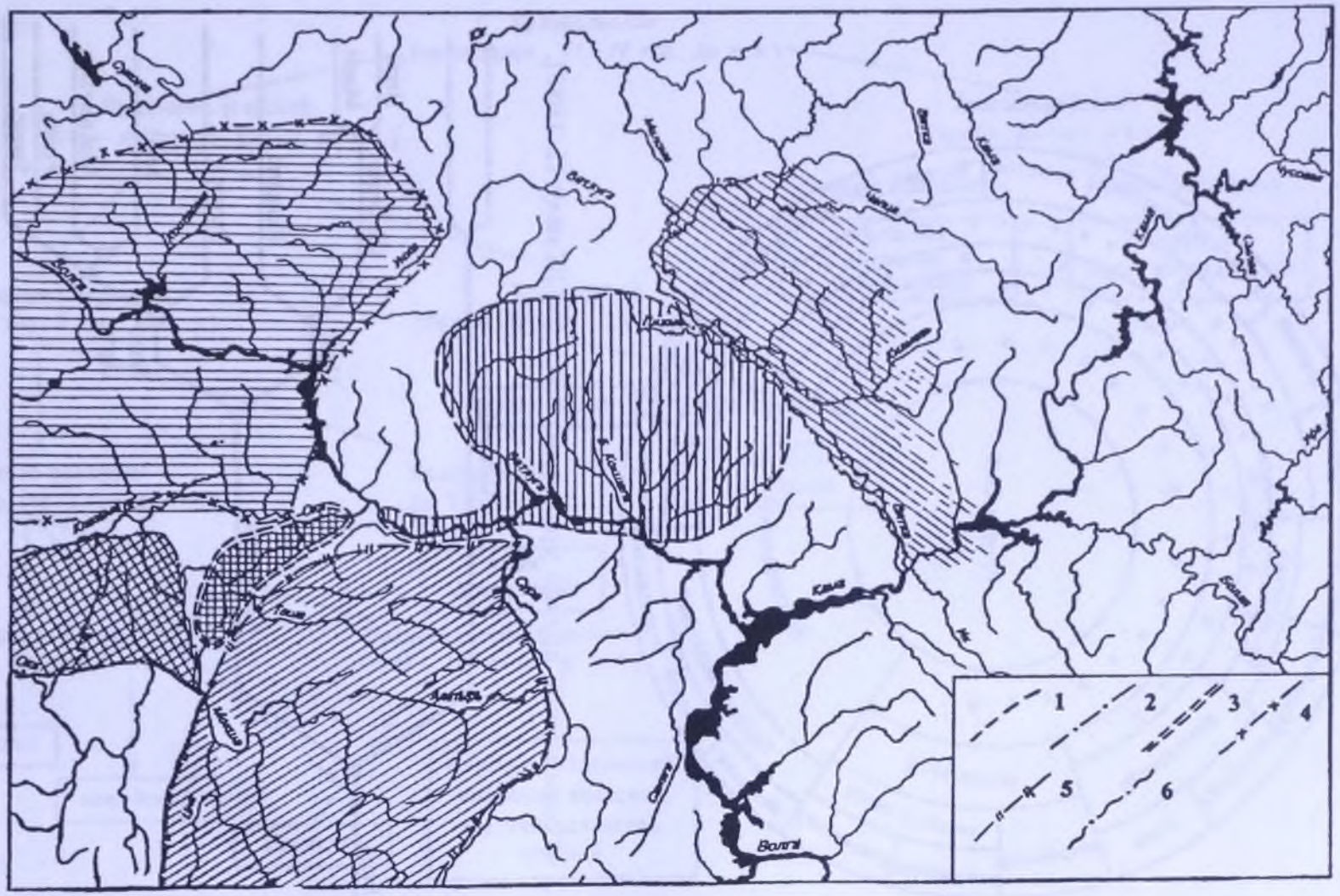

Рис. 5. **Карта расселения финно-угорских народов Поволжья и Прикамья в I тыс. н.э.**
1 – мари; 2 – мещера (по Е.А. Рябинину); 3 – мурома (по В.Н.Гришакову, Ю.А.Зеленееву); 4 – меря (по А.Е.Леонтьеву); 5 – мордва (по Л.А. Голубевой); 6 – пермские финно-угры (по Р.Д. Голдиной).

марийского и мордовского языков следует отнести к началу I тысячелетия н.э. [Казанцев Д.Е. 1985. С. 26–35], не позднее чем к VI–VII вв. н.э. [Хайду П. 1985. С. 202]. Гипотеза о существовании волжской языковой общности имеет оппонентов [Bereczki G. 1974; Сааринен С. 1996. С. 91–92 и др.], считающих, что марийский (или протомарийский) язык выделился из финско-волжской общности одновременно с прибалтийскими и мордовским языками. В таком случае время обособления марийского языка значительно удревняется.

Не вдаваясь в подробности данной дискуссии и подводя итог существующим точкам зрения, следует констатировать, что, по данным языкознания, «образование марийского языка ...произошло на рубеже конца I тысячелетия н.э. и первых веков нашей эры» [Галкин И.С. 2001. С. 199].

По археологическим материалам наиболее ранние древнемарийские памятники (Младший Ахмыловский могильник, могильник на Чортовом городище, ветлужские городища) фиксируются с середины I тысячелетия н.э. [Бадер О.Н. 1951,1951-а; Архипов Г.А. 1973. С. 86 и сл., 1985. С. 21]. Вся последующая история марийского этноса связывается с Ветлужско-Вятским междуречьем и прилегающим участком Волги в пределах Марийско-Чувашского Поволжья [Смирнов А.П. 1952; Архипов Г.А. 1973, 1985, 1986, 1991; Халиков А.Х. 1976-а, 1991; Никитина Т.Б. 1998-а. С. 103–106, 1999-а, 2000-а, 2001].

Особенности формирования и последующего развития марийского этноса во многом обусловлены географической средой обитания. Ветлужско-Вятское междуречье с древности являлось контактной зоной западных и восточных финноязычных племен. Постоянное взаимодействие на этой территории разноэтничных образований объясняет своеобразие археологических культур, начиная с эпохи неолита. Особенности ананьинского населения эпохи раннего железного века были настолько очевидны, что большинство исследователей различали на этой территории локальный вариант обширной раннеананьинской этнокультурной общности [Смирнов А.П. 1952; Бадер О.Н. 1951, 1951-а; Халиков А.Х. 1977], а В.С. Патрушев выделил самостоятельную ахмыловскую культуру «нового этноса», образованного «на базе населения с псевдосетчатой керамикой и приказанско-ананьинских племен» [Патрушев В.С. 1992. С. 62].

Как отметила К.И. Козлова, дефиниция контактной зоны, равно как и конкретное ее выделение на местности, отвечает нескольким

обязательным условиям, два из которых определяют особенности этнической истории населения Ветлужско-Вятского междуречья в эпоху средневековья: «а) в определенном регионе издавна соседят и взаимодействуют в этнокультурном отношении два или более народа, обладающих чертами ярко выраженной специфики; б) характер этих взаимодействий может носить различные формы более или менее интенсивного и глубокого этнокультурного взаимопроникновения (интерференции), которое, однако, не нарушает структурной целостности взаимодействующих этносов...» [Козлова К.И. 1976. С. 39].

На протяжении тысячелетия вплоть до XVII в. марийский этнос переживает ряд этноэволюционных и этнотрансформационных изменений. Первые вызваны внутриэтническими информационными связями, вторые связаны с этногенетическими процессами. Эти явления совпали с этапами разложения общиннородовых и становления классовых отношений, возраставшим влиянием вначале Волжской Болгарии и Древней Руси, а затем Казанского Ханства и Российского государства. Происходившие перемены влияли на изменение марийской культуры в различные исторические периоды, иногда настолько значительно, что преемственность памятников различных эпох казалась условной (могильники типа Младшего Ахмыловского и памятники IX–XI вв., могильники IX–XI вв. и XII–XIII вв.). Поэтому для выявления динамики исторических, культурных, хозяйственных традиций и создания убедительной схемы этнического развития марийского этноса в эпоху средневековья необходимо изучение их этнической истории и культуры на длительном историческом пути (с этапа формирования до развития в составе централизованного государства).

Выполнение этой цели определяет серию конкретных задач:

1) вернуться еще раз к дискуссионному вопросу об этнических основах марийского народа;

2) дать общий обзор марийской культуры в эпоху средневековья и выявить этнокультурные особенности средневековых марийских памятников;

3) рассмотрев их на широком историко-культурном фоне, определить место среди синхронных древностей Среднего Поволжья и Прикамья;

4) проследить динамику этнического развития марийцев.

ГЛАВА 1
ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ

§ 1. История изучения археологических памятников эпохи средневековья

Изучение средневековых памятников, связанных с происхождением и этнической историей марийцев, началось еще во второй половине прошлого столетия. В 1864 году П.П. Алабиным были открыты Ижевское городище VIII–X вв., Немдинское и Бурыгинское городища X–XII вв., на одном из них, Бурыгинском, произведены раскопки [Алабин П.П. 1864; 1865-б]. Через 10 лет в Императорскую археологическую комиссию поступили сведения о древнем могильнике у с. Лопъял бывшего Уржумского уезда, которые дважды, в 1874 и 1904 годах, проверялись С.К. Кузнецовым [Отчет ИОАИЭ. 1888; ОАК. 1907], но точное местонахождение могильника установить не удалось.

В последующие годы на страницах местной периодической печати, в краеведческих записках и исторических изданиях появилось ряд заметок и статей краеведов о многочисленных находках в Волго-Вятском междуречье старинных, в том числе и средневековых, вещей [Малахов М.В. 1882; Кузнецов С.К. 1882; Золотницкий Н.И. 1875. С. 267–269; Михайлов С. 1852; Шпилевский С.М. 1877. С. 531–537]. Большая работа по сбору древних вещей и информации об их местонахождении была проделана Археологической комиссией, которая ежегодно публиковала ее на страницах своих отчетов.

Огромный вклад в изучение средневековой истории Вятского края, включающего и северо-восточные районы Марийской республики, внес А.А. Спицын. В 1887–1888 годы он совершил несколько поездок по Вятской губернии, во время которых открыл и частично изучил ряд археологических памятников. Опираясь в основном на

летописные свидетельства и предания, он составил список предполагаемых местонахождений и городищ. В 1877 году А. А. Спицын начал работы на Сметанинском позднесредневековом могильнике. В 1891 году в процессе небольших раскопок им были найдены 3 узла с вещами на Юмском (Загребинском) могильнике IX–XI вв. на р. Юм, правом притоке р. Вятки и проведены разведки по течению р. Юм до д. Ивки, около которой было обнаружено марийское мольбище, синхронное могильнику. Им же были организованы раскопки Еманаевского, Ижевского, Скорняковского и др. городищ второй половины I тысячелетия н.э. Результатом этой деятельности явилась серия работ А.А. Спицына, в которых на основе обобщения и анализа разрозненных сведений содержится ряд ценных положений по истории местных народов; среди них немалое место отведено и древним марийцам [Спицын А.А. 1889; 1893]. Им же были проанализированы материалы, опубликованные в отчетах Археологической комиссии.

Вятские городища были обследованы также П.И. Кротовым [Кротов П.И. 1892] и А.С. Лебедевым [Лебедев А.С. 1908], Чортово городище осмотрено Н.М. Бекаревичем [Бекаревич Н.М. 1904].

Примерно в это же время Е. Стояновым были изучены могилы у д. Носельской и д. Ивановской (Мало-Сундырское и Иваногорское позднесредневековые кладбища современного Горномарийского района Республики Марий Эл).

В 1908 году начаты стационарные раскопки средневековых марийских могильников на Ветлуге; В.И. Каменским вскрыто 16 погребений на «Черемисском кладбище», 3 погребения – на Чортовом городище [Каменский В.И. 1909].

В 1908–1909 годы П. П. Ефименко произвел раскопки на двух могильниках бывшей Тоншаевской волости Ветлужского уезда Костромской губернии (в настоящее время Тоншаевский район Нижегородской области) [Отчет П.П. Ефименко, кол. 2344, 2345]. Один из них, Тоншаевский, датирован XVII в., второй, Большеошкарский – XVIII в.

В 1920 – 30-е годы в Поволжье развернула исследования Комплексная антропологическая экспедиция МГУ, в составе которой начинали свою деятельность известные археологи О.Н. Бадер, Е.И. Горюнова и др. Один из отрядов (руководители: А.Е. Алихова, Е.Н. Горюнова) в 1925 году провел раскопки на Чортовом городище. Ими было заложено 4 раскопа площадью в 43 кв. м и обнаружено в разрезе вала два слоя. Однако, датировка этих слоев и стратиграфия поздних погребений ввиду незначительности материала оказа-

лась невыясненной. Позже результаты этих исследований проанализированы О.Н. Бадером [Бадер О.Н. 1951-а. С. 135–140]. Е.И. Горюновой начаты раскопки Большепольского могильника XVI в. в Ветлужском районе Нижегородской области и обследованы археологические памятники в Горномарийском районе Марийской республики [Жуков Б.С. 1929]. В это же время значительные раскопки на Веселовском могильнике IX–XI вв. организовал М.П. Званцев, на одновременном Кочергинском могильнике – М.В. Талицкий [Талицкий М.В. 1940. С. 159–168]. М.В. Талицким были также проведены небольшие работы на Пижемском, Еманаевском, Ижевском городищах.

В 1929 году небольшим археологическим отрядом под руководством Е. И. Горюновой обследована горномарийская территория от п. Васильсурска до г. Козьмодемьянска с целью выявления памятников поздней марийской культуры. Всего в этом году было открыто восемь могильников XVI–XVII вв. и девятый, Микряковский, частично раскопан. Летом 1930 года этим же отрядом были изучены Шойбулакский и Аксаркинский могильники в Медведевском районе, отнесенные к марийской культуре XVII в.

Результаты исследований Комплексной антропологической экспедиции отражены в опубликованных Б. С. Жуковым отчетах [Жуков Б.С. 1926. С. 250; 1930]. Автор писал о богатой материальной культуре марийского народа в XVI–XVII вв., ссылаясь на комплексы вещей из Большепольского черемисского могильника. К сожалению, он дал при этом только неполное описание некоторых находок и скупые сведения о погребальном обряде. Подробного анализа археологического материала в работе нет.

Е.И. Горюнова по результатам исследований подготовила несколько статей информативного характера [Горюнова Е. И. 1935; 1937]. Сжатая характеристика отдельных находок и обряда захоронения Большепольского могильника содержится в статье Е. И. Горюновой «Материалы для характеристики марийских могильников», вышедшей в 1929 году в Хельсинки на французском языке [Goriounova E.I. 1929]. Наибольший интерес представляет публикация Шойбулакского и Аксаркинского могильников [Горюнова Е. И. 1937-а], хотя обобщение материала и попытки его интерпретации в работе отсутствуют.

Несколько позднее более полное освещение получили материалы ветлужских средневековых городищ. Детальный анализ керамических комплексов [Воеводский М.В. 1951], остеологического материала [Формозов А.Н. 1951], проработанные датировки [Бадер

О.Н. 1951] позволили связать средневековые слои городищ с древнемарийской культурой. К этим материалам О.Н. Бадер обращался неоднократно в связи с решением проблемы этногенеза мари [1951-а].

Одновременно с Комплексной антропологической экспедицией в 1926–1927 годы на территории Марийско-Чувашского Поволжья работала Средневолжская археологическая экспедиция под руководством П. П. Ефименко. В 1926 году было обследовано Малахайское городище I тысячелетия н.э. [Третьяков П.Н. 1948. С. 50–52] и раскопано 19 могил XVI–XVII вв. у с. Кукшлиды на р. Большой Сундырь в Горномарийском районе Марийской АССР [П. П. Ефименко: Кукшлида д. 299].

Итоги первых археологических исследований обобщены в работах М.Г. Худякова [Худяков М.Г. 1935. С. 30 и сл.], А.В. Шмидта [Шмидт А.В. 1935. С. 13–16], Ю.В. Готье [Готье Ю.В. 1930. С. 122–155]. Результаты археологических изысканий довоенного периода систематизированы в «Материалах к археологической карте бассейна р. Камы» [Талицкая И.А. 1952. С. 18–30] и работах А.П. Смирнова «Археологические памятники на территории Марийской АССР и их место в материальной культуре Поволжья» [1949] и «Очерки древней и средневековой истории Среднего Поволжья» [Смирнов А.П. 1952. С. 157–160].

В 1951, 1953, 1958 годы в Марийской республике продолжает работы один из отрядов Комплексной антропологической экспедиции под руководством М.С. Акимовой. Объектами изучения по-прежнему остаются поздние марийские могильники. Были частично раскопаны Нижнелопсолинский и Немецсолинский могильники XVI–XVIII вв., а в 1953 году – 241 погребение на аналогичном Мало-Сундырском могильнике. К сожалению, такой многочисленный материал не сохранился, и до нас дошел лишь краткий отчет с минимальным количеством прорисовок и сжатым описанием погребального обряда [Акимова М. С. Отчет 1953 г.].

С 50-х годов в регионе начинают формироваться кадры, способные проводить самостоятельные исследования. В 1951 году совместная экспедиция МарНИИ и Марийского научно-краеведческого музея под руководством Р. В. Чубаровой обследовала 6 памятников в Горномарийском районе [Чубарова Р. В. 1953]. Юльяльский и Сиухинский археологические комплексы и Важнангерское (Мало-Сундырское) городище XIII–XV вв. привлекли более пристальное внимание исследователя и подверглись частичным раскопкам [Чубарова Р.В. 1953; 1953-а].

Качественное изменение источниковедческой базы связано с созданием в 1956 году Марийской археологической экспедиции, развернувшей систематические работы по сплошному археологическому обследованию территории Ветлужско-Вятского региона. Изучением были охвачены все этапы средневековой истории, начиная с середины I тысячелетия н.э.

В первый год деятельности экспедиции несколькими отрядами под общим руководством А.Х. Халикова обследованы вятские районы, заселенные марийцами. Особое внимание было уделено окрестностям г. Малмыжа и Мари-Малмыжа, где, согласно летописным сведениям и марийским преданиям, в XV–XVI вв. существовало небольшое марийское княжество. В 1956 году в правобережье Вятки МАЭ было обнаружено 8 марийских могильников и 1 удмуртский XVI–XVIII вв., 2 удмуртских и 1 русское поселение XVI–XVII вв., несколько средневековых городищ без культурного слоя, взято на учет около 20 ранее неизвестных могильников и 10 языческих мольбищ. С этого времени археологи стали обращать внимание также на изучение мольбищ как на один из важнейших источников по духовной культуре народа. На трех позднесредневековых марийских могильниках (Русско-Луговском, Тюм-Тюмском и Биляморском) проведены частичные раскопки.

По результатам исследований А.Х. Халиков сделал предварительный вывод о том, что марийское население появилось на р.Вятке не ранее XIII–XIV вв. Известные в этих местах средневековые могильники IX–XI вв. (Лопьяльский и Кочергинский, Чемшай и Бигер-шай), по его мнению, характеризуют скорее древнеудмуртское, нежели древнемарийское население [Отчет МарАЭ 1956 г. С. 35]. Позже материалы экспедиционных работ 1956 года суммированы в научной статье [Халиков А. Х. 1958. С. 87–89].

В последующем 1957 году исследования МАЭ продолжались, в основном, в бассейне р. Вятки. Разведочными изысканиями охвачены реки Малая Кокшага, Немда, Лаж, правобережье Пижмы. В результате обнаружено несколько неизвестных ранее городищ, 10 могильников позднего средневековья и 2 мольбища [Отчет Мар АЭ 1957 г. Л. 218–230]. Стационарные работы развернуты на Юмском (Загребинском) могильнике (9 погребений) в Свечинском районе Кировской области и Сарапульском жертвенном месте (Ивкинском костище). Были начаты раскопки Кубашевского городища второй половины I тысячелетия н.э. на р. Большая Кокшага, завершенные в следующем году, Веселовского (15 погребений) и Черемисского (13 погребений) могильников VIII–XI вв. в Ветлужском районе

бывшей Горьковской, ныне Нижегородской, области. По материалам экспедиции 1957 года А.Х. Халиков наметил 3 пути продвижения древнемарийского населения IX–X вв. от р. Ветлуги на р. Вятку: 1) через р. Усту в бассейн р. Большой Кокшаги; 2) от р. Ветлуги по р. Малой Кокше к верховьям р. Пижмы, а от нее по р. Вятке до г. Малмыжа; 3) от р. Ветлуги на северо-восток в район г. Котельнича [Халиков А.Х., Архипов Г.А. 1959. С. 121]. Кочергинский и Лопьяльский могильники с этого времени в этническом плане А.Х. Халиков интерпретировал марийскими.

В 1958 году основные археологические поиски были развернуты на правом берегу Волги и в Поветлужье. Были продолжены раскопки на Веселовском могильнике, общее количество вскрытых захоронений составило 30. Г. А. Архиповым начато изучение Рутkинского могильника XI–XIII вв. на старом устье Ветлуги, аналогичного Выжумского II могильника на одном из ветлужских притоков, продолженные в 70-е годы [Архипов Г. А., Никитин В. В., Шикаева Т. Б. 1984. С. 23–27, 41–47]. В Горномарийском районе Марийской Республики и на сопредельных территориях Горьковской области и Чувашской АССР выявлены ранее неизвестные средневековые марийские городища и поселения, открыто еще 18 языческих могильников XVI – начала XVIII вв. [Отчет Мар АЭ 1958 г.].

На некоторых из открытых памятников (Носельские I и II, Сиухинские селища, городище Иванова Гора, Юнга-Кушергинский могильник) проведены небольшие раскопки, давшие интересные комплексы для изучения материальной культуры и хозяйственных традиций сельского населения. В составе Сиухинского археологического комплекса исследовалось также марийское мольбище XVII–XVIII вв. [Отчет Мар АЭ 1958 г. С. 217].

С 1958 года под руководством Г.А. Архипова начинаются стационарные работы на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище, продолженные в 1961 году Т.А. Хлебниковой. Городище датировано XIV–XV вв. и до настоящего времени остается уникальным памятником для изучения истории, культуры и социального строя средневековых марийцев середины II тысячелетия н.э. [Хлебникова Т.А. 1967. С. 148–169].

Итоги первых полевых исследований Мар АЭ подведены в «Материалах к археологической карте Марийской АССР» [Архипов Г.А., Халиков А.Х. 1960] и в «Трудах Мар АЭ» [Халиков А.Х. 1962. С. 153–187; Архипов Г.А. 1962-а. С. 206–231]. В последней работе, кроме публикации фактического материала, значительное место уделено вопросам этнической истории марийского народа.

Для постановки и решения проблемы происхождения мари большое значение имело изучение Младшего Ахмыловского могильника. Первые находки бронзовых кельтов около д. Коротни были известны еще в начале века, о чем упомянуто в сводной работе по Казанскому краю А.А. Штукенбергом [Штукенберг А.А. 1901. С. 67]. В 1960 году в 100 м к востоку от с. Ахмылово Горномарийского района Марийской АССР на высоком северном берегу Ахмыловского озера, известного у местных жителей под названием «Сорокина Гора», учащиеся Ахмыловской средней школы обнаружили древние вещи и доставили их в Йошкар-Олу. Первоначальный раскоп площадью 668 кв. м был заложен на краю террасы и показал, что могильник содержит разновременные комплексы: погребения и объекты раннего железного века получили название Старшего Ахмыловского могильника, а средневековые названы Младшим Ахмыловским. Из вскрытых в этом году 108 погребений 36 отнесены к эпохе раннего средневековья [Архипов Г.А. 1963]. В последующем 1963 году раскопки на Ахмыловском археологическом комплексе были продолжены; всего вскрыто 216 кв. м, 10 погребений отнесены к Младшему Ахмыловскому могильнику [Архипов Г.А. 1964]. Дальнейшее изучение памятника увеличило фонд преимущественно Старшего Ахмыловского могильника, а могил раннего средневековья обнаружено немного: в 1965 году – 2 погребения, в 1966 году – 5 погребений [Патрушев В.С., Халиков А.Х. 1967. С. 97], в 1967 году – 8 погребений, в 1968 году – 2 погребения, в 1969 году – 3 [Архипов Г.А. 1963, 1964, 1968; Архипов Г.А., Патрушев В.С., Халиков А.Х., Членова Н.Л. 1969. С. 160]. В 1974 году на могильнике проводила работы экспедиция Марийского государственного университета под руководством В.С. Патрушева и было изучено 3 захоронения эпохи средневековья [Патрушев В.С. 1975].

Среди материалов Ахмыловского археологического комплекса к Младшему Ахмыловскому могильнику отнесено 75 захоронений [Архипов Г.А. 1963; 1964; 1967; 1991].

В 1961 году раскопано Ижевское городище VIII–X вв. (540 кв. м) в Свечинском районе Кировской области [Архипов Г.А. 1962-б]. Своеобразный комплекс, состоящий из двух групп керамики (плоскодонной и круглодонной), отражает процесс взаимодействия в бассейне р. Вятки марийского и удмуртского населения.

В 1962, 1963 и 1965 годах проведены раскопки на Дубовском могильнике IX–XII вв., которые завершены в 1980–1981 годы [Архипов Г.А. 1964; 1983. С. 135; 1984].

70956
НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

Материалы могильников IX–XI вв. нашли подробное освещение в монографии Г.А. Архипова «Марийцы IX–XI вв.» [Архипов Г.А. 1973].

С 1969 по 1971 годы основное внимание Марийской археологической экспедиции было сосредоточено на изучении марийских могильников XII–XIII вв. Г.А. Архиповым обследовано более 100 погребальных комплексов на Выжумском II и III [Архипов Г.А., Вайнер И.С., Каховский В.Ф., и др. 1972. С. 179–180], Починковском и Руткинском [Каховский В.Ф., Краснов Ю.А., Ошибкина С.В. и др. 1970. С.131; Архипов Г.А., Воронин Р.Ф., Каховский В.Ф. и др. 1971. С. 138] могильниках, расположенных в левобережье Волги и в устье Ветлуги. Результаты раскопок обобщены в монографическом исследовании «Марийцы XII–XIII вв.» [Архипов Г.А. 1986].

В 1970–72 годы Вятской археологической экспедицией под руководством С. В. Ошибкиной при раскопках Тюм-Тюмского азелинского могильника на р. Вятке вскрыты марийские захоронения XVI–XVII вв. [Ошибкина С. В. Отчет Вятской АЭ 1970 г.; Ошибкина С.В. Отчет Вятской АЭ 1971 г.; Ошибкина С.В. Отчет Вятской АЭ 1972 г.].

Изученные с 1956 по 1977 годы средневековые памятники учтены в двух выпусках «Материалов к археологической карте Марийской АССР» [Архипов Г. А., Халиков А. Х. 1960; Никитин В.В., Старостин П.Н. 1978]. В предисловии к первому выпуску в тезисной форме намечена мысль о преемственности памятников X–XI вв. и марийских могильников XVI–XVII вв.

С 1978 года началось целенаправленное изучение марийских кладбищ XVI–XVII вв. За 1978–1979 годы третьим отрядом Марийской АЭ под руководством автора данной работы была обследована группа горномарийских могильников на р. Сумке, на нескольких из них проведены рекогносцировочные работы. В 1980 году начато изучение памятников в бассейне р. Илети (Нуръял-Карамасский могильник) и в левобережье Волги (Отарский могильник). В этом же году на основе фольклорных преданий произведен поиск мест средневековых захоронений в Арском районе Татарской АССР [Шикаева Т.Б. 1981. С. 160]. В результате обнаружены Кубянский, Досюмский, Ташкичский и Кунгерский могильники. С 1978 по 1981 годы вновь было открыто 14 ранее неизвестных могильников. Они предварительно охарактеризованы в «Материалах к археологической карте Марийской АССР» [Никитин В.В., Патрушев В.С. 1982].

В последующее время наибольшее внимание было сосредоточено, в основном, на изучении поздних памятников на горной, пра-

вобережной, стороне Волги. В 1981 году третьим отрядом Мар АЭ под руководством автора обследовано два могильника XVII–XVIII вв. – Пальтикинский и Чермышевский; на последнем вскрыто 46 захоронений. В 1982 году начаты раскопки Картуковского могильника, продолженные в следующем полевом сезоне [Шикаева Т.Б. 1984. С. 184–185]. За два года на площади 1068 кв. м вскрыто 140 погребений. В 1983 году неолитическим отрядом Марийской АЭ под руководством В. В. Никитина изучались Важнангерский и Янгосовский могильники.

С 1982 года производятся более широкие раскопки марийских позднесредневековых некрополей на луговой стороне. В этом году обследуется Мало-Кугунурский могильник в Оршанском районе Марийской АССР [Шикаева Т.Б. 1984], в 1984 году его раскопки были завершены. Всего удалось вскрыть площадь 808 кв. м и 48 погребений, остальная часть памятника разрушена обрывом берега. В 1983 году продолжено исследование Отарского могильника (79 захоронений) [Шикаева Т.Б. 1985-а. С. 185]. В 1984 году на Арзебелякском могильнике вскрыта площадь 390 кв. м, на которой находилось 83 захоронения XVI–XVII вв. В 1985 году вновь раскопанные 44 погребения дали дополнительные сведения об этом памятнике.

В 1984 году при обследовании северо-восточной части республики в пределах Сернурского и Куженерского районов Неолитическим отрядом Марийской АЭ (руководитель – В.В. Никитин) открыто несколько новых кладбищ и мольбищ XVII–XIX вв. В следующем году проведены рекогносцировочные работы на Нуръяльском могильнике и Ирмарьском мольбище. В этом же году экспедицией Марийского государственного университета под руководством В.С. Патрушева раскапывался могильник Сосновая Грива у п. Кокшайска на левом берегу р. Волги.

В 1982 году Тужинским отрядом Камско-Вятской экспедиции Удмуртского университета под руководством И. Г. Шапран начато изучение марийских памятников на р. Вятке. На Грековском могильнике вскрыто 47 погребений. Раскопки могильника продолжались в течение двух последующих лет, в результате изучена вся сохранившаяся часть памятника (311 погребений) [Шапран И.Г., 1985. С. 184; Шапран И.Г. 1986. С. 159–160]. На р. Мелетка, левом притоке р. Вятки, открыт и изучен Мелетьский I могильник (154 погребения) [Шапран И.Г. 1995. С 194]. В 1984 году начато исследование Малиновского могильника [Шапран И.Г. 1986. С. 159–160]. В 1985 году третьим отрядом Марийской АЭ выяснен характер Ур-

жумнолинского могильника на р. Уржумке, обследовано 55 захоронений конца XVI – начала XVIII в. В 1990–1991 годы коллекция вятских марийских могильников была существенно дополнена в результате работ археологической экспедиции Кировского объединенного музея на Кадочниковском могильнике в Уржумском районе Кировской области (153 погребения) [Шапран И.Г. 1995. С. 194].

В 1987–1988 годы раскопан и в последующий год опубликован могильник Нижняя Стрелка, который является переходным от памятников IX–XI вв. к памятникам XII–XIII вв. [Шикаева Т.Б. 1989. С. 114–116; Никитина Т.Б. 1990-а, 1990-б].

Материалы позднесредневековых марийских могильников обобщены автором данного исследования в виде монографического издания [Никитина Т.Б. 1992].

Несмотря на то, что городища и селища являются не менее полноценным источником для изучения материальной культуры, социально-экономических и этнических процессов, чем могильники, этот вид археологических памятников долгое время не привлекал должного внимания марийских исследователей. В 1960–е годы проведены лишь рекогносцировочные работы на отдельных городищах I тысячелетия н.э. (Иванова Гора, Юшковское, Старосельское и т. д.). Полностью раскопанными были лишь 2 городища: Кубашевское и Ижевское, о чем уже говорилось выше. В 1978, 1979, 1983, 1985 годы Г.А. Архиповым организовано изучение Ардинского [Архипов Г.А., Патрушев В.С. 1975. С. 157; Архипов Г.А., Патрушев В.С. 1982], Сомовского II (224 кв. м) [Архипов Г.А. 1979; 1979-а. С. 154–155], Пайгусовского [Архипов Г.А. 1990] городищ I тысячелетия н.э. и продолжены раскопки Важнангерского (Мало-Сундырского) городища [Архипов Г.А. 1985-а. С. 136–137]. В 1982 году В.С. Патрушев при раскопках Малахайского городища эпохи раннего железного века исследовал древнемарийский слой I тысячелетия н.э. [Патрушев В.С. Отчет 1982 г.] Автором этой работы проведены исследования на Осиновском городище (244 кв. м) на левом берегу Кокшаги в Санчурском районе Кировской области [Шикаева Т.Б. 1980. С. 179–180].

Значительные работы по изучению средневековых городищ на р. Вятке развернула Камско-Вятская археологическая экспедиция Удмуртского университета, благодаря которым были открыты и изучены ряд городищ, имеющих прямое отношение к истории марийского народа. Особо следует отметить крупномасштабные раскопки Л.Д. Макаровым и Н.А. Лещинской на Еманаевском городище [Лещинская Н.А. 1988. С. 79–107], Н.П. Карповой (Девято-

вой) – на Цекеевском [Девятова (Карпова) Н.П. 1983. С. 152], открытие Пайбулатовского селища, обследование Скорняковского городища и т.д.

Особое внимание на изучение средневековых марийских городищ и селищ было обращено в последнее время. В 1986, 1990–1996 годы автором данной работы проведены широкие раскопки на Сомовском II городище второй половины I тысячелетия н.э. (350 кв. м) [Никитина Т.Б., Соловьев Б.С. 1991. С. 134–136), Васильсурском V (296 кв. м) [Никитина Т.Б. 1994. С. 105–108), Красноселищенском городищах I рубежа I–II тысячелетий н.э. (108 кв. м) [Никитина Т.Б., Никитин В.В. 1996. С. 283], Красноселищенском II (288 кв. м) [Никитина Т.Б., Никитин В.В. 1996. С. 283; Никитина Т.Б. 1997. С. 271–272; Никитина Т.Б. 1999. С. 223), Юльяльском (80 кв. м) [Никитина Т.Б. 1991] селищах XII–XV вв. С 1998 года возобновлены раскопки на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище XIII–XV вв. [Михеева А.И., Никитина Т.Б. 2001].

В настоящее время в результате вышеперечисленных работ известно 209 археологических памятников, связанных с историей марийского народа VI–XVII вв.: 48 городищ, 59 селищ, 102 могильника.

§ 2. Историография

Археологические исследования, проводимые в Ветлужско-Вятском междуречье в XIX в. и в первом десятилетии XX столетия, сводились, преимущественно, к накоплению источников, которое производилось достаточно бессистемно, в основном с целью формирования музейных коллекций. Ввод этих данных в научный оборот сводился к публикации вещественных материалов без достаточно подробного освещения документальной части раскопок. Однако, проведенные работы были бесценны уже тем, что заложили основу археологического изучения древней истории народов Поволжья и Ветлужско-Вятского междуречья.

На этом фоне очень выгодно отличаются исследования видного русского ученого прошлого столетия А.А. Спицына [Спицын А.А. 1889; 1893], представляющие первое обобщение, основанное на научном анализе археологических материалов. Являясь уроженцем г. Вятки, А.А. Спицын значительное внимание уделил изучению

Вятского края. Освещая вотские древности эпохи средневековья, он выделил несколько локальных вариантов: камские сарапульские городища, городища по р. Ижу и Тойме, средневятские городища и пижемские чудские городища. Анализируя материалы пижемских городищ, к которым он отнес Еманаевское, Бурыгинское, Ижевское, А.А. Спицын отделил их от «собственно вотских» [Спицын А.А. 1889. С. 33]. Предполагая связь этих памятников с чудскими древностями, А.А. Спицын отметил их своеобразие. Исследователь допускал возможность притока в этот регион населения как с Чепцы, так с Ветлуги и Волги [Спицын А.А. 1893. С. 144], поэтому при аргументации вятского происхождения удмуртов стоит осторожнее ссылаться на А.А. Спицына, который, по всей вероятности, в этом случае имел в виду средневятские, а не пижемские памятники [Голдина Р.Д. 1999. С. 310]. Занимательны наблюдения А.А. Спицына за историческим типом местных народов. «Исторический тип черемис совершенно другой: черемисы тысячами клочков расселялись по Поволжью и всему Прикамью, так что за исторической судьбой их очень трудно следить. Они находятся в самых неожиданных отношениях к соседям» [Спицын А.А. 1893. С. 100]. Такая характеристика во многом объясняет особенности и трудности в изучении средневековой эпохи Марийского края, представленной малочисленными могильниками, небольшими селищами и городищами со слабыми культурными слоями.

В 30–е годы XX в. произошел новый толчок в историческом изучении Поволжья и Прикамья. Этому явлению в значительной мере способствовали широкие археологические изыскания, развернутые Комплексной антропологической экспедицией МГУ. Вышедшие в 30–е годы работы Ю.В. Готье (1930), А.В. Шмидта (1935), М.Г. Худякова (1935) являются обобщением известных археологических материалов и отличаются широкими историческими построениями по всем эпохам (от каменного века до средневековья). В них затрагиваются вопросы социально-экономической жизни, развития хозяйственных укладов и духовной культуры, этнической интерпретации и датировки археологических памятников.

Исследования Ю.В. Готье и А.В. Шмидта, их вклад в развитие исторической науки получили достойную оценку во многих трудах современных ученых.

Имя М.Г. Худякова долгое время незаслуженно замалчивалось в отечественной историографии, несмотря на то, что ряд исследователей использовали его наблюдения в своих исторических обобщениях.

Для изучения народов Поволжья исследования М.Г. Худякова представляют значительный интерес не только с историографической стороны. Многие из выдвинутых в них гипотез заслуживают пристального внимания и свидетельствуют о научной интуиции автора.

Ближе всего к теме нашего исследования работа «Очерк истории первобытного общества на территории Марийской области». На достаточно скудной источниковой базе автор произвел реконструкцию хозяйства средневековых мари, отметив развитие земледелия, скотоводства, высокий уровень литейного и кузнечного производства. Особый интерес вызывают выводы относительно этногенеза и этнической истории мари. В частности, с современными материалами согласуется утверждение М.Г. Худякова о том, что в древности на территории Волго-Вятского междуречья была распространена речь удмуртского типа [Худяков М.Г. 1935. С. 124]. В настоящее время не вызывает сомнения также датировка Мари-Луговского могильника IV–V вв. и его принадлежность пермоязычному населению [Худяков М.Г. 1935. С. 125]. Тезис М.Г. Худякова о том, что «группа марийского населения по своей материальной культуре, а также по языку междуобщинных, а затем и внутриобщинных сношений, крепко и прочно вошла в состав верхневолжских и волжско-окских племенных групп», в настоящее время подтверждается конкретным археологическим материалом. Конечно, нужно сказать, что исследователь значительно преувеличивал роль социально-экономического фактора в проявлении этнических особенностей народов, доходя до сомнительных рассуждений о разделении типов речи «на старую удмуртского облика» и «новую более прогрессивную – марийского облика». Несмотря на методологические особенности его исследований, обусловленные эпохой, схема исторического развития народов Волго-Вятского междуречья остается приемлемой и в настоящее время.

Первый из ученых, который вплотную занялся изучением археологических древностей марийцев, был А.П. Смирнов, выпустивший монографию «Археологические памятники на территории Марийской АССР и их место в материальной культуре Поволжья» [1949]. Основные положения указанной работы подробно развернуты и аргументированы конкретными материалами в «Очерках древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья» [Смирнов А.П. 1952. С. 161–174]. Характеристика марийской культуры на историческом фоне развития других финно-угорских этносов, торговые и культурные связи с народами раз-

личных языковых систем, уровень социально-экономического развития в сжатой форме раскрыты им в одной из глав коллективной монографии «Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР III–IX вв.» [Смирнов А.П. 1958-а]. Вопросы этнической истории марийского народа заняли значительное место также в монографии «Железный век Чувашского Поволжья» [Смирнов А.П. 1961], которая создавалась уже после образования Марийской археологической экспедиции, развернувшей широкие работы по изучению древней истории и культуры мари. Использование дополнительных, ранее неизвестных, источников при подготовке данного исследования позволило автору значительно расширить характеристику марийской средневековой культуры и высказать ряд новых интересных гипотез и предположений. Материалы с городищ Марийского Поволжья и Поветлужья также введены в Свод археологических источников, посвященный городецкой культуре [Смирнов А.П., Трубникова Н.Б. 1965]. К отдельным аспектам этнической истории марийского народа исследователь неоднократно обращался при решении спорных вопросов финно-угорской археологии [Смирнов А.П. 1957], а также в связи с рассмотрением проблемы этногенеза чувашского народа [Смирнов А.П. 1958].

В своих трудах А.П. Смирнов неоднократно отмечает, что марийский этнос «сформировался на базе более ранних племенных групп, населявших междуречье Волги – Вятки» и его представители «являются автохтонным населением края» [Смирнов А.П. 1949. С. 122]. Еще с эпохи раннего железного века левобережная часть Марийского Поволжья была занята ананьинской и последующей за ней пьяноборской культурами. «Правый же берег был занят иной культурой, известной под именем культуры городищ с рогожной керамикой...» [Смирнов А.П. 1949. С. 78] или городецкой культуры. Эти городища «в значительной мере близки аналогичным памятникам северо-западной части Чувашии, расположенным на участке между современными городами Чебоксары – Цивильск – Ядрин» [Смирнов А.П. 1952. С. 161]. Основу марийского этноса составили ананьинско-пьяноборские племена [Смирнов А.П. 1961. С. 125]. Говоря об ананьинской основе мари, А.П. Смирнов еще в 50-е годы подчеркивал отличие ананьинской культуры этого региона от культуры Средней и Верхней Камы. С появлением новых источников его идеи были развиты более подробно и превращены в стройную научную гипотезу А.Х. Халиковым и В.С. Патрушевым. Несмотря на ограниченность материала, автор сделал верное за-

ключение «о проникновении племен Правобережья в лесную зону левого берега Волги» [Смирнов А.П. 1949. С. 79]. По его мнению, первоначальная инфильтрация племен городецкой культуры в область левобережья прослеживается уже в начале н.э. и усиливается к середине I тысячелетия [Смирнов А.П. 1952. С. 169; Смирнов А.П., Трубникова Н.В. 1965. С. 9; Смирнов А.П. 1957. С. 26], достигая наибольшего размаха в VI–VII вв. н.э. [Смирнов А.П., Трубникова Н.В. 1965. С. 10]. Все дальнейшее развитие Марийского края связано с правобережным населением городецкой культуры. Пришельцы принесли в левобережье неорнаментированную плоскодонную керамику с примесью дресвы и шамота и обряд скорченного захоронения в пьяноборских могильниках на территории лесного Поволжья (Мари-Луговской могильник). Признавая роль правобережных племен в этногенезе марийского народа, А.П. Смирнов рассматривал их лишь в тесной взаимосвязи с местным населением. Тем самым он заложил основы теории о двухкомпонентном (правобережном и прикамском) составе марийского этноса.

Исходя из особенностей формирования марийского этноса, А.П.Смирнов убедительно объясняет своеобразие марийской культуры, которое проявляется, с одной стороны, в общности с культурой населения правобережного Поволжья, особенно мордовского, а с другой стороны – в сходстве с памятниками левобережья Вятки и бассейна р. Чепцы, т.е. с северной группой древних удмуртов. Границу между древними марийцами и удмуртами исследователь проводит по р. Вятке, отмечая при этом, что в X–XI вв. марийцы заходили на удмуртскую территорию вплоть до р. Чепцы. Подтверждением тому, по его мнению, явились городища пор-кары (марийские городки) [Смирнов А.П. 1952. С. 169) и могильник Бигер-Шай, расположенный в 14 км к западу от г. Глазова близ д. Адамской, который А.П. Смирнов считал марийским [Смирнов А.П. 1937; Смирнов А.П. 1952. С. 170–171].

Несмотря на скудность имеющихся источников, А.П. Смирнов уже тогда вполне справедливо отметил, что марийская культура имеет ряд различий в зависимости от географического расположения ее памятников. Основой для такого разделения послужил керамический материал из городищенских слоев. Городища в правобережной части Среднего Поволжья исследователь связал с культурой городищ рогожной керамики. На р. Вятке городища и могильники характеризуются наличием глиняных чаш с закругленным дном ананьинско-пьяноборского типа; ветлужские городища дают оба типа керамики с преобладанием плоскодонной посуды с

примесью шамота и дресвы. Разные культуры раннего железного века, составившие основу марийского этноса, определили разделение марийцев на две этнографические группы: горных и луговых [Смирнов А.П. 1952. С. 174].

Несмотря на выделенные локальные различия марийских памятников, А.П. Смирнов все же последовательно и обоснованно объединил их в одну культуру с общими чертами на всей территории Волго-Вятского междуречья. Особое значение при выделении самостоятельной культурной и племенной области исследователь отводил височным украшениям [Смирнов А.П. 1961. С. 129]. В вещевом комплексе он выделил серию вещей, имеющих широкие аналогии с муромскими, а особенно с мордовскими древностями. Другая группа украшений (ажурные украшения полуовальной формы, подвески с изображениями коней с сильно изогнутыми шеями, подвески-всадницы и т.д.) отличается от поволжских и стоит близко к камским. Сходство с мордовскими и удмуртскими племенами он объяснил тесными взаимоотношениями и родственными связями. Отмечая всесторонние связи марийских племен с соседями, А.П. Смирнов предостерегал от преувеличения роли этих связей, полагая, что марийская культура оставалась долгое время достаточно замкнутой системой. По его мнению, проникновение многих вещей из Руси, Скандинавии и других регионов в марийскую среду осуществлялось через ближайших соседей, внедрение большого количества булгарских вещей и восточных монет происходило в результате булгарской торговли, получившей в эпоху средневековья широкое развитие благодаря Волжскому торговому пути.

Анализируя погребальный обряд древних марийцев, А.П. Смирнов неоднократно обращал внимание на появление обряда кремации и пытался дать научное объяснение этому явлению. Считая его чуждым местным похоронным традициям, А.П. Смирнов вначале предполагал привнесение трупосожжения с Вычегды [Смирнов А.П. 1958-а. С. 662]. Обратив внимание на сходство сожжений Средней и Нижней Оки со славянскими [Смирнов А.П. 1957. С. 30], исследователь впоследствии связал появление этого обряда в марийских могильниках с воздействием на местные племена населения культуры «полей погребальных урн» типа Рождественского могильника [Смирнов А.П. 1961. С. 128].

А.П. Смирнов попытался дать ответ на важный для этнической истории марийского народа вопрос об идентичности мари и мери. Его вывод, сделанный на разрозненном археологическом материале о том, что это два различных народа, впоследствии был неодно-

кратно подтвержден широкими исследованиями Г.А.Архипова, А.Е.Леонтьева и др.

Значительный интерес для последующих работ представляет его тезис о преемственности древнемарийских могильников с культурой марийского населения XVI–XVII вв. При обосновании этого положения А.П. Смирнов впервые ввел в научный оборот, в качестве археологических источников, материалы могильников XVI–XVII вв., значительно расширив возможности научного поиска истоков культуры марийского народа. Изучение поздних могильников способствовало и более полному сравнительному анализу этнографических материалов и археологических древностей, построению ретроспективных моделей по отдельным элементам культуры, изучению эволюции украшений и обрядов; позволило более подробно характеризовать отдельные этнографические группы и конкретизировать территорию их обитания, выявить закономерности исторического развития.

Особенно много внимания А.П. Смирнов уделял реконструкции социально-экономического строя финно-угорских народов. Им был впервые произведен всесторонний анализ хозяйственной деятельности финно-угров Поволжья, в том числе и древних марийцев, выявивший комплексный характер ведения хозяйства и развитые социальные отношения, соответствующие уровню предклассового общества [Смирнов А.П. 1952. С. 168–169].

Несмотря на то, что большинство взглядов А.П. Смирнова относительно истории марийского народа изложены в тезисной форме и многие из них были построены на немногочисленных источниках, они обозначили основные проблемы в этом направлении, указывали пути их решения и явились основополагающими для последующих разработок марийских археологов.

В 50–е годы к вопросам средневековой истории мари обратился О.Н. Бадер. На материалах ветлужских городищ, раскопанных одним из отрядов Комплексной антропологической экспедиции, им «изучены черты и особенности последовательных изменений в процессе развития культуры Поветлужья на протяжении эпохи металла вплоть до времени сложения современных мари и проникновения русских в Поветлужье» [Бадер О.Н. 1951. С. 149]. На основе четко зафиксированной стратиграфии культурных слоев и залегания находок, особенно на Одоевском городище, О.Н. Бадеру удалось установить, что в начале I тысячелетия н.э., вероятнее всего в III в. н.э., в Поветлужье произошла смена культурных форм, связанная с проникновением «в область левобережья правобережных племен»

[Бадер О.Н. 1951-а. С. 31]. Ярким показателем этого процесса, по его мнению, является изменение керамических традиций: место круглодонной керамики пермского облика заняла плоскодонная посуда с примесью шамота. О.Н. Бадер характеризовал культуру племен, оставивших верхние слои ветлужских городищ, как марийскую. Недостаточная в типологическом отношении разработанность керамики, ограниченность источников привели О.Н. Бадера к ошибочному выводу о расселении марийцев также на Унже. Вывод был основан на чисто внешнем сходстве керамического материала ветлужских городищ с ухтубужским [Бадер О.Н. 1951. С. 155]. Широкие стационарные исследования на Ухтубужском городище, проведенные А.Е. Леонтьевым [Леонтьев А.Е. 1989] и Е.А. Рябининым [Рябинин Е.А. 1989], доказали бесспорную принадлежность этого памятника, и региона в целом, мерянской культуре. Поддерживая высказанную А.П. Смирновым точку зрения об участии правобережного населения в формировании мари, О.Н. Бадер не видел в этом процессе роли ананьинско-пьяноборских племен и предполагал сложение мари не на городецко-азелинской основе, как А.П.Смирнов, а на дьяковской [Бадер О.Н. 1951-а. С. 31]. В то же время он вслед за А.П. Смирновым вполне справедливо отметил сходство керамики ветлужских городищ с находками северо-западной Чувашии [Бадер О.Н. 1951-а. С. 33].

Изучение средневековой археологии Марийского края тесно связано с именем А.Х. Халикова. На основе обобщения полученных в результате активной полевой работы материалов исследователь подготовил серию научных статей по истории и культуре средневекового марийского населения, в которых осветил вопросы этногенеза и этнической истории, социального, экономического, культурного развития марийцев, раскрыл особенности их взаимодействия с соседними народами. Эти проблемы интересовали А.Х. Халикова на протяжении всей творческой деятельности. Его перу принадлежат глава 1 и значительная часть главы 2 «Очерков истории Марийской АССР», в которых освещены древние этапы истории, а также период развития и возникновения феодальных отношений [1965]. К теме марийского этногенеза исследователь обращался и в последних работах [Халиков А.Х. 1991; 1992]. Опираясь на комплексное изучение археологических, топонимических, этнографических, фольклорных материалов и исторических источников, А.Х.Халиков считал, что формирование марийского этноса происходило в Среднем Поволжье от Поветлужья на западе до Волго-Вятского междуречья на востоке, а также в прилегающих районах

правобережья Волги, а в основе древнемарийского этноса лежит послеананьинский субстрат. Таким образом, сложение основ древнемарийской народности началось еще в VII–VI вв. до н.э. По его мнению, уже в раннеананьинской среде оформляются отдельные характерные черты материальной и духовной культуры прамарийских племен, которые проявились в особенностях одежды и погребального обряда. Исследователь предлагает следующую картину этногенеза марийцев: а) «основу древнемарийского этноса составили западные группы позднеананьинского (азелинского) населения, имеющие в своей культуре городецко-дьяковские элементы; б) основа горных марийцев – племена, растворившие значительное число городецко-дьяковских элементов, что и объясняет относительную близость к другим группам волжских финнов...; в) основу луговых марийцев составили азелинские и близкие им западные послеананьинские племена при минимальном участии позднегородецкого населения» [Халиков А.Х. 1991. С. 63]. При этом А.Х. Халиков признавал определенное воздействие южных ираноязычных племен.

В последующих работах азелинские племена он называл протомарийцами [Халиков А.Х. 1989].

С темой этногенеза тесно связан вопрос о разделении марийского этноса на этнографические группы. А.Х. Халиков писал о наличии двух, если не трех, внутренних подразделений древнемарийских племен Поволжья, Поветлужья и Вятского бассейна, объединенных в древнемарийскую соплеменность под общим именем «черемиса» [Халиков А.Х. 1976-а]: памятники правобережья Волги, по его мнению, оставлены горными марийцами; Поветлужья – северо-западной группой марийцев, а Волго-Вятского междуречья – луговыми [Халиков А.Х. 1991]. Могильники в правобережье Вятки: Юмский (Загребинский), Лопьяльский, Кочергинский он признал марийскими, но отметил их своеобразие по отношению к другим синхронным древнемарийским памятникам. К числу особенностей отнес отсутствие сложных головных венчиков на твердой основе и однообразие височных украшений и гривен (один тип височных колец с головкой и колбочкой и гривны глазовского типа), нагрудные – подвески с треугольным щитком, круглодонную керамику из глины с примесью толченой раковины или органики, преобладание северо-восточной ориентации погребенных.

Отмечая серию отличий в волжских, ветлужских и вятских могильниках, А.Х. Халиков видел их истоки в древних традициях населения раннего железного века.

По его мнению, формирование этнических основ марийского народа завершилось к IX–XI вв. К этому времени марийский этнос находился на стадии разложения родоплеменной организации, характеризующейся отношениями военной демократии при выделении больших патриархальных семей [Халиков А.Х. 1976]. Марийцы вели комплексное хозяйство, сочетавшее земледелие, скотоводство, охоту, рыболовство и т.д. Характеризуя кузнечное, ювелирное, косторезное дело, изготовление глиняных изделий и шерстяных тканей, он отметил достаточно высокий уровень ремесленного мастерства у марийских племен [Халиков А.Х., Безухова Е.А. 1960].

Рассматривая марийский этнос на фоне родственных или близких по территории племен и народов, исследователь отметил особенности взаимоотношений с каждым из них: генетические связи с мерей и муромой; родственно-соседские – с мордвой и прикамскими финнами; культурные и торговые – с булгарами; политические – с хазарами. Особое внимание исследователь уделил изучению контактов с тюркоязычным миром, происходивших в азелинское время через андреевско-писеральские племена, а также с балтоязычным именьковским населением середины I тысячелетия н.э.

Все исследования А.Х. Халикова отличаются оригинальной постановкой проблем и смелостью их решения, вызывающей острые дискуссии. Они, без сомнения, представляют значительный интерес для историографов и являются существенным вкладом в изучение средневековой истории марийского народа.

Значительный вклад в изучение ранних этапов этнической истории и материальной культуры марийского народа внес Г.А.Архипов. Являясь последовательным учеником А.П.Смирнова, Г.А.Архипов на протяжении всей своей жизни продолжал развивать взгляды своего учителя по проблемам этногенеза марийского народа. В 1965 году на сессии по происхождению марийского народа Г.А. Архипов впервые озвучил свою концепцию по этногенезу мари: в V–VII вв. ядро древних мари формируется в Ветлужско-Вятском междуречье на основе городецко-азелинского субстрата, доказательством чего являются Мари-Луговской, Младший Ахмыловский могильники и Кубашевское городище. Этот тезис впоследствии неоднократно аргументировался и дополнялся в многочисленных статьях и монографических исследованиях [Архипов Г.А. 1968; 1973; 1976; 1982-а; 1985].

Существенным прорывом в изучении средневековой культуры марийского населения стала кандидатская диссертация Г.А. Архипова и на ее основе подготовленная монография «Марийцы IX–XI

вв.» [Архипов Г.А. 1973]. В этой работе сформулированы основные положения по этнической истории марийского народа и впервые, в полном объеме, дана характеристика духовной и материальной культуры древних мари. На обширном полевом материале автору удалось выделить этнические признаки марийской культуры в погребальном обряде, украшениях и инвентаре, а на основе сравнительного анализа всех древнемарийских могильников наметить локальные особенности средневековых памятников. Конкретизируя тезис о происхождении марийцев на базе азелинского и городецкого компонентов, он писал, что «городецкая культура явилась основой формирования горных марийцев. Формирование же луговых марийцев произошло в результате взаимоассимиляции городецких и азелинских племен». На основе выделенных характерных черт марийской культуры автор сделал верное заключение о том, что марийская культура эпохи средневековья занимает промежуточное положение в среде пермских и волжских финнов.

Логическим продолжением данного исследования явилась следующая монография Г.А. Архипова «Марийцы XII–XIII вв.», в которой автор аргументирует преемственность памятников XII–XIII вв. с древнемарийскими могильниками IX–XI вв. и на этом основании относит их к марийскому этносу [Архипов Г.А. 1986]. Отмечая близость погребального инвентаря марийских могильников XII–XIII вв. с памятниками Костромского Поволжья, к сожалению, автор недостаточно внимания уделил этим фактам, упрощенно объясняя их многовековыми контактами населения междуречья рек Костромы, Унжи и Поветлужья, а появление славянских вещей в могильниках XII–XIII вв., по его мнению, указывает пути и характер продвижения славян в сторону Поветлужья.

Развивая теорию этногенеза марийцев, в 1985 году Г.А. Архипов высказал гипотезу о том, что с III–IV вв. н.э. в тесный контакт с азелинцами вошли не городецкие племена, а потомки ахмыловского населения [Архипов Г.А. 1985. С. 21].

Несмотря на то, что основные работы исследователя были написаны по материалам могильников, Г.А. Архипов в своих публикациях вводит в научный оборот и результаты раскопок на городищах. Комплексное использование различных категорий источников позволило ему поднять и частично осветить вопросы хозяйства, культурных связей, ремесленные традиции и проблемы социального развития средневекового марийского общества.

Концепция формирования и исторического развития марийского этноса в эпоху средневековья в наиболее полном виде изложена

в докладе Г.А. Архипова, представленном на соискание ученой степени доктора исторических наук [Архипов Г.А. 1991]. Включение новых источников в орбиту научного исследования данной проблемы позволило ему углубить и развить ряд положений. В частности, к марийскому населению, говорящему на северо-западном наречии, он отнес Худяковский могильник [Архипов Г.А. 1991. С. 16], тем самым значительно удревнил разделение марийцев на этнографические группы. Автор обратил более пристальное внимание на определение места марийцев на карте этнического расселения финно-угорских народов и на характер взаимоотношений не только с финно-уграми, но также с тюркскими и славянскими этносами.

Материалы по средневековой археологии мари до 80–х годов суммированы Л.А. Голубевой в разделе «Марийцы» серийного издания «Археология СССР» [Голубева Л.А. 1987]. Результаты последующих исследований в сжатой форме нашли обобщение в разделе «Мари» коллективной монографии «Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века» [Никитина Т.Б. 1999-б].

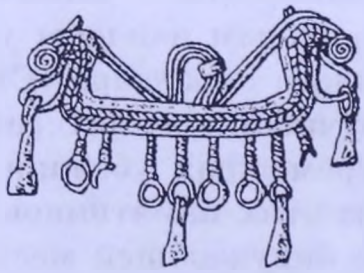
Следует остановиться также на научной позиции Р.Д. Голдиной и ее учеников, прежде всего Н.А. Лещинской. Рассматривая исторические судьбы населения Вятского края, они объединили памятники этого региона VI–IX вв. в еманаевскую культуру [Голдина Р.Д. 1999. С. 311], а IX–XI вв. – в кочергинскую [Голдина Р.Д. 1999. С. 325], связав обе культуры с древнеудмуртским этносом. Судя по картам расселения народов, опубликованным Р.Д. Голдиной в монографии «Древняя и средневековая история удмуртского народа» [1999], Ветлужско-Вятский регион занят целиком, включая правобережье Ветлуги, удмуртами. Марийцы появляются не ранее X в. только в районе Марийско-Чувашского Поволжья, а Вятский бассейн остается за удмуртами вплоть до XIII в.

Различные стороны взаимоотношений марийского и удмуртского этносов в контактной зоне бассейна р. Вятки на материалах могильников XVI–XVIII вв. рассмотрены в статьях И.Г. Шапран [Шапран И.Г. 1987; 1995].

Вопросы этногенеза марийского народа и отдельные аспекты культуры затрагивались в сжатой форме в трудах В.Ф. Генинга [Генинг В.Ф., 1963; 1967-б], Ю.А. Зеленеева [Зеленеев Ю.А. 1988], А.В. Уткина [Уткин А.В. 1999], О.В. Букиной [Букина О.В. 1998], А.В.Михеева [Михеев А.В. 2000]. При решении проблемы формирования марийского этноса к археологическим материалам неоднократно обращались лингвисты [Галкин И.С. 1988; 1995; Казанцев Д.Е. 1985] и этнографы [Козлова К.И. 1978].

Вопросы средневековой истории марийского народа, начиная с эпохи раннего средневековья по XVII в. включительно, материальная и духовная культура мари, хозяйственные отношения, преемственность памятников различных хронологических периодов в различной степени освещены в ряде работ автора настоящего исследования [Никитина Т.Б. 1992; Архипов Г.А., Никитина Т.Б. 1993; Никитина Т.Б. 1999, 1999-а]. В монографии «Марийцы XVI–XVII вв.» на основе классификации и типологии различных категорий вещей и погребального инвентаря выделены особенности марийской культуры этого периода, определено место марийских могильников среди синхронных древностей Поволжья и Прикамья, обозначены локальные особенности марийских памятников.

Таким образом, различные стороны культуры и некоторые аспекты средневековой истории марийцев уже неоднократно освещались в научных разработках. По отдельным периодам имеются монографические исследования. В настоящей работе марийский этнос и культура впервые рассматриваются не на отдельном временно́м отрезке исторического пути, а в сравнительном плане, что позволяет осветить многие вопросы по-новому и открывает дополнительные возможности для решения этнических проблем. Предыдущие исследования подготовлены, в основном, на материалах могильников. Городища и селища, к сожалению, не привлекали должного внимания исследователей. Использование этих источников в данном исследовании дало дополнительную существенную информацию для освещения материальной культуры, социально-экономических процессов и производственных традиций.

ГЛАВА 2
ГОРОДИЩА И СЕЛИЩА

В настоящее время на территории Марийского Поволжья, нижнего и среднего течения р. Ветлуги, на правобережье среднего течения р. Вятки и нижнего течения р. Суры известно 48 городищ (табл.1) и 59 селищ (табл. 2) второй половины VI–начала XV вв.

§ 1. Топография памятников и система расселения

При выборе мест для устройства как городищ, так и селищ большое значение имел характер ландшафта, рельеф и направление основных путей сообщения. Поэтому все памятники эпохи средневековья связаны с открытыми водоемами. Значение реки в рассматриваемый период определяется типом хозяйства: это основная транспортная артерия, источник воды и питания в виде рыбы, наличие пойменных лугов, необходимых для скотоводства.

В расположении городищ наблюдается следующая закономерность: на больших реках или в непосредственной близости от них на протяжении всей средневековой эпохи располагаются памятники со значительным культурным слоем (Кубашевское, Ардинское, Сомовские I и II, Важнангерское – Мало-Сундырское и др.), в то время как по мелким притокам найдены укрепленные городища I тысячелетия н.э. временного характера (Старосельское, Ернурское, Юшковское и т.д.), получившие в литературе условное название городищ-убежищ или временных убежищ [Смирнов А.П. 1949. С. 84]. Площадки многих из этих памятников имеют незначительную высоту по отношению к окружающей местности, легкодоступны и не представляют серьезных убежищ на случай военных действий (Ернурское – 6 м, Старосельское – 4 м, Игисолинское – 3 м). Культурный слой на таких памятниках отсутствует или имеет очень незначительные отложения, но площадки обладают системой укре-

плений в виде земляных валов и рвов. Необходимы активные разведки по малым притокам в поисках мест постоянного жительства населения, оставившего эти городища, и их стационарное исследование для выяснения функционального назначения подобных памятников.

Городища располагаются на высоких коренных береговых террасах. Они занимают мысы, образованные оврагами или изгибом террасы, а также впадением малых речушек или ручьев в основную водную артерию (прил. 2, рис. 1). У жителей окрестных деревень эти места известны под названием «курган», «орла нер» (с мар. – «чертов нос» или «чертов мыс»), «карман нер» (с мар. – «крепость на мысу»). На 16 городищах VI в. – начала II тысячелетия н.э. (Сомовское II – VII в. н.э., Ардинское – VI в. н.э., Чортово – VI–VII вв.н.э., Васильсурское II – X–XII вв. н.э. и т.д.) известны слои или отдельные находки раннего железного века, оставленные населением ананьинской культуры. Но ни в одном случае мы не наблюдаем преемственности культурных традиций.

Размеры городищ различны и колеблются от 600 кв. м (Русенихинское I тысячелетия н.э.) до 56 700 кв. м (Важнангерское – Мало-Сундырское XIII–XV вв. н. э.). Наиболее часто встречаются площадки городищ в пределах от 1 000 до 4 000 кв. м; памятники с площадью более 50 000 кв. м представлены всего 2 городищами: Барковским рубежа I–II тысячелетия н.э. и Важнангерским (Мало-Сундырским) XIII–XV вв. н.э.

Мысы, занятые под городища, имеют подтреугольную – 80,0%, реже подчетырехугольную – 15,6% (Барковское, Русенихинское, Осиновское, Старосельское, Большетанаковское) формы (табл. 1; прил. 2, рис. 1, 3, 7, 10, 16). В двух случаях (Владимирское рубежа I–II тысячелетия н.э., Успенское середины II тысячелетия н.э.) информация о форме не сохранилась. Боковые склоны круты для подъема, со стороны стрелки подъем более пологий, на 4-х городищах (Сомовское II, Красное Селище I, Иванова Гора, Важнангерское–Мало-Сундырское) имеются небольшие выступающие, достаточно ровные, пригодные для жилья площадки (прил. 2, рис. 3). Для сооружения городищ использовались в равной степени мысы с ровными площадками и покатые мысы (Пайгусовское, Малахайское, Юльяльское, Васильсурское II, Красное Селище I, Ижевское, Русенихинское, Одоевское, Верхнерегежское, Еманаевское). Стремясь сделать их более удобными для устройства жилья, марийцы дополнительно подсыпали, иногда искусственно расширяли пло-

щадки. Выравнивание поверхности и расширение пригодной для жилья площадки, произведенные в древности за счет мощной подсыпки со стороны склонов, обнаружены на Сомовском II городище. Стратиграфические наблюдения при раскопках этого памятника показали, что в период функционирования городища здесь были проведены небольшие строительные работы, связанные с нивелировкой поверхности (прил. 2, рис. 6). Первоначально площадка представляла собой более узкий мыс, повышающийся к стрелке. С целью расширения жилой площади древние обитатели подсыпали склоны и предвальную часть. Предварительно растительность на поверхности склонов была выжжена, о чем свидетельствует углистая прослойка, зафиксированная в профилях. Подсыпка, представленная горизонтом серого рыхлого суглинка толщиной до 80 см, дополнительно укреплялась камнями, беспорядочно набросанными широкой полосой вдоль склонов. Определенной системы в расположении камней, позволяющей считать их остатками каменной стены, нет. Грунт для подсыпки брали как с площадки мыса, так и из рва, чем и объясняется его большая глубина.

На Кубашевском городище жилая площадка также несколько удлинена за счет земляной подсыпки. Работы проведены после того, как были разрушены первые оборонительные сооружения, и затем на ней был сооружен второй (верхний) ярус укреплений [Отчет Мар АЭ за 1958 год].

Анализ материалов и распределение остатков материальной культуры на городищах свидетельствуют о том, что на стрелках мысов в основном сосредоточены производственные мастерские, а ближе к валам располагались жилые сооружения.

Значительная часть селищ I тысячелетия н.э. располагалась на невысоких надлуговых террасах – 50% (Шунангерское I, Мазарское и т.д.) (прил. 2, рис. 2-*Б*) или на возвышенностях около стариц или озер в пойме крупных рек – 30% (Майданское I, Ахмыловские, Юринское и т.д.) и представлена небольшими поселениями со слабым культурным слоем (прил. 2, рис. 2-*В*). Площадки селищ имели четкие естественные границы с одной или нескольких сторон. Селища на высоких коренных террасах в этот период единичны – 2 памятника (Носельское I, Шунангерское II селища).

Аналогичная картина сохраняется и на рубеже I–II тысячелетий н.э. Селища на дюнных всхолмлениях в поймах рек (55%) и на первых надпойменных террасах (33,3%) остаются преобладающими (табл. 2).

Небольшие поселения вблизи рек и пойменных лугов удобны для мотыжного земледелия, скотоводства и рыболовства.

Подавляющее большинство селищ XII–XV вв. располагается на мысах коренных террас (65,4%), где расселяется основная масса земледельческого населения (Носельские II и III, Важнангерское, Сауткинское, Красноселищенское IV и т. д.) (прил. 2, рис. 2-*А*, 19–*А*). «Каждая деревня построена при нарочитой реке, или на речке, или озере, а при том поблизости к пашням» [Миллер Г.Ф. 1781. С. 7], и «незримы, еще и по близку ходящим» [Курбский А.М. 1833. С. 18]. Поселения на дюнах встречаются в качестве исключения. Три таких селища (Удельно-Шумецкое II, Волоконное, Галанкина Гора II) расположены в пойме левого берега р. Волги и принадлежали, вероятно, одному кусту населения.

Система расселения во II тысячелетии н.э. имела более сложное строение, чем в предшествующую эпоху. Важным элементом в системе расселения становятся крупные кусты поселений. Центром таких кустов являются городища, вокруг которых располагались, как правило, несколько селищ («понеже у них села при великих крепостях ставлены») [Курбский А.М. 1833. С. 18], места производственной деятельности, погребений и молений.

Примером такого расселения является Важнангерское (Мало-Сундырское) городище и его округа в устьевой части рек Малый и Большой Сундыри, объединяющее Носельские II и III, Важнангерское, Шартнейское, Яндушевское, Ключевское, Сауткинское селища, Юльяльские селище и кузницу, Важнангерский жертвенник (рис. 6; прил. 2, рис. 64 – №№ 7–16).

Важнангерское (Мало-Сундырское) городище, выполняющее, очевидно, роль регионального центра сельской округи, расположено в 600 м к северо-востоку от д. Важнангер Горномарийского района на высокой правобережной террасе р. Волги на стрелке, образованной правым берегом р. Волги и левым берегом р. Малый Сундырь. Площадка имеет неправильную форму. Длина площадки с запада на восток 270 м, ширина у вала 270 м, а ближе к мысу – 150 м. Общая площадь 56700 кв. м. Северо-восточный склон со стороны Волги возвышается на 78 м над поймой р. Волги, юго-западный склон и мысовая часть имеют высоту 71 м от поймы р. Малый Сундырь. С напольной стороны имеются вал дугообразной формы и ров. Современная высота вала 120 см, глубина рва от верхушки вала 200 см, с напольной площадки – 110 см. Почти по центру вала заметен проезд шириной 10 м (прил. 2, рис. 16).

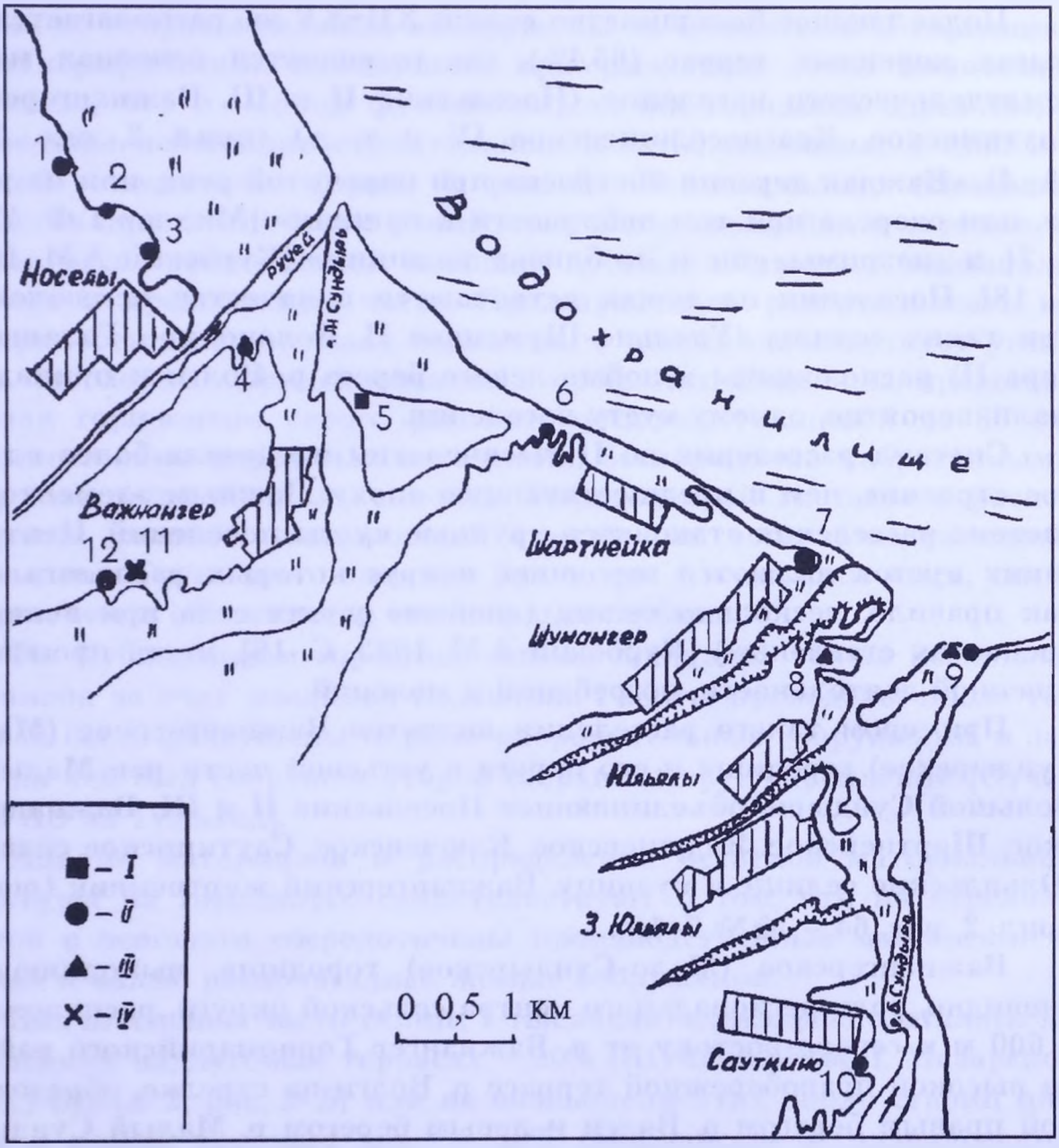

Рис. 6. **Карта памятников середины II тыс. н.э.**

1 – Ключевское селище; 2 – Носельское II селище; 3 – Носельское III селище; 4 – Важнангерское селище; 5 – Важнангерское (Мало-Сундырское) городище; 6 – Шартнейское селище; 7 – Шунангерское селище; 8 – Юльяльское городище и кузница; 9 – Юльяльское селище и торговая пристань; 10 – Сауткинское селище; 11 – Важнангерский жертвенник; 12 – Яндушевское селище.

I – городище; II – селище;

III – производственный или торговый центр;

IV – мольбище.

Местное население называет гору, на которой расположен памятник, «Аламнер» (мар. – «город на мысу») или «Сторожевая Гора».

Благодаря раскопкам Р.В. Чубаровой, Г.А. Архипова, Т.А. Хлебниковой и автора данной работы, на городище вскрыта площадь около 2000 кв. м и изучены объекты хозяйственного назначения, фрагменты сосудов, жернова, ножи, пряслица, наконечники стрел, замки, ключи, монеты и т.д.

Вокруглежащие селища расположены друг от друга на расстоянии 0,5 – 1,7 км. Общая протяженность заселенной вдоль Волги полосы составила 9 км, удаленность от Волги на расстоянии 4 км. Селища и другие объекты находились от Важнангерского (Мало-Сундырского) городища в радиусе максимального удаления на 4–5 км.

Все селища имели небольшую площадь. Исключение составляет Важнангерское селище, на котором находки распространены на площади 140 х 60 м. Указанное селище в течение многих лет распахивается, в результате чего культурный слой почти полностью уничтожен, а материал растащен на значительном расстоянии. Очевидно, что первоначальные размеры селища были значительно меньшими.

Заметно отличается Юльяльское селище, сохранившаяся площадь которого составляет 120 х 20 м (прил. 2, рис. 20). По сведениям местных жителей, значительная часть волжского берега в районе расположения селища смыта водами Чебоксарской ГЭС. Отлична от остальных и топография поселка: он был расположен на первой надпойменной террасе р. Волги. Своеобразие селища объясняется иным функциональным назначением; рекогносцировочные раскопки и подъемный материал позволили интерпретировать этот памятник как торговый поселок.

Судя по размерам, на таких селищах располагалось не более 3 усадеб. Эти материалы вполне согласуются с описаниями путешественников и этнографов. «Черемисские деревни очень малы, и по большей части состоят из двух токмо или трех дворов», – свидетельствует Г. Миллер [Миллер Г.Ф. 1781. С. 7]. «Селились черемисы только по 2 или 3 семьи в одном месте, выбирали поляны в лесах, места около речек и ручейков, вырубали лес и строили себе жилища» [Троицкая Н. 1893. С. 66].

Для организации производственной деятельности использовались наиболее безопасные и удобные места, в том числе городища более ранних эпох с существующими на них валами (Юль-

яльская и Сиухинские кузницы на более ранних городищах). Не случайно Юльяльская кузница расположена ближе к торговой фактории.

Подобно единым крепостям население округи имело свои общие места молений. В глубине оврагов скрытые от постороннего глаза «... есть же у черемисы и во всяком дитрихте по особой Керемети, в которую по 10, 20 деревень и более жители в одно время в годовые большие праздники собираются» [Миллер Г.Ф. 1781. С. 45]. Местом моления жителей Важнангерской (Мало-Сундырской) округи был Важнангерский жертвенник, расположенный на мысу между оврагами на площади 80 х 24 м. В результате раскопок в 1984 году на памятнике обнаружены несколько кострищ (одно центральное диаметром 5 м и четыре меньшего диаметра вокруг него), фрагменты черепов лошади и слой жженых костей [Данилов О.В. 1989]. О. В. Данилов предполагает, что Важнангерский жертвенник был местом моления жителей одной небольшой деревушки. Толщина культурного слоя (до 40 см), его устройство (несколько очагов) и размеры (нужно учитывать, что часть жертвенника уничтожена обрывом) свидетельствуют об использовании мольбища не только представителями одной деревни, тем более если деревня состояла всего из 1–3 дворов. Вероятно, здесь было место общинного моления жителей всей округи. Кроме того, существовали и места молений около каждой деревни, но о них сохранились лишь скудные сведения. Например, напротив Сауткинского селища на невысокой террасе правого берега р. Большой Сундырь и на валу Юльяльского городища также зафиксированы места древних языческих молений марийцев. Обилие жженых порубленных костей животных свидетельствует о свершенных здесь жертвоприношениях. Но отсутствие вещественных материалов, к сожалению, не позволяет датировать эти мольбища; отнести их к интересующему нас периоду можно лишь условно.

Аналогичная картина расположения памятников развитого средневековья наблюдается и в других районах расселения мари. Большая группа населения проживала в устье р. Суры, где также зафиксировано несколько памятников: Васильсурское V городище Репище, селища около п. Васильсурск и у д. Красное Селище (прил. 2, рис. 64 – №№ 18–25). Скопление селищ вокруг городища наблюдается на левом берегу у д. Починок – Юрино – Сутыри в междуречье Ветлуги и Дорогучи (прил. 2, рис. 64 – №№ 47–53), а также на северо-востоке современной Республики Марий Эл в бассейне р. Вятки: Шорсолинское городище и несколько селищ (Олминское,

Староюледурское, Руссколяждурское, Актуганское селища, Бадьинское селище и кузница) (прил. 2, рис. 64 – №№ 47–53).

Групповое расселение было обусловлено удобствами ведения хозяйства и особенностями социального устройства марийского общества, и каждое родственное гнездо представляло патронимическую группу. Стремление селиться патронимическими группами «вокруг своих родственников, без всякого порядка, лишь бы им быть около своих» [Семенов Т. 1893. С. 35] у марийцев сохранилось вплоть до XIX в.

§ 2. Оборонительные сооружения

Строительство оборонительных сооружений требовало значительных усилий, поэтому при использовании достаточно ограниченного набора строительных приемов создание оборонительной системы носило индивидуальный характер. Облик укрепления определялся как конкретными топографическими условиями, так и имевшимися в распоряжении строителей человеческими и материальными ресурсами, возможностью использовать укрепления более ранних эпох, индивидуальными способностями производственных коллективов. Стараясь максимально использовать рельеф местности, древние строители выбирали для городищ мысы с крутыми боковыми склонами, представляющими трудность для подъема. С напольной незащищенной стороны площадки городищ дополнительно укреплялись системой валов и рвов.

В большинстве случаев вал имеет дугообразную форму – 62,5% (табл. 1; прил. 2, рис. 1–*Б, Г;* 7). К дугообраной форме приближается насыпь валов на Пайгусовском I тысячелетия н.э. и Красноселищенских рубежа I–II тысячелетия н.э. городищах (прил. 2, рис. 1–*А*). Их отличительной особенностью является заметное повышение вала к центру таким образом, что образуется кокошник. В отчетах и публикациях предшественников они названы кокошниковидными валами, но отличия от дугообразных будут условными.

В том случае, если площадка городища с напольной стороны имеет узкую перемычку, вал приобретает форму шишки или кургана. Шишкообразные валы обнаружены в 7 случаях на городищах I тысячелетия н.э. (Сомовское II, Анинское, Васильсурское II, Юльяльское, Одоевское, Кубашевское, Юшковское) (прил. 2, рис. 1–*В;* 3).

Два шишкообразных вала обнаружены на Малахайском городище. Почти во всех указанных случаях на городищах (исключение – Юшковское), кроме средневековых слоев, обнаружены находки и слои эпохи раннего железного века. Траншеи, перерезающие валы 4-х из указанных городищ, свидетельствуют о том, что первоначально валы были сооружены в эпоху раннего железного века, а в средневековый период подсыпались дополнительно.

В исключительных случаях существовала иная, более сложная система оборонительных укреплений. Иногда валы и рвы устраивались с двух сторон площадки: с южной и северной (Осиновское, Чортово городища I тысячелетия н.э.). В обоих случаях площадки городищ имели подчетырехугольную форму. На Барковском, Старосельском, Ашиязском рубежа I–II тысячелетия н.э., Важнангерском (Мало-Сундырском) XIII–XV вв., Шорсолинском середины II тысячелетия н.э. городищах вал имел проезд (прил. 2, рис. 1–*Г;* 16). Васильсурское V городище Репище с напольной стороны защищено 2 параллельными дугообразными валами и 2 рвами (прил. 2, рис. 10–*А*). Сомовское I, Иванова Гора и Звениговское городища имеют тройную линию валов и рвов.

Для бесспорной реконструкции системы укреплений на городищах в настоящее время информации явно недостаточно. Валы и рвы изучены лишь на 15 городищах и, как правило, неширокими траншеями, что позволяет сделать лишь условную реконструкцию укреплений поверх вала. Однако, даже по той скудной информации, которую удалось собрать, все же очевидно, что для укрепления вала использовали дополнительные сооружения.

Земляные насыпи в основании укреплены глиной или камнями. Под валами на Васильсурском V городище Репище зафиксировано большое количество глиняной обмазки, которая была предназначена, очевидно, для укрепления основания насыпи. В период подготовки площадки для строительства оборонительных сооружений жители провели чистку поверхности и выжигание дернового слоя. Прослойки золы, угля и прокала у подошвы хорошо зафиксированы в стратиграфии вала. Аналогичная картина наблюдалась и на других памятниках.

Возможно, в будущем при изучении валов более широкой площадью удастся выявить характер этих укреплений.

На 4-х городищах на валу заметны остатки укрепления в виде деревянных сооружений.

Следы укреплений отчетливо заметны на Богородском и Шилихинском городищах I тысячелетия н.э. По материалам Богород-

ского городища В.Е. Стояновым произведена реконструкция стены, состоящей из двух рядов плетня и каменной забутовки. Внутренний плетень (первый ряд ям) имел вертикальные, судя по диаметру ямы, массивные столбы, вкопанные в землю. Столбы внешнего плетня (второй ряд) вбивали вертикально в насыпь. Столбы того и другого ряда заглублены на 50–75 см. Наибольшая ширина стены соответствовала центральной части вала и составляла 1,5–1,8 м. Ширина у оконечностей сужалась до 0,6 м. Проход шириной около 1,5 м располагался в наиболее широкой части стены, ближе к ее западной оконечности. Массивная бревенчатая створка, закрывавшая проход, очевидно, передвигалась по пазам, образованным двумя рядами столбов второго ряда [Архипов Г.А. 1982-б. С. 14].

В целом, с предложенной реконструкцией оборонительной линии следует согласиться с одним очень существенным уточнением. Крепостное укрепление состояло, вероятно, не из двух рядов плетня и каменной забутовки, а из двух рядов дощатых или бревенчатых стен, зажатых между столбами. В пользу второго предположения свидетельствуют записи в отчете и толщина бревен, от которых остались столбовые ямки. Судя по материалам отчета, остатки деревянного сооружения (стены – ?) на валу состояли из парных столбов, которые зажимали горизонтально друг на друга уложенные бревна. Ямы от столбов располагались вдоль вала двумя рядами. Расстояние между рядами 1,2–1,8 м. От первого ряда удалось зафиксировать 9 ям диаметром 30–36 см. Второй ряд, внешний, составляют 13 круглых в плане ям диаметром 10–27 см глубиной 15–36–45 см. В отчете также нет указаний на каменные скопления. Вероятно, забутовка делалась из земли, дерна и обожженной глины, упоминания о которых довольно часто встречаются в тексте отчета [Стоянов В.Е. Отчет за 1958 г. С. 157–190].

Система обмазанных глиной деревянных укреплений, расположенных по гребню вала, обнаружена А.Х. Халиковым на Кубашевском городище [Халиков А.Х. 1962. С. 219].

Довольно интересная система укреплений прослежена на Васильсурском V городище Репище XI–XIII вв. (рис. 7; прил. 2, рис. 10–*Б*). Для изучения характера оборонительных сооружений была заложена траншея шириной 2 м, прорезающая оба вала и рва городища и выходящая на напольную площадку. В результате удалось выявить, что обе оборонительные линии одновременны и связаны со средневековым слоем городища. Темно-серый пестроцвет, аналогичный культурному слою эпохи средневековья, на площадке заполняет основание насыпи вала № 1 до 50 см и вала № 2 до 56 см

и оба рва. Насыпь обоих валов завершается светло-коричневым суглинком с вкраплениями глины, вынутым, очевидно, при рытье рвов. Насыпь обоих валов лежит на слое эпохи бронзы. Слои эпохи бронзы и средневековья разделены интенсивной прослойкой золы и прокала, образованного, вероятно, в результате выжигания дернового слоя во время подготовки площадки для насыпи. На этой же глубине и чуть выше найдено большое количество глиняной обмазки, использующейся для укрепления насыпи вала городища.

На верхушке внутреннего вала зафиксированы следы столбовых ям диаметром 16 см, которые в два ряда на расстоянии 45 см проходили вдоль вала. Пространство между рядами было заполнено землей, кусками обожженной глины. На дне рва между валами на глубине 80 см обозначились остатки множества кольев. На гребне вдоль внешнего вала выявлен ряд столбов диаметром 8 см, перпендикулярно им расположены столбы диаметром 14–15 см.

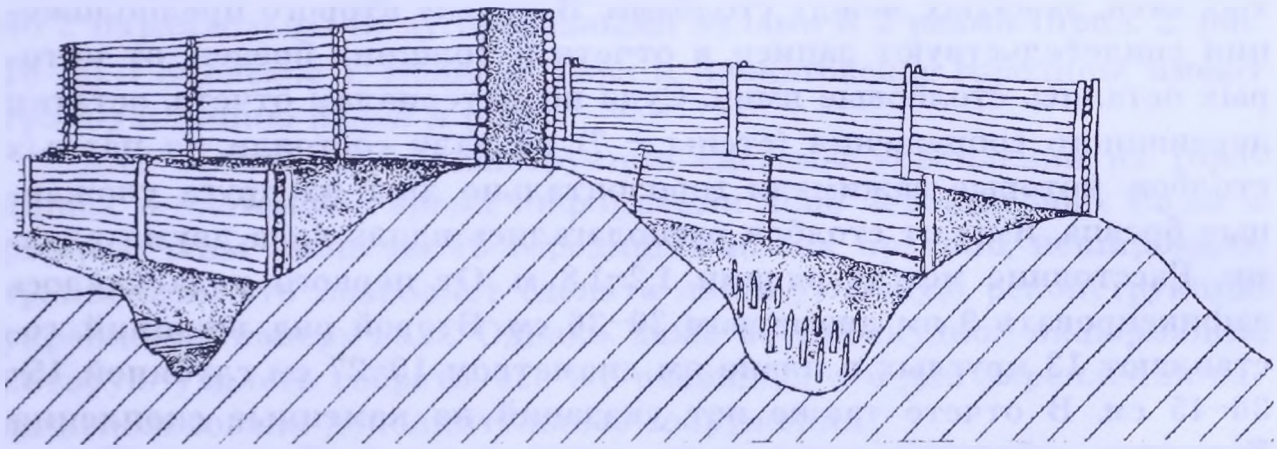

Рис. 7. Васильсурское V городище Репище.
Реконструкция укреплений на валу.

Реконструкция оборонительной линии мне представляется следующим образом. На верхушке внешнего вала сооружалась крепостная стена наподобие клетей, а на гребне внутреннего вала укрепление из двух деревянных стен столбовой конструкции, пространство между которыми забутовано землей, дерном и глиной. На склонах обоих валов ставились однорядные стены столбовой конструкции, создающие дополнительное препятствие для атакующих. Во рву перед внутренним валом были натыканы колья, вероятно, с заостренными верхушками, а на дне внешнего рва вырыты дополнительные канавы, перекрытые хворостом или плетнем (в профиле сохранились следы перекрытия), которые служили западнями, т.е.

своеобразными «волчьими» ямами. Через ров между валами, вероятно, был перекинут деревянный настил, который убирался на ночь или в случае опасности (прил. 2, рис. 10–*Б*). Для полной реконструкции оборонительных укреплений на валах необходимо изучение последних не отдельной траншеей, а сплошной площадью.

На Важнангерском (Мало-Сундырском) городище XIII–XV вв. сохранились следы, вероятно, от внутривальных конструкций. Разрез вала 1983 года обнажил стратиграфию, по которой видно, что в центральной части сохранился слой суглинка шириной 3,2 м, толщиной 1 м, лежащий на культурном слое эпохи раннего железного века и имеющий достаточно четкие вертикальные границы, отделяющие его от слоев супеси с правой и с левой стороны (рис. 8). Такое четкое разграничение слоев возможно лишь при наличии дополнительных боковых креплений и свидетельствует о существовании в древности внутривальной конструкции.

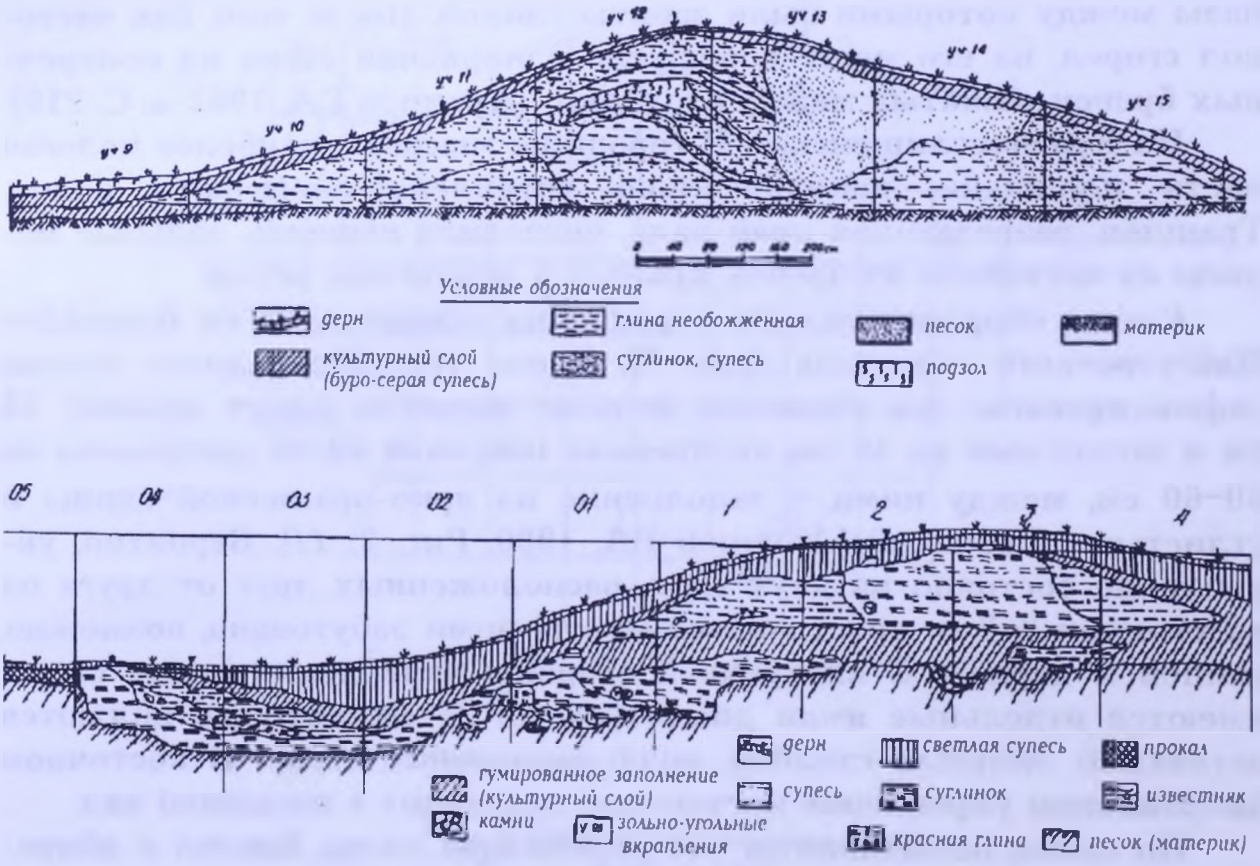

Рис. 8. **Важнангерское (Мало-Сундырское) городище. Стратиграфия слоев на валу. Раскопы 1958 и 1983 гг.**

На Игисолинском городище рубежа I–II тысячелетия н.э. траншеей шириной в 2 м внутри вала обнаружена забутовка из глиняных блоков, а в валу одновременного ему Кушко-Билямор-ского городища – каменная вымостка.

На отдельных памятниках I тысячелетия н.э. и рубежа I–II тысячелетия н.э. дополнительно укреплялись также наиболее уязвимые участки городищ – 20%. Следы укреплений заметны на западных склонах и мысах Ардинского и Кубашевского городищ I тысячелетия н.э, северо-западных склонах Пайгусовского городища I тысячелетия н.э, Красноселищенских I и II городищ рубежа I–II тысячелетия н.э., на юго-западном склоне городища Иванова Гора рубежа I–II тысячелетия н.э. В большинстве случаев укрепления представляли плетень, обмазанный глиной, от которого остаются столбы и колья (Иванова Гора, Кубашево) [Архипов Г.А.1962-а. С. 218]. На мысу Кубашевского городища был поставлен частокол из бревен высотой не менее 2 м (длина сохранившейся части бревен), пазы между которыми были забиты глиной. После того, как частокол сгорел, на его месте сооружена однорядная стена из поперечных бревен, зажатых между столбами [Архипов Г.А. 1962-а. С. 219].

На Красноселищенском II городище мысовая, наиболее пологая часть площадки, дополнительно укреплена невысоким валом. Траншея, разрезающая край вала, позволила выявить зольные полосы от частокола из бревен, врытых в землю под углом.

Следы оборонительного укрепления обнаружены на площадке Пайгусовского городища (рис. 9). Вдоль северо-западного склона зафиксированы две углистые полосы: внешняя имеет ширину 45 см и заглублена на 40 см, внутренняя шириной 60 см заглублена на 50–60 см, между ними – заполнение из ярко-оранжевой глины и углистых включений [Архипов Г.А. 1990. Рис. 2, *11*]. Вероятно, укрепление состояло из двух стен, расположенных друг от друга на расстоянии 2–3 м; пространство между ними забутовано, возможно, глиной и дерном. С внутренней стороны укрепления вдоль стены имеются отдельные ямки диаметром до 25 см, которые являются остатками опорных столбов, поддерживавших стену. В восточном направлении укрепление постепенно переходит в насыпной вал.

По своим особенностям это укрепление очень близко к оборонительной стене Еманаевского городища VIII–X вв. н.э. Обрывочные сведения о существовании подобного укрепления со стороны северо-западного склона сохранились также в чертежах полевого отчета Ардинского городища (прил. 2, рис. 8–*А*).

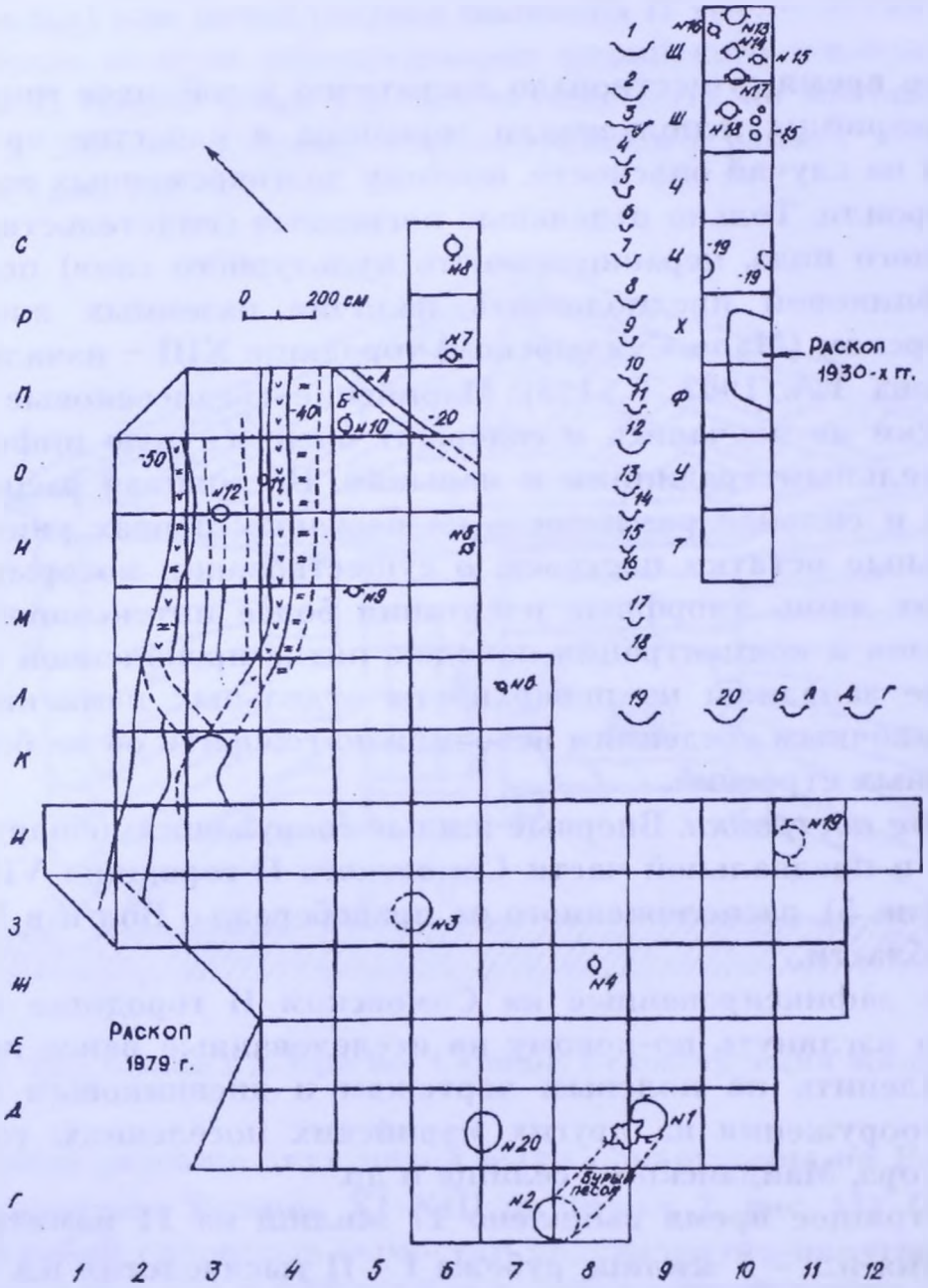

Рис. 9. **Пайгусовское городище. План раскопа 1987 года.**

§ 3. Жилища и хозяйственные постройки

Долгое время существовало достаточно устойчивое мнение, что древние марийцы использовали городища в качестве временных крепостей на случай опасности, поэтому долговременных жилищ на них не строили. Только отдельные косвенные свидетельства (куски прокаленного пода, неравномерность культурного слоя) позволили Т.А. Хлебниковой предположить наличие наземных жилищ на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище XIII – начала XV вв. [Хлебникова Т.А. 1967. С. 155]. Марийские средневековые селища практически не изучались и содержат очень скупую информацию по строительным традициям и навыкам. Постоянная распашка на глиняных и сильная размытость на песчаных почвах уничтожила значительные остатки построек, о существовании которых свидетельствуют лишь аморфные очертания более интенсивного культурного слоя и концентрация находок, пятна прокаленной глины и небольшие западины на поверхности отдельных памятников. По этим отрывочным сведениям невозможно говорить об особенностях тех или иных строений.

Жилые постройки. Впервые жилые сооружения обнаружены в 1990 году в предвальной части Сомовского II городища VII вв. н.э. (прил. 2, рис. 5), расположенного на правобережье Волги в Нижегородской области.

Четко зафиксированные на Сомовском II городище жилища позволили взглянуть по-новому на исследованные ранее памятники и вычленить по полевым чертежам и дневниковым записям близкие сооружения на других марийских поселениях: городище Иванова Гора, Майданском I селище и др.

В настоящее время выявлено 17 жилищ на 11 памятниках: I тысячелетия н.э. – 5 жилищ, рубежа I – II тысячелетия н.э. – 5 жилищ, середины II тысячелетия н.э. – 7 жилищ.

В типологическом отношении все постройки разделяются на наземные и полуземлянки.

Наземные постройки – 16 жилищ характерны для всего периода средневековья (табл. 3). Представлены срубными постройками подквадратной формы площадью от 20 до 55 кв. м (прил. 2, рис. 5, *15*). Стены ориентированы по сторонам горизонта и заглублены нижним венцом в грунт. В жилищах Сомовского II городища соединения стен с полом изнутри промазывались глиной, служившей

термо- и гидроизолятором. Выход в большинстве случаев прорубался в одной из стен и не был выражен в плане. Отопление осуществлялось с помощью очагов (I тысячелетие н.э., рубеж I–I тысячелетия н.э.) или печей (первая половина II тысячелетия н.э.).

Наиболее полную реконструкцию марийского жилища первой половины II тысячелетия удалось осуществить по материалам селища у д. Красное Селище Горномарийского района Республики Марий Эл (рис. 10).

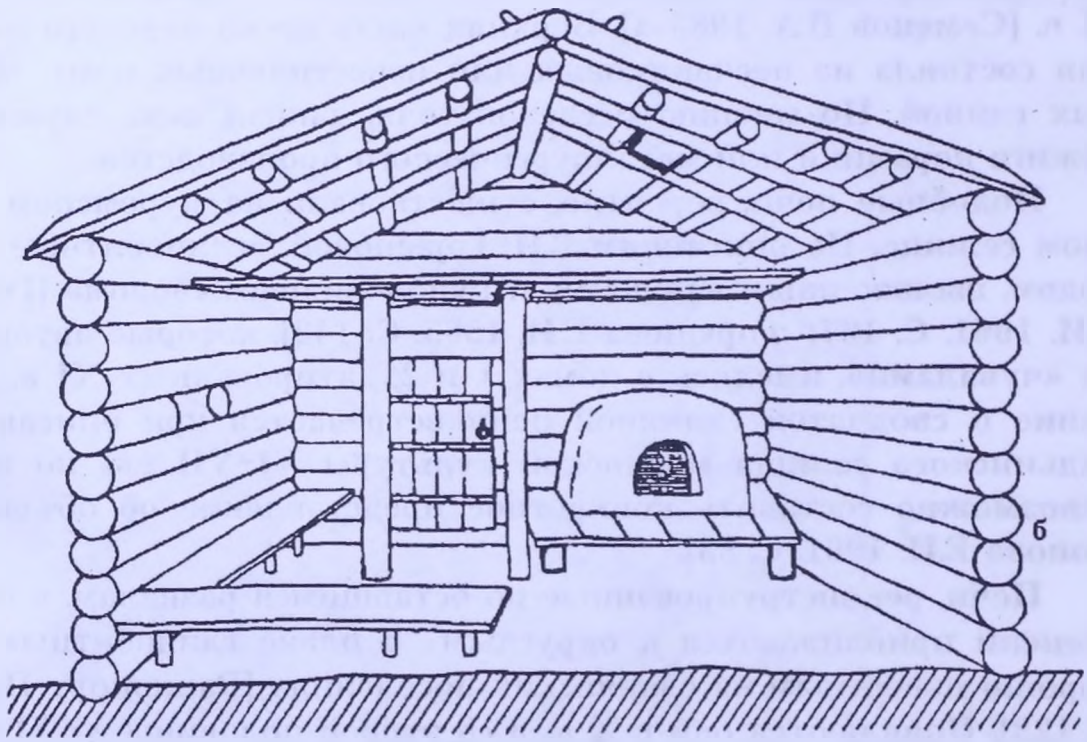

Рис. 10. Селище у д. Красное Селище. Реконструкция жилища.

Впервые развалы двух печей были обнаружены на Васильсурском V городище Репище XI–XIII вв. (прил. 2, рис. 11). Они представляли собой сплошные вымостки подквадратно-округлой формы размерами 140 х 125 и 1,75 х 1,8 м из обожженной глины, имеющие в профиле форму купола. Почти по центру у одной из печей зафиксировано отверстие диаметром 30 см. Глиняная обмазка была выполнена на прутяной основе, от которой на отдельных кусках сохранились четкие отпечатки. В состав глиняной обмазки входят органика и песок, мелкий камень. Обмазка двусторонняя. Верхний слой составляет 3–4 см. Нижний, внутренний слой обмазки, у печного пода доходит до 8 см. Под состоял из плотной, сильно прокаленной до стального цвета глины толщиной 10 см и лежал без

опечка на грунте на углистой прослойке. Под подом выявлены подпечные ямы, заглубленные в грунт. Заполнение ям составляет сильно гумированный слой с фрагментами керамики и прокаленной глины.

Сделать полную реконструкцию печи и определить ее функциональное назначение по сохранившимся археологическим остаткам не всегда возможно, свод в большинстве случаев разрушен.

Сходные конструкции обнаружены также у других финно-угорских народов. Аналогичная конструкция нижней подовой части печи описана В.А. Семеновым на удмуртском городище Весья-кар IX в. [Семенов В.А. 1985-а]. Верхняя часть весья-карского сооружения состояла из песчаниковых или известняковых плит, обмазанных глиной. По мнению исследователя, данная печь служила для обжига керамики или металлургического производства.

Подобные печи, вероятно, существовали на муромском Тумовском селище. По описаниям Е.И. Горюновой, «глинобитные очаги с подом, выложенным валунами, и куполовидным сводом» [Горюнова Е.И. 1961. С. 167; Горюнова Е.И. 1963. С. 142], которые автор назвала «чувалами», имелись в домах 1 и 2, датированных XI в. Упоминание о сводчатой глиняной печи встречается при описании Попадьинского селища мерянской культуры VI–VII вв., но по нему невозможно составить конкретное представление об объекте [Горюнова Е.И. 1961. С. 83].

Печи, реконструированные по оставшимся развалам, в большей степени приближаются к округлым в плане глинобитным печам, хорошо известным на славянских поселениях [Раппопорт П.А. 1975. С. 123]. Появляются они в X в., а со второй половины X–XI вв. этот тип печей становится господствующим на всей славянской территории лесостепи, за исключением Поднестровья [Раппопорт П.А. 1975б. С. 151]. С XI в. начинается их продвижение в северные районы, в том числе на Волгу и Новгородскую землю [Раппопорт П. А. 1975б. С. 152]. В XII–XIII вв. такие печи преобладают в Припятском Полесье, Верхнем Поднепровье, Поволжье, бассейне Оки, Новгородской и Рязанской землях [Раппопорт П.А. 1975. С. 136].

Печи другого типа обнаружены на памятниках середины II тысячелетия н.э. – 5 экз.

Наиболее полное представление о них можно получить по материалам селища Красное Селище II конца XIII – начала XV вв. В юго-восточном углу жилища 1 обнаружены остатки печи, от которой сохранилось скопление обожженной глины подпрямоугольных очертаний размерами 1,22 × 1,2 м. Это заполнение фиксировалось с уровня 10 см и продолжалось до глубины 25–30 см. В центре за-

полнения на глубине 15–20 см выделяется подпрямоугольное зольно-углистое пятно размерами 48 × 60 см, под которым на фоне материковой глины обнаружены следы угловых опорных столбов опечка (рис. 11).

Наибольшее сходство печи Красного Селища II обнаруживают с печами на дощатом опечке, хорошо реконструированным по находкам в земле вятичей и других славянских племен X–XIII вв. [Никольская Т.Н. 1981. С. 185, 187, 203; Рабинович М. Г. 1975. С. 166], в строениях XIV в. г. Чебоксар [Краснов Ю.А., Каховский В.Ф. 1978. С. 41].

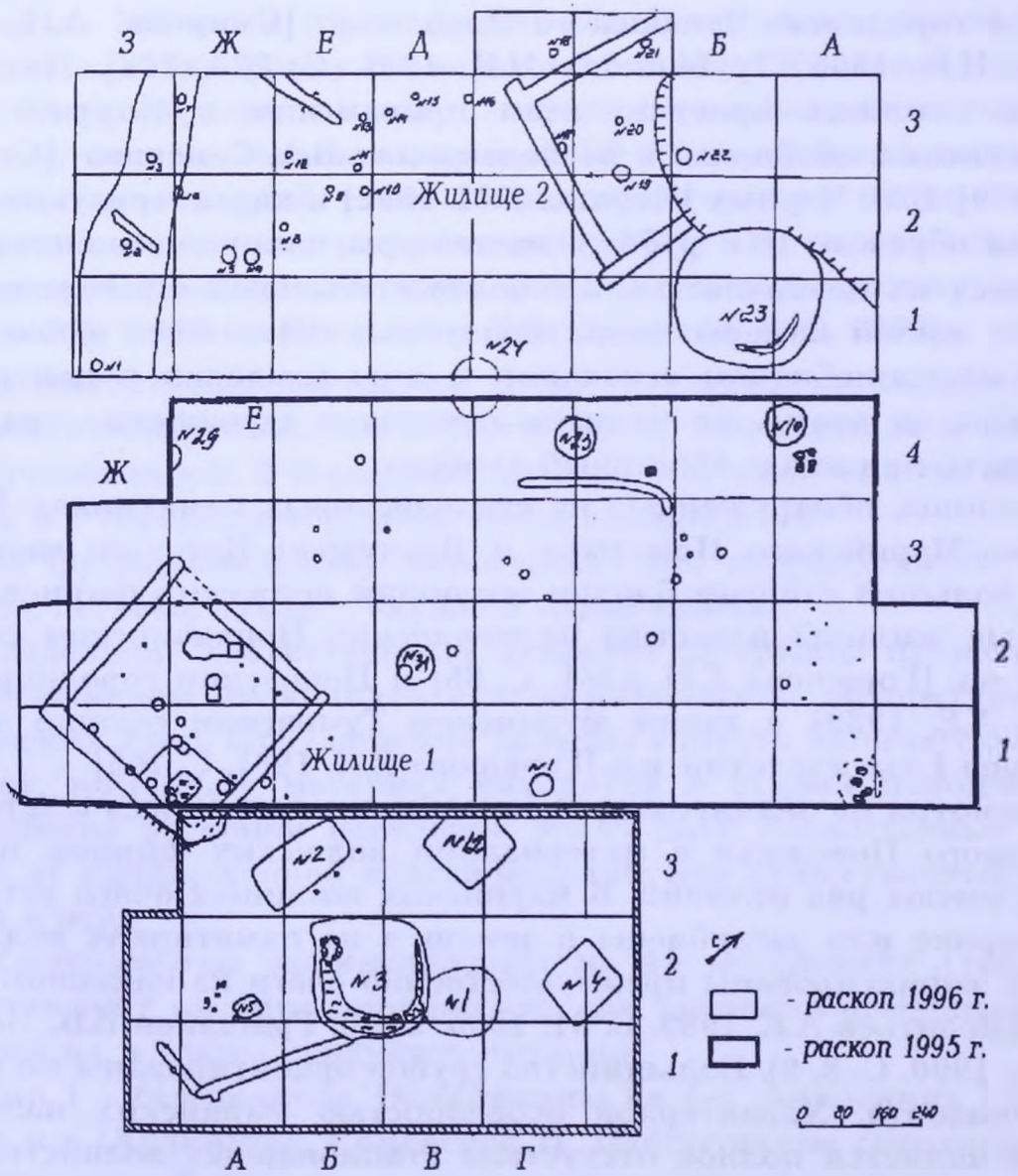

Рис. 11. Красноселищенское II селище. План раскопа.

Наземные срубные дома являлись общефинским жильем с древнейшего периода и были распространены как у восточных, так и западных их групп [Харузин Н.Н. 1875. С. 10]. Они обнаружены на Успенском [Краснов Ю.А. 1964. С. 102, 103] и Троицком [Дубынин А.Ф., Розенфельдт И.Г. 1970] городищах дьяковской культуры, на Старорязанском городище городецкой культуры [Монгайт А.Л. 1961. С. 66]. По мнению исследователей, появление наземных жилищ произошло лишь на поздних этапах городецкой культуры в первых веках нашей эры [Смирнов А.П., Трубникова Н.В. 1965. С. 12]. К первой половине I тысячелетия н.э. относятся наземные жилища на городищах Чувашского Поволжья [Смирнов А.П., Трубникова Н.В. 1965; Трубникова Н.В. 1965. С. 226, 227]. Наземные срубные жилища присущи всем прикамским культурам эпохи средневековья, обобщены в исследованиях В.А. Семенова [Семенов В.А., 1979], Е.М. Черных [Черных Е.М. 1992] и характеризуются следующим образом: 1) к рубежу нашей эры жилища «окончательно выводятся на поверхность», 2) «более стабильной становится планировка жилой камеры, характеризуемая сочетанием одного-двух очагов на глинобитном основании и ямы кладовки в центре»; 3) возможно, «к этому же времени относится зарождение традиции устраивать при входе обширный тамбур».

Жилища, обнаруженные на средневековых памятниках Нижегородско-Марийского Поволжья и Ветлужско-Вятского междуречья, в большей степени близки жилищам волжских финнов. Аналогичные жилища известны на мерянских Попадьинском селище VI–VII вв. [Горюнова Е.И. 1961. С. 85] и Поповском городище [Леонтьев А.Е. 1989], а также муромском Тумовском селище второй половины I тысячелетия. н.э. [Горюнова Е.И. 1961. С. 166].

Несмотря на значительную близость жилищ I тысячелетия н.э. Марийского Поволжья с материалами волжских финнов, первые все же имеют ряд отличий. В марийских жилищах очаги устроены на материке или заглублены в землю, а на памятниках волжских финнов зафиксированы преимущественно очаги на каменном основании [Леонтьев А.Е. 1989. С. 81; 1996. С. 83; Гришаков В.В., Зеленеев Ю.А. 1990. С. 8, 9]. Большинство срубов ориентированы по сторонам горизонта. Характерной особенностью марийских наземных жилищ является полное отсутствие стационарных хозяйственных ям. Обнаруженные на площади жилищ небольшие ямы временного характера не имели постоянного места в плане жилища и не характеризуют особенностей местного домостроительства. Основная производственная деятельность осуществлялась за пределами жи-

лого помещения в хозяйственных постройках различного назначения.

Наряду с наземными домами в качестве зимнего жилья в конце I тысячелетия н. э. использовались углубленные в грунт постройки.

Остатки одной *полуземлянки* обнаружены на селище Галанкина Гора (постройка № 4), обнаруженном на мысу дюнного всхолмления (высота 16) надлуговой террасы левого берега р. Волги при исследовании поселения эпохи раннего металла.

Средневековый поселок занимал западную часть мыса площадью около 700 кв. м (прил. 2, рис. 13). Сооружение имело прямоугольную в плане форму размерами 6,2 х 4,5 м. Котлован заглублен на 60–65 см. В углах и вдоль длинных стен находились столбовые ямки, и углистые канавки шириной 16–20 см от крепления стен. В длинной, юго-западной, стене сохранились остатки входа-выхода в виде углубленного выступа размерами 112 х 128 см, повышающегося наружу. В центральной части имелось два очага размерами 116 х 60 см и 208 х 120 см [Никитина Т.Б., Соловьев Б. С. 1999].

Хозяйственные постройки. В настоящее время хозяйственные постройки обнаружены на 18 памятниках: 7 городищах и 1 селище I тысячелетия н.э., 2 городищах рубежа I–II тысячелетия н.э., 7 селищах и 1 городище середины II тысячелетия н.э.

По функциональному назначению они подразделятся: клети-амбары, погреба, кухни – «кудо» и сараи-навесы.

Разделение хозяйственных объектов на группы произведено с использованием имеющихся в этнографической литературе типологических схем. Предлагаемое деление считать окончательным не следует, поскольку материал находится в стадии накопления, и дальнейшие раскопки поселений могут дать неожиданные отклонения от предложенной классификации или существенные дополнения к ней.

Клети-амбары зафиксированы на 15 поселениях (табл. 3) и представляют наземное помещение для хранения домашнего скарба, одежды, а также продуктов питания.

Тип 1 – без подпола. Обнаружены на 4-х поселениях I тысячелетия н.э. (Ардинское, Сомовское II, Пайгусовское городища, селище Галанкина Гора).

Легкие сооружения наземного типа из плетеных прутьев или горизонтальных плах, зажатых между столбами (Ардинское городище), или постройки срубного типа (Сомовское II городище).

Тип 2 – с подполом глубиной до 1 м. Обнаружены на 11 памятниках.

Все постройки такого типа имели прямоугольную в плане наземную часть площадью 12–16 кв. м и подполье, которое устраивалось обычно в северной стороне.

К сожалению, по сохранившимся фрагментам не всегда удается реконструировать наземную часть объектов. Но по отдельным деталям все же очевидно, что на Юльяльском и Красноселищенском селищах она представляла собой срубы, от нижнего венца которых сохранились гумусные полосы (прил. 2, рис. 20–*Б*).

Стены подполья в отдельных случаях дополнительно укреплены. На Сауткинском селище и Ашиязском городище стены и пол заглубленной части выложены досками, следы которых четко фиксируются в стратиграфическом срезе (прил. 2, рис. 19).

Наземная часть отделялась от подполья перекрытием из деревянных досок или жердей, в большинстве случаев с верхней стороны обмазанных глиной. Следы упавших перекрытий отчетливо фиксируются в профилях всех построек (прил. 2, рис. 21).

На Васильсурском V городище Репище XI–XIII вв. удалось проследить полные контуры постройки такого типа с подполом (постройка 3) (прил. 2, рис. 11). Первоначальные очертания наземной части постройки имели форму неправильного прямоугольника размерами 420 х 288 см, ориентированного по линии запад – восток. Подпол размерами 260 х 220 см зафиксирован в северо-западной части постройки; в подпол с северной стороны вели ступеньки.

Наибольшее распространение хозяйственные постройки такого типа получают во II тысячелетии н.э. [Сауткинское, Красноселищенское I – яма 3 (1995 год), Юльяльское, Носельское III селища, Важнангерское (Мало-Сундырское) – ямы 2 (1958 год), 12 (2000 год), 2 (2001 год), Ашиязское городища].

Клети–амбары у марийцев известны вплоть до настоящего времени [Козлова К.И. 1958. С. 116–117; Сепеев Г.А. 1982]. Судя по этнографическим данным, они имеют два этажа и используются не только для хранения продуктов, но и как место ночлега в летний период. По археологическим наблюдениям невозможно сказать, были ли выявленные нами постройки двухэтажными, но площадь наземной части также позволяла использовать их в качестве летнего жилья.

Хозяйственные постройки, совмещающие функцию кладовой и летнего жилья, известны и у других финно-угорских народов: му-

ромы [Горюнова Е.И. 1961. С. 167], удмуртов [Семенов В.А. 1982; 1985-а].

Погреб – яма для сохранения портящихся продуктов, заглубленная в материк не менее, чем на 1 м. Вероятно, существовало наземное перекрытие в виде шалаша, жердевого остова, плетня и других форм. Ямы имели обычно округленные очертания и диаметры в пределах от 2,5 до 4 м. Обнаружены на 4 поселениях середины II тысячелетия н.э.

Наибольший интерес представляют погреба на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище (ямы № 4 и 8) из раскопок 1964 года (прил. 2, рис. 17). Яма № 4 подтрапециевидной формы имела размеры 440 см х 320–260 см. Северо-восточная и юго-западная стенки отвесные, северо-западная и юго-восточная – с некоторым наклоном. По углам ямы уступы. Дно ямы плоское с уступом. Заполнение ямы неоднородно, на уровне дневной поверхности, чуть выше и ниже этого уровня, зафиксированы следы угля и сажи, залегающие прослойкой 15–18 см. На дневном уровне по контуру ямы выявлены несколько округлых гумированных пятен диаметром 8–14 см от вертикально стоявших столбиков, связанных, по-видимому, с конструкцией ограды вокруг ямы.

Аналогичная ограда обнаружена вокруг ямы № 8. В обоих случаях Т.А. Хлебникова считает, что существовала наземная часть погреба в виде плетня [Хлебникова Т.А. 1967. С.157, 158]. Но, скорее всего, здесь сохранились остатки погребов с традиционной для марийцев напогребицей из жердевого остова [Сепеев Г.А. 2000. С. 221].

Яма № 4 Важнангерского (Мало-Сундырского) городища могла иметь вторичное использование. По мнению Т.А. Хлебниковой, данное сооружение могло использоваться в качестве заглубленного в землю жилья с очагом. Небольшие размеры этого строения в углубленной части (менее 2 метров в ширину по полу) делают такое жилье очень трудным в эксплуатации. Скорее всего, вторичное использование данного сооружения осуществлялось в качестве овина. Описание овинов А. Хейкелем вполне соответствует обнаруженным конструктивным деталям ямы № 4 (жерди, ступеньки, слой сажи и золы, углистая прослойка от древесного перекрытия). «Горные черемисы имеют отчасти находящиеся под землей риги, которые называют *Ăn*. Она представляет печь» (или очаг – *Т.Б.*), «которая вделывается в отрытой в земле яме (*tepenä или än // kuda*). В нее заходят через особое входное отверстие. Крыша ямы (*än kuda lewäš* или *än wïlwäl*), которая сделана из досок и земли, находится на уровне земляного пола, за исключением места печи, поверх которой

ставят длинные жерди (*än rawa*) конусообразно. Верхние концы жердей соединены, а как опору нижних концов забивают широкие колышки в землю и вокруг шара из жердей обвязывают пояса из прутьев, которые поддерживают все *Än* – строение. Рядом с *Än* вкопан толстый ствол дерева, на котором не срублены сучья, или укреплены короткие поперечные деревяшки; этот ствол используют как направляющий при сооружении стога. Чтобы не сыпалось зерно вниз на печь и не падала на нее солома, поверх печи на одинаковой высоте с земляным полом кладут поперечные деревяшки, которые закрыты липовой корой. Так что просушенный урожай ложится на сухое место рядом с ригой» [Хейкель А. 1888. С. 1–2].

Кухни – «кудо» – специальное строение с большим очагом в центре, использующееся для приготовления пищи и совершения семейных ритуально-священных действий и молений.

В этнографической литературе сохранилось следующее описание марийского «кудо». «Кудо... представляла собой срубное строение с двускатной крышей, без окон, пола и потолка с открытым очагом посредине. На уровне потолка между торцовыми стенками укладывались два параллельных бревна. Они служили опорой для передвигающегося по ним Т-образного шеста с крюком в нижнем конце, на который подвешивались котлы» [Сепеев Г.А. 2000. С. 221].

Остатки крупных очагов за пределами жилищ с прокалами и линзами золы обнаружены на 10 раскопанных поселениях (табл. 3).

На Сомовском II городище вокруг очага сохранилось гумированное заполнение с многочисленными кухонными отходами (постройка 4) (прил. 2, рис. 5). На поселении Галанкина Гора в северном углу прослежена группа очагов, оконтуренная по периметру столбовыми ямками от существовавшей в древности в этом месте наземной конструкции (прил. 2, рис. 13).

На памятниках II тысячелетия н.э. (Юльяльское, Красноселищенское II, Нижние Шелаболки селища, Важнангерское – Мало-Сундырское городище) также найдены мощные очаги диаметром 1–1,5 м, содержащие кухонные отходы. Как правило, вокруг этих очагов найдена основная масса индивидуальных и значительное количество керамических находок, что позволяет предполагать наличие наземных сооружений, скорее всего, срубного типа.

На Еманаевском городище обнаружены остатки сооружения земляночного типа овальной формы диаметром 5,5 м, глубиной 1,8 м с наклонными стенками, укрепленными деревом (жердями ?) [Лещинская Н.А. 1988. С. 82]. Исследователь памятника Н.А. Лещинская предполагает жилой характер данного сооружения. Учи-

тывая тот факт, что в постройке не зафиксировано очага, трудно согласиться с тем, что это был зимний дом. Скорее всего, здесь один из вариантов клети-амбара или постройки иного хозяйственного назначения.

Производственные площадки обнаружены всего на 4 городищах (Ардинское – VI вв. н.э., Сомовское II – VII в. н.э., Васильсурское V – XI–XIII вв. н.э., Еманаевское – VIII–X вв. н.э.) и представлены глинобитными площадками. Судя по размерам и характеру находок, эти площадки могли иметь различное функциональное назначение.

На Сомовском II городище обнаружены 3 объекта, представляющие собой вымостки из обожженной глины (прил. 2, рис. 4).

Объект № 1 представляет собой вымостку овальной формы 200 х 100 см из обожженной глины, сверху покрытой белым затвердевшим раствором, толщиной до 5 см. Вокруг этой площадки на глубине 20–40 см было найдено несколько предметов, связанных с литейным производством: 2 формы для отливки украшения, 3 льячки, глиняное неопределенное изделие в обломках, каменный брусок, глиняное грузило, большое количество фрагментов обожженной керамики и шлаки.

Объект № 2. Площадка из обожженной глины толщиной в 10 см имеет размеры 440 х 280 см. В южной части этой площадки зафиксировано золистое и углистое пятно размерами 140 х 120 см. Включения золы отмечены и в западной части площадки. Находки представлены железной пряжкой, железным ножом и раздавленным сосудом.

Объект № 3. На площади 180 х 80 см отмечена обожженная глина с углисто-золистым включением и развалом плоскодонного горшка.

Находки ошлакованной керамики, шлаки и предметы инвентаря для литейного производства, сконцентрированные вокруг объектов, позволили Г.А.Архипову интерпретировать их в качестве производственных площадок, связанных с литейным (или металлургическим – ?) делом [Архипов Г.А. 1979].

Глинобитные площадки на Васильсурском V городище Репище имели размеры 190 х 170 см и толщину прокаленной глины 10–15 см. Вокруг глиняной обмазки культурный слой имел мощность 20 см (т.е. на 5 см глубже, чем в остальной части раскопа), ничем не отличается от слоя средневековья. Находки вокруг этой вымостки ни количественным, ни качественным составом не выделяются из основной массы находок средневекового слоя и представлены, в основном, керамическим материалом. Функциональное назначение объекта определить затруднительно.

На Ардинском городище (прил. 2, рис. 8–*Б*; 9) два объекта, подробно описанные Г.А. Архиповым [Архипов Г.А. 1979. С. 43–50], представляли глиняные вымостки неправильных вытянутых очертаний с размерами 380 х 100 см и 300 х 80 см, расположенные перпендикулярно друг другу. По боковым краям первой из них имелись столбовые ямки. Сами площадки представляли собой корытообразное углубление глубиной до 40 см, в которые была уложена красная глина.

Судя по чертежам в отчете, таких площадок было более чем две, описанные Г.А. Архиповым. Очевидно, что в восточную стенку уходит еще один аналогичный объект также с достаточно аморфными очертаниями.

Г.А. Архипов предположил, что эти объекты могли быть связаны с изготовлением керамических изделий.

Глиняные подушки, предназначенные для обжига керамики, известны по материалам чепецкого городища Весья-кар IX–XII вв. н.э. [Семенов В.А. 1985-а. С. 51]. Обнаруженные рядом с ними груды сырых и обожженных речных ракушек, использующихся в качестве примесей в формовочную массу, куски сырой глины с примесью толченых раковин позволили исследователю сделать такой вывод.

Вокруг глиняных вымосток на Ардинском и Васильсурском V городищах не найдено специализированных находок, позволяющих бесспорно определить назначение данных объектов.

В археологической литературе встречаются упоминания об ином назначении подобных объектов. На чепецком Мало-Венижском городище Пор-кар IX–XII вв. н.э. близкие по характеру глиняные вымостки предположительно названы токами для обмолота зерна [Семенов В.А. 1982. С. 42]. Похожие площадки из утрамбованной глины, но иных размеров (4х4 м), зафиксированы на Тумовском муромском селище IX–XI вв. и интерпретированы Е.И.Горюновой также в качестве токов для обмолота зерна [Горюнова Е.И. 1961. С. 168]. Подобные токи широко известны в лесной полосе Восточной Европы в XX столетии [Харузин Э. 1914]. В этнографических источниках глиняные токи зафиксированы также в марийских деревнях прошлого века.

Другие объекты. На городищах Иванова Гора, Шорсолинском и Важнангерском (Мало-Сундырском) (раскопки 2000 года) сохранились остатки открытых очагов из песчаников или крупных камней со следами прокала. На Васильсурском V городище зафиксированы очаги на подушке из утрамбованной обожженной глины.

Кроме вышеописанных объектов, на марийских городищах и селищах очень часты находки ям различного назначения кратковременного характера: хозяйственные, очажные. Они, как правило, имеют небольшие размеры и глубину.

Таким образом, анализ материалов с городищ и селищ Нижегородско-Марийского Поволжья и Ветлужско-Вятского междуречья позволяет наметить хронологические особенности в топографии и системе расселения и этнографические в домостроительных традициях.

Для I тысячелетия н.э. среди поселенческих памятников преобладают городища (26 городищ и всего 11 селищ). Многие из указанных городищ имели небольшие размеры, полное отсутствие культурного слоя или очень небольшой культурный слой, слабые укрепления и выполняли, вероятно, функцию временных крепостей-убежищ. Селища также с небольшим культурным слоем располагаются на невысоких надпойменных террасах или возвышенностях в поймах рек разрозненными поселениями, не образуя стройной системы.

На рубеже I–II тысячелетия н.э. количество городищ сокращается до 17 при возрастающей доле селищ (22). Исчезают городища–убежища. В размещении поселений намечается кустовое расположение памятников. Кусты памятников прослежены в левобережье Волги в районе деревень Удельный Шумец, Майдан (прил. 2, рис. 53, №№ 13–19; 54) недалеко от устья р. Ветлуги и в устье р. Парат (прил. 2, рис. 53, №№ 28–31). Необходима точная датировка памятников для того, чтобы решить однозначно вопрос об их принадлежности к одной группе населения. К сожалению, основным материалом является керамика, которая позволяет их отнести ко второй половине I тысячелетия н.э. и не дает оснований для уточнения датировки. Густота памятников и слабый культурный слой позволяют предположить, что они не совсем синхронны и могли быть результатом «перегруппировки поселений внутри микрорегионов, сопровождавшимися запустением старых и возникновением новых поселков», как это прослежено на поселенческих комплексах Белоозерья [Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П. 2001. С. 127].

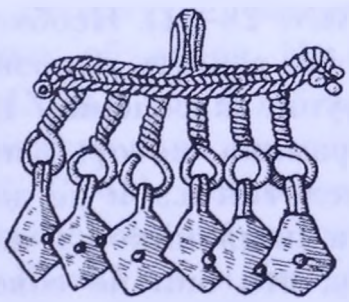
К середине II тысячелетия н. э. население в основном переходит на селища. На территории Ветлужско-Вятского междуречья на 26 селищ приходится всего 5 городищ (прил. 2, рис. 64). Есть основания считать, что фактическое количество селищ значительно превышало указанную цифру, так как в настоящее время известны местонахож-

дения средневековой керамики около современных деревень, полностью разрушивших древние культурные слои. Очевидно, что в этих местах также располагались древние селища. Селища были перенесены на мысы коренных террас ближе к пашенным угодьям и располагались вблизи городищ, которые превратились в центры сельского расселения.

Несмотря на некоторые изменения в системе расселения, большинство освоенных в предшествующий период территорий не забрасывалось.

Малочисленный материал по оборонительным сооружениям не позволяет в настоящее время выявить хронологических различий. Дугообразный вал и ров являются характерной чертой для марийских городищ всей средневековой эпохи.

Основным типом жилого сооружения являлся наземный срубный дом подквадратной формы с углубленным нижним венцом с очажным отоплением до начала II тысячелетия н.э. В первой половине II тысячелетия н.э. отопление стало осуществляться с помощью глинобитных печей. Хозяйственные ямы выносились за пределы жилого помещения. По особенностям домостроительных традиций марийцы приближаются к культуре волжских финнов.

ГЛАВА 3
МОГИЛЬНИКИ

§ 1. Погребальный обряд

В настоящее время известно 102 могильника VI–XVII вв., содержащие 1809 погребальных комплексов: VI–VII вв. – 5 могильников, на которых изучены 224 погребения, VIII–XI вв. – 7 могильников и 217 комплексов, XII–XIII вв. – 72 комплекса на 4-х могильниках, XVI–XVII вв. – 1268 комплексов.

Могильники располагаются в непосредственной близости от реки: на дюнном возвышении в пойме или на террасе (прил. 2, рис. 22). Во всех случаях они занимают наиболее возвышенные места, рельефно выделяющиеся на местности. Характерной особенностью является расположение могил не только в наиболее высокой части на ровных площадках, но и наличие захоронений по склонам. Все памятники VI–XIII вв., за исключением могильника на Чортовом городище, располагались на левом берегу рек или небольших речушек, тогда как городища занимали правобережные крутые мысы. В д. Пальтикино Горномарийского района Республики Марий Эл мне пришлось услышать предание о том, что хоронить следует на противоположном берегу реки, чтобы река отрезала ноги покойнику и он не смог вернуться в дом.

Похоронный обряд представляет сложное явление как по внутреннему содержанию, так и по процедуре проведения, и включает несколько этапов, отражающих погребальные и поминальные традиции. Информативность археологических источников ограничена лишь наиболее овеществленной частью этого многостороннего явления, выраженной в устройстве места захоронения, помещении трупа в землю, первоначальной тризной, т.е. погребальной стороной обрядности. Поминальные ритуалы, к сожалению, почти полностью остаются за пределами возможностей изучения археологии.

Г.А. Архипов выделил следующие этнические черты, характерные для погребального обряда марийцев V–XI вв.: «1) ...топография могильников, характеризующаяся расположением у небольших речек, преимущественно на дюнах боровых террас. Площадка могильника несколько возвышается над окружающей местностью; 2) Погребения располагаются на территории могильника группами; 3) Наличие обряда трупоположения и трупосожжения; процентное соотношение этих типов обряда в могильниках близкое (от 13,3% до 26,6%); 4) Наличие подстилки под костяками и покрытия иногда трупа сверху лубом, войлоком или тканью; 5) Преобладание ориентации костяков на Север с небольшими отклонениями на Запад и Восток (91,8% от общего числа погребений); 6) Довольно однообразный погребальный инвентарь» [Архипов Г.А. 1973. С. 86]; 7) «Обряд кремации представлен несколькими вариантами: *1)* могильная яма обычных размеров, обожженные кости располагались кучей в области предполагаемых груди и живота. Часть вещей клалась вместе с косточками, часть в порядке, обычном при ингумации; *2)* кальцинированные кости разбрасывались по могильной яме, в расположении вещей нет порядка; *3)* яма без заметных очертаний и вещи расположены компактно вместе с остатками кальцинированных костей, золы и угля»; 8) могилы-кенотафы, представляющие собой скопления вещей, в основном, в сосуде [Архипов Г.А. 1991. С.18].

Поступление новых материалов, пересмотр ранее полученных источников в исторической динамике с VI в. по XVII в. способствуют созданию более полной картины погребального обряда.

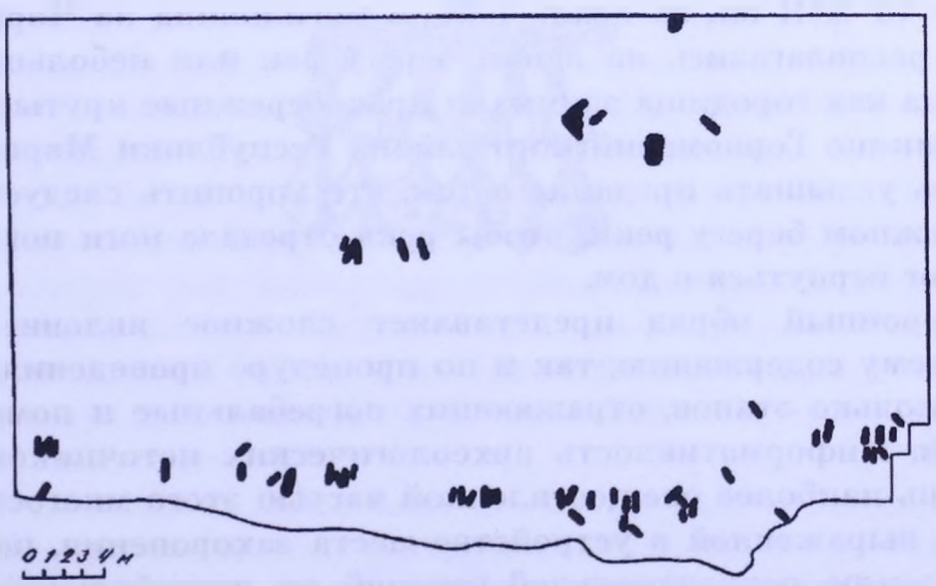

Рис. 12. **Младший Ахмыловский могильник. План раскопа.**

На всех марийских могильниках погребения сосредоточены компактными группами, внутри которых прослеживаются достаточно четкие ряды. Наиболее отчетливо границы между группами захоронений обозначены на памятниках VI–XIII вв. (рис. 12; 13). Эта традиция в менее выраженной форме продолжает сохраняться до XVIII вв. (Картуковский, Мало-Сундырский, Отарский, Уржумнолинский могильники). Каждая из таких групп, вероятно, объединяла близких кровных родственников.

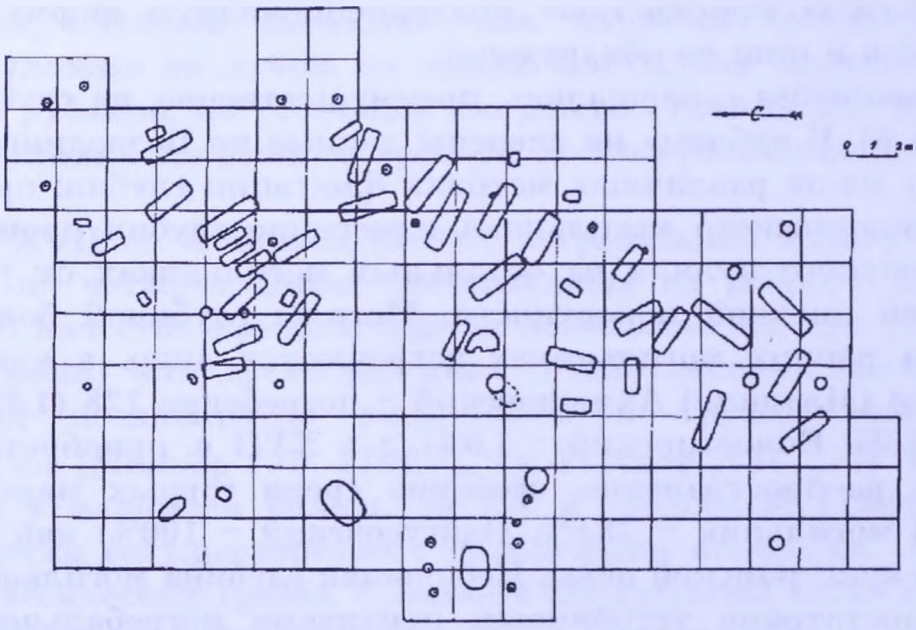

Рис. 13. Могильник Нижняя Стрелка. План раскопа.

Над могилами, вероятно, ставились отличительные знаки или сооружения, поскольку, за исключением некоторых случаев, контуры погребений не перекрывают друг друга. Поверхность большей части средневековых могильников была разрушена, контуры погребений фиксировались лишь на уровне обнаружения костей и вещей, поэтому надмогильные сооружения выявить удается в редких случаях. Но, тем не менее, отдельные свидетельства о наличии подобных отметок сохранились на могильнике Нижняя Стрелка IX–XII вв. (столбы около погребений 17, 20, 27). Возможно, колья или шесты врывались в насыпь неглубоко, поэтому их удается проследить очень редко (погребения 48, 59, 81 Картуковского могильника XVI–XVII вв.). Намного облегчается работа с позднесредневековыми могильниками, поверхность которых не разрушена (табл. 4). На пяти из них (Картуковский, Чермышевский, Арзебелякский, Отарский, Уржумнолинский) около погребений выявлены остатки стол-

бов, на которых, вероятно, держался навес. Иногда столб стоял в ногах или в изголовье (11 могильников). Вокруг восьми погребений Картуковского, двух Арзебелякского, восьми Уржумнолинского и одного Мало-Кугунурского сохранились следы кольевой оградки. На Картуковском могильнике зафиксированы остатки оградки из камня [Никитина Т.Б. 1992. С. 19, табл. 1].

Могильные ямы имели подпрямоугольные с закругленными углами, иногда близкие к овалу, формы, ровное дно, отвесные или слегка скошенные ко дну стенки. В исключительных случаях очертания могилы приобретают подтрапециевидную форму. Подбоев, заплечиков и ниш не обнаружено,

Захоронения совершались, преимущественно, на глубине 60–70 см (табл. 5). В таблицу не введены данные по Безводнинскому могильнику из-за различных методик фиксации глубин: при раскопках Безводнинского могильника измерение глубин производилось от абсолютного нуля, а на остальных могильниках от уровня современной дневной поверхности. Могилы глубиной более одного метра на ранних могильниках встречаются лишь в качестве исключения (Младший Ахмыловский – погребение 128 (1,4%), Дубовский – 6,3%, Кочергинский – 1,6%), а в XVII в. приобретают более широкое распространение, особенно среди горных мари (Чермышевский могильник – 38,6%, Пайгусовский – 100%) как следствие влияния христианской веры. Небольшая глубина могильных ям является достаточно устойчивым признаком погребального обряда марийцев и находит свое объяснение в их традициях и обычаях, зафиксированных этнографами в XIX в. и сохранившихся даже до XX столетия [Смирнов И.Н. 1889. С. 119; Кузнецов С.К. 1907. С. 19; Васильев В.М. 1927. С. 75; Маркелов М.Т. 1931. С. 278; Никитин В.В. 1980. С. 64].

На протяжении всего средневековья внутреннее устройство могильной ямы существенно не изменялось. Подстилки из меха, войлока, бересты, луба являются достаточно устойчивым признаком марийских могильников. С XVI в. вместо подстилок из дерева стали использоваться подстилки из еловых лап. Кожа и мех использовались иногда в качестве покрывала; береста и дерево также закрывали в отдельных случаях костяки сверху. В двух погребениях Веселовского могильника лицевые своды костяков закрыты холстом и шелком (табл. 6).

В качестве дополнительных внутримогильных конструкций использовались: а) доски; б) дощатые рамы; в) колоды; г) гробы.

Для укрепления стенок могилы изнутри в могильнике Нижняя Стрелка использовались доски, которые устанавливались вдоль сбоку от погребенного (погребения 17, 18, 36). Аналогично устройство погребения 38 Руткинского могильника. Существование деревянной конструкции возможно предположить в Руткинском могильнике (погребения 3, 35) по большому количеству обнаруженных здесь железных гвоздей. Одну или две доски вдоль длинных стенок можно наблюдать вплоть до XVII в. Подобный обряд погребения марийца зафиксирован в описании священника Макария, который наблюдал, как марийца доставляли на кладбище уложив на лубок, на землю настилали еловые ветки, покрывали рубахой, по сторонам умершего ставили две доски, а сверху покойника закрывали третьей доской [Зеленин Д.К. 1915. С. 837].

В XVI–XVII вв. в обиход входит погребальная конструкция в виде рамы из четырех досок, поставленных на ребро, с дощатой крышкой. В качестве крышки иногда использовался луб (Выжумский могильник) или древесная кора (Шойбулакский могильник). Этот обряд неоднократно упоминался в трудах этнографов XVIII–XIX вв. [Миллер Г.Ф. 1781. С. 78; Рычков Н.П. 1770. С. 78] и сохранился у марийцев вплоть до XX в. Подобные конструкции хронологически сосуществовали с долбленными колодами. Захоронения в классических гробах с днищем обнаружены всего в 17 погребениях (Нуръялы, Отары, Чермышево, Сосновая Грива), датированных второй половиной XVII – началом XVIII вв.

В большинстве случаев погребения одиночные. Коллективные захоронения являются исключением. В большей степени они встречаются на раннем этапе формирования культуры. На Младшем Ахмылове коллективные захоронения обнаружены в 6 могильных ямах (8,6%). На Чортовом городище, одновременном указанному выше Младшему Ахмыловскому могильнику, коллективные захоронения являются преобладающими.

Своеобразны погребения 2 и 11 с Нижней Стрелки IX–XII вв. В обоих случаях речь идет о парных захоронениях. В могиле с мужским костяком лежали жженые кости с набором женских украшений (рис. 14–*2,3*). В погребениях 34 и 37 обнаружены парные захоронения с сожжениями. В первом из них погребены скелеты грудного ребенка и взрослого человека, кости сложены вместе. В погребении 37 два скопления жженых костей разложены в анатомическом порядке: мужчины 30–40 лет и женщины 18–20 лет.

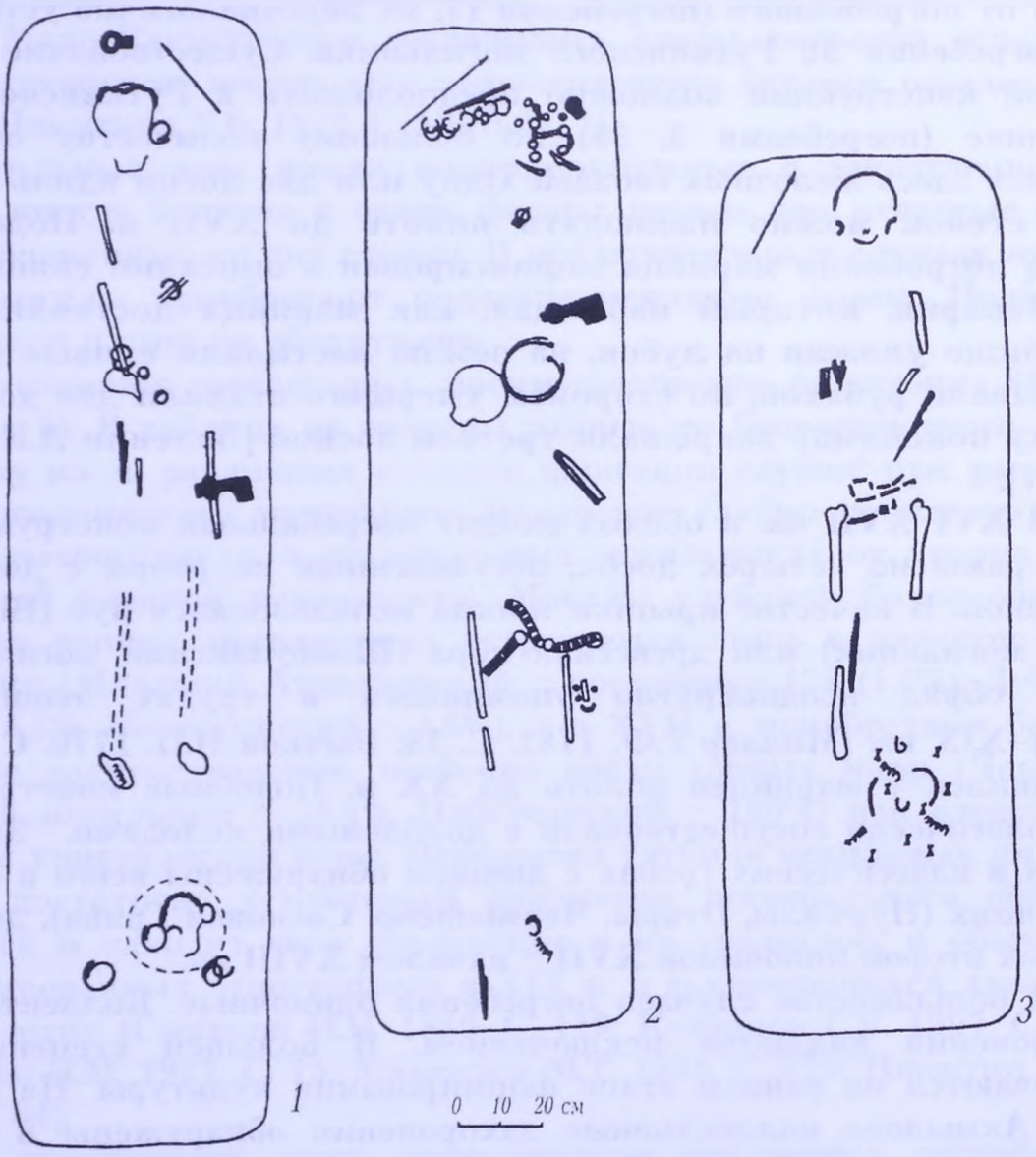

Рис. 14. **Могильник Нижняя Стрелка.**
Погребальный обряд. Коллективные захоронения.
1 – погребение 32,33; 2 – погребение 11; 3 – погребение 2.

Единичные случаи одновременных коллективных захоронений встречены на памятниках XII–XVII вв. и являются по всей видимости захоронениями близких родственников (рис. 14).

В погребальном обряде различаются три способа захоронения: кремация, ингумация, кенотаф; соотношение их на могильниках различно (табл. 7).

Ингумация **является преобладающим способом захоронения на всех могильниках (рис. 15).**

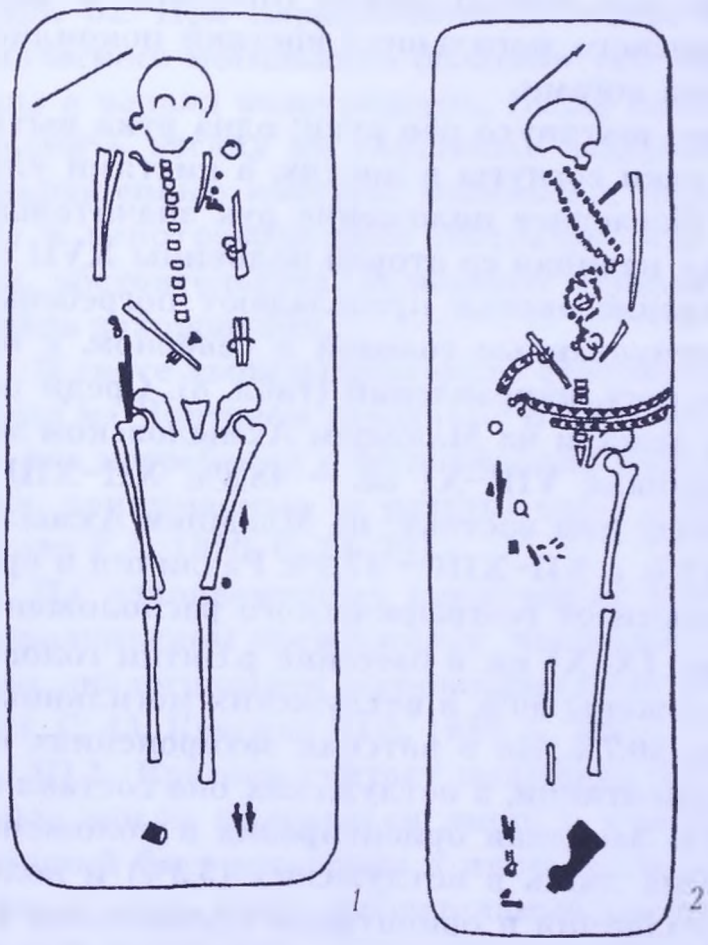

Рис. 15. **Могильник Нижняя Стрелка. Ингумация.**
1 – погребение 27; 2 – погребение 5.

Размеры могильных ям часто превышают рост погребенных в них костяков таким образом, что в головах или в ногах остается свободное пространство земли, предназначенное для жертвенных даров (Юмский – Загребинский) – 100%, Кочергинский – 50%, Черемисский – 44,4%, Веселовский и Нижняя Стрелка – по 61%, Дубовский – 35%).

В качестве таких даров следует рассматривать в IX–XI вв. скопления вещей, глиняные, медные или железные сосуды в изголовье или ногах погребенных.

Отдельные отголоски этого обряда сохранились вплоть до XVIII в. [Никитина Т.Б. 1992. С. 20, табл. 2]. В 15 захоронениях на четырех позднесредневековых могильниках (Картуковский, Кукшлидский, Мало-Кугунурский, Отарский) в дар умершему поставлен медный клепаный котел, в исключительных случаях – деревянная чаша (Отарский могильник – 1 погребение), керамические сосуды (Тюм-Тюмский, Мало-Сундырский – по 1 погребению), чугунная сковорода (Мало-Сундырский, Мало-Кугунурский – по 1 погребению).

Засыпь могильных ям, как правило, сильно нарушена и по вышеуказанным причинам не всегда прослеживается. В большинстве случаев она состоит из слабогумированного заполнения, иногда с углистыми включениями или костями животных. В погребениях IX–XI вв. в засыпь иногда помещают жертвенно-ритуальные комплексы.

Большинство покойников лежали на спине в вытянутом положении. Но иногда встречаются и иные положения погребенных. В двух погребениях Дубовского могильника прослежено захоронение на боку, но в обоих случаях они принадлежали горбунам. В двух погребениях (31 и 32) Руткинского могильника костяки покоились на правом боку с подогнутыми ногами.

Положение рук различно: вытянуто обе руки; одна рука вытянута, а вторая согнута; обе руки согнуты в локтях, а кистями уложены на живот или грудь. Последнее положение рук значительно увеличивается в погребениях, начиная со второй половины XVII в.

На протяжении всего средневековья преобладают погребения, содержащие костяки, ориентированные головой в северном, с отклонением к западу или востоку, направлении (табл. 8). Среди погребенных головой на север лежали на Младшем Ахмыловском могильнике – 90,9%, в могильниках VIII–XI вв. – 48,8%, XII–XIII – 37,3%, с отклонениями к западу или востоку на Младшем Ахмылове – 6,8%, в VIII–XI вв. – 46,5%, в XII–XIII – 47,3%. Различия в ориентации заметны в зависимости от географического расположения памятников. На могильниках IX–XI вв. в бассейне р.Вятки головой в северном направлении положены 50%, в ветлужских могильниках – 65,8%, а в волжских лишь 30,7%. Но в вятских захоронениях совсем нет северо-западной ориентации, в ветлужских она составляет – 18,4%, в волжских – 54,9%. Западная ориентировка в положении костяка также зафиксирована лишь в ветлужских (5,3%) и волжских (10,4%) могильниках. Различия в ориентации продолжают сохраняться в могильниках XVI–XVIII вв. между горными, вятскими и луговыми марийцами, при этом ориентация погребенных не зависит от их пола и возраста [Никитина Т.Б. 1992. С. 25, табл. 7]. В XVI–XVIII вв. северная ориентация продолжает преобладать на могильниках луговой стороны, хотя в этот период наблюдается тенденция к изменению ориентации на северо-запад и запад. В XVI–XVII вв. количество погребений с западным положением увеличивается на отдельных памятниках до 92,8% (могильник Сосновая Грива).

Частичная ингумация. Разновидностью обряда ингумации является частичное трупоположение, представляющее собой захоронения черепов или сложенных в кучу костей.

Частичная ингумация в эпоху средневековья была достаточно распространенным явлением. В материалах Младшего Ахмыловского могильника такие погребения составляли 9% всех захоронений и представлены двумя видами: а) захоронения черепа (погребения 28,

115, 485-а, 488); б) захоронения беспорядочно расположенных костей человека (погребения 44, 485-в, 436-а). К частичным также следует отнести череп, лежащий на тазовых костях умершего в погребении 62. При первоначальном обзоре материалов Младшего Ахмыловского могильника большинство этих захоронений были занесены в разряд разрушенных. Более пристальный анализ позволяет изменить взгляд на указанные захоронения. Часть из них имеют ненарушенные контуры могильных ям, а часть содержат украшения в непотревоженном состоянии или достаточно ценные вещи. Эти обстоятельства позволяют признать существование особого обряда захоронения.

В свете вышеизложенного становится понятным обряд захоронения на Чортовом городище. В 1957 году Мар АЭ были обнаружены два погребения с беспорядочно расположенными костями человека, принимаемые за разрушенные погребения [Халиков А.Х., Безухова Е.А. 1960. С. 18–20].

На одновременных памятниках этого круга, Желтухинском и Безводнинском могильниках, частичное трупоположение представлено аналогичными разновидностями [Уткин А.В., Черников В.Ф. 1994. С. 43; Краснов Ю.А. 1980. С. 30].

Ю.А. Краснов считает подобные захоронения вторичными, которые могли получиться лишь в том случае, если первоначально умерший был захоронен в ином месте, вероятно, на открытом воздухе, и лишь через значительный промежуток времени, когда ткани тела полностью истлевали, а кости могли быть частично растащены зверями и птицами, остатки умершего переносились в грунтовую могилу [Краснов Ю.А. 1980. С. 11]. Толкование данного способа захоронения Ю.А. Красновым вполне оправдано и подтверждается серией примеров из этнографии [Третьяков П.Н.1948. С. 41; Смирнов И.Н. 1895. С. 539–540].

Отголоски этого обряда фиксируются на протяжении всей средневековой эпохи. Частичные или вторичные захоронения расчлененных костяков обнаружены и на Васильсурском V городище Репище, о которых подробно речь пойдет ниже.

В погребениях 13 и 39 могильника Нижняя Стрелка IX–XII вв. в ямах округлой формы на подстилках из дерева лежали кости младенцев, завернутые вместе с вещами в мех. Погребение 33 этого же могильника состоит из черепа, положенного совместно с женскими украшениями на подстилку из дерева в ноги костяка в погребение 32. Сверху череп прикрыт досками.

Частичные захоронения, очевидно, существовали и на других могильниках. Сведения о них содержатся в отчетах о раскопках Черемисского VIII–X вв. [Отчет за 1957 год. С. 416] и Дубовского X–XII вв. [Архипов Г.А. Отчет 1980 года. С. 5] могильников. Но следует оговориться, что последние два могильника сильно разрушены. Более конкретны и достоверны остатки таких погребений на Выжумском II (погребение 20) [Архипов Г.А. 1986. С. 100] и Починковском [Архипов Г.А. Отчет 1971 года. С. 53] могильниках XII–XIII вв.

Вторичные захоронения в единичных случаях известны также в погребениях поволжских финнов: Ражкинском [Полесских Р.М. 1991. С. 154], Селикса-Трофимовском [Полесских Р.М. 1974], Малышевском [Дубынин А.Ф. 1948. С. 93] могильниках, широко распространены в Кочкинском могильнике [Ерофеева Е.Н., Травкин П.Н., Уткин А.В. 1988].

Захоронения черепов в качестве особенности погребального обряда финно-угорских народов, связанной с анимистическими представлениями, достаточно подробно рассмотрены В.В. Седовым [Седов В.В. 1992. С. 93–94].

Вероятно, вторичные захоронения являются переходной формой от наземного обряда отправления ушедших из жизни соплеменников в страну мертвых к захоронениям в землю.

О полном исчезновении такого способа захоронения мы можем говорить только к XVI в.

Кремация прослежена в средневековых погребениях до XII в. (табл. 9).

В I тысячелетии н.э. погребения с кремацией составляли 16,8–19,7% всех захоронений; в VIII–XI вв. – от 16,7% (Черемисский могильник) до 50% (Юмский). Очень большим кажется процентное содержание могил с кремацией в Юмском (50%) и Кочергинском (40%) могильниках, но оба могильника представлены очень незначительной серией погребений (9 и 5), что могло отразиться на общей картине. Хотя вполне возможно, что это является отличительной чертой вятских могильников.

На могильнике Нижняя Стрелка по обряду кремации захоронены, в основном, женщины в возрасте до 25 лет (71,4%), мужских захоронений только 14,3% (Определение антропологического материала проведено старшим научным сотрудником Института этнографии им. Миклухо-Маклая, кандидатом исторических наук Г.В. Рыкушиной). На остальных могильниках антропологический материал не анализировался, но по сопровождающему инвентарю

подтверждается, что большая часть трупосожжений IX–XI вв. принадлежит женщинам.

Сожжение трупа производилось вне могильной ямы в специальных местах на территории могильника. Вещи, найденные в могилах с кремацией, за редким исключением, следов огня не несут.

Кремационные ямы обнаружены на Юмском и Черемисском могильниках. Кострищем, над которым производилась кремация, могла быть яма № 11 на западной окраине могильника Нижняя Стрелка. Яма имела размеры 300 х 250 см и заполнение из красного прокаленного песка и углей.

Могильные ямы с кремацией имели, в основном, такую же форму, что и при трупоположении. Исключение составляют 4 захоронения округлых очертаний на Младшем Ахмыловском могильнике, погребение 52 этого же могильника, имеющее округленные формы.

В могилах в единичных случаях также сохраняются подстилки.

Ориентацию могильных ям возможно установить условно по расположению вещей в могиле. В ориентации могил с кремацией сохраняется та же закономерность, что и в ориентировке погребений с ингумацией.

Почти во всех могилах с кремацией на могильнике Нижняя Стрелка (исключение погребения 2 и 2–а) вместе с костями человека найдены кальцинированные кости животных. На остальных памятниках кости для анализа не брали.

По расположению костей и вещей в могиле различаются несколько вариантов (табл. 9):

I – кальцинированные кости располагаются по всему дну могильной ямы в беспорядке, вещи уложены как при трупоположении или небрежно разбросаны по всей могиле (рис. 16–*4*). Только в 3-х погребениях могильника Нижняя Стрелка положение костей приближается к анатомическому (рис. 16–*1*);

II – обожженные кости концентрируются компактно по центру или в одном конце могильной ямы, а вещи разбросаны по всей могиле или располагаются вместе с костями (рис. 16–3, *7*);

III – кальцинированные кости расположены 2 скоплениями, а вещи по всей могиле.

Обряд трупосожжения во второй половине I тысячелетия н. э. характерен почти для всех финно-угорских племен, но в каждом регионе имеет свои особенности.

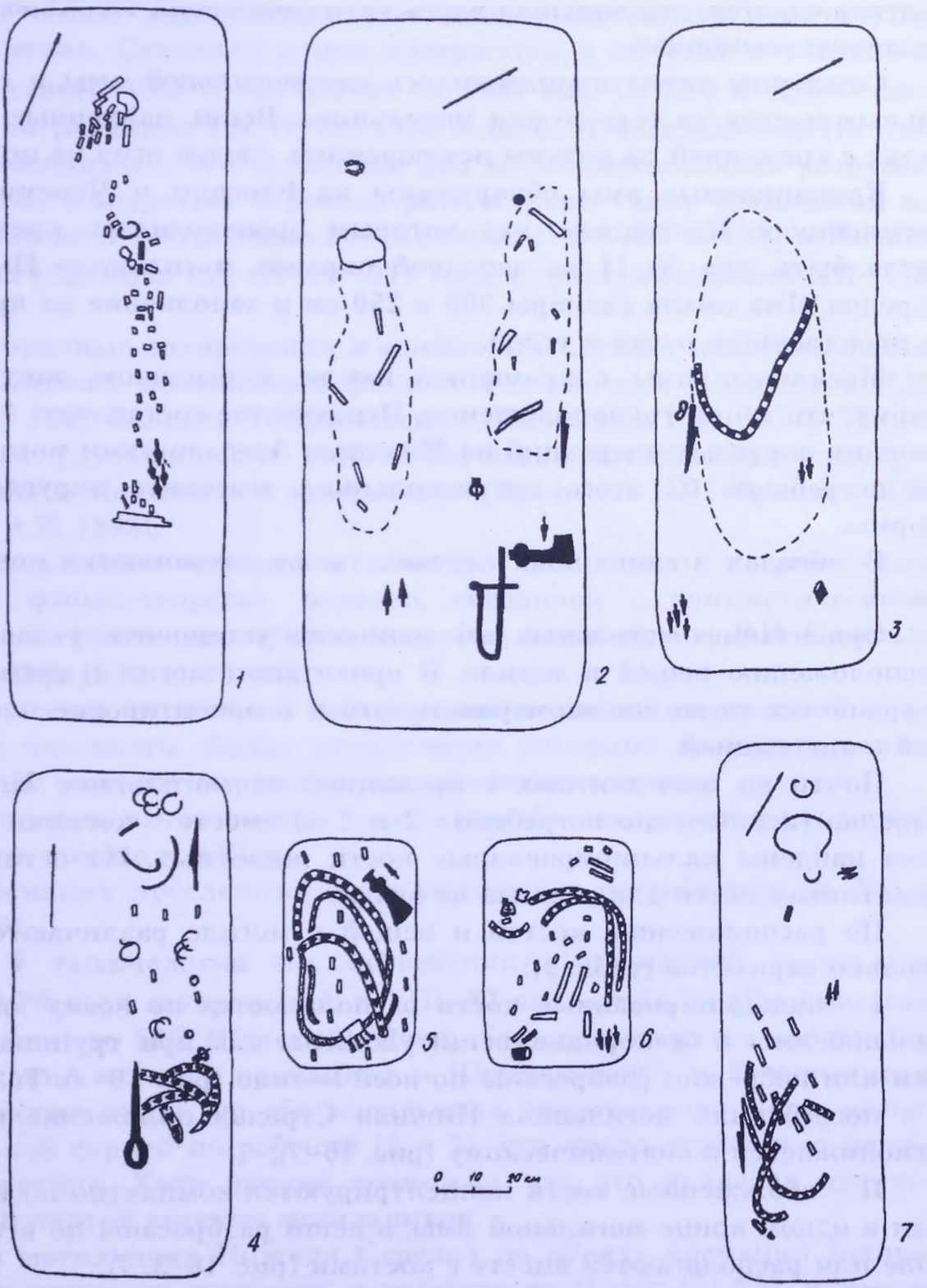

Рис. 16. **Могильник Нижняя Стрелка. Кремация.**

1 – погребение 8; 2 – погребение 37; 3 – погребение 34; 4 – погребение 30; 5 – погребение 28;6 – погребение 26; 7 – погребение 16.

В Прикамье у племен ломоватовской культуры сожжение проводилось за пределами могильников, а кальцинированные кости, угли, золу ссыпали в могилу вместе с погребальным инвентарем по мере ее заполнения. Таким образом, жженые кости и, в большинстве случаев, вещи фиксировались в могильной засыпи. В редких случаях инвентарь располагался на дне кучей или в беспорядке [Голдина Р.Д. 1985. С. 32–33; Кананин В.А. 1983. С. 89].

В вымских могильниках кремация также производилась на стороне. Кальцинированные кости ссыпались в могилу вместе с остатками костра беспорядочно в засыпь, иногда они сконцентрированы в какой-либо части могилы. Вещи встречаются в засыпи и на дне или только на дне [Савельева Э.А. 1987. С. 16, 22].

Для памятников азелинской культуры характерен обряд сожжения, аналогичный вышеописанному. В погребениях Худяковского и могильника Кордон жженые кости и сопровождающий инвентарь ссыпались в могилу в беспорядке и зафиксированы, в основном, в засыпи [Голдина Р.Д. 1987. С. 46; Лещинская Н.А. 1987. С. 66).

В муромских могильниках кальцинированные кости вместе с вещами помещались на дне ямы бессистемно или кучами, а вещи по всей могиле в порядке, аналогичном их расположению при трупоположении. Выделяется также группа погребений в ямах округлой формы [Дубынин А.Ф. Отчет за 1945, 1947, 1949; Смирнов А.П. 1952. С. 147; Гришаков В.В., Зеленеев Ю.А. 1990. С. 16].

Среди пензенских могильников кремация впервые зафиксирована в Армиевском, если не считать единственного трупосожжения в Селикса-Трофимовском могильнике [Полесских М.Р. 1974. С. 30; 1979. С. 8]. В ранних пензенских могильниках жженые кости располагались по дну всей могилы, вещи лежали на дне кучей или по всей могиле, чаще в порядке их расположения при ингумации [Вихляев В.И. 1977. С. 53]. Аналогичный обряд трупосожжения в мордовских памятниках отмечал в свое время А.П. Смирнов [Смирнов А.П. 1952. С. 154].

Таким образом, в проявлении обряда кремации у финно-угорских народов наблюдается две тенденции:

1) положение костей и вещей на дно могильной ямы компактно или кучей, характерное для волго-окских финнов;

2) ссыпание вещей и костей в могилу бессистемно в процессе ее заполнения распространено у народов Прикамья. Исключение составляют Варнинский могильник, в нескольких погребениях которого кальцинированные кости вместе с вещами располагались на

дне могильной ямы [Семенов В.А. 1980. С. 12], Петропавловский могильник в Южной Удмуртии и несколько погребений (4 из 312) на р. Чепце.

Судя по особенностям, обряд трупосожжения на марийских памятниках наследует волжско-финскую традицию. Наиболее близкий обряд сожжения обнаружен на Безводнинском [Краснов Ю.А. 1980. С. 27] и Желтухинском [Уткин А.В., Черников В.Ф. 1994. С. 42 – 43] могильниках.

Захоронение жженых костей с вещами в ямах округлых форм также имеет аналогии в Безводнинском, Малышевском и Хотимльском [Отчет об археологических исследованиях Хотимльского могильника. 1947 г.; Отчет А.Ф. Дубынина. 1945 г.] могильниках, в погребениях у д. Попово и Молочное [Леонтьев А.Е. 1996. С. 249–250, 264].

Процентное соотношение обрядов ингумации и кремации на могильниках волжских финнов различается. Трупосожжения в рязанско-окских могильниках составляют 10 % [Смирнов А.П., Трубникова Н.В. 1965. С. 21]. В муромских некрополях погребения с трупосожжениями составляют 16–18%, причем этот процент значительно ниже для ранних захоронений VI–VII вв., чем для IX–XI вв. [Гришаков В.В., Зеленеев Ю.А. 1990. С. 16]. В Серповском могильнике VI–VII вв. трупосожжения составили 22% [Голубева Л.А. 1987. С. 102] – 25,6% [Алихова А.Е. 1959-а. С. 117], в Иваньковском – 35%. [Третьяков П.Н. 1948. С. 41]. По процентному соотношению, обряд кремации древнемарийских захоронений раннего этапа приближается к обряду мордовских могильников.

Частичное трупосожжение наблюдается лишь на раннем этапе формирования марийской культуры. Несколько таких случаев зафиксированы на Младшем Ахмыловском могильнике. В погребении 152 обожженный череп лежал на затылке, в области груди располагались обломки обожженной кости. В коллективном погребении 485 кости обоих погребенных сильно обуглены. Погребенный в могиле 682 имел обожженный череп. В погребениях 28 и 37 Нижней Стрелки костяки сожжены не полностью, в первом случае найдены необожженные фаланги пальцев.

Частичная кремация трупа встречается в I тысячелетии н.э. и у других финно-угорских племен. Упоминания о таком обряде можно найти при описании могильника Кордон [Лещинская Н.А. 1987. С. 65]. В погребении 218 Армиевского могильника обнаружены останки покойника [Полесских Р.М. 1979. С. 8), у которого сожжено лишь туловище.

Несмотря на то, что обряд кремации к XII в. исчезает полностью, его отголоски проявляются вплоть до XVIII в. В засыпи многих могил XVI–XVII вв. заметны угли (279 погребений), несколько могил Арзебелякского кладбища (погребения 30, 49, 50, 83, 98) и одно на могильнике Сосновая Грива полностью засыпаны углем и золой. В погребении 43 Арзебелякского могильника углем и золой заполнена не вся могильная засыпь, а только внутренняя полость погребальной конструкции. Углистая подсыпка вокруг черепа и под ним зафиксирована на Арзебелякском, Отарском, Выжумском и Сосновая Грива XVI–XVII вв. могильниках. В двух погребениях Большепольского могильника этого же периода огнем затронуты даже кости черепа. Угли и зола брались, вероятно, с жертвенных костров, которые разводились здесь же на могильнике. Над отдельными погребениями Мало-Кугунурского, Отарского, Арзебелякского, Уржумнолинского и других могильников сохранились следы кострищ (табл. 4). Иногда костер разводили непосредственно на крышке гробовища еще до засыпки могилы, вследствие чего доски с внешней стороны были обожжены (Арзебеляк: погребения 46, 119). Из обгорелых досок сделана погребальная конструкция погребения 30 Отарского могильника [Никитина Т.Б. 1992. С. 22]. Близкий обряд наблюдается в синхронных мордовских Коринском и Сарлейском [Горюнова Е.И. 1948. С. 10; Горюнова Е.И. 1948-а. С. 62], удмуртских Нязь-Ворцинском, Чабыровском, Еловом [Шутова Н.И. 1992. Табл. 12] могильниках.

Особую группу погребений составляют *кенотафы*, к которым отнесены захоронения вещей и фрагменты одежды в могильных ямах обычных форм и размеров, но без следов костяка (рис. 17 – *1-3*). Иногда кенотаф представляет собой пустую могильную яму без костей и вещей. Разделение погребений на ингумацию и кенотаф в некоторых случаях условно, так как в могилах с трупоположениями кости не всегда сохраняются. Но следует отметить, что в погребениях XII–XIII вв. сохранность костей удовлетворительная, и даже хорошая, особенно по соседству с украшениями из бронзы.

Узлы с вещами, включенные предшественниками в разряд кенотафов [Архипов Г.А. 1973. С. 16], правильнее будет называть жертвенно-ритуальными комплексами.

По расположению вещей кенотафы IX–XI вв. различаются:

а) вещи расположены на дне в порядке ношения их при жизни (Нижняя Стрелка – 4, Дубовский – 1, Кочергинский – 1) (Рис. 17–*1*). В данном случае он повторяет обряд ингумации;

б) вещи расположены компактно одним или двумя скоплениями в могиле обычной формы (Нижняя Стрелка – 4 экз., Веселово – 3, Юм (Загребино) – 1) (рис. 17–*2, 3*). Подобные захоронения близки к обряду с трупосожжением. К этой же группе следует отнести погребение 21 Нижней Стрелки с ямой обычной формы, содержащей в лубяном бочонке завернутые в мех и луб вещи.

В погребениях XII–XIII вв. встречены кенотафы только первого типа.

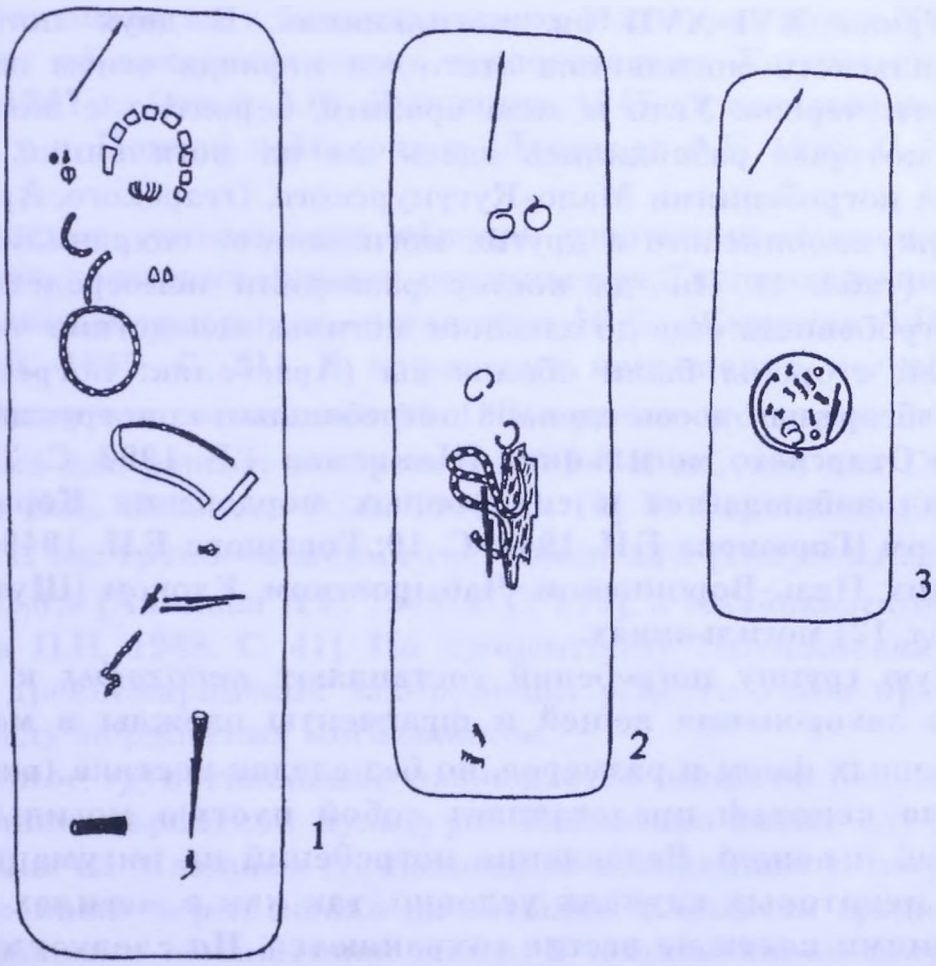

Рис. 17. **Могильник Нижняя Стрелка. Кенотафы.**
1 – погребение 10; 2 – погребение 6; 3 – погребение 3.

Для выяснения этнического своеобразия погребальных традиций марийского населения особое значение имеют *жертвенно-ритуальные комплексы*, представляющие собой, как правило, несколько вещей, расположенных компактно в нетрадиционном для них месте расположения, или уложенных в какую-либо емкость, а также кости животных в сосудах, котлах, туесах и т.д. Смысловое значение данного явления в литературе трактуется по-разному.

Одни исследователи называют их комплексами даров [Ошибкина С.В. 1979. С. 78; Белоцерковская И.В. 1997], жертвенными комплексами [Генинг В.Ф. 1967. С. 16; Истомина Т.В. 1982. С. 78] или жертвенными комплексами вещей.

Подобные комплексы помещались в могилу рядом с погребенным, в засыпь могильной ямы или в межмогильном пространстве.

Все эти варианты расположения комплексов обнаружены на древнемарийских могильниках.

Скопления вещей обычно располагались в изголовье (Черемисский могильник – 1, Веселовский – 8, Дубовский – 2) и в ногах погребенных (могильник Нижняя Стрелка – 3, Дубовский – 3, Веселовский – 2, Кочергинский – 1) (рис. 18–*А*). Сосуды также ставились в изголовье (погребение 4 Веселовского могильника – горшок, погребение 51 – чаша, погребения 70, 73 Дубовского могильника – туеса), а котлы – в ногах погребенных (Веселовский – 5 погребений, Юмский (Загребинский) – 2, Дубовский – 2, Нижняя Стрелка – 4).

Вероятно, такими комплексами являлись и туеса в погребениях–кенотафах 1 и 19, 21 могильника Нижняя Стрелка (рис. 18–*Б*).

В XII–XIII вв. в ногах или в изголовье помещались глиняные горшки (Починковский могильник – 3 погребения; Выжумский III – 3, Выжумский II – 1) и медные котлы (Выжумский II – 5, Выжумский III – 16, Починковский – 7). Медные котлы склепаны из листовой меди, имеют железную ручку, обернуты в бересту. Внутри медных котлов почти всегда помещалась деревянная чаша, а иногда берестяной туесок, а в погребениях 12 и 15 Починковского могильника в медных котлах содержались кости жертвенных животных. Четыре погребения Руткинского могильника содержали в ногах керамические сосуды, погребения 1 и 42 – медные котелки с берестяным коробом внутри, погребение 36, 38 – скопления вещей (погребение 36 – вещи на бересте). В изголовье 3-х могил Руткинского могильника также лежали жертвенные комплексы из вещей, завернутых в ткань и бересту.

Жертвенные комплексы характерны и для многих синхронных или более ранних культур Волго-Камского региона.

Жертвенно-поминальные комплексы в туесках достаточно широко распространены среди племен азелинской культуры [Халиков А.Х. 1962. С. 172; Халиков А.Х. 1977. С. 100].

В Уржумкинском, Мари-Луговском и Тюм-Тюмском могильниках азелинской культуры, расположенных на территории, впоследствии заселенной марийскими племенами, жертвенные комплексы имеют такой же характер. В небольшой нише северо-восточного

угла погребения 40 Мари-Луговского могильника на глубине 148–150 см обнаружены остатки берестяного короба, в котором находились бронзовый и железный браслеты, 6 халцедоновых подвесок. Жертвенные комплексы, помещенные в ногах или справа от погребенного, выявлены в пяти захоронениях азелинского могильника Тюм-Тюм. Они представляли собой скопления вещей, сложенных в кучу или в какую-либо емкость (эполетообразную застежку, глиняный сосуд, берестяную коробку) или свертки из луба, рогожи и меха. Комплексы состояли, в основном, из украшений, только в одном случае содержали оружие [Ошибкина С.В. 1979. С. 76] и были помещены в мужские погребения.

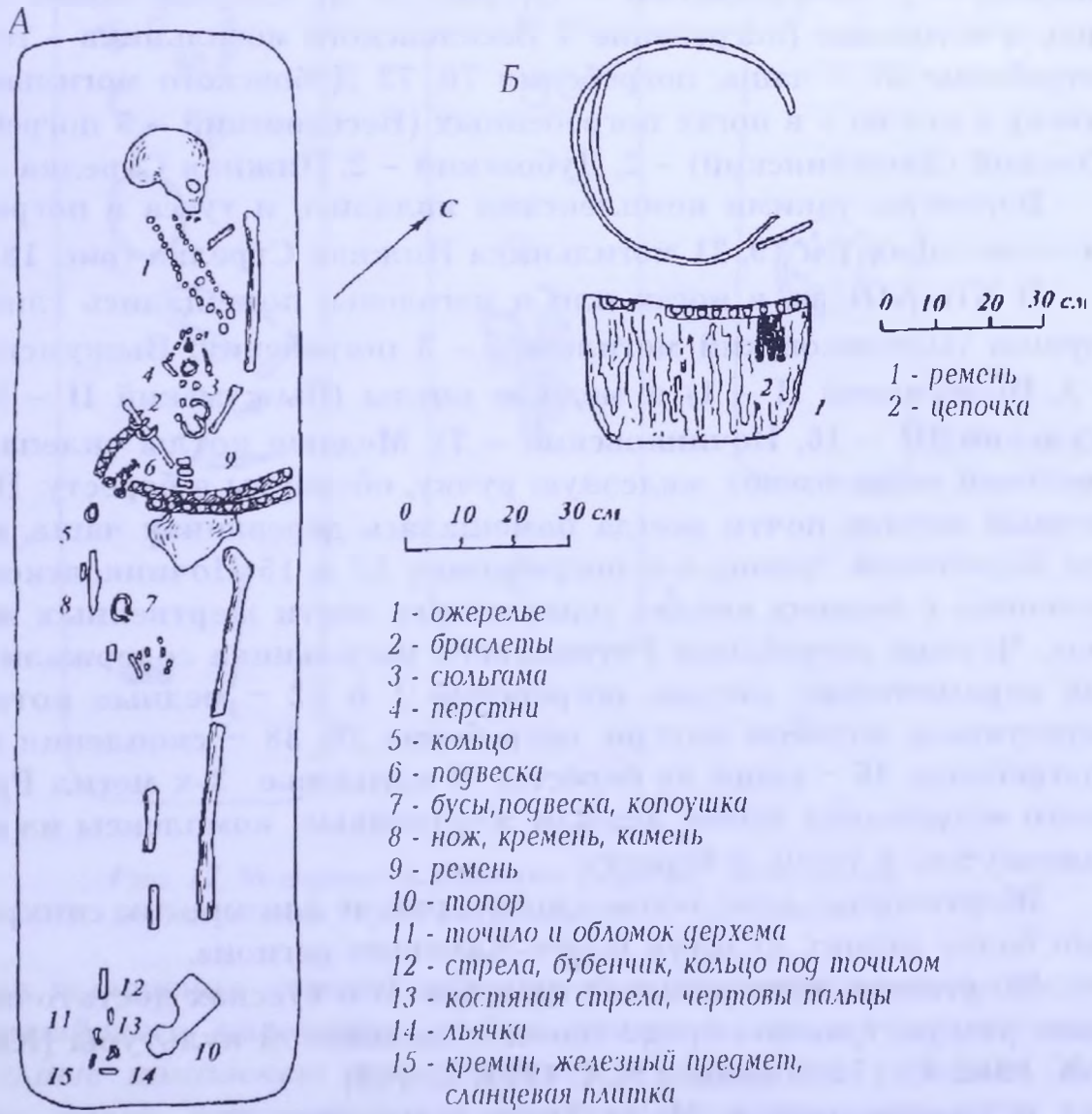

Рис. 18. **Могильник Нижняя Стрелка. Жертвенно-ритуальные комплексы. А – погребение 5; Б – погребение 21.**

Вещи в туеске обнаружены и на других памятниках азелинской культуры [Генинг В.Ф. 1963. С. 88; Голдина Р.Д. 1987].

Берестяные туеса с вещами при умершем – одна из характерных черт погребальных традиций населения мазунинской культуры [Останина Т.И. 1991. С. 81 – 84], встречаются в Бахмутинском и Бирском могильниках бахмутинской культуры [Мажитов Н.А. 1978. С. 25 – 26]. Они состояли из личных вещей, как правило, располагались в изголовье [Шмидт А.В. 1929; Останина Т.И. 1997. С. 26].

В материалах рязанско-окских могильников в могильных ямах встречены вещи в качестве даров, берестяные или лубяные туеса или коробочки [Белоцерковская И.В. 1997. С. 23 – 24; Ефименко П.П. 1975. С. 13 – 15; Кравченко Т.А. 1974. С. 149 – 182; Спицын А.А. 1901]. Аналогичные явления можно наблюдать в Армиевском могильнике [Рыков П.С. 1930].

Данное явление встречается в захоронениях поломско-чепецкого круга [Генинг В.Ф. 1979. С. 91; Семенов В.А. 1988. С. 30 – 31], муромских и мордовских древностях [Шитов В.Н. 1988].

В погребениях с ингумацией и погребениях–кенотафах древнемарийских захоронений достаточно часто жертвенно-ритуальные комплексы найдены в засыпи могильных ям, иногда почти у самой поверхности на уровне фиксации первичных очертаний могилы (Черемисский – 1 экз., Веселовский – 2, Дубовский – 1, Нижняя Стрелка – 11). Сосуды представлены железными и медными котлами, керамическими горшками, берестяными туесками, а в погребении 23 Нижней Стрелки – серебряной чашей. Сосуды в засыпи, как и в самой могиле, устанавливались над головой или в области ног. Встречаются два сосуда в засыпи одной могилы. Большинство из них, за исключением берестяных туесов, обернуты кверху дном. Серебряная чаша была повернута кверху дном, а под ней – височные кольца и медная цепочка. Берестяные туески содержали бессистемно расположенные украшения, завернутые в мех и ткань. Среди них преобладают украшения головы, рук и поясные. В погребении 19 в медном котле содержались кости птицы. В погребении 18 могильника Нижняя Стрелка прослежена интересная деталь: среди вещей находилось 6 браслетов, продетых в 2 перстня. Кроме сосудов в засыпи отдельных погребений найдены также украшения и орудия труда. Большая их встречаемость на могильнике Нижняя Стрелка объясняется лишь лучшей сохранностью последнего (табл. 10).

Находки жертвенных комплексов в засыпи, в отличие от жертвенных комплексов на дне погребения в непосредственном со-

седстве с костяком, рассмотренные выше, у других народов встречаются нечасто. Можно указать лишь на отдельные факты в погребальном обряде поломско-чепецких древностей [Семенов В.А. 1980. С. 30; 1985. С. 95; Иванов А.Г. 1991. С. 145], где они представлены вещами, завернутыми в мех и уложенными в туес, или сосуды в засыпи. Орудия труда и оружие поверх мужских захоронений обнаружены в одном случае на Хотимльском могильнике [Леонтьев А.Е. 1996. С. 216], скопление украшений – в древнемордовском могильнике Выползово 1 [Мартьянов В.Н. 1988. С. 120]. Наиболее близкие аналогии древнемарийским комплексам известны в муромских могильниках, но имеют достаточно ограниченное бытование в виде единичных случаев на Чулковском и Малышевском могильниках [Дубынин А.Ф. Отчет за 1947 год. С. 8, 20 – 21; Гришаков В.В. 1988. С. 72]. Такой элемент обряда как медные котлы, обернутые в бересту, с деревянной чашей внутри, можно наблюдать в муромских захоронениях Малышевского могильника [Дубынин А.Ф. Отчет за 1947 год. С. 8, 20–21].

Особый интерес представляет расположение комплексов в межмогильном пространстве практически на всех могильниках (табл. 7): Нижняя Стрелка (14 экз.), Дубовский (12 экз.), Веселовский (3 экз.), Черемисский (3 экз.), Юмский–Загребинский (3 экз.), Выжумский III (4 экз.). На Юмском (Загребинском) могильнике два узла с вещами были найдены в прошлом веке еще А.А. Спицыным.

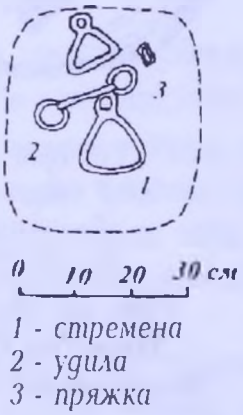
В публикациях предшественников они встречаются под номинацией погребение–кенотаф и введены в подсчеты при определении процентного соотношения различных способов захоронения [Архипов Г.А. 1973. С. 16].

Такой подход не совсем оправдан. Традиционно под кенотафами принято подразумевать совершение символического погребения для погибшего на стороне члена коллектива. Это захоронение, как правило, производилось с соблюдением существующих у тех или иных племен традиций погребального обряда с сохранением общепринятых размеров, засыпи, внутреннего устройства могильных ям и положения инвентаря.

Комплексы в межмогильном пространстве располагаются в небольших ямках округлых или округло-подквадратных очертаний, в основном, на глубине 15–20 см. Контуры ям прослежены не всегда, особенно если речь идет о малых глубинах. Не исключено, что часть таких комплексов не зарывалась в землю, а были оставлены на поверхности кладбищ.

По содержанию и по форме они повторяют жертвенные комплексы в засыпи могильных ям и могут быть разделены на три основных варианта (табл. 11).

Вариант I. Компактное расположение вещей в межмогильном пространстве (Нижняя Стрелка – 2 экз., Дубовский – 7 экз., Черемисский – 1 экз.). В эти скопления входили орудия труда, принадлежности конской сбруи, а также отдельные женские украшения. На могильнике Нижняя Стрелка обнаружены два комплекса вещей, состоящие из удил и стремян, возможно, сохранивших традиции существующих ранее конских захоронений (рис. 19).

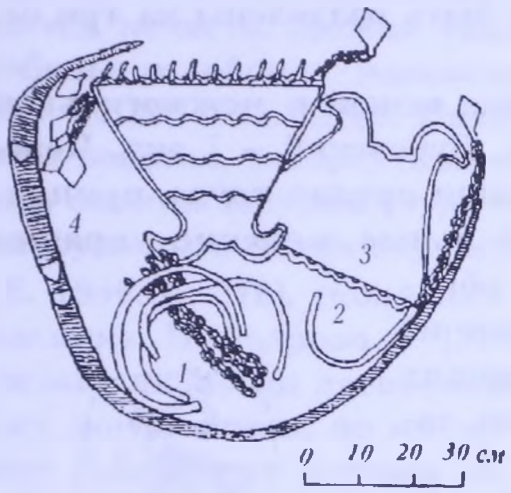

1 - стремена
2 - удила
3 - пряжка

Рис. 19. Могильник Нижняя Стрелка. Жертвенный комплекс 2.

Вариант II. Железные или медные котлы с вещами или жертвенной пищей (Нижняя Стрелка – 6 экз., Черемисский – 1 экз., Веселовский – 3 экз., Дубовский – 3 экз.). Иногда котел обернут кверху дном, а вещи располагались под ним. Под котлом жертвенно-ритуального комплекса 1 Нижней Стрелки найден почти целый скелет птицы, по всей вероятности, утки. Железные котлы между могилами на могильнике Нижняя Стрелка следует рассматривать также как остатки поминальной тризны и дары умершим сородичам, так как жертвенная пища не всегда могла сохраниться.

Вариант III. Вещи уложены в берестяной туесок или в лубяной бочонок, облицованный сверху берестой (Нижняя Стрелка – 6 экз., Дубовский – 2 экз., Черемисский – 1, Веселовский – 2, Юмский (Загребинский) – 3). Дополнительно вещи заворачивались в ткань, кожу, мех (возможно, это остатки одежды, так как на сохранившихся фрагментах всегда имеются швы), сверху в большинстве случаев стянуты ремнем (рис. 20). В отдельных случаях берестяные туеса сохранились достаточно хорошо: они имели деревянное дно, а край туеска по венчику обшивался кожей. В туес иногда ставилась также деревянная чаша. Лубяной бочонок, в который положены вещи, поверху опоясан в два ряда кожаным ремнем с бронзовыми накладками.

В туесах и бочонках, в основном, содержатся наборы женских украшений, среди которых встречаются практически все категории: головные, нагрудные, обувные, украшения рук (табл. 11).

1 - браслеты
2 - височное кольцо
3 - нагрудное украшение
4 - ремень

Рис. 20. **Могильник Нижняя Стрелка. Жертвенный комплекс 7.**

В отдельных случаях очень затруднительно отнести комплекс к тому или иному варианту. Так, например, комплекс 5 могильника Нижняя Стрелка имел в своем составе несколько компонентов, характерных для различных вариантов: внутри котла стоял берестяной туесок, содержащий деревянную чашу.

Близкий обычай положения даров встречается у многих финно-угорских народов эпохи средневековья. П.П. Ефименко на территории Гавердовского могильника обнаружил так называемое «приношение» вещей; лубяной короб с берестяным дном содержал женские украшения, уздечный набор и завернутые в ткань вещи: нагайку, поясной набор [Ефименко П.П. 1975. С. 14 – 17]. На территории могильника Кораблино также обнаружен комплекс, аналогичный Гавердовскому: в подтрапециевидной яме размерами 84 х 37–54 стоял берестяной короб с женскими украшениями и уздечным набором, рядом – ожерелье из бус [Белоцерковская И.В. 1997. С. 20].

Комплексы вещей в межмогильном пространстве, близкие первому варианту, обнаружены в материалах вымской культуры [Истомина Т.В. 1982. С. 83; Савельева Э.А. 1971. С. 48]. Для северных удмуртов комплексы вещей в межмогильном пространстве варианта 1 и котлы отмечены на трех могильниках (Весьякарском IX–XII вв., Варнинском V–X вв., Мало-Венижском XI–XIII вв. [Семенов В.А. 1991. С. 57; Иванова М.Г. 1991. С. 47]. Судя по описаниям М.Г.Ивановой, этот элемент обряда достаточно типичен для чепецких древностей и часто упоминается без ссылки на конкретные памятники [Иванова М.Г. 1992. С. 19]. В поломских памятниках жертвенные комплексы в засыпи чаще всего состояли не только из скоплений вещей, но имели в своем составе кости животных. Захоронения жертвенных даров в межмогильном пространстве являются достаточно распространенным обычаем среди памятников ломоватовской культуры, но имеют свои отличия. В состав комплексов входят кости животных, мелкие фрагменты керамики, стеклянные бусы и обломки различных вещей [Голдина Р.Д. 1985. С. 33].

Из приведенных аналогий очевидно: жертвенно-ритаульные комплексы в различных культурах имеют свою специфику. При множестве сходных деталей в устройстве жертвенных комплексов в межмогильном пространстве на некрополях финно-угорских народов Поволжья и Прикамья нужно отметить, что в культуре марийского населения они имеют наиболее широкое распространение (рис. 21), индивидуальные особенности и являются этноопределяющим признаком погребального обряда мари IX–XI вв.

Эти особенности погребальной обрядности продолжают сохраняться и в последующие эпохи.

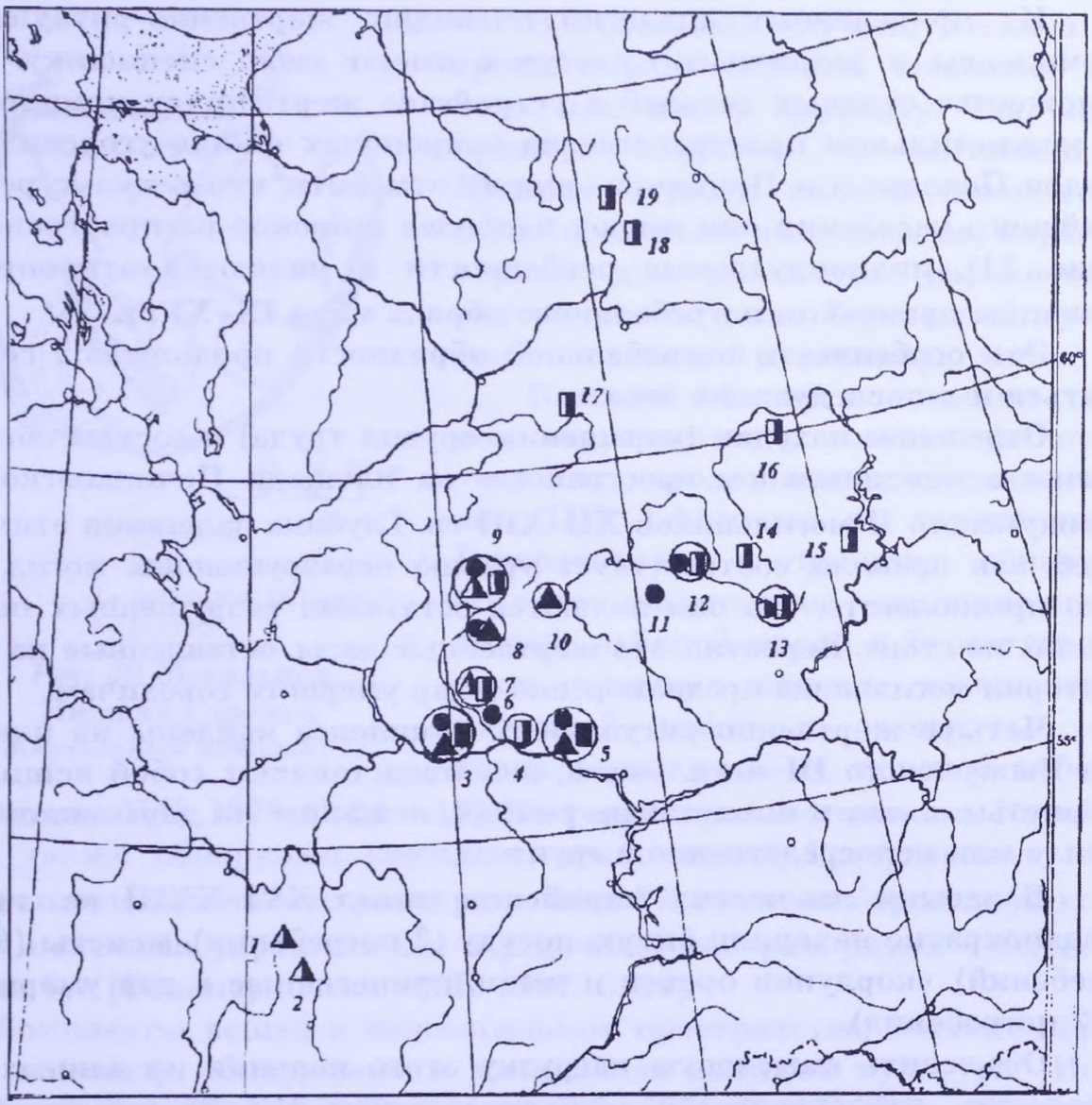
Отдельные находки (украшения, орудия труда) и сосуды обнаружены в межмогильном пространстве на площади Починковского и Выжумского II могильников XII–XIII вв. Глубина залегания этих вещей, как правило, соответствует уровню неразрушенных могил, так что предполагать, что они являются остатками разрушенных погребений, не стоит. Вероятно, это жертвенные дары, оставленные на территории могильника преднамеренно в дар умершим сородичам.

Четыре жертвенно-ритуальных комплекса найдены на площади Выжумского III могильника; они представляют собой вещи, завернутые в мех и опоясанные ремнем, лежащие на деревянном настиле или непосредственно в грунте.

В засыпи языческих марийских могил XVI–XVIII вв. также неоднократно находили битую посуду (2 погребения), монеты (6 погребений), скорлупки орехов и вещи, принесенные в дар умершему (22 погребения).

Объяснить смысловую нагрузку этого явления из данных археологии представляется затруднительным. Но все же вероятно, что жертвенные комплексы непосредственно в погребениях в отличие от комплексов в засыпи могильных ям и в межмогильном пространстве имеют различное назначение. Первые являются составной частью обряда захоронения, а вторые связаны с поминальными действиями и ритуалами. Подтверждением тому являются поминальные обряды марийцев.

Ряд этнографов прошлого столетия упоминают, что у черемис около слегка засыпанной могилы совершалась тризна, остатки которой, в том числе и посуду, бросали в могилу и засыпали землей [Кузнецов С.К. 1907. С. 20; Смирнов И.Н. 1889]. Мордва близкие действия совершала при обряде первого поминовения над могилой [Смирнов И.Н. 1895. С. 174].

□ - *ЖРК варианта 1* ○ - *ЖРК варианта 2* △ - *ЖРК варианта 3*

● - *массовые* ◑ - *единичные*

Рис. 21. **Карта распространения жертвенно-поминальных комплексов в могильниках.**

1 **– Кораблино – IV-VII вв. (ряз.-окск.);** ***2*** **– Гавердовский – V в. (ряз.-окск.);** ***3*** **– Нижняя Стрелка – IX – начало XII вв. (древнемар.);** ***4*** **– Мл. Ахмыловский;** ***5*** **– Дубовский – IX-XII вв. (древнемар.);** ***6*** **– Выжумский III – XII-XIII вв. (древнемар.);** ***7*** **– Выжумский II–XI-XIII вв. (древнемар.);** ***8*** **– Веселовский – IX-XI вв. (древнемар.);** ***9*** **– Черемисское кладбище – IX–XI вв. (древнемар.);** ***10*** **– Юмский (Загребинский) – IX-XI вв. (древнемар.);** ***11*** **– Мало-Венижский – XI-XII вв. (чепецкая культура);** ***12*** **– Урьинский – XI-XIII вв. (чепецкая культура);** ***13*** **– Варнинский – VI-X вв. (поломская культура);** ***14*** **– Аверинский – VI-VIII вв. (ломоватовская культура);** ***15*** **– Деменковский – VII-VIII вв. (ломоватовская культура);** ***16*** **– Агафоновский – V-VIII вв. (ломоватовская культура);** ***17*** **– Лоемский – XI-XII вв. (вымская культура);** ***18*** **– Ыджыдьельский – XI-XII вв. (вымская культура);** ***19*** **– Кичилькосский – X-XI вв. (вымская культура).**

До недавнего прошлого у марийцев существовал обычай посылать дары умершим родственникам путем бросания их в могилу любого совершаемого погребения. Обряд передачи даров своим покровителям (умершим сородичам, богам) посредством их зарывания в землю у марийцев известен при совершении ритуальных действий и на мольбищах. По этому поводу интересные данные зафиксированы В.В. Никитиным на марийских мольбищах. На мольбище Большая Гора в Звениговском районе Республики Марий Эл им обнаружены ведра, до половины врытые в землю, а также вырытые руками ямки глубиной на длину руки, диаметром от 10 до 20 см. Около отдельных ямок обнаружены остатки пищи, скорлупа яиц [Никитин В.В. Отчет 1985 года. С. 41]. На другом мольбище у д. Шимшурга этого же района ямки имели диаметр от 20 до 60 см, глубиной тоже от 20 до 60 см, некоторые из них сверху заложены дерном [Никитин В.В. 1987. С. 245].

Говоря о погребальных традициях марийского населения, следует упомянуть захоронения на городищах: Ардинское (VI в.), Чортово (VI–VII вв.), Васильсурское II (VI в.) и Васильсурское V (X–XII вв.). В них в большинстве случаев покоились неполные костяки. За исключением погребений на Чортовом городище, в остальных не обнаружено вещевого инвентаря.

На валу № 1 Васильсурского V городища Репище в могильной яме прямоугольной с округленными углами формы на глубине 30 см расчищены остатки трех неполных костяков, уложенных головой на запад. Первый костяк представлен черепом, крупными трубчатыми костями рук и ног и тазовыми костями. От второго в могиле найдены лишь кости таза и ног, от третьего – полностью весь костяк, но без головы. Сохранность костей очень хорошая. Предполагать, что недостающие кости были выброшены в процессе поздних перекопов, нет оснований из-за отсутствия последних. Вероятно, здесь совершены частичные захоронения, связанные с расчленением костяка. Такое своеобразное захоронение может быть следствием какого-то священного ритуала. Хотя не нужно исключать и другое объяснение данного захоронения: здесь могли быть погребены порубленные во время боевых действий жители поселка. Предложить однозначное решение пока трудно.

К ритуальному захоронению следует отнести погребение на мысу этого же городища (рис. 22). На стрелке на глубине 20 см от уровня современной дневной поверхности обнаружены очертания могильной ямы подквадратной формы размерами 176 х 140 см, в северо-восточном углу обозначилось подквадратной формы угли-

стое пятно 80 х 80 см с округлыми столбовыми ямками вдоль западной стенки. Могильное заполнение продолжалось до глубины 40 см. На глубине 30 см расчищены крупные камни, которыми придавлены человеческие черепа. На этом же уровне расчищены трубчатые кости, расположенные без системы. По предварительному осмотру возможно предположить, что в погребении захоронены остатки двух расчлененных человек, положенных головами в разные стороны.

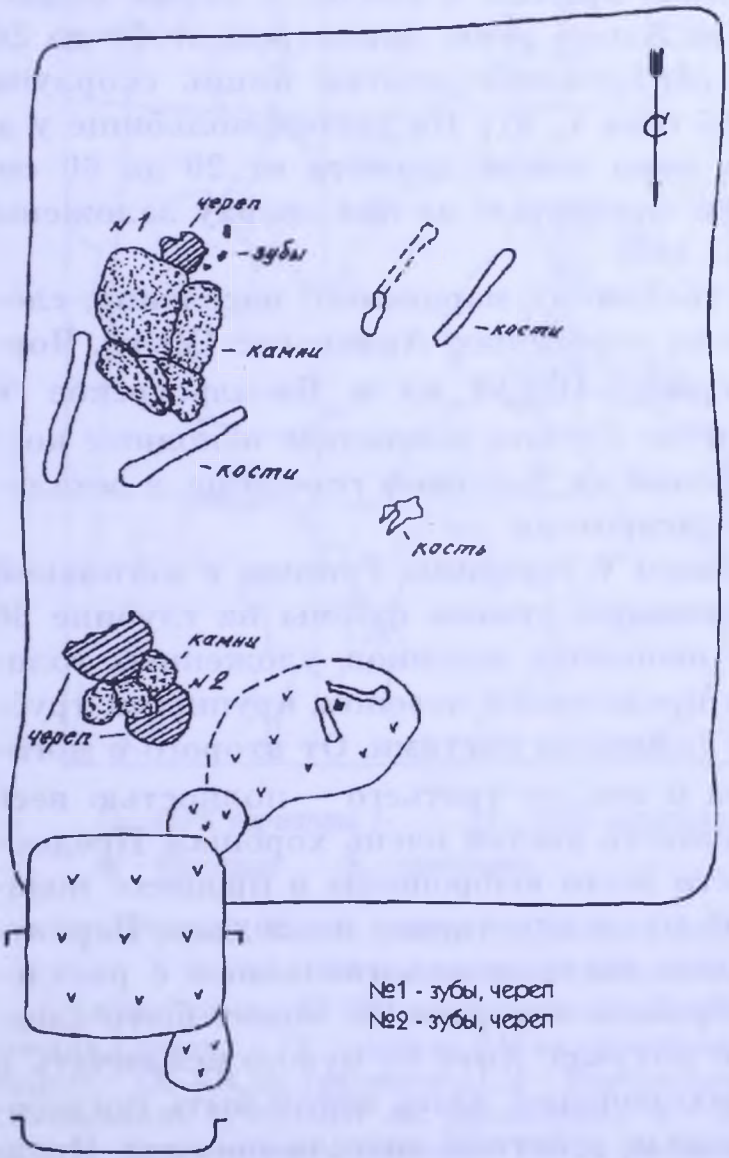

Рис. 22. Васильсурское V городище Репище. Захоронения на мысу. Погребение 1.

Аналогичные захоронения раскопаны на городище Ножа Вар вблизи д. Сареево под г. Ядрином [Трубникова Н.В. 1964. С. 134 – 135] и городище Тоганаши в Шумерлинском районе Чувашии [Трубникова Н.В. 1965. С. 226]. Нарушенные костяки известны на городищах именьковской (Ош-Пандо) [Степанов П.Д. 1967. С. 22] и городецкой (Троицко-Пеленицкое) [Городцов В.А. 1930] культур. Близкая традиция погребения на городищах наблюдается также у дьяковских племен, не имеющих погребальных памятников. Но этот обряд имеет отличия: обнаруженные кости кальцинированы, помещены в «домики мертвых» (Березняковское, Звенигородское городища) [Горюнова Е.И. 1961. С. 75–76; Краснов Ю.А., Краснов Н.А. 1967. С. 34, 36; Третьяков П.Н. 1941. С. 58–59] или уложены на специальную

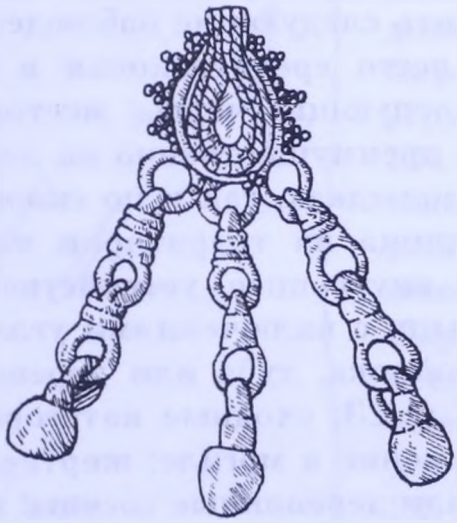
подсыпку из желтой супеси, которая могла также быть остатками погребальной конструкции (городище Орлов Городок) [Максимов А.Д. 1984. С. 66]. Одно погребение с трупосожжением в могильной яме подпрямоугольных очертаний обнаружено на Поповском городище на р. Унже. В могиле найдена также сердоликовая бусина. А.Е. Леонтьев предполагает ритуальный характер этого захоронения [Археология Костромского края. 1997. С. 123]. Вероятно, ритуальными они являются и на древнемарийских городищах и связаны с культом предков.

Рассмотрев материалы погребальных памятников различных периодов, можно сделать следующие наблюдения.

На протяжении всего средневековья в погребальном обряде четко фиксируются следующие черты: местонахождение памятников вблизи водоемов, преимущественно на левом берегу; захоронения как на ровных площадках, так и по склонам; групповое расположение могил; кострища на территории кладбища или над отдельными могилами; внутреннее устройство могильных ям (небольшая глубина, засыпь с включениями угля, золы и вещей, подстилки из бересты, войлока, луба или дерева); ориентация погребенных головой на С и СЗ; сходные категории погребального инвентаря и их расположение в могиле; жертвенная пища, помещенная в медные котлы или деревянные сосуды; жертвенные комплексы из украшений и хозяйственного инвентаря. Большинство из этих обычаев сохраняются у марийцев до XIX в., а у некрещеных групп марийцев вплоть до современности. Этнограф С.К. Кузнецов связывает мелкое захоронение умерших со страхом перед могилой, копая которую марийцы стараются не становиться в нее ногами [Кузнецов С.К. 1907. С. 20]. Возможно, устраивая мелкую могилу, марийцы не хотели создавать дополнительных препятствий для покойника при переселении его в страну мертвых. «Пусть легко стряхнешь ты с себя земную пыль», – говорится в народных молитвах [Маркелов М.Т. 1931. С. 278; Никитин В.В. 1980. С. 64]. В XIX–XX вв. территория марийского кладбища также подразделялась на отдельные участки в зависимости от количества родственных групп в деревне [Попов Н.С. 1981. С. 167]. Этнографические параллели можно проследить и по другим признакам погребального обряда древних марийцев.

Наиболее ярко этнографические признаки выражены в материалах VI–XI вв. Начиная с XII в., наблюдается упрощение обрядности: исчезает кремация, уменьшается количество жертвенных комплексов. С XVI–XVII вв. в погребальном обряде фиксируются

новые явления: увеличивается процент западной ориентировки, появляются кресты и погребальные камеры в форме рам, колод или гробов. Происходящие изменения являлись следствием контактов местного населения с окружающими народами, о чем пойдет речь в главе 5.

ГЛАВА 4
КУЛЬТУРА И БЫТ

§ 1. Украшения и детали одежды

Одежда как один из наиболее устойчивых этнических признаков дает богатый материал для рассмотрения отдельных проявлений и форм национальных культур. Справедливо указывала Н.И.Гаген-Торн: «возникновение стиля одежды и украшений – это не случайная мода, а творческий акт, имеющий свой закономерный внутренний смысл. В историческом процессе на него нарастают дальнейшие напластования, часто затушевывающие первоначальный смысл или хранящие рудименты его в силу бессознательной культурной традиции» [Гаген-Торн Н.И. 1960. С. 76].

Используя костюм, преимущественно женский, в качестве этноопределяющего индикатора, удается идентифицировать принадлежность носителей к определенному этносу, а порой и к этнографической группе.

Марийский женский костюм состоял из головного убора, холщовой рубахи свободного покроя, перехваченной в области талии поясом, и обуви. В качестве зимней одежды использовался кафтан из телячьей кожи, сшитый мехом внутрь, и меховые рукавицы. Костюм дополнялся большим количеством украшений различного назначения. Отдельные детали – пряжки, перстни, нашивки из позумента – могли использоваться как в женском, так и в мужском костюме. Определить половозрастную принадлежность их носителей без антропологического анализа костей не всегда возможно. Поэтому характеристика этих вещей дана без разделения на мужские и женские.

К настоящему времени разработаны и опубликованы достаточно подробные классификации украшений из памятников различных эпох: I тысячелетия н.э. [Никитина Т.Б. 1999-а], IX–XI вв. [Архипов Г.А. 1973; Никитина Т.Б. 1990-а], XII–XIII вв. [Архипов Г.А.

1986], XVI–XVII вв. [Никитина Т.Б. 1992]. Дублировать их в настоящей работе не имеет смысла, поэтому я решила рассмотреть только основные типы украшений для каждой эпохи и проследить их развитие в исторической перспективе.

Этноопределяющие украшения для могильников IX–XI вв. выделил Г.А. Архипов: головной убор, состоящий из налобного венчика и медных цепочек; височные кольца с заходящими концами, один из которых отогнут и имеет различное оформление в виде утолщения, грибовидной или многогранной головки; трапециевидные пластинчатые подвески с конскими головками; арочные подвески со сплошной основой; усатые широкосрединные перстни [Архипов Г.А. 1973. С. 17–40; 1991. С. 18].

Аналогичная работа по могильникам XVI–XVII вв. проделана Т.Б. Никитиной. В качестве этноопределяющих выделены: шарпан-нашмак; височные украшения-лунницы и в форме несомкнутого кольца, один конец которого загнут внутрь и имеет дополнительные привески; шейные украшения-воротники; пластинчатые сюльгамы с геометрическим орнаментом из насечек; нагрудные декоративные украшения типа «ширкамы» и «почкамы»; овальнощитковые перстни с нарезным орнаментом; кожаные назадники с медными трубочками «ӱпинэ» [Никитина Т.Б. 1992. С. 80].

Головные уборы и украшения

Головные уборы представлены венчиками–повязками, шапочками, высокими берестяными уборами и дополнялись жгутами, цепочками и низками бус.

Венчики-повязки. Фрагменты этих головных уборов являлись достаточно частой находкой в погребениях, но немногие из них подлежат реконструкции: VI–VII вв. – 22 экз., VIII–XI вв. – 7 экз., XII–XIII вв. – 3 экз., XVI–XVII вв. – 34 экз. (прил. 2, рис. 31).

Наиболее древние экземпляры VI–VII вв. представляли тканые или кожаные полоски шириной 1,5 см, соединенные на затылке пряжками. На основу прикреплены в три ряда сыромятные ремешки с надетыми бронзовыми пронизками и обоймочками (прил. 2, рис. 31–*2*; 39 Б–*6*; 45 А–*9*). В погребении 153 Младшего Ахмылова для лучшего крепления ремешки соединены между собой дополнительными бронзовыми держателями. Кожаная основа зафиксирована не во всех случаях. Иногда ремешки, скрепленные между собой держателями, соединялись узлом и могли не иметь кожаной основы, как это можно наблюдать в погребении 9 Желтухинского могильника [Уткин А.В., Черников В.Ф. 1994. Рис. 5–*3*]. Головные венчики такого типа встречены в мордовских могильниках [Алихо-

ва А.Е. 1959. С. 26, рис. 3, *1*], в рязанско-окских захоронениях стадии А–В1 [Спицын А.А. 1901. С. 33, табл. 25; Ефименко П.П. 1926. С. 69], где их появление В.В. Седов объясняет балтским влиянием [Седов В.В. 1987].

В Младшем Ахмыловском могильнике фиксируются головные венчики других разновидностей: а) на кожаную ленту шириной 1,4–1,5 см нашиты бронзовые накладки (прил. 2, рис. 31–*8*; 41–*12*); б) полоски ткани, обжатые бронзовой проволокой (прил. 2, рис. 31–*12*). Первые из них встречены в сочетании со жгутами (погребения 45, 91) и имеют сходство с головными венчиками типов II–IV Безводнинского могильника с нашитыми дополнительными украшениями (бусами, пронизками, скорлупками) на тканую или кожаную ленту. Вторые (погребения 486, 739) близки к муромским венчикам второго этапа, представляющим собой кожаную ленту, обжатую пластинами [Гришаков В.В., Зеленеев Ю.А. 1990. С. 24], но отличаются от последних тем, что вместо пластин используются проволочные кольца, расположенные не вплотную, а достаточно разряженно.

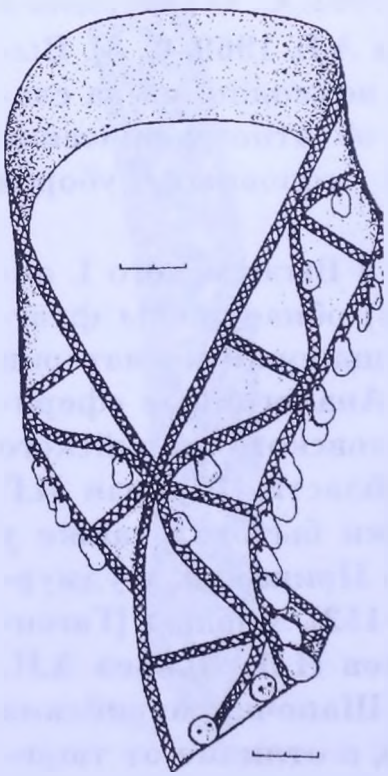

Рис. 23. Реконструкция головной повязки из погребения 37 Картуковского могильника.

Кожаные или тканые венчики с бронзовыми накладками получают развитие в последующий период. В могильниках IX–XIII вв. кожаные ленты шириной 3–3,5 см закреплялись на жесткую основу (луб или береста), в области затылка завязывались шнурками или скреплялись пряжками. Лицевая поверхность украшалась металлическими пластинчатыми накладками или бусами (прил. 2, рис. 31–*60-а*).

Венчики продолжали использоваться в составе головного убора в XVI–XVII вв. (Картуковский, Мало-Кугунурский, Арзебелякский и т.д.) и представляли собой полоску ткани шириной 3 см, концы которой иногда спускались на спину. С XVI в. место накладок в качестве украшений заняли монеты, бусы и позумент. Благодаря прекрасной сохранности головного убора в погребении 37 Картуковского могильника можно представить его полную реконструкцию (рис. 23). Повязка была изготовлена из полоски крас-

ной материи, расшитой тесьмой из позолоченного позумента. Между двумя рядами тесьмы располагался третий – в форме зигзага. По нижнему краю повязки и в вершинах зигзага нашиты серебряные монеты. Концы повязки застегивались на затылке при помощи двух стеклянных пуговиц. Сзади крепились две нитки бус, опускающиеся на спину до пояса вдоль косы. В месте соединения бус с головным убором прикреплены два медных жетона.

Кроме венчиков получает, хотя и не столь широкое, распространение другой тип головного убора в форме шапочки.

Остатки *шапочки* обнаружены в погребении 89 Младшего Ахмыловского могильника, ее край расшит бусами и свисающими на лоб прямоугольными и овальными подвесками. Фрагменты шапочек в нескольких случаях удалось зафиксировать в погребальных комплексах IX–XIII вв. (4 экз.) и XVI–XVII вв. (4 экз).

Подобные головные уборы характерны для культур многих финно-угорских народов эпохи средневековья: удмуртов в IX–XIII вв. [Гаген-Торн Н.И. 1960. С. 152; Белицер В.Н. 1951. С. 57], мордвы в VIII–XI вв. [Воронина Р.Ф. 1973. С. 53; Алихова А.Е. 1969. С. 8]. Выделить их своеобразные особенности не всегда возможно из-за слабой сохранности тканевой основы. Говорить об этнографических особенностях можно только относительно головных уборов XVI–XVII вв.

В могильниках XVI–XVIII вв. (погребение 4 Выжумского I, погребениях 19 и 42 Картуковского могильников) обнаружены фрагменты головных уборов в форме сферической шапочки из материи малинового цвета [Никитина Т.Б. 1992. С. 46]. Аналогичные сферические шапочки найдены в погребениях Грековского марийского могильника в Тужинском районе Кировской области [Шапран И.Г. 1984]. Близкий головной убор в форме шапочки бытовал также у других народов Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья: у удмурток и бесермян [Гаген-Торн Н.И. 1960. С. 152–153], мордвы [Гаген-Торн Н.И. 1960. С. 157–158] и чувашей [Воробьев Н.И., Львова А.Н., Романова Н.Р., Симонова А.Р. 1956. С. 306–309]. Шапочки марийских женщин, как и других финно-угорских народов, в отличие от тюркских, не имели шишака и наушников.

Есть основания считать, что головных уборов в форме венчика и шапочки было значительно больше, чем нам удалось зафиксировать. Подтверждением тому служат височные кольца, которые крепились к краю головного убора.

Особый интерес представляет фрагмент головного украшения из погребения 19 Младшего Ахмыловского могильника (прил. 2,

рис. 31–*1*; 34–*10*). Полоска ткани длиной 16 см и шириной 3,2 см по длинным краям имеет бронзовые накладки-зажимы и привески с обоих боков; лежала на черепе на темени, подвески спускались с обеих сторон в области висков. В числе близких по форме украшений следует отметить головной убор из погребения 33 Руткинского могильника XI–XIII вв. В составе этого украшения обнаружены фрагменты налобного венчика с накладками. Интересно описание другой части убора: от одного виска до другого был обнаружен ряд бронзовых накладок, нашитых на ткань. Судя по прорисовке в публикации Г.А. Архипова, эти накладки были нашиты дугообразно [Архипов Г.А. 1986. С. 17, рис. 14], что соответствовало бы форме кокошника. В этом случае накладки должны крепиться на жесткую основу, следов которой не обнаружено. Из полевых описаний следует, что накладки лежали на темени. Во втором случае это напоминает способ ношения украшения из Младшего Ахмыловского могильника. Точных аналогий данным уборам нам неизвестно, но по форме, размерам, способу ношения они напоминают «*нашмаки*», составляющие часть головного украшения горных мари «шарпан-нашмак». Находки «нашмаков» неоднократно встречаются в марийских могильниках XVI – начала XVIII вв. (рис. 24).

Рис. 24. Реконструкция «нашмака» из погребения 20 Выжумского могильника.

Поверх шарпана иногда надевали шапочку с открытым верхом, сплошь расшитую монетами, известную у современного марийского населения под названием «*ошпу*». Остатки подобной шапочки из красной ткани, расшитой рядами монет в виде чешуи, обнаружены в погребении 136 Картуковского могильника, погребении 2 Кадышевского II и погребении 4 Кукшлидского могильников.

Женские головные уборы «нашмак» и «ошпу» нередко представляли собой немалую материальную ценность (в погребении 136 Картуковского могильника в состав головного убора вошло не менее 90 монет). На головных уборах погребений 106, 136 Картуковского могильника нашиты монеты, датированные от 1535 до 1645 гг. Очевидно, огромный хронологический разрыв в нумизматическом материале связан с длительным процессом изго-

товления данных вещей в качестве приданого еще задолго до свадьбы. Надев в день свадьбы женский головной убор, марийка обновляла его в течение всей жизни.

Особого внимания заслуживают головные уборы, известные в этнографической литературе под названием «*шурка*» – 19 экз. Головной убор имел берестяную основу в форме усеченного конуса высотой 30–40 см и шириной в верхней части 10 см. Этот берестяной остов обтянут материей малинового цвета, на которую нашивались ряды бус, монет и бисера. Убор держался на голове с помощью налобной повязки, сзади на спину спускалась небольшая лопасть.

По мнению ряда исследователей, шурка считается наиболее древним головным убором, характерным для марийских женщин всех этнографических групп [Крюкова Т.А. 1956. С. 136], на смену которому в ряде районов приходят «сорока» и «шарпан».

Анализ археологических материалов XVI–XVIII вв. не подтверждает этой точки зрения. Из 1268 раскопанных погребальных комплексов фрагменты головных уборов такого типа найдены лишь в 20 погребениях Грековского могильника в Тужинском районе Кировской области [Шапран И.Г. 1984. С. 92, 100], в 15 погребениях Уржумнолинского могильника в Мари-Турекском районе Марийской республики, в 5 погребениях Тюм-Тюмского могильника в Уржумском районе Кировской области. Все памятники располагаются в бассейне р. Вятки и ее притоков и обладают рядом особенностей, свойственных только этой локальной группе памятников. В остальных захоронениях остатков берестяных высоких уборов, расшитых бусами и монетами типа «шурки», не замечено, хотя береста в могилах, особенно в сочетании с цветным металлом, сохраняется неплохо.

Первые вещественные доказательства бытования высокого твердого убора у марийцев относятся к первой половине XVII в. Внешний вид его больше напоминает удмуртский «айшон» [Паллас П.С. 1788. С. 32, 33; Белицер В.Н. 1951. С. 62], чем марийскую «шурку», известную по этнографическим описаниям. В более ранних марийских могильниках никаких сведений о подобных головных уборах нет, но аналогичные берестяные высокие уборы обнаружены в удмуртских памятниках XVI–XVII вв. [Акимова М.С. Отчет 1955 года. Л. 2, рис. 49; отчет 1958 года. Л.3, рис. 27, 29], где предполагается их древняя местная основа [Генинг В.Ф. 1958. С. 121]. Очевидно, первые высокие берестяные уборы марийскими женщинами были заимствованы у удмуртов, поэтому не случайно они так схожи с

удмуртским айшоном и распространены только в могильниках Вятского бассейна, издавна являвшегося местом интенсивных марийско-удмуртских контактов.

В VI–VII вв. поверх налобной повязки в несколько рядов надевали *жгуты* – 18 экз. (прил. 2, рис. 23–*1*; 31–*3*; 42–*1*). По типологии, разработанной Ю.А. Красновым, выделяются два типа жгутов.

Основу жгутов первого типа представляла полоска кожи, внутри которой, как это установил Ю. А. Краснов по материалам Безводнинского могильника [Краснов Ю.А. 1980. С. 41], помещался деревянный прут. Аналогичные жгуты обнаружены в погребениях 153, 486 и составе отдельных находок Младшего Ахмыловского могильника. Сверху на жгут вплотную друг к другу надеты бронзовые кольца. Жгуты этого типа использовались фактически в качестве налобных венчиков. Ю.А. Краснов предполагал их использование в качестве украшений высокого берестяного убора [Краснов Ю.А. 1982. С. 54–55].

Жгуты второго типа изготовлены из шерстяных нитей, обмотанных тонкими кожаными ремешками, унизанными бронзовыми пронизками (Младшее Ахмылово, погребения 45, 91, 122). Для жесткой фиксации эти ремешки из погребения 45 скреплены по 4 экз. бронзовыми обоймочками.

Аналогии такому убору обнаружены в Гавердовском могильнике и в ранних (2 этап) муромских древностях [Краснов Ю.А. 1980. С. 49, рис. 30; Уткин А.В., Черников В.Ф. 1994. Рис. 5, *2*; Ефименко П.П. 1975. Рис. 27, *3;* Гришаков В.В., Зеленеев Ю.А. 1990. С. 23]. В муромских памятниках на Средней Оке они считаются этноопределяющим элементом культуры [Алихова А.Е. 1949. Рис. 28], имеют свои особенности ношения [Гришаков В.В., Зеленеев Ю.А. 1990. С. 24]. Судя по реконструкции Г.А. Архипова (прил. 2. рис. 42–*1*), способы ношения жгутов в Младшем Ахмыловском могильнике отличаются от муромских. В дальнейшем жгуты не получают развития в марийском костюме.

В IX–XIII вв. в качестве дополнения к головному убору стали использоваться металлические цепочки, состоящие из многочисленных проволочных звеньев: IX–XI вв. – 39 погребений, XI–XIII вв. – 5 погребений (прил. 2. рис. 31–*59, 60, 76*). Цепочки обертывались вокруг головы в несколько оборотов и придавали костюму марийской женщины этнографическую выразительность. Численность оборотов, вероятно, зависела от возраста, имущественного и социального положения носительницы. В погребении 12 Веселовского могильника цепочка обернута вокруг черепа

в 7 рядов, в погребении 29 могильника Нижняя Стрелка – не менее 5 рядов. От головной цепочки на лоб спускались дополнительные короткие цепочки с шаровидными бубенчиками, в области висков или за ушными раковинами дополнительные цепочки имели длину 10–15 см и завершались на концах бубенчиками, коготками рыси, коньковыми костяными привесками.

Существенной деталью головного убора, несущей этноопределяющую нагрузку, являются *накосники.*

Древнейшие формы этого украшения в памятниках типа Младшего Ахмыловского могильника (15 экз.) представлены различными вариантами: несколькими ремешками, двумя парами ремешков, раздвоенными ремешками, кистевыми накосниками и шнурами с бусами (прил. 2, рис. 23–*10, 11*; 31–*5, 7, 10, 13*; 39Б–*6*). Все эти типы есть в Безводнинском могильнике [Краснов Ю.А. 1980. С. 49, рис. 30], накосник из нескольких ремешков – на Чортовом городище [Халиков А.Х., Безухова Е.А. 1960. С. 18].

Наиболее широкие аналогии имеют накосники в виде двух пар ремешков, характерные только для VI–VIII вв. На ремешки надеты бронзовые проволочные и трубчатые пронизки, на концах пирамидальные или бутыльчатые подвески. Накосники, очевидно, вплетались в косу или перекидывались на грудь и спускались до уровня локтевых суставов, как это зафиксировано в Борковском [Ефименко П.П. 1926. С. 79] и Старокадомском [Шитов В.Н. 1988. С. 25] могильниках. Поэтому исследователи Младшего Ахмыловского могильника первоначально посчитали их за нагрудные украшения. Под такой номинацией они вошли в отчет. Аналогичные изделия известны на Гавердовском [Ефименко П.П. 1975. Рис. 27, *3*] могильнике.

Остальные типы накосников получают дальнейшее развитие в памятниках IX–XI вв. – 26 экз. (прил. 2, рис. 31–*39, 61*). В этот период в качестве привесок стали использоваться бронзовые бубенчики, треугольные подвески, лапчатые и конические привески, костяные коньки, резные костяные пронизки, копоушки, когти рыси. В XII–XIII вв. в состав накосников входят дополнительно медные зооморфные украшения и раковины-каури (прил. 2, рис. 26–*19; 31–75,81*). Большинство найденных накосников представлены фрагментами. Полную реконструкцию дать затруднительно, но очевидно, что преимущественное развитие получают простые формы из шнуров с бусами, а также вариант накосника из нескольких ремешков.

Эти же варианты мы находим в погребениях XVI–XVII вв. Накосник из нескольких ремешков приобрел форму широко распро-

Кресало. Дубовский могильник X-XII вв.

Кресало. Могильник Нижняя Стрелка IX - н. XII вв.

Нагрудное украшение.
Могильник Нижняя Стрелка
IX - н. XII вв.

Подвеска
к шейномуукрашению.
Дубовский могильник X-XII вв.

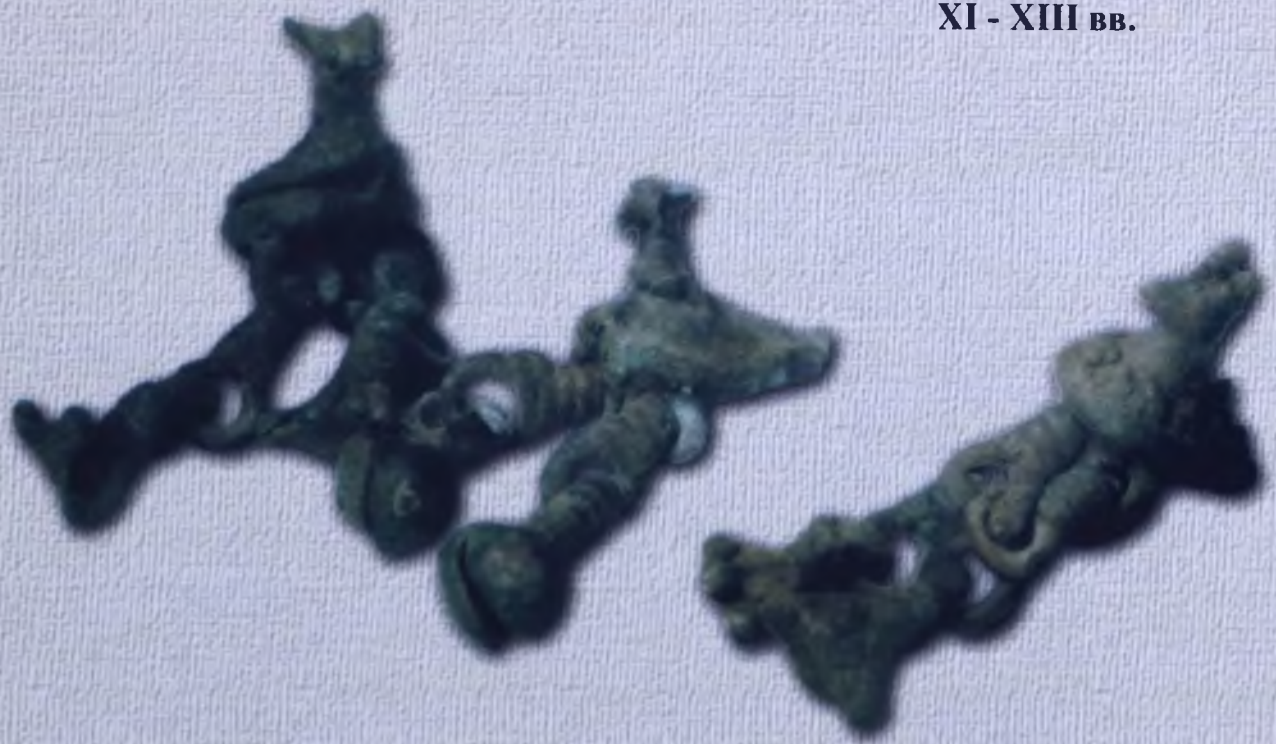
Нагрудное украшение.
Могильник Нижняя Стрелка IX - н. XII вв.

Привеска к обуви.
Могильник Нижняя Стрелка
IX - н. XII вв.

Привеска.
Выжумский III могильник
XI - XIII вв.

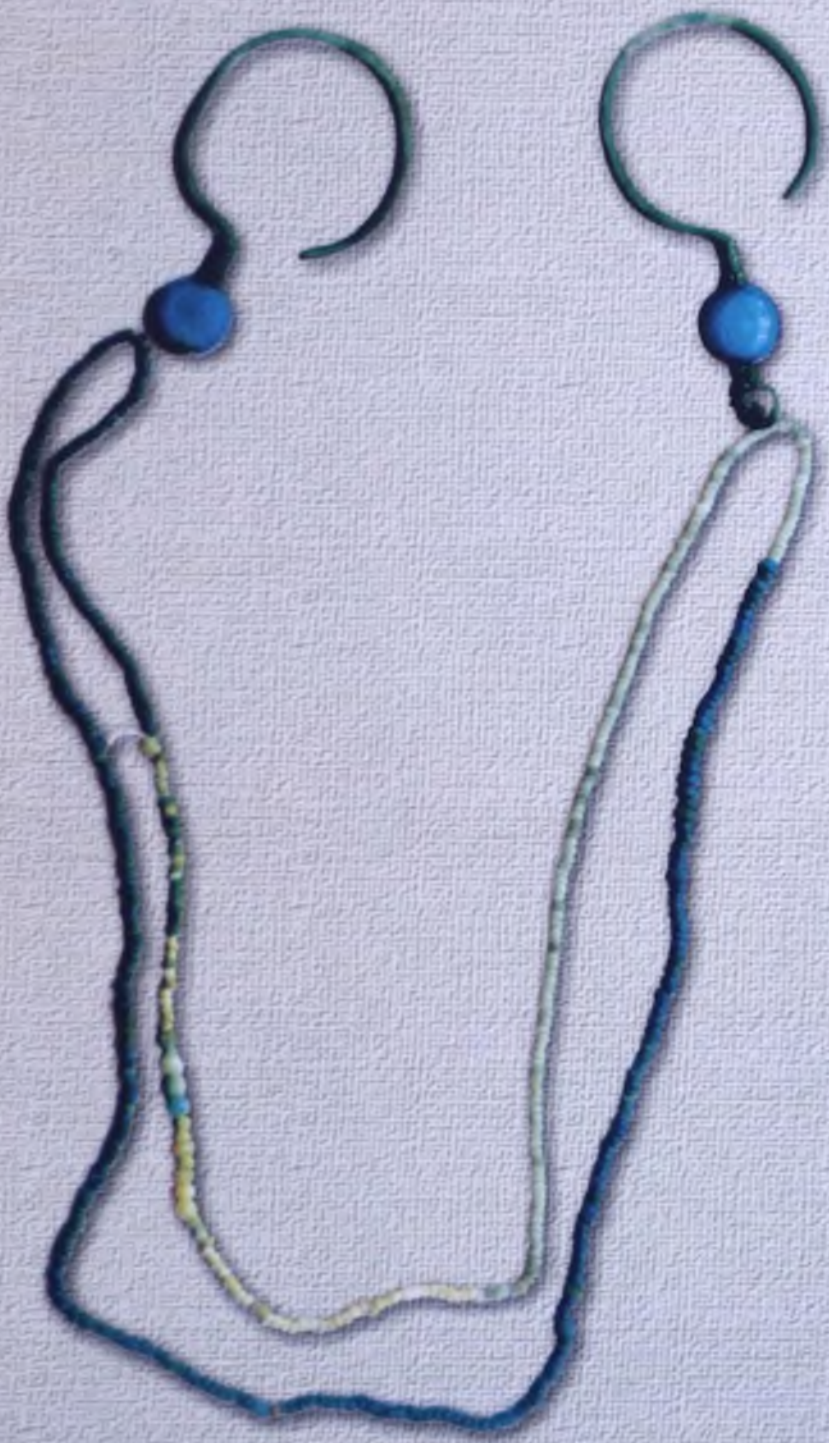
Зооморфные подвески.
Могильник Нижняя Стрелка IX - н. XII вв.,
Выжумский III могильник XI - XIII вв.

Нагрудное украшение.
Выжумский III могильник XI - XIII вв.

Нагрудное украшение.
Могильник Нижняя Стрелка
IX - н. XII вв.

Реконструкция височного украшения.
Картуковский могильник XVI-XVII вв.

Височное кольцо.
Картуковский могильник XVI-XVII вв.

Фрагмент головного украшения «нашмак».
Важнангерский могильник XVI-XVII вв.

Фрагмент нагрудного украшения. Выжумский могильник XVI-XVII вв.

Браслеты. Выжумский и Важнангерский могильники XVI-XVII вв.

Накладки от уздечки.
Дубовский могильник
X - XIII вв.

Поясные накладки.
Могильник Нижняя Стрелка
IX - н. XII вв.

Чаша.
Могильник
Нижняя Стрелка
IX - н. XII вв.

страненного у марийцев украшения «ӱпинэ» – 113 экз. (прил. 2, рис. 31–*105*). Первоначальное его предназначение объясняется названием «ӱппӱнем» – «волосная заплетка». Это украшение состояло из кожаной основы, на которую крепились 7–13 шерстяных шнуров или кожаных ремешков с нанизанными бусами и бронзовыми продолговатыми обоймочками. Функции накосников, оберегающих волосы, стали выполнять также лопасти от головного убора «шурка» и опускающиеся вниз концы повязок. На конце лопасти головного убора «шурки» и повязок, а также кожаных ремешков от «ӱпинэ» привешивались монеты, колокольчатые подвески, заменившие шумящие украшения предшествующего периода.

Традиционной частью головного убора марийской женщины являлись *височные браслетообразные кольца* из медной или серебряной проволоки.

В VI–VII вв. кольца изготовлены из круглой проволоки – 57 экз., прокованые концы соединены внахлест и крепятся по-разному (прил. 2, рис. 31–*6, 9*): два отверстия связаны ниткой, кожей или проволокой (прил. 2, рис. 23–*3*); на одном конце отверстие (но не щиток как у муромы), на другом маленький крючок, который вернее назвать шпеньком (прил. 2, рис. 34–*7, 8*). Почти половина височных колец имеет разомкнутые тупые (Младшее Ахмылово, погребения 82, 91, 122; Чортово городище, погребение 1) или заостренные (погребение 41 Младшего Ахмылова) концы (прил. 2, рис. 37Б–*11*; 39Б–*2*; 41–*5*).

Височные кольца с разомкнутыми концами получают широкое распространение в западной части лесной полосы Восточной Европы VI–X вв. Браслетообразные височные кольца появляются на Средней Оке на стадии С 1 по П.П. Ефименко около VI в. [Ефименко П.П. 1926. С. 73, рис. 4, *3*], обнаружены в Шатрищенском могильнике VII – начала VIII вв. [Кравченко Г.А. 1974. С. 134], в Борковском конца VII в. [Амброз А.К. 1971. С. 113], Старокадомском VII в., в Кочкинском могильниках второй половины VII – первой половины VIII вв., в яме № 19 Поповского городища на р. Унже, датируемой VI–VII вв. [Седов В.В. 1995. С. 226]. По мнению В.В. Седова, их появление в финно-угорских памятниках является результатом славянского влияния [Седов В.В. 1995. С. 226].

Височные кольца в марийских памятниках часто имеют дополнительные, иногда длинные подвески, завершающиеся щумящими привесками (прил. 2, рис. 31–*6, 9; 36–1, 2*).

Неустойчивость в способе соединения концов среди височных колец древнемарийских могильников также свидетельствует о нововведении данного типа украшений, которое явилось, вероятно, следствием внешнего воздействия.

В дальнейшем браслетообразные кольца входят в марийский костюм более основательно. В могильниках IX–XI вв. их найдено 106 экз. (прил. 2, рис. 31–*38, 40, 42*), в XII–XIII вв. – 14 экз. (прил. 2, рис. 31–*77–80, 82*). У ветлужских женщин в костюме присутствует не менее чем по 4 височных кольца (по 2 с каждой стороны). Девичий костюм предполагает в количественном отношении меньший набор колец. Наибольшее распространение с IX в. получили кольца с заходящими концами, один из которых отогнут и оформлен в виде плоской, многогранной или округлой головки – 70 экз. (прил. 2, рис. 24–*1–6*). Большинство изделий изготовлено из серебряной проволоки. Массовое распространение этих украшений в марийских могильниках, неповторимость на других территориях позволили Г.А. Архипову считать их специфическими для могильников IX–XI вв. Волго-Вятского региона [Архипов Г.А. 1973. С. 10].

У отдельных колец в могильниках IX–XI вв. один из концов оформлен завитком наружу (10 экз.). Этому типу соответствуют кольца из костромских памятников рубежа I–II тысячелетий н.э. [Нефедов Ф.Д. 1899. Табл. 1–*1*; Анучин Д.Н. 1899. С. 245, 246]. Е.А.Рябинин отмечает, что височные кольца с завитками наружу, в основном, сконцентрированы в памятниках к востоку от Костромы [Рябинин Е.А. 1986. С. 130], но они по размерам относятся к перстнеобразным.

В погребениях 7, 11, 15 Выжумского III могильника обнаружены бронзовые височные кольца диаметром 3–3,5 см с расплюснутыми концами, на одном из них имеется шпенек, продетый в отверстие второго кольца; концы заклепаны [Архипов Г.А. 1986. Рис. 15–*8,9*]. Соединение концов сходно креплению браслетообразных колец Младшего Ахмыловского могильника.

В памятниках XII–XIII вв. появляются височные кольца из переплетенных проволок с завязанными концами (5 экз.) [Архипов Г.А. 1986. Рис. 29–*10, 11*], аналогичные изделиям из слоев XI в. Новгорода, курганов XI в. восточного побережья Чудского озера, Белоруссии, Херсонесе [Седова М.В. 1981. С. 10]. В конце XI–XIII вв. в обиход вошли перстнеобразные кольца с заходящими концами – 14 экз. (прил. 2, рис. 26–*4,5*), характерные для славянизированных

финно-угров [Седов В.В. 1982. С. 195], витые изделия и бусинные височные украшения славянского образца – 31 экз. (прил. 2, рис. 26–*1–3*).

До XI в. височные кольца являлись принадлежностью женского костюма, а в XII в. перстнеобразные височные кольца появились в мужских захоронениях.

Характерной особенностью марийского костюма является наличие *височных подвесок* как к височным кольцам, о чем речь шла выше, так и в виде самостоятельных украшений. В VI–VII вв. в качестве височных используются бутыльчатые (погребение 41 Младшего Ахмылова), многоярусные трапециевидные, лапчатые спаренные (погребение 45 Младшего Ахмылова), трапециевидные (погребение 75 Младшего Ахмылова), пирамидальные подвески (погребение 91 Младшего Ахмылова).

В IX–XI вв. в качестве височных украшений использовались подвески с треугольным или арочным щитком (прил. 2, рис. 24–*9, 10*). Наибольшее распространение получают первые из них. К этим украшениям крепятся дополнительные шумящие привески на длинных цепочках, спускающихся на грудь, подобно тому, как в предшествующий период привески на длинных цепочках крепились к височным кольцам.

Преобладающей формой в XVI–XVII вв. становится височное кольцо с отогнутым вниз стержнем в форме знака вопроса – 197 экз. (прил. 2, рис. 31–*108, 109*), а также простые небольшого диаметра кольца с прикрепленными дополнительными украшениями – 15 экз. (прил. 2, рис. 31–*106*), которые могли быть переходной формой от простого височного кольца к украшению в форме знака вопроса. К обоим типам колец в большинстве случаев привешивались дополнительные подвески, украшения или низка бус, соединяющая оба кольца и спускающаяся на грудь в виде украшения.

С IX в. ассортимент головных украшений пополняется *серьгами* – 82 экз. (прил. 2, рис. 24–*11–13; 25–10,12; 31–41,43*), обнаруженными, в основном, в мужских захоронениях по обеим сторонам головы. В женских погребениях они встречаются значительно реже и, как правило, по одному экземпляру. Наиболее частой находкой являются калачевидные и круглопроволочные серьги подтреугольной формы с разъемом в нижней или боковой части, широко распространенные в Прикамье и на северо-востоке Европейской части России. Специфических для марийского населения серег не выяв-

лено. В XII–XIII вв. серьги почти выходят из употребления; на территории Марийского края всего 2 экземпляра калачевидных серег удмуртского типа, украшенных зернью, обнаружены в Выжумском III могильнике [Архипов Г.А. 1986. Рис. 15–*16, 17*].

Шейно-нагрудные украшения

К ним относятся *гривны*, шейно-нагрудные украшения в виде блях, подвесок на кожаных ремешках, простых ожерелий из бус и пронизок, спускающихся с шеи на грудь, а также застежки и декоративные нагрудники.

В VI–VII вв. гривны (13 экз.) изготовлялись, в основном, из круглой проволоки. Наибольшее распространение получают изделия из одинакового по всей длине дрота с замком в виде петли и крючка или замком из небольшого отверстия на одном конце и крючка на другом. На концах имеется проволочная обмотка и напускные бусы (прил. 2, рис. 31–*48*; 43–*12*). В рязанско-окских могильниках аналогичные изделия большинством исследователей датируются VI–VII вв. [Шитов В.Н. 1988. С. 26; Вихляев В.И. 1977. С. 9. Рис 5, *2*]. В центральной части гривен из погребений 28 и 75 Младшего Ахмылова крепится круглая коробочка с крестообразно расположенными выпуклинами. Гривны с коробочкой (которая использовалась обычно в качестве замка) появляются в рязанско-окских могильниках на стадии В–В1 [Ефименко П.П. 1926. С. 68] и были распространены на Средней Оке, в Примокшанье, Окско-Сурском междуречье [Ефименко П.П. 1926. Рис. 2–*21*, 3–*19*, 4–*15*; Шитов В.Н. 1988. С. 25].

В IX–XI вв. излюбленным шейным украшением были гривны глазовского типа (30 экз.), широко распространенные в финно-угорском мире Поволжья и Прикамья (прил. 2, рис. 25–*7*; 31–*63*). В XII–XIII вв. появились полуобмотанные гривны с застежкой в виде двух крючков или петли и крючка (около 10 экз.) (прил. 2, рис. 31–*88*) [Архипов Г.А. 1986. Рис. 16–*2*].

Наиболее многочисленную и разнообразную группу украшений составляют собственно *нагрудные*, среди которых различаются местные и заимствованные изделия, позволяющие установить характер и направление торговых и культурных связей их носителей.

По функциональному назначению они подразделяются на украшения-застежки и декоративные.

Наибольшее распространение в качестве нагрудных застежек получают пластинчатые или изготовленные из круглой проволоки сюльгамы с невыступающими или слабовыступающими, завернутыми в трубочку, концами, бытующие с Младшего Ахмылова до

современности почти без изменения: VI–VII вв. – 180 экз. (прил. 2, рис. 23–*5,8; 31–20,21*), VIII–XI вв. – 20 экз. (прил. 2, рис. 25–*8,9,13; 31–46,47*), XII–XIII вв. – 18 экз. (прил. 2, рис. 26–*6,11,13,14; 31–83,84*), XVI–XVII вв. – 103 экз. (прил. 2, рис. 31–*113–115*). Сюльгамы с удлиненными концами – «усами» обнаружены лишь в ранних марийских памятниках, с IX в. они уже не встречаются и, вероятно, постепенно трансформировались в сюльгаму с лопастями (Руткинский могильник) и далее к XVI в. в небольшую застежку с треугольным щитком от «ширкамы» – 20 экз. Застежки-сюльгамы в большей степени характерны для костюмных комплексов волжских финнов, в Прикамье они редки и являются результатом заимствования.

В более ранний период роль застежек (и не только нагрудных) выполняли крестовидные фибулы так называемого «окского» варианта (прил. 2, рис. 23–*7*).

Начиная с I тысячелетия н.э., широкое распространение получают круглые цельнолитые бляхи-застежки с отверстием в центре и иглой для крепления – 23 экз. (прил. 2, рис. 31–*14,17,19*). Декор блях может быть различен: орнамент из восьмерок, имитирующий шнур, горошины по краю изделия, прорези или ажурный орнамент по краю кольца (прил. 2, рис. 39Б–*5;* 41–*11;* 44–*11*).

В IX–XI вв. игла на бляхах приобретает чисто формальное, а нагрудное украшение декоративное значение и крепится на груди за счет дополнительных ремешков – 9 экз.(прил. 2, рис. 31–*44, 45*). Круглые бляхи с ажурной основой из могильников IX–XI вв. сохраняют преемственность в оформлении, иглу в центре, но становятся более тяжелыми за счет увеличения размеров и крепления по нижнему краю шумящих лапчатых или бутыльчатых подвесок. Близкие аналогии этим изделиям прослежены в средневековых мордовских и муромских могильниках [Алихова А.Е. 1969. Табл. 3, *4,* 45, *7*].

Среди декоративных нагрудных украшений в качестве этноопределяющих для марийских древностей IX–XI вв. Г.А. Архипов выделил наборные коньковые с ажурным трапециевидным щитком из прямых и зигзагообразных медных проволок, ограниченных с боков чуть наклонными стойками, заканчивающимися имитацией конских голов, повернутых в противоположные стороны (прил. 2, рис. 24–*7,8;* 31–*62*). Снизу щиток имеет кольца-петли (10–13 шт.) для шумящих привесок. По нижнему краю щитка на длинных цепочках прикреплены

лапчатые или бутыльчатые подвески. По верхней части щитка идут пирамидки зерни. Подобные украшения характерны только для могильников Ветлужско-Вятского междуречья IX–XI вв., где их обнаружено 37 экз. Украшения носились попарно по обе стороны груди и соединялись между собой перекинутым через шею ремешком.

Следующим по численности типом в могильниках IX–XI вв. являются подвески со щитком арочной (26 экз.) и треугольной (17 экз.) формы. Арочная цельная пластинка с чеканным, изредка прорезным, рисунком имеет сверху выступ для крепления, а снизу петли для шумящих подвесок (прил. 2, рис. 24–*16;* 31–*65*). Арочные шумящие нагрудные подвески имеют широкое распространение, занимая всю лесную зону Европейского Севера и Нижнее Приобье. Наиболее густое сосредоточение их в Верхнем Прикамье. Марийские женщины имели свои орнаментальные композиции, следуя местным традициям, носили их парно на груди или использовали в качестве височных украшений (в таком случае к арочной основе крепились длинные подвески).

С X в. в ассортимент марийского костюма вошли прикамские литые коньковые шумящие подвески – 10 погр. (прил. 2, рис. 31–*64*), которые относятся по классификации Л.А. Голубевой к типу I, варианта II, типу II, варианта V, типу VI [Голубева Л.А. 1966].

Из традиционных форм в XII–XIII вв. продолжают использоваться круглые и треугольные подвески с шумящими украшениями (прил. 2, рис. 26–*18;* 31–*86,87*), а также круглые или подковообразные застежки-сюльгамы (прил. 2, рис. 26–*6,11,13,14*). Сюльгамы входят в качестве застежки в состав сложных нагрудных украшений (погребения 12, 36 Руткинского могильника, погребение 22 Выжумского III могильника), известных в XVIII в. у марийских женщин под названием «ширкама» и «почкама».

С XII в. в качестве шейно-нагрудных получили распространение монетовидные подвески – 10 экз. (прил. 2, рис. 26–*10*), литые подвески с треугольной основой из спаянных колечек и спиралей – 7 экз., литые пластинчатые прорезные коньки и птички – 8 экз. (прил. 2, рис. 26–*7,8,12,19*), характерные для финнов Верхней Волги [Горюнова Е.И. 1961. С. 244; Рябинин Е.А. 1986. С. 77].

С XVI в. среди нагрудных украшений преобладающими становятся составные нагрудники трапециевидной, арочной или прямоугольной формы из кожи, монет и бус – 87 экз. (прил. 2, рис. 31–*110–113*). Подобные украшения, а также вышивка практически

вытеснили металлические украшения. В серии реконструированных образцов по материалам могильников XVI – начала XVIII вв. преобладают трапециевидные формы щитка.

Украшения рук

Представлены браслетами и перстнями.

Среди различных форм *браслетов*, представленных единичными экземплярами (пластинчатые, треугольные в сечении), в I тысячелетии н.э. преобладали изделия из круглого толстого дрота с несомкнутыми гранеными концами (прил. 2, рис. 31–*22, 25*). Концы, как правило, слегка расширены, имеют «мягкие грани» (Младшее Ахмылово, погребения 16, 91, 153-а), довольно часто украшены насечками (Младшее Ахмылово, погребения 15, 16, 89, 102, А/21) или желобками (Младшее Ахмылово, погребения 15, 89, 102). Аналогичные формы были представлены в Безводнинском (126 экз.) и Желтухинском (5 экз.) могильниках. Существенным отличием Безводнинского и Желтухинского могильников от Младшего Ахмыловского является наличие в первых двух спиральных браслетов и браслетов с расширенными, полуовальными концами [Краснов Ю.А. 1980. С. 208, рис. 38; Уткин А.В., Черников В.Ф. 1994. С. 66, рис. 18].

В VIII–XI вв. многогранные браслеты по-прежнему являются наиболее массовой находкой (354 экз.), но изделия этого периода имеют более четкую грань не только на конце, а по всей длине дрота (прил. 2, рис. 31–*48,49*).

Вторую достаточно многочисленную группу составляют пластинчатые браслеты с ровными концами, орнаментированные геометрическим узором из насечек и прорезных линий, которые существуют почти без изменения до XVII в.: VIII–XI вв. – 52 экз. (прил. 2, рис. 31–*67*), XII–XIII вв. – 10 экз. (прил. 2, рис. 31–*90–92*), XVI–XVII вв. – 54 экз. (прил. 2, рис. 31–*116*). Поверхность большинства пластинчатых браслетов украшена линиями из волнообразных, переплетающихся, мелкозигзаговых нарезок, расположенных в три ряда, или мелких коротких насечек, составляющих прямые линии, зигзаги, ромбы в сочетании с мелкими кружочками.

Пластинчатые браслеты с ровными концами становятся к XVI в. единственной формой браслета и этноопределяющим признаком марийской культуры.

С XII–XIII вв. пластинчатые браслеты принимают более разнообразные формы (прил. 2, рис. 31–*68,91,92*). Наиболее многочисленна серия «змеиноголовых» – 37 экз. (прил. 2, рис. 31–*68*;

68Б–*24*; 70–*18*). Сужающиеся концы изделий имитируют головку змеи: а) голова змеи обозначена точками, косыми насечками по краям или двумя параллельными выемками; б) концы имеют округлое расширение, имитирующее головку змеи в состоянии агрессии. А.В. Арциховский назвал их «ушастоконечными».

В этот период появляются также загнутоконечные (прил. 2, рис. 70–*17*; 72–*16*; 74–*5; 75–7*), оттянутоконечные и тупоконечные браслеты с легким закруглением и сужением на концах.

В конце XI в., в большей степени в XII в. в марийских захоронениях появляются также витые или плетеные браслеты – 43 экз. (прил. 2, рис. 59–*3,7,10,14*), которые различаются по оформлению концов: разомкнутые с петлевидными концами, обрубленные, тонкоконечные, завязанные из трех проволок или четырех обмотанных проволок. Большинство из них имеют многочисленные аналогии в Новгородской земле [Левашова В.П. 1967. С. 220], подмосковных [Арциховский А.В. 1930. С. 175], владимирских, костромских [Левашова В.А. 1967. С. 220; Спицын А.А. 1905. С. 242] курганах.

Перстни в памятниках 1 этапа найдены преимущественно 2 типов (прил. 2, рис. 31–*23,24;* 39А–*9;* 39Б–*4;* 40Б–*7*): бронзовые или серебряные замкнутые полуовальные в сечении колечки, иногда украшенные по всей поверхности несложным орнаментом из насечек – 21 экз., спиральные в 3–5 оборотов – 30 экз.

Спиральные перстни продолжают изредка встречаться в IX–XI вв. – 5 экз., но преобладающим типом становятся усатые широкосрединные перстни с гладкой поверхностью или с нарезным орнаментом – 145 экз. (прил. 2, рис. 24–*14,15;* 31–*50, 51*). Этот тип имел спиральнозавернутые концы и мог трансформироваться из спи-ральных перстней. Постепенно к XII в. усатые перстни почти выходят из употребления, а на отдельных экземплярах (4 экз.), найденных позже XI в., щиток сужается (прил. 2, рис. 31–*94*). В могиль-никах XVI–XVII вв. продолжают использоваться широкосрединные перстни с щитком, украшенным геометрическим орнаментом (более 80 экз.), но оформление концов в виде спиралей полностью исчезает (прил. 2, рис. 31–*118*). Близкие щитковые перстни с нарезным орнаментом в отдельных случаях найдены в мордовских могильниках, но для мордвы больше характерен подромбический щиток [Никитина Т.Б. 1992. С. 57].

В XII в. распространяются рубчатые и ложновитые перстни-кольца – 60 экз. (прил. 2, рис. 26–*23,24;* 31–*95*), особо популярные

среди сельского населения Руси и, в частности Костромского Поволжья [Рябинин Е.А. 1986. С. 66; Недошивина Н.Г. 1967. С. 264; Седова М.В. 1991. С. 122]. Нужно отметить, что их первоначальное использование в марийском костюме не совсем обычно: в погребениях Починковского могильника они встречаются в районе висков, что позволяет их интерпретировать в качестве височных украшений. Впрочем, такое использование рубчатых перстней характерно и для других финно-угорских народов, в частности для удмуртов [Иванова М.Г. 1992. С. 40].

Поясные украшения

Важное место в составе костюма занимает *пояс*, который до XII в. богато украшался накладками (прил. 2, рис. 25–*16–29*; 31–*26–31,51–53,97*). Наиболее богатые поясные наборы встречены в захоронениях IX–XI вв. – 67 экз., около половины из них подлежат реконструкции. В погребении 5 ремесленницы из могильника Нижняя Стрелка пояс обернут вокруг талии в два оборота. В большинстве же случаев пояс на боку застегивался с помощью пряжки таким образом, что свободный конец, украшенный бронзовой или серебряной накладной пластиной, свешивался вниз, а с другого бока к основному ремню крепился дополнительный ремешок с накладками, аналогичный опускающемуся вниз концу (рис. 27). Если конец, продетый в пряжку, короткий, то к основному ремню с двух сторон привешивались боковые дополнительные ремешки с декоративными наконечниками. Ремешки крепились к основному ремню с помощью веревочек, штифтиков, поясных колец, продевались в отверстия или кольца на накладках. Количество дополнительных ремешков различно; их число, возможно, связано с социальным или возрастным статусом носителя подобно тому, как у алтайских народов обычай носить два пояса был привилегией только знатных [Гаврилова А.А. 1965. С. 39]. В погребении 5 Веселовского могильника в поясном наборе удалось зафиксировать шесть дополнительных ремешков. Пояса найдены в мужских и в женских захоронениях. В IX–XI вв. среди накладок преобладают изделия южного происхождения. Пояса с накладками продолжают использоваться и в XIII в. – 5 погребений Починковского и Выжумского III могильников. С этого же времени получают распространение кожаные или тканые пояса с боковыми подвесками на шнурках. В качестве боковых украшений стали использоваться каркасные треугольные подвески из гладких проволок с вертикальной стойкой в центре, литые пластинчатые подвески в форме двухглавых стилизованных изображений коней и одноглавых уточек с рельефным орнаментом

на поверхности (прил. 2, рис. 26–*12;* 31–*98*). Боковые подвески из металлических пронизок с колокольчиками, монетами, жетонами или раковинами каури, выполняющими роль оберегов, обнаружены на поясах луговых мари в XVI–XVIII вв. – 23 экз. (прил. 2, рис. 31–*119*) (Мало-Кугунурский, Отарский, Арзебелякский могильники).

Обувь

Определенное представление об обуви можно составить только по материалам могильников IX–XI вв. и XVI–XVIII вв. Обувь, реконструированная по фрагментам кожи, ткани и металлическим украшениям, найденным в могильниках IX–XI вв., изготовлялась из одного или двух кусков сыромятной кожи. По бортику обуви через прорези были продеты узкие ремешки, стягивающие верх и дополненные бронзовыми украшениями (рис. 25).

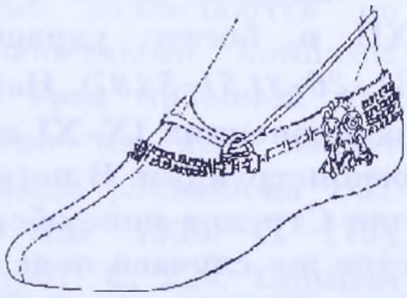

Рис. 25. Обувь (реконструкция Г.А. Архипова).

Среди этих украшений различаются петельные подвески – 100 экз., умбоновид-ные бляшки – 28 экз. и горизонтальные планки с шумящими привесками – 6 погребений (прил. 2, рис. 24–*17–19,21*). Реконструкция обуви по материалам Веселовского, Дубовского, Нижняя Стрелка могильников создает полный комплекс, не имеющий аналогий на соседних территориях и позволяющий принять украшения обуви за этноопределяющий признак.

Рис. 26. Реконструкция обуви из погребения 4 могильника Сосновая Грива.

В двух погребениях XVI–XVII вв. с Арзебелякского и одном с могильника Сосновая Грива сохранились фрагменты мягкой кожаной обуви высотой 18–20 см с втачной складывающейся вставкой в лицевой части [Никитина Т.Б. 1992. С. 152]. Подошва состоит из двух рядов кожи, а в области каблука найдена железная подковка. По голенищу и краю вставки кожа обшита бронзовой проволокой. Края вставки скреплены железной прямоугольной пряжкой (рис. 26).

Таким образом, на основании рассмотренных материалов очевидно, что этноопре-

деляющие признаки древнемарийского костюма наиболее четко выражены в IX–XI вв. (рис. 27).

Картографирование наиболее характерных и массовых типов украшений IX–XII вв. (головные медные цепочки, коньковые трапециевидные подвески, височные кольца с отогнутым концом, арочные подвески в качестве височных) показывает, что их распространение, в основном, совпадает с Волго-Вятским регионом (рис. 28). В памятниках на других территориях они встречаются в исключительных случаях: головная цепочка обнаружена в Чулковском муромском могильнике, подвески с трапециевидным щитком в единичных случаях в муромских Подболотьевском, Урвановском, Малышевском и Чулковском могильниках, а также в погребении 1104 Танкеевского могильника. Совместное залегание вышеотмеченных типов украшений встречается только в марийских средневековых могильниках.

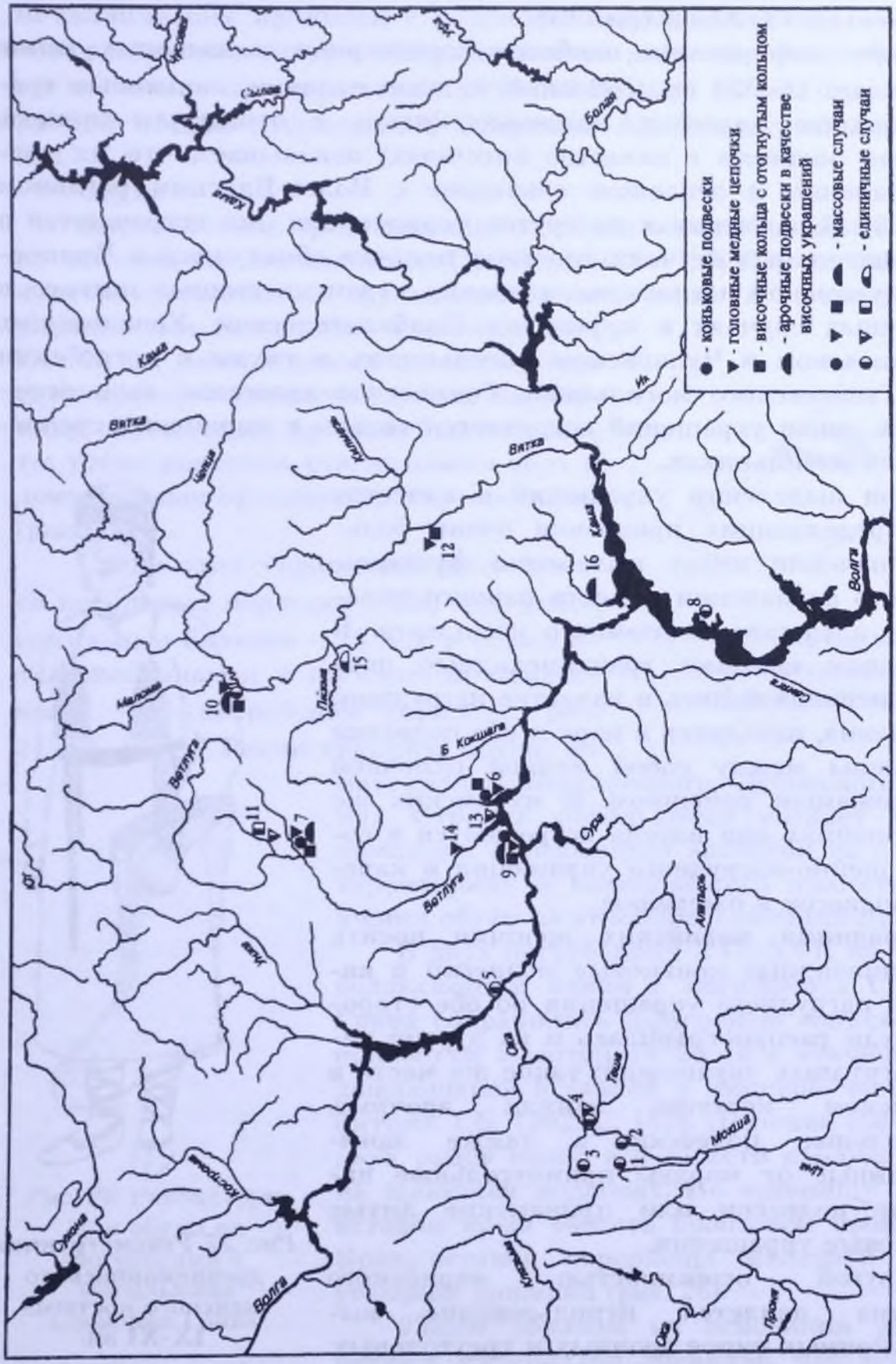
При выделении украшений в качестве этноопределяющих признаков очень большое значение имеет выяснение функционального назначения и места данного украшения в составе костюмного комплекса. В марийском костюме трапециевидные подвески использовались в качестве нагрудного украшения, находятся в паре и обе подвески соединены между собой медной цепочкой или кожаным ремешком. В муромских же захоронениях они иногда встречаются в составе шейно-нагрудного украшения в качестве подвесок к ожерелью.

Традиция марийских женщин носить трапециезидные коньковые подвески в качестве нагрудного украшения по обе стороны груди распространилась и на другие типы нагрудных украшений: такое же место в марийском костюме заняли арочные, треугольные подвески, а также заимствованные от мордвы прямоугольные наборные подвески или прикамские литые коньковые украшения.

Другой особенностью марийского костюма является использование вышеописанных типов арочных и треугольных

Рис. 27. Реконструкция древнемарийского женского костюма IX-XI вв.

- коньковые подвески
- головные медные цепочки
- височные кольца с отогнутым кольцом
- арочные подвески в качестве височных украшений
- массовые случаи
- единичные случаи
Вятка
Кама
Волга
Ока
Оредеж
Мокша
Цна
Проня
Осетр
Ворскла
Ингулец
Ингул
Молочная
Ветлуга
Б Кокшага
Сивинь
Ирень
Ирень
Ирень

подвесок в качестве височных украшений. Височные подвески со щитком в виде треугольника и шумящими привесками найдены в Юмском (4 экз), Выжумском III (2 экз.), Черемисском (2 экз.), Нижней Стрелке (2 экз.), с арочным щитком и шумящими привесками – Дубовском (4 экз.) могильниках. В указанных случаях они найдены в области висков и имеют длинные цепочки (до 20–25 см), завершающиеся очковидными или колоколовидными привесками.

Несмотря на то, что в другие периоды этноопределяющие признаки выражены не столь рельефно, как в IX–XI вв., все же можно говорить об их преемственности на протяжении более тысячелетия.

Головные венчики-повязки, накосники, височные украшения с подвесками, декоративные нагрудники и парные коньковые подвески с шумящими украшениями, сюльгамы с невыступающими или слабовыступающими, завернутыми в трубочку концами, поясные украшения используются марийскими женщинами на протяжении всей эпохи средневековья и вплоть до XX в. (рис. 29). Металлические украшения заменены вышивкой, но устоявшиеся сюжеты (уточки, коньки, зигзаг–вода и т.д.) из металлической пластики перенесены в орнаментацию; монеты или подражания им и бусы заменили шумящие лапчатые и бутыльчатые подвески; сохранена традиционная форма украшений, место в составе костюмного комплекса и функциональное назначение не только практического, но и сакрального характера.

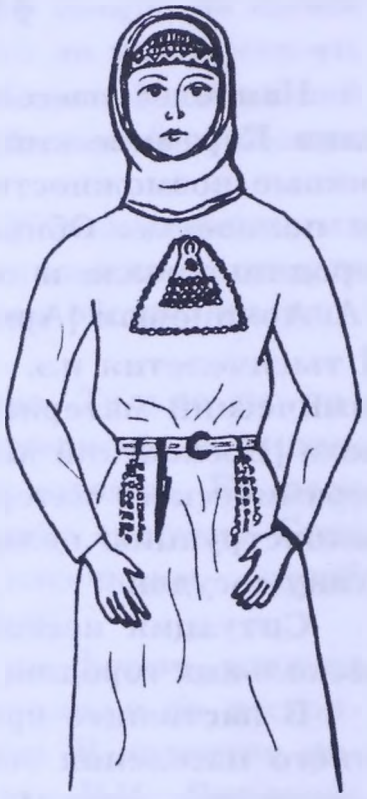

Рис. 29. Реконструкция женского костюма из погребения 65. Отарский могильник.

Рис. 28. Карта распространения этноопределяющих украшений.
1 – Подболотьевский могильник; 2 – Урвановский могильник; 3 – Малышевский могильник; 4 – Чулковский могильник; 5 – Кантауровский могильник; 6 – Дубовский могильник; 7 – Веселовский могильник; 8 – Танкеевский могильник; 9 – могильник Нижняя Стрелка; 10 – Юмский могильник; 11 – Черемисское кладбище; 12 – Лопьяльский могильник; 13 – Руткинский могильник; 14 – Выжумский III могильник; 15 – Кочергинский могильник; 16 – Борисковский могильник.

§ 2. Предметы быта и вооружения

Наиболее массовыми находками на поселениях является *керамика.* Керамический материал изучен пока очень слабо, информативные возможности этого вида источников использованы далеко не полностью. Общая характеристика керамики древнемарийских городищ начала и середины I тысячелетия н. э. дана в 60-е годы Г.А. Архиповым [Архипов Г.А. 1962-а. С. 206 и сл.], первой половины II тысячелетия н.э. – Т.А. Хлебниковой [Хлебникова Т.А. 1967]. Керамический материал городищ Поветлужья обобщен М.В. Воеводским [Воеводский М.В. 1951]. Отсутствие в те годы фонда массового керамического материала не позволило исследователям произвести реконструкцию целых форм и создать типологическую характеристику сосудов.

Ситуация несколько изменилась в 80-е годы после раскопок нескольких городищ в правобережье Волги.

В настоящее время для изучения керамических традиций местного населения создан фонд, содержащий около 100 тыс. фрагментов керамики: I тысячелетия н. э. – на 9 городищах и селищах и 3 могильниках получено более 76 тыс. фрагментов; VIII–XI вв. – на 11 городищах и селищах и 4 могильниках около 10 тыс. фрагментов; XII – начала XV – на 10 городищах и селищах и 4 могильниках более 21 тыс. фрагментов.

По технологии изготовления керамика делится на лепную и гончарную.

Лепная керамика представлена двумя группами: плоскодонной и круглодонной (табл. 12).

Лепная плоскодонная посуда представлена на памятниках на протяжении всей эпохи средневековья. Основу типологии составил керамический комплекс Сомовского II городища VII в. н.э., на котором получена наиболее представительная и выразительная серия марийской керамики (70 тыс. фрагментов).

Характеристика дана по двум направлениям: 1 – внешнему виду и структуре, 2 – форме и пропорциям.

По внешнему виду выделяется две группы.

Сосуды первой группы (до 97%) изготовлены из глины с минеральными примесями: средне- и мелкотолченым шамотом, дресвой и песком. Минеральные примеси в состав формовочных масс добавлены в различных пропорциях и сочетаниях. Чаще всего встречаются шамотные примеси, реже – дресва с шамотом или одна

дресва. Тесто тщательно промешано, черепки звонкие, хорошего обжига. Толщина стенок не превышает 5 мм. Цвет иногда на одном и том же сосуде варьирует от светло-коричневого до темно-серого, что, скорее всего, свидетельствует о костровом обжиге. На внешней и внутренней поверхностях имеются следы бессистемной зачистки, вероятно, травой или тканью.

Посуда второй группы, составляющая всего 3%, изготовлена из глины с примесью крупного шамота. Тесто промешано плохо, имеет рыхлую структуру и слабый обжиг. Сосуды имеют обычно светло-коричневый цвет.

Основная масса керамики неорнаментирована. Только на поверхности единичных фрагментов заметны прочерченные линии, клиновидные вдавления или оттиски зубчатого штампа. Во всех случаях орнамент нанесен небрежно без какой-либо системы. Срез венчика иногда украшался (до 12,4%) косыми насечками, порой опускающимися на шейку, или оттисками гребенки.

Прежде чем перейти к типологии посуды по форме, следует оговориться, что изучению лепной керамики Поволжья до настоящего времени уделялось слишком мало внимания. В качестве положительного примера можно отметить работы В.И. Вихляева [Вихляев В.И. 1977], Ю.А. Краснова [Краснов Ю.А. 1980], В.В. Гришакова [Гришаков В.В. 1993].

Большинство существующих методик обработки керамики разработаны на материалах погребальных комплексов и рассчитаны на целые формы сосудов. При обработке керамического материала нами выбран метод расчета пропорций сосуда по пяти соотношениям, как наиболее приемлемый для сравнения целых форм с фрагментированными [Обломский А.М. 1985].

Согласно этому методу сосуд делится по месту наибольшего расширения тулова на две части: верхнюю и нижнюю. Пропорции верхней части представлены тремя соотношениями: Д1:Н2, Д2:Н2, Д3:Н2, а пропорции нижней – двумя: Д3:Н1, Д4:Н1. Поскольку пропорции верхней и нижней частей рассматриваются отдельно, то расчет соотношений можно проводить не только для целых форм, но и для реконструкции по фрагментам, а потом сопоставлять их с выделенными целыми формами.

По материалам Сомовского II городища удалось сделать полную или графическую реконструкцию 62 сосудов. Благодаря использованию венчиков и верхних частей сосудов, их сравнению с выделенными целыми формами для типологии оказались пригодными еще 177 сосудов.

По функциональному назначению все сосуды разделяются на две категории: А – горшки, Б – миски.

Категория А

Категория А включает формы, у которых наибольшее расширение тулова не превышает 1,5 общей высоты, категория Б представлена сосудами с наибольшим расширением тулова, превышающим общую высоту не менее чем в 1,5 раза.

Тип I – 12 полностью или графически реконструированных сосудов горшковидной формы с прямым или слегка отогнутым венчиком, невысокой шейкой, крутым плечиком, туловом усеченно-конической формы и плоским дном. Наибольшее расширение плечиков в верхней трети сосуда, диаметр днища меньше диаметра венчика (рис. 30–*1*). Пропорции сосудов: Д1:Н2 – 4,3–4,75; Д2:Н2 – 4,1–4,6; Д3: Н2 – 4,5–5,6 и т.д. (табл. 14). Толщина стенок 6–7 мм, стенки днища чуть толще 8–9 мм. Днища различаются: а) без закраины, б) с закраиной.

По оформлению верхней части сосуда (венчика, шейки, плечиков) к этой группе керамики можно отнести фрагменты еще 27 сосудов.

Тип II – 21 сосуд с прямым или слегка отогнутым и скошенным наружу венчиком, расширяющимся плечиком и невысокой шейкой. По сравнению с предыдущим типом плечико более плавное. Наибольшая ширина сосуда в области плечика приближается к середине тулова (рис. 30–*2*). Диаметр днища намного меньше диаметра венчика. Пропорции сосудов: Д1:Н2 – 3,1–3,8; Д2:Н2 – 3–4,2; Д3:Н3 – 3,4–4,2 (табл. 15). Толщина стенок 6–7 см, утолщения в области днища не наблюдается. По особенностям верхних частей сосудов к этому типу относятся дополнительно 18 горшков.

Тип III – 10 сосудов вытянутых пропорций со слабовыраженным плечиком и слегка отогнутым венчиком. Пропорции сосудов: Д1:Н2 – 4–4,2; Д2:Н2 – 4–4,2; Д3:Н2 – 4,3–4,4 (табл. 16). Край венчика срезан наружу или округлен. Наибольшая ширина сосуда в области плечика в верхней трети сосуда (рис. 30–*3*). Толщина стенок и днища 4–5 см, диаметр днища намного меньше диаметра венчика. Численный состав этого типа возможно увеличить еще за счет 20 сосудов, представленных сильно фрагментированными венчиками.

Тип IV – 6 сосудов вытянутых пропорций с хорошо выраженными плечиками. Наибольшая ширина в области плечика приходится на верхнюю треть сосуда (рис. 30–*4*). Пропорции сосудов: Д1:Н2 – 2,5–3; Д2:Н2 – 2,5–2,9; Д3: Н2 – 3,1–3,5 (табл. 17). По харак-

теру шейки различаются сосуды: а) без шейки с сильно отогнутым венчиком; б) с короткой или высокой прямой шейкой, скошенным наружу или прямым венчиком. В керамической коллекции городища обнаружены фрагменты еще от 19 сосудов этого типа.

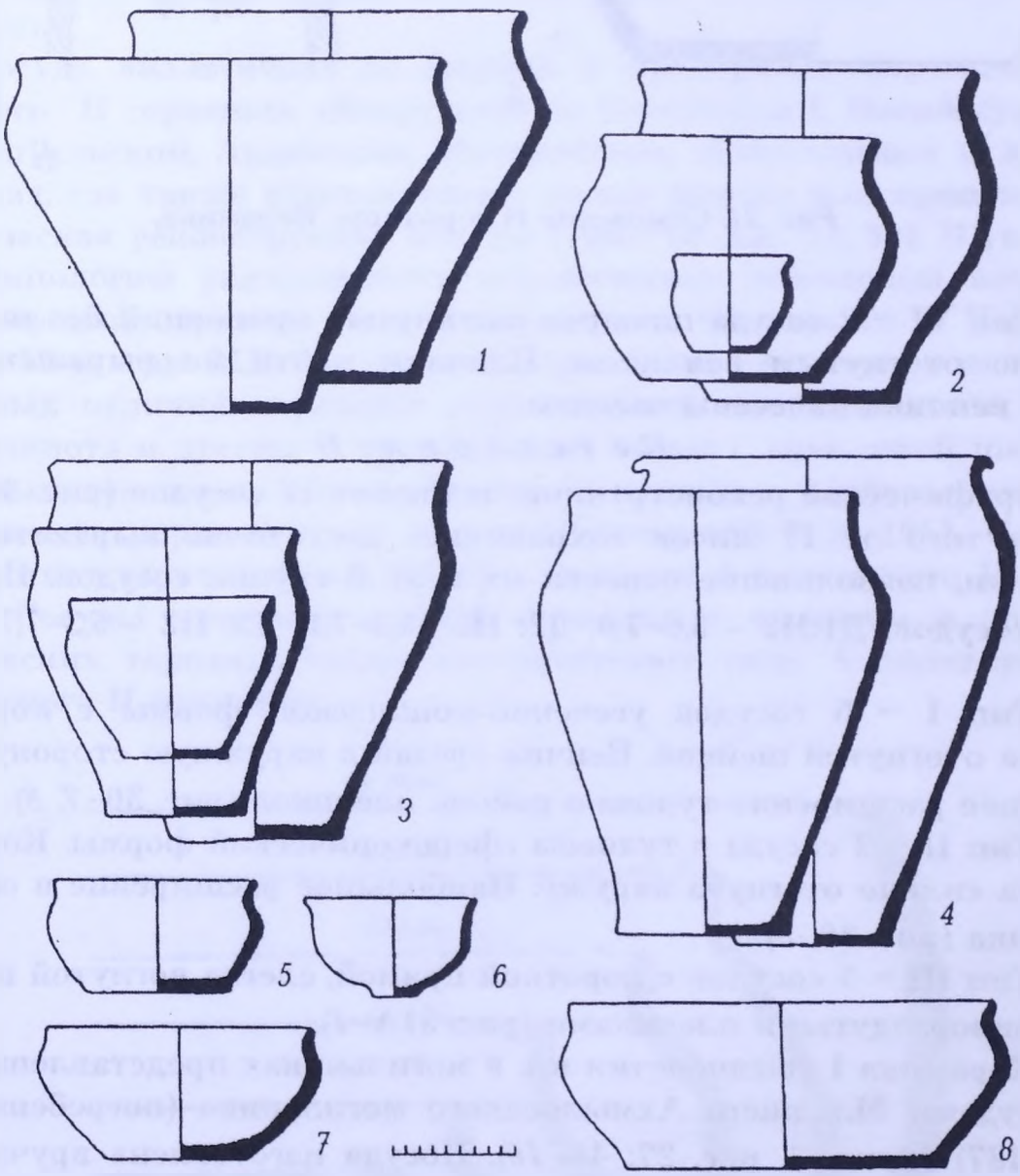

Рис. 30. **Керамика. Сомовское II городище.**

Тип V – представлен лишь некрупными венчиками от 18 сосудов. Судя по пропорциям, это были сравнительно низкие горшки с невысокой прямой или слегка вогнутой шейкой и слабораздутым туловом (рис. 31Б).

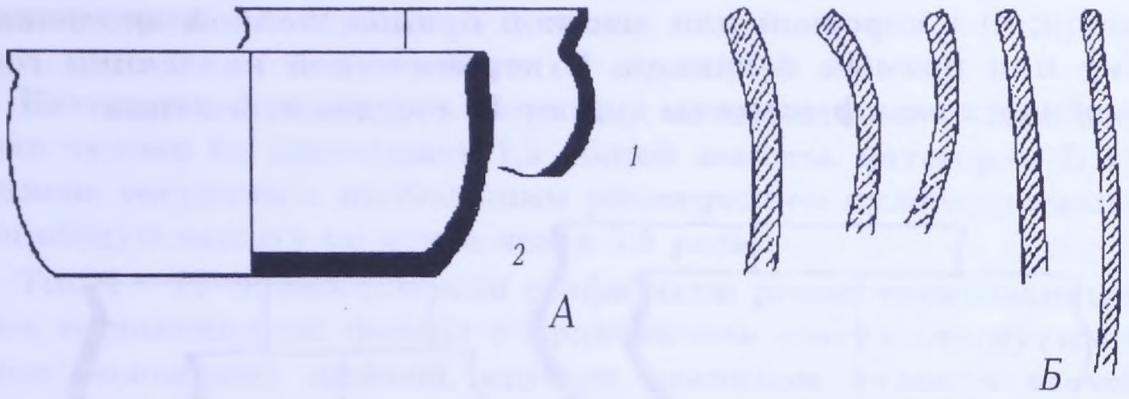

Рис. 31. Сомовское II городище. Керамика.

Тип VI – 2 сосуда плавных вытянутых пропорций без шейки с сильно отогнутым венчиком. Плечики почти не выражены. По краю венчика нанесены насечки.

Категория Б

Графической реконструкции подлежат 13 сосудов (рис. 30–*5–8*), кроме того от 11 мисок сохранились достаточно выразительные венчики, позволившие отнести их к этой группе сосудов. Пропорции сосудов: Д1:Н2 – 5,6–7,6; Д2: Н2 –5,3–7,1; Д3: Н2 – 5,3–7,7 (табл. 18).

Тип I – 5 сосудов усеченно-конической формы с короткой, слегка отогнутой шейкой. Венчик срезан в наружную сторону. Наибольшее расширение тулова в районе плечиков (рис. 30–*7, 8*).

Тип II – 3 сосуда с туловом сфероконической формы. Короткая шейка сильно отогнута наружу. Наибольшее расширение в области венчика (рис. 30–*6*).

Тип III – 5 сосудов с короткой прямой, слегка вогнутой шейкой и плавнораздутыми плечиками (рис. 31А–*1*).

Керамика I тысячелетия н.э. в могильниках представлена лишь 3 сосудами Младшего Ахмыловского могильника (погребения 485, 486, 487) (прил. 2, рис. 27; 46–*10*). Посуда изготовлена вручную из глины с примесью крупнотолченого шамота или дресвы, сделавшей поверхность бугристой. Сосуды имеют темно-серый или светло-коричневый цвет, в изломе черный.

Один горшковидный сосуд с выраженными плечиками, короткой шейкой имеет прямой срез венчика, наибольшее расширение в верхней трети сосуда и закраину на днище. По основным характеристикам укладывается в тип I категории А сосудов Сомовского II городища.

Второй сосуд имеет слегка скошенный наружу венчик, невысокую шейку, более плавное плечико с наибольшим расширением ближе к середине сосуда. Аналогичен горшкам типа II Сомовского II городища.

Третий приземистый сосуд со слабораздутым туловом, вогнутой невысокой шейкой соответствует типу V сосудов Сомовского городища.

Посуда, аналогичная по формам и пропорциям керамике Сомовского II городища, обнаружена на Сомовском I, Васильсурском II, Пайгусовском, Ардинском, Малахайском, Кубашевском и др. городищах, где также восстановлены целые формы или произведена графическая реконструкция посуды (табл. 19, рис. 31, 33). В указанную типологию укладываются керамические комплексы ветлужских городищ: верхние слои Богородского, Одоевского и Чортова. Еще в 50-е годы М.В. Воеводский справедливо отметил в качестве основных отличий керамики этих городищ плоскодонность, примесь шамота и дресвы и преобладание типов с невысокой шейкой, округлым венчиком, выраженными плечиками с наибольшим расширением в верхней трети сосуда [Воеводский М.В. 1951. С. 169], что соответствует типам I, III, IV категории А Сомовского II городища. Сосуды с прямой шейкой из глины с шамотом и дресвой ветлужских городищ также соответствуют типу V категории А Сомовского II городища.

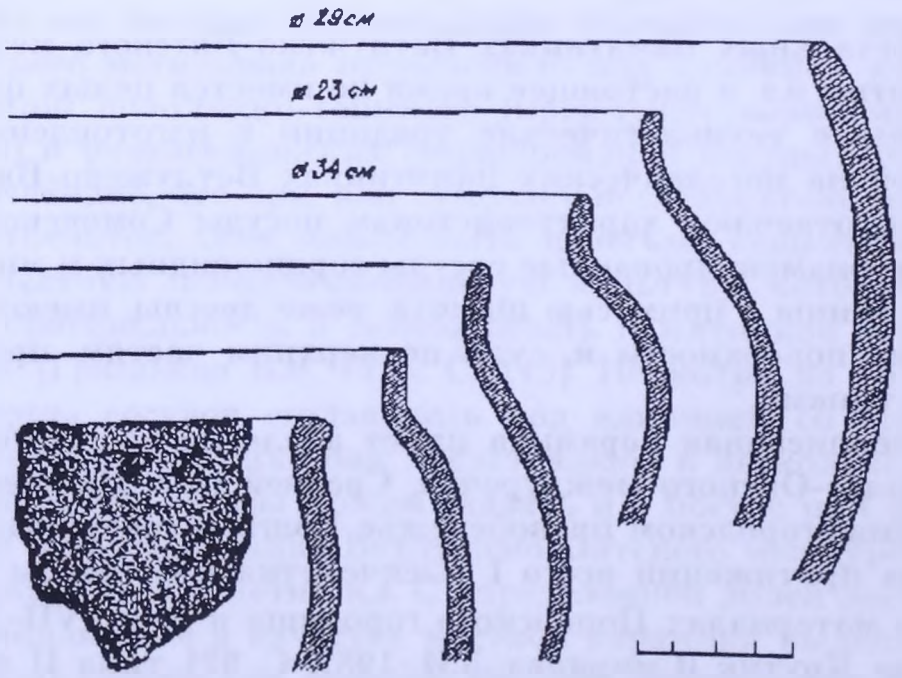

Рис. 32. Селище Галанкина Гора. Керамика.

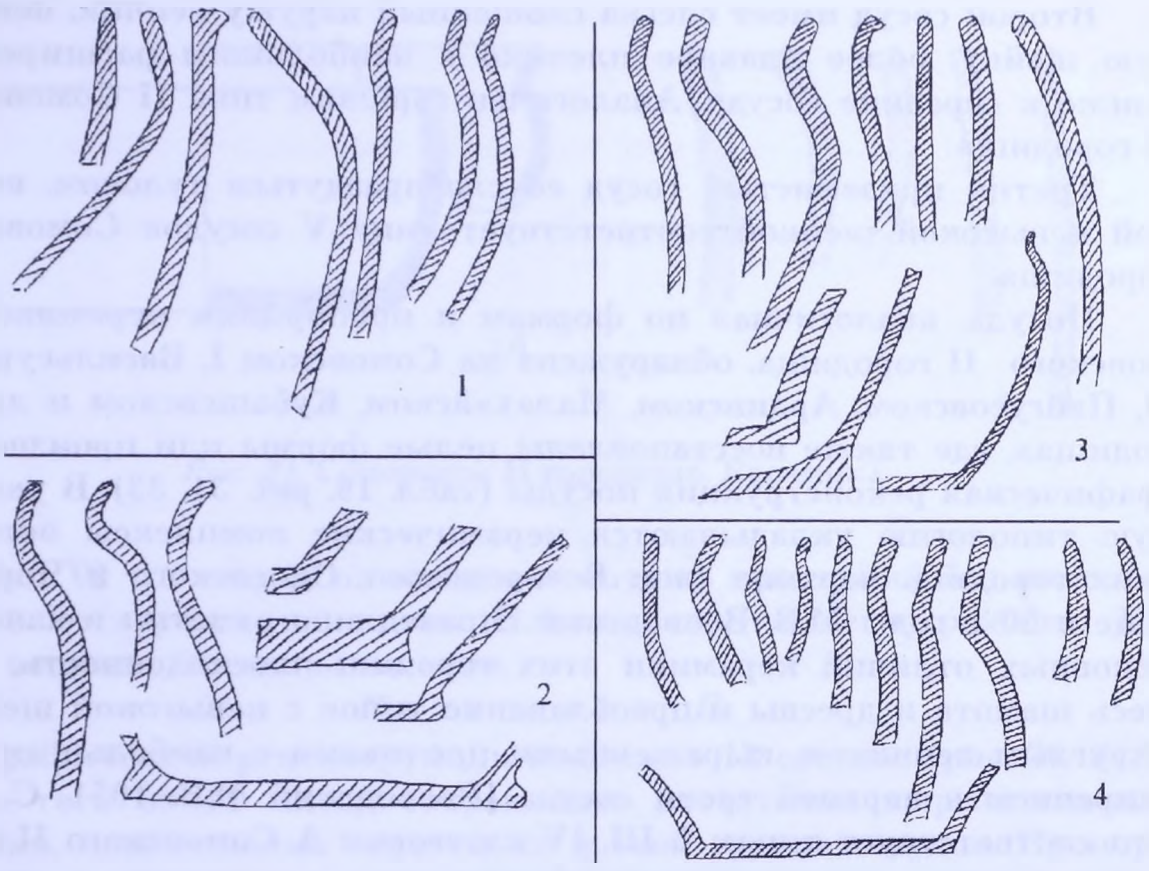

Рис. 33. Керамика эпохи средневековья.
1 – городище Иванова Гора; 2 – Удельно-Шумецкое селище;
3 – Пайгусовское городище; 4 – Ижевское городище.

На остальных памятниках Ветлужско-Вятского междуречья I тысячелетия н.э. в настоящее время не имеется целых форм. Однако, основные технологические традиции в изготовлении посуды, найденной на поселенческих памятниках Ветлужско-Вятского междуречья, отвечают характеристикам посуды Сомовского II городища. Неорнаментированные сосуды горшковидных и мисковидных форм из глины с примесью шамота, реже дресвы, имеют следы зачистки на поверхности и, судя по верхним частям, представлены теми же типами.

Вышеописанная керамика имеет аналогии на широкой территории Волго-Окского междуречья, Средней Оке, Нижнем Примокшанье, Нижегородском правобережье Волги и северо-западной Чувашии на протяжении всего I тысячелетия н.э.: сосуды типа I известны в материалах Поповского городища в слое VII–XI вв. и на поселении Крутик [Смирнова Л.И. 1987. С. 92], типа II в нижнеокских муромских могильниках VIII–X вв. [Гришаков В.В. 1993. Рис. 10, *13*; 14.3, *15*], мерянских второй половины I тысячелетия н.э.

[Смирнова Л.И. 1987. Рис. 1], типа III – на Унже в слое VI–VII вв. [Самойлович Н.Г. 1989. С. 108–128], типа IV – на Поповском городище в постройках IX в. [Самойлович Н.Г. 1989. С. 113] и на памятниках Средней Цны конца VIII – начала IX вв. [Гришаков В.В. 1993. Рис. 12.1, 2], типа V – в Тимиревских курганах X в. [Смирнова Л.И. 1987. Рис. 1, *5*].

Близость керамических традиций волжских финнов объясняется единой основой их формирования. Но в каждом регионе проявляются свои особенности в составе формовочных масс и в пропорциональности сосудов.

Наибольшую близость керамика Ветлужско-Вятского междуречья второй половины I тысячелетия н.э. обнаруживает с керамикой одновременного Безводнинского могильника. Различие проявляется лишь в том, что в последнем преобладают в количественном отношении мисковидные сосуды, а на поселениях Ветлужско-Вятского междуречья – горшковидные сосуды. По всей вероятности, в этом случае сказалось различное функциональное назначение памятников; низкие и менее объемные мисковидные сосуды более приемлемы для их помещения в могилу.

Особенности керамических традиций населения, оставившего Безводнинский могильник, были отмечены В.В. Гришаковым, сделавшим наиболее обстоятельный анализ керамики поволжских финнов второй половины I тысячелетия н.э. [Гришаков В.В. 1993. С. 114–116]. По его мнению, формирование керамического комплекса Безводнинского могильника происходило под влиянием керамических традиций поволжско-тешского (преимущественно мисковидной посуды) и рязанско-окских (горшковидной посуды) очагов. Но при этом очевидно, что они, как отмечает исследователь, «наложили лишь отпечаток, хотя может быть и весьма существенный на основную местную поволжско-финскую культуру, которая предопределила оригинальность и самобытность памятников безводнинского типа» [Гришаков В.В. 1993. С. 115]. Несмотря на то, что основные формы сосудов создавались под влиянием со стороны, в Безводнинском могильнике они представлены в несколько переработанном виде. Это же мы можем сказать и о посуде на Сомовском II городище и на поселениях Ветлужско-Вятского междуречья второй половины I тысячелетия н.э. С определенной долей достоверности В.В. Гришаковым в качестве местной керамики выделен тип Д 41 е усеченно-конических бокалов средних размеров со стянутым устьем [Гришаков В.В. 1993. С. 115]. Этот тип соответствует типу V Сомовского II городища, представлен в достаточном количестве на

всех поселенческих памятниках Ветлужско-Вятского междуречья, также в Младшем Ахмыловском могильнике, которые мы связываем с древнемарийским этносом.

Наблюдения относительно керамики Ветлужско-Вятских городищ имеют предварительный характер. Выделение собственно местных традиций в формировании керамического комплекса сопряжено со значительными трудностями, так как на этой территории до сих пор памятники ранее VI в. неизвестны. Сравнение с памятниками соседних территорий затруднено тем, что выделенный типологический ряд по восстановленным формам невелик как на ветлужско-вятских памятниках, так и на соседних территориях, а различные методики в обработке керамики позволяют производить лишь поверхностные наблюдения. Тем не менее, даже этот материал позволяет обозначить круг памятников с однородной керамикой (прил. 2, рис. 32). Использование керамических комплексов дает особенно ценный материал для обозначения истоков формирования марийской народности и восточной окраины их пребывания. В бассейне р.Вятки начинается массив памятников с другой керамикой, представленной круглодонными орнаментированными сосудами из глины с ярко выраженной органической примесью.

В начале II тысячелетия н.э. плоскодонные горшковидные сосуды, по прежнему, являются преобладающими. Наиболее многочисленный керамический комплекс этого времени представлен на Васильсурском V городище Репище X–XIII вв. – 2700 фрагментов.

По технологии изготовления вся керамика подразделяется на лепную (91,4%) и гончарную (8,6%).

Среди лепной посуды по внешнему виду и составу теста различаются две группы.

Группа I – сосуды, изготовленные из глины с примесью шамота – 58%. Поверхность сосудов коричневого цвета (от светло-коричневого до бурого), имеет шероховатость, без орнамента. На поверхности как с внешней, так и с внутренней стороны заметны следы неглубокой бессистемной зачистки.

Сосуды горшковидной усеченно-конической формы с короткой шейкой, раздутым туловом, плоским дном имеют наибольшую ширину плечиков в верхней трети сосуда и прямые или слегка отогнутые венчики с округлым или плоскосрезанным краем. На отдельных венчиках с внутренней стороны заметен желобок. Эта керамика близка посуде типа I, II, IV категории А (табл. 20) предшествующего времени (рис. 34).

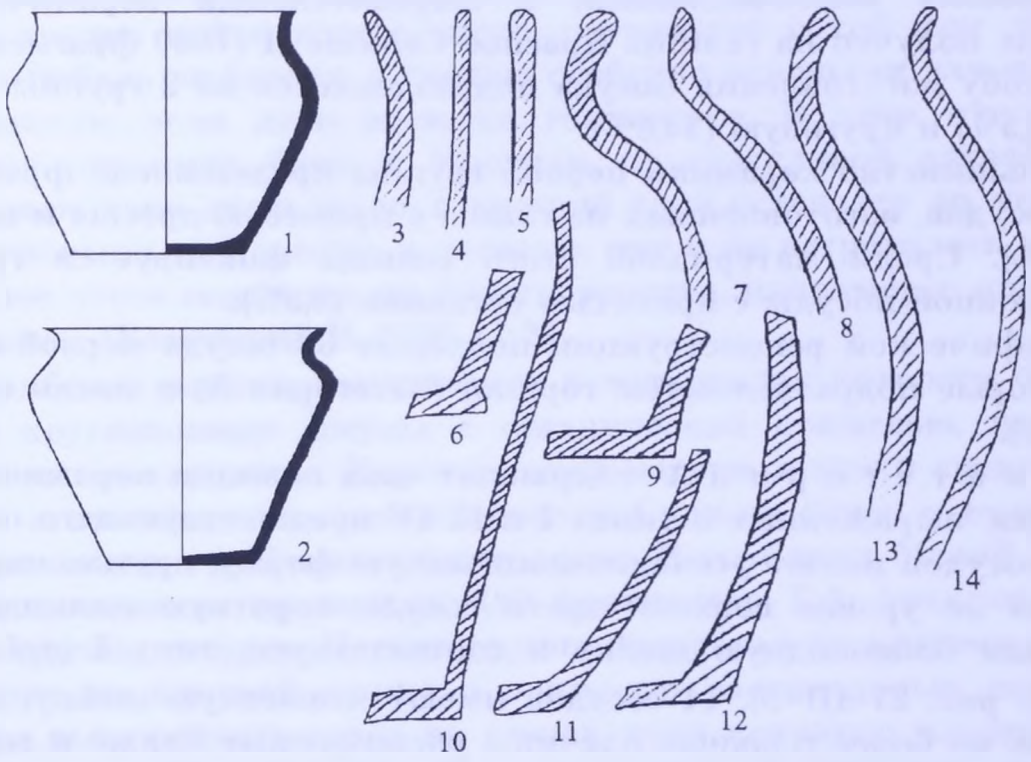

Рис. 34. **Керамика. Васильсурское V городище Репище.**

Плоскодонные сосуды баночной формы с прямым или слегка прикрытым горлом также сохраняют традиции второй половины I тысячелетия н.э.

Встречаются также миниатюрные сосуды (2 экз.), повторяющие форму горшковидных сосудов.

Группа II – неорнаментированные фрагменты светло-коричневого цвета, местами даже красноватые, изготовлены из глины с примесью мелкотолченого шамота и песка – 34%. Все фрагменты имеют тонкие и хорошо обожженные стенки. Целых форм не восстановлено. В отчетах эта керамика отнесена к разряду неопределенной. Стратиграфические наблюдения показывают, что она залегает на глубине от 0 до 40 см совместно с керамикой первой группы и не встречается глубже с посудой эпохи бронзы. На соседнем средневековом однослойном городище у д. Красное Селище, раскопанном в 1995 году, такая посуда встречается совместно с керамикой типа I категории А и составляет большинство.

В XII–XV вв. основная масса посуды сохраняет прежние формы и остается в большинстве своем неорнаментированной. Преобладают сосуды хорошего обжига с тонкими, хорошо обожженными стенками.

Наиболее многочисленный и выразительный керамический комплекс получен на селище Красное Селище II (7800 фрагментов). По способу изготовления посуда подразделяется на 2 группы: лепную (65,5%) и круговую (34,5%).

Большинство керамики первой группы представлено фрагментами сосудов, изготовленных из глины с примесью дресвы и шамота (56%). Среди материалов этого селища фиксируется группа плоскодонной посуды с примесью органики (9,5%).

Графической реконструкции подлежат 33 сосуда первой группы, которые подразделяются: горшки (категория А) и миски (категория Б).

В категории А сохраняют свои позиции керамические традиции, выраженные в типах I и II, IV предшествующего периода. 10 сосудов имеют усеченно-коническую форму, крутое, высокое плечико на уровне верхней трети сосуда, короткую цилиндрическую или блоковидную шейку и соответствуют типу I (табл. 21; прил. 2, рис. 27–III–*3*). 14 сосудов имеют невысокую шейку, выраженные, но более плавные плечики, расширенные ближе к середине сосуда и наследуют традиции типа II (табл. 22; прил. 2, рис. 27–III–*1*). Восстановлены 7 сосудов типа IV вытянутых пропорций с небольшим расширением в верхней трети сосуда (табл. 23).

Круглодонная керамика обнаружена на 3 городищах, 1 селище, 3 могильниках VII–XI вв. (табл. 12, 13), расположенных на окраине древнемарийской территории в Вятском бассейне. Исключение составляет Дубовский могильник (1 экз.), расположенный на левом берегу р. Волги.

Круглодонные орнаментированные сосуды из глины с примесью раковины были отмечены также в верхних слоях ветлужских городищ [Воеводский М.В. 1951]. При работе с материалами ветлужских городищ следует учитывать следующее обстоятельство: все городища Поветлужья многослойны и сильно повреждены антропогенными воздействиями. Очевидно, керамика второй группы (круглодонная с раковинной примесью и орнаментом) связана с более ранними периодами и оказалась в средневековых слоях в результате переотложения. Подтверждением тому служат материалы Чортова городища, имеющего неразрушенный культурный слой, содержащий только плоскодонную керамику одной группы. В этом отношении интересны наблюдения первого исследователя этих городищ В. Каменского: «урочища эти раскапываются ежегодно, слои перемешиваются, – и вещи, следовательно, меняют свое первоначальное положение... В этом смысле такие городища, как например

Богородское (близ г. Варнавина) или Одоевское, где в настоящее время трудно найти живое место, нетронутое сохой или лопатой какого-нибудь любителя, я считаю особенно опасными для науки; в особенности, если дело касается гончарства. В этом отношении Чортово городище, близ д. Морзихи, по счастливой случайности, было раскопано очень мало, а нижний слой оставался до меня неприкосновенным. Поэтому, я полагаю, мне и не встретилось в верхнем слое этого городища ни одного черепка, например с примесью раковины» [Каменский В. 1909. С. 2].

Наиболее ранним памятником, в материалах которого обнаружены круглодонные сосуды с органической примесью, является Кубашевское городище. Керамический материал эпохи средневековья на этом памятнике немногочислен. Судя по описи и коллекциям, хранящимся в Национальном музее Республики Марий Эл им. Т.М.Евсеева, он не превышает 400 фрагментов. Г.А. Архипов выделил 2 группы сосудов. Первая группа представлена круглодонными сосудами из плотной глины с примесью растительных остатков. Сосуды выраженного горла не имеют, края венчиков плоско обрезаны, изредка закруглены. На нескольких фрагментах имеются сквозные отверстия по краю. Керамика этой группы в количественном отношении составляет не более четверти. Г.А. Архипов вполне справедливо ее связал с населением азелинского типа [Архипов Г.А. 1962-а. С. 224]. Вторая группа керамики более многочисленная, состоящая из фрагментов с примесью дресвы и шамота, близка вышеописанной посуде с древнемарийских городищ. Наличие двух групп керамики свидетельствует о двух группах населения, но еще не дает достаточных оснований утверждать о сложении на их основе новой культуры, как это было принято делать на материалах Кубашевского городища. В таком случае должна складываться керамика со смешанными традициями. В составе второй группы керамики упоминаются круглодонные сосуды котловидной формы с толщиной стенок от 0,6–0,7 см у венчика до 1 см ближе к днищу. К сожалению, ни в отчете, ни в публикации не даны количественные характеристики этой группы керамики. При пересмотре керамической коллекции городища, круглодонных сосудов из глины с примесью шамота в составе древнемарийской керамики не обнаружено. Отраженные в полевых зарисовках и содержащиеся в коллекции фрагменты керамики невелики и не позволяют произвести реконструкцию полного сосуда.

Фрагменты круглодонных сосудов из глины с примесью шамота могли относиться к балановской кухонной посуде из нижнего

слоя поселения эпохи бронзы. Точно такая же ошибка была допущена при разборке керамики Сомовских городищ. В первой публикации материалов Сомовского II городища [Архипов Г.А. 1979. Рис. 4–*4,5*] балановская керамика с шамотной примесью была ошибочно отнесена к круглодонным марийским сосудам. Последующие раскопки на городище позволили уточнить культурную принадлежность этой посуды. Стратиграфические наблюдения показали, что она залегала в жилищном слое совместно с развалами чирковских сосудов.

На Кубашевском городище найдены также фрагменты от двух сосудов с примесью шамота с орнаментом в виде бессистемно разбросанных ямочных вдавлений, сходных с бахмутинскими сосудами Прикамья [Архипов Г.А. 1962-а. С. 220–221].

На Ижевском городище круглодонные или с уплощенным дном чаши из глины с примесью толченой раковины темного цвета составляют вторую группу керамики (16%). Сосуды этой группы все орнаментированы шнуровым и круглым сетчатым штампом, по венчику имеются насечки. Эта посуда имеет аналогии с керамикой поломской и чепецкой культур [Архипов Г.А. 1962-б]

Небольшой процент керамики представлен формами, близкими посуде второй группы, возможно круглодонной (днище не сохранилось), с аналогичной орнаментацией, но изготовленной из глины с примесью шамота и имеющей цвет светло-коричневый, т.е. приближается к керамике первой группы.

Наиболее массовая серия керамики получена на Еманаевском городище: около 2000 фрагментов керамики от 109 сосудов. Н.А.Лещинская, основной исследователь памятника, выделяет среди этого комплекса три группы сосудов: чаши, миски и сковороды [Лещинская Н.А. 1988. С. 85]. К сожалению, исследователь недостаточное внимание уделила группе горшковидных сосудов, ограничившись упоминанием 12 плоских днищ [Лещинская Н.А. 1988. С. 89]. Работа с керамическими коллекциями этого памятника убеждает нас, что более достоверная раскладка керамического материала сделана Л.Д. Макаровым в отчете по материалам 1977 года [Макаров Л.Д. Отчет 1977 года. С. 49]. Им достаточно четко выделены две группы керамики: 1 – горшковидные сосуды с плоскими днищами без орнамента или орнаментированные по венчику и шейке с примесью дресвы, шамота (71,6%); тонкостенные круглодонные чаши с примесью толченой раковины серого цвета с орнаментом из шнура и решетчатого штампа и насечками по венчику (25,9%). Круглодонная керамика, как это вполне справедливо отмечает

Н.А.Лещинская, характеризуется близостью с верхнекамской, чепецкой и комплексами Южной Удмуртии. Наибольшую степень сходства, по ее мнению, керамика обнаруживает с материалами ломоватовской и чепецкой культур, что сказывается в преобладании традиционно прикамских чаш низких пропорций с округло-уплощенными днищами и слабопрофилированным туловом [Лещинская Н.А. 1988. С. 106].

Круглодонные чаши, изготовленные из глины с примесью органики, с орнаментом из веревочных оттисков и штампов обнаружены в Кочергинском, Юмском и Дубовском могильниках IX–XI вв. по 1 экземпляру. Смешанные традиции (плоскодонный горшок из глины с примесью органики) обнаружены только в 1 случае в погребении 6 могильника Нижняя Стрелка.

Гончарная керамика обнаружена на 8 поселениях и 2 могильниках XII – начала XV вв. Самые ранние находки гончарной посуды обнаружены на Васильсурском V городище XI–XIII вв. в устье р.Суры, но процент гончарной керамики здесь был невелик – всего 8,6%. Фрагменты лепной и гончарной посуды на этом памятнике одновременны. Они фиксируются совместно как в культурном слое, так в развале печи и заполнении ям.

Процент гончарной посуды значительно увеличивается на памятниках XIII–XV вв. (табл. 12).

Керамика, изготовленная на гончарном круге, имеет более тонкий и прочный черепок, в тесте примесь дресвы и органики. Днища плоские, ровные. На днищах заметны отпечатки деревянной подставки, некоторые имеют подсыпку из дресвы. Керамика, в основной массе, неорнаментирована. Отдельные фрагменты имеют прочерченный орнамент из прямых параллельных линий или одно-, двух- и трехрядной волны. Края венчиков этой группы сосудов оформлены разнообразно. Преобладают округлый или срезанный венчик. Значительная часть венчиков имеет наплыв с внутренней стороны или желобок по центру среза.

В погребальной посуде этого периода заметны те же тенденции, что в посуде на поселениях. Горшковидные плоскодонные сосуды с короткой шейкой, сильно отогнутым венчиком изготовлены из глины с примесью дресвы, шамота и песка. Сосуды Починковского, Выжумского II могильников орнаментированы оттисками однорядовых и многорядовых параллельных и волнистых линий. На Руткинском могильнике преобладают сосуды, изготовленные на гончарном круге.

Таким образом, можно с определенной долей вероятности говорить, что во второй половине I тысячелетия н.э. население, оставившее памятники типа Сомовского II городища, вырабатывает свои керамические традиции: неорнаментированные горшковидные плоскодонные сосуды вытянутых и средних пропорций усеченно-сфероконической формы, миски аналогичных форм и приземистые сосуды со стянутым устьем, изготовленные из глины с примесью шамота и дресвы. В целом, древнемарийская посуда наследует гончарные традиции поволжских финнов и существенно отличается от гончарства пермских финнов. Выработанные в I тысячелетия н.э. стандарты остаются достаточно устойчивыми для всей эпохи средневековья. Иные признаки известны в большинстве случаев на пограничных памятниках (круглодонность, орнаментальные композиции из штампов) или характерны для отдельных этапов (органическая примесь, орнаментация из параллельных и волнистых линий, нюансы в оформлении венчиков) в развитии марийской культуры, существенно не изменяют ее облик и свидетельствуют о многосторонних связях и контактах местного населения с окружающими его этносами.

Металлическая посуда представлена бронзовыми, железными котлами и металлическими чашами.

Железные котлы обнаружены (38 экз.) на могильниках IX–XII вв., однотипны, незначительно отличаются только по размерам. Они изготовлены из отдельных, довольно толстых, пластин с помощью заклепочных соединений. Сборка из трех частей позволяла моделировать тулово сосудов, придавая ему приближенную к полусферической форму. После сборки к венчику приклепывались железные ушки из прямоугольного или квадратного в сечении дрота с раскованными окончаниями, в которые в большинстве случаев вставлялась дужка из прокованного, уплощенного с расширением в средней части, дрота. Такие котлы (рис. 35) найдены в погребениях XI в., в отдельных случаях в начале XII в. (Выжумский III могильник, погребения 2, 16, 11, 18). Для более позднего времени железные сборные котлы не характерны.

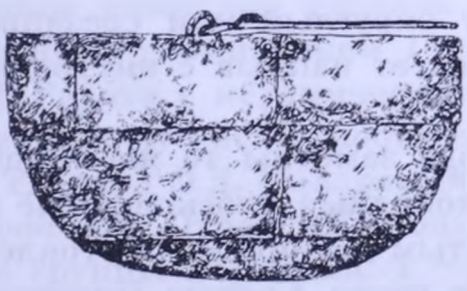

Рис. 35. Могильник Нижняя Стрелка. Железо.

Медные котелки (IX–XI вв. – 10 экз., XII–XIV вв. – 26 экз., XVI–XVII вв. – 9 экз.) имеют цилиндрическую

форму с чуть выпуклым дном, изготовлены из отдельных листов с помощью швов «в зубец» и, возможно, фальцовки (рис. 36). Клепка, в отличие от железных котлов, применяется только для ремонта ушек.

Они различаются по технологии изготовления [Никитина Т.Б., Руденко К.А. 1998] и относятся к трем типам:

1) собранные из двух или трех частей только швами в «зубец»;

2) корпус состоит из двух половинок, собранных швом в зубец и фальцовкой;

3) корпус состоит их двух половинок: верхняя из двух частей, вторая часть из трех составных деталей, собранных в зубец.

Сосуды близкие первому типу найдены на втором Старобадиковском [Петербургский И.М. 1987] и Крюковокужновском [Иванов П.П. 1952] мордовских могильниках, второму типу – в Кузьминском XI–XIII вв. [Руденко К.А. 1991], третьему типу – в Шокшинском и Кичилькосском [Савельева Э.А. 1987] могильниках.

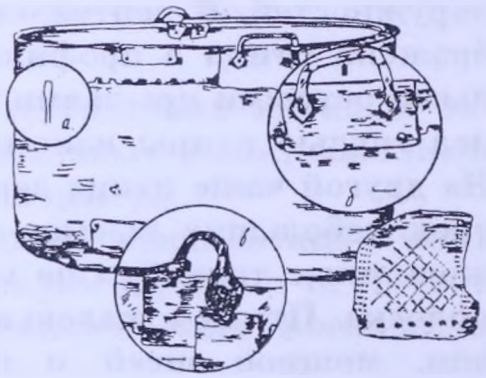

Рис. 36 . Могильник Нижняя Стрелка. Медь.

Медные котлы встречаются на территории Марийского края на протяжении всего средневековья. Изделия XII в. отличаются использованием в качестве подкладки под венчик узкой металлической полоски [Никитина Т.Б., Руденко К.А. 1998. С. 86–88].

Интересными находками являются чаши из цветного металла. В настоящее время в древнемарийских могильниках их найдено 8 экземпляров (Веселовский, Дубовский, Нижняя Стрелка). Сосуды изготовлены из оловянистой бронзы и по составу металла достаточно однородны. Преобладающим компонентом являлась медь (от 72% до 83%), а основной добавкой олово (от 15% до 26,44%) (Анализ проведён в физической лаборатории Государственного Эрмитажа А. И. Косолаповым). Поверхность чаш латинизировалась, цвет матово-серый до черного. Все изделия изготовлены горячей ковкой по литой заготовке. Сосуды имели полусферическую форму с округлым или уплощенным дном, высоту 4–4,5 см, диаметр 14–15 см.

По способу нанесения орнамента выделяются два вида чаш.

Сосуды первого вида представлены фрагментами от двух экземпляров. Орнамент выполнен давлением с наружной стороны. По верхнему краю чаш нанесены один или два пояска выбитых точек;

объемные ложки обрамляют круглый центральный медальон, подчеркнутый несколькими окружностями. В коллекции из Муромского могильника, хранящейся в ГИМе, имеются части небольшой серебряной (?) чаши с аналогичным декором поверхности. Датируется это изделие, как и большинство вещей Муромского могильника, X–XI вв. [Горюнова Е. И. 1953. С. 344].

Чаши второго вида (6 экз.) орнаментированы только изнутри с помощью специальных инструментов: обычного резца и фигурного сверла. Чаши украшены зооморфными изображениями или геометрическими композициями (рис. 37).

Зооморфный рисунок помещен в центре сосудов, в медальоне, обрамленном несколькими орнаментальными полосами, состоящими из одного-двух рядов мелких кружочков с точкой в центре или окружностей. В центральном медальоне на дне двух изделий изображена птица в профиль с поднятым пышным хвостом и длинными острыми крыльями (рис. 37–*1*). В одном случае у хвоста и перед грудью птицы нанесены неглубокие выемки диаметром 3 мм. На другой чаше птица держит в клюве предмет (ожерелье?) в виде трех небольших выемок-окружностей и круга, заполненного кружочками с точкой, а на шее птицы имеется неорнаментированная полоска. Птица с маленькой головкой, небольшим, изящным клювом, мощной шеей и грудью, крепкими упруго очерченными крыльями и большим, причудливо разветвленным хвостом, на наш взгляд, объединяет черты нескольких пернатых – возможно, голубя, фазана, ласточки. При достаточно реалистическом решении всего образа в целом ряд деталей выполнен весьма условно, схематично. Например, хвостовое оперение у птиц является больше декоративным элементом, служащим для заполнения свободного поля медальона, чем частью изображенного существа.

В центре третьей чаши помещен рисунок животного: тонкое, изящное туловище показано в профиль, голова в анфас (рис. 37–*2*). Судя по оформлению лап и изгибу спины, перед нами представитель семейства кошачьих. Изображение головы предельно стилизовано – круг, разделенный пополам прямой линией, с двумя «глазами» и «ноздрями», из-за шеи видны два отростка – «уши» (?) с кисточками на концах. Большой «расцветший» хвост, закинутый на спину, занимает часть свободного поля медальона. На шее полоска с рисунком из трех кружков с точкой. Подобные кружки имеются под туловищем зверя и между отростками хвоста. Декоративно оформленный хвост служит одновременно заполнением свободного пространства, как и на чашах с птицами.

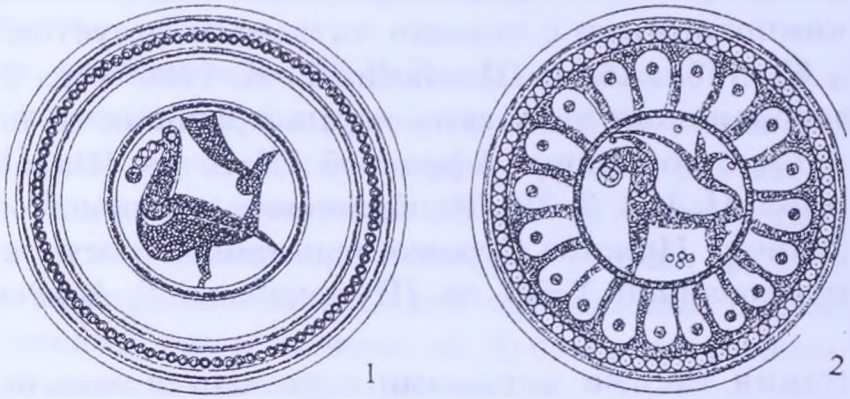

Рис. 37. Могильник Нижняя Стрелка.
Сплав цветных металлов.
1 – погребение 23; 2 – межмогильное пространство.

Несколько чаш имеют декор из геометрических мотивов: окружностей, розеток, а также зон орнаментальных полос, заполненных небольшими окружностями с точкой в центре.

Аналогичные по форме, размерам, способу орнаментации чаши известны на Семеновском I селище в Татарии [Руденко К. А. 1990. С. 211–217, рис. 13], в погребении 72 Малышевского могильника [Никитина Т.Б., Руденко К.А. 1992].

Территориально чаши этого вида концентрируются в довольно ограниченном регионе Средней Волги, Поветлужья и Приочья и образуют единую группу художественного металла.

Технологические приемы, применявшиеся при выделке чаш (ковка по литой заготовке), зафиксированы уже в позднекушанское время (IV–V вв. н.э.) [Завьялов В. А., Галибин В. А. 1990. С. 98], а также широко использовались в VIII–XI вв. на обширной территории раннеисламского Ирана и Средней Азии [Melikian–Chirvani A. S. 1974. P. 124, 146]. Кружковый (циркульный) орнамент является универсальным, не связан с какой-либо территорией или народом и не ограничен определенными хронологическими рамками [Иванов С. В. 1963. С. 473]. Вместе с тем этот орнамент как элемент композиционного рисунка в сочетании с ленточным бордюром и особенностями его использования (оформление фона, моделировка изображенных фигур) дает основание считать его элементом единого стиля. Орнаментальные мотивы на чашах имеют много общих элементов в оформлении глазурованных сосудов X–XI вв. из Средней Азии и Ирана. В отличие от художественного металла, здесь довольно много изображений живых существ. Причем последние (в

их числе птицы, барсы и гепарды) представлены, в основном, однофигурными композициями с хорошо читаемым силуэтом [Брусенко П. Г. 1986. С. 69, табл. 46, 4; Шишкина Г. В. 1986. Рис. 27–*6* и др.]. Интересны изображения этих существ на крышках со штампованным орнаментом с городища Афросиаб IX–X вв. [Балашова Г. Н. 1961. С. 205, табл. II, 1, 2, 3, 30]. Изображение животного на третьей чаше из могильника Нижняя Стрелка напоминает рисунок на матрице-калыбе, датированной X–XI вв. [Пугаченкова Г. А., Рempель Л.И. 1982. С. 190].

Орнаментация такими кружками встречается еще на изделиях согдийских мастеров по металлу школы А (5 этап) VIII–IX вв. по Б.А. Маршаку, при оформлении отдельных деталей: конской сбруи, волос всадника и т. д. [Маршак Б.А. 1971. С. 23, табл. 30, 31]. Поясок из кружочков с точкой имеется на чаше из Кетмень-тепе, датированной XI в. [Иванов А.А., Кожомбердыев И.К. 1983. С. 200]. X – первой половиной XI в. может быть датирована кружка с куфической надписью, фон которой заполнен аналогичными кружочками [Иванов А.А. 1985. С. 185]. Использовались эти элементы и в украшении двух чаш X–XI вв., найденных в Мургабском районе Таджикистана [Древности Таджикистана. 1985. С. 300, 301. №№ 802, 803].

В экспозиции искусства Ирана X–XI вв. Государственного Эрмитажа представлены две чаши (ИР 2117, 2118) из оловянистой бронзы. Верхняя орнаментальная полоска на чаше № 2118 из окружностей с выемками близка такой же полоске на сосуде могильника Нижняя Стрелка. Орнаментом из кругов и мелких кружочков покрыта внешняя поверхность другой чаши. Декор верхней части ее аналогичен оформлению внутренней плоскости чаши из Дубовского могильника. Совпадает даже такая деталь, как изображение крупных окружностей: одна из них имеет двойной ободок, а две, расположенные рядом, двойную полуокружность.

Однако при общем сходстве сосудов, техники и технологии исполнения и нанесения орнамента с произведениями восточной торевтики сюжеты чаш из могильника Нижняя Стрелка уникальны. Наиболее близки им по стилю и манере исполнения рисунки на изделиях сасанидских мастеров VII–VIII вв. Например, имеется блюдо с изображением фазана, держащего в клюве почетную повязку (патив) с подвеской и пышными концами ленты [Тревер К.В., Луконин В.Г. 1987. С. 114, № 24, ил. 60], или же блюдо, где среди прочих изображение утки с веткой или листом растения в клюве [Тревер К.В., Луконин В.Г. 1987. С. 115, № 27, ил. 83]. Совпадают даже детали. Это орнаментированная или неорнаментированная полоска

на шее животных или двойной ряд кружков в бордюре центрального медальона.

На чаше, опубликованной Р. Этингаузеном [Ettinghausen P. 1957, sig 16, 17], изображены фигуры животных, выполненные резцом и циркулем. Птицы здесь заключены в круглые медальоны, как и на сасанидских блюдах, а трактовка их фигур близка чашам из Нижней Стрелки: в той же манере показаны голова, грудь и полоска на груди. Сходство прослеживается и в оформлении верхнего края медальона кружками, как и на чаше из Дубовского могильника.

Технологические приемы изготовления сосудов, состав металла, орнаментированные мотивы и сюжеты изображений свидетельствуют о близости чаш Среднего Поволжья к изделиям Средней Азии и Ирана.

Однако сосуды иранского происхождения, несмотря на одинаковый с нашими состав металла, отличны по своему внешнему виду. Они толстостенны, массивны, тяжеловесны. Орнамент в большинстве случаев наносился на внешнюю, а не на внутреннюю сторону чаши. Орнамент на чашах из марийских могильников нанесен тонким резцом, поэтому линии на поверхности изящны и неглубоки. Орнамент на восточно-иранских поделках выполнен, вероятно, в иной технике, более массивным резцом или чеканом. Внешнее сходство достигается благодаря одинаковым элементам орнамента и орнаментальным композициям. Вероятно, чаши, найденные в марийских могильниках, изготовлялись другой школой мастеров, но, безусловно, знакомых с художественным творчеством мусульманского Востока. По всей видимости, эти произведения торевтики создавались под влиянием восточно-иранских и среднеазиатских образцов, а иногда и являлись копией последних. Изготовлялись эти чаши, вероятнее всего, в Среднем Поволжье приезжими, а возможно и местными мастерами, распространялись булгарскими и русскими торговыми людьми по рекам Волге, Оке, Ветлуге. Достаточно ограниченная территория их распространения в памятниках Волго-Камского междуречья свидетельствует в пользу средневолжского центра.

Марийцы использовали для различных целей и *деревянную* посуду, представленную чашами – 25 экз.: IX–XI вв.– 12 экз., XII–XIII вв. – 13 экз. (рис. 38). Деревянные чаши являются частой находкой в погребальных памятниках, изготовлены из березы и дуба. Они имеют хорошо обработанную гладкую поверхность, округло-уплощенное дно, по венчику окантованы накладками из тонких серебряных пластинок. Иногда такие пластинки вырезались из

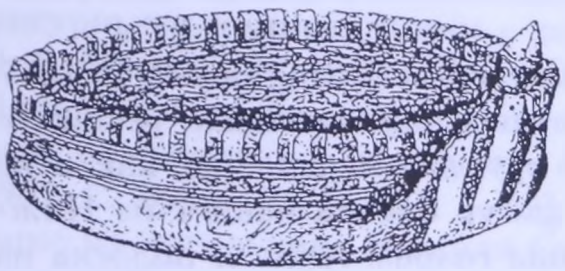

Рис. 38. Черемисское кладбище. Дерево.

дирхемов. В одном из погребений могильника Нижняя Стрелка по шейке чаши проходит полоса с кружевной резьбой, в другом – прорезные параллельные полосы.

Широко распространенным бытовым предметом являлись *железные кресала* для добывания огня (прил. 2, рис. 31–*36, 55, 56, 101, 103, 120, 122*). В памятниках типа Младшего Ахмыловского могильника кресала изготовлены из железной пластинки, на одном конце имеющей расширение, а на втором – крючок – 4 экз. В VIII–XI вв. они достаточно разнотипные: калачевидные – 21 экз. (прил. 2, рис. 28–*3, 6; 57–9, 10*), овальные или шестиугольные – 3 экз. (прил. 2, рис. 28–*10*; 57–*13*), стальные огнива с бронзовой рукоятью – 20 экз. (прил. 2, рис. 28–*4, 5*). Бронзовые рукояти биметаллических кресал представляют реалистичные или схематичные изображения отдельных зооморфных существ, реже – сюжетной композиции с их участием. Значительная часть кресал, найденных в марийских памятниках, учтены и систематизированы Л.А. Голубевой. Как вполне справедливо полагает исследовательница, эти изделия доставлялись из Верхнего Прикамья, где находился один из крупнейших центров их производства [Голубева Л.А. 1964. С. 115–132]. В XII–XIII вв. многообразие кресал сменяется господствующим типом овально-удлиненной формы с зубчатой или расширяющейся на концах прорезью – 33 экз. (прил. 2, рис. 71–*6*; 73А–*11*). Такие кресала чаще всего встречаются в Костромском Поволжье и у славян [Рябинин Е.А. 1986. С. 86]. Наряду с ними продолжают использоваться кресала калачевидной формы – 14 экз. Калачевидная форма кресала трансформируется в В–образную, которая становится ведущей формой в XVII вв. – 33,3% (прил. 2, рис. 30–*4*). Наряду с кресалами В-образной формы в XVII вв. используются прямоугольные – 23,5% (прил. 2, рис. 30–*2*), каплевидные – 17,6% (прил. 2, рис. 30–*1*), треугольные – 9,8% кресала.

Одной из наиболее многочисленных категорий производственного инвентаря являются *ножи* (прил. 2, рис. 31–*33, 34, 54, 102, 123*): VI–VII вв. – 77 экз., VIII–XI вв. – 210 экз., XII–XIV вв. – 133 экз., XVI–XVII вв. – 344 экз. Все ножи имеют прямую спинку. В соот-

ветствии с классификацией ножей, разработанной А.Е. Леонтьевым по материалам Сарского городища [Леонтьев А.Е. 1976. С. 33–34], все изделия различаются по способу соединения черешка и спинки клинка: а) черешок продолжает линию обушка, б) между обушком и черешком имеется выраженный уступчик. На раннем этапе VI–VII вв. встречаются ножи обоих типов (прил. 2, рис. 35–*11;* 38Б–*4;* 50–*10,11*). На Младшем Ахмыловском могильнике из 20 экз., подлежащих классификации, к первому можно отнести 7 экз., а ко второму – 13 экз. Начиная с VIII в. единственной формой становятся ножи второго типа. С этого периода появляются также изделия, имеющие при переходе от клинка к черешку валик для крепления рукояти (прил. 2, рис. 73Б–*6*). К XVI в. ножи с валиками для крепления рукояти составляют уже более половины (175 экз.) изделий. В XIII–XVI вв. вновь начинают появляться ножи с черешком, продолжающим линию клинка без уступчика (прил. 2, рис. 71–*4*).

Универсальным орудием в хозяйстве и боевых действиях служили *топоры* (прил. 2, рис. 31–*35, 57, 72, 99, 100, 121*). Древнейшими формами являются втульчатые топоры-кельты, обнаруженные в памятниках VI–XI вв.: VI–VII вв. – 45 экз., VIII–XI вв. – 34 экз. На раннем этапе преобладают топоры укороченных пропорций с длиной втулки, составляющей 1/2 длины орудия (30 экз.; прил. 2, рис. 40А–*5*; 46–*1*). Начиная с IX в., наибольшее распространение получают изделия удлиненных пропорций с длиной втулки 1/3 длины орудия (прил. 2, рис. 28–*1*). В IX–XI вв., по мнению Г.А. Архипова, одной из материальных форм этнического выражения марийской культуры становятся проушные лопастные топоры с молоточковидным обухом и двумя парами округлых щековиц – 32 экз. (прил. 2, рис. 28–*2;* 29–*4*) [Архипов Г.А. 1986. С. 51], продолжающие использоваться в XII–XIII вв. – 10 экз. Однако в могильниках XII–XIII вв. абсолютное большинство составляют лопастные топоры с треугольными щековицами – 30 экз. [Архипов Г.А. 1986. Рис. 40–*6*; рис. 41–*2*], широко распространенные в этот период в Костромском и Ярославском Поволжье [Рябинин Е.А. 1986. С. 88]. Начиная с XV в., на марийских памятниках фиксируются топоры с уплощенным или плоским обухом и асимметричным опущенным лезвием – 36 экз. (прил. 2, рис. 30–*3*), сохраняющие традиции топоров с щековицами и большой выемкой. Такая форма появляется на рубеже XIV–XV вв. в Новгороде и бытует в лесной полосе долгое время [Колчин Б.А. 1959. С. 26].

В могильниках VI–XI вв. достаточно частой находкой являются *наконечники копий и дротиков* (прил. 2, рис. 31–*37, 73*). В памятниках VI–VII вв. наконечники копий и дротиков располагаются в ногах по 2 экземпляра или вместе с топором. Преобладают двушипные дротики – 21 экз. (прил. 2, рис. 40А–*6;* 44–*13*), листовидные (27 экз.) и удлиненно-ромбовидные (5 экз.) наконечники копий (прил. 2, рис. 40А–*7*; 46–*15*). В X–XI вв. преобладающей становится удлиненно-ромбовидная с наибольшим расширением в нижней части форма копья (прил. 2, рис. 29–*1*). В XII в. копья вышли из употребления. Единственный экземпляр копья-сулицы найден только в погребении 2 Выжумского II могильника.

На протяжении всего средневековья среди *наконечников стрел* (VI–VII вв. – 23 экз., VIII–XI вв. – более 350 экз., XII–XIV вв. – более 150 экз., XVI–XVII вв. – 58 экз.) абсолютное большинство составляли ромбовидные черешковые, помещенные по несколько экземпляров в колчаны, от которых сохранились фрагменты дерева и ткани (прил. 2, рис. 55–*20–26*; 74–*12;* 75–*3, 4*).

На раннем этапе сложения древнемарийской культуры в могильниках найдено немало *мечей.* В памятниках VI–VII вв. обнаружено 11 мечей, 9 из них в Младшем Ахмыловском могильнике, в памятниках IX–XI вв. находки единичны (Нижняя Стрелка – 1 экз.; Юмский – 1 экз.), а в XII–XIII вв. исчезают совсем. Мечи разнотипны. Среди девяти, подлежащих классификации, 4 относятся к однолезвийным с прямым перекрестием, 3 – к двулезвийным с прямым перекрестием и 2 – к двулезвийным без перекрестия.

§ 3. Хозяйство

Тип хозяйства средневекового населения обусловлен в первую очередь зависимостью от природно-географической среды. Марийский край лежит на стыке двух больших ландшафтно-географических зон – лесной и лесостепной, границей между которыми служит р. Волга [Хорев Б.С. 1964. С. 10].

В южной части района, которую принято называть правобережьем, преобладает лесостепной ландшафт. Здесь проходит Приволжская возвышенность, разделенная р. Сурой на две части: Мордовскую и Чувашскую возвышенности с платообразной, хорошо

дренированной поверхностью, сильным эрозионным расчленением, серыми лесными (лесостепными и местами черноземными) почвами. Несмотря на то, что в настоящее время большая часть земель занята пашнями, в эпоху средневековья здесь господствовали широколиственные и смешанные леса. Как показали палинологические анализы, проведенные по материалам Янгосовского могильника, на правом берегу Волги два столетия назад произрастали березовые леса (береза пушистая – 53,6%, береза повислая – 36,6%), которые были вторичными. Большие площади были заняты лугами, покрытыми разнотравьем (73,4% всей пыльцы) [Шаландина В.Т., Шакирова Д.Р. 1995. С. 172]. Анализы пыльцы из более древних памятников (XII–XIV вв.) свидетельствуют о лесостепном характере ландшафта этого района. Характерной особенностью являлось высокое содержание широколиственных пород. В слое Носельского III селища обнаружены споры дуба (34,6%), липы (24%), лещины (8,6%); на Важнангерском (Малосундырском) городище споры дуба (16,8%), липы (6,8%), лещины (15,3%), а также орляка и плауновых. Споры хвойных пород незначительны [Шаландина В.Т., Шакирова Д.Р. 1995. С. 171]. Одна из особенностей правобережья – сильная закарстованность отдельных местностей.

За р. Волгой же характер ландшафта меняется. Заволжье Волго-Вятского края – типичная лесная полоса. Если на правобережье леса (широколиственные, мелколиственные, реже сосновые) вкраплены между полей и пашен, а более крупные лесные массивы-полесья представляют как бы острова, то в северной части района, в Заволжье, наоборот на большой территории поля вкраплены между лесов, а более обширные, открытые и распаханные пространства, называемые здесь опольями, полянами, ширью (Вятские и Заветлужские ополья), носят островной характер. В отличие от всхолмленного правобережья Заволжье представляет, в основном, плоскую, местами волнистую, слабо расчлененную равнину, не имеющую резких высотных переходов. По левому берегу р. Волги протягивается Марийская низина и Волжско-Керженское полесье. Весь их природный ландшафт определяется разнообразными сочетаниями светлых сосновых боров на песчаных буграх и дюнах и болотистых западин. В составе споро-пыльцевого спектра из культурного слоя Мало-Кугунурского могильника XVI–XVII вв. значительный процент составляет пыльца хвойных пород (сосны и ели) [Шаландина В.Т. 1990. С. 137].

Долины крупных рек, широкие, с хорошими дерново-подзолистыми почвами создавали возможность использовать их в качестве пастбищ и пахотных угодий.

К сожалению, до настоящего времени не проведено сбора карпологического материала, позволяющего делать объективные выводы о развитии земледелия.

Материалы могильников и поселений I тысячелетия н.э. практически не содержат данных о развитии этой отрасли хозяйства. В качестве косвенного подтверждения о знакомстве населения с земледелием могут быть лишь производственные площадки на Ардинском и Васильсурском V городищах, представляющие собой глиняные вымостки (см. главу «Городища и селища»), которые с определенной долей вероятности можно интерпретировать как токи для обмолота зерна.

Ситуация несколько изменяется к рубежу I–II тысячелетий и в последующее время. В памятниках этого периода имеются, хотя и весьма ограниченные, данные, подтверждающие развитие земледелия: в одном погребении Веселовского могильника X в. сохранился мешочек с просом и полбой; в Руткинском IX–XI вв. зерна проса лежали в чаше; остатки каши или сильно перегнившего зерна обнаружены в одном из погребений Выжумского III могильника XI–XIII вв.; на Носельском III селище XII–XIII вв. найдены 2 каменных песта для растирания зерна.

Учитывая сильно залесенный характер местности, возможным было только подсечное земледелие. Посевное состояние лесных росчистей было крайне непродолжительно (1–3 года), после чего подсеку забрасывали. При небольшой заселенности края, наличии обширной лесной площади, предпочтительнее было новую подсеку расчищать на значительном расстоянии как от жилья, так и от других подсек. А это, в свою очередь, требовало перехода с места на место, пользуясь землей пока она дает урожай без удобрения и бросая ее при истощении. Такой образ жизни вызывал, по мнению исследователей, так называемую «неполную земледельческую осед-лость» [Шенников А.А. 1971. С. 76–93] и, следовательно, расселение небольшими кратковременными поселками. Об этом свидетельствует и характер марийских поселков: небольшие площади селищ, не очень мощный культурный слой и достаточная разбросанность.

При подсечной системе земледелия для подготовки участков земли использовались топоры, которых обнаружено достаточное количество (см. параграф «Предметы быта...»). В музейных коллекциях имеются сошники, найденные на территории Марийского края. В 1925 году сошник с полицей найден у д. Шомовка в Малмыжском лесничестве [Архипов Г.А. 1973. С. 72, табл. 78–1]. Сош-

ник, имеющий длину 6,5 см и трубицу шире лопасти, по форме близок к сошникам из с. Алметьево Татарии и сошнику неизвестного происхождения, отмеченному В.П. Левашовой [Левашова В.П. 1956. С. 28, рис. 5а–*2,3*]. Еще один сошник найден у д. Пекоза в Моркинском районе Республики Марий Эл. Ярким свидетельством развития земледелия являются находки жерновов на Васильсурском V городище Репище XI–XIII вв. (использовался в качестве пода печи), Важнангерском (Мало-Сундырском) городище (3 нижних жернова), Носельском II (верхний и нижний), Красноселищенском II (фрагмент верхнего жернова) селищах XII–XIII вв., по которым с привлечением этнографических данных можно приблизительно реконструировать жерновой постав и отнести его к группе 1 по классификации Р.С. Минасяна [Минасян Р.С. 1978. С. 104]. Аналогичный жерновой постав появился в лесной зоне Восточной Европы в VIII–IX вв., сохранился длительное время и известен по данным этнографии у марийцев, чуваш, мордвы, удмуртов вплоть до XX вв. [Крюкова Т.А. 1956. С. 22]. Использование жернова свидетельствует об общем увеличении во II тысячелетии н.э. количества зерна: это может быть связано с развитой подсекой или с плужным земледелием.

Для уборки урожая использовались серпы и косы.

Несколько фрагментов черешковых с зубчатым лезвием серпов (20 экз.) и кос (16 экз.) обнаружены на Сиухинской кузнице XII–XIII вв. и в позднесредневековых могильниках. Из-за большой фрагментарности их форму восстановить трудно. Судя по сохранившимся остаткам, серпы симметричны, имеют слабо изогнутое, иногда зубчатое, лезвие и черешок. Ось черешка составляет продолжение оси начальной части клинка. По классификации Ю.А.Краснова подобные серпы относятся к IV типу черешковых [Краснов Ю.А. 1971. С. 73]. По его мнению, черешковые серпы появляются на памятниках первых веков н.э., существуют на протяжении всего I тысячелетия н.э. и встречаются наряду с обычными древнерусскими в начале II тысячелетия н.э.

Косы принадлежат однотипным орудиям, близким косе-горбуше. Согласно этнографическим данным, подобная коса использовалась для уборки плохих хлебов и овса и применялась на болотистых и кочковатых почвах. Косили таким орудием низко склонившись, иногда стоя на коленях [Челищев П.Н. 1896. С. 185], от чего и произошло ее второе название «коса-горбуша» [Крюкова Т.А. 1956. С. 17]. Такой труд был малопроизводителен: семь человек в три дня скашивали одну десятину [Крюкова Т.А. 1956. С. 12].

Находки полбы на средневековых марийских памятниках соответствуют факту, что Среднее Поволжье было издревле очагом возделывания этой культуры [Возникновение и развитие земледелия. 1967. С. 183]. Находки проса свидетельствуют о том, что рожь, вероятно, еще не получила распространения у древних марийцев. По закономерностям традиционного земледелия, с появлением ржи просо утрачивает свое значение, как более теплолюбивая культура, требующая для своего созревания лучших условий.

На основании находок фрагментов и целых полотенец (погребение 19 могильника Нижняя Стрелка) из льняной и конопляной тканей можно говорить о возделывании технических культур льна и конопли.

Богатый остеологический материал на марийских городищах I и начала II тысячелетий н. э. (Сомовское II, Васильсурское V Репище, ветлужские) и селищах середины II тысячелетия н. э. (Красное Селище II, Юльяльское) свидетельствует о разведении древним населением домашних животных.

Уже в I тысячелетии н.э., судя по данным верхних слоев Одоевского и Чортова городищ, животноводство занимает значительное место в хозяйственной деятельности: остатки домашних животных составляют 49,2–54% обнаруженных костей. На Сомовском II городище кости домашних животных составляют 60%. В составе домашних животных ведущее место занимала свинья, ее кости составляют на Одоевском городище 77% от костей домашних животных, на Богородском – 71%, на Сомовском II и Чортовом городищах – 50%. Значительная роль отводилась лошади и крупному рогатому скоту (табл. 26). По мнению А.Н. Формозова, кости древних свиней из Поветлужья являются останками некрупной примитивной длиннорылой лесной свиньи [Формозов А.Н. 1951. С. 183–184], кости овец от мелких пород. Кости домашних коров на Одоевском городище, по мнению А.Н. Формозова, принадлежат «расе, родственной зырянским животным, но они не были комолыми», о чем явствует находка лобной части черепа с Богородского городища.

Во II тысячелетии н.э. роль животноводства в хозяйственной деятельности марийского населения повышается и оно становится одной из основных отраслей хозяйства. Анализ остеологического материала с селища XIII – середины XV вв. у д. Красное Селище произведен сотрудником Научного центра археологических исследований Института истории Академии наук Татарстана Г.Ш. Асылгараевой. Кости домашних животных составляют преимущественное большинство (около 90%). Процентное соотношение вычисля-

лось по числу целых особей и показало следующую картину: преобладают свиные кости – 43,2% от всех костей животных и 50% от костей домашних животных, крупный рогатый скот – 11,4% и 13,2%, мелкий рогатый скот – 27,3% и 31,6%, лошадь – 4,5 и 5,3%. Кроме того, найдено небольшое количество костей домашней птицы (куры). Среди свиней 10,5% убиты в возрасте 2,5 месяца, 31,5% в возрасте 6 месяцев, 21% – годовалые, а 37% в возрасте 1,5 лет после одно- или двухкратной зимовки, давшие приплод. Большинство мелкого рогатого скота (78%) забито в возрасте от 3–х месяцев до 1 года с целью использования в пищу, поэтому не случайно трубчатые кости раздроблены в области диафаза, 11% животных оставили для дальнейшего разведения, а 11% забили в возрасте до 3-х месяцев, возможно, для получения каракуля. Особи крупного рогатого скота забивались преимущественно (60%) в возрасте 1,5–2 лет, старше двух лет – 20%, остальные 20% животных умерщвлялись в возрасте до 6 месяцев. На повторную зимовку оставляли до 80% стада животных. Среди лошадей идентифицируются кости взрослых особей низкорослых лошадей лесного типа.

Состав стада позволяет делать выводы о более оседлом характере населения, чем в предшествующий период.

Ведущее место в хозяйственной деятельности древнемарийского населения занимала охота. На ветлужских городищах I тысячелетия н. э. кости диких животных составляли 40–50,8% от общего количества костей. Первостепенное место занимала охота на пушного зверя. Среди них преобладали кости пушных зверей: бобра (33–37%), куницы (24%) [Бадер О.Н. 1951. С. 153]. Кроме них осуществлялась охота и на других пушных зверей: лисицу, зайца и хорька или норку [Формозов А.Н. 1951. С. 182–186], барсука. Не менее популярен этот промысел оставался и во II тысячелетии н. э. На поселении Красное Селище найдены также кости лисицы и зайца. Меховые подстилки под погребенными, остатки меховой одежды обнаружены во всех древнемарийских могильниках. В погребении 19 могильника Нижняя Стрелка найдена целая стопа меховых шкурок. Когти рыси и клыки кабана, ставших добычей древних охотников, входили в состав ожерелий и использовались в качестве амулетов.

Для охоты на пушного зверя изготавливались специальные костяные наконечники стрел с тупым концом, получившие название «томаров», представляющие собой костяные цилиндры; они найдены в марийских могильниках XVII в. (25 экз.). Находки костяных стрел подромбической формы известны на Черемисском

кладбище, Юмском и Кочергинском могильниках IX–XI вв., а также на средневековых городищах второй половины I тысячелетия н.э. (Сомовское II, Еманаевское, Ижевское). По описанию А.А. Спицына, на Мариернурском городище был найден лук [Спицын А.А. 1893. С. 154]. Судя по характеру повреждений на костях куницы Одоевского городища, использовались ловушки типа «пасти» или «плашки» [Формозов А.Н. 1951. С. 182]. В эпоху средневековья производилась также охота на птиц. На городищах и поселениях неоднократно находили косточки птиц. На могильнике Нижняя Стрелка целые скелеты уток обнаружены в котелках в составе жертвенных комплексов.

А.Х. Халиков считает, что к IX в. охота превратилась в промысел, который был рассчитан на торговлю и выплату дани в виде пушнины [Халиков А.Х. 1976-б. С. 103]. Пушнина, вероятно, активно вывозилась булгарскими купцами. В связи с этим интересны наблюдения А.Х. Халикова за отождествлениями названий «белки» и «копейки» в языках народов Поволжья, раскрывающих характер их торговых взаимоотношений [Халиков А.Х. 1976-б. С. 104]. В татарском языке до сих пор самая мелкая денежная единица (копейка) называется «тиен» (белка). В марийском соответственно «ур» означает и белку, и копейку. Но в татарском 1 копейка равнялась 1 белке («бер тиен»), а в марийском языке 1 копейка называется «кумыр», т.е. 3 белки, 2 копейки – «шамыр», т.е. 7 белок, а 3 копейки – «лур», т.е. 10 белок [Васильев В.М. 1948. С. 49–50]. Кроме пушного зверя практиковалась охота на крупного зверя: лося, бурого медведя, волка, кости которых также обнаружены на городищах.

Роль охоты была значительна в хозяйстве марийцев, особенно луговых вплоть до XIX в. А. Курбский [Сказания князя Курбского. 1902. С. 129], А. Олеарий [Олеарий А. 1906. С. 304], Г.Ф. Миллер [Миллер Г.Ф. 1781. С. 24], С. Герберштейн [Герберштейн С. 1908. С. 131], Н.П. Рычков [Рычков Н.П. 1772. С. 20] отмечали, что основным занятием марийцев вплоть до XVII в. оставалась охота. По мнению Т.А. Крюковой, «к моменту вхождения марийцев в состав Русского государства (XVI в.) охота продолжала играть важную роль в их хозяйстве и была для многих основным занятием, дающим источник существования» [Крюкова Т.А. 1956. С. 28], а «к земледельческому быту» марийцы «полностью перешли только после присоединения к Русскому государству, в середине XVI века» [Крюкова Т.А. 1956. С. 12].

Подсобным промыслом было рыболовство. Находки рыболовных крючков, блесен и грузил от сетей, костей рыб различных ви-

дов и размеров (сом, линь, осетр) на городищах и селищах, рыбья чешуя в хозяйственных ямах Сомовского II городища VII в. н.э., Красноселищенского II селища и Важнангерского (Мало-Сундырского) городища II тысячелетий являются прямыми доказательствами этого вида деятельности на протяжении всей эпохи средневековья.

В археологических памятниках содержатся лишь разрозненные сведения об обработке черного металла. Ни на одном из известных средневековых городищ не обнаружено следов обработки руды или отжига угля. Неоднократные упоминания в публикациях и отчетах о находках шлаков еще не являются достаточным основанием для заключения о выработке руды в местных условиях [Архипов Г.А. 1973. С. 76]. Количество шлаков незначительно, и многие из описанных находок являются лишь железистыми конкрециями. Железистые почвенные руды в средневолжском сырьевом массиве из-за условий залегания чрезвычайно трудны для разработки. Процесс настолько длителен и трудоемок, что мог потребовать отвлечения почти всех сил общины от других сезонных видов промысла. Попытки Нижегородской геологоразведочной партии отыскать более эффективные и менее трудоемкие по разработке источники залегания руды не увенчались успехом [Шадрин А.И. 1994. С. 23, 24]. С учетом вышеизложенных обстоятельств кажется вполне реальным утверждение, что в эпоху средневековья черный металл привозили в край в виде полуфабрикатов [Шадрин А.И. 1994. С. 26]. Аналогичная форма получения черного металла использовалась многими народами [Рыбаков Б.А. 1948. С. 94–96; Колчин Б.А. 1953. С. 111–112].

Переработка привезенных полуфабрикатов на местные изделия происходила на городищах. Во время этого процесса варка железа осуществлялась в сосудах [Шадрин А.И. 1994. С. 24]. Ошлакованные сосуды в большом количестве найдены на Сомовском II городище, встречаются и на других памятниках.

Микроструктурные исследования предметов из Младшего Ахмыловского могильника, произведенные в кабинете металлографии естественно-научных методов Института археологии АН СССР по методике, разработанной Б.А. Колчиным, позволяют считать, что основной технологической схемой изготовления орудий из черного металла была выковка их из цельнометаллических заготовок, значительно реже зафиксировано использование пакетных заготовок. Переход от изготовления цельнометаллических поковок к сварным конструкциям у населения, оставившего Младший Ахмы-

ловский могильник, по мнению В.И. Завьялова, был в стадии становления, о чем свидетельствует низкое качество варки, выявленное в процессе исследования. Редким также было применение термохимической обработки готовых изделий [Завьялов В.И. 1992. С. 169–170]. Совершенно иная картина наблюдается у соседних племен именьковской культуры, которые обладали более развитыми техническими навыками [Старостин П.Н., Хомутова Л.С. 1981. С. 215, 216].

Начиная с XIII в. известны кузницы – Сиухинская, Юльяльская. На Сиухинском археологическом комплексе в слое XII–XIII вв. обнаружены обломки глиняных тиглей, куски глиняной обмазки, шлаки и 197 железных предметов, сосредоточенных в трех кучах.

Многочисленные бронзовые и серебряные украшения из марийских могильников являются бесценным источником для изучения производственных традиций по обработке цветного металла. К сожалению, на современном уровне камеральной обработки и изученности археологических коллекций потенциальные возможности украшений как источника в этом направлении не могут быть использованы полностью. Без металлографических, спектральных и химических анализов возможно провести лишь поверхностное изучение морфологических качеств предметов и по ним сделать предварительные наблюдения о способах производства этих изделий.

В настоящее время лабораторией МарНИИ по изучению и сохранению историко-культурного наследия Республики Марий Эл (к.т.н. С.Я. Алибековым и к.т.н. Е.В. Ермаковой) проведен металлографический анализ изделий из цветного металла, в основном из погребений Младшего Ахмыловского могильника, а также часть коллекции из Дубовского и Нижняя Стрелка могильников IX–XII вв.* На основе сделанных ими заключений очевидно, что в производственной практике населения I тысячелетия наиболее широко практиковалось изготовление изделий из меди и латуни из цельных заготовок путем метода давления, направленной ковки с последующей гибкой на «оправке». Таким образом, произведены сюльгамы, браслеты, гривны, височные кольца. Узор наносился на поверхность готового изделия в состоянии рекристаллизации (t–300°) обжимом или другим специальным инструментом под воздействием ударных нагрузок.

* Автор выражает благодарность С.Я. Алибекову и Е.В. Ермаковой за предоставленную возможность использовать данные анализов.

Поэтому насечки и на браслетах и на сюльгамах небрежные, разной глубины и не симметричны. Древние ювелиры использовали также технику протяжки, пайки и полировки. Многие пластинчатые изделия вырублены из цельной пластины. Литье как способ изготовления изделий использовалось в этот период нечасто. Из 67 украшений Младшего Ахмыловского могильника, подвергнутых металлографическому анализу, только 16 изготовлены литьем. Они представлены в основном изделиями привозного характера: колоколовидными и пирамидальными подвесками, подвесками в форме идущего медведя, арочным нагрудником с тремя идущими конями. В практике местных племен литье применялось в основном для изготовления мелких деталей в виде накладок и шариков, которые использовались как художественное дополнение к украшениям. Поэтому не случайно, на Сомовском II городище найдены литейные формы только для мелких деталей. Среди украшений, изготовленных литьем, различаются вещи, выполненные по выплавленным моделям (полые изделия), литые в форме, а также изготовленные в технике «воскового вязания». В первом случае (подвеска от накосника в погребении 91 Младшего Ахмылова) на поверхности изделия сохранились следы песчаниковой формы. Наиболее сложный вариант представляет литье по плетеной модели или литье в технике «воскового вязания». Первоначальной стадией этого процесса является изготовление ажурной модели из провощеных нитей, которая заливалась жидким раствором глины, затем воск и нить выжигались, а полость заливалась металлом.

К рубежу I–II тысячелетий литье стало использоваться в производственной практике значительно шире. Проведенные анализы показали, что сырьем для изготовления украшений были сплавы из меди и цинка, чистой меди, латуни. К сожалению, объем обследованных в лаборатории изделий этого периода намного меньший по сравнению с количеством вещей I тысячелетия, поэтому приходится ограничиться, в основном, визуальным наблюдением за морфологическими признаками.

При работе с морфологическими признаками за основу взяты руководства, предложенные по украшениям Древней Руси Б.А. Рыбаковым [Рыбаков Б.А. 1948] и изделиям Древнего Новгорода Н.В.Рындиной [Рындина Н.В. 1963].

Наиболее широко в производственной практике для изготовления украшений используется техника набора путем спайки гладких крученых, плетеных проволок, пластинок, шариков и других мелких деталей. На городищах и в могильниках неод-

нократно обнаружены литейные формы из известняка для изготовления мелких деталей к этим украшениям. Как показали металлографические анализы, очковидные обувные подвески из Дубовского могильника изготовлены из проволоки путем навивки на конический предмет с последующей проковкой. Подвеска с ушком из этого же могильника соединена с помощью кузнечной сварки. С использованием техники набора из узорчатой проволоки с последующей гибкой и сваркой изготовлены треугольные каркасные подвески, почти все трапециевидные, солярные нагрудные украшения. Анализы височного кольца из могильника Нижняя Стрелка показали, что само кольцо было изготовлено из проволоки, которую подвергли сгибанию и протяжке, а затем напаяли головку, отлитую отдельно. Гривна из Дубовского могильника изготовлена из трех одинакового диаметра проволок, которые были скручены в горячем состоянии.

В могильниках IX–XI вв., по сравнению с предшествующим периодом, значительно больше встречается литых изделий, изготовленных по выплавляемой (восковой) модели и в формах.

Литье по восковой модели использовалось для объемных, преимущественно полых украшений. Процесс отливки при помощи восковой модели Б.А. Рыбаков [Рыбаков Б.А. 1948] реконструировал следующим способом: «...на гладкую каменную или глиняную плитку, аналогичную крышке для литейной формы, намазывается слой воска той толщины, которой должно быть изделие. Затем, выровняв поверхность воска, мастер наносит контур вещи, обрезает лишний воск по краям и лепит узор... Приготовленные детали орнамента он укладывает на восковую пластину, изгибает их, прижимает их, обрабатывает края, покрывает рельефный узор рядом косых насечек и т. д. ... Из воска делался стержень, доходивший до края подставки. Впоследствии через этот каналец лили металл. Отделав модель и охладив ее... кузнец заливал воск глиняным тестом. Когда тесто высыхало, полученную форму слегка обжигали, после чего воск вытапливался и выливался через литок. После этого форма была готова, и на место воска можно было лить металл». С использованием такой техники изготовлены многие изделия: подвески-всадницы, обувные очковидные подвески типа изделия из погребения 52 Дубовского могильника и т.д.

Изготовление полых объемных изделий по восковой модели представляет еще более сложный процесс. Он хорошо описан М.Г.Ивановой на примере удмуртских древностей [Иванова М.Г. 1994. С. 119–120]. Суть его заключается в том, что первоначально

делали заготовку изделия из дерева или рыхлой кости, опускали ее несколько раз в жидкий воск, декоративно обрабатывали, а затем заливали жидкой глиной, получая форму, в которую можно заливать металл. После застывания металла форма разбивалась, а первоначальная заготовка выжигалась, если изделие представляло закрытую емкость, или просто убиралось, если емкость не была закрыта. Анализы ряда изделий из Дубовского могильника показали, что внутренняя выжигаемая форма изготовлялась из кожи, дополнительно пропитанной органическими растворами. Таким способом изготовлены бубенчики, бутыльчатые привески, петлевидные обувные подвески.

Для отливки украшений, кроме изготовления по восковой модели, использовалось литье в мягких формах. Для этого в мягкой глине делали оттиск изделия, которое хотели повторить. Затем полость заливалась металлом. Эти изделия легко отличить по расплывчатости линий и небрежности изображения. Таковы умбоновидные подвески с привесками, которые отлиты в мягких формах по предварительно оттиснутым в них моделям. Обломки глиняных форм в виде кольца были обнаружены на городище Иванова Гора. Учитывая то, что формы из глины были непрочны, они могли использоваться ограниченное количество заливок, а при восковом вязании и производстве полых объемных изделий по восковой модели всего один раз. Поэтому мы почти не находим копий одного и того же изделия. Эти факты свидетельствуют, что украшения изготовлялись в ограниченном количестве, а ремесло развивалось в рамках домашнего хозяйства.

Многочисленные археологические свидетельства подтверждают, что большинство изделий не привозились, а были изготовлены на месте. В древнемарийских могильниках находки орудий литейного производства обнаружены в 12 случаях: это льячки, тигли и литейные формы. Во всех случаях это женские захоронения. На первый взгляд, исключение составляет погребение 11 могильника Нижняя Стрелка, где в изголовье мужского захоронения вместе с женскими украшениями и жженными костями найдена льячка. При обработке костного материала сотрудником Института этнологии Г.В. Рыкушиной оказалось, что здесь сохранились остатки женского трупосожжения.

По мнению Б.А. Рыбакова, «женщины финно-угров занялись литейным производством, когда на северо-востоке Европы распространился стиль «шумящих подвесок», которые изготовлялись в технике литья по восковой модели. Приготовление модели из

провощенных нитей («восковое вязание») близко исконным женским рукоделиям – вязанью, плетенью, вышиванию, поэтому естественно, что литьем украшений и овладели женщины» [Рыбаков Б.А. 1948]. Наибольший расцвет женского литейного производства у финно-угров, в том числе и у марийцев, согласно Л.А. Голубевой, приходился на IX в. С X в. появляются уже литейщики мужчины, но еще долгое время литейное производство остается в руках женщин [Голубева Л.А. 1984]. Захоронения женщин-литейщиц на марийских могильниках встречаются вплоть до XIII в.

Женщины-литейщицы занимали, вероятно, особое социальное положение в обществе. Их захоронения, как правило, отличались богатством костюма, что наглядно иллюстрирует погребение 5 могильника Нижняя Стрелка. Традиционные элементы: головной убор из обернутых в несколько рядов вокруг головы цепочек, височные проволочные кольца, кожаный с бронзовыми накладками пояс, браслеты на обеих руках, – подтверждали, что здесь захоронена не иноплеменница, а женщина этого же рода. Шею ее украшало богатое массивное ожерелье из ярко-красных с белыми и голубыми глазками пастовых бус, нанизанных на кожаный ремешок, вперемежку с бронзовыми пронизками. Лесные орехи, перевязанные кожаным шнурком, причудливо и удачно вставлены в ансамбль украшения. Тяжелое ожерелье спускалось на грудь и одновременно служило ее украшением. В центре на груди красовались крупные бронзовые бубенчики, издававшие определенные мелодичные звуки при ходьбе, и бронзовая полая фигурка с лапчатыми привесками, вероятно, водоплавающей птицы. Изображение ее сильно стилизовано, на голове имеются небольшие уши (или рога – ?). В могиле найдено ожерелье из мелких стеклянных с внутренней позолоченной прокладкой бус и полых четырехгранных с крестовидной прорезью бубенчиков. О связях этих женщин, по представлениям древних марийцев, со сверхъестественными силами говорит и содержимое берестяного туеса, поставленного в ногах. Здесь, кроме литейной формы и льячки, лежало два вытянутой формы белемнита, которые в народных поверьях до сих пор принято называть «чертовыми пальцами», костяная резная рукоятка от шила. В кошельке, подвешенном к поясу, справа находилась костяная копоушка с декором из прорезных заштрихованных ромбов и треугольников, которая также использовалась, вероятно, в ритуальных процедурах, «колдовской магии» и народной медицине. В погребениях литейщиц находились вещи преимущественно местного производства, а не привозные. Таким образом, они

становились носительницами и проводницами народных традиций. Обычными находками в погребениях литейниц являются шилья и кресало, что обусловлено их условиями труда. Обработка металла всегда связана с огнем, поэтому кресало, вещь наиболее необходимая, а шилья могли быть использованы для нанесения орнамента на восковую модель, по которой производилась отливка металла. Богатые орнаментированные костяные рукоятки шильев, оформленные стилизованными головками животных, свидетельствуют о том, что процесс изготовления украшений имел магическое значение.

В 9 из 12 захоронений литейниц обнаружены топоры. Хотя топоры не являются редкостью в женских захоронениях, но у литейниц они встречаются почти всегда. Вероятно, топоры являются показателем стабильного положения литейницы в обществе.

Металлообрабатывающее ремесло находилось в руках женщин до тех пор, пока развивалось в рамках домашнего хозяйства. Именно такой характер домашнего ремесла в X–XIII вв. наблюдается в Марийском Поволжье. Здесь нет своих месторождений цветного металла. Сырье завозилось сюда в небольших количествах в виде серебряной проволоки, пластинок, жетонов и слитков.

Оловянные круглые бляшки были найдены в погребении 24 Выжумского III могильника и погребении 5 могильника Нижняя Стрелка, кусок олова в захоронении 12 Веселовского могильника, свернутая в спираль серебряная проволока в кошельке из погребения 3 Дубовского могильника, два мотка тонкой серебряной проволоки обнаружены в погребении 7 Юмского могильника. Неудивительно, что таких заготовок найдено не так уж и много. Вероятно, они были слишком дорогим приобретением и поэтому редко попадали в состав погребального инвентаря. О бережном отношении к металлическим изделиям свидетельствуют котелки из могильника Нижняя Стрелка. Один из них имеет 13 заплаток. Кроме завезенных заготовок цветного металла, для изготовления местных украшений использовались привозные серебряные дирхемы или их подделки. Большинство из них имеют отверстие для привешивания или пришивания к одежде в качестве украшения. Дирхемы также разрезались на мелкие пластинки, служившие окантовкой краев деревянных чаш. Традиция изготовлять украшения из привозных металлических изделий бытовала на территории Марийского края еще в эпоху раннего железного века. В этом отношении следует обратить внимание на

налобные венчики от женских головных уборов Старшего Ахмыловского могильника. Они вырезаны из тонких бронзовых пластин или пластинчатых украшений, на которых были изображены животные, причем обрезаны достаточно небрежно, в результате чего на венчики попала часть рисунка с деталями фигур животных [Патрушев В.С. 1984. С. 18–*3–5*]. Вероятно, и в средневековье на лом могли переплавляться привезенные украшения, не отвечающие традиционным вкусам и представ-лениям местного населения. При ремонте одного из котелков, найденных на могильнике Нижняя Стрелка, заплатка вырезана из медного пластинчатого украшения с прочерченным орнаментом.

Переработка цветного металла и производство изделий из завезенного сырья происходили на городищах. На Сомовском II городище обнаружены производственные площадки, на которых располагалось несколько предметов, связанных с литьем меди (См. главу «Городища и селища»).

Набор инвентаря, связанного с обработкой цветного металла (тигли, льячки, литейные формы, шлаки и т.д.), представлен также на Васильсурском II, Кубашевском, Ардинском, Ижевском, Иванова Гора городищах. В древнемарийских могильниках свидетельства литейного производства обнаружены в 15 случаях.

Среди производственного инвентаря наиболее распространенными являются льячки с округлой или подтреугольной формой ковшика с коническим дном и сливом в одну сторону и массивной прямоугольной ручкой, расположенной на одном уровне с краем ковшика (прил. 2, рис. 28–*7,9*; 48–*5,6,11*). Среди материалов могильника на Чортовом городище, Сомовского II городища встречаются также льячки муромского и мерянского типов с элипсовидным или овальным ковшиком, двумя сливными носиками, изящной ручкой, край которой ниже края ковша (прил. 2, рис. 48–*7–11*) [Голубева Л.А. 1984. С. 83–84]. С XII в. ручки льячек начали украшать штампом (Выжумский II могильник, прил. 2, рис. 69–*6*).

Тигли длительное время сохраняют, в основном, рюмкообразную форму (прил. 2, рис. 52–*10*). Хотя иногда встречаются экземпляры с плоским или уплощенным дном и слегка прикрытым горлом (Сомовское II городище – 2 экз.). Как считает Л.А. Голубева, близкие формы в виде плоскодонных баночных или округлодонных чашевидных сосудов известны у мери.

Литейные формы в большинстве случаев изготовлены из известняка и доломита на прямоугольных или подквадратных брусках, имеют несколько рабочих поверхностей и предназначены для

отливки тонких пластинчатых накладок, и мелких бус или шариков, использовавшихся в качестве зерни при изготовлении украшений (прил. 2, рис. 49–*8–13*). Подобные формы для отливки мелких деталей нагрудных и обувных украшений являются частой находкой в погребениях волжских финнов: мери, муромы, мордвы V–XI вв. [Голубева Л.А. 1984. С. 1, рис. 52]. Точных аналогий литейным формам для изготовления прямоугольных и ромбических накладок нам неизвестно, но можно отметить, что украшение костюма пластинчатыми накладками широко практиковалось у мордвы [Воронина Р.Ф. 1974] и муромы [Смирнов К.А. 1974]. Накладки, отливавшиеся в форме с Сомовского II городища, имеют много общего, хотя и не тождественны с изделиями из Кузьминского [Альбом древностей мордовского народа. 1941. С. 41] и Кошибеевского [Альбом древностей мордовского народа. 1941. С. 30] могильников.

Кроме перечисленных ремесел значительное место занимают ткачество и обработка кожи, кости и бересты. Керамические и каменные пряслица являются обязательной находкой почти на всех памятниках (прил. 2, рис. 52–*1,2,6,11*; 66–*7–9*). Форма их различна: биконические с ребром по центру, усеченно-конические, бочонковидные и дисковидные. Сохранились также фрагменты одежды из шерстяных и льняных тканей.

Костяные изделия представлены наконечниками стрел, ручками шильев и ножей, гребешками, амулетами-«копоушками», коньками и уточками с резным геометрическим орнаментом на полированной поверхности. Сходный геометрический орнамент оттиснут на берестяных туесках.

Таким образом, на основании сохранившихся немногочисленных свидетельств, содержащихся в марийских памятниках, можно сделать заключение, что в эпоху средневековья ведущими отраслями хозяйственной деятельности марийского населения оставались охота и животноводство. Земледелие носило, очевидно, экстенсивный характер; его роль повысилась лишь во II тысячелетии н.э. В целом хозяйство марийцев носило натуральный характер. Ремесленное производство деревенского типа было связано, в основном, с обработкой сырья в домашних условиях.

§ 4. Культурные и торговые связи

Вопросы культурных и торговых взаимоотношений для территорий, являющихся контактными зонами разноэтничных коллективов, к которым относится Ветлужско-Вятское междуречье, имеют особое значение и требуют полного и всестороннего анализа вещевого материала. Без сомнения, они должны стать объектом самостоятельного исследования. Но даже беглый взгляд на археологические материалы позволяет проследить многосторонние связи марийских племен с населением соседних и более отдаленных территорий. Эти контакты менялись на различных этапах развития марийского этноса, приобретая характер торговых, культурных, политических, этнических взаимоотношений.

По материалам I тысячелетия н.э. прослеживаются этнические связи с волжскими финнами, по памятникам конца I тысячелетия н.э. и рубежа I–II тысячелетий – с пермоязычными племенами. Эти вопросы будут рассматриваться в следующей главе настоящего исследования при освещении этнической истории марийского народа.

В процессе расселения марийцев на территории Ветлужско-Вятского междуречья контакты этнического порядка с волжскими финнами ослабевают, но культурные и торговые связи с мордвой и муромой сохраняются и в последующий период. Это хорошо иллюстрируют материалы могильников IX–XI вв. В вещевых комплексах встречаются височные кольца с завитком или втулкой на одном конце, характерные для поволжских финнов [Архипов Г.А. 1973. Рис. 16; Никитина Т.Б. 1990. С. 1–*16*]. Каркасные подвески треугольной формы из плетеных проволочек наибольшее распространение получили в средневековых могильниках р. Цны [Голубева Л.А. 1982]. Особенность марийских подвесок заключалась в наличии длинных (20–30 см) цепочек из овальных звеньев, с помощью которых подвески крепились к щитку. Мордовское происхождение имеют и коньковые наборные подвески с ажурным прямоугольным щитком [Голубева Л.А. 1979. С. 49], получившие широкое распространение у всех волго-окских финно-угров [Рябинин Е.А. 1981–а. С. 18–19]. Круглые бляхи с ажурной основой, имеющие по нижнему краю кольца-петли для крепления шумящих подвесок, спиральные перстни также характерны в большей степени для Волго-Окского междуречья [Гришаков В.В., Зеленеев Ю.А. 1990. Рис. 8–*32, 45*]

В материалах могильников IX–XI вв. выделяется серия вещей прикамского происхождения. Довольно частой находкой (24 экз.) являются серьги с овальным, слегка расширяющимся внизу кольцом, к которому прикреплены гроздевидные или каплевидные привески, изготовленные, по мнению Г.А. Архипова, по салтовским образцам [Архипов Г.А. 1973. С. 20]. В новом варианте они получили наибольшее распространение в Прикамье [Генинг В.Ф., Халиков А.Х. 1964. Рис. 21] и на Чепце [Генинг В.Ф. 1962. Табл. 1–*1,4,5*], откуда, вероятно, и проникли в Ветлужско-Вятское междуречье. В составе погребального инвентаря IX–XI вв. фиксируются арочные подвески с чеканным или прорезным рисунком и шумящими подвесками на цепочках (26 экз.). Несмотря на широкое распространение этих изделий в лесной зоне Европейского Северо-Востока, большинство исследователей связывают их с памятниками родановской культуры [Голубева Л.А. 1966. С. 85; Оборин В.А. 1970. С.16–17]. Вероятно, именно из Прикамья попадают эти подвески в марийский костюм, приспосабливаясь под вкусы местного населения. С Прикамьем следует связывать и появление литых двухглавых коньковых подвесок и пластинчатых подвесок-всадниц [Никитина Т.Б. 1990. Рис. 4–*2*]. Изображение всадниц встречается в Приладожье, Прионежье, на Чепце и Средней Каме в X–XI вв. преимущественно в мужских захоронениях в качестве шейно-нагрудных украшений. Из Верхнего Прикамья, где находился один из крупнейших центров производства [Голубева Л.А. 1964. С. 115–132], доставлялись стальные огнива с бронзовой рукоятью с изображением зооморфных существ.

По своему географическому положению марийские племена занимали территорию, выходящую южной частью на Волжско-Балтийский путь, по которому осуществлялись связи Булгарии с землями Северо-Восточной Руси, а восточная граница расселения марийцев попадала в зону Волго-Камского пути.

Во второй половине VIII в. в Поволжье поселяются булгары, которые создают свое государство Волжскую Булгарию. В X в. завершилось формирование государства, появляются города с развитым ремеслом, возникает необходимость расширения внешней торговли. Марийцы, как один из самых близких северных соседей, попали в сферу торговых контактов булгар.

Первые контакты булгар и марийцев установились еще в ранний период. Тогда в край проникли серьги салтовского типа и отдельные типы накладок от поясного набора. Наибольшая активность булгарских купцов приходится на конец X – начало XI в., что

неоднократно подтверждалось исследователями [Казаков Е.П. 1985. С. 27; 1987. С. 37–40; 1999-а; Руденко К.А. 2000; Хузин Ф.Ш. 1997. С. 71–90]. К этому времени относится большинство булгарских изделий и дирхемов в марийских могильниках. Большое количество монет обнаружено в Дубовском могильнике и могильнике Нижняя Стрелка (табл. 25). Среди монет преобладают куфические дирхемы эпохи Саманидов, чеканенные в Средней Азии. Встречаются монеты династий Бувейхидов, Зияридов, Симджуридов, чеканенные в Иране и Ираке [Федоров-Давыдов Г.А. 1984]. На этих памятниках найдены также дирхемы Волжской Булгарии, что является достаточно редким фактом. В Дубовском могильнике найдена одна монета, выпущенная в Булгаре Микаилом ибн Джафаром, вероятно, не ранее конца 920-х годов и не позднее конца 950-х годов, две монеты принадлежали Талибу ибн Ахмеду, чеканенные в 952–953 гг. в Суваре [Федоров-Давыдов Г.А. 1984. С. 162–163]. В могильнике Нижняя Стрелка один дирхем (погребение 36) относится к правлению Абдаллах бен Микаила, 940-е годы (г. Булгар), другой (погребение 31) – Мумин бен ал-Хасана, 970-е годы (г. Булгар,) и несколько односторонних оттисков с булгарских монет (погребение 20 с монеты чекана Булгара 988–989 гг.; погребения 24 и 27 с монет Мумин бен ал Хасана, чеканенных в Булгаре в 970-е годы).

Предметом импорта могли быть вещи ювелирного производства, развитого в Волжской Булгарии достаточно высоко. В могильниках IX–XI вв. в большом количестве находят поясные наборы с накладками, изготовленными в Волжской Булгарии, грушевидные орнаментированные бубенчики, витые браслеты с шатонами на концах [Архипов Г.А. 1984. Рис. 11–*24*; Никитина Т.Б. 1990-а. Рис. 7–*7,8*]. Во второй половине X в. в Волжской Булгарии оформилось «медницкое» ремесло [Руденко К.А. 2000. С. 82–83], поток булгарской металлической посуды захватил ближайшее пограничье. Медные котлы, чаши из белой бронзы являются частой находкой в марийских захоронениях X–XI вв. Через булгарских торговцев в край поступали цветной металл для изготовления украшений, шелковые ткани, раковины-каури.

Стандартизация гончарного производства в Волжской Булгарии, высокое качество изделий булгарских гончаров обусловили широкий спрос на булгарскую керамику. Ее находки известны в различных городах Руси: Суздаль, Гороховец, Владимир, Муром и др. [Валеев Р.М. 1986. С. 28], несмотря на то, что русские ремесленники были и сами знакомы с технологией производства гончарной

посуды. Тем более неудивительно, что булгарская керамика встречена на поселениях Марийского края: Васильсурское V городище Репище, Юльяльское селище, Красное Селище II, для населения которых традиционными были лепные сосуды. На Васильсурском V городище Репище обнаружены три глиняных поделки в форме уплощенных кружочков из хорошо обожженной глины. Аналогии таким изделиям известны в слое X в. дунайской Булгарии [Вожарова Живка Н. 1965. С. 105], в слоях VIII–X в. на славянских поселениях Опошня [Ляпушкин И.И. 1961. С. 296, рис. 142–*5, 6*; с. 286, рис. 131–*4*, рис. 119 – *14–16*] и Новотроицком [Ляпушкин И.И. 1961. С. 272], поселениях Волжской Булгарии [Хузин Ф.Ш. 1979].

Торговля осуществлялась в большей степени путем обмена товаров. Из 77 находок дирхемов или подражаний им 20 в различной степени обломаны, что не исключает их хождения в качестве денежной единицы по весовому содержанию. Однако, преимущественно, дирхемы воспринимались местным населением как сырье для изготовления украшений. Поэтому неслучайно большинство из них имели одно или два отверстия или приклепанное ушко для подвешивания и использовались в качестве составных частей для украшений. На Дубовском могильнике из 18 монет 8 имеют отверстия, на могильнике Нижняя Стрелка только 3 монеты не повреждены, а 9 имеют отверстие для подвешивания. Нередко монеты использовались в переработку новых изделий; для окантовки краев деревянных чаш они разрезались на мелкие пластинки.

Не меньшим спросом у местного населения пользовались монетовидные подражания или односторонние оттиски с монет. В Дубовском могильнике их найдено 21 экземпляр, в могильнике Нижняя Стрелка – 15 экземпляров. В конце X – начале XI в. в Волжской Булгарии не стало хватать поступающих с Востока куфических монет для обслуживания разрастающейся торговли, поэтому для покрытия крупных торговых операций стали использовать подражания монетам и неразменные слитки «сумы» или «саумы» [Валеев Р.М. 1986. С. 30]. Поскольку масштаб торговли с марийским населением был ограничен, здесь использовали лишь подражания монетам. При анализе нумизматического материала Дубовского могильника Г.А. Федоров-Давыдов отметил такую интересную деталь: 2 оттиска из погребения 33 сделаны с одного дирхема, два оттиска, изготовленные также с одного дирхема, найдены в кв. Л/3. В погребении 36 найдены два редких дирхема эмира Волжской Булгарии, чеканенные одной парой штемпелей, в погребении 40 обнаружены литые монетовидные подвески, причем 5 из них отлиты в одной форме, а

две – в другой [Федоров-Давыдов Г.А. 1984. С. 166]. Вероятно, производство оттисков и монетовидных подвесок производилось в одном центре с ограниченным количеством мастеров, расположенном недалеко, возможно на пограничье булгарских и марийских земель и обслуживающим конкретную территорию. Здесь же могли производиться и чаши из цветного металла, которые получили наибольшее распространение в марийских памятниках. На территории Марийского края в настоящее время известно два булгарских поселения X–XI вв. (Отарское и у д. Мари-Луговая). Второе А.Х. Халиков считал торговой факторией [Халиков А.Х. 1962. С. 182–183].

По Волжско-Балтийскому пути происходило проникновение на марийскую землю вещей из Руси, Прибалтики, стран Европы. В составе нумизматического материала иногда фиксируются западноевропейские монеты. В погребении 34 Дубовского могильника найден денарий герцога Ордульфа (1059–1071 годов) [Федоров-Давыдов Г.А. 1984. С. 165], в погребении 23 могильника Нижняя Стрелка – денарий Кнута чекана 1017–1023 годов. В погребении 25 Веселовского могильника обнаружена кольцевидная застежка с разомкнутыми концами, имеющими маковидные головки [Архипов Г.А. 1973. Рис. 24–*5*]. Такие изделия имели наибольшее распространение в Финляндии, где Кивикоски датирует их 850–1000 годами [Kivikoski E. 1939. Табл. 81, 652; табл 80, 662; Бривкалс Э.П. 1959. Табл. III–3], известны в Средней Швеции, Норвегии, юго-восточной Ладоге [Архипов Г.А. 1976. С. 30]. Аналогии в финских и приладожских древностях имеют треугольные в сечении застежки с кружковым орнаментом на поверхности [Архипов Г.А. 1973. Рис. 24–*1, 2*], также фибулы с головками, оформленными многогранными шипами или восьмигранными утолщениями на концах, обнаруженные в Веселовском и Нижняя Стрелка могильниках [Бранденбург Е.Н. 1895. Табл. II–*1,2,3,4*; Равдоникас В.И. 1890. Табл. VI–*22*].

Первое проникновение русских вещей на территорию Ветлужско-Вятского междуречья относится к рубежу I–II тысячелетий н.э. В могильниках IX–XI вв. найдены разомкнутые браслеты с петлевидными концами, витые гривны с раскованными концами, один из которых имеет эсовидное окончание (могильник Нижняя Стрелка, Веселовский могильник), витые гривны с обрубленными концами (Веселовский могильник), гривны с заходящими концами, оформленными в виде головок различной формы, и с поверхностью, орнаментированной «волчьим зубом», получившие название радимичских (могильник Нижняя Стрелка) [Никитина Т.Б. 1990. Рис. 3].

В конце XI – начале XII вв. усиливается приток вещей со стороны Костромского и Ярославского Поволжья, что наглядно отражается в материальной культуре марийского населения, оставившего могильники XII–XIII вв. В могильниках XII в. в качестве височных украшений используются браслетообразные височные кольца со слегка заходящими друг за друга и незавязанными концами. Аналогичные височные кольца наиболее часто, по наблюдениям В.В.Седова, встречаются в курганах Калининского и Ярославского Поволжья, Ростовско-Суздалькой земле и северо-западных районах Новгородчины [Седов В.В. 1982. С. 194, 195]. В этот период появляются витые кольца из двух переплетенных проволок с завязанными концами, перстнеобразные с заходящими концами. В погребениях XII–XIII вв. обнаружены бусинные, особенно однобусинные и трехбусинные височные кольца [Архипов Г.А. 1986. С. 18–21]. Гладкие бусинные кольца в X–XII вв. встречаются на всей территории Костромского Поволжья [Левашова В.П. 1967. С. 19–*23*, 40–*43*; Рябинин Е.А. 1986. С. 58], а трехбусинные являются частой находкой в кладах Волжской Булгарии и древнерусских городов этого времени [Ефимова А.М. 1960. С. 195–202].

С XII в. преобладающим типом становятся пластинчатые браслеты. В предшествующий период пластинчатые браслеты встречались, в основном, в марийских памятниках ветлужской группы. Их появление Г.А.Архипов связывал с влиянием костромской мери [Архипов Г.А. 1973. С. 33]. Появляются новые типы пластинчатых браслетов, загнутоконечных и оттянутоконечных, имеющих широкие аналогии в славянских древностях и памятниках Костромского Поволжья [Седов В.В. 1960. С. 114, 115; Левашова В.П. 1967-а. С. 236]. На смену усатым щитковым перстням IX–XI вв. приходят рубчатые и ложновитые. Рубчатые и ложновитые перстни Е.А. Рябинин объединяет в один тип. Такие изделия являются наиболее популярными в памятниках Костромского Поволжья [Рябинин Е.А. 1986. С. 66], широко использовались сельским населением Руси X–XIII вв. [Недошивина Н.Г. 1967. С. 264], на рубеже XI–XII вв. появились в Новгороде и просуществовали там до XIV в. [Седова М.В. 1981. С. 122]. На смену каркасным подвескам с треугольной основой из плетеных проволок IX–XI вв. приходят подвески такой же формы из проволочных колец или спаянных пирамидкой спиралей, являющихся, по наблюдениям Е.И. Горюновой, этноопределяющим мерянским украшением [Горюнова Е. И. 1961. С. 244], распространенным на территории современной Костромской и Ивановской областей, Ярославском Поволжье в XII–XIII вв. [Рябинин Е.А. 1986. С.

77]. В погребениях XII–XIII вв. встречаются крупные подковообразные застежки с выступающими концами, соединенными между собой перемычкой. Е.А. Рябинин указывает широкий круг аналогий этому изделию в Ярославском Поволжье, в бассейне р. Шексны [Тухтина Н.В. 1966. С. 129, 134, рис. 4, *1, 14*] и на юго-востоке Архангельской области [Савельева Э.А., Малышев Н.П. 1977. С. 78, рис. 8, *12*]. Но наибольшая концентрация таких изделий отмечена им в бассейне р.Северной Двины от устья р.Ваги до среднего течения р.Сухоны в области обитания «чуди заволочской» в комплексах конца XI–XIII в. Распространение их на другие территории отражает существование определенных культурных связей между областями с финно-угорским или смешанным славяно-финским населением [Рябинин Е.А. 1981. С. 66–72; 1986. С. 68–69]. В XII–XIII вв. в обиход входят овально-удлиненные кресала с зубчатой или расширяющейся на концах прорезью, бытовавшие в Костромском Поволжье и на Руси [Рябинин Е.А. 1986. С. 86], топоры с треугольными щековицами, широко распространенные в этот период в Костромском и Ярославском Поволжье [Рябинин Е.А. 1986. С. 88], ключи от пружинных замков новгородского типа, гончарная керамика, предметы христианского культа.

Таким образом, богатый комплекс материальной культуры древнемарийских памятников, особенно могильников, свидетельствует, что в эпоху средневековья Марийский край развивался в системе взаимодействия с соседними племенами и государствами: в период с IX в. (особенно X в.) марийцы находились в сфере торгового влияния Волжской Булгарии, а с конца XI в. устанавливаются торговые и культурные взаимоотношения с населением русских княжеств.

ГЛАВА 5
ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ТЕРРИТОРИИ И ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ МАРИЙСКОГО ЭТНОСА

§1. Об этнических основах марийского народа

Вопрос о происхождении марийского этноса дискуссионен и далек от окончательного решения. Впервые он заинтересовал ученых еще в прошлом столетии в связи с решением «мерянской проблемы». Финский языковед М. Кастрен высказал мнение, что «меря» – просто славянское видоизменение «мари», что означает «люди», а это наводит на мысль, что «меря» или состояла из черемис или представляла родственное племя» [Kastren M. 1856. С. 16–17]. Впоследствии эти взгляды были поддержаны Д.А. Корсаковым [Корсаков Д.А. 1872. С. 36], Т.С. Семеновым [Семенов Т.С. 1891. С. 228–258]. А. Куник также связал упоминаемую Иорданом мерю («merens») с близкородственной черемисой [Куник А., Розен В. 1878. С. 155]. Известный этнограф С.К. Кузнецов в начале XX в. писал, что меря – предки «нынешних черемис» [Кузнецов С.К. 1910. С. 94]. Из археологов теорию отождествления марийских племен с мерянскими поддержал А.А. Спицын [Спицын А.А. 1905].

В советский период над проблемой происхождения марийского этноса стали активно работать археологи. В 1940-е годы А.П.Смирновым выдвинута теория о начале формирования этнических основ древнемарийского народа в результате расселения городецких племен с правобережья Волги на левый берег в бассейн Поветлужья и смешения их с местным населением [Смирнов А.П. 1952]. Позже он пишет, что «...в своей основе мари все же относятся к ананьинско-пьяноборским племенам» [Смирнов А.П. 1961. С.125].

Частично высказанную ранее точку зрения А.П. Смирнова разделял О.Н. Бадер, поддержавший тезис о переселении в первой половине I тысячелетия н.э. правобережного населения в область ле-

вобережья р. Волги. В отличие от А.П. Смирнова он не признавал участия ананьинско-пьяноборского населения в сложении древнемарийской культуры в Поветлужье, считая ее продолжением дьяковских традиций [Бадер О.Н. 1951-б].

Созвучно этому утверждению выступление В.Ф. Генинга на сессии, посвященной вопросам происхождения марийского народа, в котором докладчик сделал следующее заключение: «Материалы рубежа I и II тысячелетий н. э. достаточно определенно свидетельствуют об этнической близости марийцев с другими мерянскими племенами», основанной «на базе восточного варианта дьяковской культуры раннего железного века» [Генинг В.Ф. 1967-б].

Теорию о смешанном характере марийской культуры, сложившейся в результате синтеза городецкой и азелинской культур, с 1960-х годов активно развивал А.Х. Халиков [Халиков А.Х. 1962]. В его последних работах по этногенезу финно-угорских народов в схеме сложения марийского этноса основная роль отведена пермскому (азелинскому) компоненту. При этом А.Х. Халиков признает определенное воздействие южных ираноязычных племен.

Взгляды А.П. Смирнова и А.Х. Халикова поддерживал Г.А. Архипов, внесший значительный вклад в изучение этногенеза марийского народа. Тезис о том, что в V–VII вв. ядро древних мари формируется в Ветлужско-Вятском междуречье на основе городецко-азелинского субстрата (Младший Ахмыловский могильник, Кубашевское городище), был наполнен им фактическим материалом и превращен в развернутую научную гипотезу [Архипов Г.А. 1967; 1973. С. 86 и сл.]. В поисках более древней основы марийского этноса Г.А. Архипов выделил несколько этапов этногенеза: прамарийцы (племена ахмыловской культуры) и протомарийцы (волосовцы Марийского Поволжья), удревняя тем самым процесс вплоть до II тысячелетия до н. э. [Архипов Г.А. 1985; 1988].

В.С. Патрушев считает, что формирование этнических основ и этнографических особенностей мари, а также мери и муромы, происходило на базе финноязычного населения ахмыловского облика; этническое единство этих групп населения (прамарийско-мерянской общности) сохраняется почти до середины I тысячелетия н.э. и только воздействие азелинского населения способствовало выделению из этой общности предков марийского народа [Патрушев В. С. 1992. С. 143].

К проблеме происхождения и древней прародины марийцев неоднократно обращались лингвисты. По данным топонимики, опираясь на распространение древнемарийских гидронимов на «-нер»,

«-нар», И.С. Галкин утверждает, «что прародина мари главным образом на правом берегу Волги и несколько южнее и западнее, чем в настоящее время. Луговая сторона Волги была заселена прапермянами» [Галкин И.С. 1985. С. 18; 1995. С. 306]. Подводя итог своим многолетним наблюдениям, он писал, что «марийский язык не стал языком пермским и даже не приобрел особых пермских черт, а остался волжско-финским с близкими чертами к прибалтийско-финским языкам» [Галкин И.С. 1988. С. 46–47].

По мнению другого языковеда Д.Е. Казанцева, посвятившего свою работу историческому языкознанию, в начале н.э. Ветлужско-Волжское междуречье «принадлежало предкам пермских народов», а истоки марийской культуры следует искать юго-западнее в памятниках Кошибеевского круга [Казанцев Д.Е. 1985. С. 36–57].

Б.А. Серебренников, признавая промежуточное место марийского языка между мордовским и удмуртским, все же отмечает, что сходства с пермскими языками являются лишь типологическими и не определяют органическую близость двух языковых систем, а сходство с мордовскими языками свидетельствует «о материальной общности грамматических структур двух языков. Это явления, которые не могут быть заимствованы одним языком у другого языка» [Серебренников Б.А. 1967. С. 174–175]. По его мнению, в древности прамарийский язык был одним из северных диалектов языка волжско-финской общности, и его носители проживали юго-западнее вплоть до нижнего течения р. Оки.

Л.П. Грузов также называет параллели в марийском и удмуртском языках признаками вторичного образования [Грузов Л.П. 1969. С. 38].

Суммируя вышеперечисленные точки зрения по вопросам территории и этнических основ марийского народа, выделим два основных направления: а) автохтонное формирование мари на территории Ветлужско-Вятского междуречья; б) переселение марийцев на территорию их современного проживания из юго-западных районов.

Особо следует отметить позицию К.И. Козловой. Отрицая участие азелинцев в этногенезе мари, она вполне солидарна с языковедами в том, что территория Ветлужско-Вятского междуречья в период формирования марийского этноса оставалась за пермоязычным населением. Однако, она все же не видит оснований отодвигать границу расселения предков мари западнее Нижней Суры, где прочно обосновались мордовские племена. По мнению К.И. Козловой, этническое ядро марийского этноса сложилось в Приказанско-Чувашском Поволжье [Козлова К.И. 1978. С. 38, 54].

Основополагающими памятниками для археологических построений явились Младший Ахмыловский могильник, городища Поветлужья, могильник на Чортовом городище и Кубашевское городище, признанные большинством археологов в этническом отношении древнемарийскими [Бадер О.Н. 1951. С. 110–159; Халиков А.Х., Безухова Е.А. 1960. С. 20; Архипов Г.А. 1973; Голубева Л.А. 1987. С. 109].

Младший Ахмыловский могильник долгое время оценивался по уже устоявшейся схеме вычленения двух компонентов: позднегородецкого и азелинского [Архипов Г.А. 1973. С. 91–107]. Некоторые исследователи относят этот памятник полностью к азелинской культуре [Халиков А.Х. 1992; Лещинская Н.А. 1987. С. 64].

Азелинский компонент выделен Г.А. Архиповым по материалам 5 погребений (19, 41, 45, 91, 399), чаще всего упоминаемых в опубликованных источниках (рис. 39). Эти комплексы мною были повторно проанализированы [Никитина Т.Б. 1996, 1999-а]. Ни одно из этих захоронений неправомерно считать азелинским, так как, кроме азелинских типов вещей, в них обнаружены в преимущественном большинстве вещи западного (волжско-финского и даже балтского) облика. К прикамским относятся, в основном, принадлежности поясной гарнитуры: пряжки, накладки, эполетообразные застежки. Как показывает практика, поясная гарнитура служит хорошим датирующим признаком, но в исключительно редких случаях она может быть использована для этнических построений. Многие предметы поясного набора в памятниках Восточной Европы имеют южное происхождение. Наиболее выразительные эполетообразные застежки, являющиеся этномаркирующим элементом азелинской культуры, встречены лишь в двух экземплярах в погребениях 19 и 45 (прил. 2, рис. 34–*11*; 36–*16*) и в последующие эпохи в традиционном марийском костюме не получили развития.

Более надежными признаками этнического порядка считаются головные и нагрудные украшения. Они представлены медными привесками к накоснику в форме фигурок медведя в погребении 45 (прил. 2, рис. 36–*3,4,6–8*), височным кольцом в погребении 19 (прил. 2, рис. 34–*4*), арочным ажурным нагрудником с изображением коней в погребении 91 (прил. 2, рис. 41–*13*). Используя украшения в качестве этноопределяющего показателя, нельзя не учитывать их декоративной функции. Являясь наиболее привлекательным элементом материальной культуры, они могли стать предметом обмена и перемещаться в другую среду без своих носителей. Например, арочный нагрудник азелинского типа с изображением коней, аналогич-

ный изделиям из погребения 91 Младшего Ахмыловского могильника, известен в материалах Абрамовского мордовского могильника [Голубева Л.А. 1979. С. 31]. В случае заимствования, как правило, вещь использовалась не по ее прямому назначению. Украшение только в составе костюмного комплекса может дать объективную информацию об этнической принадлежности носителя.

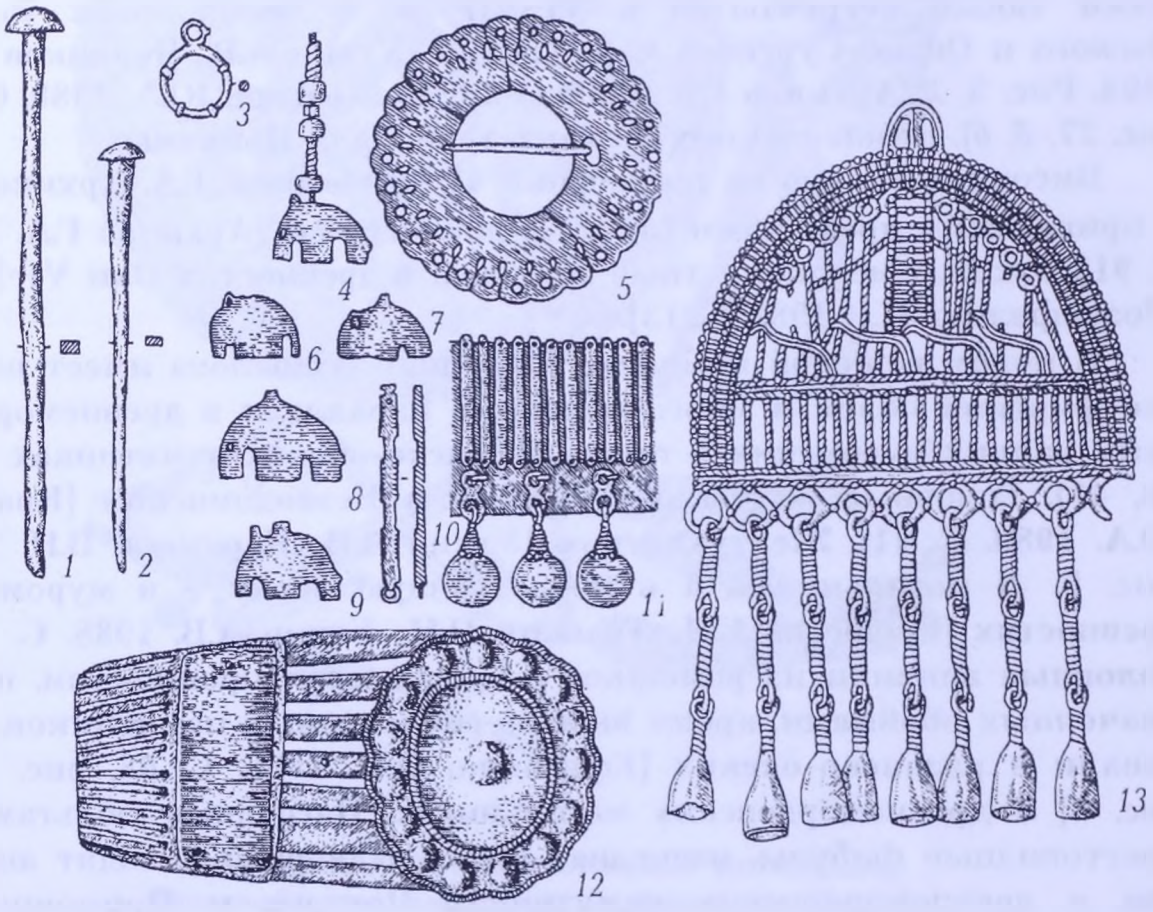

Рис. 39. Младший Ахмыловский могильник.
Вещевой комплекс прикамского облика.
1,2 – погребение 43; 3,10,11 – погребение 19;
4–9 – погребение 45; 12 – погребение 91.

Оценим перечисленные выше находки с такой позиции. Азелинское височное кольцо с узелками в погребении 19 найдено не у виска, а на груди. Подвески в составе накосника из погребения 45 (4 экз.), схематически передающие фигуру медведя и имеющие отверстие на спине для ремешка, характерны в большей степени не для азелинской, а для бахмутинской и мазунинской культур, где находились в жертвенных комплексах или использовались в качестве нагрудных украшений. Г.А. Архипов к азелинским отнес нагрудное украшение (?) из ремешков с бронзовыми пронизками и

привесками на концах из погребения 91 (прил. 2, рис. 42–*2,3*) [Архипов Г.А. 1971. С. 91]. Вернее будет назвать это украшение накосником. Аналогичные, почти идентичные, вещи известны в Желтухинском [Уткин А.В., Черников В.Н. 1994. Рис. 5, *2*], Безводнинском [Краснов Ю.А. 1980. С. 49, рис. 30] и Гавердовском [Ефименко П.П. 1975, рис. 27, *3*] могильниках. Пирамидальные и бутыльчатые подвески также встречаются в VI–VII вв. в могильниках Волго-Окского и Окско-Сурского междуречий [Уткин А.В., Черников В.Н. 1994. Рис. 5, *2*; Архипов Г.А. 1968. С. 14–16; Краснов Ю.А. 1980. С. 46, рис. 27, *5, 6*]; первые из них не характерны для Прикамья.

Височное кольцо из погребения 41, отнесенное Г.А. Архиповым к прикамским древностям (прил. 2, рис. 37Б–*11*) [Архипов Г.А. 1973. С. 91], находит неоднократные аналогии в древностях Оки VI–X вв. [Розенфельдт И.Г. 1982. С. 13].

В целом вещевой комплекс Младшего Ахмылова имеет волжско-финский облик и многочисленные параллели в древнемордовских, ранних муромских, а также рязанско-окских памятниках (рис. 40, 41). Головные жгуты обнаружены в Безводнинском [Краснов Ю.А. 1980. С. 41], Желтухинском [Уткин А.В., Черников В.Н. 1994. Рис. 5, *1*] могильниках, а в последующую эпоху – в муромских древностях [Ерофеева Е.Н., Травкин П.Н., Уткин А.В. 1988. С. 105]. Головные венчики из ремешков с бронзовыми пронизками, перехваченных обоймами, кроме вышеперечисленных памятников, бытовали в рязанско-окских [Ефименко П.П. 1926. С. 68, рис. 1, *9*; рис. 8] и древнемордовских могильниках. Нагрудные сюльгамы и крестовидные фибулы, нагрудная бляха с дверцей находят аналогии в древнемордовских памятниках Посурья и Примокшанья [Вихляев В.Н. 1977. С. 9–16], рязанско-окских древностях [Ефименко П.П. 1926, рис. 3, *7*].

Перечень вещей волжско-финского облика возможно дополнить нагрудными бляхами, височными кольцами и разнообразными подвесками.

Плоскодонные горшковидные неорнаментированные сосуды из глины с примесью шамота Младшего Ахмылова идентичны посуде верхних слоев ветлужских городищ, Сомовского II городища и селища Галанкина Гора, а также имеют некоторое сходство с посудой из древнемордовских, мерянских, муромских древностей.

Результаты металлографического анализа изделий из черного металла свидетельствовали о несомненной близости кузнечного производства населения Младшего Ахмыловского могильника и мордвы [Завьялов В.Н. 1992].

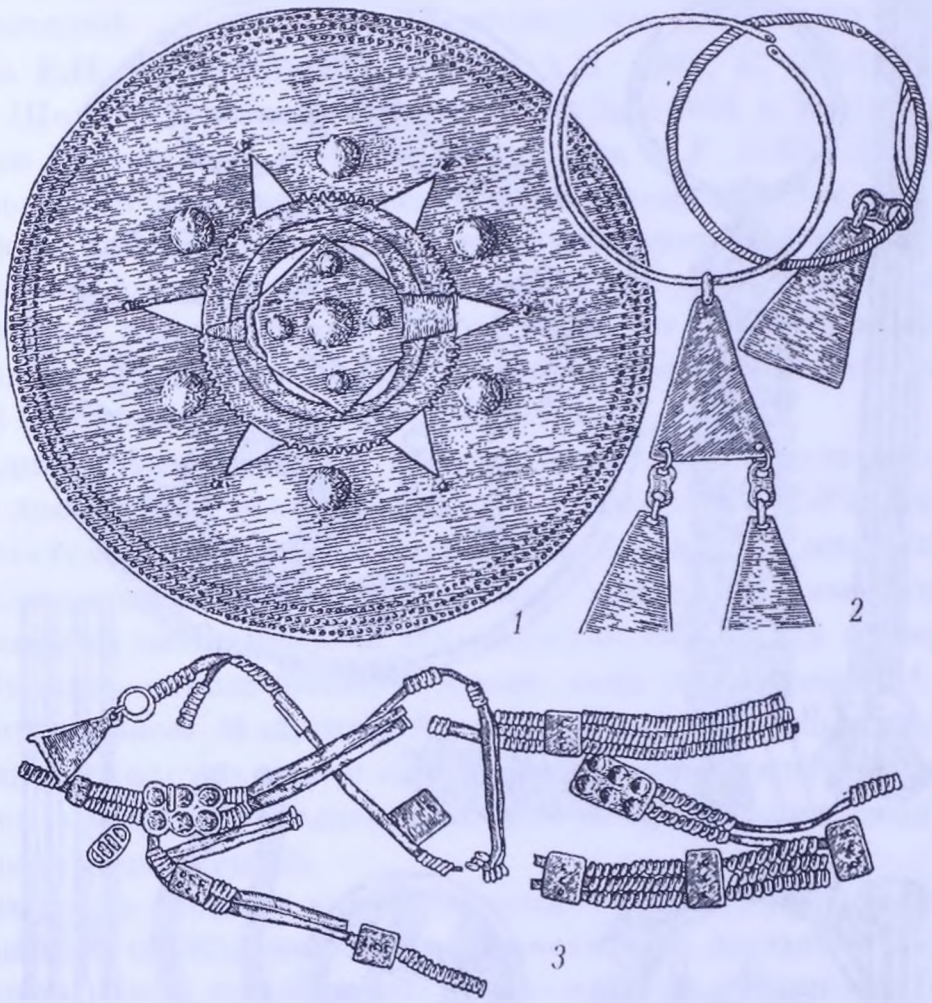

Рис. 40. **Младший Ахмыловский могильник. Вещевой комплекс волжско-финского облика. 1 – погребение 41; 2 – погребение 45; 3 – погребение 82.**

Многие черты обряда кремации Младшего Ахмыловского могильника находят полную аналогию в памятниках Волго-Окского междуречья.

Наибольшее сходство памятники типа Младшего Ахмыловского могильника обнаруживают с Безводнинским и Желтухинским могильниками.

Для выяснения близости могильников использован метод вычисления степени сходства, разработанный В.Ф. Генингом на основе практиковавшегося в американской археологии метода вычисления коэффициента близости двух комплексов Д. Брейнерда – В. Робинсона, подробно изложенного в статье В.Б. Ковалевской и И.Б. Погожева [Ковалевская В.Б., Погожев И.Б., Погожева А.П. 1970. С. 26–27].

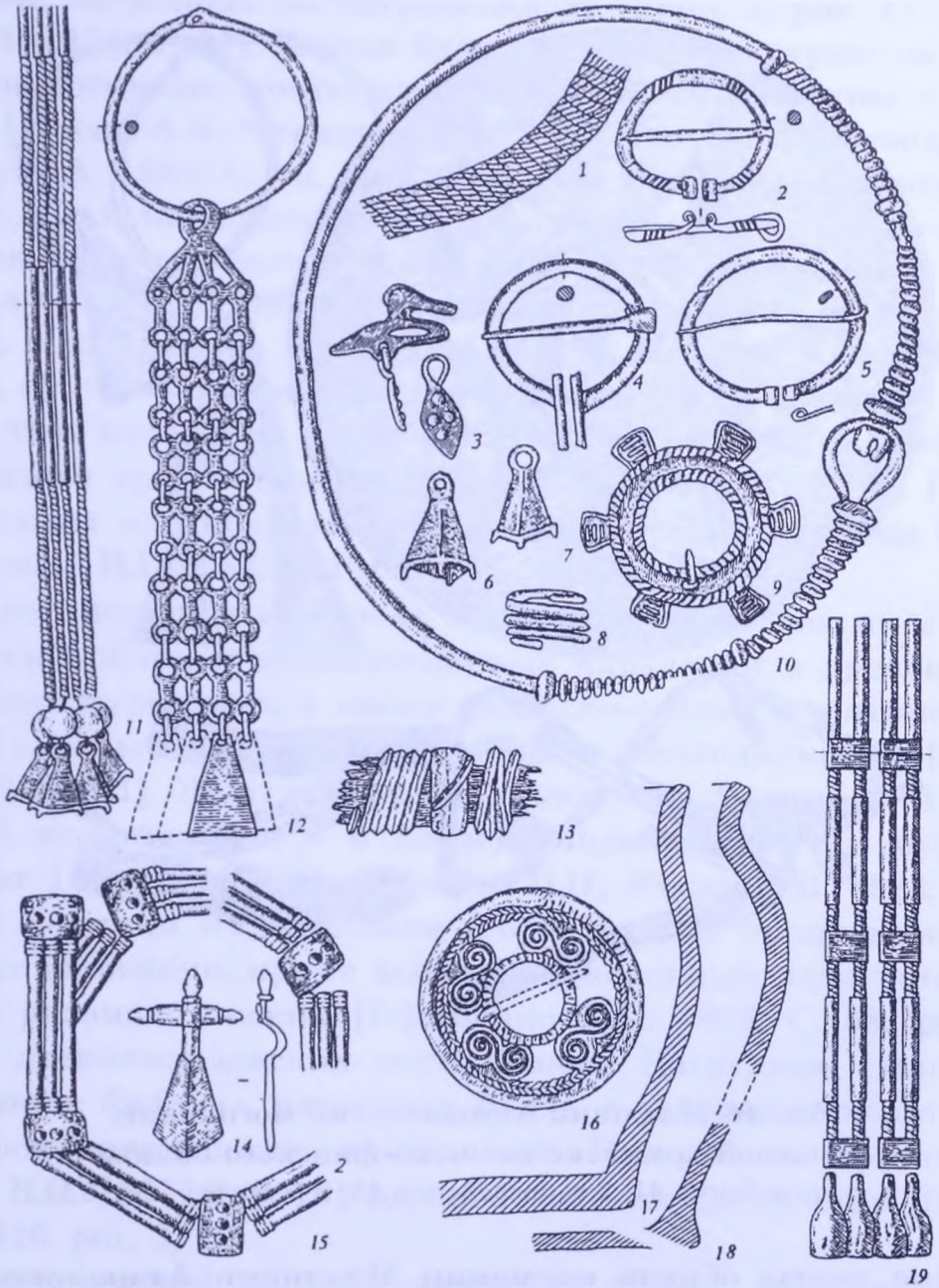

Рис. 41. **Младший Ахмыловский могильник.**
Вещевой комплекс волжско-финского облика.
1,3,5,10 – погребение 122; 2 – погребение 10; 4,8 – погребение 89; 6,16 – погребение 2; 7 – погребение 132; 9 – погребение 399; 11,19 – погребение91; 12 – погребение19; 13,14 – погребение 153; 15 – погребение 62; 17 – погребение 486; 18 погребение 485.

Для сравнения взят комплекс женских украшений, найденный в погребениях, упоминавшихся выше Младшего Ахмыловского, Желтухинского [Уткин А.В., Черников В.Ф. 1994], Безводнинского [Краснов Ю.А. 1980-б] могильников (табл. 27). В таблицы для сравнения также введены материалы одновременных памятников,

культурная принадлежность которых признается большинством исследователей: муромского Кочкинского [Дубынин А.Ф. 1966; Ерофеева Е.Н., Травкин П.Н., Уткин А.В. 1988. С. 99–129], постазелинских Шор-Унжинского [Никитина Т.Б. 1999] и Концовского могильников [Стефанова И.И. 1982; Иванова М.Г. 1988]. В таблицу не включены такие категории вещей, как подвески по той причине, что полной информации об их количественном составе нет ни в одной публикации, впрочем, она не всегда дана и в отчетах. Для сравнения не использована также поясная гарнитура, поскольку большинство составляющих ее частей имеют привозной характер и широкое бытование в Восточной Европе.

Младший Ахмыловский и Безводнинский могильники обнаруживают достаточно высокий процент сходства (72,9%), что может свидетельствовать об их близком родстве даже в пределах одного этноса. Совершенно иная связь между Младшим Ахмыловом и постазелинскими памятниками. Их сходство 13,6–24,2% не может свидетельствовать о родственной основе этих памятников. С Кочкинским могильником Младший Ахмыловский и Безводнинский имеют большее сходство, чем с постазелинскими памятниками (53,7%), но все же это значительно ниже, чем коэффициент сходства этих памятников между собой.

Выявление степени сходства этих могильников на материалах погребального обряда могло бы существенно дополнить сделанные наблюдения. Но, к сожалению, по различным причинам (неудовлетворительная сохранность отдельных памятников, разнообразная методика полевого исследования и фиксации и т.д.) имеющаяся в настоящее время информация неравноценна и не пригодна для всестороннего статистического сравнительного анализа. Наиболее полные количественные показатели отражены в таких параметрах, как основные способы захоронения, основные виды кремации, ориентация погребенных при трупоположении. Их сравнение путем построения сводных таблиц степени сходства дает ту же картину, что и анализ украшений. Степень сходства Младшего Ахмыловского и Безводнинского могильников равняется 88,9%, что свидетельствует об их значительной близости (табл. 28). Кочкинский могильник приближается к вышеуказанным лишь на 51,7%. К тому же при обряде трупосожжения в захоронениях Кочкинского могильника вещи носили следы огня, что отличает данный памятник от вышеуказанных. Близость Младшего Ахмыловского могильника с позднеазелинскими памятниками составляет всего 25,5%.

При этнической интерпретации Безводнинского могильника Ю.А. Краснов, отмечая его сходство с муромскими древностями, вполне справедливо подчеркивает, что «Безводнинский могильник был оставлен группой населения, отличающейся рядом этнокультурных особенностей и от населения муромского течения Оки. Вполне возможно, что это была особая группа поволжского финно-угорского населения, близкая по этнографическим признакам, доступным археологическому изучению, с одной стороны, мурому и отчасти мере, а с другой – северным группам мордвы, предкам позднейшей мордвы-эрзи» [Краснов Ю.А. 1980. С. 119].

При этом Ю. А. Краснов первым обратил внимание на близость Безводнинского могильника с Младшим Ахмыловским [Краснов Ю.А. 1980. С. 115]. Впоследствии тезис об их сходстве был поддержан Ю.А. Зеленеевым [Зеленеев Ю.А. 1988. С. 85–86]. Но ни одним из авторов не проведено подробного сравнительного анализа материалов из этих некрополей. Ю.А. Краснова смущало присутствие азелинского компонента в погребениях Младшего Ахмыловского могильника.

Исходя из вышеизложенного, очевидно, что количество азелинских вещей незначительно и по ним говорить о наличии прикамского компонента в составе населения, оставившего Младший Ахмыловский могильник, нет достаточных оснований. Здесь наблюдается культурная интерференция, т. е. наложение на традиционную культуру отдельных элементов культуры другого этнического формирования. Следует заметить, что аналогичные азелинские заимствования (обувные пряжки, нагрудник из погребения 134, один тип шейных гривен и несколько пряжек), свидетельствующие «об эпизодических связях двух разноэтничных, но соседних групп населения», отмечены Ю.А. Красновым также среди материалов Безводнинского могильника [Краснов Ю.А. 1980. С. 114].

Существенным отличием Младшего Ахмыловского могильника от Безводнинского является наличие на территории последнего костей коня и целых конских захоронений. Но следует учитывать тот факт, что Младший Ахмыловский могильник был разрушен пахотой. В пахотном слое и на границе пахоты и светло-серого суглинка неоднократно находили лошадиные зубы, целые или разрушенные конские черепа, которые исследователи связали со Старшим Ахмыловским могильником, расположенным на этой же территории: засыпь над погребениями 239 и 358, комплексы домов мертвых 2, 3, находки над склепом из раскопок 1967 года, дома мертвых 5,8, находки в южной части раскопа 1968 г. и т.д. [Патрушев В.С., Халиков А.Х. 1982. С. 35, 54, 56, 58, 68, 70, 74]. Обилием

костей лошади поражает раскоп 1963 года [Отчет Мар АЭ в 1966 г.] (рис. 42). Я думаю, что связывать их только со Старшим Ахмыловским могильником проблематично. Вероятно, часть (?) из этих останков лошадей относится к средневековому периоду.

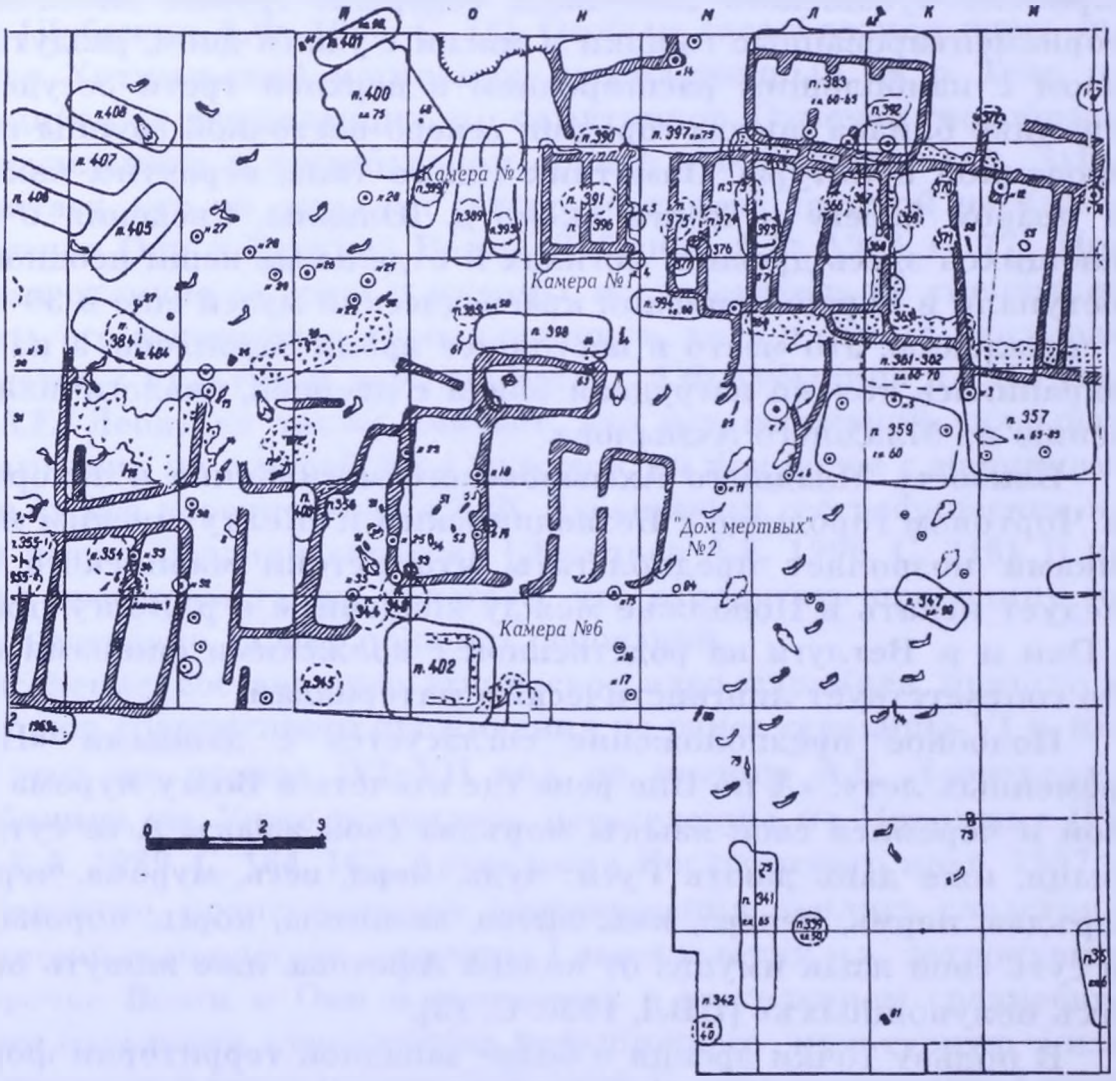

Рис. 42. Старший Ахмыловский могильник. [Отчет МарАЭ в 1966 г.]

Подробный анализ материала позволяет объединить Младший Ахмыловский, Безводнинский, возможно, также Желтухинский могильники в один круг памятников.

К этому же кругу памятников относятся ветлужские городища: Одоевское, Богородское, Чортово городища [Бадер О.Н. 1951] и могильник на Чортовом городище. Погребальный инвентарь могильника на Чортовом городище (накосники, височные кольца, перстни, сюльгамы и фибулы) имеет параллели в рязанско-окских и древ-

немордовских могильниках. Конусовидные подвески и умбоновидные бляшки со жгутовой окантовкой – прикамского происхождения. Культурный слой на Чортовом городище, подобно нижнесурским, ветлужским и правобережным волжским городищам в районе Марийско-Чувашского Поволжья, содержит грубые плоскодонные неорнаментированные горшки и миски с узким дном, раздутым туловом с наибольшим расширением в верхней трети сосуда. Этой керамике близка посуда городищ северо-восточной группы позднегородецкой культуры. Памятник такого типа, вероятно, находился на правом берегу р. Волги около д. Юльялы. Сведения о разрушающихся здесь древних могилах и отдельные вещи неоднократно поступали в Горномарийский краеведческий музей еще в 30-е годы. К сожалению, это место в настоящее время затоплено, а из вещей сохранилась только нагрудная бляха с дверцей, аналогичная украшению из Младшего Ахмылова.

Близость Младшего Ахмыловского могильника и захоронений на Чортовом городище с Безводнинским и Желтухинским могильниками позволяет предполагать, что истоки марийского этноса следует искать в Поволжье между впадением в р. Волгу притоков р. Оки и р. Ветлуги на родственной с волжскими финнами основе, что соответствует лингвистическим материалам.

Подобное предположение согласуется с данными «Повести временных лет»: «А по Оце реце где втечеть в Волгу мурома языкъ свой и черемиси свой языкъ, моръдва свой языкъ. А се суть инии языци, иже дань дають Руси: чудь, меря, весь, мурома, черемисъ, моръдва, пермь, печера, ямь, литва, зимигола, корсь, норома, либь: си суть свой язык имуще, от колена Афетова, иже живуть вь странахъ полунощныхъ» [ПВЛ, 1950. С. 13].

В пользу точки зрения о более западной территории формирования марийской народности свидетельствуют и фольклорные материалы. Как показывают материалы преданий, «марийцы двигались со стороны Оки и Волги и осваивали новые территории в бассейнах рек Ветлуги, Вятки и т.д. По словам сказителей, это произошло до прихода чувашей, татар на Волгу» [Акцорин В.А. 1967. С. 161]. Эти наблюдения В.А. Акцорина, высказанные еще в 60-е годы по данным фольклорной экспедиции МарНИИ [НФ МарНИИ. 1965], вошли в один из томов марийского фольклора [Марий калык ойпого. 1991. С. 167, 181, 246]. В одном из преданий конкретизируется территория, откуда переселились марийцы на правобережье Марийского Поволжья: «марийцы прибыли сюда со стороны Мурома» [Марий калык ойпого. 1991. С. 167].

А.Ф. Дубынин предполагал, что «черемисы» (мари) могли выходить на стык Окско-Клязьминской и Волго-Клязьминской областей в районе полосы от устья р. Клязьмы до р. Тары, о чем свидетельствовали названия, связанные с черемисами: Черемисино, Черемиска в Вязиковском районе, оз. Черемыское в Гороховецком районе [Дубынин А.Ф. 1966. С. 78]. Особым своеобразием здесь выделяется Хотимльский могильник, расположенный на р. Тезе, отличающийся от окружающих его памятников. Отмечая своеобразие этого могильника в погребальном обряде и инвентаре, А.Ф. Дубынин считает, что он оставлен северо-восточной группой населения междуречья Оки и Верхней Волги [Дубынин А.Ф. 1966. С. 77]. Подчеркивая отличие от мери и муромы, исследователь не спешил определить его этническую принадлежность, хотя в отчете указывает на сходство с культурой черемис [Отчет А.Ф.Дубынина в 1945 году. С. 3]. А.Е. Леонтьев также считает, что нет оснований связывать этот памятник ни с мерей, ни с муромой, ни тем более с марийцами, поскольку все перечисленные А.Ф. Дубыниным географические названия имеют поздний характер [Леонтьев А.Е. 1996. С. 218]. В настоящее время мы также полагаем, что отодвигать прародину марийцев настолько далеко пока нет оснований.

Население, составившее этническое ядро марийцев, пришло на территорию современного проживания не ранее середины VI в. н.э.

В этот же период (VI–VII вв.), по мнению А.Е. Леонтьева и Е.А.Рябинина, на Унже появились переселенцы из Поволжья [Рябинин Е.А. 1989. С. 164, 165; Археология Костромского края. 1997. С. 126]. Вероятно, происходившие передвижения явились следствием миграционных процессов середины I тысячелетия н.э., затронувших междуречье Волги и Оки и связанных с расселением среднеевропейского населения, существенно нарушившего культурную жизнь и быт местных племен [Седов В.В. 1999. С. 145]. В середине I тысячелетия н.э. в западных районах Волго-Окского междуречья, в междуречье Волги и Клязьмы осели составляющие часть переселенцев славяне, носители браслетообразных височных колец с сомкнутыми или заходящими концами, вступившие в непосредственный контакт с местными финноязычными и балтоязычнымим племенами [Седов В.В. 1999. С. 154].

Обитая западнее территории современного проживания, древнемарийские племена, очевидно, определенное время находились в контакте с указанной группой славянских племен, свидетельством чего служат браслетообразные сомкнутые височные кольца, являющиеся, по мнению В.В. Седова, этническим индикатором по-

следних [Седов В.В. 1995]. Аналогичные височные кольца с тупыми концами найдены в Младшем Ахмыловском могильнике и в погребениях на Чортовом городище. Под влиянием этой традиции у населения, оставившего Младший Ахмыловский могильник, формируется свой тип височного кольца, получивший развитие в последующие эпохи.

§ 2. Этапы развития

До середины I тысячелетия н.э. значительная часть территории Ветлужско-Вятского междуречья была населена пермскими племенами (рис. 43). По правому берегу среднего течения р. Вятки В.Ф.Генингом, а в последние годы Н.А. Лещинской открыт и изучен ряд памятников культуры прикамского типа, названной азелинской [Генинг В.Ф. 1963], постпьяноборской [Смирнов А.П. 1964] или худяковской (азелинский этап) [Голдина Р.Д. 1999. С. 242]. Поскольку сведения о поселениях в опубликованных источниках отражены недостаточно полно, ограничимся материалами могильников, обстоятельно обобщенных и введенных в научный оборот [Лещинская Н.А. 1995. С. 88–127].

Бескурганные могильники расположены на мысах коренного берега или низких надпойменных террасах. Погребения имеют надмогильные сооружения в виде оградок, реже срубов. В отдельных случаях зафиксированы следы подстилок из бересты, войлока, рогожи, дощатые гробовища. Основной способ захоронения – трупоположение в вытянутом положении головой на север. В III–V вв. в отдельных могильниках появился обряд трупосожжения, при котором кремация проводилась на стороне, а кальцинированные кости, угли, зола, вместе с инвентарем помещались в могилу в процессе ее засыпи. Зафиксирован обряд подарков умершим. Костюмный комплекс азелинского типа состоит из кожаных поясов, украшенных трехсоставными пряжками с фасетированными пластинами, характерными накладками, длинными кистями-пронизями, прикрепленными к поясу. Костюм дополняли большие бронзовые нагрудники, гривны, браслеты, оригинальные шапочки типа «такьи», сшитые из грубой шерсти и сплошь расшитые медными накладками, пронизками и бусами (рис. 44, 45). Посуда представлена круглодонными сосудами чашевидной формы со слабо- или непрофилиро-

ванным верхом из глины с примесью песка, растительных остатков и мелкотолченых раковин. Орнамент скуден и выполнен в виде насечек или рядов ямочных вдавлений по верхней части сосуда. Иногда для украшения посуды использовали гребенчатый штамп или шнур [Голдина Р.Д. 1999. С. 226–242].

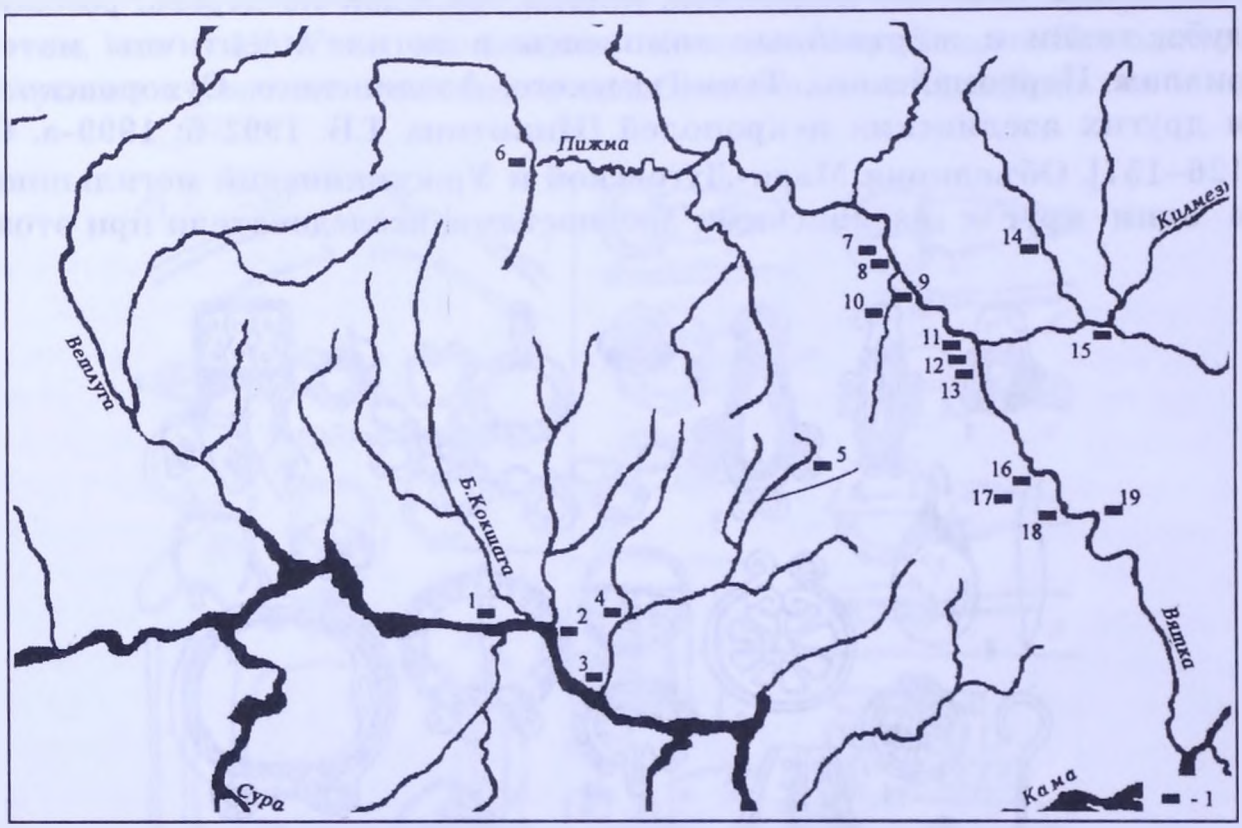

Рис. 43. **Карта погребальных памятников Ветлужско-Вятского междуречья первой половины I тыс. н. э.**

1 – Уржумкинский могильник, 2 – Арзебелякский могильник, 3 – Мари-Луговской могильник, 4 – Лушморский могильник, 5 – Шор-Унжинский могильник, 6 – Худяковский могильник, 7 – Суворовский могильник, 8 – Ошкинский могильник, 9 – Красный ключ могильник, 10 – Уржумский могильник, 11 – Тюм-Тюмский могильник, 12 – Воробьевский могильник, 13 – Хлюпинский могильник, 14 – Тат-Боярский могильник, 15 – Вичмарский могильник, 16 – Сунцевский могильник, 17 – Азелинский могильник, 18 – Атамановы кости могильник, 19 – Кордон.

На левом берегу р. Волги в районе устья р. Большой Кокшаги и в бассейне р. Илети обнаружены аналогичные могильники: Уржумкинский, Мари-Луговской, Арзебелякский (Ясачный), Лушморский, которые также можно отнести к азелинской или позднепьяноборской культуре. В этих могильниках найдено большое количество этноопределяющих азелинских украшений: головные шапочки, височные кольца-подвески с тремя узелками или бусинами,

ажурные арочные и рамчатые нагрудники, нагрудные украшения в виде прямоугольной планки с эсовидными завитками, щитковые перстни с эсовидными завитками и припаянными шариками, обувные застежки с двумя шумящими подвесками и т.д. (рис. 46). Основные признаки погребального обряда: северная ориентировка погребенных, наличие подстилок, иногда обкладок из дерева, рогожи, луба, ткани и жертвенные комплексы в могиле идентичны материалам Первомайского, Тюм-Тюмского, Азелинского, Суворовского и других азелинских некрополей [Никитина Т.Б. 1992-б; 1999-а. С. 126–157]. Объединяя Мари-Луговской и Уржумкинский могильники в один круг с азелинскими древностями, исследователи при этом

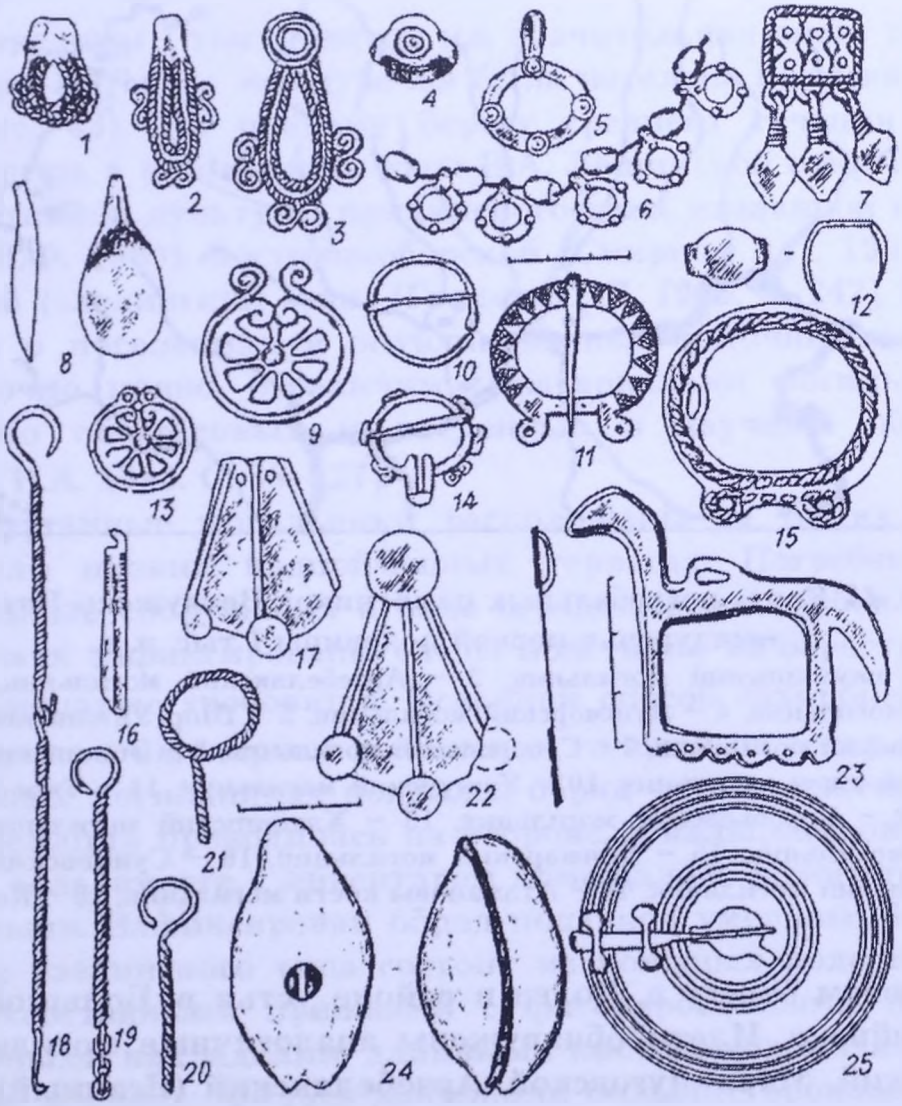

Рис. 44. **Инвентарь из азелинских могильников правобережья р. Вятки [Лещинская Н.А. 1995. Рис. 8].**

неоднократно подчеркивали своеобразие памятников, расположенных в Марийском Поволжье. Особое место Мари-Луговского могильника было впервые отмечено А.П. Смирновым, связавшим скорченные захоронения с памятниками городецкой культуры [Смирнов А.П. 1961. С. 126]. На основании раскопок этого памятника Мар АЭ в 1956 году А.Х. Халиков сформулировал важный вывод о том, что в IV–V вв. азелинские племена Марийского Поволжья вступают в контакт с позднегородецкими, являясь одной из основ в

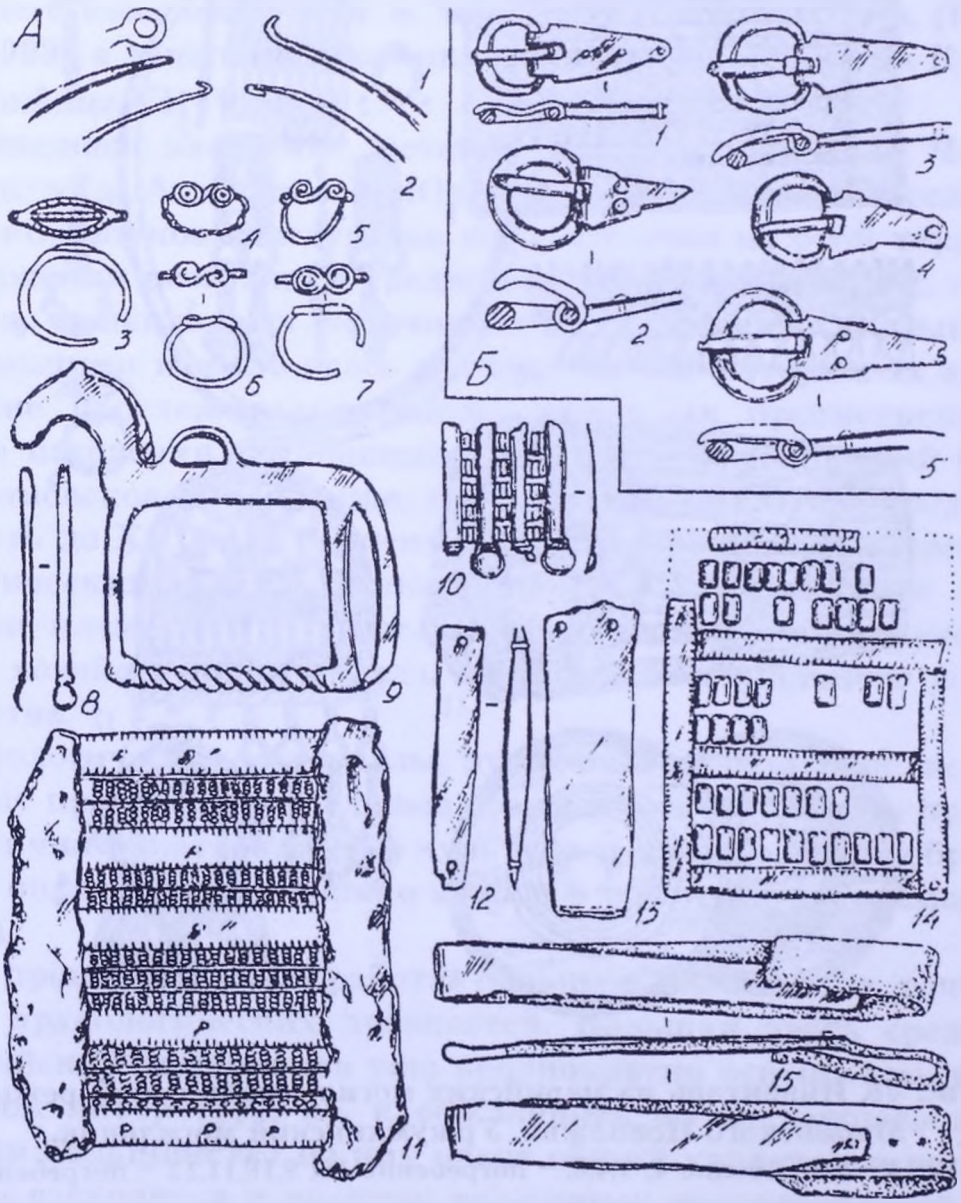

Рис. 45. Инвентарь из азелинских могильников правобережья р. Вятки [Лещинская Н.А. 1995. Рис. 12].

сложении древнемарийской народности в ее луговом варианте [Халиков А.Х. 1962. С. 179]. Этот вывод определил основное направление в схеме этногенеза марийского народа на долгие годы. Г.А. Архипов включил Мари-Луговской и Уржумкинский могильники в число памятников, символизирующих начальный этап формирования марийцев [Архипов Г.А. 1991. С. 10–15].

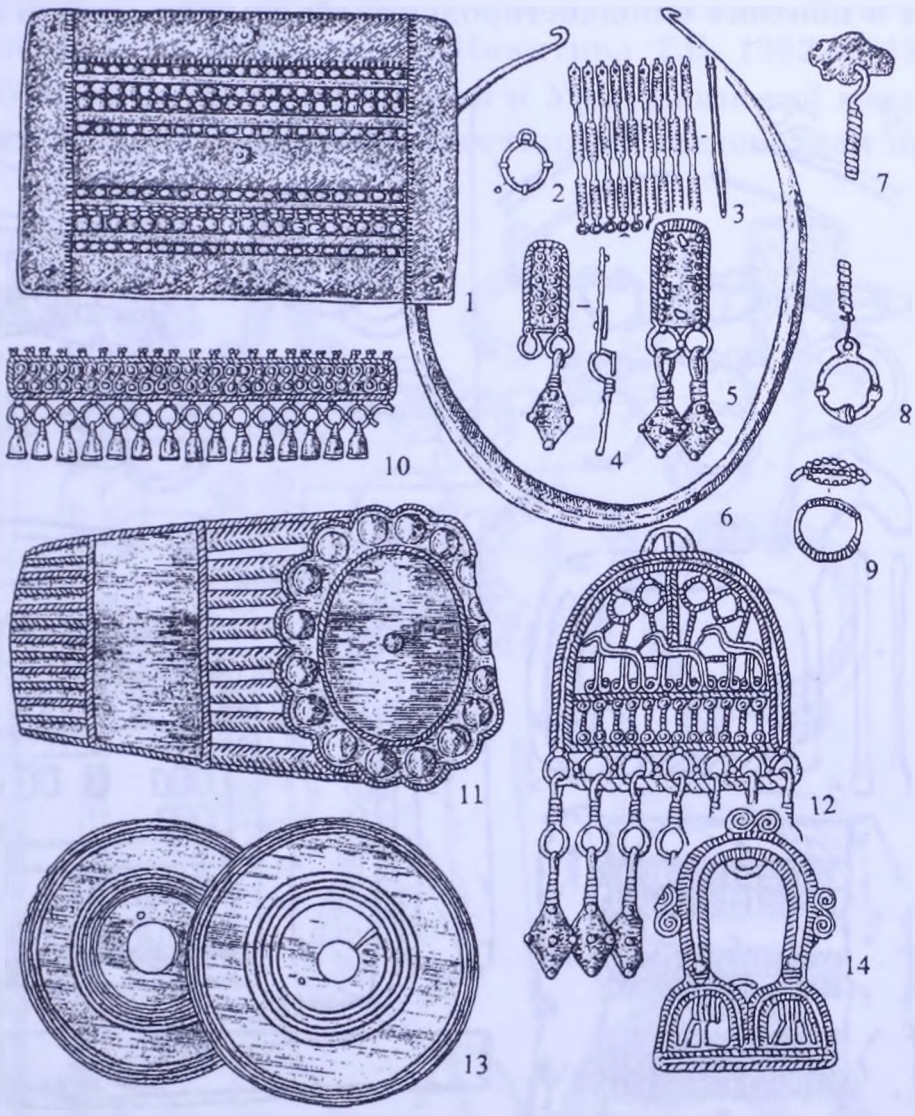

Рис. 46. Инвентарь из марийских могильников левобережья Марийского Поволжья. Уржумкинский могильник.
2,5,7,8,13,14 – погребение 4; 1,4,6, – погребение 16; 9,10,11,12 – погребение 32.

Большинство азелинских памятников (Уржумкинский, Мари-Луговской, Лушморский, Арзебелякский (Ясачный) содержат вещевые комплексы IV–начала VI вв. (преимущественно IV–V вв.) [Лещинская Н.А. 1995. С. 106–115; Никитина Т.Б. 1999-а. С. 33–37]. К

середине VI в. их функционирование, в основном, прекращается. Вероятно, азелинские племена к середине VI в. покидают этот регион, смещаясь в восточном направлении за р. Вятку к основному массиву пермского населения. Примерно в этот же период, около середины – конца VI в., азелинский компонент фиксируется в верховьях р. Чепцы [Иванов А.Г. 1997. С. 9]. На территории Ветлужско-Вятского региона остаются лишь незначительные островки азелинцев, фиксируемые по захоронениям Шор-Унжинского могильника V–VII вв. и Арзебелякского (Ясачного) могильника, содержавшего комплексы с IV в. до второй половины VI в. [Никитина Т.Б. 1999], а также по керамике азелинского облика на Кубашевском городище VII–VIII вв.

Пришедшее население, оставившее могильники на Чортовом городище, у д. Ахмылово и Юльялы, впоследствии заселяет все Ветлужско-Вятское междуречье и развивается на этой территории на протяжении всей эпохи средневековья. В письменных, этнографических, фольклорных источниках это население связывается с проживающими и ныне здесь марийцами. На материалах археологии также прослеживается последовательная преемственность в культуре населения, оставившего Младший Ахмыловский могильник и Сомовское II городище, с марийцами развитого средневековья вплоть до XVII в. В зависимости от природных, экономических и политических факторов, постоянного взаимодействия с окружающими племенами и этносами происходили существенные изменения хозяйственного уклада, культуры и социального устройства общества.

Археологические материалы, пусть не в полной мере, но все же позволяют проследить отдельные стороны этого сложного процесса.

Различия в материальной культуре и погребальном обряде позволяют определить несколько этапов в развитии древнемарийского этноса.

Для проведения этой работы большую роль имеют точные датировки археологических древностей. Большая часть средневековых марийских памятников уже неоднократно освещались в археологической литературе, но, к сожалению, до настоящего времени датировки большинства из них носят общий характер, а порой значительно расходятся в оценках различных исследователей. Разработанные в последние годы хронологические схемы развития различных категорий вещей (бус, поясной гарнитуры, сюльгам и т.д.) позволяют упорядочить и конкретизировать датировку памятников.

1 этап – середина VI – VII вв.

Территория и памятники **– 4 могильника, 26 городищ, 11 селищ: Младший Ахмыловский, Безводнинский могильники, Чортово городище и могильник, Русенихинское, Богородское, Шилихинское, Спасское, Одоевское, Пайгусовское, Сомовское I и II, Васильсурское II, Анинское, Емангашское, Сиухинское I, Красногорское, Кубашевское, Ернурское, Старосельское городища и т.д. (прил. 2, рис. 32).**

Памятники располагаются по обоим берегам Волги в пределах Нижегородско-Марийского Поволжья, нижнем и среднем течении р. Ветлуги, бассейнах р. Большой и Малой Кокшаг.

Датировка. **Могильники содержат захоронения с богатыми вещевыми комплексами, позволяющими произвести достаточно точную датировку. Материалы городищ и селищ представлены, в основном, керамикой. Лишь некоторые из них содержат изделия из цветного и черного металла с ярко выраженными хронологическими признаками. Могильники и поселения с твердой датировкой приняты в качестве эталонных памятников для определения в целом хронологических рамок этапа.**

Безводнинский могильник

Могильник расположен на склоне коренного левого берега поймы р. Кудьмы близ впадения ее в р. Волгу, в 3000 м к юго-востоку от с. Безводное Кстовского района Нижегородской области. Памятник был исследован Ю.А. Красновым. По материалам 165 погребений исследователем очень тщательно проработаны вопросы относительной и абсолютной хронологии [Краснов Ю.А. 1980. С. 88–111]. На основании вещевых комплексов, взаимовстречаемости различных категорий вещей и широких аналогий с финно-угорскими памятниками соседних территорий могильник достаточно убедительно датирован концом V–началом VIII вв. н.э.

Младший Ахмыловский могильник

Памятник расположен в 100 м к востоку от с. Ахмылово Горномарийского района Марийской республики, на северном берегу Ахмыловского озера в пойме левого берега р. Волги.

Результаты раскопок частично введены в научный оборот еще в 60-е годы с устойчивой хронологической номинацией V–VII вв. [Архипов Г.А. 1968; 1976; 1991. С. 13]. После опубликования материалов могильника по комплексам [Никитина Т.Б. 1999-а. С. 16–61] появилась возможность вновь вернуться к вопросам датировки.

Наиболее ранняя дата, V в. н.э., базировалась, в основном, на находках значительного количества пряжек с хоботковидным

язычком (погребения 6, 13, 16, 22, 27, 42, 43, 44, 75, 485, 739). Аналогичные изделия, судя по типологии А.В. Богачева, в Среднем Поволжье появляются в V в. н.э. на федоровском этапе, а получают массовое распространение на тураевском этапе, датированном V–первой половиной VI вв. [Богачев А.В. 1992-б. С. 152]. На тураевском этапе появляются также пряжки с язычками с зооморфными изображениями.

В Младшем Ахмыловском могильнике, как правило, такие пряжки найдены в погребениях с вещами, имеющими более позднюю дату.

Пряжка с хоботковидным язычком в погребении 10 находилась в одном комплексе с сюльгамой с круглым сечением, концами, выступающими не более чем на 1/3, и орнаментом из зонных насечек [Никитина Т.Б. 1999-а. С. 86, рис. 4], которые по древностям мордвы датированы В.И. Вихляевым VI–VIII вв. [Вихляев В.И. 1977. С. 16, 17]. В погребении 16 пряжка с хоботком находилась в комплексе с такой же сюльгамой VI–VIII вв., обрезанными с одной стороны бусами и цельнолитой бляхой с иглой для крепления и орнаментом из восьмерок [Никитина Т.Б. 1999-а. С. 89, рис. 7]. Подобные бусы со срезом с одной стороны, судя по рисунку в публикации, обнаружены в погребении 26 Коминтерновского могильника [Казаков Е.П. 1999. Рис. 3, *11*], аналогичная бляха – в Желтухинском могильнике VI–VIII вв. [Уткин А.В., Черников В.Ф. 1994. С. 55]. Круглая пряжка с язычком в форме зооморфного изображения в погребении 90 находилась совместно с сюльгамой описанного типа VI–VIII вв. [Никитина Т.Б. 1999-а. С. 103, рис. 21]. Рифленая круглая пряжка с зооморфным язычком (прил. 2, рис. 44–*7*) в погребении 128 находится в одном комплексе с удилами с неподвижными подромбической формы кольцами и круглой литой бляхой с отверстием в центре, украшенной двойными и тройными спиралями (прил. 2, рис. 44–*11*). Удила с кольцами подромбической формы, обнаруженные также в погребениях 44, 56, 120 (прил. 2, рис. 38А–*7*, 38Б–*5*), широко использовались населением, оставившим рязанско-окские могильники в VI–VII вв. [Краснов Ю.А. 1980. Рис. 53; Ахмедов И.Р. 1995. С. 91]. Особенно большие серии удил этого типа обнаружены в Шокшинском и Борковском некрополях, а также в раннемордовских, Армиевском и Абрамовском, могильниках в комплексах с геральдическими поясными наборами VII в. [Шитов В.Н. 1988. С. 29]. Бляха (прил. 2, рис. 44–*11*) аналогична изделию из Холуйского могильника VI–VII вв. на р. Тезе [Леонтьев А.Е. 1996. С. 217].

Язычки с зооморфными изображениями встречены и на пряжках с рамкой В-образной формы. Пряжки такой формы представлены различными вариантами (погребения 15, 178, 153–а, 395 и подъемный материал; прил. 2, рис. 33–*2, 11*; 45Б–*1*) и по типологии А.В. Богачева приходятся, в основном, на новоселовский этап (3 четверть VI в.). В погребении 15 пряжки обнаружены совместно с сюльгамами VI–VIII вв. н.э. с круглым сечением, короткими концами и орнаментом из насечек, описанными выше (прил. 2, рис. 33–*4*), и плоскими сюльгамами с концами, выступающими не более, чем на 1/3, и насечками по внешнему и внутреннему краям типа AIIБV (прил. 2, рис. 33–*5*), датированными VI в. н.э. [Вихляев В.И. 1977. С. 17]. В этом комплексе найдены также накладки поясной гарнитуры геральдического типа, которая появляется не ранее второй половины VI в. [Богачев А.В. 1992-б. С. 155].

VI–VII вв. н. э. датируется погребение 45. В комплексе содержится головной жгут второго типа из шерстяных нитей, обмотанных тонкими кожаными ремешками, унизанными бронзовыми пронизками [Краснов Ю.А. 1982. С. 57]. Зооморфные привески в форме стилизованного изображения идущего медведя, по типологии Л.А.Голубевой, относятся к типу 3 варианту 2 подвесок, утративших сходство с реальным зверем (прил. 2, рис. 36–*3, 4, 6–8*). Различные исследователи датируют их в пределах конца V–начала VII вв. Л. А. Голубева относит их к VII в., отмечая, что отдельные экземпляры встречаются в могильнике Мыдлань-Шай [Голубева Л.А. 1979. С. 26, 27]. В Прикамье они известны в период с VII по VIII вв. (каравалесский этап Варнинского могильника) [Семенов В.А. 1980. С. 56, табл. VII, 40, 41, рис. 10, 114].

Жгут второго типа совместно с привеской, изображающей утку с гладким туловом, короткой шеей и длинным клювом (прил. 2, рис. 43А–*3*), найдены в погребении 122. Привеска Л.А. Голубевой отнесена к типу 1 полых подвесок-уточек с шумящими привесками, бытующими у финно-угорских народов с VI по X вв. [Голубева Л. А. 1979. С. 17].

Достаточно поздний облик имела пряжка из погребения 56 с щитком в виде прямоугольной рамки (прил. 2, рис. 38А–*4*). Это изделие близко овальнорамчатым пряжкам (тип 13) по классификации В.Б. Ковалевской [Ковалевская В.Б. 1979. Табл. X]. За исключением двух экземпляров VII–VIII вв., все остальные ей отнесены к VIII–IX вв. и являются датирующим материалом для погребений III периода [Ковалевская В.Б. 1979. С. 27]. В погребении 56 эта

пряжка найдена совместно с удилами с подромбическими кольцами.

Несколько более поздний облик имеют полосатые и зонные бусы из погребений 82, 91 и 237. Полных аналогий им мы не нашли, но близкое сочетание цветов на полосатых бусах (красно-желтый стержень и желто-зеленые полосы, красно-желто-черная гамма цветов) характерно в большей степени для VIII в. [Деопик В.Б. 1961. С. 232; Львова З.А. 1976. С. 60].

Железные штыри с грибовидной (погребение 43) или круглой (погребение 87) головками (прил. 2, рис. 35–*9, 10*; 39А–*12*) аналогичны изделиям Варнинского могильника конца VII–IX вв. [Семенов В.А. 1980. С. 70, 76, табл. XII–*36*, XXVI–*1*]. В погребении 87 такой штырь обнаружен совместно с накладками геральдического типа (прил. 2, рис. 39А–*1–3*).

В пределах указанных датировок укладываются и другие вещи из Младшего Ахмыловского могильника. Интересны для датировки сюльгамы с насечками елочкой, имеющие прямоугольные выступы на лицевой стороне кольца (кв. В/4) [Никитина Т.Б. 1999-а. Рис. 29Б – 3]. Сюльгамы с выступами известны в погребениях VI–X вв. Курманского и Шокшинского могильников [Вихляев В.И. 1977. С. 17], в слоях VI–VII вв. Поповского городища [Леонтьев А.Е. 1996. С. 217, рис. 118, 2]. Найдены также сюльгамы из круглого дрота с длинными концами («усами»), выступающими за пределы кольца на 1/3 и более: неорнаментированные (погребения 88, 89; прил. 2, рис. 40*Б–3*), с небольшими насечками около усов (погребение 227, Е/37, Ж/33). Большинство исследователей считает, что сюльгамы с длинными усами появились у мордвы, мери и муромы не ранее VII в. [Краснов Ю.А. 1980. С. 52; Вихляев В.И. 1977. С. 18]. На дьяковских памятниках они встречаются в VII–VIII вв. [Розенфельдт И.Г. 1982. С. 78].

Для датировки представляют интерес височные кольца с разомкнутыми тупыми концами диаметром 6–6,5 см (погребения 82, 91, 122, прил. 2, рис. 39Б–*2;* 41–*5;* 43А–*9*). Браслетообразные височные кольца появляются на Средней Оке на стадии С 1 по П.П. Ефименко [Ефименко П.П. 1926. С. 73, рис. 4] и около VI в., по мнению В.В. Седова [Седов В.В. 1995. С. 226]. Они обнаружены в Шатрищенском могильнике VII – начала VIII вв. [Кравченко Г.А. 1974. С. 134], в Борковском конца VII в. [Амброз А.К. 1971. С. 113], Старокадомском VII в., в Кочкинском могильнике второй половины VII – первой половины VIII вв., в яме № 19 Поповского городища на р. Унже VI–VII вв. [Седов В.В. 1995. С. 226]. Гривны из одинако-

вого по всей длине дрота с замком в виде петли и крючка, проволочной обмоткой и напускными бусами на концах (погребения 75, 122, 487; прил. 2, рис. 43А–*12*) по аналогии с изделиями из рязанско-окских могильников датируются VI–VII вв. [Шитов В.Н. 1988. С. 26; Вихляев В.И. 1977. С. 9, 48, рис 5]. Колоколовидные подвески с петлей для подвешивания (погребения 19, 28) и витым стержнем между петлей и колокольчиком аналогичны изделиям на дьяковской территории [Розенфельдт И.Г. 1982. С. 19] и датированы А.К. Амброзом VII в. [Амброз А.К. 1971–б. Рис. 81, 16–18]. Двухъярусные трапециевидные привески с двумя отверстиями на основании для прикрепления дополнительных привесок в составе височного украшения (погребение 45; прил. 2, рис. 36–*1,2*) аналогичны привескам, бытующим в Волго-Окском междуречье с VI в. до первой половины IX в. Их наиболее вероятной датой И.Г. Розенфельдт считает VII в. [Розенфельдт И.Г. 1982. С. 30]. Арочные ажурные подвески с идущими друг за друга конями, шумящими ромбическими или бутыльчатыми привесками (погребение 91; прил. 2, рис. 41–*13*) по классификации Л.А. Голубевой укладываются в вариант 2 [Голубева Л.А. 1979. С. 30–31]. Датировка их достаточно широка: от V до VII вв. Полые коньковые подвески с реалистичным изображением животного имеют отверстие на спине (погребение 52; прил. 2, рис. 37*А–1*). Л.А. Голубева включила это изделие в тип 1 полых коньков-подвесок, изготовлявшихся в Среднем Поволжье в VII–VIII вв. [Голубева Л.А. 1979. С. 33]. В этот же период они оставлены в Концовском могильнике [Стефанова. И.И. 1982. С. 21, 22]. В Варнинском могильнике в погребениях 130, 222, 279 они датированы концом V – первой половиной VII вв. [Семенов В.А. 1980, табл. VI, *3–6*]. Шестилопастные застежки с отверстием в центре (погребения 91, 339; прил. 2, рис. 41–*3*) имеют аналогии в погребении 30 Кочкинского могильника [Ерофеева Е.Н., Травкин П.Н., Уткин А.В. 1988. Рис. 3, *11*) и на Дурасовском городище [Горюнова Е.И. 1961. С. 114, рис. 53, 1]. Крестовидные фибулы с короткой дужкой и подромбической ножкой (погребения 22, 82, 91, 153, 393, 485, Ж/04, Ж/15; прил. 2, рис. 39Б–*3*; 42–*1*; 45А–*6,7*) имеют ареал распространения преимущественно в бассейне р. Оки и сопредельных территорий. Дужка одного изделия из погребения 485 украшена параллельными насечками. По типологии А. К. Амброза подобные вещи относятся к 20 группе типа II и датируются V–VII вв. [Амброз А. К. 1966. С. 76].

Таким образом, на основании многочисленных аналогий Младший Ахмыловский могильник следует датировать второй половиной VI–VII вв. Возможно, что могильник продолжал функциониро-

вать и в VIII в., так как многие типы вещей доживали до VIII в. Но утверждать это однозначно нельзя, так как на могильнике не выявлено вещей, характерных только VIII в.

Чортово городище

Городище расположено на правом берегу р. Ветлуги у д. Федоровское Нижегородской области.

В хронологической оценке полученного материала ученые расходятся. А.Х. Халиков памятник датировал в пределах III–V вв. н.э., с небольшим переходом в VI в. [Халиков А.Х., Безухова Е.А. 1960. С. 17], Г.А. Архипов – IV–VI вв. [Архипов Г.А. 1991. С. 8], О.Н. Бадер – VII–VIII вв. [Бадер О.Н. 1951. С. 32], А.А. Спицын – VI–VII вв. [Халиков А.Х., Безухова Е.А. 1960. С. 8].

В культурном слое Чортова городища вместе с плоскодонной керамикой также найдено несколько бронзовых вещей и бусин, позволяющих уточнить дату памятника (прил. 2, рис. 47). Таблетковидные бусы из сердолика с белой росписью (прил. 2, рис. 47–*1*) в Верхнем Прикамье найдены в VII в. [Голдина Р.Д., Кананин В.А. 1989. С. 73] в Удмуртии в погребениях VI–VII вв. Петропавловского могильника [Семенов В.А. 1776. С. 3–10]. Умбоновидная бронзовая бляшка со жгутовой окантовкой по краю (прил. 2, рис. 47–*3*) имеет более ранний облик, аналогии ей известны в могильниках азелинского типа. Учитывая, что это изделие идентично находкам из погребения 3 могильника, расположенного на площадке городища, датированного по сюльгаме не ранее V в., возможно дату изделия пересмотреть в плане омоложения. На городище найден также наконечник ремня из согнутой вдвое пластины [Халиков А.Х., Безухова Е.А. 1960. Рис. 11–*3*]. И.Г. Розенфельдт по древностям Оки относит сходные изделия к типу II [Розенфельдт И.Г. 1982. С. 106, рис. 24, *5*] и датирует VI – началом VII вв. По совокупности приведенных датировок культурный слой эпохи средневековья следует отнести к VI – началу VII вв.

Могильник на Чортовом городище

В 1908 году на территории Чортова городища В.И. Каменским были открыты первые погребения [Каменский В. 1909], которые А.А. Спицын датировал IX в. При раскопках Мар АЭ (А.Х. Халиков) 1957 года найдены еще три погребения. А.Х. Халиков считал, что могильник возник в самом конце существования городища, «а именно, в конце V в. – начале VI в. н.э.». [Халиков А.Х, Безухова Е.А. 1960. С. 20–22]. Г.А. Архипов относил его к IV–VI вв. [Архипов Г.А. 1991. С. 8], О.Н. Бадер – к IX–XI вв. [Бадер О.Н. 1951. С. 332].

Наиболее выразительным материалом для датировки являются сюльгамы. В тройном погребении, вскрытом В.И. Каменским, обнаружена бронзовая сюльгама с длинными «усами», украшенная зонами из нарезных параллельных насечек (прил. 2, рис. 47–*9*) [Каменский В. 1909]. Железная сюльгама с длинными, но обломанными концами (прил. 2, рис. 47–*8*), находилась в погребении 3 из раскопок 1957 года. Судя по многочисленным материалам могильников армиевского типа, сюльгамы с длинными «усами» начинают появляться в VII в. к концу стадии С [Вихляев В.И. 1977. С. 25]. Бронзовая сюльгама с уплощенно-треугольным сечением пластины и расширяющейся у основания иглой из раскопок В.И. Каменского (прил. 2, рис. 47–*7*) находит аналогии в погребении 108 Шатрищенского могильника VII–VIII вв. [Кравченко Т.А. 1974. С. 136]. Особый интерес для датировки представляют таблетковидные бусины (прил. 2, рис. 47–*1,2*), одна из сердолика с белым рисунком из тройного погребения аналогичная бусине из слоя городища. В Петропавловском могильнике VI–VII вв. найдены оба типа бус. Остальные бусы из погребений имеют период бытования с VI по IX вв. Для датировки погребения 1 могут быть использованы подвески из серебряной или бронзовой пластинки полуовальной формы с клювовидным выступом и клепаным ушком для подвешивания (прил. 2, рис. 47–*5,6*). Е.П. Казаков отнес их ко II группе подвесок–бельков часто встречающихся в позднеазелинских и поломских памятниках и датировал второй половиной VI–VII вв. [Казаков Е.П. 1991-а].

Таким образом, могильник на Чортовом городище возможно отнести к VII – началу VIII вв. н.э. Этой дате соответствуют находки головного венчика из трех ремешков с нанизанными бронзовыми пронизками, бронзовые кольца, имеющие аналогии в Безводнинском и Младшем Ахмыловском могильниках, и крестовидная фибула (прил. 2, рис. 47–*13*).

Юльяльский могильник

На возвышении в пойме правого берега Волги неоднократно находили бронзовые вещи, поступившие в Горномарийский краеведческий музей. В настоящее время могильник полностью разрушен, а из вещей сохранилась лишь круглая бляха с «дверцей», идентичная украшению из погребения 41 Младшего Ахмыловского могильника [Никитина Т.Б. 1996. С. 62]. Аналогичные вещи В.И.Вихляевым включены в тип II и встречаются в древностях поволжских финнов с V в. по IX в. н.э., преимущественно VI–VII вв. [Вихляев В.И. 1977. С. 14].

Сомовское II городище

Городище находится в 6000 м по течению реки от пристани Сомовка Нижегородской области на мысу (высота 28 м) коренной террасы правого берега р. Волги.

Для датировки памятника могут быть привлечены изделия из цветного металла, среди которых в хронологическом отношении наиболее информативны сюльгамы (4 экз.). Сюльгама размерами 3,4 х 2,8 см из круглой проволоки имеет расплющенные, закругленные в трубочку и слегка выступающие за пределы основного дрота, концы, поверхность украшена зонами из параллельных поперечных нарезных линий (прил. 2, рис. 49–*6*). По классификации В.И. Вихляева данный экземпляр относится к типу А2А5 и датируется V–VIII вв. н.э. [Вихляев В.И. 1972. С. 189–191; 1977. С. 14–19]. Сюльгама из круглой проволоки с расплющенными и завернутыми в трубочку концами, слегка выступающими за контуры дрота, имеет размеры 2,9 х 2,6 см (прил. 2, рис. 49–*5*). Сюльгамы этого типа близки типу АIIА1 армиевского и селиксенского облика, бытовавшим со II по VII вв. н.э. [Вихляев В.И. 1972. С. 191; 1977. С. 16]. Сюльгама, изготовленная из пластинчатого дрота, имеет завернутые в трубочку и слегка выступающие концы; по внутреннему и внешнему краям кольца украшена короткими насечками (прил. 2, рис. 49–*4*). Размеры 2,2 х 2,6 см. Язычок круглый в сечении. Аналогична типу А2Б5 по типологии В.И. Вихляева и датируется VI в. н.э. [Вихляев В.И. 1972. С. 193; 1977. С. 17]. Пластинчатая сюльгама с закрученными в трубочки концами имеет длину «усов» больше 1/3 диаметра сюльгамы (прил. 2, рис. 49–*7*). Поверхность украшена насечками и ромбами. Изделие приближается, но не является полной аналогией типу АIIIБ1 по типологии В.И. Вихляева и приблизительно датируется VII–XI вв. [Вихляев В.И. 1972. С. 193; 1977. С. 17].

В культурном слое раскопа I обнаружена каменная черно-белая таблетковидная бусина с инкрустацией (прил. 2, рис. 49–*1*). По наблюдениям В.Б. Деопик, подобные бусы встречаются в могильниках юго-восточной Европы в VI–IX вв. [Деопик В.Б. 1961. Рис. 3, *2, 7*]. Спиральный перстень имеет широкие аналогии в древностях Восточной Европы в I тысячелетии н.э. (прил. 2, рис. 49–*3*). Формы для отливки мелких деталей нагрудных и обувных украшений (прил. 2, рис. 49–*8–11*) являются частой находкой в погребениях волжских финнов V–XI вв.: мери, муромы, мордвы, мари [Третьяков П.Н. 1941. С. 9, 4, рис. 52]. В частности, литейная форма, аналогичная находке из раскопок 1978 года, известна на Сарском городище. Оборотная сторона сарского изделия [Леонтьев А.Е. 1996. С. 128,

рис. 50–*2*] аналогична другой литейной форме с Сомовского II городища (прил. 2, рис. 49–*11*). Точных аналогий литейным формам для изготовления прямоугольных и ромбических накладок нам неизвестно, но можно отметить, что украшение костюма пластинчатыми накладками широко практиковалось у мордвы [Воронина Р.Ф. 1974] и муромы [Смирнов К.А. 1974]. Накладки, отливавшиеся в форме с Сомовского II городища, имеют много общего, хотя и не тождественны, с накладками из Кузьминского [Альбом древностей мордовского народа. 1941. С. 41] и Кошибеевского [Альбом древностей мордовского народа. 1941. С. 30] могильников.

Таким образом, время бытования Сомовского II городища можно ограничить второй половиной I тысячелетия н.э., вероятно, VII в. н.э.

Васильсурское II городище

Расположено в 500 м к юго-востоку от п. Васильсурск Воротынского района Нижегородской области на мысу (высота 80 м) правого берега р. Суры.

Хронологические рамки этого памятника А. Х. Халиков по пряслицам дисковидной формы, льячкам, медной трапециевидной накладке, бронзовому перстню с овальным щитком с красной эмалью определил в пределах IV–VI вв. н.э. [Халиков А.Х. 1962. С. 157]. Учитывая, что городище имело небольшие размеры и слабый культурный слой, трудно предположить его существование в течение нескольких столетий. В качестве аналогий, подтверждающих дату, А.Х.Халиков, в основном, обращался к материалам Кубашевского и Чортова городищ, которые в свете современных датировок содержат комплексы не ранее середины VI в. Найденные в средневековом слое пряслица дисковидной и линзовидной форм, льячки с элипсовидным ковшиком близки изделиям Сомовского II городища VII в. н.э., а также являются типичной находкой для марийских памятников второй половины I тысячелетия н.э. Оригинален упомянутый выше эмалевый перстень [Халиков А.Х. 1962. Рис. XXXII–4]. Время бытования украшений с выемчатой эмалью на основной территории их распространения одними исследователями определяется III – началом VI вв. [Фролов И.К. 1980], другими – V – серединой VI вв. [Корзухина Г.Ф. 1978]. Но в Среднем Поволжье неоднократны случаи, когда эти изделия в результате вторичного использования встречены в более поздних комплексах погребения 475 Танкеевского [Бугров Д.Г. 1994. С. 35] и Муромского [Корзухина Г.Ф. 1978. С. 56] могильников.

Принимая во внимание эти обстоятельства, возможно уточнить и сузить хронологические рамки, предложенные А.Х. Халиковым, и определить датировку второй половиной VI в. н.э.

Ардинское городище

Расположено в 300 м к юго-востоку от д. Сенюшкино Горномарийского района Марийской АССР на мысу коренной террасы правого берега р. Арда, левобережного притока р. Волги.

Городище датировано в общих чертах, преимущественно по керамическим традициям, I тысячелетием н.э. [Архипов Г.А., Патрушев В.С. 1982].

Попытаемся уточнить его хронологические границы по немногочисленным индивидуальным находкам в древнемарийском слое (прил. 2, рис. 51): железный нож, накладка, льячки и пряслица, наконечник втульчатого дротика. Пластинчатая накладка (прил. 2, рис. 51–*2*) по трапециевидной форме и округлому окончанию близка изделиям из погребения 134 Безводнинского [Краснов Ю.А. 1980. Рис. 27–*16*], погребения 10 Иваньковского [Ефименко П.П. 1975. С. 35, рис. 5–*12*) и погребения 52 Кузьминского могильников [Ледяйкин В.И. 1975. Рис. 2, *8*) и может быть датирована не ранее середины I тысячелетия н.э. По всей вероятности, древнемарийский слой относится к этому же времени.

Кубашевское городище

Расположено в 2000 м к востоку от д. Кубашево Санчурского района Кировской области на мысу верхней террасы правого берега р. Мамокша и левого берега р. Б. Кокшага.

Материалы раскопок 60-х годов опубликованы Г.А. Архиповым [Архипов Г.А. 1962-а. С. 215–224] и датированы IV–VI вв. н.э. Наличие в слое городища подвески в виде полой уточки с валиком внизу позволяет предположить более позднюю дату (прил. 2, рис. 52–*9*). Л.А. Голубева отнесла подвеску к типу I варианту II [Голубева Л.А. 1979. С. 10] и убедительно аргументировала ее бытование концом VII – началом VIII вв. В погребении 25 могильника Нижняя Стрелка подобные изделия встречаются в более позднее время. Бронзовые пряжки с городища имеют круглую форму, хоботковидный язычок и короткую двойную обойму (прил. 2, рис. 52–*3*). И.Г. Розенфельдт выделила их в тип II и датировала с учетом классификации В.Б. Ковалевской и А.К.Амброза второй половиной VI–VII вв. [Розенфельдт И.Г. 1982. С. 100]. В этот же период подобные пряжки встречаются в Безводнинском и рязанско-окских могильниках. Один из браслетов, найденных на городище, изготовлен из круглого дрота с утолщенными четырехгранными концами [Архи-

пов Г.А. 1962-а. С. 223]. Округло-четырехгранные концы в качестве позднего хронологического признака отмечал П.П. Ефименко [Ефименко П.П. 1926. С. 76]. По всей видимости, Кубашевское городище следует отнести к VII–VIII вв. н.э.

На основании рассмотренных эталонных памятников, содержащих датирующие вещи, возможно определить в целом хронологические рамки 1 этапа средневековых марийских древностей в пределах середины VI–VII вв. Остальные памятники имели аналогичную топографию и устройство жилых и хозяйственных объектов, типологическую и морфологическую близость керамики, на основании чего объединены в один хронологический пласт.

Характеристика этапа

Материалы Младшего Ахмыловского, на Чортовом городище и Безводнинского могильников позволяют выделить ряд признаков, свидетельствующих об оформлении единой культуры. В погребальном обряде это проявилось в определенном сочетании обряда кремации и ингумации (16–20%), наличии нескольких способов захоронения в обряде кремации (вещи и кости по дну могильной ямы обычных форм, вещи и кости располагаются одной или двумя кучами), положении костяка, северной с небольшими отклонениями ориентировке погребенных, наличии подстилок. Выделяются также достаточно устойчивые типы вещей, характерные для всех указанных памятников: головные уборы в виде венчиков и жгутов, накосники, браслетообразные височные кольца, перстни в форме замкнутого кольца с полуовалом в сечении, толстопроволочные браслеты из круглого дрота, сюльгамы различных типов, пирамидальные подвески и крестопрорезные фибулы, кресала из железной пластины, имеющей на одном конце крючок, двушипные наконечники дротиков, железные двусоставные удила с неподвижными подромбической формы кольцами (прил. 2, рис. 31). Нужно признать, что внешнее сходство вещевого инвентаря обеспечивается частично за счет широкораспространенных провинциальноримских вещей (пинцеты, рифленые пряжки, пластинчатые кресала с завернутым концом) [Седов В.В. 1999. С. 98–116], изделий балтского (крестовидные фибулы, подковообразные застежки с завернутыми концами) облика, не имеющих этнической нагрузки. Значительная часть вещей имеет аналогии в волжско-финских древностях: височные кольца, шейные гривны с обмоткой и напускными бусами, трапециевидные и бутыльчатые привески, разнообразные застежки-

сюльгамы с концами в форме трубочки, нагрудные бляхи, украшения рук, железные двусоставные удила с неподвижными кольцами на концах. Но при этом головные украшения, накосники, браслеты, нагрудные украшения и височные кольца имеют свою специфику в оформлении.

Все указанные памятники, городища, селища и могильники имеют единый керамический комплекс, выделенный по материалам Безводнинского могильника В.Н. Гришаковым [Гришаков В.Н. 1993] и Сомовского II городища автором данной работы (см. Глава 3). Посуда этих памятников представлена горшковидными (в большей степени на поселениях) и мисковидными (преимущественно в могильниках) сосудами из глины с примесью шамота, дресвы, изредка песка, с бугристой от этих примесей поверхностью. Сосуды неорнаментированы, но на поверхности в большинстве случаев заметны следы зачистки. Несмотря на общее сходство древнемарийской керамики с посудой мери, муромы, мордвы, выделяется типологический ряд, имеющий свои особенности в форме и пропорциях. Перечисленные выше признаки получают дальнейшее развитие в древнемарийских памятниках IX–XI вв.

Выявление общих специфических черт в погребальном обряде и материальной культуре памятников Ветлужско-Вятского междуречья и прилегающих участков Поволжья позволяет сделать вывод о том, что население, оставившее их, уже оформилось этнически. «В общепринятом понимании это должно означать то, что к указанному времени в Волго-Вятском междуречье существовало население, которое послужило исторической основой формирования марийского народа, т.е. население, говорившее на языке (или языках) той же лингвистической системы, что и современный марийский язык, имевшее сходный хозяйственный уклад и выделявшееся среди окружающих иноязычных соседей специфическими особенностями бытовых черт» [Козлова К.И. 1978. С. 107]. Древнемарийский этнический массив еще не представлял собой единого этносоциального организма, а скорее всего являлся «лишь этнолингвистической группировкой целого ряда автономных племенных объединений» [Козлова К.И. С. 108].

Основным типом поселений появившегося в Ветлужско-Вятском междуречье населения первоначально стали преимущественно укрепленные, небольшие, достаточно разрозненно разбросанные городища, что вполне соответствует периоду освоения новых территорий, часто сопровождающемуся возможными столкновениями между переселенцами и проживающим здесь населением.

Но в данном случае проявлений межэтнического антагонизма не зафиксировано. Вероятно, потому, что в левобережной части Марийского Поволжья к этому времени сохранились лишь небольшие островки постазелинского населения, с которым переселенцы вступают в активные культурные, торговые и хозяйственные контакты. Показателем этого является серия азелинских вещей в Младшем Ахмыловском могильнике как более восточном памятнике, расположенном на пограничье с позднеазелинскими племенами. Однако, основываясь на распространении отдельных вещей, преждевременно преувеличивать роль этих контактов до уровня этнических связей. Одновременное функционирование в рамках одного этноса как традиционных, так и заимствованных компонентов культуры (бикультуризм), явление достаточно обычное для зон взаимодействия нескольких этнических формирований. Этот процесс происходит на территории Ветлужско-Вятского междуречья на протяжении многих столетий и имеет двустороннюю связь, вследствие чего вещи западного облика проникают к населению азелинской культуры (Мари-Луговской, Уржумкинский, Арзебелякский (Ясачный) могильники), существенно изменяя ее облик в контактных зонах к позднему этапу (Концовский, Шор-Унжинский могильники, Безводновский клад). Сходные процессы происходили и в других регионах. Городецкие племена, переселившись на левобережье р. Волги, вступают в контакты с пьяноборским населением на достаточно широкой территории: совместное залегание городецкой и пьяноборской керамики зафиксировано в нижних слоях Болгарского городища, на Елховском городище, в Рождественском могильнике и т.д. [Смирнов А.П., Трубникова Н.В. 1965. С. 10]. На Нижней Каме в азелинских памятниках, подобно некрополям Марийского Поволжья, наблюдаются многочисленные волжско-финские элементы. Но тем не менее, Г.А. Архипов вполне справедливо считает, что азелинцы Нижней Камы не принимали участия в этногенезе марийцев [Архипов Г. А. 1991. С.10].

Достоверных сведений о занятиях марийского населения земледелием в I тысячелетии мы не имеем. В составе домашних животных значительное место занимала лошадь (от 10% до 26%), которая могла служить скорее средством передвижения.

2 этап – VIII – XI вв.

Территория и памятники – 11 могильников, 17 городищ, 22 селища (прил. 2, рис. 53): Васильсурское V городище, Барковское, Больше-Танаковское, Кушко-Биляморское, Верхне-Регежское, Ста-

росельское, Ернурское, Ижевское, Еманаевское, Скорняковское городища, Черемисское кладбище, Юмский, Лопьяльский, Вятский, Кочергинский, Веселовский, Борисковский, Дубовский, Нижняя Стрелка, Кантауровский могильники, часть Выжумского III и Рутkинского могильников.

Памятники располагаются по обоим берегам р. Волги на участке от р. Суры до р. Казанки, нижнему и среднему течению р. Ветлуги, правобережным притокам р. Вятки.

Датировка. Для датировки в качестве эталонных использованы 8 памятников.

Селище Галанкина Гора

Памятник расположен примерно в 10 000 км к западу от устья р. Ветлуги на мысу дюнного всхолмления (высота 16 м) надлуговой террасы левого берега р. Волги. При исследовании поселения эпохи раннего металла в раскопах 1983 и 1989 годов Б.С. Соловьевым обнаружены остатки селища. Средневековый поселок занимал западную часть мыса площадью около 700 кв. м.

Для приблизительной датировки памятника возможно использовать наконечник стрелы. По форме и размерам изделие относится к типу черешковых ромбовидных новгородского типа 46 классификации А.Ф. Медведева [Медведев А.Ф. 1966. С. 67–68].

Ижевское городище

Городище расположено около д. Городище Пижемского района Кировской области на стрелке, образованной крутой террасой правого берега р. Иж и оврагом.

В.Ф. Генинг предположил, что городище существовало в течение длительного периода. По эполетообразной застежке азелинского типа им установлена ранняя дата IV–VI вв. н.э. По бронзовым привескам с лапчатыми подвесками, железным ножам, наконечникам стрел, опубликованным А. Спицыным, и по керамике, находящейся в Государственном историческом музее, он считал, что городище продолжало функционировать до IX–XI вв. н.э. [Генинг В.Ф. Отчет за 1957]. По бронзовым вещам Г.А. Архипов датировал городище VIII–X вв. н.э. [Архипов Г.А. 1962].

Основой для датировок могут служить изделия из цветного и черного металла. Железный штырь с округлой головкой (прил. 2, рис. 55–*18)* и поясная накладка (прил. 2, рис. 55–*4*) аналогичны вещам, найденным в погребениях 47, 64-а, 199 Варнинского могильника совместно с височными кольцами или серьгами с гроздевидной привеской и браслетами с отогнутыми концами VII–IX вв. [Се-

менов В.А. 1980. С. 70, 76, табл. XII–36, XXVI–1]. Трехперый наконечник стрелы (прил. 2, рис. 55–*26*) аналогичен изделиям из погребения 206 Варнинского могильника [Семенов В.А. 1980. Табл. XXII–5, 6], отнесенного к переходному от гыркесшурского к каравалесскому этапам [Семенов В.А. 1980. С. 60] и из погребения 276 с драхмой Хосрова II и обломком сасанидского дирхема не ранее середины VII в. [Семенов В.А. 1980. С. 64]. Петельная подвеска (прил. 2, рис. 55–*22*) имеет аналогии в погребении 75 каравалесского этапа Варнинского могильника IX–X вв. [Семенов В.А. 1980. С. 62, табл. VI–22], в погребениях Баяновского могильника VIII–X вв. на Верхней Каме [Голдина Р.Д. 1970], рамчатые пряжки (прил. 2, рис. 55–*5*) аналогичны изделиям из погребения 75 мыдланьшайского этапа Варнинского могильника второй половины VIII–IX вв. [Семенов В.А. 1980. С. 62] и ветлужско-вятских могильников IX–XI вв.

Таким образом, материалы Ижевского городища возможно датировать VIII–IX вв. н.э.

Черемисское кладбище

Могильник расположен в 3 000 м к востоку от д. Валово, в 4 000 м к юго-востоку от с. Макарьевское Ветлужского района Горьковской области.

О.Н. Бадер отнес этот памятник к VIII–X вв. [Бадер О.Н. 1951-б. С. 34]. Эту же датировку поддержал А.П. Смирнов [Смирнов А.П. 1949. С. 89–94; 1952. С. 164–166]. А.Х. Халиков и Г.А. Архипов определили время функционирования могильника в пределах IX–XI вв. [Архипов Г.А. 1973. С. 63, 67], делая исключение для погребения 1, которое считали возможным датировать VIII – началом IX вв. [Архипов Г.А. 1973. С. 67]. Судя по вещевому комплексу (височные кольца с одним отогнутым концом, головные цепочки, нагрудная бляха с прорезными краями и шумящими подвесками и т.д.) [Архипов Г.А. 1973. С. 17–70], Черемисское кладбище функционировало, как и считали предшественники, в период с VIII по X вв.

Юмский могильник

Могильник расположен в 3500 м к юго-востоку от д. Загребино Свечинского района Кировской области, на берегу р. Юмы, правого притока р. Вятки.

А.А. Спицын первоначально датировал этот памятник X в. [Архив ЛОИА, ф. 5, д. 363. Л. 54], Смирнов А.П. – IX–X вв. [Смирнов А.П. 1949; 1952], А.Х. Халиков и Г.А. Архипов – IX–XI вв. [Архипов Г.А. 1973. С. 63–68]. Н.А. Лещинской верно уточнена датировка этого памятника концом VIII–X вв. по аналогиям с вещами в погребени-

ях Большетиганского и Мыдланьшайского могильников, содержащих нумизматический материал [Лещинская Н.А. 1995. С. 97–100].

Кочергинский могильник

Памятник расположен около д. Кочергино Советского района Кировской области на р. Немде, правом притоке р. Вятки.

Вероятные хронологические рамки памятника М.В. Талицким определены по сходству с Рябиновским кладом концом X–началом XI вв. [Талицкий М.В. 1940. С. 167–168]. А.П. Смирнов уточнил датировки по векам: погребения 1, 2, 4 – X в., погребение 3 – IX в., погребение 5 – XI в. [Смирнов А.П. 1949. С. 89–94; Смирнов А.П. 1952. С. 165–166]. Н.А. Лещинской почти все погребения (1, 3–5) включены в 8 хронологическую группу и отнесены к IX в. [Лещинская Н.А. 1995. С. 97–98]. Дату погребения 5 можно уточнить по находке огнива с рукоятью со схематическим изображением двух звериных (медвежьих – ?) голов, которая Л.А. Голубевой отнесена к типу 5 группы II второй половины конца X в. [Голубева Л.А. 1964. С. 125–126].

По находкам накладок салтовского типа, умбоновидным подвескам, шумящим подвескам с треугольной и каплевидной основой, браслетам с отогнутыми концами датировку памятника следует определить IX–X вв.

Веселовский могильник

Памятник расположен на дюнном всхолмлении левого берега р. Малая Кокшага (левый приток р. Ветлуги) в 250 м к западу от д. Семеново (Вороваткино) на границе Ветлужского и Хмелевицкого районов Нижегородской области.

По результатам первых раскопок М.П. Званцев датировал памятник XII–XIII вв. [Званцев М.П. 1929]. К этой же дате присоединился О.Н. Бадер [Бадер О.Н. 1951. С. 34]. А.Х. Халиков считал, что могильник функционировал, в основном, в X–первой половине XI вв. и только погребение 10 возможно отнести к IX в. [Халиков А.Х., Безухова Е.А. 1960. С. 55–56]. Г.А. Архипов конкретизировал датировку: погребение 10 из раскопок 1929 года – IX в., погребение 20 – IX–X вв., к X в. отнес погребения 4, 7, 11, 24, к X–XI вв. – погребения 2, 3, 4, 5, 6, 8, 9, 12, 13, 15, 16, 25 и к XI в. – погребения 1, 14, 22, 26, 29 [Архипов Г.А. 1973. С. 67]. Датировка Г.А. Архипова, базирующаяся на детальном сравнительном анализе вещевых комплексов Веселовского могильника с многочисленными находками из марийских, мордовских, ломоватовско-родановских и поломско-чепецких захоронений с привлечением нумизматического материа-

ла, кажется наиболее обоснованной. Таким образом, могильник существовал в IX–XI вв.

Дубовский могильник

Расположен на песчаных дюнах второй террасы левого берега р. Волги на окраине поселка Дубовский Килемарского района Республики Марий Эл. Г.А. Архипов датировал могильник X–XI вв. [Архипов Г.А. 1964. С. 187–189; 1973. С. 65; 1984]. В 12 из 82 погребений найдены монеты Саманидов, Бувейхидов, Зияридов, Симджуридов, Волжской Булгарии и герцога Ордульфа, подтвердившие, что основная масса погребений относится к указанному периоду [Федоров-Давыдов Г.А. 1984. С. 160–165]. Но все же есть основания предполагать, что отдельные захоронения (7–9, 17, 18, 19, 20, 23, 30) были оставлены несколько позднее и относятся к рубежу XI–XII вв. или к началу XII в. Все эти погребения отличаются обеднением инвентаря, что характерно в большей степени для погребального обряда последующего периода.

В погребении 18 содержится пластинчатый браслет с завернутыми концами. Пластинчатые браслеты с зауженными, загнутыми в трубочку концами, по мнению А.В. Арциховского, являются характерным украшением вятичей, где они бытуют с конца XI–XIV вв. [Арциховский А.В. 1930. С. 21; Левашова В.П. 1967. С. 236]. В Новгороде аналогичные находки встречаются в слоях с конца XI до 50–60-х годов XIV вв., наибольшее их распространение приходится на конец XII–XIII вв. [Седова М.В. 1981. С. 113], по находкам в верхневолжских курганах – на вторую половину XII–XIII вв., по верхнеднепровским материалам – на конец XII–XIII вв. [Рябинин Е.А. 1986. С. 65]. Не противоречит этой датировке и находка височного кольца с напускными бусами (прил. 2, рис. 56–*29*) [Архипов Г.А. 1984. С. 142, рис. 8, *29*]. В.П. Левашова датирует гладкие бусинные кольца X–XII вв. [Левашова В.П. 1967. С. 19–23, 40–43]. Е.А. Рябинин отмечает их появление в верхневолжских курганах во второй половине XII–XIII вв. [Рябинин Е.А. 1986. С. 58]. К концу XI–XIII вв. относятся их находки в погребениях Вологодской области [Никольская Т.Н. 1949. С. 37, 38; Сабурова М.А. 1974. С. 92–97, рис. 5, *13–19*; Рябинин Е.А. 1986. С. 58]. Поэтому трудно предположить, чтобы на нашей территории они появились ранее рубежа XI–XII вв.

Близко по дате к вышеописанному погребение 19, содержащее в своем комплексе точно такое же височное кольцо с напускными бусами, железную гривну и четырехгранный браслет со звериными

головками [Архипов Г.А. 1984. С. 145, рис. 11, *12*]. А.В. Арциховский назвал браслеты с изображением звериных головок на концах «ушастоконечными». В X в. звериноголовые браслеты распространились из Прибалтики на территории, заселенные славянами и финнами. Браслеты с мордами драконов встречены в курганах Белоруссии, южного Приладожья и Ижорского плато, во владимирских, подмосковных, смоленских, калужских и других курганах, где они датируются в основном XI – началом XII вв. [Седова М.В. 1981. С. 112].

Среди марийских материалов звериноголовые браслеты являются частой находкой в памятниках XII–XIII вв., а для IX–XI вв. они не характерны.

Подобные браслеты обнаружены также в погребениях 31 (3 экз.) и 40 (3 экз.) [Архипов Г.А. 1984. С. 145, рис. 11, *11, 13*]. В погребении 40 браслеты найдены в комплексе с простыми височными проволочными кольцами, бытующими вплоть до конца XIII в. и 7 привесками, представляющими собой литые подражания куфическим монетам. Подвески пробиты, имеют по два или более отверстий, что доказывает тот факт, что эти подвески были в обиходе длительное время. Кроме того, здесь найден пластинчатый браслет с расширенными концами, украшенными «волчьим зубом» [Архипов Г.А. 1984. С. 145, рис. 11, *25*]. Основная масса браслетов такого варианта происходит из раскопок владимирских курганов, эта форма характерна также для районов Тверского, Угличского и Ярославского Поволжья, включая бассейн р. Мологи, встречается в курганах южного Приладожья, но отсутствует в Костромском Поволжье и почти не встречается в центральных и южных районах. Датируется этот вариант XI–XII вв. [Левашова В.П. 1967. С. 236]. Вероятно, погребение 40 Дубовского могильника относится к рубежу XI–XII вв.

Рубежом XI–XII вв. также датируется вещевой комплекс из погребения 30, содержащий калачевидное кресало, железный нож, железный проушной топор, медную гривну из круглой проволоки с нарезкой, имитирующей резьбу, монетовидную подвеску [Архипов Г.А. 1984. С. 142, рис. 10, *46*], два плетеных браслета со вставками на концах [Архипов Г.А. 1984. С. 145, рис. 11, *24*]. Круглые монетовидные привески с орнаментом на лицевой стороне из расходящихся лучей солнца относятся к концу XI – первой половине XII вв. [Архипов Г.А. 1984. С. 144, рис. 10, *46*]. На территории северо-западной и северо-восточной Руси они распространены почти повсеместно. Встречаются данные привески в памятниках этого же времени на юго-западе и на юге Руси, а также на территории соседних народов

[Успенская А.В. 1967. С. 111]. Плетеные браслеты, имеющие на концах припаянный овальный щиток-гнездышко для камня со шнуровой окантовкой, в русских кладах датируются XI – началом XIII вв. [Левашова В.П. 1967. С. 222, 229].

Погребение 9 отнесено к более позднему периоду на основании шестиугольного железного кресала (прил. 2, рис. 57–*13*) [Архипов Г.А. 1984. С. 157, рис. 23, *13*], височных проволочных колец и плоского браслета с расширенными концами.

Овальное кресало типа (прил. 2, рис. 57–*12*) и крученый браслет найдены в погребении 17. Овальные двулезвийные кресала широко распространены в средневековых памятниках XII–XIII вв. у славянских, финно-угорских, тюркоязычных племен [Колчин Б.А. 1953. С. 100; Плетнева С.А. 1973. Табл. 27, *15*; Культура Биляра. 1985. С. 126; Иванова М.Г. 1979. Табл. VII–*6, 7, 11*; 1992. С. 59–60]. У марийцев они получают распространение также в могильниках XII–XIII вв. [Архипов Г.А. 1986. С. 62].

На основании приведенных датировок очевидно, что могильник существовал с X по XII вв.

Могильник Нижняя Стрелка

Расположен в 8 000 м к северо-западу от д. Починок Юринского района Республики Марий Эл на возвышенности в пойме левого берега р. Волги.

Датировка могильника может быть основана на близости погребальных комплексов с материалами других средневековых могильников Ветлужско-Вятского междуречья и многочисленными аналогиями в волго-окских и прикамских, булгарских и славянских древностях X–XII вв. Основная масса вещей (гривны глазовского, «радимичского» типов, браслеты с завязанными концами, шумящие парные коньковые подвески, калачевидные серьги, сулица, топоры и т. д.) датируются X–XI вв. В тринадцати погребениях обнаружены 11 серебряных дирхемов, 11 оттисков с дирхемов, 1 монетовидная подвеска. Большинство нумизматического материала датируется X в. (определение произведено доктором исторических наук Г.А. Федоровым–Давыдовым). Две монеты и четыре оттиска изготовлены в Волжской Булгарии с 970 по 989 годы. Денарий из погребения 23 чеканен в Англии в 1017–1023 гг. Таким образом, нумизматический материал не противоречит дате вещевого инвентаря.

Из указанных хронологических рамок выпадает погребение 25 с набором более ранних вещей (прил. 2, рис. 63). Интерес представляет крупная полая подвеска в форме стилизованной уточки с туловом колоколовидной формы и миниатюрной крючкообразной го-

ловкой (прил. 2, рис. 63–*10*). Аналогичные изделия Л.А. Голубевой объединены в вариант 4 и датированы концом VII – началом VIII вв. [Голубева Л.А. 1979. С. 15]. В более поздних комплексах она встречается крайне редко. К VIII–IX вв. относится также коническая пронизка от накосника (прил. 2, рис. 63–*12*). Не противоречит этой датировке и шумящая уточка-подвеска (прил. 2, рис. 63–*9*). Бронзовая копоушка с кружковым орнаментом (прил. 2, рис. 63–*16*) имеет аналогии в погребении 254 мыдланьшайского этапа Варнинского могильника и датирована VIII – первой половиной IX вв. [Семенов В.А. 1980].

Более раннюю дату имеет также погребение 7 (прил. 2, рис. 62). Нагрудное украшение в виде прямоугольной планки с шумящими подвесками (прил. 2, рис. 62–*2*) имеет аналогии в древностях муромы IX – начала X вв. [Гришаков В.В., Зеленеев Ю.А. 1990. Рис. 8, *26*]. Пластинчатый браслет с отогнутыми концами (прил. 2, рис. 62–*7*) аналогичен украшениям из погребений второй половины VIII – первой половины IX вв. Варнинского [Семенов В.А. 1980. Табл. III, 7, 8, 10] и Мыдланьшайского [Генинг В.Ф. 1962. Табл. II, 11] могильников.

К IX в. возможно отнести погребения 2 и 2–а. Основой для датировки служит кресало с бронзовым навершием в виде двух развернутых конских головок, близких схематическому изображению голов коней, соединенных с основанием столбиками на подвесках из Прикамья, классифицированных Л.А. Голубевой в тип III вариант I и датированных VIII–IX вв. [Голубева Л.А. 1979. С. 88–91].

Более поздним обликом отличаются погребения 5, 33, 16. В погребении 5 (прил. 2, рис. 58–*60*) витой браслет имеет заостренные концы, один из которых завязан петлей вокруг другого (прил. 2, рис. 59–*3*). Витые тонкоконечные браслеты встречены при раскопках славянских памятников XII–XIV вв. [Левашова В.П. 1967. С. 228]. Этой же дате не противоречит и один завязанный конец, так как височные кольца с одним завязанным концом встречены лишь в погребениях XII–XIII вв. [Левашова В.П. 1967-а. С. 16]. Дате XII в. соответствуют обувные умбоновидные шумящие подвески (прил. 2, рис. 58–*14*), встречающиеся в вымских могильниках вплоть до XIII в. [Савельева Э.А. 1987. С. 125], полая уточка с двумя жгутиками (прил. 2, рис. 61–*2*), датированная Л.А. Голубевой XI – началом XII вв. [Голубева Л.А. 1979. С. 17], височные кольца с заходящими и обмотанными проволокой концами (прил. 2, рис. 61–*10*), найденные в слоях до начала XII в. [Левашова В.П. 1967. С. 16].

В погребении 16 также найден витой тонкоконечный браслет, близкий украшению из погребения 5, датированный не ранее XIII в. [Левашова В.П. 1967. С. 228]. К этому же времени относятся и другие вещи: витые браслеты с обрубленными концами, браслеты со вставками [Левашова В.П. 1967. С. 221, 228], поясные орнаментированные кольца [Седова М.В. 1981. С. 152].

В погребении 33 найден обмотанный браслет, концы которого имеют шарнирный замок. Обмотанные браслеты по новгородским древностям датируются рубежом XI–XII вв. [Седова М.В. 1981. С. 100]. Шарнирные замки и на пластинчатых браслетах раньше этого времени также не появляются [Седова М.В. 1981. С. 119].

На основании приведенных аналогий могильник в целом возможно датировать IX – началом XII вв.

Характеристика этапа

Культура, отраженная в указанных памятниках, является продолжением культурных традиций населения, оставившего Сомовское II городище и Младший Ахмыловский могильник, а также другие поселения и некрополи, объединенные в 1 этап древнемарийской культуры.

О преемственности Младшего Ахмыловского и древнемарийских могильников IX–XI вв. неоднократно и достаточно обоснованно писал Г.А. Архипов [Архипов Г.А. 1973. С. 91, 104], при этом он использовал лишь материалы погребального обряда, как более консервативного элемента культуры. В качестве общих элементов он отметил: топографию, групповое расположение могил, биритуальность, представленную ингумацией и кремацией (кремация, по подсчетам Г.А. Архипова, в Младшем Ахмылове составила 18%, в древнемарийских могильниках – 13,3–26,6 %), разновидности обряда кремации, северное направление в ориентировке костяков, положение костяка, наличие подстилок. Как показывает материал, изложенный в главе 3, § 2 настоящей работы, преемственность подтверждается и украшениями костюма: головными венчиками, накосниками, браслетообразными кольцами, застежками-сюльгамами. Преемственность в керамических традициях подтверждается материалами как могильников, так и поселений (Глава 3, § 3). Плоскодонная горшковидная посуда типов I, II, IV из глины с примесью шамота и дресвы, типологически выделенная по коллекции Сомовского II городища, является ведущей на всех древнемарийских памятниках.

Культура данного этапа характеризуется более выраженными этноопределяющими признаками. В погребальном обряде это про-

является в сочетании нескольких способов захоронения: ингумации, кремации, кенотафов. В устройстве могильных ям используются подстилки из меха, луба, ткани. Умершие погребены на небольшой глубине, головой в северном направлении. При трупосожжении кремация производилась на стороне, а кальцинированные кости укладывались на дно в одну, две кучи или по всей длине могилы. Наиболее выразительны жертвенно-ритуальные комплексы в засыпи могильных ям и в межмогильном пространстве. Этноопределяющими признаками материальной культуры являются головные уборы в виде венчиков, поверх украшенные бронзовыми цепочками с шумящими украшениями, нагрудные парные наборные трапециевидные коньковые подвески, каплевидные, коньковые или арочные подвески в качестве височных наряду с кольцами с одним отогнутым концом, перстни и браслеты с геометрическим орнаментом, топоры с округлыми щековицами (прил. 2, рис. 31). Марийская культура данного периода отличается обилием металлических украшений, изготовленных в наборной технике с использованием различных методов обработки металла: ковки, протяжки, литья, пайки. В костюме ведущее место заняли шумящие подвески и другие изделия домашнего изготовления с индивидуальными особенностями.

В этот период происходит расширение территории и продвижение древнемарийских племен на восток к Вятке, в процессе которого они вступают в контакты этнического порядка с пермским населением, вследствие чего в марийскую культуру проникают прикамские традиции, видоизменившие ее этнографический облик. Впервые это фиксируется в материалах Кубашевского городища VII–VIII вв. и Пайбулатовского селища, расположенных в междуречье Большой и Малой Кокшаг по сочетанию двух групп керамики: плоскодонной с шамотом и круглодонной с органической примесью, о чем уже шла речь выше.

В VIII в. марийские племена осваивают правобережные притоки вяского бассейна: Ижевское городище VIII–IX вв., плоскодонная керамика на Еманаевском городище VIII–X вв., Бурыгинское городище. Могильники IX–XI вв. (Лопьяльский, Кочергинский, Юмский – Загребинский) свидетельствуют о завершении этого процесса.

В настоящее время достаточно спорной остается оценка этнокультурной принадлежности вышеперечисленных памятников.

Своеобразие финно-угорских памятников этого региона отмечал еще в прошлом столетии А.А. Спицын. Анализируя материалы пижемских городищ, к которым он отнес Еманаевское, Бурыгинское, Ижевское, А.А. Спицын отделял их от «собственно вотских»

[Спицын А.А. 1889. С. 33]. Р.Д. Голдина, выделив их в самостоятельные еманаевскую и кочергинскую культуры [Голдина Р.Д. 1987-а. С. 22–28; 1999. С. 309–341], связала с древнеудмуртским этносом. Г.А. Архипов и А.Х. Халиков объединяли памятники вятского бассейна в один круг с средневековыми марийскими древностями IX–XI вв. Впоследствии Г.А. Архипов разделил эти памятники, считая, что древности до VIII в. типа Концовского могильника и Еманаевского городища еще не определены в этническом отношении, «их нельзя категорически считать праудмуртскими, так же как и исключительно древнемарийскими» [Архипов Г.А. 1991. С. 17]. В отношении памятников IX–XI вв. типа Юмского могильника мнение его оставалось прежним и их марийская принадлежность не вызывала сомнения. Правомерность выводов А.Х. Халикова и Г.А. Архипова базировалась на близости Юмского (Загребинского) и Кочергинского могильников с древнемарийскими погребальными памятниками Волжско-Ветлужского бассейна, которая проявлялась в погребальном обряде (ингумации и кремации, положении и ориентировке костяка) и типах вещей. Сторонниками самостоятельной еманаевской древнеудмуртской культуры не выделено специфических черт, позволяющих отделить Кубашевское, Еманаевское, Ижевское городища, Юмский, Кочергинский и Лопьяльский могильники от круга древнемарийских памятников. Обозначенные особенности городищ (мысовые, одна линия обороны, одна площадка, небольшие размеры) [Голдина 1999. С. 315] в такой же степени присущи и другим марийским городищам на р. Волге и р. Ветлуге на протяжении всей средневековой эпохи.

Обряд захоронения Юмского (Загребинского) и Кочергинского могильников идентичен погребальному обряду Дубовского, Веселовского, Черемисского могильников. Размещение кальцинированных костей и вещей в захоронениях с кремацией также аналогично трупосожжениям в других древнемарийских некрополях и, в целом, наследует волжско-финскую традицию. В вятских памятниках обнаружены этноопределяющие марийские украшения: головные цепочки, височные кольца с одним отогнутым концом, топоры с круглыми щековицами и т.д.

Для уточнения этнической принадлежности наиболее выразительную информацию дает керамический материал. В вятских городищах (Кубашево, Еманаево, Ижевское и др.) в составе керамики, кроме плоскодонной посуды с примесью шамота, обнаружена круглодонная посуда с органической примесью прикамского облика, в то время как волжские городища по керамическому материалу од-

нородны и представлены плоскодонными горшками из глины с примесью шамота и дресвы с грубой бугристой поверхностью бурого или коричневого цвета со следами небрежной беспорядочной зачистки на поверхности. Наличие круглодонной керамики позволило ряду исследователей отнести указанные памятники к кругу пермских культур.

Однако ни в одном из них посуда пермского облика не является ведущей.

На Кубашевском городище круглодонные сосуды из плотной глины с примесью растительных остатков в количественном отношении составляют не более четверти. Вторая группа керамики, представленная фрагментами с примесью дресвы и шамота, более многочисленна и близка вышеописанной посуде с древнемарийских городищ.

На Ижевском городище посуда прикамского облика составляет всего 16%. Основная масса керамики состоит из плоскодонной посуды древнемарийского облика. Здесь также фиксируется небольшая группа круглодонной керамики, близкой по форме прикамской посуде, но изготовленной из глины с примесью шамота.

Та же закономерность в распределении керамики сохраняется на Еманаевском городище.

Судя по публикациям предшественников, прикамская керамика на этих памятниках не однородна и, возможно, оставлена различными группами пермского населения: круглодонная посуда Кубашевского городища наследовала азелинские традиции, два сосуда мазунинского облика [Архипов Г.А. 1962-а. С. 224], посуда Ижевского городища имеет аналогии с керамикой поломской и чепецкой культур [Архипов Г.А. 1962-б. С. 157–158], Еманаевская круглодонная керамика обнаруживает близость с ломоватовской и чепецкой посудой [Лещинская Н.А. 1988. С. 106].

Судя по изменениям керамических традиций, напрашивается вывод, что в этнические контакты с вышедшими к Вятке древнемарийскими племенами вступает не азелинское, а пермское население, несущее традиции верхнекамских и чепецкой культур (возможно, разнородное). Многими исследователями в VIII–X вв. фиксируются миграции значительной части верхнекамского и чепецкого населения на нижнюю Каму, среднюю и нижнюю Вятку вплоть до средней Волги [Казаков Е.П. 1989; 1992. С. 245–247; Семенов В.А. 1989. С. 31; Иванов В.А. 1990. С. 114–115].

Таким образом, рассмотренные выше керамические комплексы, инвентарь, а особенно погребальная обрядность свидетельствуют в пользу точки зрения на древнемарийскую принадлежность рас-

сматриваемых памятников. Небольшое количество на этих памятниках керамики прикамского облика (18–25%) и другие отличительные черты свидетельствуют о наличии межэтнических браков между древними марийцами и пермским населением, которые «можно считать частным случаем общего явления, характерного для всей пограничной зоны двух этнокультурных регионов» [Леонтьев А.Е. 1989. С. 97]. Отдельные свидетельства подобных контактов прослежены и на р. Унже. В Ветлужско-Вятском междуречье они приняли более массовый характер в силу пограничного долговременного проживания двух этносов и существенно повлияли на развитие марийской культуры. В результате этнических контактов формируются луговые и северо-восточные группы мари, а марийская культура приобретает своеобразный колорит, характеризующийся смешением волжско-финских и прикамских традиций. В погребальном обряде это проявляется следующим образом: в марийских могильниках IX–XI вв. обряд кремации в значительной мере сохраняет волжско-финские традиции и имеет сходство с обрядом трупосожжения мордовских и муромских могильников, а обычай оставлять жертвенно-ритуальные дары на территории могильника или в засыпи могильных ям находит параллели в прикамских древностях. В костюме марийской женщины сочетаются вещи прикамского и, в большей степени, волго-окского происхождения. Например, среди височных украшений из могильника Нижняя Стрелка изделия местного производства составляют 31,3%, прикамские – 10,4%; 39,6% имеют аналогии в волжско-финских и славянских материалах, а 18,8% встречаются на широкой территории лесной полосы Восточной Европы. На Еманаевском и Ижевском городищах, а также в могильниках IX–XI вв. фиксируется группа посуды со смешанными волжско-финскими и пермскими гончарными традициями.

В этот период закладываются различия этнографических групп марийского этноса. Памятники, расположенные в волжском бассейне (Дубовский могильник, Нижняя Стрелка), можно связать с горными мари, а ветлужские (Веселовский, Черемисский могильники) – с луговыми. Особое своеобразие представляет группа могильников, расположенных на р. Вятке (Лопьяльский, Кочергинский, Юмский), вероятно оставленных, марийским населением, представляющим самостоятельное наречие, отличное от горного и лугового.

К рубежу I–II тысячелетий наблюдается тенденция к расселению на селищах, расположенных вблизи городищ, что свидетельствует о более стабильной политической ситуации и некоторых изменениях в экономической жизни населения.

В IX–XI вв. на территории Ветлужско-Вятского междуречья начался процесс этнической консолидации марийской народности. Характерным показателем является усиление культурного единообразия археологических памятников, оставленных марийцами, что соответствует основному отличию народности «в сфере этнических свойств», отмеченных Ю.В. Бромлеем: «в пределах территории, занимаемой народностью, культурная однородность выше, чем на той же территории в первобытной формации, даже в случае расселения на этой территории одной семьи племен» [Бромлей Ю.В. 1982]. Одним из важнейших факторов, способствующих складыванию благоприятных для этого процесса условий, является наличие по соседству крупного государства Волжской Булгарии, которая «...в период своего расцвета являлась ареалообразующим центром в культурном, экономическом, а также политическом и, в определенной мере, этническом плане на широкой территории от Приуралья до Верхнего Поволжья» [Казаков Е.П. 1997. С. 33]. Благодаря расцвету Волжской Булгарии, пришедшемуся на 60–80-е годы X в., территория Ветлужско-Вятского междуречья также становится стабильным регионом. В результате торговых отношений с Волжской Булгарией в край поступает большое количество вещей южного происхождения: салтовские серьги, поясные наборы, металлическая посуда, дирхемы и т.д. Развернутая булгарами торговля с местными племенами давала импульс для экономического развития последних. Наблюдается рост населения, что подтверждается расширением территории, увеличением археологических памятников (39 городищ и селищ, 11 могильников) и культурных слоев на поселениях. Материалы поселений и могильников свидетельствуют о развитии земледелия, ремесленного производства, торговли и имущественного расслоения в среде марийского общества.

3 этап – XII – XV вв.

Территория и памятники – 4 могильника, 5 городищ, 26 селищ, 3 производственных объекта (прил. 2, рис. 64): Выжумские II и III, Починковский, Руткинский, Красноселищенские, Сауткинское, Юльяльское, Важнангерские селища, Горношумецкое, Важнангерское (Мало-Сундырское), Шорсолинское, Успенское городища и т.д. На рубеже XI–XII вв. выходят отдельные погребения на могильниках Нижняя Стрелка и Дубовском, слои на Васильсурском V городище Репище.

Большая часть памятников располагалась по обоим берегам р. Волги и в устье р. Ветлуги, небольшая группа в верховьях р. Лаж.

Датировка. В качестве эталонных для датировки возможно использовать 9 памятников.

Васильсурское V городище Репище

Городище расположено в 3 000 м к юго-западу от п. Васильсурск Нижегородской области на мысу между оврагами коренной террасы правого берега р. Суры.

Для датировки данного памятника наибольший интерес представляет средневековая постройка № 3 из раскопок 1992 года и развал печи. В заполнении котлована постройки вместе с традиционной бугристой посудой найден фрагмент керамики, изготовленный на ручном круге из глины с органической примесью и украшенный волнистым орнаментом (прил. 2, рис. 66). Точно такие же фрагменты обнаружены после снятия верхнего слоя глиняной обмазки печи, в то время как над ней и рядом находились целые развалы лепных горшков из глины с примесью шамота. Орнамент в форме волны на посуде для местного региона является заимствованным элементом и появляется лишь в начале II тысячелетия н.э. Эту дату уточняют находки в засыпи рва № 2 створки от креста – энколпиона (прил. 2, рис. 66–*2*) и железного цилиндрического замочка (прил. 2, рис. 66–*3*). Энколпион распространенного типа с изображением в центре Распятия, поясных изображений святых на боковых концах в медальонах. По сторонам Распятия – монограмма Христа. Изделие датируется началом XIII в. [Полубояринова М.Д. 1993. С. 82, рис. 28–*2*]. В период XI–XIII вв. использовались и указанные железные замки [Никольская Т.Н. 1981. Рис. 101; Монгайт А.Л. 1974. Рис. 29–*3*; Краснов Ю.А., Каховский В.Ф. 1978. С. 136, рис. 70].

Таким образом, дату памятника возможно ограничить XI–XIII вв. н.э.

Выжумский II могильник

Расположен в 2 500 м к западу от кордона Нижний Выжум Юринского района, на стрелке между левым берегом р. Выжум и террасой левого берега р. Ветлуги.

По вещевому комплексу: подвески с треугольной основой из проволочных спиралей или спаянных колечек, завернутоконечные пластинчатые браслеты, рубчатые перстни, серия изделий, имеющих многочисленные аналогии в славяно-русских материалах. Могильник достаточно убедительно датирован Г.А. Архиповым XII–XIII вв. [Архипов Г.А. 1986].

Выжумский III могильник

Могильник располагался в 2 500 м к западу от кордона Нижний Выжум на песчаной дюне коренной террасы левого берега р. Ветлуги, неподалеку от Выжумского II могильника.

Г.А. Архиповым памятник был объединен в один круг с Починковским и Выжумским II могильником и датирован XII–XIII вв. Следуя логике исследователя, очевидно, что подобный вывод был основан, прежде всего, на сходстве погребальных обрядов населения, оставившего эти памятники, а точнее из-за отсутствия на Выжумском III могильнике обряда кремации. Материалы, полученные в ходе раскопок этого могильника, опубликованы в монографии Г.А. Архипова «Марийцы XII–XIII вв.» [1986] и проанализированы в соответствующих разделах, посвященных обзору различных категорий вещей, как-то: шейные или нагрудные украшения, бытовой инвентарь и оружие. К сожалению, при датировке не произведен анализ материала по закрытым комплексам.

Рассмотрев инвентарь по погребальным комплексам, нам удалось внести некоторые уточнения в датировку этого памятника, имеющего серию отличий от других могильников XII–XIII вв.

В погребениях 8, 10, 11, 13 обнаружены подвески, изготовленные из дирхемов. Приток дирхемов в Среднее Поволжье отмечается в X в., встречаются они и в первой половине XI в. Для памятников позднее конца XI в., как правило, они не характерны. Для датировки погребения 11 возможно использовать находки зооморфных подвесок. Подвеска-уточка с полым туловом и длинной шеей (прил. 2, рис. 68Б–*13*) Л.А. Голубевой включена в тип 2, вариант 3, а Е.А. Рябининым в тип XVIII, вариант 2. Оба исследователя датируют данное изделие второй половиной XI – началом XII вв. [Голубева Л.А. 1979. С. 17; Рябинин Е.А. 1981. С. 37]. Наборная коньковая подвеска из этого же погребения (прил. 2, рис. 69–*5*) отнесена Л.А. Голубевой к типу 3, варианту 1 [Голубева Л.А. 1979. С. 36], а Е.А. Рябининым к группе V [Рябинин Е.А. 1981. С. 34] и датирована X–XI вв. Фрагменты такого изделия обнаружены на Веселовском древнемарийском могильнике IX–XI вв. Дате конец XI – начало XII вв. соответствуют и находки грушевидных бубенчиков с крестовидной прорезью (прил. 2, рис. 68Б–*15,16*) [Седова М.В. 1981. С. 156], витых браслетов с завязанными концами (прил. 2, рис. 68–*22)* [Левашова В.П. 1967. С. 219]. В этом погребении также обнаружено пряслице из розового овручского шифера с общим диаметром 2,3 см и диаметром внутреннего канала 7 мм (прил. 2, рис. 68Б–*21*). Р.Л. Розенфельдт считает, что пряслица с диаметром внутреннего кана-

ла не более 7 мм датируются не ранее XII в. [Розенфельдт Р.Л. 1964. С. 22–23]. Но на Измерском I селище, которое Е.П. Казаков датировал X–XI вв., также обнаружено немало аналогичных по форме и размерам пряслиц [Казаков Е.П. 1991. С. 152].

В погребении 9 обнаружены шаровидные бубенчики с щелевидной прорезью и поясками по тулову, время бытования которых укладывается в рамки с конца X в. до XIII в. Здесь также найден шаровидный с щелевидной прорезью, но без поясков, бубенчик, бытующий в курганах Приладожья в первой половине XI в. [Мальм В.А., Фехнер М.В. 1967. С. 137].

Уточка из погребения 8 (прил. 2, рис. 67–*1*) относится к тому же типу, что и изделие из погребения 11 и датируется соответственно концом XI – началом XII вв., а бугристые бусы из зеленоватого стекла (прил. 2, рис. 67–*6*) имеют аналогии в материалах Измерского селища X–XI вв.* Для датировки погребения 4 можно использовать большое количество треугольных в сечении бус (прил. 2, рис. 68А–*6*). Треугольно-каплевидная подвеска из погребения 4 (прил. 2, рис. 68А–*4*), как и аналогичные изделия из погребений 10 и 11 (прил. 2, рис. 68Б–*14*), Л.А. Голубевой включена в третий вариант типа V и вполне справедливо отнесена к XI в. [Голубева Л.А. 1982. С. 120].

Все перечисленные ранние погребения сосредоточены довольно компактной группой в восточной части могильника. Не выпадают за рубеж XI–XII вв. и вещевые комплексы погребений 5 и 7. Здесь также располагаются погребения 3, 6, 14, которые состоят из компактно лежащих вещей и напоминают так называемые погребения-кенотафы (по Г.А. Архипову) или жертвенно-ритуальные комплексы (по Т.Б. Никитиной), часто встречающиеся на марийских некрополях в IX–XI вв.

Более поздним обликом отличается погребение 22 (прил. 2, рис. 70). В нем найдена пластинчатая подвеска в форме уточки с рельефным орнаментом на поверхности (прил. 2, рис. 70–*15*). Эта подвеска относится по классификации Е.А. Рябинина к типу V группы 1 пластинчатых изображений одноголовых птиц и датируется XII–XIII вв. [Рябинин Е.А. 1981. С. 18–19], Л.А. Голубева их относит к XII–XIV вв. [Голубева Л.А. 1979. С. 23]. На эту же дату указывают и другие вещи из погребения. Так, пластинчатый браслет с зауженными, загнутыми в трубочку концами (прил. 2, рис. 70–*17*) имеет

---

* Автор выражает благодарность Е.П. Казакову за предоставленную возможность ознакомиться с коллекцией Измерского селища.

аналогии среди вятичских древностей и в слоях Новгорода конца XI–XIV вв. [Арциховский А.В. 1930. С. 21; Левашова В.П. 1967. С. 236; Седова М.В. 1981. С. 113], в верхневолжских и верхнеднепровских памятниках второй половины XII–XIII вв. [Рябинин Е.А. 1986. С. 65]. Лунница из этого погребения (прил. 2, рис. 70–*4*) относится к типу круторогих [Седова М.В. 1981. С. 24] или узкорогих [Успенская А.В. 1967. С. 103]. Время их наибольшего распространения XI–XII вв. [Успенская А.В. 1967. С. 103], В. Гольмстен датировала их, в основном, XII в. [Гольмстен В. 1914. С. 95–98], а в слоях Новгорода они встречены в XII–XIII вв. [Седова М.В. 1981. С. 24]. Монетовидные привески (прил. 2, рис. 70–*13*) также получили распространение на других территориях в XII–XIII вв. Точная аналогия подвеске из погребения 22 опубликована Е.А. Рябининым среди материалов Костромского Поволжья и датирована XII–XIII вв. [Рябинин Е.А. 1986. Табл. IV–*13*, с. 73]. Этой же дате соответствуют рубчатые перстни (прил. 2, рис. 70–*6, 7*) и бусинные височные кольца. Погребение 22 одновременно погребению 24 (прил. 2, рис. 71), в котором найдены браслеты со свернутым в трубочку концом, подвески-лунницы, пластинчатые застежки с соединенными концами.

На основании рассмотренных находок хронологические рамки памятника возможно установить в пределах XI–XIII вв.

Починковский могильник

Расположен на восточной окраине д. Починок Юринского района Республики Марий Эл, на мысу, образованном краем высокой (34 м) коренной террасы левого берега р. Волги и оврагом.

По вещевому инвентарю (браслеты, подвески–лунницы, литые пластинчатые коньковые подвески, рубчатые перстни, овальные кресала с прорезью и т.д.), имеющему широкие аналогии в Костромском Поволжье, Новгородских древностях и памятниках Северо–Восточной Руси, Г.А. Архипов вполне убедительно датировал памятник XII–XIII вв. [Архипов Г.А. 1977. С. 118; 1986].

Руткинский могильник

Памятник расположен на юго-западной окраине бывшего п. Руткинский леспромхоз Горномарийского района Марийской республики на дюнном всхолмлении боровой террасы левого берега р. Волги.

Среди вещевого комплекса значительное место занимали изделия XII–XIII вв., на основании чего Г.А. Архиповым могильник полностью отнесен к XII–XIII вв. [Архипов Г.А. 1986].

Проанализировав повторно вещевые комплексы из каждого погребения, можно сделать вывод, что материалы этого памятника неоднородны.

Погребения из раскопок 1958 года имеют более ранний облик. Основой для датировки погребения 1 могут служить бусы. В составе ожерелья обнаружены бусы из зеленого стекла с желто-красными глазками или красными глазками с ресничками на белом поле. Аналогичные бусы в северной Европе бытовали в X – начале XI в. [Callmer I. 1977. S. 87]. Не позднее XI в. следует датировать и погребение 1 из раскопок 1969 года (прил. 2, рис. 73Б), в котором обнаружены аналогичные глазчатые бусы, обломок дирхема и фрагмент подвески в виде прямоугольной планки с шумящими подвесками (прил. 2, рис. 73Б–*14*). Синхронны им желтые глазчатые бусы в погребении 2 из раскопок 1969 года.

Достаточно ранний облик имеет погребение 16 из раскопок 1971 года (прил. 2, рис. 76*А*). Здесь обнаружены глазчатые бусы сургучного цвета, имеющие глазки аналогичного цвета, заключенные в белый ободок (прил. 2, рис. 76А–*9*). И. Калмер подобные бусы из памятников Скандинавии объединил в группу Bp, а белая бусина с красными глазками в черных ресницах близка изделиям, объединенным И.Калмером в группу h, распространенным на севере Европы в конце X – начале XI вв. [Callmer I. 1977. S. 85]. Этой же дате соответствует грушевидный крестопрорезной бубенчик и витой браслет с завязанными концами (прил. 2, рис. 76А–*5,8*).

Завязанный витой браслет позволяет этим же периодом датировать погребение 44 (прил. 2, рис. 76Б–*4*). Аналогичный браслет найден также в погребении 46. Грушевидный бубенчик с крестовидной прорезью и дирхем свидетельствуют также о достаточно раннем возрасте (XI в. – не позднее н. XII в.) этого погребения.

Ранние погребения располагаются достаточно компактными скоплениями в южной части дюны (погребения 1, 3 1958 года, погребения 1, 2, 16 из раскопок 1969–1971 годов), а также на северной оконечности этой дюны (погребения 44–46).

В центральной части раскопа находятся погребения, имеющие твердую дату XII–XIII вв. Так, в погребении 17 найдена замкнутая лунница (прил. 2, рис. 74–*4*). Подобные изделия в древнем Новгороде появились не ранее рубежа XII–XIII вв. и получили распространение в XIII в. [Седова М.В. 1981. С. 24]. Этим же временем они датируются в Костромских курганах [Рябинин Е.А. 1986. С. 72]. Синхронно луннице височное кольцо с тремя бусинами. Бусины вытянутых в форме желудя очертаний имеют в месте спайки нить скани (прил. 2, рис. 74–*2*). Подобные изделия в Костромском Поволжье бытуют в XII–XIII вв. [Левашова В.П. 1967. С. 19]. Пластинчатый браслет с зауженными, загнутыми в трубочку, концами (прил. 2,

рис. 74–*5*) имеет наибольшее распространение с конца XII до конца XIII вв., о чем речь шла при характеристике Выжумского III могильника.

Такой же браслет (прил. 2, рис. 75–*7*) обнаружен в погребении 23 с рубчатым перстнем (прил. 2, рис. 75–*1*) и шаровидным бубенчиком с щелевидной прорезью (прил. 2, рис. 75–*2*). Рубчатые и ложновитые перстни наибольшее распространение получают в XI–XIII вв. [Рябинин Е.А. 1986. С. 66; Недошивина Н.Г. 1967. С. 264; Седова М.В. 1981. С. 122]. Шаровидные бубенчики с щелевидной прорезью и пояском из концентрических линий датируются концом XI–XIV вв. [Мальм В.А., Фехнер М.В. 1967. С. 136].

В погребении 21 обнаружен витой перстень с петлевидными концами, которые в слоях Новгорода относятся к периоду от 30-х годов XII в. до конца XIII в. [Седова М.В. 1981. С. 125].

Основой для датировки погребения 33 может служить трехпроволочный витой браслет с обрубленными концами. М.В. Седова считает их этноопределяющим признаком новгородских словен и отмечает время наибольшего употребления в 70-е годы XII в. – 60–70-е годы XIII в., хотя они встречаются и в XI в. [Седова М.В. 1981. С. 96; Седов В.В. 1982. С. 178–179].

К числу погребений, оставленных не ранее XII в., относится и погребение 5, где найдена лопастная сюльгама (прил. 2, рис. 73А–*5*), время бытования которой по мордовским древностям определяется XII–XIV вв. [Алихова А.Е. 1958; Беляев Я.В., Вихляев В.И., Зеленцова О.В., Шитов В.Н. 1998].

Таким образом, Руткинский могильник, подобно Выжумскому III, функционировал с XI по XIII вв.

Юльяльский могильник

Расположен на стрелке мыса, образованного правым берегом р. Большой Сундырь и правобережной волжской надлуговой террасой недалеко от д. Юльялы Горномарийского района Республики Марий Эл на краю Юльяльского селища.

Памятник был раскопан и предварительно датирован в пределах XIV–XV вв. В.В. Никитиным [Никитин В.В. 1992. С. 160].

Наибольший интерес для датировки представляют находки двух крестов (прил. 2, рис. 78–*8, 9*). Крестик литой из оловянистой бронзы размерами 18 х 11 мм имеет треугольное завершение концов с ромбическим углублением. Второй крестик также отлит из оловянистой бронзы с трехлепестковыми криновидными концами и ромбиком в средокрестии. Подобные кресты широко бытовали в русских средневековых древностях [Седова М. В. 1981. С. 49–55].

Первый крестик относится к началу XIV в., а второй укладывается в хронологические рамки с XIV по начало XV в. [Седова М. В. 1981. С. 54]. Перстнеобразные височные кольца с загнутым концом (прил. 2, рис. 78–*6*) также не выходят за пределы начала XV в. [Седова М.В. 1981. С. 13–15]. Здесь также обнаружена западноевропейская монета с именем короля Эрдели (987–1016 гг.), но чекан обратной стороны с мальтийским крестом не ранее XIV в. [Никитин В.В. 1992. С. 159]. В.В. Никитин объединяет этот памятник в один круг с Мари-Луговским кладбищем [Никитин В.В. 1992. С. 160]. На основании перечисленных выше находок следует согласиться с датой могильника в пределах XIV–XV вв.

Красноселищенское I селище

Селище находится на первой надлуговой террасе правого берега р. Суры в центре д. Красное Селище Горномарийского района Республики Марий Эл.

Среди датирующего материала особого внимания заслуживают находки нескольких ключей от пружинных замков. Один из ключей (прил. 2, рис. 77–*15*) по типологии новгородских древностей Б.А. Колчина относится к типу В, бытовавшему со второй половины XII в. до конца XIV в. [Колчин Б.А. 1959. С. 62, рис. 70]. Два экземпляра (прил. 2, рис. 77–*14*) относятся к изделиям типа В варианта 1, распространенным с конца XII в. до рубежа XIV–XV вв. [Колчин Б.А. 1959. С. 87]. Один из ключей имеет на стержне прорезь для контрольного штифта и укладывается в тип В варианта 2 [Колчин Б.А. 1959. С. 86], датированный XIII–началом XV вв. К ключам типа Г [Колчин Б.А. 1959. С. 87], бытующим в лесной полосе с конца XIII до середины XV вв., относится ключ с обычной лопастью и плоским стержнем (прил. 2, рис. 77–*13*). Большинство представленных типов перестают использоваться уже в начале XV в. В яме 23 на глубине 10 см была обнаружена одна половинка от медного замка в форме лошадки с четко выраженными ушками и пуансонным орнаментом на поверхности (прил. 2, рис. 77–*6*). Аналогичные предметы обнаружены на поселении золотоордынской эпохи Дамба II, датированном XIV в. [Руденко К. 1999. С. 67, рис. 6–*22*]. Замочек в форме единорога с аналогичным оформлением обнаружен в слоях XII–XIII вв. Биляра [Кокорина Н.А. 1983. С. 64, рис. 3–*26, 27*].

На основании вышеописанных находок селище возможно датировать концом XIII–XIV вв. Керамический и другие материалы (пряжка, медная сюльгама, подвеска с изображением святого, медные щитковые перстни и т.д. (прил. 2, рис. 77–*1–12*) из культурного слоя не противоречат этой дате [Никитина Т.Б. 2000].

Сауткинское селище

Расположено в 100 м к юго-востоку от восточной окраины д. Сауткино Горномарийского района Республики Марий Эл на мысовидном останце коренной террасы левого берега р. Большой Сундырь, правого притока р. Волги.

Памятник возможно датировать по цилиндрическому замку новгородского типа Г с усиленным донцем и ключевым отверстием, закрытым вертикальными щитками [Никитина Т.Б. 1995. Рис. 2–*1*], бытовавшим с конца XIII в. до второй половины XV в. [Колчин Б.А. 1959. С. 82–83, 87].

Юльяльское селище

Памятник расположен на надлуговой террасе правого берега р. Большой Сундырь в месте впадения в р. Волгу напротив д. Юльялы Горномарийского района Республики Марий Эл.

Основой для датировки послужили вещи из черного и цветного металла. На селище обнаружен железный пинцет из двух удлиненных пластинок, имеющих пружинящее скрепление на одном из концов [Никитина Т.Б. 1991. Рис. 4–*10*]. Длина пинцета 12 см. Пинцет близок типу I пинцетов по классификации Б. А. Колчина и по новгородским древностям датируется X–XIV вв. [Колчин Б.А. 1959. С. 21, рис. 9; с. 22]. Наконечник стрелы подромбической формы с наибольшим расширением в нижней части (прил. 2, рис. 78–*13*) имеет уплощенно-ромбическое сечение и слабый четырехгранный черешок, широко бытует вплоть до позднего средневековья во всей лесной зоне Восточной Европы. Фрагмент кольчатых односоставных слегка изогнутых удил (рис. 78–*12*) датируется XII–XIII вв. [Древняя Русь... 1985. С. 359, рис. 10].

На селище обнаружены замок и два ключа. Замок навесной, цилиндрический с прорезью для плоского ключа (прил. 2, рис. 78–*1*). По новгородским древностям аналогичные изделия типа Г бытовали с конца XIII в. до второй половины XV в. [Колчин Б.А. 1959. С. 82, рис. 68, 70–Г]. 3 экземпляра височных колец изготовлены из круглой бронзовой проволоки и относятся к разделу перстнеобразных (прил. 2, рис. 78–*6*). У двух колец один конец загнут в спираль. Аналогии этим украшениям в новгородских слоях [Седова М.В. 1961. С. 13] и памятниках Северной Руси [Левашова В.П. 1967-а. С. 151] датируются периодом с конца XI до начала XV вв., в Такталачукском могильнике – XIV в. [Казаков Е.П. 1973. С. 64, рис. 33–*4, 5, 29*]. Найденные 2 креста возможно связывать и с селищем, и с могильником, расположенным рядом. Один крест имеет массивное ушко для подвешивания (прил. 2, рис. 78–*8*). Концы несколько ско-

шены, им придана треугольная форма, лицевая часть на концах углублена. Подобные кресты в Новгороде встречены в слоях начала XIV в. [Седова М.В. 1961. С. 54]. Второй крестик с трехлепестковыми криновидными концами (прил. 2, рис. 78–*9*) укладывается по новгородским древностям в хронологические рамки с начала XIV до начала XV вв. [Седова М.В. 1961. С. 54].

Важной находкой является серебряная монета с четкой арабской надписью Хакан Тохта (1291–1312 гг.), чеканенной в Сарае (ал-Махруса в 710 г. х., то есть 1310–1311 гг.). Монета обрезана до 0,66 г. Такой вес был у монет конца XIV – начала XV вв.

Важнангерское (Мало-Сундырское) городище

Городище расположено в 600 м к северо-востоку от д. Важнангер Горномарийского района Республики Марий Эл на высокой правобережной террасе р. Волги на стрелке, образованной правым берегом р. Волги и левым берегом р. Малый Сундырь.

Для датировки значительный интерес представляют находки ключей (прил. 2, рис. 79–*13–15*). В раскопе 1964 года обнаружены пружинный замок по новгородским древностям типа Г и два коленчатых ключа от замка такого же типа [Хлебникова Т.А. 1967. С. 162], датированных концом XIII – серединой XV вв. [Колчин Б.А. 1959. С. 87], коленчатый ключ варианта 1 типа В датирован Б.А. Колчиным концом XII – серединой XV вв. [Колчин Б.А. 1959. С. 87, рис. 67, *6*]. В раскопе 1999 года найден ключ от пружинного замка типа Ж, которые появились в Новгороде в конце XIV в. и бытовали весь XV в. [Колчин Б.А. 1959. С. 84, 87]. В раскопе 1983 года найдена одна половинка от медного замка в форме лошадки с четко выраженными ушками и пуансонным орнаментом на поверхности (прил. 2, рис. 79–*5*), близкая изделиям с описанного выше Красного Селища. Кресты (прил. 2, рис. 79–*1–3*) с концами в виде трилистника повторяют формы древнерусских изделий XII – начала XV вв., имеют аналогии среди находок Никулицына городка [Макаров Л.Д. 1996. С. 32, 39], по новгородским древностям относятся к началу XV в. [Седова М.В. 1981. С. 49–55]. Дату памятника уточняют находки двух золотоордынских монет XIV в. и двух русских XIV–XV вв. [Хлебникова Т.А. 1967. С. 162]. Монета из раскопок 1999 года определена Мухаметшиным. Она была чеканена в Сарае ханом Джанибеком и датируется 1350–51 годами, была обрезана под вес XV в. Русская монета чеканена в княжение Василия Димитровича XIV в.

Таким образом, городище следует датировать XIV–XV вв.

Характеристика этапа

Процесс социального и экономического развития прерывается в начале XII вв. и последующий период, вплоть до середины II тысячелетия, можно назвать «темным пятном» в истории Волго-Вятского междуречья. Сокращается количество археологических памятников, которые сосредоточены, в основном, по обоим берегам Волги от устья р. Суры до устья р. Кокшаги и низовьях р. Суры и р. Ветлуги.

Население, оставившее Выжумский II и III, Руткинский могильники, в целом наследует традиции предшествующего периода в развитии погребального обряда, украшений и орудий труда, изученные по комплексам Веселовского, Черемисского, Дубовского и других могильников, что позволяет их отнести к культуре древних мари.

В погребальном обряде преемственность выражена в топографии памятников, размерах и внутреннем устройстве могильных ям, ориентировке погребенных, положении рук, наличии кладов вещей в могилах и жертвенно-ритуальных комплексов в межмогильном пространстве (см. Глава 3, § 1). В инвентаре также наблюдается значительное количество однотипных изделий: головные медные цепочки, накосники, наборные пояса, монеты в составе украшений, подвески с треугольной основой, пластинчатые, преимущественно, тупоконечные браслеты, полые подвески-птички, подковообразные фибулы, широколезвийные с двумя парами треугольных щековиц и круглым обухом топоры, калачевидные кресала и т.д. (прил. 2, рис. 31). Материалы поселений этого периода дают богатые керамические комплексы, которые также, в основной массе, представлены горшковидными сосудами усеченно-конической формы, изготовленными из глины с примесью шамота и дресвы. Нужно отметить, что в этот период состав формовочных масс становится более разнообразным, значительный процент составляют сосуды с органической примесью, которая встречается самостоятельно, а также в сочетании с шамотом или дресвой.

Тем не менее, при очевидном сходстве памятников IX–XI и XII–XIII вв. в их материалах невозможно не заметить значительных различий, требующих объяснений. Исчезли захоронения с трупосожжением, ингумация стала единственным способом погребения. Постепенно проходит мода на сложные крупные шумящие украшения, в костюмном комплексе уменьшилось количество металлических изделий; возможно, их заменила вышивка. Преобладающими становятся украшения, отлитые в жестких формах, в де-

коре значительно шире используется техника зерни. Изделия южного импорта вытесняются украшениями западных образцов (преимущественно мерянского, а также славянского типов). В костюмный комплекс марийской народной одежды входят бусинные височные кольца, пластинчатые загнутоконечные и оттянутоконечные браслеты, рубчатые и ложновитые перстни, подвески в форме пирамидки из колец и спиралей, шаровидные привески-бубенчики и т.д. Значительные изменения фиксируются и в наборе предметов домашнего обихода и орудий труда. Наиболее распространенными типами становятся овально-удлиненные с зубчатой или расширяющейся на концах прорезью кресала, топоры с треугольными щековицами (прил. 2, рис. 31). На территории расселения марийских племен появляются предметы христианского культа: энколпион на Васильсурском V городище, кресты в районе расположения Юльяльского селища и могильника, на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище, нательная подвеска-иконка на селище у д. Красное Селище. Наблюдаются новации и в ремесленном производстве. На поселениях и могильниках, наряду с лепной традиционной керамикой, присутствует иная, гончарная, посуда с оттянутыми венчиками, украшенная волнистыми и параллельными горизонтальными линиями, изготовленная из глины по местным традициям с примесью дресвы и шамота. На селищах (Юльяльское, Красное Селище) и городищах (Васильсурское V Репище) прослежены остатки срубных домов с печным отоплением.

Особым своеобразием отличается Починковский могильник. Несмотря на значительную близость этого памятника с вышеупомянутыми могильниками, при его этнокультурной интерпретации следует отметить ряд особенностей, отличающих его от древнемарийских захоронений XII–XIII вв. Прежде всего, обращает на себя внимание то обстоятельство, что в составе погребальных комплексов Починковского могильника нет украшений, отражающих преемственность с предшествующим периодом и являющихся этноопределяющими признаками древнемарийской культуры, таких, как головные цепочки, браслетообразные височные кольца, накосники, умбоновидные и каплевидные шумящие подвески; в составе шумящих украшений не используются колоколовидные привески и грушевидные бубенчики с крестовидной прорезью. В то же время именно этот памятник дает разнообразные категории украшений мерянского круга (двухглавые наборные коньки, рамчатые треугольные подвески и подвески из колец, спаянных в форме пирамидки, плоские застежки-сюльгамы со спаянными концами), а

также изделия, характерные для славянизированных костромских финно-угров (монетовидные подвески, лунницы, обмотанные гривны с плоскими загнутыми концами) [Археология Костромского края. 1997. Рис. 37–*39*].

Появление вещей волжских финнов в марийских памятниках явление не исключительное. В могильниках предшествующего периода мы неоднократно фиксируем вещи мерянского, муромского, мордовского, иногда славянского происхождения. В могильнике Нижняя Стрелка найдено височное кольцо мерянского образца и гривны радимичского типа, а в Дубовском – муромское височное украшение в форме лунницы, в других могильниках достаточно часто встречались височные кольца с одним закрученным концом (10 экз.), характерные для Костромского Поволжья, и т.д. Начиная с XII в. это явление приняло более широкие масштабы.

Близость могильников Поветлужья XII–XIII вв. с памятниками костромских финно-угров неоднократно отмечалась исследователями [Горюнова Е.И. 1961. С. 244–248; Архипов Г.А. 1986. С. 93; Рябинин Е.А. 1986. С. 192–193]. Основываясь на значительном отличии костромской мери от летописной (центральной или владимирской) группировки и ее языковой и культурной близости с ветлужской группой мари, Е.И. Горюнова признает даже возможность языковой общности костромских финно-угров и ветлужских мари [Горюнова Е.И. 1967. С. 78].

Резкое увеличение мерянских вещей, а также изделий славянских типов в Поветлужье в XII–XIII вв. трудно объяснить только культурными или торговыми контактами населения двух регионов [Горюнова Е.И. 1961. С. 244–248; Архипов Г.А. 1986. С. 93; Рябинин Е.А. 1986. С. 192–193] и даже традиционными связями, фиксируемыми для Поветлужья и Костромского Поволжья с эпохи раннего железного века [Рябинин Е.А. 1997. С. 195; Патрушев В.С. 1992. С. 148].

Более вероятно, что это явление связано с непосредственным появлением в Поветлужье переселенцев со стороны Костромского Поволжья.

События конца XI в. (в частности волнения смердов в Суздальской земле 1071 г.) подтверждают, что финно-угорское население восприняло славянскую культуру неоднозначно [Корсаков Д.А. 1872. С. 24–28].

Определенная часть финно-угорского населения, не принявшего славянскую культуру, уклад жизни и иное вероисповедание, уходит на восток. По этому поводу Казанский летописец писал:

«Наполни такими людьми землю ту еще ина черемиса, зовомая остяки, тое же глаголют ростовская чернь, забежавши та от крещения русского в болгарских жилищах» [Сказание о царстве Казанском. 1959. С. 27].

Е.П. Казаков неоднократно подтвердил эти свидетельства материалами домонгольских булгарских селищ и Танкеевского могильника [Казаков Е.П. 1985. С. 32], среди которых фиксировались комплексы волжско-финских вещей.

Существуют многочисленные легенды о том, что часть убежавших мерян поселилась на черемисских землях. В.О. Ключевский ссылается на предание XVII в., в котором говорится, что «часть языческого, очевидно, мерянского населения Ростовской земли, убегая от русского крещения, выселилась в пределы Болгарского царства на Волгу к родственным мери черемисам» [Ключевский В.О. 1987. С. 299]. Аналогичные легенды упоминаются в прошлом столетии Д.А. Корсаковым [Корсаков Д.А 1872. С. 30–31]. Близкие научные позиции по материалам фольклора подтверждены серией конкретных примеров В.А. Акцориным и Н.В. Морохиным [Акцорин В.А. 1990. С. 70–71; Морохин Н.В. 1994. С. 20].

К этой точке зрения склоняются и некоторые языковеды. Опираясь на антропонимы, С.Я. Черных не исключает возможности включения мерянских и муромских родов в этнический состав марийцев [Черных С.Я. 1980]. О.Б. Ткаченко, считая марийский и мерянский языки самостоятельными, отмечает их значительное сходство: при усвоении русского языка как для марийского, так и для мерянского характерно смешение звуков «б» и «в» [Ткаченко О.Б. 1985. С. 29], к особенностям консонантизма мерянского языка, северо-западного и горного говоров марийского языка относятся черты ротацизма, заключающиеся в появлении «р» перед «з» или вместо первоначального «д» [Ткаченко О.Б. 1985. С. 35].

В XII в. в связи с развернувшейся «крестьянской и феодальной (княжеской) колонизацией» Волго-Окского междуречья племена мери и муромы на основной территории их проживания уже полностью утратили свою самобытность. Значительная часть их была ассимилирована и оставила существенный след в культуре русского населения. «Финно-угорские коллективы, оказавшиеся вне зоны ранней древнерусской колонизации, еще длительное время сохраняли этническую самобытность» [Рябинин Е.А. 1997. С. 186, 196]. Более затяжной характер носила аккультурация финно-угров, обитавших на левобережье Костромского региона. По материалам костромских кладбищ ославяненные финно-угры отмечены Е.А. Ря-

бининым вплоть до XII–XIII вв. Приволжские чудские группировки полностью ассимилировались лишь к концу XIII в. [Рябинин Е.А. 1986, С. 110; 1997. С. 196]. Многокомпонентность «субстратной» культуры Костромского края и не однозначная интерпретация в определении дославянских обитателей края отмечена исследователями неоднократно [Рябинин Е.А. 1997. С. 195; Археология Костромского края. 1997. С. 177]. Некоторые из них признавали это население мерянским, несмотря на его отличия от основной мерянской культуры [Горюнова Е.И. 1961. С. 244–248; Попов А.И. 1974. С. 24–25], другие считали, что название «меря» по отношению к дорусскому населению Среднего Поволжья появилось позднее [Рябинин Е.А. 1997. С. 195; Археология Костромского края. 1997. С. 177]. Сохранение названия в более поздний период все же является косвенным доказательством наличия в составе этого населения определенных групп мерянских (или их потомков) племен.

Передвижение переселенцев на восток происходило, очевидно, небольшими семьями или их группами. Дошедшие до Поветлужья первопоселенцы смешались с родственными марийскими племенами, полностью растворившись в этой среде. Ассимилируясь среди марийского населения, пришельцы принесли свои культурные традиции, что способствовало некоторому изменению внешнего облика марийской культуры, о чем свидетельствуют памятники XII–XIII вв., особенно Починковского могильника.

Учитывая сложный характер славянской колонизации Костромского Поволжья и участие в ней наряду со славянами западных и северных финнов [Рябинин Е.А. 1997. С. 165, 188], неудивителен приток в Поветлужье совместно с мерянскими и славянскими вещами также изделий северо-западных финнов (сюльгамы со спаянными головками, серия орнаментальных композиций на погребальной посуде, металлические бусы-флаконч ики и т.д.). Поэтому вполне объяснимо значительное отличие марийских могильников XII–XIII вв. от памятников предшествующего периода.

В конце предмонгольского или начале золотоордынского периодов часть булгарского населения переходит на левобережье. Значительный интерес для выяснения этнической ситуации в регионе представляют Горношумецкой (12 погребений) и Мари-Луговской (35 погребений) могильники. Оба могильника почти безынвентарны, а по погребальному обряду близки булгарским захоронениям XII–XIV вв. К этому же периоду относятся неоднократные находки булгарской керамики на Васильсурском V и Важнангерском (Мало-Сундырском) городищах, Сутырском, Юльяльском

селищах, расположенных по обоим берегам р. Волги. Одновременны им или чуть ранее Мари-Луговское и Отарское булгарские селища.

Прочных этнических связей между местным населением и булгарами, вероятно, не происходило. Этому не способствовали и различные религии народов. Хозяйственно-культурные контакты отрицать не приходится, о чем свидетельствуют материалы погребального обряда [Михеев А.В. 2000-а] и новации в хозяйственной деятельности местного населения, фиксируемые уже в последующий период развития марийского этноса.

В начале 30–х годов XIII в. в Среднем Поволжье появились монголо-татары, разрушившие города Волжской Булгарии и опустошившие земли поволжских народов, в том числе и марийцев. Плано Карпини в XIII в. писал о том, что монголы совершенно разорили Булгарию, подчинили Русь, мордву и «много земель захваченных, но имена их мы не знаем» [Очерки истории Марийской АССР. 1965. С. 53]. Как свидетельствует марийский народный фольклор, в большей степени пострадало население горной правобережной стороны р. Волги. Основная масса марийского населения в XIV в. покидает обжитые ранее места, спасаясь на луговой стороне, недоступной конникам монголо-татар. В это время перестают функционировать известные по р. Волге и в устье р. Ветлуги могильники. Переход к новой, так называемой «илемной» системе расселения, предполагающей создание небольших поселений из 1–3 дворов, позволяет надежно укрыться среди болот и лесов левобережья, но и трудноуловим для археологов. Неудивительно, что до нас об этом периоде дошли лишь слабые сведения в виде отдельных находок у д. Чкарино (Ашкарино) и Чумбари в Советском районе, находки у починка Николаевское, д. Шелангер Звениговского района, Кокремские и Нуршаринские находки вещей, Светинский, Сосновский, Русско-Уртемский клады монет в Моркинском районе Республики Марий Эл. Часть селищ вдоль Волги (Починковское II, Удельно-Шумецкое, Волоконное, Красное Селище) продолжает существовать до XV в.

Население проживает, в основном, на селищах. Количество городищ резко сокращается, но изменяется их функциональное назначение; из убежищ они превращаются в административные, торговые, религиозные центры, а также становятся сторожевыми пунктами и крепостями: Шорсолинское городище на р. Немда в Куженерском районе служило форпостом северо-восточной границы марийских земель, Успенское на левом берегу Волги в Воскресенском районе Нижегородской области – западным, Важнангер-

ское (Мало-Сундырское) и Васильсурское V – южными. О наличии укрепленных городищ у Малмыжа и Буртека на р. Вятке свидетельствуют многочисленные легенды и предания [Спицын А.А. 1893].

Сложная военно-политическая обстановка приводит к нарушению стабильного развития региона, что отрицательно сказывается на социальном и экономическом развитии местных народов. Изолированность, с одной стороны, способствует размыванию этнографических признаков марийской культуры, а, с другой стороны, приводит к тому, что экономические, политические и культурные связи между различными группами марийского населения ослабевают. Об этом свидетельствует следующий факт: имена марийских вятских князей (Чумбулата в Кукарке, Шурана или Тукана Шуре около Шурмы, Акпатыра в Китяке) неизвестны волжским марийцам [Акцорин В.А. 1967. С. 122]. Такая изоляция способствует усилению различий между горными и луговыми мари.

4 этап – XVI – XVII вв.

Территория и памятники (прил. 2, рис. 80). Судя по расположению археологических памятников, к XVI в. марийцы, в основном, занимали территорию, близкую современной. Наиболее плотно были заселены правобережье Волги, бассейны рек Илети, Большой и Малой Кокшаг, левый берег среднего течения р. Вятки. Известные археологические памятники представлены языческими кладбищами сельских жителей. Поселения этого периода не известны археологам по ряду причин. Большинство из них находилось под современными марийскими деревнями, и поэтому разрушены. Керамика, основной материал при обнаружении памятника, представлена гончарными горшками с рынков и не имеет этнической выразительности.

Памятники: Пайгусовский, Салмандаевский I и II, Юнга-Кушергинский, Заовражно-Пертнурский, Паратмарский, Лузинский, Юнга-Пернянгашский, Пальтикинский, Чермышевский, Картуковский, Кадышевский 1, Кадышевский II, Замятинский, Янгосовский, Важнангерский, Мало-Сундырский, Иваногорский, Волна, Владимирский, Кукшлидский, Большепольский, Выжумский I, Троицкие Выселки, Отарский, Широкундышский, Сидельниковский, Кокшамарский I и II, Сметанинский, Большеоршинский, Малокугунурский, Акашевский, Аксаркинский, Цибикнурский, Шойбулакский, Ошламучашский, Шоядурский, Арзебелякский, Чувашотарский, Верхушнурский, Кораксолинский, Немецсолинский, Юшут-

турский, Весьшургинский, Коркатовский, Аринский, Маламашский, Ердурский, Кокремский, Кучко-Памашский, Нуръял-Карамасский, Марикужерский, Ташкичу, Досюмский, Кунгерский, Кубянский, Шопнерский, Яраморский I, Яраморский II, Алексеевский, Шӱгар ӱмбал у д. Полевая, у д. Часовенная, Петъяльский, Русско-Луговской, Ахпайский, Сардаяльский, Пижмарский, Ройский, Тюм-Тюмский, Биляморский, Уржумнолинский, Нижнетурекский, Лопьяльский, Большеруяльский, Кугушеньский, Шараганурский, Нуръяльский, Шинурский, Кожласолинский, Марисолинский, Большекульшинский, Грековский, Тоншаевский могильники и т.д.

Характеристика этапа. В погребальном обряде языческие черты по-прежнему занимают доминирующее место. Погребения совершены в ямах прямоугольных форм. Костяки лежали в вытянутом положении головой на север, северо-запад или запад. В засыпи могильных ям зафиксированы угли, а под погребенными подстилки из войлока, дерева, соломы. Погребенные уложены в лучших одеждах с большим количеством украшений. В могилах обнаружены также орудия труда, оружие, котлы. Но в погребальном обряде уже заметны новые элементы, свидетельствующие о переменах в мировоззрении. С распространением христианской веры и укреплением связей с русскими в обряд захоронения входит западная ориентация покойников, которая с середины XVII в., особенно у горных мари, становится преобладающей. В этот период, очевидно, появляются представления марийцев о стране умерших на западе. Все чаще удается зафиксировать уложенные на груди, иногда скрещенные, руки. Могильные ямы становятся глубже. В этот период складывается этнографический костюм, бытующий до XX в. Шарпан-нашмак, височные украшения-лунницы и в форме несомкнутого кольца, один конец которого загнут внутрь и имеет дополнительные привески, шейные украшения-воротники, пластинчатые застежки-сюльгамы с геометрическим орнаментом из насечек, нагрудные декоративные украшения типа «ширкамы» и «почкамы», овальнощитковые перстни с нарезным орнаментом, накосники «юпинэ» найдены в массовом количестве в марийских могильниках и являются их этноопределяющим индикатором марийской культуры. В костюмном комплексе существенно сокращается использование металлических украшений. Традиционные сюжеты (уточки, коньки, вода и т.д.) из металлической пластики перенесены в орнаментацию вышивки. В составе украшений стали использоваться монеты или подражания им, бусы и позумент.

Преобладают украшения, изготовленные методом холодной ковки.

По особенностям погребального обряда и материальной культуры четко фиксируются локальные группы марийских памятников, которые соответствуют известным до настоящего времени этнографическим группам марийского народа. «Две бо черемисы бе в Казанской земле, а языка три ...едина убо черемиса об сю сторону Волги сидит, промеж великих гор, по удолиям и словет горная, другая же черемиса об ону сторону Волги живет и та ся наречет луговая, низоты ради и ровности земли тоя и вся те люди землепашцы и трудницы» [Казанская история. 1954. С. 86].

Группа горных мари представлена 28 памятниками на правом берегу Волги в пределах современного Горномарийского района Республики Марий Эл и двумя могильниками (Большепольский, Выжумский) на р. Ветлуге. Рекогносцировочные или стационарные работы проводились на девятнадцати могильниках, в результате раскопано 564 погребения. К этому кругу памятников близки одновременные могильники на территории современного проживания чуваш-вирьял и анат-енчи [Шикаева Т. 1985-а].

Левобережье Волги, центральные районы современной Республики Марий Эл, бассейны рек Большой и Малой Кокшаги, Илети, правобережных притоков Средней Вятки в XVI–XVII вв. населены луговыми марийцами. На этой обширной территории марийские памятники имеют локальные различия, потому они разделены на собственно луговые и вятские. К луговым отнесены 46 могильников по левобережью р. Волги в бассейнах рек Большой и Малой Кокшаг, Илети. Археологическими раскопками на шестнадцати могильниках вскрыто 344 погребения.

В бассейне р. Вятки известно 13 марийских могильников, расположенных по речкам Ноля, Уржумка, Буй, Пижма. На пяти из них изучено 360 погребений конца XVI–начала XVIII вв. Большое количество захоронений в бассейне р. Вятки обнаружено и изучено Камско-Вятской экспедицией Удмуртского госуниверситета, но материалы их полностью, к сожалению, пока не опубликованы.

Марийское население всех групп имело общий уровень социально-экономического развития, одинаковый хозяйственный уклад, близкую материальную культуру и идеологические представления.

Однако, этнографические группы марийского народа четко различаются по женскому головному убору: «шурке», «сороке» и «шарпан-нашмаку». В отдельных погребениях горной стороны середины XVII в. найдены кресты. Аналогичные процессы, но в более

вялой форме, происходят и в среде луговых мари. До середины XVII в. луговые марийцы хоронили умерших, в основном, головой на запад или северо-запад, а головой на северо-запад-запад положено лишь 9% погребенных. В могильниках второй половины XVII–XVIII вв. количество погребений с западным положением умерших увеличивается до 22,5%.

Различия между этнографическими и локальными группами марийских памятников объясняются не столько особенностями формирования марийской народности, но этнокультурными и торговыми связями на последующих этапах исторического развития.

Народный костюм, реконструированный по материалам марийских могильников, расположенных в центральных районах Республики Марий Эл, как и погребальный обряд этого населения, сохраняет больше традиционных марийских черт, несмотря на то, что эти памятники относятся к довольно позднему периоду. У горных мари проявляется больше общих моментов с западными соседями: мордвой (как эрзей, так и мокшей), русскими. В результате марийско-мордовских контактов в погребальную обрядность марийского населения проникли такие черты, как захоронение женщин и детей с подогнутыми ногами, южная ориентировка погребенных, характерные только для мокшанских захоронений, а в костюмный комплекс были включены разнообразные типы сюльгам и пряжек, особенно из ложновитой проволоки, возможно, головное украшение «ошпу», напоминающее мордовский «венец», и т. д. Более того, марийские могильники с юго-западной ориентировкой (Важнангерский, Замятинский, Паратмарский, Пайгусовский) довольно компактно концентрируются на определенной территории современного проживания горных мари, рядом с которой имеются деревни с типично мордовским топонимом «лей» в названии: Сарлейкино, Шапкилей. Они также имеют ряд других особенностей: вещи в засыпи, кости животных в засыпи и в могиле, значительный процент преднамеренно поврежденного колюще-режущего инвентаря и т. д., сближающих их с мордовскими мокшанскими захоронениями.

Многочисленные общие моменты в материальной культуре и верованиях мари и мордвы-эрзи возможно объяснить историей формирования обоих народов и их многовековыми соседскими контактами. Намного сложнее разобраться в марийско-мокшанских параллелях, хотя не столь многочисленных, как марийско-эрзянские, но достаточно красноречивых. Их нельзя объяснить только совместным развитием обоих народов на ранних этапах истории. Несомненно, что этнокультурные связи мари и мокши относятся ко

II тысячелетию н. э. Например, обряд скорченного захоронения у мордовских женщин появился во II тысячелетии н. э. как заимствованный от кочевых племен [Алихова А.Е. 1958. С. 74]. Естественно, что мари могли перенять этот элемент обряда только при наличии контактов в более поздний период. Уже на материалах Руткинского могильника XII–XIII вв. можно проследить проникновение обряда скорченного захоронения и юго-западной ориентировки в марийскую среду. Видимо, во II тысячелетии н.э. существовали определенные зоны контактов мари и мордвы-мокши. Вероятно, это было связано с инфильтрацией небольших групп мокшанского населения на северо-запад от основной территории их проживания. По свидетельству Т.М. Евсевьева, в середине XIII в. часть мокшанского населения переселилась в приволжские районы к югу от Казани [Козлов В.Н. 1958. С. 48]. Но эта территория могла быть и шире. В северной Чувашии имеется населенный пункт с названием Мокшино, свидетельствующий о прежнем проживании здесь мокши. Согласно карте В.А. Нестерова, мордовская топонимика неоднократно встречалась в правобережье Чувашского Поволжья [Нестеров В.А. 1980. Схема 5], которое могло быть зоной марийско-мокшанских контактов.

Преобладание западной ориентации, появление крестов, наличие глубоких захоронений, в результате влияния русских (особенно христианства) на погребальные языческие традиции местного населения оказались более сильными на горной стороне, население которой издавна поддерживало тесные контакты с русскими, чему способствовала и география проживания на р. Волге этой группы населения. У горных мари не сохранилось преданий о существовании языческих мольбищ.

Своеобразной является группа вятских марийских могильников, занимающая промежуточное положение между горными и луговыми. Ряд элементов – шапочка-«такья», разнообразные височные кольца в форме знака вопроса, ожерелья-воротники, сюльгамы из круглой проволоки, пряжки – сближают их с горномарийскими могильниками. Очевидно, население, оставившее горные и вятские позднесредневековые могильники, имело когда-то непосредственные связи. О том, что марийское население пришло на р. Вятку с р. Волги, свидетельствует и устное народное творчество марийцев: легенды, предания, молитвы. Однако, в погребальном обряде вятские могильники ближе к луговым могильникам. Для них свойственны: северное направление в ориентации умерших, наличие подстилок из войлока, пихтовых и еловых веток под погребенными,

многогранное проявление культа огня и т. д. На территории размещения вятских памятников, подобно луговой, известно много языческих мольбищ XVII–XVIII вв. Новые черты, связанные с влиянием христианства, успевшие проникнуть в горномарийские памятники, в могильниках вятских марийцев не прослеживаются. Вероятно, переход части населения с Волги произошел еще до того времени, когда верования марийцев начали испытывать новые влияния со стороны русской православной веры, т.е. до середины XVI в. Поэтому христианские верования еще не наложили отпечатка на представления будущего вятского населения, и древнеязыческие элементы в похоронной обрядности были перенесены на новую территорию, сохранившись здесь, как и у луговых, на длительное время.

Вятские памятники обладают и некоторыми особенностями: высокие берестяные уборы «шурка», редкое использование декоративных нагрудных украшений и «юпинэ» сближают их с синхронными могильниками удмуртов. Проникновение их в культуру марийских могильников объясняется длительным процессом ассимиляции марийцами древнего удмуртского населения, проживающего на Вятке. Процесс этот в отдельных районах продолжался до XX в.

Со второй половины XVI в. началось переселение части марийцев в Закамские земли и формирование этнографической группы восточных мари [Сепеев Г.А. 1975] (прил. 2, рис. 81).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данная работа, построенная на комплексном анализе всех имеющихся в настоящее время источников, позволила конкретизировать современные научные представления о процессе формирования марийского народа и привести в соответствие взгляды археологов с лингвистическими, этнографическими и фольклорными материалами.

Основные положения работы сводятся к следующему.

Формирование этнических корней марийского народа происходило на родственной с волжскими финнами основе западнее современного проживания марийцев. Младший Ахмыловский и Безводнинский могильники, могильник на Чортовом городище, Сомовское II и ветлужские городища содержат материалы, подтверждающие их сходство с волжско-финскими древностями. К этому же кругу памятников, по всей вероятности, следует отнести Желтухинский могильник. На территорию Ветлужско-Волжского междуречья и прилегающие участки правобережья р. Волги они пришли не ранее середины VI в.

В последующий период (VIII–XI вв.) древнемарийские племена осваивают правобережные притоки р. Вятки, где вступают с проживающим на этой территории пермоязычным населением в этнические контакты, вследствие чего происходит проникновение прикамских традиций в марийскую культуру. Это явление первоначально прослеживается в материалах Кубашевского городища VII–VIII вв., расположенного в междуречье р. Большой и Малой Кокшаг, и отражается в наличии двух групп керамики: древнемарийской плоскодонной с шамотом и круглодонной с органической примесью прикамского облика. Последующие этапы освоения марийцами р. Вятки отражены в материалах Ижевского городища VIII–IX вв., Еманаевского городища VIII–X вв., Лопьяльском, Кочергинском, Юмском могильниках IX–XI вв.. При этом не ис-

ключается некоторое время совместное чересполосное проживание их на одной территории с предками удмуртов.

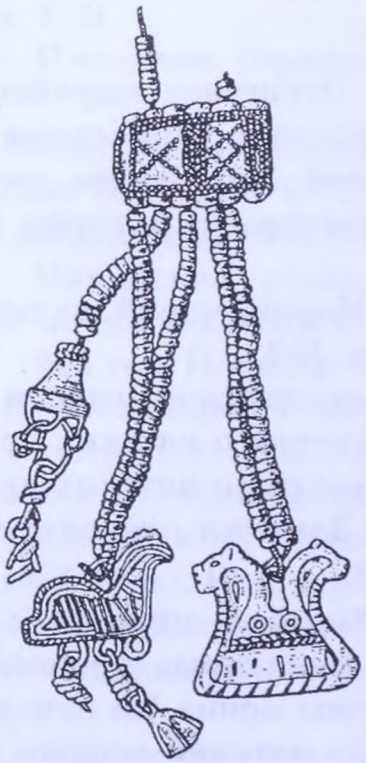
В IX–XI вв. на территории Ветлужско-Вятского междуречья начался процесс этнической консолидации марийской народности. Одним из благоприятных факторов является расцвет в 60–80-е годы X в. Волжской Булгарии, способствующей созданию стабильной ситуации в регионе. Развернутая булгарами торговля с местными племенами давала импульс для экономического развития последних, совершенствования ремесленного производства и других отраслей хозяйственной деятельности. Политическая и экономическая стабильность приводит к расширению территории и заметному росту населения, что подтверждается увеличением археологических памятников этого времени.

События XII–XIV вв. (обострившаяся борьба русских княжеств и Волжской Булгарии за первенство в обладании Волжской речной торговой магистралью, ослабление Волжской Булгарии в золотоордынское время) приводят к нарушению стабильного развития региона, что отрицательно сказывается на социальном и экономическом развитии местных народов. Приближение границ русских земель на западе и северо-востоке приводит к сокращению территории, заселенной марийцами. В условиях нестабильности марийские племена переходят к новой так называемой «илемной» системе расселения, предполагающей создание небольших (1–3 двора) поселений на малых притоках в труднодоступных местах. В настоящее время количество археологических памятников этого времени невелико; известные же памятники представлены различными категориями и многие из них затруднены в этнической интерпретации.

Начиная с XI в., а особенно с XII в., прослежены значительные изменения в материальной культуре и в погребальном обряде, вызванные появлением переселенцев из среды финно-угров Костромского Поволжья и булгар. Небольшие коллективы первых растворились среди родственных марийских племен, повлияв на культуру местного населения. Приход на территорию Ветлужско-Вятского междуречья новых переселенцев, нестабильная ситуация в регионе и переход к новой системе расселения способствуют размыванию этнографических признаков марийской культуры, что делает период XIII–XV вв. трудным для археологического изучения.

Новый виток социально-экономического развития Марийского края наблюдается со второй половины XVI в. уже в составе Российского централизованного государства.

Несмотря на значительный хронологический диапазон рассмотренных древностей (VI–XVII вв.) и своеобразный облик памятников различных периодов, на протяжении всей средневековой эпохи в культуре населения Ветлужско-Вятского междуречья и прилегающего участка р. Волги прослеживается преемственность во многих проявлениях духовной (погребальный обряд) и материальной культуры.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Акцорин В.А. 1967. Этногенез марийского народа по данным фольклора // Происхождение марийского народа. Материалы научной сессии, проведенной Марийским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории (23–25 декабря 1965 года).

Акцорин В.А. 1990. Марий, марий, кушеч тый улат? (откуда ты родом, мари?) // Ончыко. №3.

Альбом древностей мордовского народа. 1941. Саранск.

Алабин П.П. 1864. Заметка о вятских древностях // ВГВ. № 72.

Алабин П.П. 1865. Заметка о вятских древностях // ВГВ. № 56.

Алабин П.П. 1865-б. Заметки относительно древностей Вятского края // ВГВ. № 54–58.

Алихова А.Е. 1949. Мордва и мурома // КСИИМК. Вып. XXX.

Алихова А.Е. 1958. Некоторые хронологические и племенные отличия в культуре мордвы конца I и начала II тыс. н.э. // СА. №2.

Алихова А.Е. 1959. Из истории мордвы конца I – начала II тысячелетия н.э. // Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск.

Алихова А.Е. 1959-а. Серповский могильник // Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск.

Алихова А.Е. 1969. Материальная культура среднецнинской мордвы VIII–IX вв. (по материалам раскопок П.П.Иванова за 1927–1928 годы). Саранск.

Амброз А.К. 1966. Фибулы юга Европейской части СССР (II в. до н. э. – IV в. н. э.) // САИ. Вып. Д 1–30.

Амброз А.К. 1971. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. Ч. I // СА. № 2.

Амброз А.К. 1971-б. Проблемы раннефеодальной хронологии Восточной Европы. Ч. II // СА. № 3.

Анучин Д.Н. **1899. О культуре костромских курганов и особенно о находимых в них украшениях и религиозных символах // МАВГР. М. Вып. III.**

Археология Костромского края. **1997 / Под ред. А.Е.Леонтьева. Кострома.**

Архипов Г.А., Халиков А.Х. **1960. Материалы к археологической карте Марийской АССР (по данным Марийской археологической экспедиции 1956 – 1959 гг.). Йошкар-Ола. Вып. 1.**

Архипов Г.А. **1962-а. Городища первой половины I тысячелетия н. э. в Марийской АССР // Железный век Марийского края / Труды Мар АЭ. Йошкар-Ола. Т. II.**

Архипов Г.А. **1962-б. Ижевское городище // Труды МарНИИ. Йошкар-Ола. Вып. XVII.**

Архипов Г.А. **1963. Ахмыловский могильник V–VII вв. н. э. // Тезисы докладов на сессии ОИН АН СССР и ООН АН БССР по итогам археологических экспедиций 1962 г. в г. Минске. Минск.**

Архипов Г.А. **1964. Марийская археологическая экспедиция 1963 года // Тез. докл. на научной сессии по итогам исследовательских работ института за 1963 год. Йошкар-Ола.**

Архипов Г.А. **1967. Происхождение марийского народа по археологическим данным (I тысячелетие н. э.) // Происхождение марийского народа. Материалы научной сессии, проведенной Марийским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории (23–25 декабря 1965 года). Йошкар-Ола.**

Архипов Г. А. **1967-а. Марийская археологическая экспедиция (1964–1966 гг.) // Уральское археологическое совещание: Тез. докл. и сообщений. Сыктывкар.**

Архипов Г.А. **1968. К вопросу об этногенезе марийцев // КСИА. Вып. 113.**

Архипов Г.А., Патрушев В.С., Халиков А.Х., Членова Н.Л. **1969. Исследования Ахмыловского комплекса // АО – 1968. М.**

Архипов Г.А., Воронина Р.Ф., Каховский В.Ф. и др. **1971. Работы Чебоксарской экспедиции // АО – 1970. М.**

Архипов Г.А., Вайнер И.С., Каховский В.Ф., Краснов Ю.А., Никитина Г.Ф., Патрушев В.С., Цветкова И.К. **1972. Работы Чебоксарской экспедиции // АО – 1971. М.**

Архипов Г.А. **1973. Марийцы IX–XI вв.: К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола.**

Архипов Г.А., Патрушев В.С. **1975. Ардинское городище // АО – 1975. М.**

Архипов Г.А. 1976. К вопросу о городецко-азелинских контактах в связи с проблемой происхождения марийцев // Древние и современные этнокультурные процессы в Марийском крае. Йошкар-Ола.

Архипов Г.А. 1977. Починковский могильник // Древности Волго-Камья. Казань.

Архипов Г.А. 1978. Захоронения с конем в I тысячелетии в Марийском Поволжье // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.

Архипов Г.А. 1979. Археологические свидетельства о ремесле древних марийцев // Из истории хозяйства населения Марийского края. Йошкар-Ола.

Архипов Г.А. 1979-а. Работы Марийской экспедиции // АО – 1978. М.

Архипов Г.А., Патрушев В.С. 1982. Ардинское городище // Поселения и жилища Марийского края. Йошкар-Ола.

Архипов Г.А. 1982-а. Марийско-удмуртские связи (к вопросу об азелинском компоненте в марийском и удмуртском этносе) // Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск.

Архипов Г.А. 1982-б. Городища и селища Поветлужья и Горьковского Заволжья (к истории марийско-славянских контактов) // Поселения и жилища Марийского края. Йошкар-Ола.

Архипов Г.А. 1983. Раскопки Дубовского могильника // АО – 1981. М.

Архипов Г.А. 1984. Дубовский могильник // Новые памятники археологии Волго-Камья. Йошкар-Ола.

Архипов Г. А., Никитин В. В., Шикаева Т. Б. 1984. Выжумские памятники на р. Ветлуге // Историография и источниковедение по археологии и этнографии Марийского края. Йошкар-Ола.

Архипов Г.А. 1985. Основные этапы этногенеза марийцев // Древние этнические процессы Волго-Камья. Йошкар-Ола.

Архипов Г.А. 1985-а. Раскопки Мало-Сундырского городища // АО – 1983. М.

Архипов Г.А. 1986. Марийцы XII–XIII вв. К этнокультурной истории Поветлужья. Йошкар-Ола.

Архипов Г.А. 1988. Проблемы ранней этнической истории марийцев // Этногенез и этническая история марийцев. Йошкар-Ола.

Архипов Г.А., Соловьев Б.С. 1989. Сомовское поселение эпохи бронзы // Археологические работы 1980–1986 годов в зоне Чебоксарского водохранилища. Йошкар-Ола.

Архипов Г.А. 1990. Пайгусовское городище (раскопки 1987 г.) // Древности Поветлужья. Йошкар-Ола.

Архипов Г.А. 1991. Древние марийцы (этногенез и ранняя этнокультурная история): Доклад на соискание уч. ст. док. ист. наук. М.

Архипов Г.А., Никитина Т.Б. 1993. Атлас археологических памятников Республики Марий Эл: Ранний железный век и средневековье. Йошкар-Ола.

Арциховский А.В. 1930. Курганы вятичей. М.

Атлас народов мира. 1964. М.

Ахмедов И.Р. 1995. Из истории конского убора и предметов снаряжения всадника рязанско-окских могильников // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань.

Бадер О. Н. 1951. Городища Ветлуги и Унжи // МИА. № 22. М.

Бадер О. Н. 1951-а. Древнее Поветлужье в связи с вопросами этногенеза мари и ранней истории Поветлужья // СЭ. № 2.

Балашова Г. Н. 1961. К вопросу о неполивной керамике Средней Азии IX–X вв. (крышки со штампованным орнаментом с городища Афросиаб) // Культура и искусство народов Востока / ТГЭ. Т. 5. Л.

Бекаревич Н.М. 1904. О раскопках, произведенных в 1903 г. в Костромской губернии // ИАК, прибавление к вып. 10. М.

Белицер В.Н. 1951. Народная одежда удмуртов: Материалы к этногенезу. М.

Белоцерковская И.В. 1997. Погребения с дарами из могильника Кораблино (по материалам раскопок 1986–1991 гг.) // Труды ГИМ. М. Вып. 93.

Беляев Я.В., Вихляев В.И., Зеленцова О.В., Шитов В.Н. 1998. Кельгинский могильник. Раскопки 1990-х гг. Саранск.

Богачев А.В. 1992. К хронологии погребальных комплексов Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья IV–VIII вв. // Средневековые древности Волго-Камья. Йошкар-Ола.

Богачев А.В. 1992-б. Процедурно–методические аспекты археологического датирования (на материалах поясных наборов IV–VIII вв. Среднего Поволжья). Самара.

Бранденбург Е.Н. 1895. Курганы Южного Приладожья // МАР. № 18.

Бривкалс Э.П. 1959. Городище Тервете и его историческое значение // Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции. М. Т. 1.

Бромлей Ю.В. 1982. Основные тенденции этнической истории // Этнография / под ред. Ю.В.Бромлея и Г.Е.Маркова. М.

Брусенко П. Г. 1986. Глазурованная керамика Чача IX–XII вв. Ташкент.

Бугров Д.Г. 1994. Предметы с выемчатой эмалью из Нижнего Прикамья // Историко-археологическое изучение Поволжья. Йошкар-Ола.

Букина О.В. 1998. Погребения с остатками трупосожжений в могильниках поволжских финнов в IV–XI веках нашей эры. Автореф. дис...канд. ист. наук. Ижевск.

Валеев Р.М. 1986. Торговые связи Волжской Булгарии и Руси в домонгольский период (X–XIII вв.) // Волжская Булгария и Русь (к 1000-летию русско-булгарского договора). Казань.

Васильев В.М. 1927. Материалы для изучения верований и обрядов народов мари. Краснококшайск.

Васильев В.М. 1948. Функциональная семантика в марийском языке // Ученые записки Мар НИИ. Йошкар-Ола. Т. 1.

Вихляев В.И. 1972. Сюльгамы из могильников селиксенского и армиевского типов // СА. № 3.

Вихляев В.И. 1977. Древняя мордва Посурья и Примокшанья (учебное пособие). Саранск.

Вишневский В.И. Дьяковская культура в Верхнем Поволжье (VIII–VII вв. до н. э. – VII–VIII вв. н. э.). Дис...канд. ист. наук. Архив ИА РАН. Р–2. Д. 2485.

Воеводский М.В. 1951. Краткая характеристика керамики городищ Ветлуги и Унжи // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья / МИА. М. № 22.

Возникновение и развитие земледелия. 1967. М.

Воробьев Н.И., Львова А.Н., Романова Н.Р., Симонова А.Р. 1956. Чуваши (этнографическое исследование). Чебоксары.

Воронина Р.Ф. 1973. Женский головной убор среднецнинской мордвы VIII–IX вв. // КСИА. Вып. 136.

Воронина Р.Ф. 1974. О некоторых деталях одежды среднецнинской мордвы VIII – XI вв. // КСИА. Вып. 140.

Гаврилова А.А. 1965. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.–Л.

Гаген-Торн Н.И. 1960. Женская одежда народов Поволжья (материалы к этногенезу). Чебоксары.

Галкин И.С. 1985. Тайны марийской топонимики. Йошкар-Ола.

Галкин И.С. 1988. К вопросу о расселении древних мари // Этногенез и этническая история марийцев. Йошкар-Ола.

Галкин И.С. 1995. О прародине мари по данным языка и топонимии // Узловые проблемы современного финно-угроведения:

Материалы I Всероссийской конференции финно-угроведов. Йошкар-Ола.

Галкин И.С. 2001. Происхождение и развитие марийского языка // Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. М.

Генинг В.Ф. 1958. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск.

Генинг В.Ф. 1962. Мыдлань-Шай – удмуртский могильник VIII–IX вв. // ВАУ. Свердловск. Вып. 3.

Генинг В.Ф. 1963. Азелинская культура III–V вв. // ВАУ. Свердловск – Ижевск. Вып. 5.

Генинг В.Ф., Халиков А.Х. 1964. Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). М.

Генинг В.Ф. 1967. Мазунинская культура в Среднем Прикамье // ВАУ. Ижевск–Свердловск. Вып. 7.

Генинг В.Ф. 1967-б. Некоторые проблемы этнической истории марийского народа (о мерянской этнической общности) // Происхождение марийского народа. Материалы научной сессии, проведенной Марийским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории (23–25 декабря 1965 года). Йошкар-Ола.

Генинг В.Ф. 1979. Хронология поясной гарнитуры I тысячелетия н.э. (по материалам могильников Прикамья // КСИА. Вып. 158.

Генинг В.Ф. 1979. Могильник чепецкой культуры у д. Весьякар (IX–XI вв.) // Северные удмурты в начале II тыс. н.э. Ижевск.

Гераклитов А.А. 1938. Алатырская мордва (по переписи 1624–1721 гг.). Саранск.

Герберштейн С. 1908. Записки о Московитских делах / Введение, перев. и примеч. А.И.Меленна. СПб.

Голдина Р.Д. 1970. Могильники VII–IX вв. на Верхней Каме // ВАУ. Свердловск. Вып. 9.

Голдина Р.Д. 1985. Ломоватовская культура в верхнем Прикамье. Иркутск.

Голдина Р.Д. 1987. Погребальный обряд Худяковского могильника // Этнические и социальные процессы у финно-угров Поволжья. Йошкар-Ола.

Голдина Р.Д. 1987-а. Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа (по археологическим материалам) // Проблемы этногенеза удмуртов. Устинов.

Голдина Р.Д., Кананин В.А. 1989. Средневековые памятники верховьев р. Камы. Свердловск.

Голдина Р.Д. 1999. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск.

Голубева Л.А. 1964. Огнива с бронзовыми рукоятями // СА. №3.

Голубева Л.А. 1966. Коньковые подвески Верхнего Прикамья // СА. № 3.

Голубева Л.А. 1979. Зооморфные украшения финно-угров // САИ. Вып. Е1–59. М.

Голубева Л.А. 1982. К истории треугольной подвески // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. Ижевск.

Голубева Л.А. 1984. Женщины – литейщицы (Из истории женского ремесленного литья у финно-угров) // СА. № 4.

Голубева Л.А. 1987. Марийцы // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.

Голубева Л.А. 1987-а. Мордва // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.

Городцов В.А. 1930. Результаты археологических исследований Троицко-Пеленицкого городища-холмища в 1926 г. Рязань.

Гордеев Ф.И. 1964. К истории этнонима черемис // Труды МарНИИ. Йошкар-Ола. Вып. 18.

Горюнова Е.И. 1934. Мари-Луговской могильник и селище // ПИДО. Л. № 9–10.

Горюнова Е.И. 1935. Исследования археологических памятников в пределах Звениговского района МАССР // МАО. Йошкар-Ола. № 5–6 (№ 27).

Горюнова Е.И. 1937. Археологические разведки на территории горного правобережья Волги в пределах МАССР // СА. № 4.

Горюнова Е. И. 1937-а. Шойбулакский и Аксаркинский могильники // СА. № 3.

Горюнова Е.И. 1948. Коринский могильник (по коллекциям, хранящимся в Государственном историческом музее) // Археологический сборник. Саранск. Вып. 1.

Горюнова Е.И. 1948-а. Сарлейский могильник // Археологический сборник. Саранск. Вып. 1.

Горюнова Е.И. 1953. Муромский могильник // КСИИМК. Вып. 52.

Горюнова Е.И. 1961. Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. М. № 94.

Горюнова Е.И. 1963. Жилище у мордвы // Исследования по материальной культуре мордовского народа. М. Вып. II.

Горюнова Е.И. 1967. Меря и мари // Происхождение марийского народа. Материалы научной сессии, проведенной Марийским на-

учно-исследовательским институтом языка, литературы и истории (23–25 декабря 1965 года). Йошкар-Ола.

Готье Ю.В. 1930. Железный век в Восточной Европе. М.–Л.

Гришаков В.В. 1988. К истории населения Правобережья Нижней Оки в конце I тыс. нашей эры // Материалы по археологии Мордовии. Саранск.

Гришаков В.В., Зеленеев Ю.А. 1990. Мурома VII–XI вв.: Учебное пособие. Йошкар-Ола.

Гришаков В.В. 1993. Керамика финно-угорских племен раннего средневековья. Йошкар-Ола.

Грузов Л.П. 1969. Историческая грамматика марийского языка. Введение и фонетика. Йошкар-Ола.

Гуя Я. 1974. Прародина финно-угров и разделение финно-угорской этнической общности // Основы финно-угорского языкознания: Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М.

Данилов О.В. 1989. Важнангерский жертвенник и некоторые черты марийского язычества // Археологические работы 1980–1986 годов в зоне Чебоксарского водохранилища. Йошкар-Ола.

Девятова (Карпова) Н.П. 1983. Исследования в бассейне Большой Кокшаги // АО – 1981. М.

Деопик В.Б. 1961. Классификация бус Юго-Восточной Европы VI–IX вв. // СА. № 3.

Древняя Русь: Город. Замок. Село. 1985 // Археология СССР /отв. ред. Б.А. Колчин. М.

Древности Таджикистана. 1985 // Каталог выставки. Душанбе.

Дубынин А.Ф. 1948. Малышевский могильник. Дисс...канд. истор. наук. Архив ИА РАН. Р–1. Д. 362. М.

Дубынин А.Ф. 1949. Раскопки Малышевского могильника // КСИИМК. Вып. XXVII. М.

Дубынин А.Ф. 1966. О племенной принадлежности населения северной окраины Муромской земли // СА. № 3.

Дубынин А.Ф., Розенфельдт И.Г. 1970. Постройки Троицкого городища // МИА. М. № 156.

Егоров Ф.Е. 1927. Черемис и керемет // Марий Эл. Йошкар-Ола. № 4–6.

Егоров Ф.Е. 1929. Материалы по истории народа мари. Козьмодемьянск.

Ерлезунда П. 1867. История о великом княжестве Московском. М.

Ерофеева Е.Н., Травкин П.Н., Уткин А.В. 1988. Кочкинский грунтовый могильник // Этногенез и этническая история марийцев. Йошкар-Ола.

Ефименко П.П. 1926. Рязанские могильники. Опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа // Материалы по этнографии. Л. Т. 3. Вып. 1.

Ефименко П.П. 1975. Иваньковский и Гавердовский могильники древней мордвы // Труды МНИИЯЛИЭ. Саранск. Вып. 48.

Жуков Б.С. 1926. Человек Ветлужского края (по данным Ветлужской антропологической комплексной экспедиции 1925 г.) // Производительные силы Нижегородской губернии. Н. Новгород. Вып. III.

Жуков Б. С. 1930. Отчет о работах Антропологической комплексной экспедиции Антропологического научно-исследовательского Института при I Московском Государственном Университете в Марийской автономной области. 1929 г. // Марий илыш. Йошкар-Ола. Вып. III.

Завьялов В.И., Галибин В.А. 1990. Бронзовая посуда позднекушанского времени из Зартепе // КСИА. Вып. 199.

Завьялов В.И. 1992. Технико-технологические характеристики железных предметов из Младшего Ахмыловского могильника // Средневековые древности Волго-Камья. Йошкар-Ола.

Званцев М.П. 1929. Нижегородская коммуна. № 115 (3160).

Зеленеев Ю.А. 1987. Элементы погребального обряда мордвы VI–XI вв. // Этнические и социальные процессы у фннно-угров Поволжья. Йошкар-Ола.

Зеленеев Ю.А. 1988. Грунтовые могильники волжских финнов и некоторые проблемы этнической истории // Этногенез и этническая история марийцев. Йошкар-Ола.

Зеленин Д.К. 1915. Описание рукописей ученого архива Императорского Русского географического общества. Петроград. Вып.2.

Золотницкий Н. И. 1875. Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен. Казань.

Иванов А.А., Кожомбердыев И.К. 1983. Клад бронзовых предметов из Кетмень-тепе // Киргизия при Караханидах. Фрунзе.

Иванов А.А. 1985. Бронзовая чаша из Хунзаха // Художественные памятники и проблемы культуры Востока. Л.

Иванов А.Г. 1991. Качкашурский могильник IX–XIII вв. в бассейне р. Чепцы // Материалы по погребальному обряду удмуртов. Ижевск.

Иванов А.Г. 1997. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья (конец V–первая половина XIII в.). Автореферат дисс. канд. истор. наук. СПб.

Иванов В.А. 1990. О характере этнокультурного взаимодействия ранних волжских болгар с уграми Южного Урала и Приуралья // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань.

Иванов И.Г. 1978. Еще раз об этнониме «черемис» // Вопросы марийской ономастики. Йошкар-Ола.

Иванов П.П. 1952. Материалы по истории мордвы VIII–XI вв. Моршанск.

Иванов С.В. 1963. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX вв.). М.–Л.

Иванова М.Г. 1979. Хозяйство северных удмуртов в конце IX – начале XIII вв. н. э. // Северные удмурты в начале II тысячелетия н. э. Ижевск.

Иванова М.Г. 1988. Концовский могильник: новые материалы // Новые исследования по древней истории Удмуртии. Ижевск.

Иванова М.Г. 1991. Погребальный обряд северных удмуртов IX–XIII вв. // Материалы по погребальному обряду удмуртов. Ижевск.

Иванова М.Г. 1992. Погребальные памятники северных удмуртов XI–XIII вв. Ижевск.

Иванова М.Г. 1994. Истоки удмуртского народа. Ижевск.

Износков И.А. 1869. Горно-Черемисские приходы Козьмодемьянского уезда // Труды Казанского Статистического комитета. Козьмодемьянск. Вып. 1, 8.

Иордан. 1960. О происхождении и деянии гетов. Getica. М.

Истомина Т.В. 1982. Жертвенные комплексы средневековых могильников Приуралья как этнический определитель // Проблемы этногенетических исследований Европейского северо-востока. Пермь.

Казаков Е.П. 1973. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М.

Казаков Е.П. 1985. О характере связей Волжских булгар с финнами и уграми в X–XI вв. // Древние этнические процессы Волго-Камья. Йошкар-Ола.

Казаков Е.П. 1989. О поломской керамике Волго-Камья // Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск.

Казаков Е.П. 1991. Булгарское село X–XIII вв. низовий Камы. Казань.

Казаков Е.П. 1991-а. Об одной из групп украшений именьковской культуры // Проблемы археологии Среднего Поволжья. Казань.

Казаков Е.П. 1992. Культура ранней Волжской Болгарии. М.

Казаков Е.П. 1997. Волжская Булгария и финно-угорский мир // Finno-ugrica. Казань. № 1.

Казаков Е.П. 1999. Новые археологические материалы к проблеме ранней тюркизации Урало-Поволжья // Татарская археология. Казань. № 1–2 (4–5).

Казаков Е.П. 1999-а. Об освоении булгарами Казанско-Марийского Поволжья в X–XI вв. // Археологическое изучение булгарских городов. Казань.

Казанская история. 1954 / подг., прим. Г.Н.Моисеевой. М.–Л.

Казанцев Д.Е. 1967. К вопросу о разделении мари на горных и луговых. Общая и отличительная лексика горного и лугового наречий марийского языка // Происхождение марийского народа. Материалы научной сессии, проведенной Марийским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории (23–25 декабря 1965 года). Йошкар-Ола.

Казанцев Д.Е. 1980. К вопросу о месте и времени проникновения иранских слов в древнемарийский язык // Вопросы грамматики и лексикологии. Йошкар-Ола.

Казанцев Д.Е. 1985. Формирование диалектов марийского языка (в связи с происхождением марийцев). Йошкар-Ола.

Каменский В.И. 1909. «Чортово городище» в Ветлужском уезде по раскопкам 1909 г. // Сборник музея по антропологии и этнографии. СПб. Вып. VII.

Кананин В.А. 1983. Погребальный обряд средневековых могильников верховьев р. Камы // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. Ижевск.

Кананин В.А. 1985. Средневековые поселения верховьев р. Камы // Новые источники по древней истории Приуралья. Устинов.

Каталог древностей Вятского края. 1882. // Календарь Вятской губернии на 1882 г. Вятка.

Каховский В.Ф., Краснов Ю.А., Ошибкина С.В., Трубникова Н.В., Халиков А.Х., Черников В.Ф. 1970. Чебоксарская экспедиция // АО – 69. М.

Клима Л. 1989. Поволжские финно-угры в письменных источниках I–II тыс. н.э. // СФУ. № 1 (XXV).

Ключевский В.О. 1987. Курс русской истории. М. Т. 1.

Ковалевская В.Б., Погожев И.Б., Погожева А.П. (Кусургашева). 1970. Количественные методы оценки степени близости памятников по процентному содержанию массового материала // СА. № 3.

Ковалевская В.Б. 1979. Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки // САИ. М. Вып. Е1–2.

Козлов В.Н. 1956. Расселение мордовского народа в середине XIX – начале XX века. М.

Козлов В.Н. 1958. Расселение мордвы-эрзи и мокши // СЭ. №2.

Козлова К.И. 1958. Восточные марийцы // Труды МарНИИ. Йошкар-Ола. Вып. XI.

Козлова К.И. 1976. Проблемы изучения этнокультурных контактных зон Среднего Поволжья // Вопросы этнографии Удмуртии. Ижевск.

Козлова К.И. 1978. Этническая история марийского народа. М.

Коковцев П.К. 1932. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л.

Кокорина Н.А. 1983. Гончарные горны Билярского городища // Средневековые археологические памятники Татарии. Казань.

Колчин Б.А. 1953. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (Домонгольский период) // МИА. М. № 32.

Колчин Б.А. 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (Продукция, технология) // Труды Новгородской археологической экспедиции. МИА. М. № 65.

Колчин Б.А. 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М.

Корзухина Г.Ф. 1978. Предметы убора с выемчатыми эмалями V – первой половины VI вв. н. э. в Среднем Поднепровье // САИ. Вып. Е1–43. Л.

Корсаков Д.А. 1872. Меря и Ростовское княжество: Очерки из истории Ростовско-Суздальской земли. Казань.

Кравченко Т.А. 1974. Шатрищенский могильник (по раскопкам 1966–1969 гг.) // Археология Рязанской земли. М.

Краснов Ю.А. 1964. Раскопки на Успенском городище в 1961–1962 г. // КСИА. Вып. 102.

Краснов Ю.А., Краснов Н.А. 1967. Домик мертвых на городище дьяковского времени // АО – 1966. М.

Краснов Ю.А. 1971. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы: II тысячелетие до н. э. – первая половина I тысячелетия н. э. // МИА. М. № 174.

Краснов Ю.А., Каховский В.Ф. 1978. Средневековые Чебоксары. М.

Краснов Ю.А. 1980-б. Безводнинский могильник (К истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья). М.

Краснов Ю.А. 1982. Женская одежда по материалам Безводнинского могильника // КСИА. Вып. 170.

Кротов П.И. 1892. Древние поселения Яранского уезда // ИОИЭ. Казань. Т. X. Вып. 4–6.

Крюкова Т.А. 1956. Материальная культура марийцев XIX века. Йошкар-Ола.

Крюкова Т.А. 1951. Марийская вышивка. Л.

Крюкова Т.А. 1967. Материальная культура как один из источников решения вопроса об этногенезе // Происхождение марийского народа. Материалы научной сессии, проведенной Марийским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории (23–25 декабря 1965 года). Йошкар-Ола.

Кузнецов С.К. 1882. Предварительное сообщение о результатах раскопок на Ройском истоке, на границе Уржумского и Малмыжского уездов Вятской губернии, произведенных летом 1881 года // Известия и ученые записки Казанского университета. Казань. Т. 3.

Кузнецов С.К. 1908. Культ умерших и загробные верования луговых черемис // Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1908 год. Вятка. Часть 2.

Кузнецов С.К. 1910. Русская историческая география. М. Вып. 1.

Культура Биляра. 1985. Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. / Ответственный ред. А.Х. Халиков. М.

Куник А., Розен В. 1878. Известие Ал-Бекри и др. авторов о Руси и славянах. СПб. Ч. I.

Курбский А.М. 1833. Сказания князя Курбского. Часть 1 // История Ивана Грозного. СПб.

Лаптева Т.А. 1995. Эполетообразные застежки Прикамья // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск.

Лебедев А.С. 1908. Пижемское городище // ИОАИЭ. Т. 23. Казань. Вып. 6.

Левашова В.П. 1956. Сельское хозяйство // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / Труды ГИМ. М. Вып. 32.

Левашова В.П. 1967. Браслеты // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / Труды ГИМ. М. Вып. 43.

Левашова В.П. 1967-а. Височные кольца // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М.

Ледяйкин В.И. 1975. О преемственности между городецкой и древнемордовской культурами // Материалы по археологии и этнографии Мордовии. Саранск.

Леонтьев А.Е. 1976. Классификация ножей Сарского городища // СА. № 2.

Леонтьев А.Е. 1989. Поповское городище (результаты раскопок 1980–1984 гг.) // Раннесредневековые древности Верхнего Поволжья (материалы работ Волго-Окской экспедиции). М.

Леонтьев А.Е. 1996. Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси. М.

Лещинская Н.А. 1984. Средневековые поселения на левобережье р. Вятки // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья / Межвузовский сборник научных трудов. Ижевск.

Лещинская Н.А. 1987. Новый раннесредневековый могильник в бассейне Средней Вятки // Этнические и социальные процессы у финно-угров Поволжья. Первое тыс. до н. э. – первое тыс. н. э. Йошкар-Ола.

Лещинская Н.А. 1988. Исследования Еманаевского городища // Новые археологические памятники Камско-Вятского междуречья. Ижевск.

Лещинская Н.А. 1995. Вятский бассейн в I – начале II тысячелетия н.э. (по археологическим источникам). Автореф. дис...канд. истор. наук. Ижевск.

Лещинская Н.А. 1995-а. Хронология и периодизация могильников бассейна р. Вятки (I – начало II тыс. н.э.) // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы / Межвузовский сборник научных трудов. Ижевск.

Львова З.А. 1976. Бусы I Поломского могильника // Вопросы археологии Удмуртии. Ижевск.

Ляпушкин И.И. 1961. Памятники второй половины I и начала II тыс. н. э. // Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа // МИА. М. № 104.

Мажитов Н.А. 1978. Бахмутинская культура. М.

Макаров Л.Д. 1996. Язычество и христианство в духовной жизни населения Камско-Вятского междуречья в период развитого и позднего средневековья // ФУ. № 2.

Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П. 2001. Средневековое расселение на Белом озере. М.

Максимов А.Д. 1984. Раскопки городища Орлов Городок // АО – 1982. М.

Малахов М.В. 1882. К антропологии Вятского края // Известия Географического общества. СПб. Т. XIII.

Марий калык ойпого. 1991. Марийский фольклор: Мифы, легенды, предания. Йошкар-Ола.

Мальм В.А., Фехнер М.В. 1967. Привески-бубенчики // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М.

Маркелов М.Т. 1931. Культ умерших в похоронном обряде волго-камских финнов // Религиозные верования народов СССР. М.–Л. Т. 2.

Мартьянов В.Н. 1976. Декоративный комплекс женского костюма мордвы-мокши VIII–XI веков // Материалы по археологии Мордовии. Саранск.

Мартьянов В.Н. 1988. Археологические памятники мордвы конца I – начала II тыс. в Горьковской области // Материалы по археологии Мордовии. Саранск.

Маршак Б.А. 1971. Согдийское серебро: очерки по восточной торевтике. М.

Медведев А.Ф. 1959. Оружие Новгорода Великого // МИА. М. № 65.

Медведев А.Ф. 1966. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII–XIV вв. // САИ. М. Вып. Е 1–36.

Миллер Г.Ф. 1791. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко-то черемис, чуваш и вотяков. СПб.

Минасян Р.С. 1978. Классификация ручного жернового постава (по материалам Восточной Европы I тыс. н.э.) // СА. № 3.

Михайлов С. 1852. Сундырская гора // КГВ. № 30.

Михайлов С. 1858. Очерк расселения русского племени в Козьмодемьянском уезде // КГВ. № 26.

Михеев А. В. 2000. Горношумецкой могильник (предварительное сообщение) // Новые археологические открытия в Среднем Поволжье. Йошкар-Ола.

Михеев А.В. 2000-а. Эволюция погребального обряда марийцев в средние века (VI – начало XVIII вв. н.э.): Автореф. дис...канд. истор. наук. Ижевск.

Михеева А.И., Никитина Т.Б. 2001. Итоги и перспективы исследования Малосундырского городища «Аламнер» // Горные марийцы на рубеже веков: Матер. докл. и выступл. на республ. научн. конф., посвященной 450-летию вхождения горных мари в состав Российского государства. Йошкар-Ола.

Монгайт А.Л. 1961. Рязанская земля. М.

Монгайт А.Л. 1974. Работа Рязанской археологической экспедиции в 1966-1970 гг. // Археология Рязанской земли. М.

Морохин Н.В. 1994. К истории этнической группы и ее изучения // Сборник материалов для изучения этнической культуры марийцев. Йошкар-Ола.

Напольских В.В. 1997. Введение в историческую уралистику. Ижевск.

Недошивина Н.Г. 1967. Перстни // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М.

Нестеров В.А. 1980. Над картой Чувашии (Историко-топонимические заметки). Чебоксары.

Нефедов Ф.Д. 1885. Отчет о поездке в Костромскую, Вятскую и Пермскую губернии // Костромские губернские ведомости. № 71.

Нефедов Ф.Д. 1896. Изложение доклада в заседании Костромской Ученой Археологической Комиссии. СПб.

Нефедов Ф.Д. 1899. Раскопки курганов в Костромской губернии, произведенные летом 1895 и 1896 гг. // МАВГР. Т. III.

Никитин А.В. 1971. Русское кузнечное ремесло XVI–XVII вв. // САИ. Вып. Е1–34. М.

Никитин В.В., Старостин П.Н. 1978. Материалы к археологической карте Марийской АССР (Каталог памятников). Йошкар-Ола. Вып. II.

Никитин В.В. 1980. Древние культы финно-угров Средней Волги (по фольклорным и археологическим материалам) // Вопросы марийского фольклора и искусства. Йошкар-Ола. Вып. 2.

Никитин В.В., Патрушев В.С. 1982. Материалы к археологической карте Марийской АССР (Каталог памятников). Йошкар-Ола. Вып. III.

Никитин В.В., Соловьев Б.С. 1990. Атлас археологических памятников Марийской АССР. Эпоха камня и раннего металла. Йошкар-Ола. Вып. 1.

Никитин В.В. 1992. Юльяльский могильник XIV – начала XV веков // Средневековые древности Волго-Камья. Йошкар-Ола.

Никитина Т.Б. 1990-а. Инвентарь могильника «Нижняя Стрелка» // Древности Поветлужья. Йошкар-Ола.

Никитина Т.Б. 1990-б. Погребальный обряд могильника «Нижняя Стрелка» // Древности Поветлужья. Йошкар-Ола.

Никитина Т.Б. 1991. Юльяльское поселение (к вопросу о марийско-русских связях в эпоху средневековья) // Межэтнические связи населения Марийского края. Йошкар-Ола.

Никитина Т.Б., Соловьев Б. С. 1991-а. Раскопки Сомовского II городища // Археологические открытия Урала и Поволжья. Ижевск.

Никитина Т.Б. 1992. Марийцы (конец XVI – XVIII вв.) по материалам могильников. Йошкар-Ола.

Никитина Т.Б. 1992-б. Могильник у озера «Ясачное» // Средневековые древности Волго-Камья. Йошкар-Ола.

Никитина Т.Б., Руденко К.А. 1992. Чаши из могильника «Нижняя Стрелка» // Средневековые древности Волго-Камья. Йошкар-Ола.

Никитина Т.Б. 1994. Раскопки городища «Репище» (Васильсурского V) в Воротынском районе Нижегородской области // Археологические открытия Урала и Поволжья. Йошкар-Ола.

Никитина Т.Б. 1995. О характере расселения марийцев во II тыс. н. э. на примере Мало-Сундырского городища и его округи // Новые материалы по археологии Среднего Поволжья. Йошкар-Ола.

Никитина Т.Б. 1996. К вопросу об истоках марийского этноса // ФУ. № 2.

Никитина Т.Б., Никитин В.В. 1996-а. О работах в Горномарийском районе Республики Марий Эл // АО – 1995. М.

Никитина Т.Б. 1997. Работы третьего отряда Марийской археологической экспедиции // АО – 1996. М.

Никитина Т.Б., Руденко К.А. 1998. Металлическая посуда могильника Нижняя Стрелка // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Йошкар-Ола.

Никитина Т.Б. 1998-а. История марийского народа в первой половине II тыс. н. э. // Исследованиия П.Д.Степанова и этнокультурные процессы в древности и современности: Материалы межд. науч. конф., посвященной 100-летию П.Д. Степанова. Саранск.

Никитина Т.Б. 1999. Раскопки средневекового селища в Республике Марий Эл // АО – 1997. М.

Никитина Т.Б. 1999-а. История населения Марийского края в I тыс. н.э. (по материалам могильников). Йошкар-Ола.

Никитина Т.Б. 1999-б. Мари // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск.

Никитина Т.Б. 2000. Древнемарийское селище XIII–XIV вв. // Новые археологические открытия в Среднем Поволжье. Йошкар-Ола.

Никитина Т.Б. 2000-а. О преемственности культуры могильников Ветлужско-Вятского междуречья IX–XI вв. с марийской культурой XVI–XVII вв. // Научное наследие А.П. Смирнова и совре-

менные проблемы археологии Волго-Камья: Материалы научной конференции. М.

Никитина Т.Б. 2001. Этнокультурная ситуация в Волго-Вятском междуречье в первой половине II тыс. н. э. // Проблемы культурогенеза народов Волго-Уральского региона: Материалы межрегиональной научной конференции. Уфа.

Никольская Т.Н. 1949. Хронологическая классификация верхневолжских курганов // КСИИМК. Вып. 30.

Никольская Т.Н. 1981. Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. М.

Обломский А.М. 1985. Классификация керамики верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры // СА. № 1.

Оборин В.А. 1970. Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья // ВАУ. Свердловск. Вып. 9.

Олеарий А. 1906. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно / Введение, перевод, примеч. и указ. А.М. Ловягина. СПб.

Останина Т.И. 1991. Погребальный обряд населения Среднего Прикамья в III–V вв. // Материалы по погребальному обряду удмуртов. Ижевск.

Останина Т.И. 1997. Население Прикамья в III–V вв. Ижевск.

Отчет Вятского губернского статистического комитета. 1873. Вятка.

Отчет о состоянии и деятельности Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете за 1887 г. 1888 // ИОАИЭ. Т. VI. Казань. Вып. 2.

Отчеты археологической комиссии за 1890 г. 1893. СПб.

Отчеты археологической комиссии за 1904 г. 1907. СПб.

Отчеты археологической комиссии за 1908 г. 1912. СПб.

Ошибкина С.В. 1979. Погребальный обряд азелинской культуры по материалам могильника Тюм-Тюм // КСИА. Вып 158.

Очерки истории Марийской АССР (с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции). 1965 / Отв. ред. А.В. Хлебников. Йошкар-Ола.

Паллас П.С. 1788. Путешествие по разным провинциям Московского государства. СПб. Ч. III.

Патрушев В.С., Халиков А.Х. 1967. Ахмыловский археологический комплекс // АО – 1966. М.

Патрушев В.С. 1979. Экспедиция Марийского университета // АО – 78. М.

Патрушев В.С., Халиков А.Х. 1982. Волжские ананьинцы (Старший Ахмыловский могильник). М.

Патрушев В.С. 1984. Марийский край в VII–VI вв. до н. э. Йошкар-Ола.

Патрушев В.С. 1992. Финно-угры России (II тыс. до н .э. – начало II тыс. н. э.). Йошкар-Ола.

Петербургский И.М. Второй Старобадиковский могильник // Вопросы древней истории мордовского народа / Труды МНИИЯЛИЭ. Саранск. Вып. 80.

Плетнева С.А. 1973. Древности черных клобуков // САИ. М. Вып. Е 1–36.

Повесть временных лет. 1950 / Перевод Д.С. Лихачева и Б.А. Романова. М.–Л. Часть. 1.

Полесских М.Р. 1959. Ранние могильники древней мордвы в Пензенской области // СА. № 4.

Полесских М.Р. 1962. Пензенские могильники мордвы IV–V вв. // СА. № 4.

Полесских М.Р. 1974. Новые памятники древнейшей мордвы // Материалы по археологии и этнографии Мордовии. Саранск.

Полесских М.Р. 1979. Армиевский могильник // Археологические памятники мордвы I тыс. н. э. Саранск.

Полесских Р.М. 1991. Ражкинский могильник // Археология восточноевропейской степи. Саратов. Вып. 2.

Поливанов А.П. 1897. О раскопках Богородского городища // Журнал заседаний Костромской ученой археологической комиссии. СПб.

Полубояринова М.Д. 1993. Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. М.

Попов А.И. 1948. Топонимическое изучение Восточной Европы // Ученые записки Ленинградского университета. Серия востоковедческих наук. Л. Вып. 2.

Попов А.И. 1974. Топонимика древних мерянских и муромских областей // Географическая среда и географические названия. Л.

Попов Н.С. 1981. Погребальный обряд марийцев в XIX – начале XX веков // Материальная и духовная культура марийцев. Йошкар-Ола.

Прокошев Н.А. 1931. Могильник близ Вятки // СГАИМК. №11–12.

Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. 1982. Очерки искусства Средней Азии // Древность и средневековье. М.

Рабинович М. Г. 1975. Русское жилище в XIII–XVII вв. // Древнее жилище народов Восточной Европы. М.

Равдоникас В.И. 1934. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и юго-восточном Приладожье // Известия ГАИМК. М.–Л. Вып. 94.

Раппопорт П.А. 1975. Древнерусское жилище // Древнее жилище народов Восточной Европы. М.

Раппопорт П.А. 1975б. Древнерусское жилище // САИ. М. Вып. Е1–32.

Редеи К., Эрдейн И. 1974. Сравнительная лексика финно-угорских языков // Основы финно-угорского языкознания: Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М.

Розенфельдт И.Г. 1974. Северный мыс городища Старая Рязань // Археология Рязанской земли. М.

Розенфельдт И.Г. 1982. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М.

Розенфельдт Р. Л. 1964. О производстве и датировке овручских пряслиц // СА. № 4.

Руденко К.А. 1990. Бронзовая чаша из I Семеновского селища // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья. Горький.

Руденко К.А. 1991. К вопросу о технологии изготовления медной посуды Поволжья и Прикамья в X–XIV вв. // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья. Нижний Новгород.

Руденко К. 1999. Могильник на о. «Песчаный» // Татарская археология. Казань. № 1–2 (4–5).

Руденко К.А. 2000. Металлическая посуда Поволжья и Прикамья в VIII–XIV вв. Казань.

Рыбаков Б.А. 1948. Ремесло Древней Руси. М.

Рыков П.С. 1930. Культура древних финнов в районе р. Узы. Саратов.

Рындина Н.В. 1963. Технология производства новгородских ювелиров X–XV вв. // МИА. М. № 117.

Рычков Н.П. 1770. Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769–1770 году. СПб.

Рычков Н.П. 1772. Продолжение журнала или дневник записок путешествия. СПб.

Рябинин Е.А. 1981. О средневековых древностях Заволочья (по находкам в бассейне Кокшеньги) // СА. № 3.

Рябинин Е.А. 1981-а. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. // САИ. Л. Вып. Е1–60.

Рябинин Е.А. 1986. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л.

Рябинин Е.А. 1989. Могильник и селище у д. Попово на р. Унже // Раннесредневековые древности Верхнего Поволжья (материалы работ Волго-Окской экспедиции). М.

Рябинин Е.А. 1997. Финно-угорские племена в составе древней Руси: Историко-археологические очерки. СПб.

Сааринен С. 1996. Структура и развитие волжских языков // Тезисы докладов международной научной конференции «Структура и развитие волжско-финских языков». Йошкар-Ола.

Сабурова М.А. 1974. Женский головной убор у славян (по материалам Вологодской экспедиции) // СА. № 2.

Савельева Э.А. 1971. Пермь вычегодская. К вопросу о происхождении народа коми. М.

Савельева Э.А., Малышев Н.П. 1977. Чабровское городище // Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Сыктывкар. Вып. 6.

Савельева Э.А. 1987. Вымские могильники XI–XIV вв. Л.

Самойлович Н.Г. 1989. Керамика Поповского городища // Раннесредневековые древности Верхнего Поволжья (материалы работ Волго-Окской экспедиции). М.

Седов В.В. 1966. Рязанско-Окские могильники // СА. № 4.

Седов В.В. 1971. Балтская гидронимика Волго-Окского междуречья // МИА. М. № 184.

Седов В.В. 1982. Восточные славяне в VI–XIII вв. // Археология СССР. М.

Седов В.В. 1987. Племена культуры Рязанско-Окских могильников // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.

Седов В.В. 1992. Об одной особенности погребальной обрядности финно-угров // Древности славян и финно-угров. Доклады советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии (6–22 мая 1986 гг.) СПб.

Седов В.В. 1995. Славяне в раннем средневековье. М.

Седов В.В. 1999. Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М.

Седова М.В. 1978. Ярополч Залесский. М.

Седова М.В. 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.

Семенов В.А. 1976. Петропавловский могильник // Вопросы археологии Удмуртии. Ижевск.

Семенов В.А. 1979. Материалы к истории жилища и хозяйственных сооружений удмуртов в VI – первой половине IX вв. // Материалы археологических памятников Камско-Вятского междуречья. Ижевск.

Семенов В.А. 1980. Варнинский могильник // Новый памятник поломской культуры. Ижевск.

Семенов В.А. 1982. Мало-Венижское городище Пор-кар // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. Ижевск.

Семенов В.А. 1985. Омутницкий могильник // Материалы средневековых памятников Удмуртии. Устинов.

Семенов В.А. 1985-а. Городище Весья-кар // Материалы средневековых памятников Удмуртии. Устинов.

Семенов В.А. 1988. Тольенский могильник IX – начала X вв. // Новые исследования по древней истории Удмуртии. Ижевск.

Семенов В.А. 1989. Этнокультурные компоненты поломской культуры // Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск.

Семенов В.А. 1991. Погребальный обряд чепецкого населения в эпоху раннего средневековья (VI–X) вв. // Материалы по погребальному обряду удмуртов. Ижевск.

Семенов Т. 1891. К вопросу о родстве и связи мери с черемисами // Труды VII Археологического съезда в Ярославле. 1887 г. СПб. Т. II.

Семенов Т. 1893. Черемисы. Этнографический очерк // Православный благовестник. СПб.

Сепеев Г.А. 1973. Материальная культура восточных марийцев. Автореф. дис... канд. истор. наук. Казань.

Сепеев Г.А. 1975. Восточные марийцы. Историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX – начало XX вв.). Йошкар-Ола.

Сепеев Г.А. 1982. Особенности типологии и планировки марийских поселений // Поселения и жилища Марийского края. Йошкар-Ола.

Сепеев Г.А. 2000. Материальная культура // Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. М.

Серебренников Б.А. 1967. Происхождение марийского народа по данным языка // Происхождение марийского народа. Материалы научной сессии, проведенной Марийским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории (23–25 декабря 1965 года). Йошкар-Ола.

Серебренников Б.А. 1985. Существовала ли финно-волжская языковая общность // ВЯ. № 2.

Серебренников Б.А., Ермушкин Г.И., Майтинская К.Е. 1989. Финно-волжская языковая общность. М.

Сказания князя Курбского о покорении Казани. 1902. // К 350-летию покорения Казани. М.

Сказание о царстве Казанском. 1959. М.

Смирнов А.П. 1937. Могильник Бигершай // СА. № 4.

Смирнов А.П. 1949. Археологические памятники на территории Марийской АССР и их место в материальной культуре Поволжья. Козьмодемьянск.

Смирнов А.П. 1949-а. Могильники пьяноборской культуры (к вопросу о дате) // КСИИМК. Вып. XXV.

Смирнов А.П. 1951. Волжские булгары // Труды ГИМ. М. Вып.19.

Смирнов А.П. 1952. Очерки древней и средневековой истории народов Поволжья и Прикамья // МИА. М. № 28.

Смирнов А.П. 1957. Некоторые спорные вопросы финно-угорской археологии // СА. № 3.

Смирнов А.П. 1958. Древнейшее население на территории Чувашии // Материалы по истории Чувашской АССР. Чебоксары.

Смирнов А.П. 1958-а. Финно-угорские племена северо-востока // Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР III–IX вв. М.

Смирнов А.П. 1961. Железный век Чувашского Поволжья. МИА. М. № 95.

Смирнов А.П. 1964. Рецензия на книгу Генинга В.Ф. Азелинская культура III–V вв. // СА. № 4.

Смирнов А.П., Трубникова Н.В. 1965. Городецкая культура // САИ. Вып. 1–14. М.

Смирнов И.Н. 1889. Черемисы: Историко-этнографический очерк. Казань.

Смирнов И.Н. 1895. Мордва: Историко-этнографический очерк. Казань.

Смирнов К.А. 1974. Дьяковская культура (материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) // Дьяковская культура. М.

Смирнов К.А. 1994. Проблема периодизации памятников городецкой и дьяковской культур // РА. № 4.

Смирнова Г.П. 1956. Опыт классификации керамики древнего Новгорода // МИА. М.

Смирнова Л.И. 1987. Лепная керамика Тимеревских курганов и проблема этнической атрибуции // СА. № 2.

Спицын А.А. 1889. Вещественные памятники древнейших обитателей Вятского края (реферат, посвященный VIII Археологическому съезду). Вятка.

Спицын А.А. 1893. Приуральский край. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии // МАВГР. М. Т. I.

Спицын А.А. 1901. Древности бассейнов рек Оки и Камы // МАР. № 25. СПб.

Спицын А.А. 1905. Владимирские курганы // ИАК. СПб. Вып. 15.

Старостин П.Н., Хомутова Л.С. 1981. Железообработка у племен именьковской культуры // СА. № 3.

Степанов П.Д. 1967. Ош Пандо. Саранск.

Стефанова И.И. 1982. Концовский могильник // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. Ижевск.

Талицкий М.В. 1940. Кочергинский могильник // Археологические памятники Урала и Прикамья / МИА. М.–Л. №1.

Талицкий М.В. 1951. Верхнее Прикамье в X–XIV вв. // МИА. М. №22.

Талицкая И.А. 1952. Материалы к археологической карте бассейна р. Камы (по данным, собранным М.В. Талицким) // МИА. М. №27.

Телегин Д.Я. 1977. Опыт статистического определения индекса родственности неолитических комплексов по элементам орнамента // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М.

Ткаченко О.Б. 1985. Мерянский язык. Киев.

Тревер К. В., Луконин В. Г. 1987. Сасанидское серебро: собрание Государственного Эрмитажа // Художественная культура Ирана III–VIII вв. М.

Третьяков П.П. 1941. К истории племен Верхнего Поволжья в I тыс. н. э. // МИА. М.–Л. № 5.

Третьяков П.Н. 1948. Памятники древнейшей истории Чувашского Поволжья. Чебоксары.

Троицкая Н. 1893. Черемисы Арбанской волости // ИОАИЭ. Казань. Т. XI.

Трубе Л.Л. 1967. О былом расселении марийцев на территории Горьковской области по данным топонимики // Происхождение марийского народа. Материалы научной сессии, проведенной Ма-

рийским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории (23–25 декабря 1965 года). Йошкар-Ола.

Трубникова Н.В. 1964. Раскопки на городище Ножа Вар близ д. Сараево в 1958–1959 годах // Археологические работы в Чувашской АССР в 1958–1964 годах / Ученые записки ЧувНИИ. Чебоксары. Вып. XXV.

Трубникова Н.В. 1965. Городище у д. Тоганаши Шумерлинского района // Ученые записки ЧувНИИ. Чебоксары. Вып. XXIX.

Трубникова Н.В. 1966. К вопросу о погребальном обряде и планировке Кошибеевского могильника // Труды ГИМ. М. Вып. 40.

Тухтина Н.В. 1966. Об этническом составе населения бассейна р. Шексны в X–XII вв. // Труды ГИМ. М. Вып. 40.

Успенская А.В. 1967. Нагрудные и поясные привески // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / Труды ГИМ. М. Вып. 43.

Уткин А.В., Черников В.Ф. 1994. Желтухинский грунтовый могильник // Проблемы средневековой археологии волжских финнов. Йошкар-Ола.

Уткин А.В. 1999. Рец.: Никитина Т.Б. История населения Марийского края в I тысячелетии н. э.: по материалам могильников // ФУ. № 4.

Фасмер М. 1987. Этимологический словарь русского языка / перевод с немецкого и дополнения О.Н. Трубачева. М. Т. IV.

Федоров-Давыдов Г.А. 1984. Монеты Дубовского могильника // Новые памятники археологии Волго-Камья. Йошкар-Ола.

Формозов А.Н. 1951. Материалы к истории фауны Приветлужья // Городища Ветлуги и Унжи / МИА. М. № 22.

Фролов И.К. 1980. Лунницы с выемчатой эмалью // Из древнейшей истории балтских народов (по данным археологии и антропологии). Рига.

Хайду П. 1985. Уральские языки и народы. М.

Халиков А.Х. 1958. Марийская археологическая экспедиция 1956 года // История, археология, этнография / Труды Мар НИИ. Йошкар-Ола. Вып. XI.

Халиков А.Х., Архипов Г.А. 1959. Марийская археологическая экспедиция 1957 года // Труды Мар НИИ. Йошкар-Ола. Вып. XIV.

Халиков А.Х, Безухова Е.А. 1960. Материалы к древней истории Поветлужья (археологические исследования в Ветлужском районе Горьковской области в 1957 году). Горький.

Халиков А.Х. 1962. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Железный век Марийского края / Труды Мар АЭ. Йошкар-Ола. Т. II.

Халиков А.Х., Архипов Г.А. 1967. Марийская археологическая экспедиция (1960-1965) // Труды МарНИИ. Йошкар-Ола. Вып. XXII.

Халиков А.Х. 1976. Культура народов Среднего Поволжья в X–XIII веках // Вопросы истории. № 4.

Халиков А.Х. 1976-а. Об этнических основах марийского народа // Древние и современные этнокультурные процессы в Марийском крае. Йошкар-Ола. Вып. I.

Халиков А.Х. 1977. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа XIII–VI вв. до н. э. М.

Халиков А.Х. 1989. Татарский народ и его предки. Казань.

Халиков А.Х. 1991. Основы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья // Происхождение финноязычных народов. Казань. Часть 1.

Халиков А.Х. 1992. Об азелинско-ананьинской подоснове этногенеза марийского народа // Средневековые древности Волго-Камья. Йошкар-Ола. Вып. 21.

Харузин Н.Н. 1875. Очерки истории развития жилища у финнов. М.

Харузин Н.Н. 1914. Этнография. М. Ч. II.

Хейкель А. 1888. Строения черемисов, мордвы, эстонцев и финнов // SUSA. IV. Гельсингфорс.

Хлебникова Т.А. 1967. Результаты исследований Мало-Сундырского городища в 1958 и 1964 гг. // Труды МарНИИ. Йошкар-Ола. Вып. XXII.

Хорев Б.С. 1964. Волго-Вятский район. Экономико-географический очерк. М.

Худяков М.Г. 1933. Ныргындинские I и II могильники // Материалы ГАИМКМ. М.–Л. Вып. 2.

Худяков М.Г. 1935. Очерк истории первобытного общества на территории Марийской области // ИГАИМК. М.–Л. Вып. 141.

Хузин Ф.Ш. 1979. Рядовые жилища, хозяйственные постройки и ямы цитадели // Новое в археологии Поволжья. Казань.

Хузин Ф.Ш. 1997. Волжская Булгария в домонгольское время (X – начало XIII вв.). Казань.

Цыганкин Д.В. 1968. Опыт классификации эрзянских говоров Мордовского Присурья // Очерки мордовских диалектов. Саранск. Т. V.

Челищев П.Н. 1896. Путешествие по северу России в 1791 году. Дневник. СПб.

Черных Е.М. 1992. Жилища племен Прикамья I тыс. до н. э. – первой половины II тыс. н. э. // Автореф. дис....канд. истор. наук. М.

Черных С.Я. 1980. Марийские антропонимы, связанные с этнонимами (этноантропонимы) // Вопросы марийской ономастики. Йошкар-Ола. Вып. II.

Чубарова Р.В. 1953. Археологические памятники на территории Горномарийского района Марийской АССР // Язык, литература, история / Ученые записки МарНИИ. Йошкар-Ола. Вып. V.

Чубарова Р.В. 1953-а. Археологическая экспедиция Мар НИИ 1952 года // Ученые записки МарНИИ. Йошкар-Ола. Вып. V.

Шадрин А.И. 1994. Вопросы анализа морфологии и производства железных предметов I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. Волго-Камья // Проблемы средневековой археологии волжских финнов. Йошкар-Ола.

Шаландина В.Т. 1990. Антропогенные изменения растительного покрова севера Среднего Поволжья в позднем голоцене // Древности Поветлужья. Йошкар-Ола.

Шаландина В.Т., Шакирова Д.Р. 1995. Растительный покров Марийского Заволжья в неолите – железном веке // Новые материалы по археологии Среднего Поволжья. Йошкар-Ола.

Шапран И.Г. 1984. Предварительные итоги исследования Грековского могильника на средней Вятке // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья / Сборник научных трудов. Ижевск.

Шапран И.Г. 1985. Исследования Грековского могильника // АО – 1983. М.

Шапран И.Г. 1986. Работы Тужинского отряда // АО – 1984. М.

Шапран И.Г. 1987. Малиновский могильник XVI–XVII вв. // Погребальные памятники Прикамья. Ижевск.

Шапран И.Г. 1995. Позднесредневековые удмуртские и марийские могильники правобережья р. Вятки // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск.

Шенников А.А. 1971. Земледельческая неполная оседлость и «теория бродяжничества» // Этнография народов СССР. Л.

Шикаева Т.Б. 1980. Работы третьего отряда Марийской экспедиции // АО – 1979. М.

Шикаева Т.Б. 1981. Исследование древнемарийских могильников // АО – 1980. М.

Шикаева Т.Б. 1984. Раскопки могильников в Марийской АССР // АО – 1982. М.

Шикаева Т.Б. 1985. Памятники XVI–XVII веков Марийско-Чувашского Поволжья: к вопросу о культурно-этническом единстве // Древние этнические процессы Волго-Камья. Йошкар-Ола.

Шикаева Т.Б. 1985-а. Исследование поздних марийских могильников // АО – 1983. М.

Шикаева Т.Б. 1989. Могильник «Нижняя Стрелка» // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар.

Шитов В.Н. 1988. Старокадомский могильник // Материалы по археологии Мордовии. Саранск.

Шишкина Г. В. 1986. Ремесленная продукция средневекового Согда (стекло, керамика). 2 половина VIII – нач. XIII в. Ташкент.

Шмидт А.В. 1929. Археологические изыскания Башкирской экспедиции Академии наук // Хозяйство Башкирии. Уфа. № 8–9.

Шмидт А.В. 1935. Очерки по истории Северо-востока Европы в эпоху родового общества // Известия ГАИМК. М.–Л. Вып. 106.

Шпилевский С.М. 1877. Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань.

Штукенберг А.А. 1901. Материалы для археологии Казанской губернии // ИОАИЭ. Т. XXV. Вып. 1.

Шутова Н.И. 1992. Удмурты XVI – первой половины XIX в.: по данным могильников. Ижевск.

Вожарова Живка Н. 1965. Славянски и славяноболгарски селища в Болгарските Земи VI–XI век. София.

Bereczki G. 1974. Cseremisz (mari) nyelvkönyv. Bp.

Goriounova E.I. 1929. Materiall pour la caracteristugue des necropoles mariennes. Helsinki. (IV).

Ettinghausen. 1957. The Wade Cup in the Cleveland museum of Art its oriqin and decoration // Reprinted from Art Ofientilis. № II.

Hajdú P. 1981. Az urali nyelves – zet alapnerdesei. Budapest.

Callmer I. 1977. Trade beads and bead trade in scandinavia. Ca. 800–1000 A.D. Bonn.

Kastren M. 1856. Reiseberichte und Briefe aus den Jaren 1845. SPb.

Kivikoski E. 1939. Die eisenzeit im Auraflussgebiet. Suomen Huinaismistoy hdistuksen Aikakauskiria Finska Forminnesforenigens Tidsrift. Helsinki. XLШ.

Melikian-Chirvani A.S. 1974. The Whate Bronies of Garly Eslamis Iran // Metropolitan Museum jarnal. Vol. 9.

Setälä E.N. 1916. Suomensukuisten kansojen esihistoria // Maailmanhistoria. Helsinki. II.

Taagepera R. 1994. The linguistic distances between Uralic languages // Lingvistica Uralica. Tallinn. T. 30–3.

ИСТОЧНИКИ:

Акимова М.С. Отчет об археологических раскопках в Марийской и Мордовской АССР в 1953 году. Архив ИА РАН. Р–1. Д. 824.

Акимова М.С. Отчет об археологических раскопках в Удмуртской АССР в 1955 году. Архив РАН. Р–1. Д. 1127.

Акимова М.С. Отчет об археологических разведках в Марийской и Удмуртской АССР в 1958 . Архив ИА РАН. Р–1. Д. 1764.

Архипов Г.А., Халиков А.Х. Отчет о результатах разведывательных работ Марийской археологической экспедиции летом 1958 года в Горномарийском и Юринском районах МАССР // Отчет о полевых работах Марийской археологической экспедиции за 1958 год. Архив ИА РАН. Р–1. Д. 1874.

Архипов Г.А. О раскопках Починковского могильника летом 1971 года // Отчет I МОЧАЭ ИААНСССР летом 1971 года. Архив ИА РАН. Р–1. Д. 4560.

Архипов Г.А. Отчет о раскопках Дубовского могильника летом 1980 года. Архив ИА РАН. Р–1. Д. 7791.

Архипов Г.А., Патрушев В.С. Отчет о раскопках Ардинского городища в Горномарийском районе Марийской АССР летом 1975 года. Архив ИА РАН. Р–1. Д. 5866.

Генинг В.Ф. Отчет об археологических исследованиях в бассейне р. Пижмы, правого берега р. Вятки, проведенных Марийской археологической экспедицией в 1957 году // Отчет о полевых работах Марийской археологической экспедиции за 1957 год. Архив ИА АН СССР. Р–1. Д. 1470.

Гусенцова Т.М. Отчет об археологических исследованиях, проведенных летом 1974 г. Камско-Вятской археологической экспедицией в западных и юго-западных районах Удм. АССР и Кильмезском районе Кировской области. Архив ЛАИ Удм. ГУ. Ф. 2. Д. 17.

Гусенцова Т.М. Отчет о раскопках и разведочных работах, проведенных летом 1976 г. в Можгинском, Сюмсинском районах Удмуртской АССР. Архив ЛАИ Удм. ГУ. Ф. 2. Д. 35.

Калинин Н. Работы на Ашиязском городище и в его ближайшем окружении // Отчет Марийской археологической экспедиции за 1956 год. Архив ИА РАН. Р–1. Д. 1266.

Макаров Л.Д. **Отчет об исследованиях в Подосиновском и Тужинском районах Кировской области, проведенных летом 1977 года. Архив ИА РАН. Р–1. Д. 6575.**

Материалы Средневолжской экспедиции 1926 г.: Кукшлида (раскопки П. П. Ефименко). Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 2. Д. 299.

Никитин В.В. **Отчет неолитического отряда Марийской археологической экспедиции о работе в 1985 году. Архив ИА РАН. Р–1. Д. 10914.**

Никитин В.В. **Отчет Марийской археологической экспедиции (неолитического отряда) о работах в зоне Чебоксарского водохранилища в 1987 году. Архив ИА РАН. Р–1. Д. 11469.**

Никитин В.В. **Отчет о работах в зоне Чебоксарского водохранилища в пределах Юринского, Килемарского и Горномарийского районов Марийской Республики. НРФ МарНИИ. Оп. 1. Д. 995.**

Никитин В.В. **Отчет о работе Марийской археологической экспедиции в 1992 году. Архив ИА РАН. Р–1. Д. 17644.**

Никитин В.В. **Отчет о разведочных работах Марийской археологической экспедиции в Оршанском, Новоторьяльском, Сернурском и Куженерском районах Республики Марий Эл в 1995 году // Отчет Марийской археологической экспедиции о разведках в Республике Марий Эл в 1995 году. Архив ИА РАН. Р–1. Д. 19348.**

Никитин В.В. **Отчет Марийской археологической экспедиции (неолитический отряд) о разведках в Республике Марий Эл в 1997 году. НРФ МарНИИ. Оп. 1. Д. 1036.**

Никитина Т.Б. **Отчет третьего отряда Марийской археологической экспедиции за 1991 г. НРФ Мар НИИ. Оп. I. Д. 991.**

Никитина Т.Б. **Отчет третьего отряда Марийской археологической экспедиции за 1992 г. НРФ Мар НИИ. Оп. I. Д. 1002.**

Никитина Т.Б. **Отчет о раскопках на городище «Репище» // Отчет о работах третьего отряда Марийской археологической экспедиции в 1993 году. Архив ИА РАН. Р–1. Д. 1007.**

Отчет об археологических исследованиях в Ивановской области, проводившихся Ивановским областным краеведческим музеем под руководством А.Ф. Дубынина в 1945 году. Архив ИА РАН. Р–1. Д. 40.

Отчет А.Ф. Дубынина об археологической экспедиции Ивановского Гос. педагогического института в 1945 г. Архив ИА РАН. Р–1. Д. 40.

Отчет А. Дубынина об археологических исследованиях в 1947 г. Малышевского могильника, Селивановского р-на Владимирской области. Архив ИА РАН. Р–1. Д. 135.

Отчет об археологических исследованиях Хотимльского могильника, производившихся Ивановским Областным Краеведческим музеем в 1947 году. Архив АН РАН. Р–1. Д. 134.

Отчет А.Ф. Дубынина за 1948 год – археологические исследования Малышевского могильника, Селивановского района Владимирской области. Архив ИА РАН. Р–1. Д. 238.

Отчет о полевых работах Марийской археологической экспедиции за 1957 год. Архив ИА РАН. Р–1. Д. 1470.

Отчет о полевых работах МАЭ в 1958 году. Архив ИА РАН. Р–1. Д. 1874.

Отчет о раскопках Марийской археологической экспедиции за 1974 год. Архив ИА РАН. Р–1. Д. 5544.

Ошибкина С. В. **Отчет о работе Вятской археологической экспедиции 1970 г. Архив ИА. Р–1. Д. 4258.**

Ошибкина С.В. **Отчет о работе Вятской экспедиции в 1971 году. Архив ИА. Р–1. Д. 4496.**

Ошибкина С.В. **Отчет о работе Вятской экспедиции 1972 года. Архив ИА. Р–1. Д. 4770.**

Патрушев В.С. **Отчет об исследованиях Малахайского городища в 1982 году. Архив ИА РАН. Р–1. Д. 9424.**

Соловьев Б.С. **Отчет IV отряда Марийской археологической экспедиции о разведочных работах в зоне затопления Чебоксарского водохранилища в пределах Юринского района Марийской АССР. Архив ИА РАН. Р–1. Д. 10310.**

Стоянов Е.Е. **Отчет об исследованиях Богородского городища // Отчет о полевых работах Марийской археологической экспедиции за 1958 г. Архив ИА РАН. Р–1. Д. 1874.**

Талицкий М.В. **Краткий отчет по обследованию и рекогносцировочным раскопкам памятников бассейна р. Пижмы и р. Вятки. Архив музея антропологии МГУ. Н.А.Х. Д. 066.**

Фольклорные материалы Волжского, Звениговского, Горномарийского районов. 1965. НРФ Мар НИИ. Тетрадь 1, 3.

Халиков А.Х. **Пайгусовское и Барковское городища // Отчет о полевых работах Марийской археологической экспедиции за 1959 год. Архив ИА РАН. Р–1. Д. 1968.**

Хлебникова Т.А. **Отчет об исследованиях В. Регежского и Кузнецовского городищ // Отчет о полевых работах Марийской археологической экспедиции за 1957 год. Архив ИА РАН. Р–1. Д. 1470.**

Черемисские могильники Костромской губернии, Ветлужский уезд; с. Тоншаево и с. Большие Ошкары (раскопки П. П. Ефименко). Гос. Эрмитаж. ОИПК. Оп. 2344, 2345.

Шапран И.Г. **1983. Отчет об исследованиях в Котельничском, Тужинском и Халтуринском районах Кировской области, проведенных летом 1982 года. Архив КА УдГУ.**

Шикаева Т.Б. **Отчет о полевых работах III отряда Марийской археологической экспедиции летом 1979 года // Отчет Марийской археологической экспедиции за 1979 год. Архив ИА РАН. Р–1. Д. 7688.**

Широкова О.Е. **Отчет об исследованиях в Кикнурском, Санчурском и Яранском районах Кировской области осенью 1979 г. Архив ИА РАН. Р–1. Д. 7922.**

Ютина Т.К. **Отчет о разведочных работах, проведенных летом 1976 года в Свечинском и Котельничском районах Кировской области, Осинском и Частинском районах Пермской области. Архив ИА РАН. Р–1. Д. 5926.**

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

СПИСОК ТАБЛИЦ

Таблица 1. Характеристика средневековых марийских городищ.

Таблица 2. Характеристика средневековых марийских селищ.

Таблица 3. Жилые и хозяйственные постройки на средневековых городищах и селищах.

Таблица 4. Внешнее устройство марийских захоронений XVI–XVII вв. (в %).

Таблица 5. Глубина могильных ям на средневековых марийских могильниках (в %).

Таблица 6. Внутреннее устройство могильных ям на средневековых марийских могильниках (в %).

Таблица 7. Способы захоронения на средневековых марийских могильниках.

Таблица 8. Ориентировка захоронений на средневековых марийских могильниках (в %).

Таблица 9. Обряд кремации в древнемарийских могильниках VI –XI вв. (в %).

Таблица 10. Состав ЖРК в засыпи погребений могильника Нижняя Стрелка.

Таблица 11. Состав ЖРК в средневековых марийских могильниках IX – XII вв. Межмогильное пространство.

Таблица 12. Керамика на средневековых марийских памятниках VI – XV вв. (в %).

Таблица 13. Керамика из марийских могильников IX–XI вв.

Таблица 14. Керамика Сомовского II городища. Категория А. Тип I.

Таблица 15. Керамика Сомовского II городища. Категория А. Тип II.

Таблица 16. Керамика Сомовского II городища. Категория А. Тип III.

Таблица 17. **Керамика Сомовского II городища. Категория А. Тип IV.**

Таблица 18. **Керамика Сомовского II городища. Категория Б.**

Таблица 19. **Керамика марийских поселений I тыс. н.э. – рубежа I – II тыс. н.э.**

Таблица 20. **Керамика Васильсурского V городища Репище.**

Таблица 21. **Керамика Красноселищенского II селища. Категория А. Тип I.**

Таблица 22. **Керамика Красноселищенского II селища. Категория А. Тип II.**

Таблица 23. **Керамика Красноселищенского II селища. Категория А. Тип IV.**

Таблица 24. **Керамика Красноселищенского II селища. Категория Б.**

Таблица 25. **Нумизматический материал из средневековых марийских памятников.**

Таблица 26. **Видовой состав животных из средневековых марийских памятников.**

Таблица 27. **Таблица сходства памятников I тыс. н.э. Украшения.**

Таблица 28. **Таблица сходства памятников I тыс. н.э. Погребальный обряд.**

Характеристика средневековых

Название городища	Номер на карте	Местонахождение	Дата	Наличие слоев ржв	Площадь (кв.м)	Высота от подножия (м)	Изученная площадь (кв.м)
1	2	3	4	5	6	7	8
Сомовское II	прил.2, рис.32, № 2	пр. бер. Волги, Нижегород. обл.	VII в. н.э.	+	2640	28	670
Сомовское I	прил.2, рис.32, № 3	пр. бер.Волги, Нижегород. обл.	вт. пол. I тыс. н.э.	+	5792	?	более 228
Анинское	прил.2, рис.32, № 4	пр. бер. Волги, Нижегород. обл.	I тыс. н.э.	+	820	?	шурфы
Васильсурское II	прил.2, рис.32, № 5	пр. бер. Волги, Нижегород. обл.	VI в. н.э.	+	1200	80	836
Пайгусовское	прил.2, рис.32, № 6	пр. бер. Волги, РМЭ	I тыс. н.э		2800	20	565
Красногорское	прил.2, рис.32, № 8	пр. бер. Сумки, пр. прит. Волги, РМЭ	I тыс. н.э.		4000	25	шурфы
Емангашское II	прил.2, рис.32, № 9	пр. бер. Волги, РМЭ	I тыс. н.э.	+	975	12	шурфы
Владимирское	прил.2, рис.32, № 10	пр. бер. Волги, РМЭ	I тыс. н.э.		2880	информация не ясна	
Юльяльское	прил.2, рис.32, № 14	пр. бер. Волги, РМЭ	I тыс. н.э.	+	250	?	124
Малахайское	прил.2, рис.32, № 16	пр. бер. Волги, РМЭ	I тыс. н.э.	+	1380	25-35	более 460

Таблица 1

марийских городищ

Форма площадки		Наличие культурного слоя		Постройки и объекты		Форма и количество валов						Дополн. укрепления	
							Дуга		Кокошник				
Треугольная	Четырехугольная	Есть	Нет	Жилые	Хозяйственные	Шишка	С проездом	Без проезда		2 вала	3 вала	На мысу	На склонах
9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22
+		до 60 см		+	+	+							
	+	25 см									+		
+			+			+							
+		20-30 см			+	+							
	+	10-52 см			+				+				+
+			+					+					+
			+					+					
информация не ясна													
+		10-25 см				+							
+		8-60 см								+			

Характеристика средневековых

Название городища	Номер на карте	Местонахождение	Дата	Наличие слоев ржв	Площадь (кв.м)	Высота от подножия (м)	Изученная площадь (кв.м)
1	2	3	4	5	6	7	8
Ардинское	прил.2, рис.32, № 23	пр. бер. Арды, лев. прит. Волги, РМЭ	VI в. н.э.	+	1600	18	620
Русенихинское	прил.2, рис.32, № 25	пр. бер. Ветлуги, Нижегор. обл.	I тыс. н.э.	+	500	26	180
Богородское	прил.2, рис.32, №26	пр. бер. Ветлуги, Нижегор. обл.	I тыс. н.э.	+	3400	30	
Шилихинское	прил.2, рис.32, №27	пр. бер. Ветлуги, Нижегор. обл.	I тыс. н.э.	+	650	19	80
Спасское	прил.2, рис.32, № 28	пр. бер. Ветлуги, Нижегор. обл.	I тыс. н.э.		600	20	шурфы
Чортово	прил.2, рис.32, № 29	пр. бер. Ветлуги, Нижегор. обл.	VI-VII вв. н.э.	+	900	18	более 170
Одоевское	прил.2, рис.32, № 31	пр. бер. Ветлуги, Нижегор. обл.	I тыс. н.э.	+	1300	18	более 250
Осиновское	прил.2, рис.32, № 32	лев. бер. Б.Кокшаги, лев.прит. Волги, Кир. обл.	I тыс. н.э.		1265	13	244
Кубашевское	прил.2, рис.32, № 33	лев. бер. Б.Кокшаги, лев.прит. Волги, Кир. обл.	VII-VIII вв. н.э.	+	1575	20-25	1168

Таблица 1

марийских городищ (продолжение)

Форма площадки		Наличие культурного слоя		Постройки и объекты		Форма и количество валов						Дополн. укрепления	
							Дуга						
Треугольная	Четырехугольная	Есть	Нет	Жилые	Хозяйственные	Шишка	С проездом	Без проезда	Кокошник	2 вала	3 вала	На мысу	На склонах
9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22
+		10-60 см			+			+					+
	+	10-40 см						+					
+		25–40 см						+					
+		30–40 см						+					
+		17-56 см						+					
+		20-30 см						+				+	+
+		10-70 см				+							
	+	5-20 см						+					
+		раз-рушен			+	+						+	

Характеристика средневековых

Название городища	Номер на карте	Местонахождение	Дата	Наличие слоев ржв	Площадь (кв.м)	Высота от подножия (м)	Изученная площадь (кв.м)
1	2	3	4	5	6	7	8
Цекеевское	прил.2, рис.32, № 34	лев. бер. Б.Кокшаги, лев. прит. Волги, Кир. обл.	кон. I тыс. н.э.		900	9	81
Юшковское	прил.2, рис.32, № 36	лев. бер. М. Ошлы, РМЭ	I тыс. н.э.		920	8	шурфы
Старосельское	прил.2, рис.32, № 37	лев. бер. М.Ошлы, РМЭ	I тыс. н.э.		3575	4	шурфы
Ернурское	прил.2, рис.32, № 38	пр. бер. М.Кокшаги, РМЭ	I тыс. н.э.		4125	6	144
Большая Гора	прил.2, рис.32, № 39	пр. бер. Немды, РМЭ	I тыс. н.э.		800	20 м	80
Кушнурское	прил.2, рис.32, № 40	пр. бер. Лаж, РМЭ	I тыс. н.э.		4000	8	шурфы
Лажвершинское	прил.2, рис.32, № 41	исток Лаж, РМЭ	I тыс. н.э.		2700	8	шурфы
Красное Селище I	прил.2, рис.53, № 3	пр. бер. Суры, РМЭ	руб.I-II тыс. н.э.		1140	28	116
Красное Селище II	прил.2, рис.53, № 2	пр. бер. Суры, РМЭ	руб.I-II тыс. н.э.		1128	30	шурфы

Таблица 1

марийских городищ (продолжение)

Форма площадки		Наличие культурного слоя		Постройки и объекты		Форма и количество валов						Дополн. укрепления	
							Дуга						
Треугольная	Четырехугольная	Есть	Нет	Жилые	Хозяйственные	Шишка	С проездом	Без проезда	Кокошник	2 вала	3 вала	На мысу	На склонах
9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22
+		20-25 см						+					
+			+			+							
	+		+				+						
+			+					+					
+		12 см											
+		20-25 см					не прослежены						
+		30						+					
+		20-25 см							+			+	+
+									+			+	+

Характеристика средневековых

Название городища	Номер на карте	Местонахождение	Дата	Наличие слоев ржв	Площадь (кв.м)	Высота от подножия (м)	Изученная площадь (кв.м)
1	2	3	4	5	6	7	8
Барковское	прил.2, рис.53, № 6	пр. бер. Суры, РМЭ	руб.I-II тыс. н.э.		56260	60	260
Иванова Гора	прил.2, рис.53, № 8	пр. бер. Волги, Нижегор. обл.	руб.I-II тыс. н.э.	+	800	30	284
Звениговское	прил.2, рис.53, № 32	лев. бер. Волги, РМЭ	руб. I-II тыс. н.э.	+	?	?	
Еманаевское	прил.2, рис.53, № 38	пр. бер. Пижмы, Кир. обл.	VIII-X вв. н.э.		1500	6-10	1220
Ижевское	прил.2, рис.53, № 33	пр. бер. Иж, Кир. обл.	VIII-IX вв. н.э.		5400	30	540
Кузнецовское	прил.2, рис.53, № 42	пр. бер. Лаж	кон. I тыс. н.э		1400	11	64
Большеатаковское	прил.2, рис.53, № 43	пр. бер. Толмани, РМЭ	руб.I-II тыс. н.э.		3577	13	шурфы
Верхнерегежское	прил.2, рис.53, № 44	лев. бер. Нольки, РМЭ	руб.I-II тыс. н.э.		2500-3000	17	16
Игисолинское	прил.2, рис.53, № 46	междур. Лаж и Нольки, РМЭ	руб.I-II тыс. н.э.		3300	3	16

Таблица 1

марийских городищ (продолжение)

Форма площадки		Наличие культурного слоя		Постройки и объекты		Форма и количество валов						Дополн. укрепления	
							Дуга		Кокошник			На мысу	На склонах
Треугольная	Четырехугольная	Есть	Нет	Жилые	Хозяйственные	Шишка	С проездом	Без проезда		2 вала	3 вала		
9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22
	+						+						
+		20 см									+		
+		75 см									+		
+		5-100 см		+	+		разрушен						+
+		20 см						+					
+		5-10 см						+					
	+	10-22 см						+					
+		15-25 см						+					
+			+					+					

Характеристика средневековых

Название городища	Номер на карте	Местонахождение	Дата	Наличие слоев ржв	Площадь (кв.м)	Высота от подножия (м)	Изученная площадь (кв.м)
1	2	3	4	5	6	7	8
Кушкобиляморское	прил.2, рис.53, № 48	пр. бер. Уржумки, РМЭ	кон. I тыс. н.э.		4000	37	?
Ашиязское	прил.2, рис.53, № 43	пр. бер. Ашит	руб.I-II тыс. н.э.		2280	?	172
Васильсурское V	прил.2, рис.53, № 4, прил.2, рис.64, № 5	пр. бер. Волги, Нижегор. обл.	XI–XIII вв. н.э.	+	1200	48	470
Важнангерское (Мало-Сундырское)	прил.2, рис.64, № 98	пр. бер. Волги, РМЭ	XIII-XV вв.		56700	78	1932
Горношумецкое	прил.2, рис.64, № 19	лев. бер. Волги, РМЭ	пер. пол. II тыс. н.э.		12100	25	
Успенское	прил.2, рис.64, № 27	пр. бер. Ветлуги	данные не сохранились				
Шорсолинское	прил.2, рис.64, № 39	пр. бер. Нольки, РМЭ	пер. пол. II тыс. н.э.		2800	60	

Таблица 1

марийских городищ (продолжение)

Форма площадки		Наличие культурного слоя		Постройки и объекты		Форма и количество валов						Дополн. укрепления	
							Дуга		Кокошник	2 вала	3 вала		
Треугольная	Четырехугольная	Есть	Нет	Жилые	Хозяйственные	Шишка	С проездом	Без проезда				На мысу	На склонах
9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22
+			+					+					
		разруш.			+		+						
+		20-40 см		+	+			+					
+		20–50 см		+	+		+						
+		40 см					не сохранилась						
данные не сохранились													
+		20 см		+	+								

Характеристика средневековых

Название селища	Номер на карте	Местонахождение	Дата	Площадь (кв. м)
1	2	3	4	5
Березовское	прил.2, рис.32, № 7	лев. бер. Сумки, РМЭ	I тыс. н.э.	2200
Носельское I	прил.2, рис.32, № 11	пр. бер. Волги, РМЭ	I тыс. н.э.	1200
Шунангерское I	прил.2, рис.32, № 12	пр. бер. Волги, РМЭ	I тыс. н.э.	1875
Шунангерское II	прил.2, рис.32, № 13	пр. бер. Волги, РМЭ	I тыс. н.э.	разрушено
Майданское I	прил.2, рис.32, № 17	лев. бер. Волги, РМЭ	I тыс. н.э.	не установл.
Юринское	прил.2, рис.32, № 18	лев. бер. Волги, РМЭ	I тыс. н.э.	1800
Сутырское II	прил.2, рис.32, № 19	лев. бер. Волги, РМЭ	I тыс. н.э.	не установл.
Ахмыловское I	прил.2, рис.67, № 21	лев. бер. Волги, РМЭ	I тыс. н.э.	1750
Ахмыловское II	прил.2, рис 32, № 22	лев. бер. Волги, РМЭ	I тыс. н.э.	2100
Уржумкинское	прил.2, рис.32, № 24	лев. бер. Волги, РМЭ	I тыс. н.э.	1500

Таблица 2

марийских селищ

Изученная площадь (кв. м)	Топография			Наличие культурного слоя		Постройки	
	Возвышение в пойме	Надлуговая терраса	Коренная терраса	Есть	Нет	Жилые	Хозяйственные
6	7	8	9	10	11	12	13
шурфы		+		20 см			
шурфы			+	10-15 см			
шурфы		+		разрушен			
разрушено			+	разрушен			
зачистки	+			20-30 см		+	
шурфы		+		15-20см			
сборы		+					
шурфы	+			15 см			
шурфы	+				+		
сборы		+			+		

Характеристика средневековых

Название селища	Номер на карте	Местонахождение	Дата	Площадь (кв. м)
1	2	3	4	5
Мазарское	прил.2, рис.32, № 35	лев. бер. Б.Кокшаги	I тыс. н.э.	не установл.
Пайбулатовское	прил.2, рис.53, № 36	лев. бер. Б.Кокшаги	конец I тыс.н.э.	более 1500
Васильсурское	прил.2, рис.53, № 5	пр. бер. Волги, Нижегор. обл.	руб. I-II тыс.н.э.	не установл.
Владимирское	прил.2, рис.53, № 7	пр. бер. Волги, РМЭ	руб. I-II тыс.н.э.	не установл.
Иванова Гора I	прил.2, рис.53, № 9	пр. бер. Волги, РМЭ	руб. I-II тыс.н.э.	не установл.
Иванова Гора II	прил.2, рис.53, № 10	пр. бер. Волги, РМЭ	руб. I-II тыс.н.э.	495
Шунангерское III	прил.2, рис.53, № 11	пр. бер. Волги, РМЭ	руб. I-II тыс.н.э.	не установл.
Удельно-Шумецкое I	прил.2, рис.53, № 13	лев. бер. Волги, РМЭ	руб. I-II тыс.н.э.	3000
Галанкина Гора	прил.2, рис.53, № 14	лев. бер. Волги, РМЭ	кон. I тыс. н.э.	700
Кривое озеро	прил.2, рис.53, № 15	лев. бер. Волги, РМЭ	руб. I-II тыс. н.э.	1000

Таблица 2

марийских селищ (продолжение)

Изученная площадь (кв. м)	Топография			Наличие культурного слоя		Постройки	
	Возвышение в пойме	Надлуговая терраса	Коренная терраса	Есть	Нет	Жилые	Хозяйственные
6	7	8	9	10	11	12	13
сборы		+			+		
513	+			10-40 см			+
сборы		+			+		
146			+	8-10 см		+	+
шурфы		+		30-35 см			
шурфы		+	мыс	20 см			
?	+					+	
700	+			10-15 см		+	+
сборы	+						

Характеристика средневековых

Название селища	Номер на карте	Местонахождение	Дата	Площадь (кв. м)
1	2	3	4	5
Майданское II	прил.2. рис.53, № 16	лев. бер. Волги, РМЭ	руб. I-II тыс.н.э.	6500
Майданское III	прил.2. рис.53, № 17	лев. бер. Волги, РМЭ	руб. I-II тыс. н.э.	5500
Майданское IV	прил.2. рис.53, № 18	лев. бер. Волги, РМЭ	руб. I-II тыс. н.э.	4200
Сутырское III	прил.2. рис.53, № 19	лев. бер. Волги, РМЭ	руб. I-II тыс. н.э.	5400
Сутырское IV	прил.2. рис.53, № 20	лев. бер. Волги, РМЭ	нач. II тыс. н.э.	не установл.
Дубовское	прил.2. рис.88, № 27	лев. бер. Волги, РМЭ	руб. I-II тыс. н.э.	12800
Паратское	прил.2. рис.53, № 28	лев. бер. Волги, РМЭ	руб. I-II тыс. н.э.	не установл.
Паратское XVI	прил.2. рис.53, № 29	лев. бер. Волги, РМЭ	руб. I-II тыс. н.э.	не установл.
Паратское XVII	прил.2. рис.88, № 30	лев. бер. Волги, РМЭ	руб. I-II тыс. н.э.	1200
Паратское XVII	прил.2. рис.53, № 25	лев. бер. Волги, РМЭ	руб. I-II тыс. н.э.	530

Таблица 2

марийских селищ (продолжение)

Изученная площадь (кв. м)	Топография			Наличие культурного слоя		Постройки	
	Возвышение в пойме	Надлуговая терраса	Коренная терраса	Есть	Нет	Жилые	Хозяйственные
6	7	8	9	10	11	12	13
сборы	+						
сборы	+						
сборы	+						
сборы	+						
		+			+		
шурфы	+				+		
	+				+		
	+			30 см			
шурфы	+			10-25 см			
шурфы	+			30 см			

Характеристика средневековых

Название селища	Номер на карте	Местонахождение	Дата	Площадь (кв. м)
1	2	3	4	5
Звениговское	прил.2, рис.53, № 32	лев. бер. Волги, РМЭ	руб. I-II тыс. н.э.	3000
Актуганское	прил.2, рис.53, № 45	лев. бер. Лаж, РМЭ	перв. пол. II тыс. н.э.	24200
Красное Селище II	прил.2, рис.64 № 1	пр. бер. Суры, РМЭ	кон. XIII-XV вв. н.э.	10400
Красное Селище III	прил.2, рис.64 № 2	пр. бер. Суры, РМЭ	кон. XIII-XV вв. н.э.	3450
Красное Селище IV	прил.2, рис.64 № 3	пр. бер. Суры, РМЭ	кон. XIII-XV вв. н.э.	28000
Нижние Шелаболки	прил.2, рис.64 № 6	пр. бер. Волги, РМЭ	XII-XIV вв. н.э.	
Носельское II	прил.2, рис.64 № 7	пр. бер. Волги, РМЭ	XII-XIV вв. н.э.	525
Носельское III	прил.2, рис.64 № 8	пр. бер. Волги, РМЭ	XII-XIV вв. н.э.	3000
Важнангерское	прил.2, рис.64 № 10	пр. бер. Волги, РМЭ	XIII-XIV вв. н.э.	8400
Шартнейское	прил.2, рис.64 № 11	пр. бер. Волги, РМЭ	перв. пол. II тыс. н.э.	не установл.

Таблица 2

марийских селищ (продолжение)

Изученная площадь (кв. м)	Топография			Наличие культурного слоя		Постройки	
	Возвышение в пойме	Надпойменная терраса	Коренная терраса	Есть	Нет	Жилые	Хозяйственные
6	7	8	9	10	11	12	13
шурфы		+					
		+		32 см			
470		+		20-30 см		+	+
шурфы			+	120 см			
шурфы			+	5-60 см			
10			+	20 см		+	+
сборы			+	15-20 см			
103			+	20-30 см			+
шурфы			+				
сборы		+		30-40 см			

Характеристика средневековых

Название селища	Номер на карте	Местонахождение	Дата	Площадь (кв. м)
1	2	3	4	5
Яндушевское	прил.2, рис.64 № 12	пр. бер. Волги, РМЭ	перв. пол. II тыс. н.э.	1800
Ключевское	прил.2, рис.64 № 13	пр. бер. Волги, РМЭ	перв. пол. II тыс. н.э.	не установл.
Юльяльское	прил.2, рис.64 № 14	пр. бер. Волги, РМЭ	XIII-н. XVвв. н.э.	сохр. часть 2400
Сауткинское	прил.2, рис.64 №5	пр. бер. Волги, РМЭ	XIII-н. XVвв. н.э.	не установл.
Починковское	прил.2, рис.64 № 18	лев. бер. Волги, РМЭ	перв. пол. II тыс. н.э.	450
Починковское II	прил.2, рис.64 № 20	лев. бер. Волги, РМЭ	перв. пол. II тыс. н.э.	450
Полянское	прил.2, рис.64 № 23	лев. бер. Волги, РМЭ	перв. пол. II тыс. н.э.	не установл.
Сутырское I	прил.2, рис.64 № 24	лев. бер. Волги, РМЭ	XIV-XV вв. н.э.	не установл.
Волоконное	прил.2, рис.64 № 25	лев. бер. Волги, РМЭ	перв.пол.II тыс.н.э.	не установл.
Удельно-Шумецкое II	прил.2, рис.64 № 21	лев. бер. Волги, РМЭ	перв. пол. II тыс. н.э.	не установл.

Таблица 2

марийских селищ (продолжение)

Изученная площадь (кв. м)	Топография			Наличие культурного слоя		Постройки	
	Возвышение в пойме	Надпойменная терраса	Коренная терраса	Есть	Нет	Жилые	Хозяйственные
6	7	8	9	10	11	12	13
шурфы			+	10 см			
шурфы		+		20-50 см			
80		+		10-50 см		+	+
7,5			+	?			+
шурфы			+	40 см			
шурфы			+	40 см			
шурфы			?	8 см			
сборы		+					
сборы	+						
шурфы	+			10-40 см			+

Характеристика средневековых

Название селища	Номер на карте	Местонахождение	Дата	Площадь (кв. м)
1	2	3	4	5
Галанкина Гора II	прил.2, рис.64 № 22	лев. бер. Волги, РМЭ	перв. пол. II тыс. н.э.	не установл.
Уржумкинское II	прил.2, рис.64 № 30	лев. бер. Волги, РМЭ	XII-XIV вв. н.э	не установл.
Великопольское	прил.2, рис.64, № 35	пр. бер. М.Кокшаги	перв. пол. II тыс. н.э.	1600
Руссколяждурское	прил.2, рис.64 № 47	пр. бер. Лаж, РМЭ	сер. II тыс. н.э.	1800
Олминское	прил.2, рис.64 № 48	лев. бер. Лаж, РМЭ	сер. II тыс. н.э.	450
Бадьинское	прил.2, рис.64 № 49	лев. бер. Лаж, РМЭ	сер. II тыс. н.э.	825
Староюледурское	прил.2, рис.64 № 51	пр. бер. Лаж, РМЭ	сер. II тыс. н.э.	1800
Большеляждурское	прил.2, рис.64 № 53	пр. бер. Лаж, РМЭ	сер. II тыс. н.э.	1000

Таблица 2

марийских селищ (продолжение)

Изученная площадь (кв. м)	Топография			Наличие культурного слоя		Постройки	
	Возвышение в пойме	Надлуговая терраса	Коренная терраса	Есть	Нет	Жилые	Хозяйственные
6	7	8	9	10	11	12	13
шурфы	+			60 см			
сборы		+					
сборы			+				
сборы			+				
сборы			+				
сборы			+				
сборы			+				
			+				

Таблица 3

Жилые и хозяйственные постройки на средневековых городищах и селищах

Название памятника	Дата	Жилые постройки				Клети-амбары	Погреба	Кухни-кудо	Производственные площадки
		Землянки с очажным отоплением	Полуземлянки с очажным отоплением	Наземные срубы					
				Очажное отопление	Печное отопление				
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Ардинское городище	VI в. н.э.					+			+
Чортово городище	VI-VII вв. н.э.					+			
Сомовское II городище	VII в. н.э.			+(2)		+		+	+
Васильсурское II городище	VI в. н.э.					+		+	
Пайгусовское городище	I тыс. н.э.					+		+	
Малахайское городище	I тыс. н.э.			+				+	
Майданское I селище	I тыс. н.э.			+(2)					
Еманаевское городище	VIII-X вв. н.э.	+				+			+
Галанкина Гора селище	кон. I тыс. н.э.		+ (1)	+ (2)		+		+	
Удельно-Шумецкое селище	руб. I-II тыс. н.э.			+					
Иванова Гора городище	руб. I-II тыс. н.э.			+					

Таблица 3

Жилые и хозяйственные постройки на средневековых городищах и селищах (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Ашиязское городище	руб. I-II тыс. н.э.					+		+	
Васильсурское V городище	XI–XIII вв. н.э.				+ (2)	+			+
Сауткинское селище	XIII-н. XVвв. н.э.					+			
Юльяльское селище	XIII-н. XVвв. н.э.				+	+		+	
Носельское III селище	XII-XIV вв. н.э.					+			
Красное Селище II (селище)	к. XIII-XV вв. н.э.				+ (2)	+	+	+	
Важнангерское (Мало-Сундырское) городище	XIII-XV вв.				+	+	+	+	
Селище Нижние Шелаболки	XIII-н. XVвв. н.э.				+	+		+	
Удельно-Шумецкое II селище	перв. пол. II тыс. н.э.						+		
Галанкина Гора II селище	перв. пол. II тыс. н.э.						+		

Таблица 4

Внешнее устройство марийских захоронений XVI–XVII вв. (в %)

Памятники	Дата	Одиночные столбы	Парные столбы	Навес	Оградка	Очаг над могилой
1	2	3	4	5	6	7
Картуковский	XVI–XVII вв.	5,7	0,7	1,4	5,7	1,4
Янгосовский	XVI–XVII вв.	20	-	-	-	-
Грековский	XVI–XVII вв.	1,4	-	-	0,9	-
Мало-Кугунурский	XVI – нач. XVIII вв.	4,2	-	-	2,1	2,1
Арзебелякский	XVI – нач. XVIII вв.	7,5	0,8	1,6	1,6	3,1
Важнангерский	XVII в.	13,3	13,3	-	-	6,7
Нуръял-Карамасский	XVII в.	-	16,7	-	-	-
Сосновая Грива	XVII в.	20	-	-	-	13,3
Уржумнолинский	XVII в.	20,4	3,7	2,1	14,8	2
Биляморский	XVII в.	22,2	-	-	-	-
Русско-Луговской	XVII–нач. XVIII вв.	8,3	-	-	-	-
Нуръяльский	XVII–нач. XVIII вв.	-	20	-	-	-
Отарский	XVII–XVIII вв.	2,5	2,5	2,5	-	1,3

Таблица 5

Глубина могильных ям
на средневековых марийских могильниках (в %)

Могильник	Дата	До 60 см	60-100 см	Свыше 100 см
Младший Ахмыловский	сер. VI-VII вв	74,3	24,3	1,4
Безводнинский	к. V-н. VIII вв.	не подлежит сравнению		
Юмский (Загребинский)	к.VIII-X вв.	62,5	37,5	-
Черемисский	к.VIII-X вв.			
Кочергинский	IX-X вв.	62,5	28,3	1,6
Веселовский	IX-XI вв.	48	52	-
Нижняя Стрелка	IX-XII вв.	65,6	34,4	-
Дубовский	X-XII вв.	32,2	61,5	6,3
Выжумский III	XI-XIII вв.	90,5	9,5	-
Руткинский	XI-XIII вв.	69,4	30,6	-
Выжумский II	XII-XIII вв.	100	-	-
Починковский	XII-XIII вв.	76,9	23,1	-
Картуковский	XVI-XVII вв.	15,5	77	7,4
Тюм-Тюмский	XVI-XVII вв.	50	50	-
Арзебелякский	XVI-нач. XVIII вв.	78,4	21,6	-
Мало-Кугунурский	XVI-нач.XVIII вв.	65,2	34,8	-
Важнангерский	XVII в.	26,7	66,7	6,7
Кукшлидский	XVII в.	26,7	73,3	-
Выжумский	XVII в.	-	100	-
Сосновая Грива	XVII в.	13,3	80	6,7
Уржумнолинский	XVII в.	81,1	18,7	-
Биляморский	XVII в.	71,4	28,6	-
Аксаркинский	XVII-нач.XVIII вв.	64,7	35,3	-
Русско-Луговской	XVII-нач.XVIII вв.	16,8	83,3	-
Чермышевский	XVII-нач.XVIII вв.	13,6	47,7	38,6
Пайгусовский	XVII-нач.XVIII вв.	-	-	100
Отарский	XVII-XVIII вв.	35,1	59,7	5,2

Таблица 6

Внутреннее устройство могильных ям на средневековых марийских могильниках (в %)

Могильники	Дата	Подстилка						
		Кожа, ткань	Мех, войлок	Луб, береста	Дерево	Хвоя	Солома	Перо
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Младший Ахмыловский	сер. VI-VII вв.	2,7	-	7,1	1,0	-	-	-
Безводнинский	V-н. VIII вв.	-	-	4,0	4,0	-	-	-
Юмский (Загребинский)	VIII-X вв.	-	25	-	12,5	-	-	-
Кочергинский	IX-X вв.	-	-	-	80	-	-	-
Веселовский	IX-XI вв.	-	-	19,2	50	-	-	-
Нижняя Стрелка	IX-XII вв.	4,9	9,8	9,8	26,8	-	-	-
Дубовский	X-XII вв.	4,1	9,5	18,9	16,2	-	-	-
Выжумский III	XI-XIII вв.	9,5	-	14,3	33,3	-	-	-
Руткинский	XI-XIII вв.	4,1	-	6,1	4,1	-	-	-
Мало-Кугунурский	XVI-н. XVIII в.	-	4,2	-	-	16,7	2,1	-
Арзебелякский	XVI-н. XVIII в.	-	3,1	-	-	0,8	-	0,8
Выжумский	XVII в.	-	-	7,7	-	-	-	-
Сосновая Грива	XVII в.	-	26,7	-	-	-	-	-
Аксаркинский	XVII-н. XVIII в.	-	5,9	-	-	17,6	-	-
Уржумнолинский	XVII в.	-	5,6	-	-	1,9	-	-
Русско-Луговской	XVII-н. XVIII в.	-	-	-	-	8,3	-	-
Отарский	XVII-XVIII вв.	-	14,1	2,6	-	20,5	-	-

Таблица 7

Способы захоронения
на средневековых марийских могильниках

Могильник	Дата	Количество РЖК	Количество погребений	Способ захоронения в %		
				Ингумация	Кремация	Кенотаф
1	2	3	4	5	6	7
Младший Ахмыловский	сер. VI-VII вв	-	76	75	19,7	5,3
Безводнинский	к. V-н.VIII вв.	-	148	75,7	16,8	7,5
Юмский (Загребинский)	к. VIII-X вв.	3	8	25	50	25
Черемисский	к. VIII-X вв.	3	12	83,3	16,7	-
Кочергинский	IX-X вв.	-	5	40	40	20
Веселовский	IX-XI вв.	3	26	69	23	8
Нижняя Стрелка	IX-XII вв.	14	41	42,8	33,4	23,8
Дубовский	X-XII вв.	12	74	72,4	24,4	2
Выжумский III	XI-XIII вв.	4	21	85,7	-	14,3
Руткинский	XI-XIII вв.	-	49	98	-	2
Выжумский II	XII-XIII вв.	-	6	100	-	-
Починковский	XII-XIII вв.	-	13	84,6	-	15,4
Картуковский	XVI-XVII вв.	-	139	100	-	-
Мало-Сундырский	XVI-XVII вв.	-	241	100	-	-
Тюм-Тюмский	XVI-XVII вв.	-	-	100	-	-
Мало-Кугунурский	XVI-нач. XVIII вв.	-	24	100	-	-
Арзебелякский	XVI-нач. XVIII вв.	-	140	100	-	-
Важнангерский	XVII в.	-	15	100	-	-
Кукшлидский	XVII в.	-	10	100	-	-
Выжумский	XVII в.	-	13	100	-	-
Сосновая Грива	XVII в.	-	38	100	-	-

Таблица 7

Способы захоронения на средневековых марийских могильниках (продолжение)

Могильник	Дата	Количество РЖК	Количество погребений	Способ захоронения в %		
				Ингумация	Кремация	Кенотаф
1	2	3	4	5	6	7
Уржумнолинский	XVII в.	-	55	100	-	-
Биляморский	XVII в.	-	8	100	-	-
Аксаркинский	XVII-нач. XVIII вв.	-	17	100	-	-
Русско-Луговской	XVII-нач. XVIII вв.	-	12	100	-	-
Отарский	XVII-XVIII вв.	-	88	100	-	-

Таблица 8

Ориентировка захоронений на средневековых марийских могильниках (в %)

Название памятника	Дата	Ориентировка						
		Северная	Северо-западная	Северо-восточная	Восточная	Юго-западная	Южная	Западная
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Младшее Ахмылово	сер.VI-VII вв.	90,9	2,3	4,5	2,3	-	-	-
Безводнино	к. V-н. VIII вв.	87	1,2	-	-	-	8,3	-
Юмский (Загребинский)	к. VIII-X вв.	100	-	-	-	-	-	-
Черемисский	к. VIII-X вв.	100	-	-	-	-	-	-
Кочергинский	IX-X вв.	-	-	100	-	-	-	-
Веселовский	IX-XI вв.	31,6	36,8	15,8	-	10,5	-	5,3
Нижняя Стрелка	IX-XII вв.	6,3	75	12,5	-	-	-	6,25
Дубовский	X-XII вв.	55,1	34,7	4,1	2	-	-	4,1
Выжумский III	XI-XIII вв.	28,6	57,1	9,5	-	-	4,8	-
Руткинский	XI-XIII вв.	7,5	42,5	-	-	42,5	7,5	-
Выжумский II	XII-XIII вв.	66,6	16,7	16,7	-	-	-	-
Починковский	XII-XIII вв.	46,65	46,65	-	-	-	-	6,7
Картуковский	XVI-XVII вв.	-	46,8	-	-	1,8	-	51,3
Мало-Сундырский	XVI-XVII вв.	-	7,5	-	-	7,9	-	84,6
Тюм-Тюмский	XVI-XVII вв.	-	81,8	-	-	9,1	-	9,1
Мало-Кугунурский	XVI-нач. XVIII вв.	28,9	71,7	-	-	-	-	-
Арзебелякский	XVI-нач. XVIII вв.	17,2	74,7	-	-	-	-	8,1
Важнангерский	XVII в.	-	-	-	-	100	-	-
Кукшлидский	XVII в.	31,3	31,2	-	-	12,5	-	25

Таблица 8

Ориентировка захоронений на средневековых марийских могильниках (в %) (продолжение)

Название памятника	Дата	Ориентировка						
		Северная	Северо-западная	Северо-восточная	Восточная	Юго-западная	Южная	Западная
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Выжумский	XVII в.	-	-	-	-	23	-	76,9
Сосновая Грива	XVII в.	-	7,1	-	-	-	-	92,8
Уржумнолинский	XVII в.	34	60	-	-	-	-	6
Биляморский	XVII в.	-	75	-	-	-	-	25
Аксаркинский	XVII-нач. XVIII вв.	13,3	66,7	-	-	-	-	20
Русско-Луговской	XVII-нач. XVIII вв.	-	91,7	-	8,3	-	-	-
Отарский	XVII-XVIII вв.	14,6	85,3	-	-	-	-	-

Таблица 9

Обряд кремации
в древнемарийских могильниках VI-XI вв. (в %)

Могильник	Дата	Кол-во погребений с полной кремацией	Варианты		
			I	II	III
Младший Ахмыловский	сер. VI-VIIвв.	14	14,3%	64,3%	21,4%
Безводнинский	к. V-н.VIIIвв.	27	29,6%	6,3%	7,4%
Юмский (Загребинский)	к. VIII-X вв.	4	100%	-	-
Черемисский	к. VIII-X вв.	2	50%	50%	-
Кочергинский	IX-X вв.	2	-	100%	-
Веселовский	IX-XI вв.	6	16,7%	50%	33,3%
Нижняя Стрелка	IX-XII вв.	14	50%	50%	-
Дубовский	X-XII вв.	18	21,4%	50%	28,6%

Состав ЖРК в засыпи погребений

Наименование могильника и номер погребения	Вариант			Украшения				
	I	II	III	Головные	Нагрудные	Украшения рук	Обувные	Поясные
1	2	3	4	5	6	7	8	9
погребение 2	+							пряжка
погребение 4		+				1 брасл.		
		+						
погребение 5	+				1 гривна	1 брасл.		
		+						
погребение 7	+					+		
погребение 10	+							
погребение 11		+						
			+	цепочка		+		+
погребение 15								
погребение 17								

Таблица 10

могильника Нижняя Стрелка

Орудия труда и оружие					Бытовой инвентарь						Конское снаряжение	Литейная форма	Копоушка	Монеты или монетовидные подвески	Бусы и бубенчики	Кольчуга	Кости животных
Топоры	Ножи	Наконечники стрел	Шило	Меч	Железные котлы	Деревянная посуда	Медные котлы	Керамические сосуды	Кресала	Медные чаши							
10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27
															бусина, бубенчик		
								+									
					+												
+														3 монеты	+		
+																	
+								+									
	+	+			+										+		
									+					+	+		
+				навершие от рукоятки													

Состав ЖРК в засыпи погребений

Наименование могильника и номер ЖРК	Вариант			Украшения				
	I	II	III	Головные	Нагрудные	Украшения рук	Обувные	Поясные
1	2	3	4	5	6	7	8	9
погребение 18 (в ногах)			+	цепочка, 2 вис. кольца		6 брасл., 2 перстня		
погребение 19			+		3 подвески	4 браслета	фрагм. подвески	
		+						
погребение 23		+						
		+		цепочка, 2 вис. кольца		2 браслета, 1 перстень		
погребение 29						перстень		

Таблица 10

могильника Нижняя Стрелка (продолжение)

Орудия труда и оружие					Бытовой инвентарь						Конское снаряжение	Литейная форма	Копоушка	Монеты или монетовидные подвески	Бусы и бубенчики	Кольчуга	Кости животных
Топоры	Ножи	Наконечники стрел	Шило	Меч	Железные котлы	Деревянная посуда	Медные котлы	Керамические сосуды	Кресала	Медные чаши							
10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27
							+										
																	+
					+												
														дир-хем			

Состав ЖРК в средневековых марийских могильниках

Наименование могильника и номер ЖРК	Вариант			Украшения				
	I	II	III	Головные	Нагрудные	Украшения рук	Обувные	Поясные
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Нижняя Стрелка, жрк 1, кв. Е/5, гл. 15 см		+						
Нижняя Стрелка, жрк 2, кв. А,Б/10, гл. 40 см	+							
Нижняя Стрелка, жрк 3, кв. Б/17, гл. 40 см	+							пряжка
Нижняя Стрелка, жрк 4, кв. Г/5, гл. 30 см			+	цепочка	гривна– 4 подв., уточка	9 брасл., 6 перст.	фр. кожи, подв.	
			+	цепочка	гривна, застежка			+
Нижняя Стрелка, жрк 5, кв. В/11, гл. 15 см		+						
Нижняя Стрелка, жрк 6, кв. В/8, гл. 30 см			+	вис. кольцо	подв.			+

Таблица 11

IX-XII вв. Межмогильное пространство

Орудия труда и оружие					Бытовой инвентарь						Конское снаряжение	Литейная форма	Копоушка	Монеты или монетовидные подвески	Бусы и бубенчики	Кольчуга	Кости животных
Топоры	Ножи	Наконечники стрел	Шило	Меч	Железные котлы	Деревянная посуда	Медные котлы	Керамические сосуды	Кресала	Медные чаши							
10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27
							+										кости утки
											стремена, удила, пряжка						
	+														1 бус.		
						+			+						+		
	+					+								+	+		
						+											
						+								дирхемы	1 бус. 1 буб.		

Состав ЖРК в средневековых марийских могильниках

Наименование могильника и номер ЖРК	Вариант			Украшения				
	I	II	III	Головные	Нагрудные	Украшения рук	Обувные	Поясные
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Нижняя Стрелка, жрк 7, кв. Г/14, гл. 70 см			+	вис. кольцо, фр. цепочки	2 подв.	3 брасл.		+
Нижняя Стрелка, жрк 8			+			2		+
Нижняя Стрелка, жрк 9, кв. Е/14			+	цепочка	бляха	2		пряжка
Нижняя Стрелка, жрк 10, кв. Г, Д/3, 4			+		4 подв.			+
Нижняя Стрелка, жрк 11, кв. В/6, гл. 15 см		+						
Нижняя Стрелка, кв. В/6, гл.15 см								
Нижняя Стрелка, кв. В/6, гл.15 см								
Веселовский, кв. А/3, гл. 60 см (п. 19)			+			3 брасл.	2 накл.	+

Таблица 11

IX-XII вв. Межмогильное пространство (продолжение)

Орудия труда и оружие					Бытовой инвентарь						Конское снаряжение	Литейная форма	Копоушка	Монеты или монетовидные подвески	Бусы и бубенчики	Кольчуга	Кости животных
Топоры	Ножи	Наконечники стрел	Шило	Меч	Железные котлы	Деревянная посуда	Медные котлы	Керамические сосуды	Кресала	Медные чаши							
10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27
+																	
																	+
		+			+												
		1			+												
+					+												
	1													2 дирхема, 1 подв.			

Состав ЖРК в средневековых марийских могильниках

Наименование могильника и номер ЖРК	Вариант			Украшения				
	I	II	III	Головные	Нагрудные	Украшения рук	Обувные	Поясные
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Веселовский, кв. А/2, гл. 70–80 см (п. 20)		+			3 подв., сюльгама, фрагм. застежки	1 брасл.	+	+
Веселовский, кв. А/5, гл. 30–35 см (п. 21)			+			1 брасл.	1 накл.	+
Черемисское, кл-ще, тр.1, уч. 4 (п. 1)	+			венчик	бляха		6 подв.	+
Черемисское кл-ще, тр.1, уч. 2 (п.2)		+						
Черемисское кл-ще, В/2			+			1 брасл.		+
Юмский, уч. Б/3								
Юмский, раск. 1, уч. А/5			+	2 вис. кольца	2 подв.	2перст., 3 брасл.		
Дубовский, уч. Г/6, гл. 45 см (п.34)	+				гривна			

Таблица 11

IX-XII вв. Межмогильное пространство (продолжение)

Орудия труда и оружие					Бытовой инвентарь						Конское снаряжение	Литейная форма	Копоушка	Монеты или монетовидные подвески	Бусы и бубенчики	Кольчуга	Кости животных
Топоры	Ножи	Наконечники стрел	Шило	Меч	Железные котлы	Деревянная посуда	Медные котлы	Керамические сосуды	Кресала	Медные чаши							
10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27
			+		+				1	+		+	+		1		
															2 буб., 3 пуг.		
																+	
															буб.		
					+												
					3												
	1 фр.													1 подв.			

Состав ЖРК в средневековых марийских могильниках

Наименование могильника и номер ЖРК	Вариант			Украшения				
	I	II	III	Головные	Нагрудные	Украшения рук	Обувные	Поясные
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Дубовский, кв. А/1,2, гл. 50 см (п.64)	+							+
Дубовский, кв. К/1, гл. 20 см (п.65)	+						2 подв.	+
Дубовский, кв. Ж/2, гл. 65 см (п.69)	+							+
Дубовский, кв. Е, Ж/4, гл. 55 см (п.80)			+					+
Дубовский, кв. З/2, гл. 74 см (п.72)			+	детали от накосника		2 брасл.		
Дубовский, кв. Е/8, гл. 60 см (п.82)	+			1 фр. вис. кольца	нагрудная бляха	1 брасл.		
Дубовский, кв. Е/4, гл. 45 см			+	1 серьга		1 брасл.		+
Дубовский, кв. Д/1, гл. 37 см	+							фр. ремня

Таблица 11

IX-XII вв. Межмогильное пространство (продолжение)

Орудия труда и оружие					Бытовой инвентарь						Конское снаряжение	Литейная форма	Копоушка	Монеты или монетовидные подвески	Бусы и бубенчики	Кольчуга	Кости животных
Топоры	Ножи	Наконечники стрел	Шило	Меч	Железные котлы	Деревянная посуда	Медные котлы	Керамические сосуды	Кресала	Медные чаши							
10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27
						+					2				+		
	2 фр.										узда, 2 стремени						
											удила, стремена						
									+					1	3 пуг.		
	+																
		1			+						1 стремя				4 буб.		

Таблица 12

Керамика на средневековых марийских памятниках VI – XV вв. (в %)

Памятник	Дата	Лепная					Гончарная		
		Плоскодонная			Круглодонная				
		С минеральными примесями	С органическими примесями	Смешанные примеси	С минеральными примесями	С органическими примесями	С минеральными примесями	С органическими примесями	Смешанные примеси
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Ардинское городище	VI в. н.э.	100	-	-	-	-	-	-	-
Васильсурское II городище	VI в. н.э.	100	-	-	-	-	-	-	-
Галанкина Гора селище	к. I тыс. н.э.	100	-	-	-	-	-	-	-
Пайгусовское городище	I тыс. н.э	100	-	-	-	-	-	-	-
Малахайское городище	I тыс. н.э.	100	-	-	-	-	-	-	-
Младший Ахмыловский могильник	сер. VI-VII вв.	100	-	-	-	-	-	-	-
Кубашевское городище	VII-VIII вв н.э.	75	-	-	-	25	-	-	-
Ижевское городище	VIII-IX вв. н.э.	75	-	-	9	16	-	-	-
Еманаевское городище	VIII-X вв. н.э.	71,6	-	-	2,5	25,9	-	-	-
Черемисское кладбище могильник	VIII-X вв. н.э.	75	-	25	-	-	-	-	-

Таблица 12

Керамика на средневековых марийских памятниках VI – XV вв. (в %) (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Юмский (Загребинский) мог-к	VIII-X вв. н.э.	-	-	-	-	100	-	-	-
Кочергинский могильник	IX-X вв. н.э.	-	-	-	-	100	-	-	-
Веселовский могильник	IX-XI вв. н.э.	100	-	-	-	-	-	-	-
Нижняя Стрелка могильник	IX-XII вв. н.э.	67	33	-	-	-	-	-	-
Дубовский могильник	X-XII вв. н.э.	82	-	-	-	18	-	-	-
Красное Селище II городище	руб. I-II тыс. н.э.	100	-	-	-	-	-	-	-
Васильсурское V городище	XI-XIII вв.	91,4	-	-	-	-	4,6	4,0	-
Руткинский могильник	XI-XIII вв.	25	-	-	-	-	75	-	-
Выжумский III могильник	XI-XIII вв.	100	-	-	-	-	-	-	-
Выжумский II могильник	XII-XIII вв.	33	-	-	-	-	67	-	-
Починковский могильник	XII-XIII вв.	50	-	-	-	-	50	-	-
Сауткинское селище	XIII-н. XV вв.	-	-	-	-	-	35,0	40,0	25,0
Юльяльское селище	XIII-н. XV вв.	16,5	15,0	6,0	-	-	20,6	30,0	11,9
Важнангерское (Мало-Сундырское) городище	XIV-XV вв.	12,4	1,4	-	-	-	39,9	43,5	2,8

Таблица 12

Керамика на средневековых марийских памятниках VI – XV вв. (в %) (продолжение)

Памятник	Дата	Лепная					Гончарная		
		Плоскодонная			Круглодонная				
		С минеральными примесями	С органическими примесями	Смешанные примеси	С минеральными примесями	С органическими примесями	С минеральными примесями	С органическими примесями	Смешанные примеси
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Красное Селище II селище	к. XIII-XV вв.	56	9,5	-	-	-	20,0	11,5	3,0
Шартнейское селище	1 пол II тыс. н.э.	20,4	42,1	8,2	-	-	6,1	18,4	4,8

Таблица 13

Керамика из марийских могильников IX-XI вв.

Могильник	Шифр или № погреб.	Форма			Дно		Примесь			Орнамент	
		Чаша	Горшок	Банка	Плоское	Круглое	Органика	Шамот	Песок	Есть	Нет
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Кочергинский	погр.2	+				+	+			+	
Юмский	костер	+				+	+			+	
Дубовский	87/95	+				+	+			+	
Дубовский	погр. 80(?)	+					+			+	
Дубовский	202/149		+		+			+			+
Дубовский	202/158		+		+			+			+
Дубовский	202/154			+	+			+			+
Дубовский	202/159		+		+			+			+
Дубовский	87/82		+		+			+			+
Дубовский	87/54			+				+			+
Дубовский	разруш. погреб.		+					+			+
Дубовский	202/153		+		+				+	+	
Дубовский	87/11		+		+				+	+	
Нижняя Стрелка	погр. 6		+				+		+		+
Нижняя Стрелка	погр. 5		+		+					+	
Нижняя Стрелка	погр. 4		+		+			+		+	
Веселовский	погр. 7		+		+			+		+	
Веселовский	погр. 15		+		+				+	+	
Черемисский	погр. VII		+		+			+	+	+	
Черемисский	погр. 7		+		+			+	+		
Черемисский	погр. V						+	+		+	
Черемисский	погр. VIII		фрагм.								
Черемисский	погр. XV-XVI									+	

Таблица 14

Керамика Сомовского II городища
Категория А. Тип I

Местонахождение сосуда на раскопе или шифр	Пропорции							
	Д1: Н2	Д2: Н2	Д3: Н2	Д3: Н1	Д4: Н1	Д1: Д2	Д3: Д2	Н1: Н2
1976, РII, З/5	4,3	4,2	4,9	–	–	1	1,2	–
1976, РII, З/5	4,3	4,3	5	1,5	0,7	1	1,2	3,3
1976, РI, Д/9	4,3,	4,4	5	–	–	1	1,1	–
1976, РI, Д/9	4,4	4,2	4,8	–	–	1	1,1	–
1976, Р/I, Б/4	4,1	4,1	6	–	–	1	1,2	–
1976, Р/I, Б/4	4,2	4,2	5,1	–	–	1	1,2	–
РII, 461	4,3	4,4	4,8	–	–	1,1	1,1	–
Без шифра	4,3	4,1	4,5	–	–	1,0	1,1	–
1990, РI, З,Ж/	4,7	4,6	5,3	–	–	1	1,1	–
1990, РI, Д/8	4,75	4,5	5,1	1,9	0,9	1,1	1,1	–
1990, РI, Д/9	4,3	4,4	5,6	–	–	–	1,1	–
1990, РII, Д/2	4,94	4,8	5,6	–	–	1	1,1	

Таблица 15

Керамика Сомовского II городища
Категория А. Тип II

Местонахождение сосуда на раскопе или шифр	Пропорции							
	Д1: Н2	Д2: Н2	Д3: Н2	Д3: Н1	Д4: Н1	Д1: Д2	Д3: Д2	Н1: Н2
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1976, РII, Ж/2,3	3,4	3,6	–	–	–	1	1,1	–
1976, РII, Ж/2,3	3,4	3,4	3,8	–	–	1	1,1	–
1976, РII, Ж/2,3	3,9	3,6	–	1,9	1,1	1,1	1,1	2,1
1990, РII, Г/4	3,5	3,5	4,2	2,2	1,1	1	1,2	1,9
Ж/2	3,5	3,5	3,9	–	–	1	1,1	–
В/4	3,6	3,2	3,9	–	–	1	1,1	–
Е/	3,6	3,3	4	–	–	1	1,1	–
З/7	3,6	3,4	4	–	–	1	1,1	–
Б/1	3,2	3,3	4	–	–	1	1	–
Ж/4	3,3	3,2	3,4	–	–	1	1,2	–

Таблица 15

Керамика Сомовского II городища
Категория А. Тип II (продолжение)

Местонахождение сосуда на раскопе или шифр	Пропорции							
	Д1: Н2	Д2: Н2	Д3: Н2	Д3: Н1	Д4: Н1	Д1: Д2	Д3: Д2	Н1: Н2
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Г/2	3,4	3,2	3,7	–	–	1	1,2	–
Ж/4, постр.	3,8	3,3	3,9	–	–	1	1,1	–
Ж/4, постр.	3,2	3,2	3,6	–	–	1,0	1,1	–
Ж/4	3,9	3,8	4,2	–	–	–	–	–
Ж/2	3,3	3,2	3,5	1,8	0,8	1,1	1,1	2
Д/1	3,2	3	3,7	–	–	1	1,1	–
Б/1	3,3	3,2	3,8	1,5	0,7	1	1,2	–
Ж/9	3,1	3,0	3,6	–	–	1	1,1	–
З/5	3,2	3,2	4	–	–	1	1,1	–
З/5	3,3	3,2	3,9	–	–	1,0	1,2	–
1990, PI, Д/9	3,9	3,6	5,4	5,4	2,7	1,1	1	–

Таблица 16

Керамика Сомовского II городища
Категория А. Тип III

Местонахождение сосуда на раскопе или шифр	Пропорции							
	Д1: Н2	Д2: Н2	Д3: Н2	Д3: Н1	Д4: Н1	Д1: Д2	Д3: Д2	Н1: Н2
1976	4,1	4,1	4,3	1,3	0,6	1	1,1	3,4
1990, PI	4,1	4,1	4,5	–	–	1	1,1	–
Д/7	4,4	4,2	4,3	–	–	1	1	–
З/4	4,2	4,2	4,5	–	–	1	1,1	–
Д/1	4,2	4	4,1	–	–	1	1,1	–
1990, PII								
Д/2,	4	4	4,5	–	–	1	1,1	–
З/7	4,1	4	4,2	1,4	0,6	1	1,1	2,9
А/3	4,1	4	4,3	–	–	1	1,1	–
В/3	4,2	4,1	4,4	–	–	1	1,1	–
Б/1,2, постр.	4,2	4,2	4,4	1,2	0,6	1	1,1	3,5

Таблица 17

Керамика Сомовского II городища
Категория А. Тип IV

Местонахождение сосуда на раскопе или шифр	Пропорции							
	Д1: Н2	Д2: Н2	Д3: Н2	Д3: Н1	Д4: Н1	Д1: Д2	Д3: Д2	Н1: Н2
1976, 661	2,7	2,7	3,1	–	–	1	1,1	–
1990, PI, А/8	2,5	2,5	3,2	–	–	1	1,1	–
Б/1	2,9	2,9	3,5	1,1	0,5	1,1	1,2	3,1
Д/7	2,6	2,6	3,1	–	–	–	–	–
постр., Д/7,8	3	3	3,4	–	–	–	1,2	–
В/6	2,9	2,8	3,2	–	–	1,0	1,1	

Таблица 18

Керамика Сомовского II городища
Категория Б

Местонахождение сосуда на раскопе или шифр	Пропорции							
	Д1: Н2	Д2: Н2	Д3: Н2	Д3: Н1	Д4: Н1	Д1: Д2	Д3: Д2	Н1: Н2
1990, PII, Ж/0	6,7	6,6	7,3	3,1	1,5	1,1	1	–
Д/2, постр.	6,1	6	7	1,9	0,5	1,1	1	–
Ж/5	7,3	7,3	7,7	2,8	2,1	1,1	1	–
Д/1	6,1	5,6	5,6	–	–	1,1	1	–
Д/1	7,6	7,1	7,4	2,7	1,9	1,1	1	–
Б/2	4,9	4,5	5,3	–	–	1,1	1	–
Д/4,5	6,7	6,6	7,2	–	–	1,1	1	–
Д/4	6,9	6,9	7,4	–	–	1,1	1	–
Г/9	7	7	7,6	–	–	1,1	1	–
Ж/4, постр.	5,6	5,3	5,6	5,4	–	1,1	1	–
Ж/3	8	7,9	7,7	–	–	1,1	1	–
414	5,6	5,5	6,1	–	–	1,1	1	–
Ж/6	7,3	7,1	7,5	–	–	1,0	1,1	–

Таблица 19

Керамика марийских поселений I тыс. н.э. – рубежа I–II тыс. н.э.

Местонахождение сосуда на раскопе или шифр	Пропорции							
	Д1: Н2	Д2: Н2	Д3: Н2	Д3: Н1	Д4: Н1	Д1: Д2	Д3: Д2	Н1: Н2
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Пайгусовское городище								
ПГ–87/147	3,3	3,1	3,8	–	–	1,0	1,2	–
ПГ–97/77	4,7	4,3	4,7	–	–	1,0	1,1	–
ПГ–87/39	4,5	4,5	5,0	–	–	1	1,1	–
ПГ–87/149	5,2	5,1	5,4	–		1,0	1,0	–
ПГ–87/67	6,5	6,3	6,9	–		1	1,1	–
селище Галанкина Гора								
СГГ/14	3,3	3,1	3,8	–	–	1,0	1,2	–
СГГ/16	4,3	4,3	5,0	–	–	1,0	1,2	–
СГГ/14	4,2	4,2	5,2	–	–	1,0	1,2	–
СГГ/3	4,4	4,4	5	–	–	1,0	1,1	–
СГГ/16	6,1	5,9	6,5	–	–	1,0	1,1	–
Кубашевское городище	2,2	2,1	2,4	1,4	0,7	1,1	1,1	1,5
	3,2	3,1	3,3	1,7	0,8	1,0	1,1	2,3
городище Иванова Гора								
ИГ, Г/11	2,8	2,7	3,3	–	–	1,0	1,2	–
ИГ, Е/3	2,7	2,5	2,9	–	–	1,0	1,1	–
ИГ, Ж/3	2,4	2,2	2,4	–	–	1,1	1,0	–
ИГ, Б/4	3,3	3,2	4,0	–	–	1,0	1,2	–
ИГ, Г/11	3,2	3,1	3,4	1,8	–	1,0	1,1	–
ИГ, Ж/3	4,6	4,5	4,8	–	–	1,1	1,1	–
ИГ, Ж/3	4	3,9	3,9	–	–	1,1	1,1	–
ИГ, Г/1	4,2	4,1	4,6	–	–	1,0	1,1	–
ИГ, З/3	4,8	4,7	4,8	–	–	1,0	1,0	–
ИГ, Е/3	4,2	4,1	4,2	–	–	1,0	1,0	–
ИГ, В/14	6,5	6,4	6,4	–	–	1,0	1,0	–

Таблица 20

Керамика
Васильсурского V городища Репище

Местонахождение сосуда на раскопе или шифр	Пропорции							
	Д1: Н2	Д2: Н2	Д3: Н2	Д3: Н1	Д4: Н1	Д1: Д2	Д3: Д2	Н1: Н2
1992, кв. Б/15	2,0	2,0	3,0	–	–	1,4	1,2	–
1992, кв. Б/14	2,2	2,2	3,1	–	–	1,0	1,2	–
1991, кв. А,Б/3	2,3	2,3	2,8	–	–	1,0	1,2	–
1992, кв. Б/15	2,3	2,2	3,1	–	–	1,0	1,4	–
1991, кв. В/3	2,5	2,3	3,0	–	–	1,0	1,3	–
1992, кв. Б/14	3,3	3,2	4,0	2,0	1,2	1,1	1,3	2,0
1992, кв. Б/15	4,6	4,3	5,2	1,7	0,9	1,1	1,2	2,9

Таблица 21

Керамика
Красноселищенского II селища
Категория А. Тип I

Местонахождение сосуда на раскопе или шифр	Пропорции							
	Д1: Н2	Д2: Н2	Д3: Н2	Д3: Н1	Д4: Н1	Д1: Д2	Д3: Д2	Н1: Н2
1995, Б/2	4,6	4,3	5,6	–	–	1,1	1,2	–
1996, В/2	4,6	4,9	4,9	–	–	1,1	1,2	–
1996, Ж/2	4	4	4,8	–	–	1,0	1,2	–
1996, 299	4,5	4,3	5,3	–	–	1,0	1,2	–
1996, Д/3	4,6	4,5	5,8	–	–	1,0	1,3	–
1996, Г/1	4,4	4,1	4,8	–	–	1,1	1,2	–
1996, Г/4	4,2	4,1	4,9	–	–	1,0	1,2	–
1996, Ж/3	4,8	4,8	5,9	–	–	1,0	1,2	–
1997, В/2	4	3,8	4,5	–	–	1,1	1,2	–
1997, Г/2	4	3,8	4,4	–	–	1,1	1,2	–

Таблица 22

Керамика
Красноселищенского II селища
Категория А. Тип II

Местонахождение сосуда на раскопе или шифр	Пропорции							
	Д1: Н2	Д2: Н2	Д3: Н2	Д3: Н1	Д4: Н1	Д1: Д2	Д3: Д2	Н1: Н2
1995, яма 5	3,2	3,0	3,9	–	–	1,1	1,3	–
1995, яма 3	3,3	3,1	3,8	–	–	1,1	1,2	–
1996, Б/1	3,8	3,6	4,5	–	–	1,1	1,3	–
1996, Ж/1	3,3	3,1	4	–	–	1,1	1,3	–
1996, Г/2	3,8	3,7	4,5	–	–	1,0	1,4	–
1996, Ж/1	3,6	3,2	4,4	–	–	1,0	1,3	–
1996, Г/4	3,3	3,3	4,3	–	–	1,0	1,3	–
1996, Г/1	3,1	3,0	4,1	–	–	1,1	1,4	–
1997, В/4	3,7	3,7	4,6	–	–	1,0	1,3	–
1997, В/2	3,6	3,2	3,9	–	–	1,1	1,2	–
1997, В/1	3,7	3,4	4,3	–	–	1,1	1,3	–
1997, яма 23	3,2	3,0	3,7	–	–	1,1	1,2	–
1997, яма 23	3,6	3,6	4,5	1,9	0,9	1,0	1,3	–
1997, яма 23	3,6	3,6	4,1	1,7	0,7	1,0	1,2	–

Таблица 23

Керамика
Красноселищенского II селища
Категория А. Тип IV

Местонахождение сосуда на раскопе или шифр	Пропорции							
	Д1: Н2	Д2: Н2	Д3: Н2	Д3: Н1	Д4: Н1	Д1: Д2	Д3: Д2	Н1: Н2
1996, Г/1,2	2,5	2,4	3,4	–	–	1,0	1,4	–
1996, Д/4	2,1	1,8	3,1	–	–	1,1	1,7	–
1996, 196	2,9	2,8	3,6	–	–	1,0	1,4	–
1996, В/2	2,5	2,5	3,6	–	–	1,0	1,4	–
1996, Б/2	2,6	2,0	3,2	–	–	1,3	1,7	–
1996, Е/1	3,1	2,9	3,7	–	–	1,1	1,3	–
1996, Г/2	2,5	2,5	3,1	–	–	1,0	1,3	–

Таблица 24

Керамика
Красноселищенского II селища
Категория Б

Местонахождение сосуда на раскопе или шифр	Пропорции							
	Д1: Н2	Д2: Н2	Д3: Н2	Д3: Н1	Д4: Н1	Д1: Д2	Д3: Д2	Н1: Н2
1995, яма № 1	5,2	5,1	5,8	–	–	1,1	1,2	–
1995, Г/2	5,8	5,3	5,8	–	–	1,1	1,2	–

Таблица 25

Нумизматический материал из средневековых марийских памятников

№ п/п	Место нахождения	Династия, правитель, период	Место и дата чеканки	Монеты	Подражания	Примечания
1	2	3	4	5	6	7
1.	Черемисское кладбище, п.II	Саманиды	конец X в.		подражание	-
2.	Черемисское кладбище, п.VI	Саманиды, Мансур ибн ...	Бухара, 351-356 г.х. (962-968 гг.)	дирхем		-
3.	Черемисское кладбище, п.11	Саманиды, Наср ибн Ахмед	Самарканд, 304 г.х. (916-917 гг.)	дирхем		пробита
4.	Черемисское кладбище, отд. находки	Саманиды, Ахмед ибн Исмаил ...	301 г.х. (913-914 гг.)	дирхем		-
5.	Веселовский мог-к, п. 14.	Дирхем Волжская Булгария	Болгар, 375 г.х. (986–987 гг.)		оттиск	-

Таблица 25

Нумизматический материал из средневековых марийских памятников (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7
6.	Веселовский мог-к, п. 14	Саманиды, Нухр II ибн Мансур	Бухара, 387 г.х. (996-997 гг.)		оттиск	-
7.	Веселовский мог-к, п. 24	Саманиды, Нухр ибн Наср	333 г.х. (944-945 гг.)	дирхем		дважды пробита
8.	Веселовский мог-к, п. 26	куфический период	не определены		подражание	-
9.	Веселовский мог-к, п. 26	куфический период	не определены		подражание	-
10.	Веселовский мог-к, п. 26	куфический период	не определены		подражание	-
11.	Веселовский мог-к, п. 26	куфический период	не определены		подражание	-
12.	Веселовский мог-к, п. 26	куфический период	не определены		подражание	-
13.	Веселовский мог-к, п. 26	куфический период	не определены		подражание	-
14.	Веселовский мог-к, п. 26	куфический период	не определены		подражание	-
15.	Веселовский мог-к, п.27	Зияриды, Кабус Джурджан	3(9)2 г.х. (1001-1002 гг.)	дирхем		пробита
16.	Нижняя Стрелка мог-к, п. 4	Саманиды, Ахмед бен Исмаил	Андерхаб, 297 г.х. (909-910 гг.)	дирхем		пробит
17.	Нижняя Стрелка мог-к, п. 4	куфический период	не определены		оттиск с подражания	-

Таблица 25

Нумизматический материал из средневековых марийских памятников (продолжение)

№ п/п	Место нахождения	Династия, правитель, период	Место и дата чеканки	Монеты	Подражания	Примечания
1	2	3	4	5	6	7
18.	Нижняя Стрелка мог-к, п. 6	куфический период	не определены		оттиск с подражания	с железной петелькой, обломан
19.	Нижняя Стрелка мог-к, п. 9	куфический период	не определены		оттиск с подражания	дважды пробита
20.	Нижняя Стрелка мог-к, п. 18	полностью стёрта	не определены	?	?	пробита
21.	Нижняя Стрелка мог-к, п. 18	Бувейхиды, Тадж ал-Милля Ауд ад-Дауле, Абу-Шуджа	Мосул, 370 г.х. (980-981 гг.)	дирхем		пробита
22.	Нижняя Стрелка мог-к, п. 20	Волжская Булгария	Болгар, 378 г.х. (988-989 гг.)		оттиск с лиц. стороны	-
23.	Нижняя Стрелка мог-к, п. 23	Англия, Кнут	Винчестер, 1017-1023 гг.	денарий		-
24.	Нижняя Стрелка мог-к, п. 24	Волжская Булгария, Мумин бен ал-Хасан	Болгар, 970-е гг.		оттиск с обр. стороны	дважды пробита

Таблица 25

Нумизматический материал из средневековых марийских памятников (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7
25.	Нижняя Стрелка мог-к, п. 27	Саманиды, Наср бен Ахмед	Самарканд, 315 г.х. (927-928 гг.)	дирхем		дважды пробита
26.	Нижняя Стрелка мог-к, п. 27	Саманиды, Нух бен Наср	не определены		оттиск с обр. стороны	пробита
27.	Нижняя Стрелка мог-к, п. 27	3 фрагмента	не определены	дирхем		обломаны
28.	Нижняя Стрелка мог-к, п. 27	Волжская Булгария, Мумин бен ал-Хасан,	Болгар, 970-е гг.	дирхем	оттиск с обр. стороны	обломан
29.	Нижняя Стрелка мог-к, п. 31	куфический период	не определены		оттиск с обр. стороны	-
30.	Нижняя Стрелка мог-к, п. 31	Волжская Булгария, Мумин бен ал-Хасан	Болгар, 970-е гг.	дирхем		обломан
31.	Нижняя Стрелка мог-к, п. 36	Волжская Булгария, Абдаллах бен Микаил	Болгар, 940-е гг.	дирхем		пробит
32.	Нижняя Стрелка мог-к, п. 37	Волжская Булгария, Мумин бен Ахмед	Сувар, 970-е гг.		оттиск с обр. стороны	-

Таблица 25

Нумизматический материал из средневековых марийских памятников (продолжение)

№ п/п	Место нахождения	Династия, правитель, период	Место и дата чеканки	Монеты	Подражания	Примечания
1	2	3	4	5	6	7
33.	Дубовский мог-к, п.3	Саманиды, Наср ибн Ахмед	Самарканд, 329 г.х. (940-941 гг.)	дирхем		пробита
34.	Дубовский мог-к, п.4	Саманиды, Наср ибн Ахмед	Самарканд, 325 г.х. (936-937 гг.)	дирхем		-
35.	Дубовский мог-к, п.33	Саманиды	не определены		оттиск с лиц. стороны	пробита
36.	Дубовский мог-к, п.33	Саманиды	не определены		оттиск с лиц. стороны	пробита
37.	Дубовский мог-к, п.33	куфический период	не определены		литое подражание	два отверстия
38.	Дубовский мог-к, п.34	Герцог Ордульф (Отто) или граф Герман	(1059-1071 гг.) или (1059-1086 гг.)	денарий		маленький кусок отломан
39.	Дубовский мог-к, п.36	Волжская Булгария, Талиб ибн Ахмед	Сувар, 341 г.х. (952-953 гг.)	дирхем		-

Таблица 25

Нумизматический материал из средневековых марийских памятников (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7
40.	Дубовский мог-к, п.36	Волжская Булгария, Талиб ибн Ахмед	Сувар, 341 г.х. (952-953 гг.)	дирхем		отломан маленький кусок
41.	Дубовский мог-к, п.36	Саманиды, Наср ибн Ахмед	не определены		оттиск с обр. стороны	дважды пробита, обломана
42.	Дубовский мог-к, п.40	куфический период	не определены		литое подражание	два отверстия
43.	Дубовский мог-к, п.40	куфический период	не определены		литое подражание	два отверстия
44.	Дубовский мог-к, п.40	куфический период	не определены		литое подражание	два отверстия
45.	Дубовский мог-к, п.40	куфический период	не определены		литое подражание	два отверстия, обломана
46.	Дубовский мог-к, п.40	куфический период	не определены		литое подражание	два отверстия, обломана

Таблица 25

Нумизматический материал из средневековых марийских памятников (продолжение)

№ п/п	Место нахождения	Династия, правитель, период	Место и дата чеканки	Монеты	Подражания	Примечания
1	2	3	4	5	6	7
47.	Дубовский мог-к, п.40	куфический период	не определены		литое подражание	два отверстия (в одном бронзовая проволочная спираль)
48.	Дубовский мог-к, п.40	куфический период	не определены		литое подражание	Два отверстия (плюс два малых отверстия)
49.	Дубовский мог-к, п.42	Саманиды, Наср ибн Ахмед	аш-Шаш		подражание	-
50.	Дубовский мог-к, п.42	Саманиды, Наср ибн Ахмед	не определены		оттиск с обр. стороны	обломок
51.	Дубовский мог-к, п.45	Зияриды, Бистун ибн Вашмнир с именем Рукн ад Дауля Абу-Али	356-363 г.х. (966-974 гг.)	дирхем		сильно стёрта, отломан маленький кусок

Таблица 25

Нумизматический материал из средневековых марийских памятников (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7
52.	Дубовский мог-к, п.45	куфический период	не определены		одностороннее подражание	-
53.	Дубовский мог-к, п.46	Саманиды, Наср ибн Ахмед	301-331 г.х (913-943 гг.)	дирхем		с ушком
54.	Дубовский мог-к, п.46	Саманиды, Наср ибн Ахмед	не определены		подражание	дважды пробита, отломан значительный кусок
55.	Дубовский мог-к, п.46	куфический период	не определены		подражание	пробита, обломана
56.	Дубовский мог-к, п.46	неопределимая	не определены	?	?	дважды пробита, обломана
57.	Дубовский мог-к, п.46	неопределимая	не определены		?	дважды пробита, обломана
58.	Дубовский мог-к, п.46	куфический период	не определены		оттиск с лиц. стороны	обломана

Таблица 25

Нумизматический материал из средневековых марийских памятников (продолжение)

№ п/п	Место нахождения	Династия, правитель, период	Место и дата чеканки	Монеты	Подражания	Примечания
1	2	3	4	5	6	7
59.	Дубовский мог-к, п.47	Саманиды, Наср ибн Ахмед	Самарканд, 322-329 г.х. (933-941 гг.)	дирхем		пробита
60.	Дубовский мог-к, п.47	Саманиды, Наср ибн Ахмед и Нух ибн Наср	не определены		подражание	пробита, в отверстие вставлена бронзовая проволочная петля
61.	Дубовский мог-к, п.52	Саманиды, Наср ибн Ахмед	Самарканд, 322-329 г.х. (933-941 гг.)	дирхем		обломана (около 1/4)
62.	Дубовский мог-к, п.52	Волжская Булгария, Микаил ибн Джафар	к. 920-х–н. 950-х гг.	дирхем		-
63.	Дубовский мог-к, п.56	Симджуриды, Абу-Али	Нисабур, типа 384 г.х. (994-995 гг.)	дирхем		пробита, стерта с обр. стороны

Таблица 25

Нумизматический материал из средневековых марийских памятников (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7
64.	Дубовский мог-к, п.60	Бувейхиды, Рукн ад-Дуния Абу-Али Бувейх и Адуд ад Дауля Абу Шуджа	338-363 г.х. (949-974 гг.)	дирхем		сильно стёрта
65.	Дубовский мог-к, п.66.	Саманиды, Наср ибн Ахмед	Самарканд, 327 г.х. (938-939 гг.)	дирхем		пробита, обломана
66.	Дубовский мог-к, п.66	Саманиды, Наср ибн Ахмед	Самарканд, 322-329 г.х. (933-941 гг.)	дирхем		дважды пробита
67.	Дубовский мог-к, п.66	Саманиды, Наср ибн Ахмед	329 г.х (940-941 гг.)	дирхем		пробита
68.	Дубовский мог-к, п.66	Саманиды, Наср ибн Ахмед	Самарканд		подражание	пробита, отломан маленький кусок
69.	Дубовский мог-к, п.68	Саманиды, Наср ибн Ахмед	не определены		подражание	-
70.	Дубовский мог-к, п.71	Саманиды, Наср ибн Ахмед	аш-Шаш, 316 г.х. (928-929 гг.)	дирхем		-

Таблица 25

Нумизматический материал из средневековых марийских памятников (продолжение)

№ п/п	Место нахождения	Династия, правитель, период	Место и дата чеканки	Монеты	Подражания	Примечания
1	2	3	4	5	6	7
71.	Дубовский мог-к, п.73	Саманиды, Наср ибн Ахмед	аш-Шаш, 315 г.х. (927-928 гг.)	дирхем		-
72.	Дубовский мог-к, п.76	Саманиды, Ахмед ибн Исмаил	Самарканд, 295-301 г.х. (907-914 гг.)	дирхем		-
73.	Дубовский мог-к, п.76	Саманиды, Наср ибн Ахмед	Самарканд, 310 г.х. (922-923 гг.)	дирхем		-
74.	Дубовский мог-к, п.76	Саманиды, Наср ибн Ахмед	не определены		подражание	-
75.	Дубовский мог-к, п.82	куфический период	не определены		литое подражание	два отверстия, обломана
76.	Дубовский мог-к, кв. Д/01	Саманиды, Исмаил ибн Ахмед	аш-Шаш		подражание	пробита
77.	Дубовский мог-к, кв. Е/4, гл. 45 см	Саманиды, Абд ал-Малик ибн Нух	343-350 г.х. (954-961 гг.)	дирхем		сильно стёрта, обломана

Таблица 25

Нумизматический материал из средневековых марийских памятников (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7
78.	Дубовский мог-к, кв. Л/3	куфический период	не определены		оттиск с лиц. стор.	-
79.	Дубовский мог-к, кв. Л/3	куфический период	не определены		оттиск с лиц. стор.	-
80.	Юльяльский могильник, подъёмный материал	Король Эрдели	987-1016 гг.	денарий		с обр. стор. чекан с мальтийским крестом не ранее XIV в.
81.	Юльяльское селище	Хакан Тохта	Сарай, 710 г.х. (1310-1311 гг.)	+		обрезана до 0,66 г к. XIV – н. XV вв.
82.	Важнангерское (Мало-Сундырское) городище	Сильно стертая с надчеканом	(?) русская, XIV-XV вв.	+		-
83.	Важнангерское (Мало-Сундырское) городище	Хан Джанибек	1350-1351 гг.	+		обрезана к. XIV – н. XVвв.
84.	Важнангерское (Мало-Сундырское) городище	Василий Дмитриевич	XIV в.	+		-

Видовой состав животных

Памятники	Дата	Домашние животные				
		Свинья	КРС	МРС	Лошадь	Собака
1	2	3	4	5	6	7
Одоевское городище	I тыс.н.э.	30	3	2	4	-
Богородское городище	I тыс.н.э.	4-5	1	-	1	-
Чортово городище	VI-VII вв.н.э.	3-4	1	-	2	-
Сомовское II городище	VII в.н.э.	6	2	2	1	1
Юльяльское селище	XIII-нач. XVвв.	5	17	2	4	-
Красное Селище II селище	к. XIII-XV вв.	19	5	12	2	3
Картуковский могильник	XVI-XVII вв.	-	9	-	27	-
Мало-Кугунурский могильник	XVI-нач. XVIII вв.	-	-	1	1	-
Сосновая Грива могильник	XVII в.	-	-	-	2	-

Таблица 26

из средневековых марийских памятников

Дикие животные												Птица	Рыба
Лось	Медведь	Барсук	Куница	Бобр	Хорек(?) Норка(?)	Выдра	Волк	Лисица	Водяная крыса	Заяц	Олень		
8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
4-5	1	-	8	11	1	1	1 ?	1 ?	1	3	-	-	-
1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-
-	-	-	1	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-
1	1	2	1	3	-	-	-	-	-	-	-	1	18
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	1	-	26	19
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

Примечание:

Данные по остеологическому материалу Одоевского, Богородского, Чортова городищ даны по работе Формозова А.Н. «Материалы к истории фауны Приветлужья» // МИА. М. 1951. Вып. 22.

Материал Сомовского II городища и Юльяльского селища 1986 года определен к.б.н. О.Г. Богаткиной.

Материал Красного Селища II определен аспиранткой Института истории Академии наук Татарстана Г.Ш. Асылгараевой.

Материалы Картуковского, Мало-Кугунурского, Сосновая Грива могильников анализирован д.б.н. А.Г. Петренко.

Таблица 27

Таблица сходства памятников I тыс. н.э.
Украшения

Признак / Памятник	Кол-во захоронений	Головные уборы (%)			Степень сходства	Накосники (%)						Степень сходства
		Жгуты	Венчики	Шапочка		2 шнурка с бусами	Раздвоен. ремешок	Кистевой	2 пары ремешков	Несколько ремешков	Бутыльч. подвески	
Младшее Ахмылово	76	46,2	38,5	10	100	20	20	20	20	20	0	100
Безводнино	148	44,4	51,9	3,7	86,6	40	10	30	10	10	0	70
Желтухино	24	25	75	0	63,5	0	0	50	50	0	0	40
Кочкино	34	90	10	0	56,2	0	0	0	0	0	0	0
Шор-Унжа	6	0	0	0	0	0	0	0	0	100	0	20
Концово	30	0	0	100	100	0	0	0	0	100	0	20

Таблица 27

Таблица сходства памятников I тыс. н.э.
Украшения (продолжение)

Признак / Памятник	Височные кольца (%)						Степень сходства	Фибулы (%)		Степень сходства
	Браслетообразные					Малого диаметра		Крестовидн.	Двухпласт.	
	Разомкнутые концы	Концы внахлест	Из витой проволоки	В 1,5 оборота	Муромс. типа					
Младшее Ахмылово	44,4	50	5,6	0	0	0	100	100	0	100
Безводнино	72,2	25	0	0,6	0	0	69,4	92,6	7,4	92,6
Желтухино	100	0	0	0	0	0	44,4	85,7	14,3	85,7
Кочкино	44,4	0	0	0	22	33,3	44,4	100	0	100
Шор-Унжа	0	0	0	0	0	100	0	0	0	0
Концово	0	30	0	0	0	50	30	0	0	0

Таблица 27

Таблица сходства памятников I тыс. н.э.
Украшения (продолжение)

Признак / Памятник	Гривна (%)							Степень сходства	Перстни (%)			Степень сходства
	Из круг. провол.	С обмот. и бусам	Из перев. провол.	Частичн. перевит	Из треуг. дрота	Пластин.	Ромбич.		Полуовал. и плоские	Спиральные	Щитковые	
Младшее Ахмылово	44,4	33,3	11,1	0	11,1	0	0	100	61,5	38,5	0	100
Безводнино	37,5	25	0	0	12,5	12,5	12,5	73,6	32,4	67,6	0	70,9
Желтухино	100	0	0	0	0	0	0	44,4	62,5	37,5	0	99
Кочкино	0	0	0	0	50	50	0	11,1	38,1	61,9	0	76,6
Шор-Унжа	0	0	0	22,2	22,2	55,6	0	11,1	0	0	100	0
Концово	66,7	0	0	0	33,3	0	0	55,5	0	0	100	0

Таблица 27

Таблица сходства памятников I тыс. н.э.
Украшения (продолжение)

Признак / Памятник	Браслеты (%)					Степень сходства	Сюльгамы (%)						Степень сходства
	Тонкопров. круглые	Толстопров. круглые	Пластин.	Граненые	Спиральные		Из кругл. пров. с корот. усами	Плоские с короткими усами	Из овал. дрота с корот. усами	Кругл. с длин. усами	Плоские с длин. усами	С расков. концами	
Младшее Ахмылово	0	72,7	18,2	16	0	100	58,9	21,4	10,7	8,9	0	0	100
Безводнино	18	54	16	9,1	10	79,1	44,3	31,6	3,0	12	6,0	3,0	77,6
Желтухино	10	40	20	0	30	58,2	45,5	36,4	9,1	9,1	0	0	84,9
Кочкино	0	79,2	16,7	0	4,2	89,4	Неполная информация						
Шор-Унжа	16,7	83	0	0	0	72,7	0	0	0	0	0	0	0
Концово	0	100	0	0	0	72,7	0	0	0	0	0	0	0

Таблица 27

Таблица сходства памятников I тыс. н.э.
Украшения (продолжение)

Признак / Памятник	Нагрудные украшения (%)								Степень сходства	Общая степень сходства
	С дверцей	Круглая гладкая	Арочная	Круглая литая со спиралями	Круглые из плетеных жгутов	Круглые с прорезями	Круглые ажурные	Литая пластинч.		
Младшее Ахмылово	9,1	9,1	9,1	27,3	18,2	9,1	18,2	0	100	100
Безводнино	43,75	12,5	0	0	43,75	0	0	0	36,4	72,7
Желтухино	14,3	14,3	0	14,3	28,6	0	0	14,3	50,7	63,4
Кочкино	0	0	0	0	40	0	20		36,4	51,8
Шор-Унжа	0	20	0	0	0	60	0		18,2	13,6
Концово	0	6,7	6,7	0	6,7	66,7	0		29,2	24,6

Таблица 28

Таблица сходства памятников I тыс. н.э.
Погребальный обряд

Признак / Могильник	Кол-во погребений	Способы захоронения				Степень сходства	Кремация			Степень сходства
		Ингумация	Вторичное	Кремация	Кенотаф		По всей длине могилы	В 1 куче	В 2 кучах	
Младшее Ахмылово	76	64,5	10,5	19,7	5,3	100	14,3	64,3	21,4	100
Безводнино	148	61,4	14,3	16,8	7,5	94	29,6	63	7,4	84,7
Кочкино	34	52,9	20,6	26,5	0	83,1	44,5	44,5	11	69,8
Шор-Унжа	6	83,3	0	0	16,7	69,8	0	0	0	0

Таблица 28

Таблица сходства памятников I тыс. н.э.
Погребальный обряд (продолжение)

Памятник	Ориентировка							Степень сходства	Общая степень сходства
	Северная	СЗ	СВ	В	ЮЗ	Ю	З		
Младшее Ахмылово	90,9	2,3	4,5	2,3	0	0	0	100	100
Безводнино	87	1,2	0	0	0	8,3	0	88,2	88,9
Кочкино	0	0	0	16,7	11,1	0	72,2	2,3	51,7
Шор-Унжа	0	75	25	0	0	0	0	6,8	25,5

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 1. **Топография городищ.**
Рис. 2. **Топография селищ.**
Рис. 3. **Сомовское II городище. Общий план.**
Рис. 4. **Сомовское II городище. Раскоп 1978 года**
Рис. 5. **Сомовское II городище. План раскопа 2 1990 года.**
Рис. 6. **Сомовское II городище. Стратиграфия раскопа 2 1990 г.**
Рис. 7. **Ардинское городище. Общий план.**
Рис. 8. **Ардинское городище. План раскопа и производственная площадка.**
Рис. 9. **Ардинское городище. Вымостки в раскопе II.**
Рис. 10. **Васильсурское V городище Репище.**
Рис. 11. **Васильсурское V городище Репище. Раскопы 1992, 1993 гг.**
Рис. 12. **Селище Галанкина Гора. Общий план.**
Рис. 13. **Селище Галанкина Гора. План раскопа.**
Рис. 14. **Селище Галанкина Гора. Стратиграфия слоев.**
Рис. 15. **Удельно-Шумецкое селище.**
Рис. 16. **Важнангерское (Мало-Сундырское) городище. Общий план.**
Рис. 17. **Важнангерское (Мало-Сундырское) городище. План раскопа и части раскопа 1964 года.**
Рис. 18. **Важнангерское (Мало-Сундырское) городище. План раскопа 1999–2000 гг.**
Рис. 19. **Сауткинское селище.**
Рис. 20. **Юльяльское селище.**
Рис. 21. **Носельское III селище. План раскопа.**
Рис. 22. **Топография могильников.**
Рис. 23. **Украшения VI – VII вв.**
Рис. 24. **Украшения IX – XI вв.**
Рис. 25. **Украшения IX – XI вв.**

Рис. 26. **Украшения XI–XIII вв.**

Рис. 27. **Керамика эпохи средневековья.**

Рис. 28. **Инвентарь VII – XII вв.**

Рис. 29. **Инвентарь XI – XII вв.**

Рис. 30. **Инвентарь XVI – XVII вв.**

Рис. 31. **Инвентарь из средневековых марийских памятников (сводная таблица).**

Рис. 32. **Карта расселения мари в VI – VII вв. н.э. (1 этап).**

Рис. 33. **Младший Ахмыловский могильник. Погребение 15.**

Рис. 34. **Младший Ахмыловский могильник. Погребение 19.**

Рис. 35. **Младший Ахмыловский могильник. Погребение 43.**

Рис. 36. **Младший Ахмыловский могильник. Погребение 45.**

Рис. 37. **Младший Ахмыловский могильник. Погребения 52, 51, 41.**

Рис. 38. **Младший Ахмыловский могильник. Погребения 56, 44.**

Рис. 39. **Младший Ахмыловский могильник. Погребения 87, 82.**

Рис. 40. **Младший Ахмыловский могильник. Погребение 100, 89.**

Рис. 41. **Младший Ахмыловский могильник. Погребение 91.**

Рис. 42. **Младший Ахмыловский могильник. Погребение 91.**

Рис. 43. **Младший Ахмыловский могильник. Погребения 122, 102.**

Рис. 44. **Младший Ахмыловский могильник. Погребение 128.**

Рис. 45. **Младший Ахмыловский могильник. Погребения 153, 153-а.**

Рис. 46. **Младший Ахмыловский могильник. Погребение 487.**

Рис. 47. **Могильник на Чортовом городище.**

Рис. 48. **Сомовское II городище. Вещевой комплекс.**

Рис. 49. **Сомовское II городище. Вещевой комплекс.**

Рис. 50. **Сомовское II городище. Вещевой комплекс.**

Рис. 51. **Ардинское городище. Вещевой комплекс.**

Рис. 52. **Кубашевское городище. Вещевой комплекс.**

Рис. 53. **Карта расселения мари в VIII – XI вв. н.э. (2 этап).**

Рис. 54. **Куст населения рубежа I – II тыс. н.э. в Юринском районе Республики Марий Эл.**

Рис. 55. **Ижевское городище. Вещевой комплекс.**

Рис. 56. **Дубовский могильник. Вещевой комплекс. [Архипов Г.А. 1984].**

Рис. 57. **Дубовский могильник. Вещевой комплекс. [Архипов Г.А. 1984].**

Рис. 58. **Могильник Нижняя Стрелка. Погребение 5.**

Рис. 59. **Могильник Нижняя Стрелка. Погребение 5.**

Рис. 60. **Могильник Нижняя Стрелка. Погребение 5.**

Рис. 61. **Могильник Нижняя Стрелка. Погребение 5.**

Рис. 62. **Могильник Нижняя Стрелка. Погребение 7.**

Рис. 63. **Могильник Нижняя Стрелка. Погребение 24, 25.**

Рис. 64. **Карта расселения мари в XII – XV вв. н.э. (3 этап).**

Рис. 65. **Куст памятников XIII – XIV вв. у д. Красное Селище.**

Рис. 66. **Васильсурское V городище. Вещевой комплекс.**

Рис. 67. **Выжумский III могильник. Погребение 8.**

Рис. 68. **Выжумский III могильник. Погребение 4, 11.**

Рис. 69. **Выжумский III могильник. Погребение 11.**

Рис. 70. **Выжумский III могильник. Погребение 22.**

Рис. 71. **Выжумский III могильник. Погребение 24.**

Рис. 72. **Выжумский III могильник. Погребение 24.**

Рис. 73. **Руткинский могильник. Погребение 5, 1.**

Рис. 74. **Руткинский могильник. Погребение 17.**

Рис. 75. **Руткинский могильник. Погребение 23.**

Рис. 76. **Руткинский могильник. Погребения 16, 44.**

Рис. 77. **Красноселищенское II селище. Вещевой инвентарь и керамика.**

Рис. 78. **Юльяльское селище и могильник. Вещевой комплекс.**

Рис. 79. **Важнангерское (Мало-Сундырское городище). Вещевой комплекс.**

Рис. 80. **Карта расселения марийцев в XVI – XVII вв. н.э.**

Рис. 81. **Карта расселения марийцев в 1860 г. (карта Риттиха, 1870).**

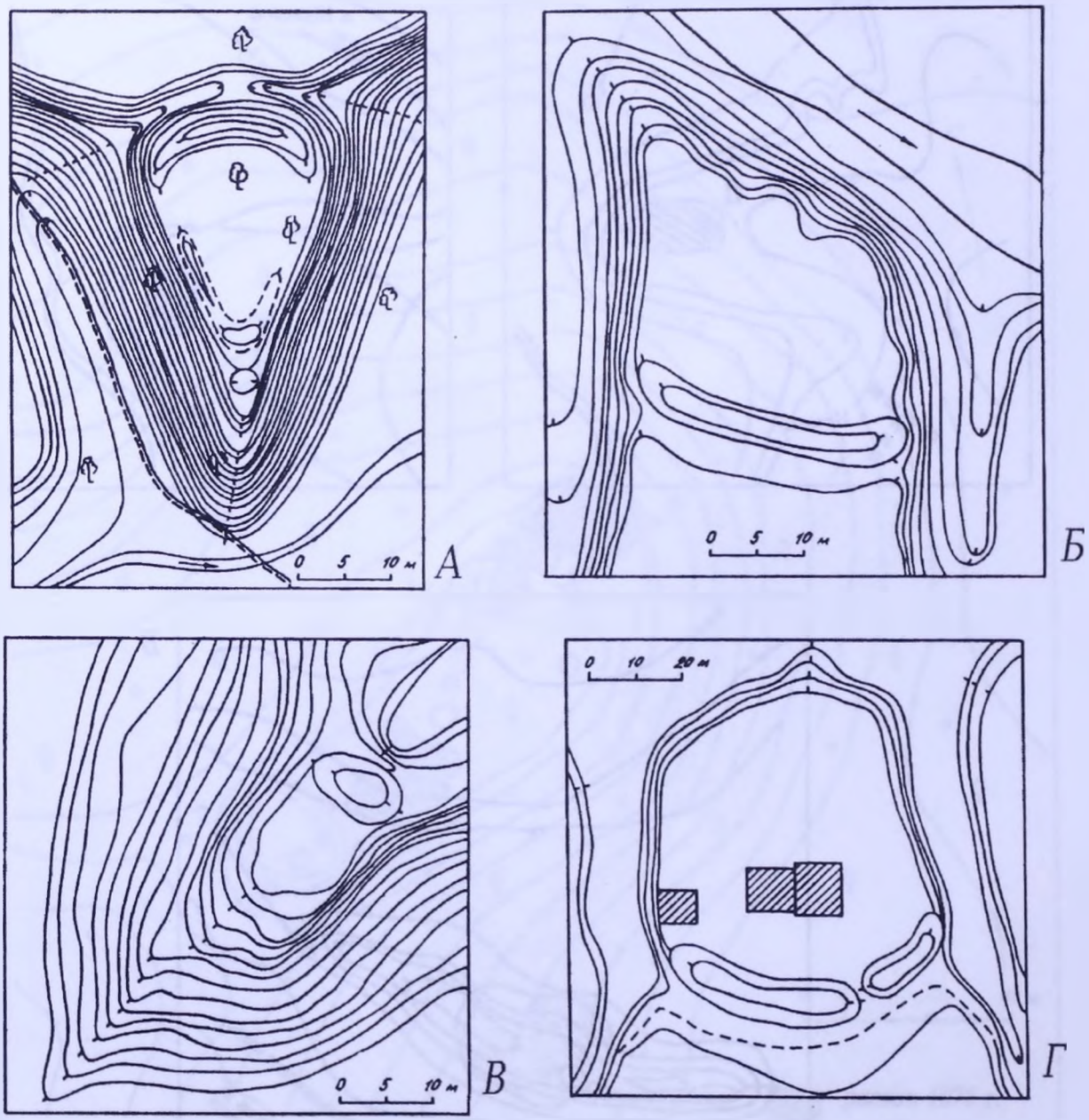

Рис. 1. **Топография городищ.**
А – городище Красное Селище; Б – Большетанаковское городище; В – Васильсурское II городище; Г – Старосельское городище.

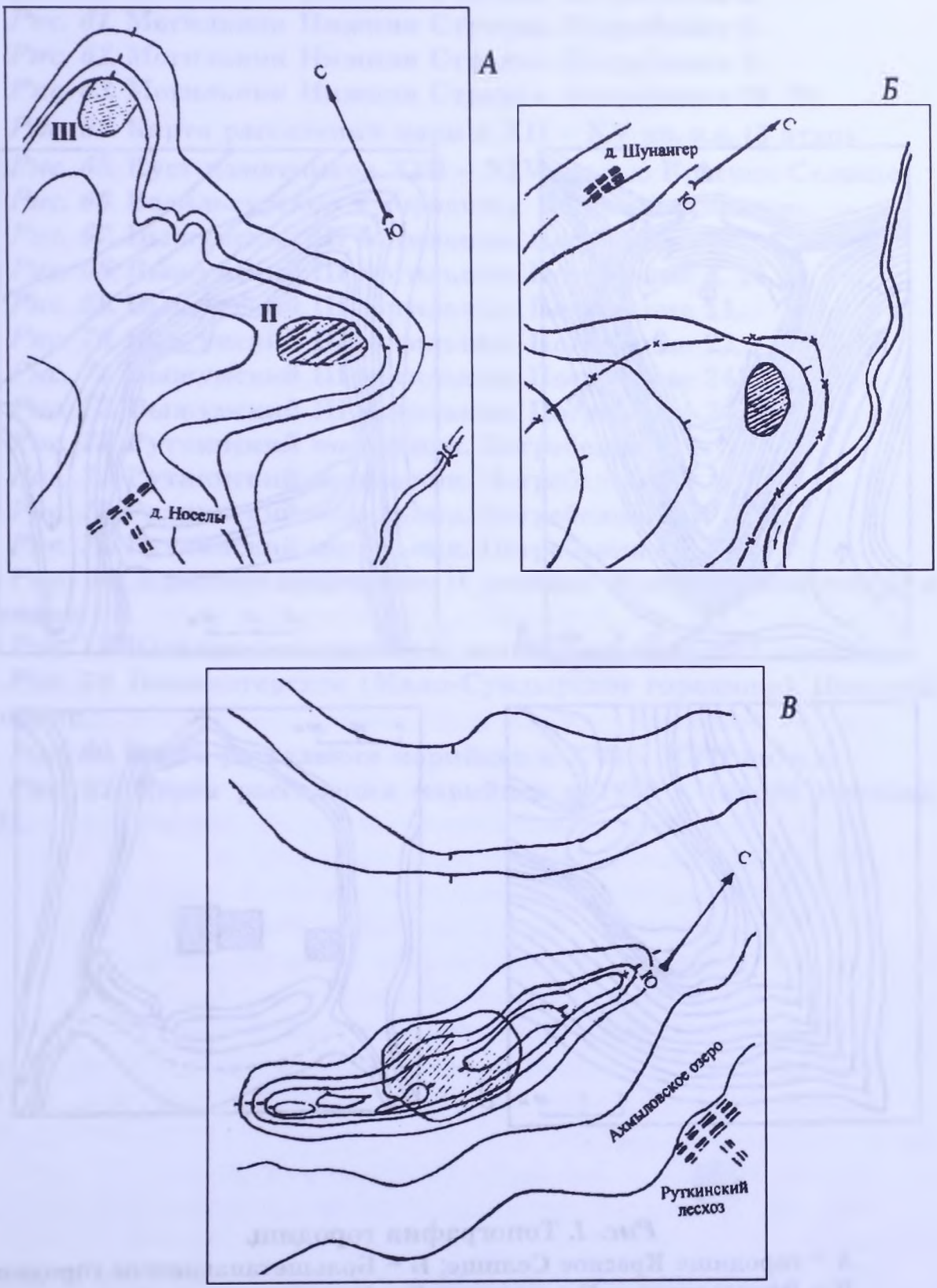

Рис. 2. **Топография селищ.**
А – Носельское II и III; Б – Шунангерское I; В – Ахмыловское.

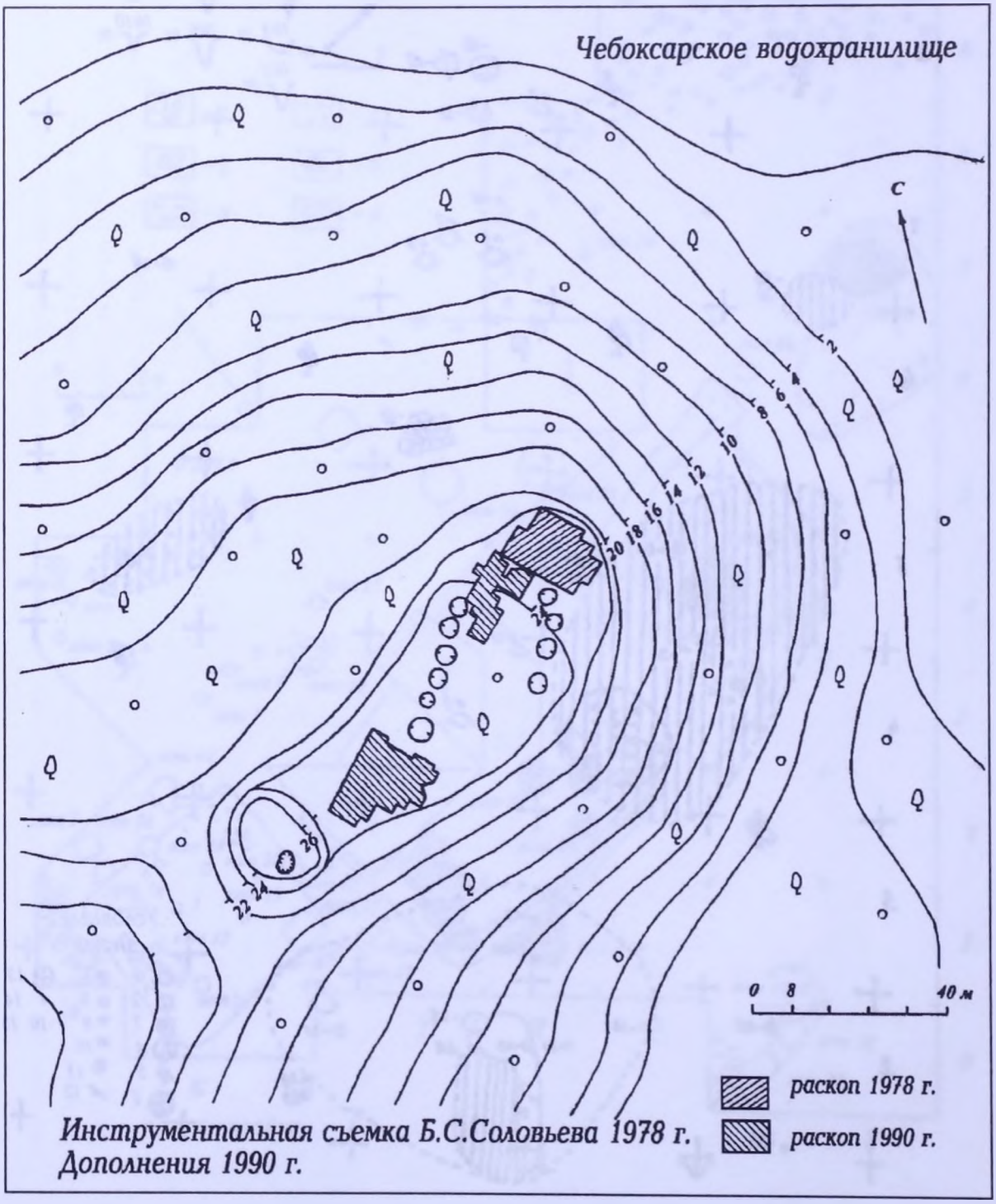

Рис. 3. **Сомовское II городище. Общий план.**

Рис. 4. **Сомовское II городище. Раскоп 1978 года.**
1 – яма; 2 – сосуд раздавленный; 3 – камни; 4 – скопление керамики; 5 – дерево; 6 – обожженная глина; 7 – льячка; 8 – пряслице; 9 – литейная форма; 10 – грузило; 11 – пряжка; 12 – нож; 13 – зола и уголь; 14 – глиняное изделие; 15 – глубина залегания.

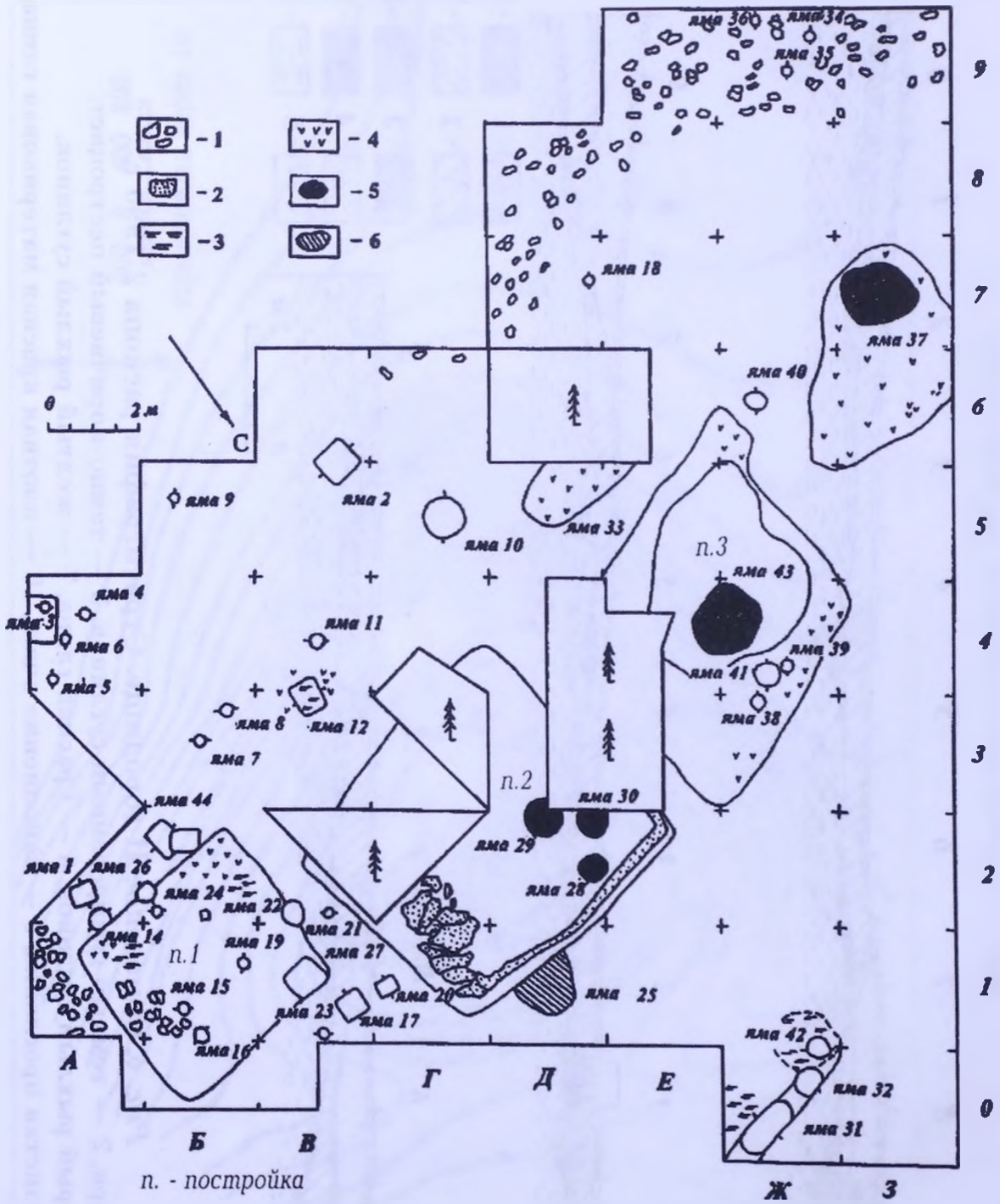

Рис. 5. **Сомовское II городище. План раскопа 2 1990 г.**
1 – камни, 2– глиняная обмазка, 3 – прокал,
4 – угли, 5 – очаги, 6 – яма эпохи бронзы.

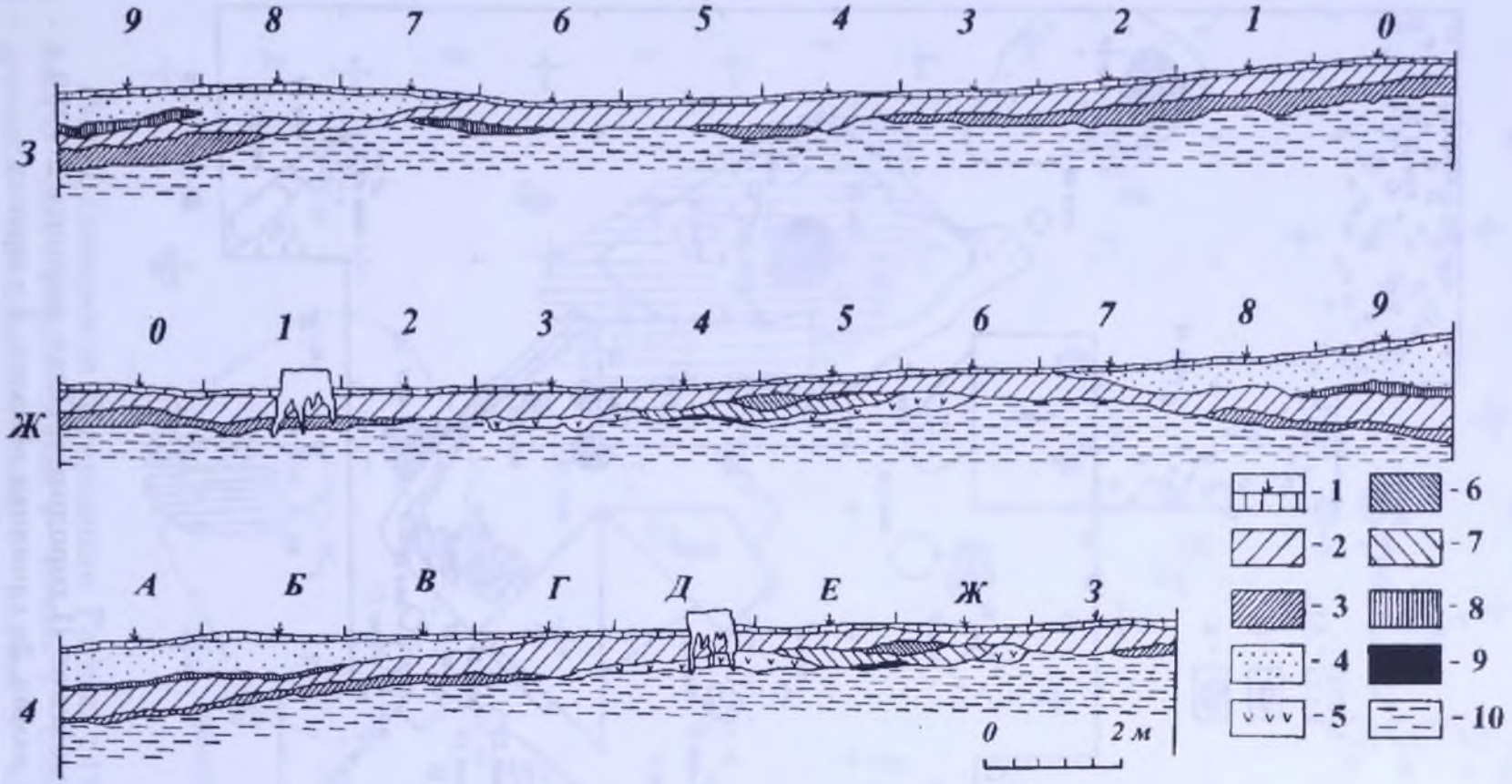

Рис. 6. **Сомовское II городище. Стратиграфия раскопа 2 1990 г.**
1 — дерн, 2 — темный гумированный суглинок, 3 — темно-коричневый пестроцвет, 4 — серый рыхлый суглинок, 6 — красная глина, 7 — желтый рыхлый суглинок, 8 — углистая прослойка, 9 — заполнение очага, 10 — плотная красная материковая глина.

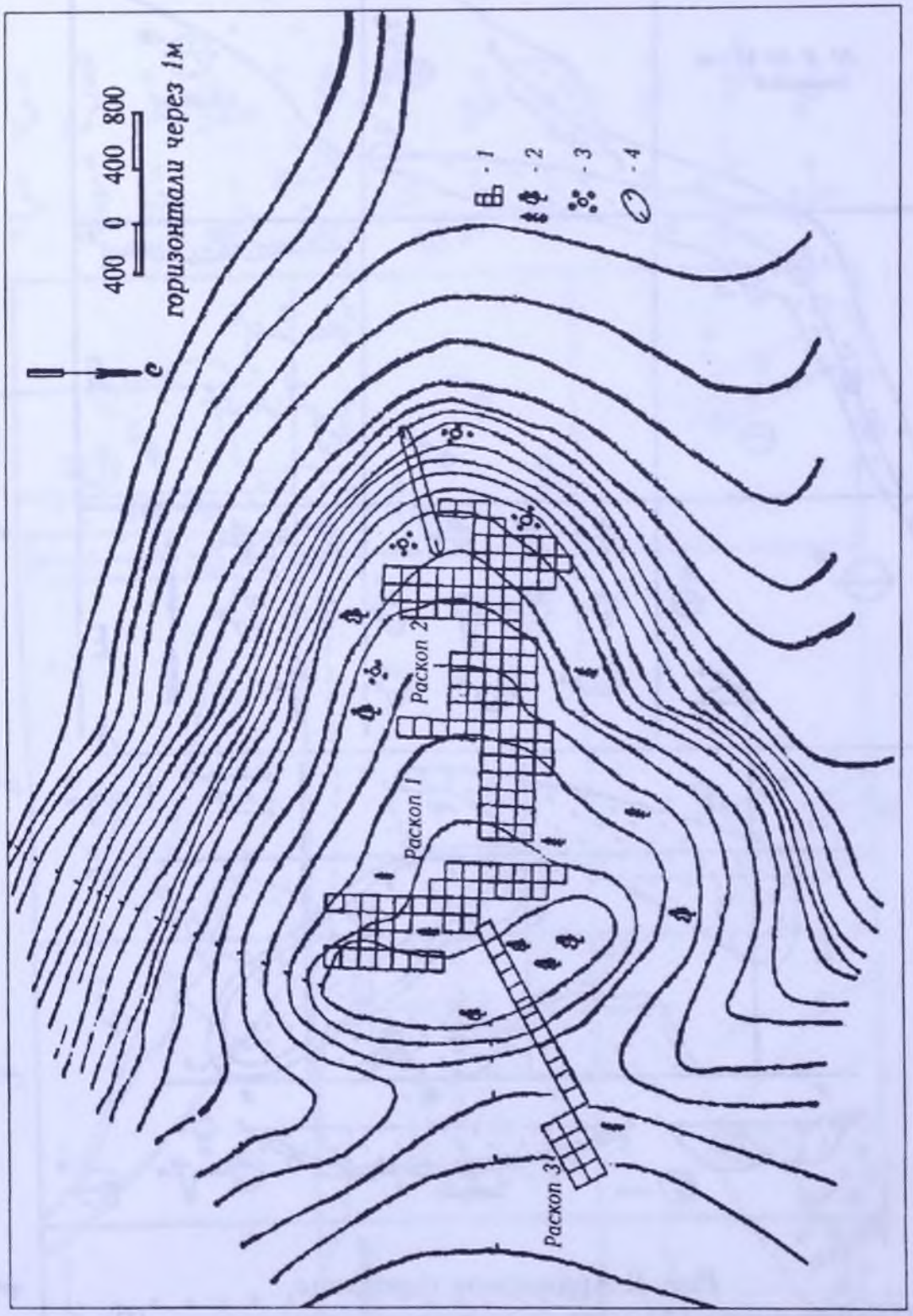

Рис. 7. **Ардинское городище. Общий план.**
1 – раскопы; 2 – деревья; 3 – кусты; 4 – впадины.

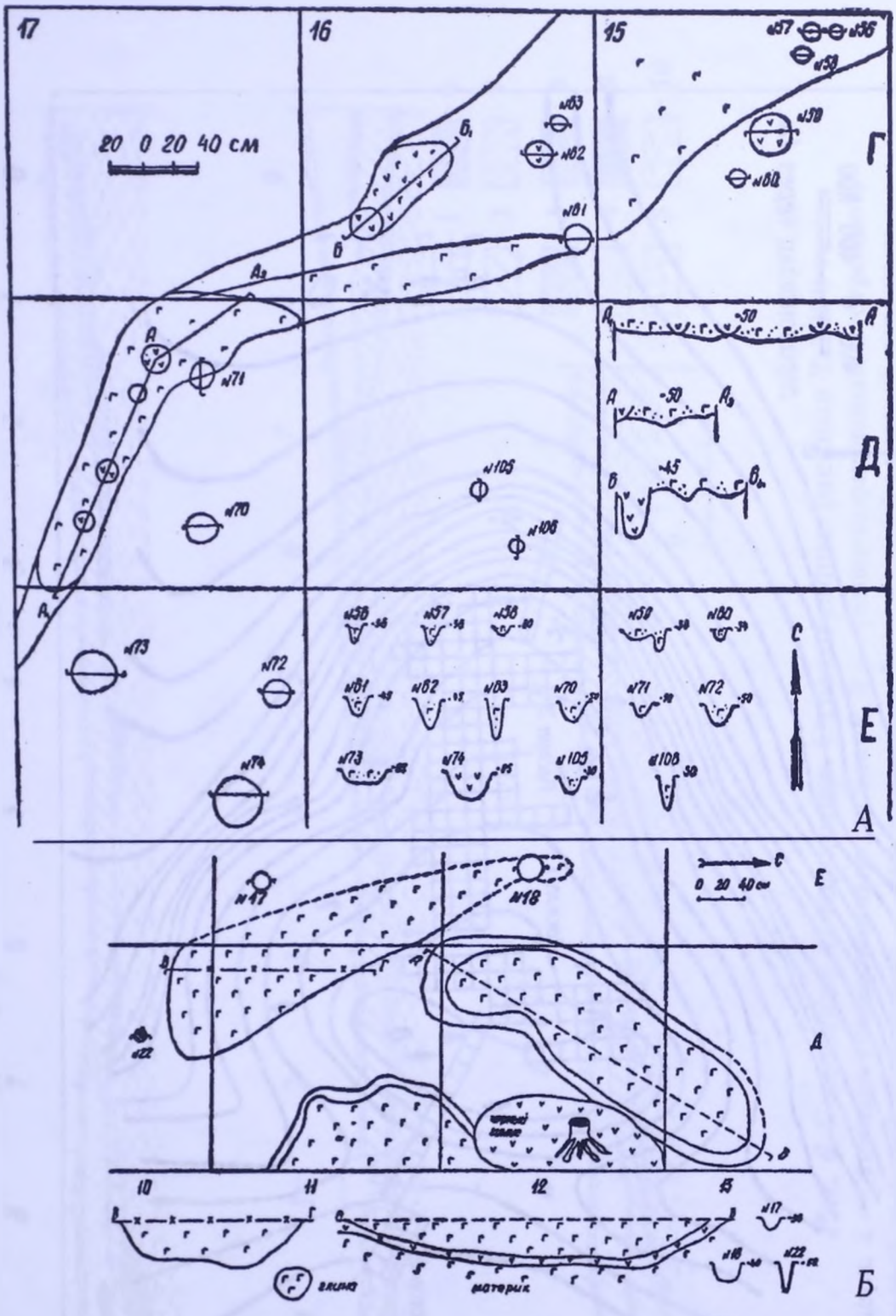

Рис. 8. **Ардинское городище.**
План раскопа (А) и производственная площадка (Б).
1 – контуры глиняных пятен; 2 – контуры гумусных пятен;
3 – столбовые пятна; 4 – углистые включения;
5 – глина; 6 – гумусные включения; 7 – камни.

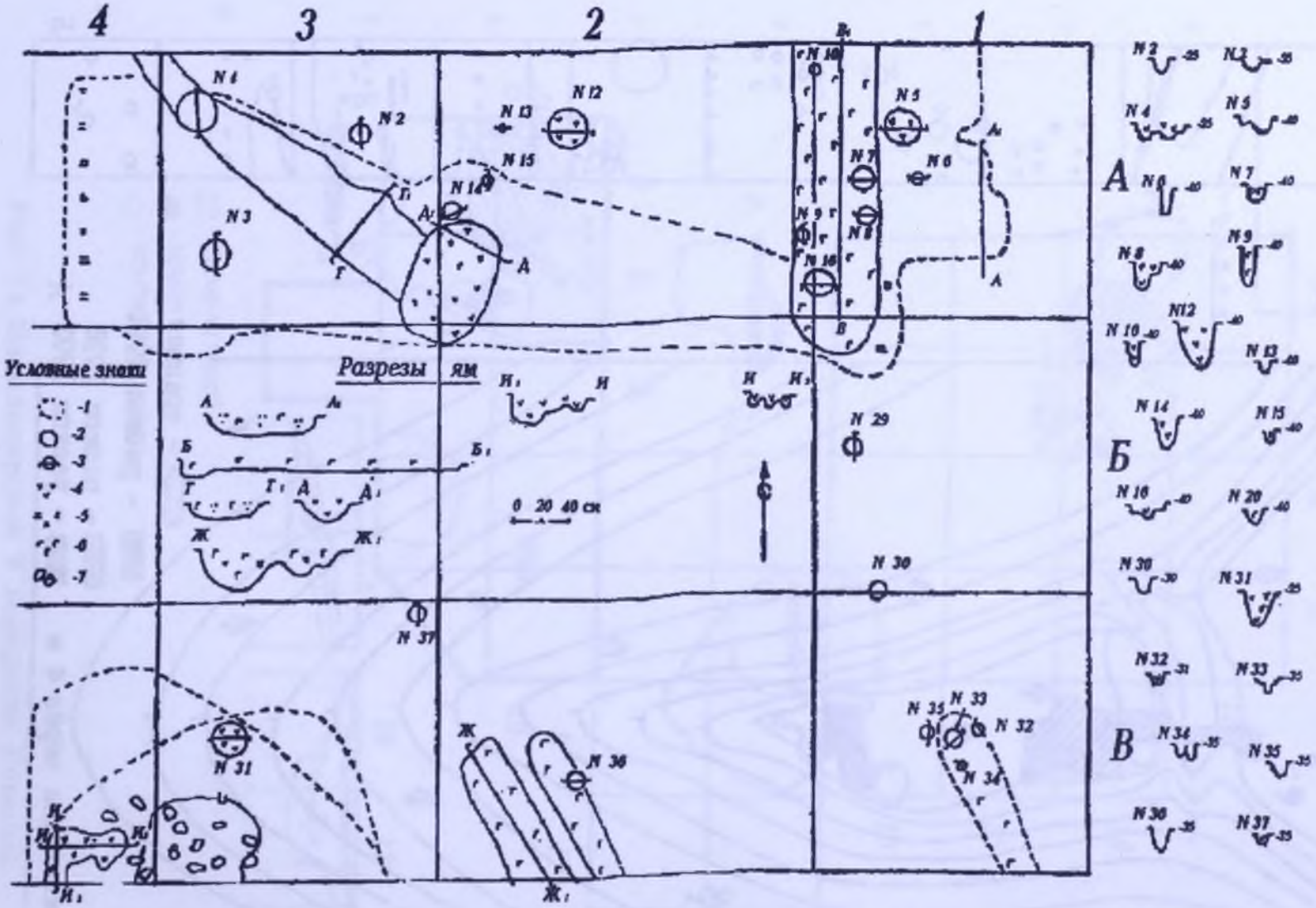

Рис. 9. Ардинское городище. Вымостки в раскопе II.
1 – контуры глиняных пятен; 2 – контуры гумусных пятен; 3 – столбовые пятна; 4 – углистые включения; 5 – глина; 6 – гумусные включения; 7 – камни.

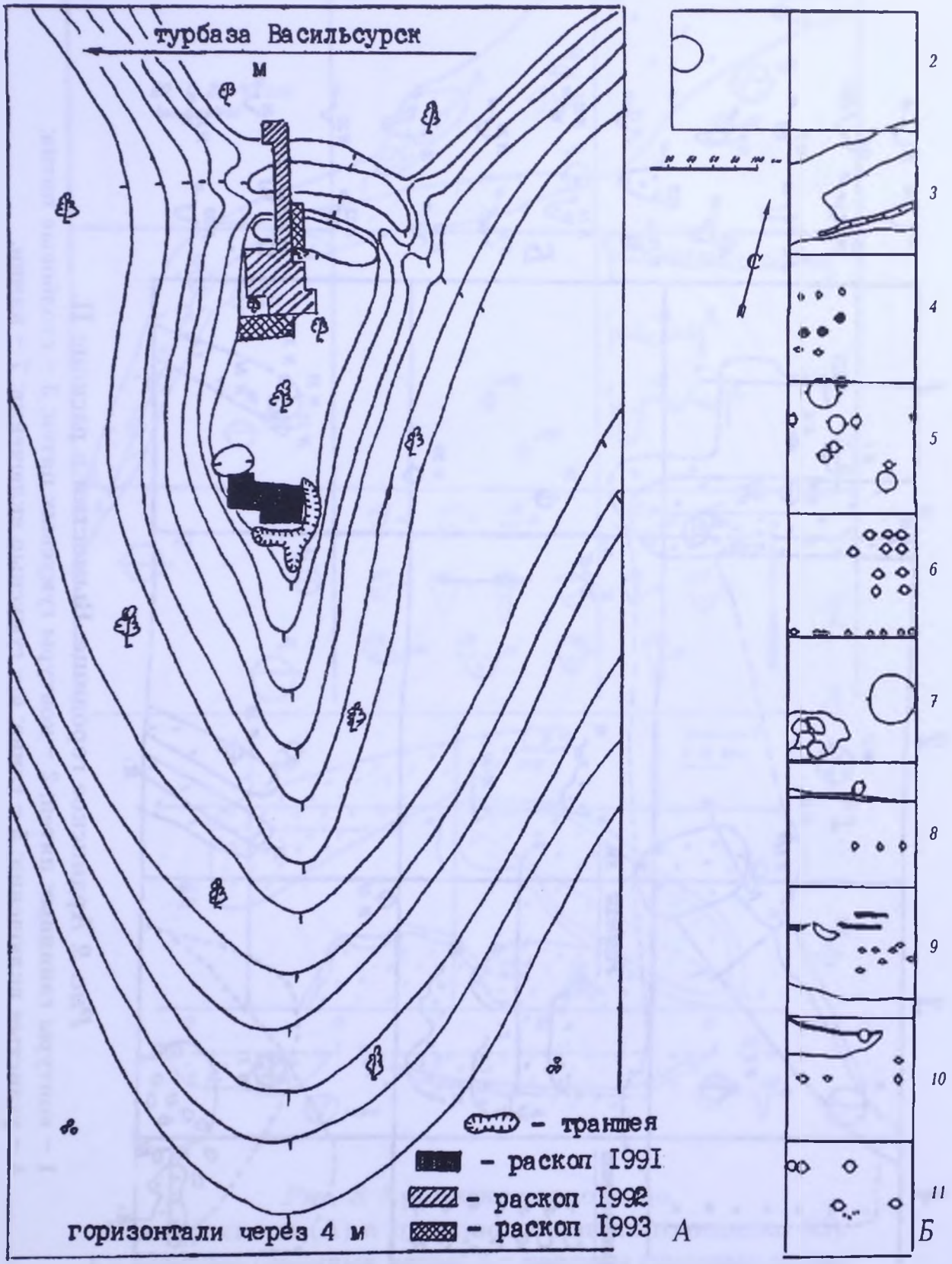

Рис. 10. **Васильсурское V городище Репище.**
А – общий план; Б – траншея на валу.

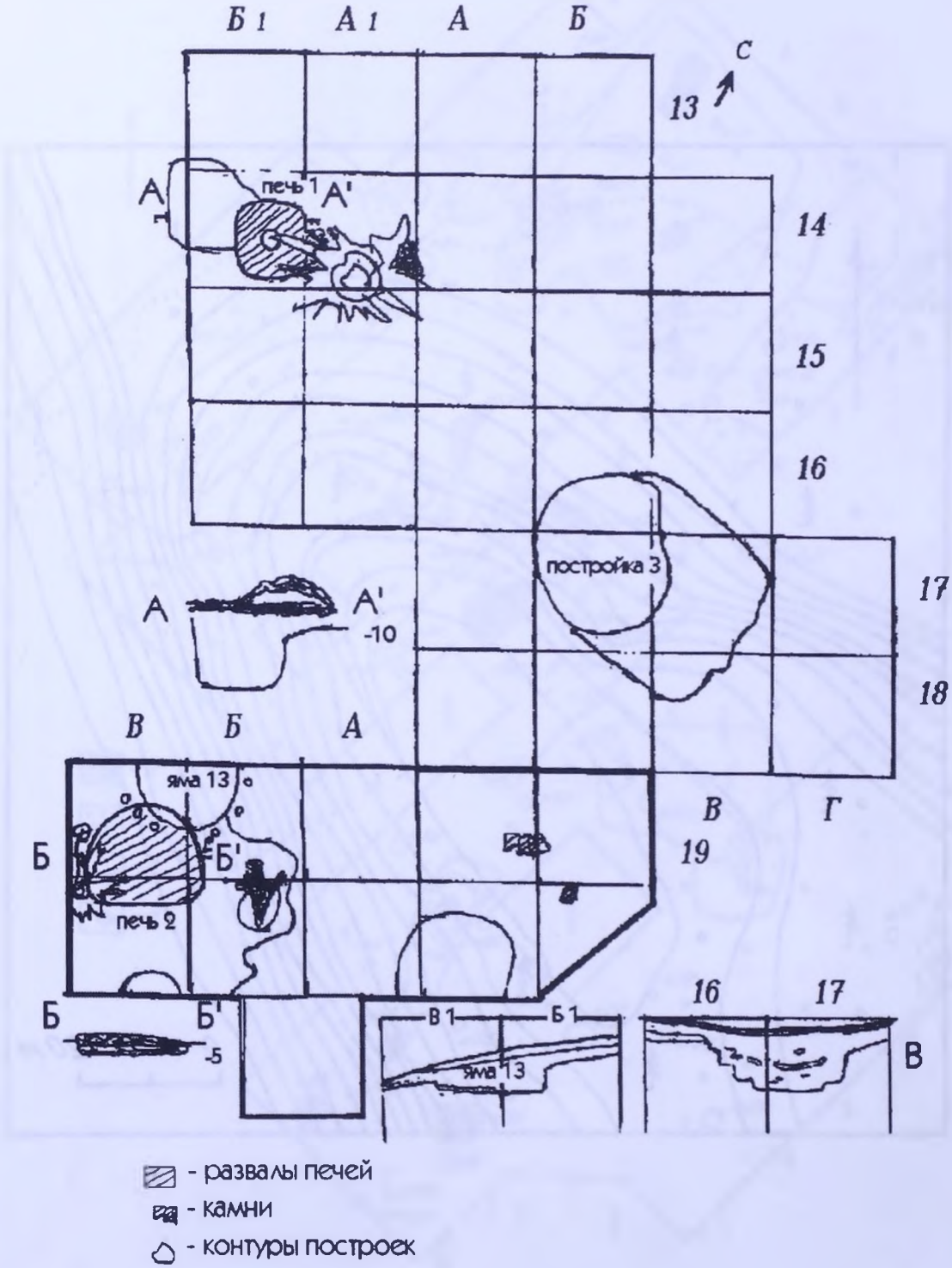

Рис. 11. **Васильсурское V городище Репище. Раскопы 1992, 1993 гг.**

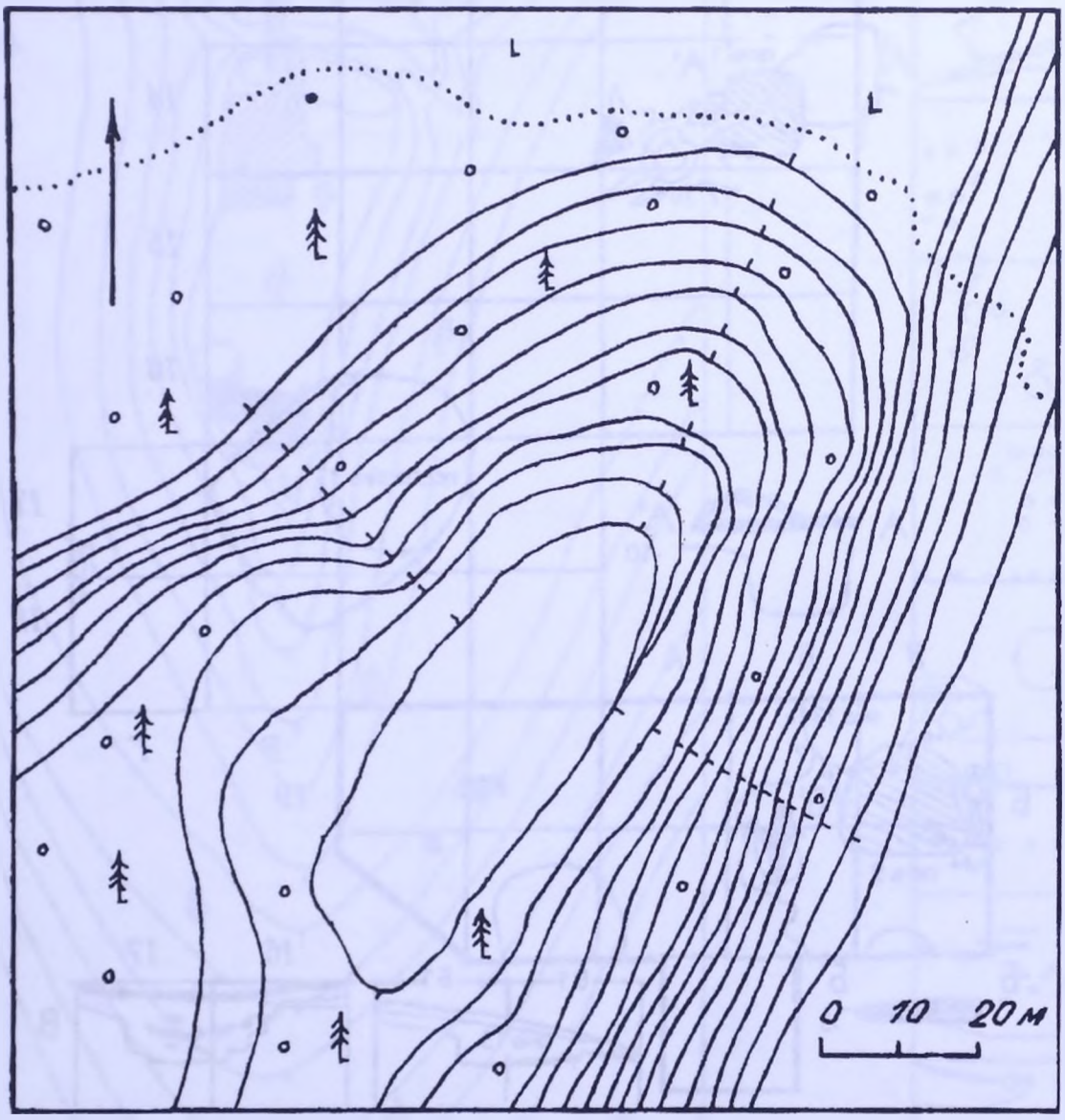

Рис. 12. **Селище Галанкина Гора. Общий план.**

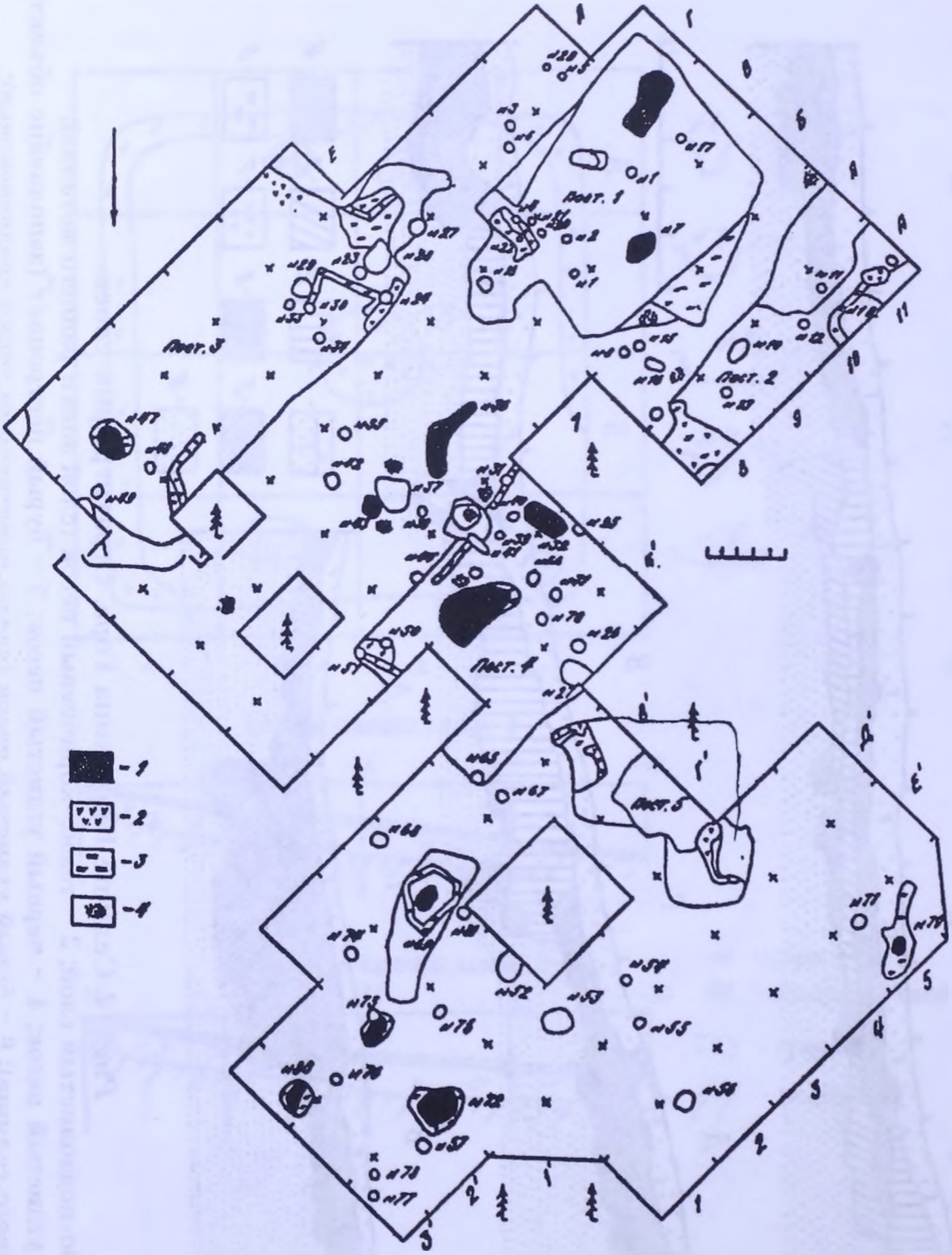

Рис. 13. **Селище Галанкина Гора. План раскопа.**
1 – очаги; 2 – углистые пятна;
3 – зольные пятна; 4 – скопления керамики.

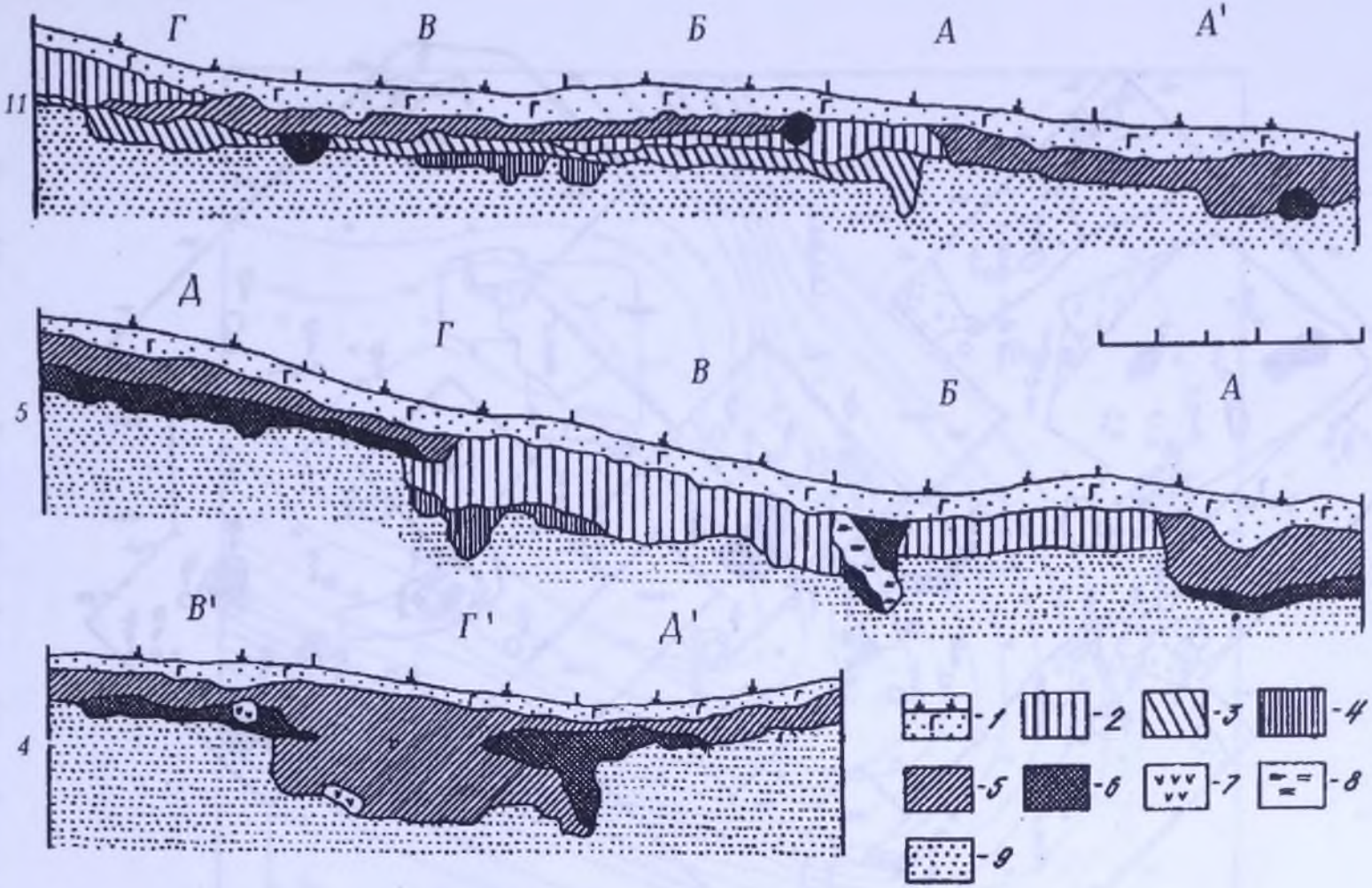

Рис. 14. **Селище Галанкина Гора. Стратиграфия слоев.**

1 – дерново-подзолистый слой; 2 – темно-коричневый песок (слой эпохи раннего металла); 3 – серый углистый песок; 4 – черный углистый песок; 5 – бурый пестроцвет (заполнение объектов средневекового селища); 6 – бурый углистый песок (следы конструкции эпохи средневековья); 7 – уголь с кусками обгорелого дерева; 8 – зола; 9 – светлый песок.

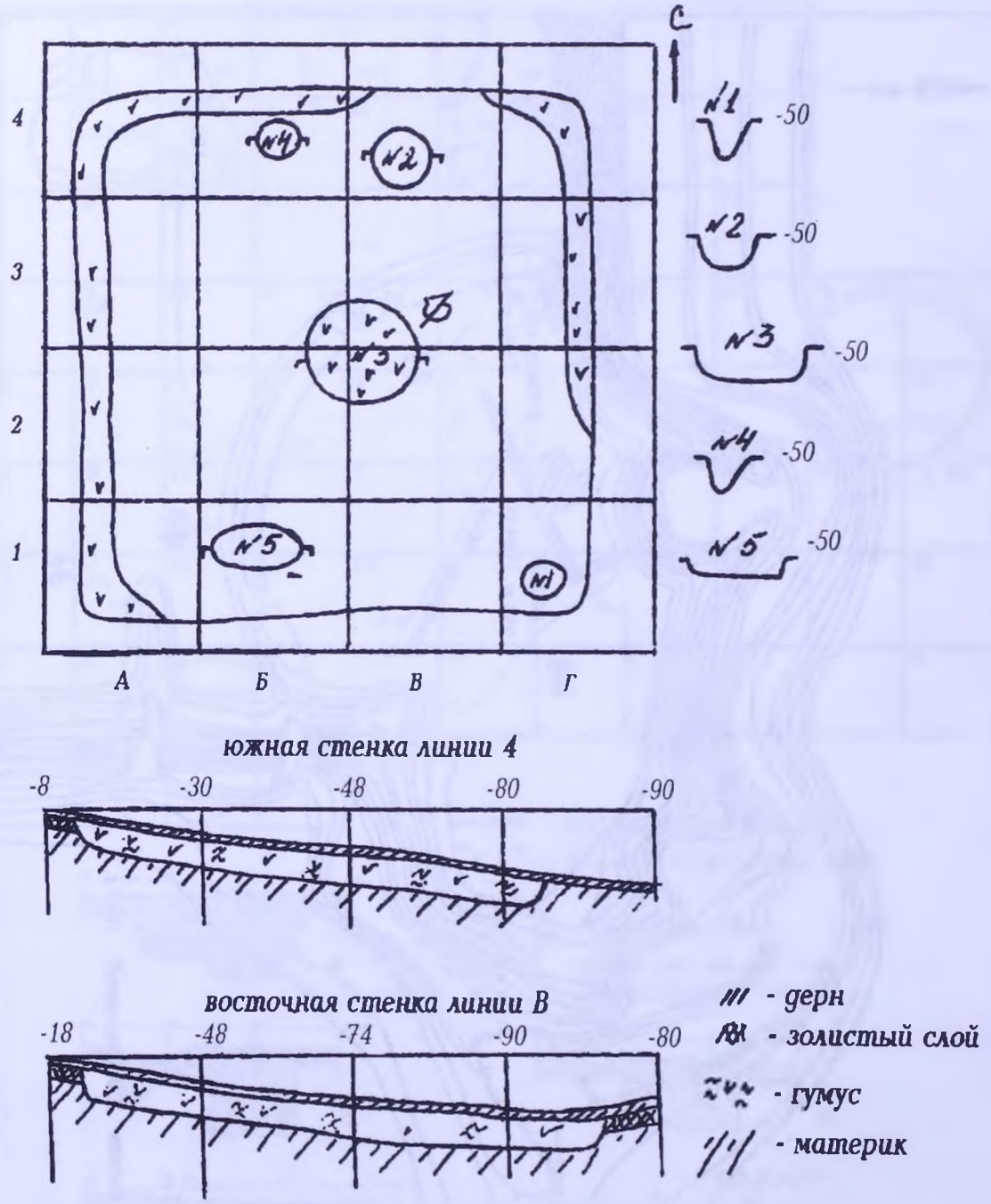

Рис. 15. **Удельно-Шумецкое селище.**

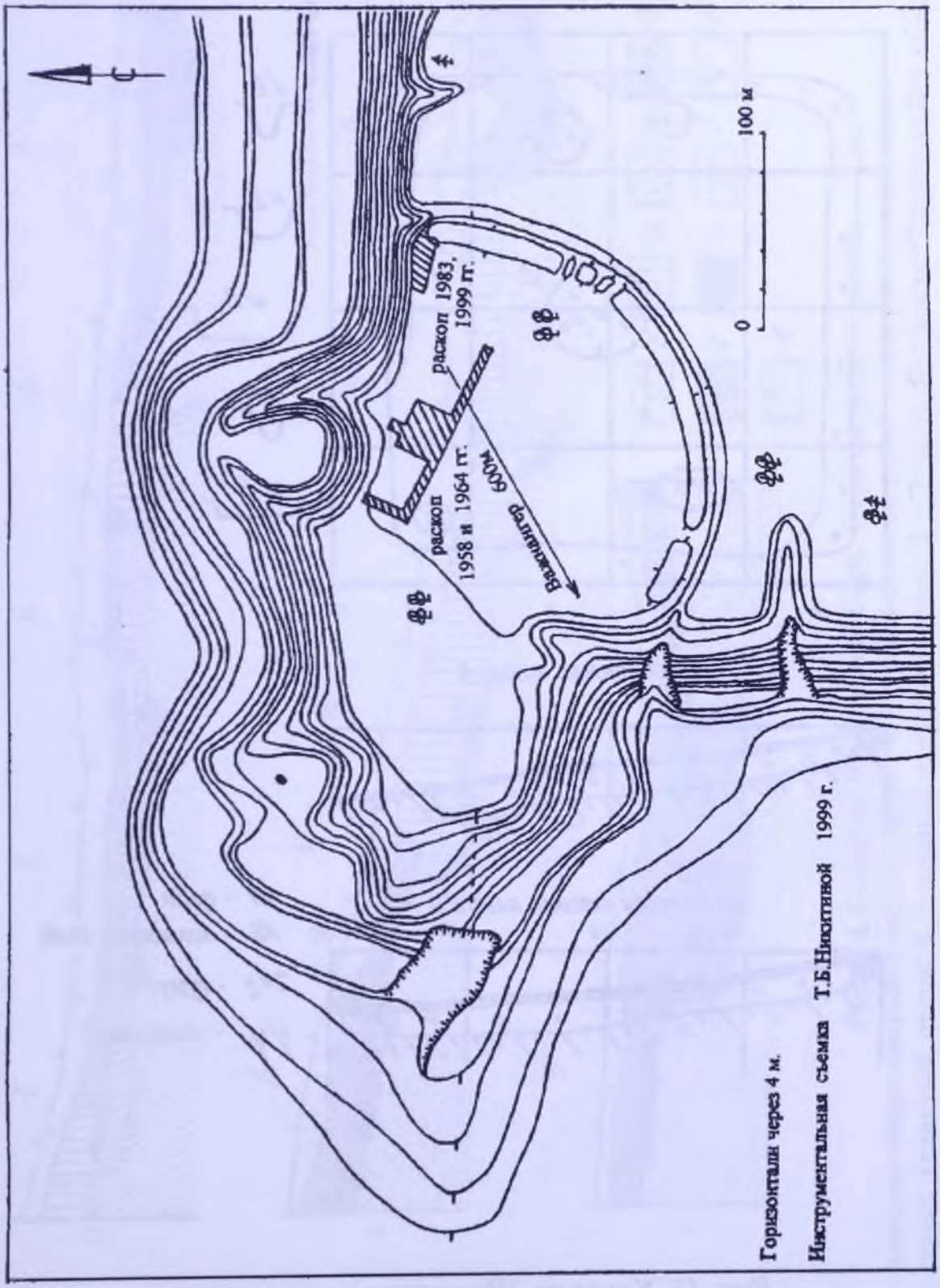

Рис. 16. **Важнангерское (Мало-Сундырское) городище. Общий план.**

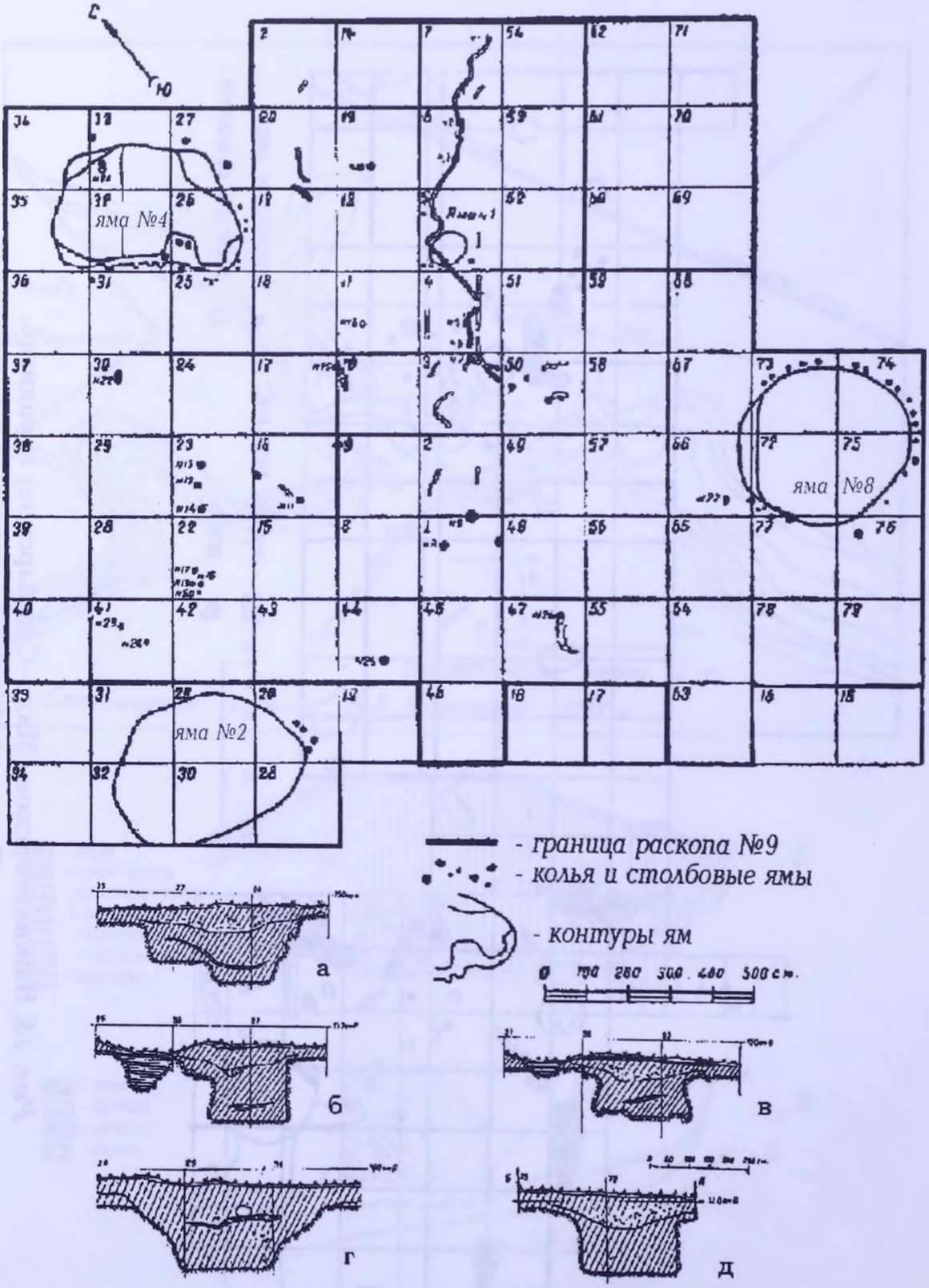

Рис. 17. **Важнангерское (Мало-Сундырское) городище. План раскопа и части раскопа 1964 г.**

План сечений ям: а-в – яма №4; г – яма №2; д – яма №8.

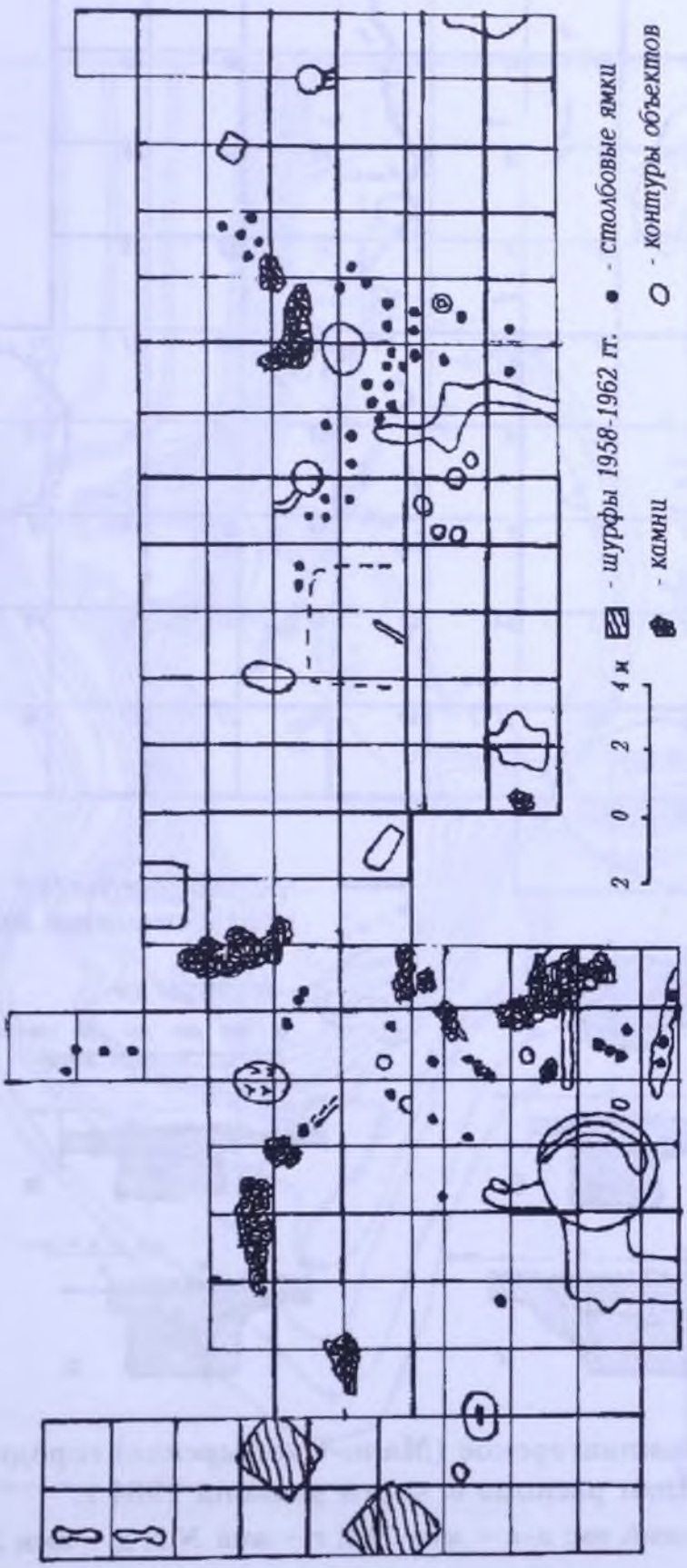

Рис. 18. **Важнангерское (Мало-Сундырское) городище. Раскоп 1999–2000 г.**

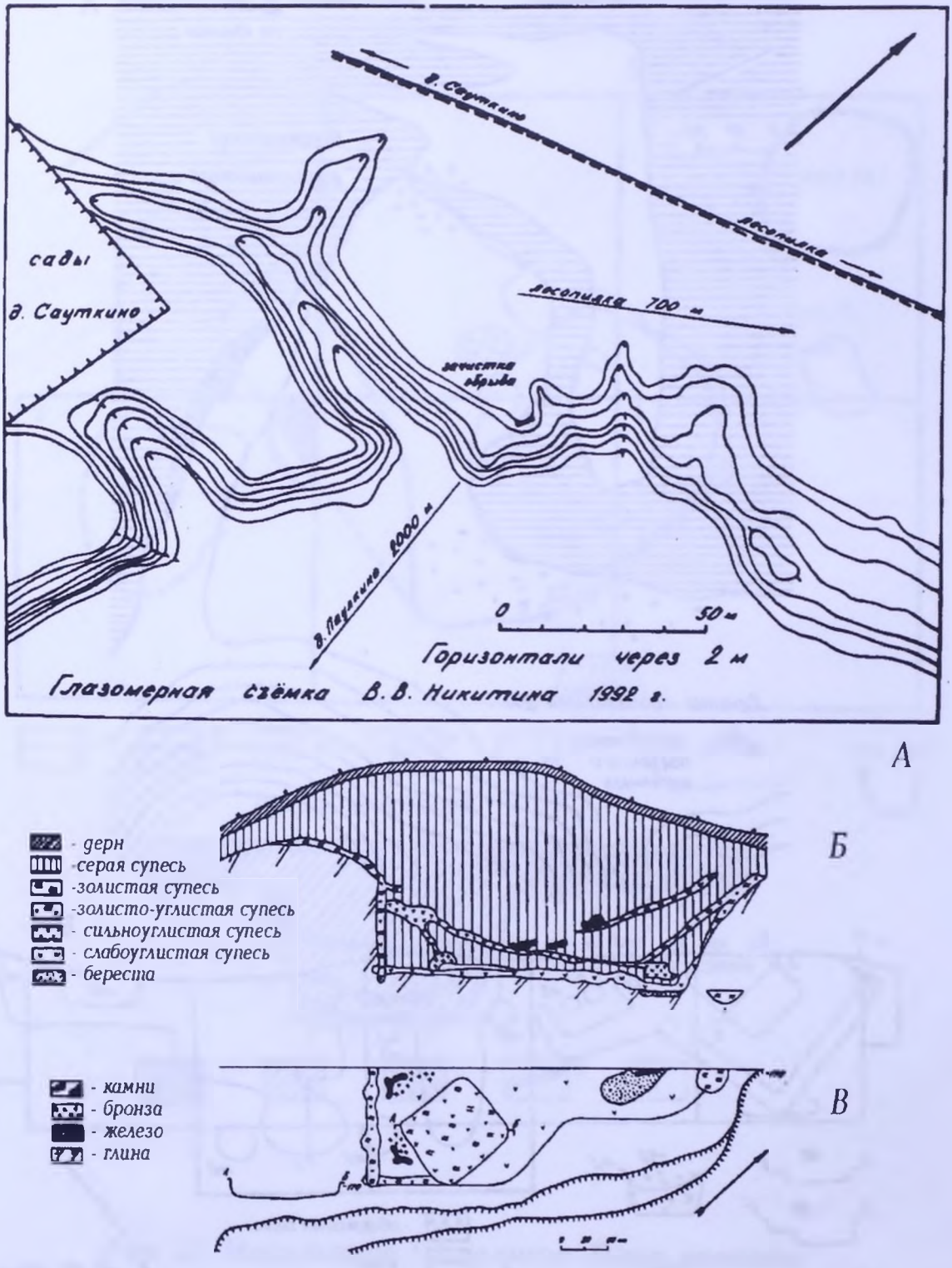

Рис. 19. **Сауткинское селище.**
А – план селища; Б – стратиграфия траншеи; В – план траншеи.

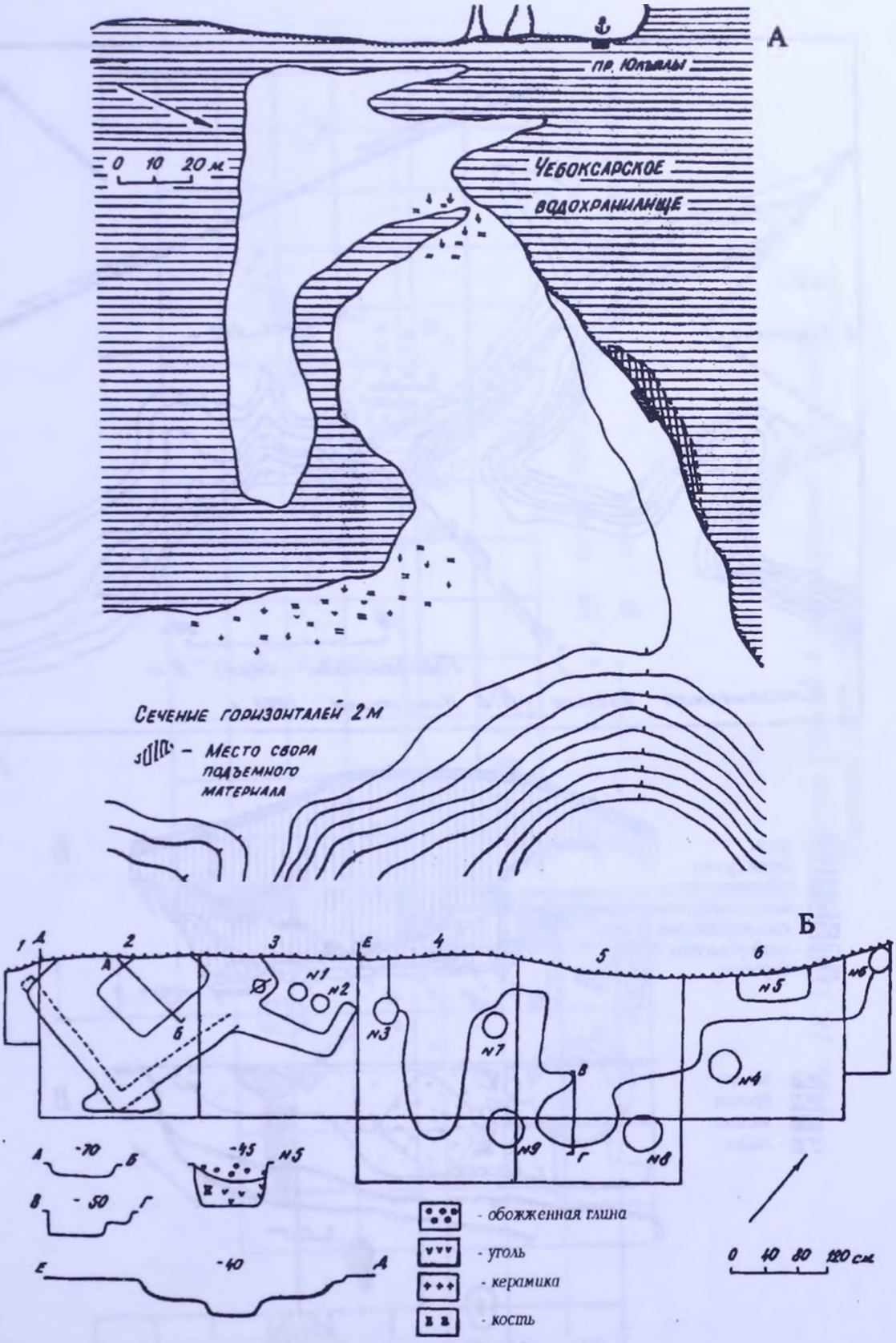

Рис. 20. **Юльяльское селище.**
А – общий план; Б – план траншеи.

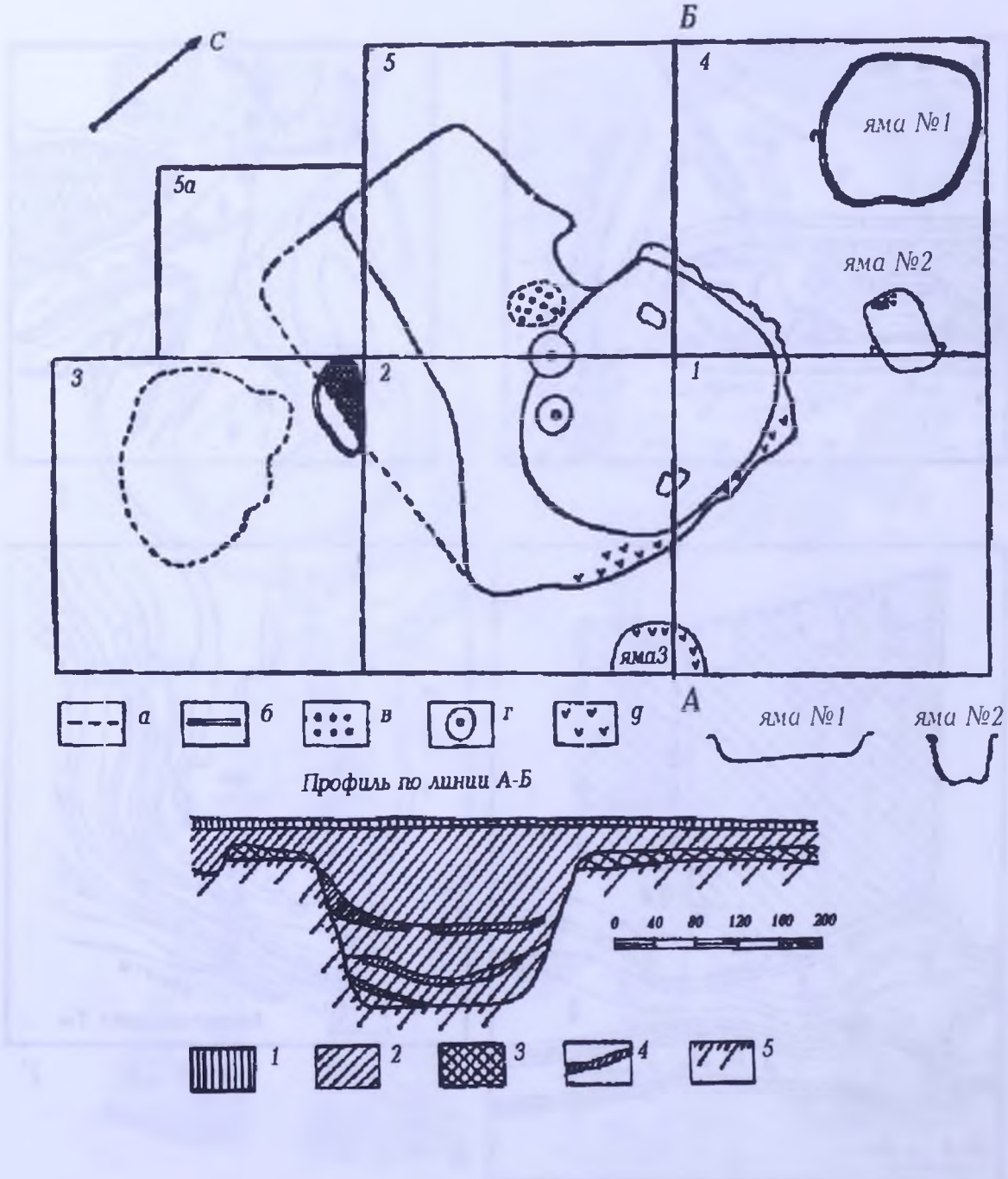

Рис. 21. **Носельское III селище. План раскопа.**
а – пятна верхнего слоя; б – пятна нижнего слоя;
в – глиняные обломки; г – каменные жернова; д – угли,
1 – дерн; 2 – темно-серая супесь (I слой);
3 – светло-серая супесь (II слой);
4 – прослойки древесного тлена; 5 – суглинок (материк).

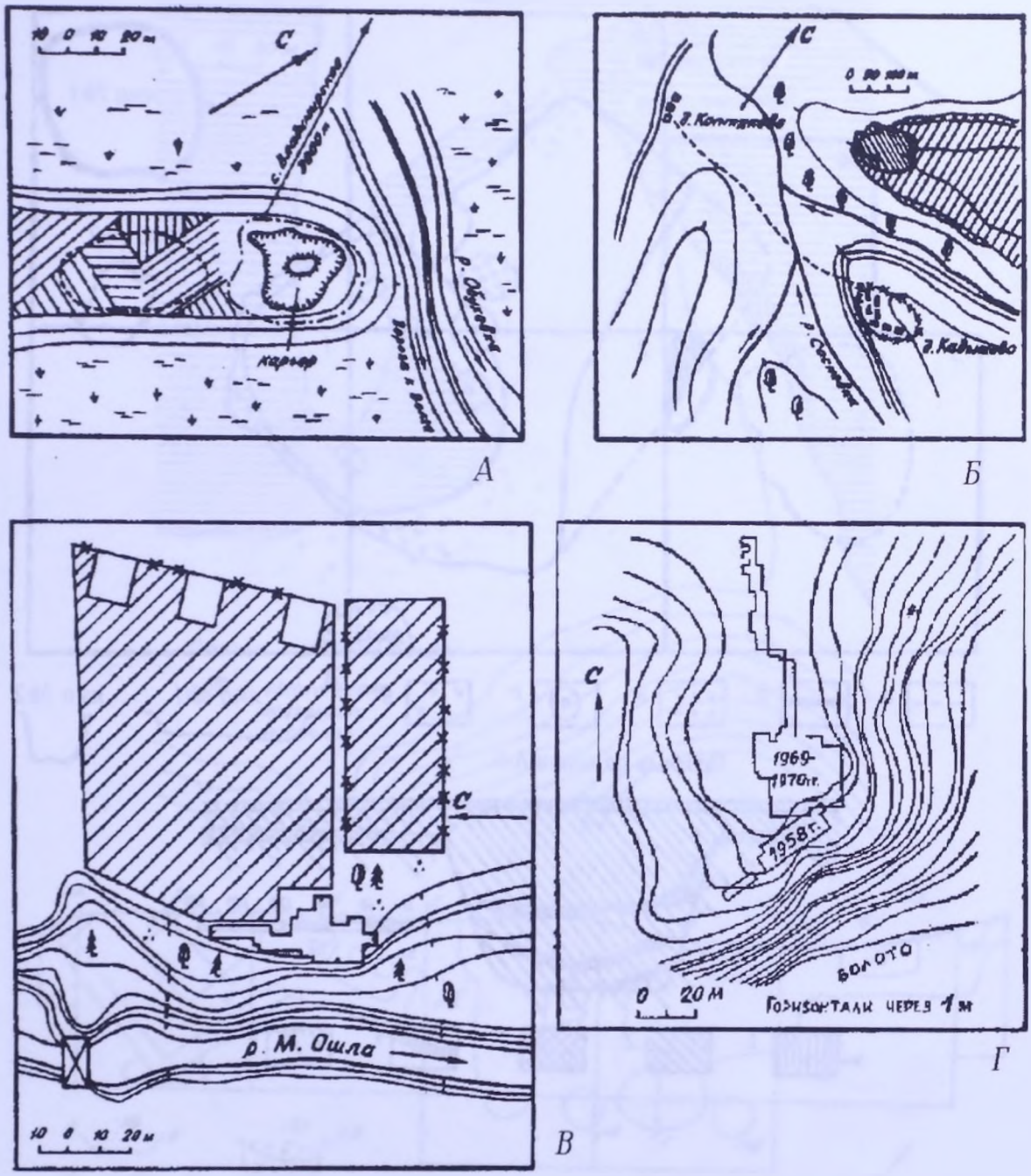

Рис. 22. **Топография могильников.**
А – Владимировский; Б – Кадышевский;
В – Мало-Кугунурский; Г – Руткинский.

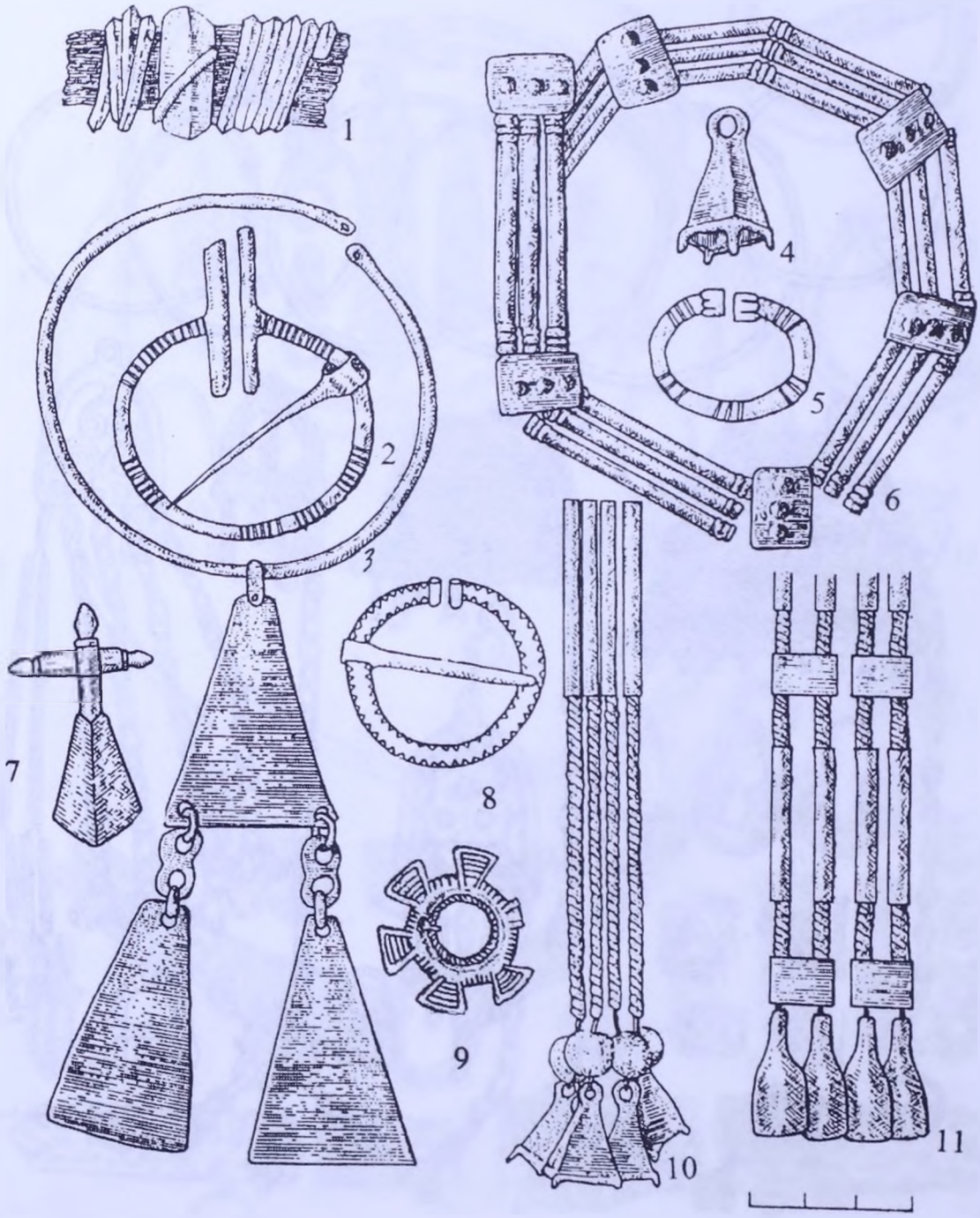

Рис. 23. **Украшения VI-VII вв.**
1–7, 9–11 – Младший Ахмыловский могильник;
8 – Чортово городище.

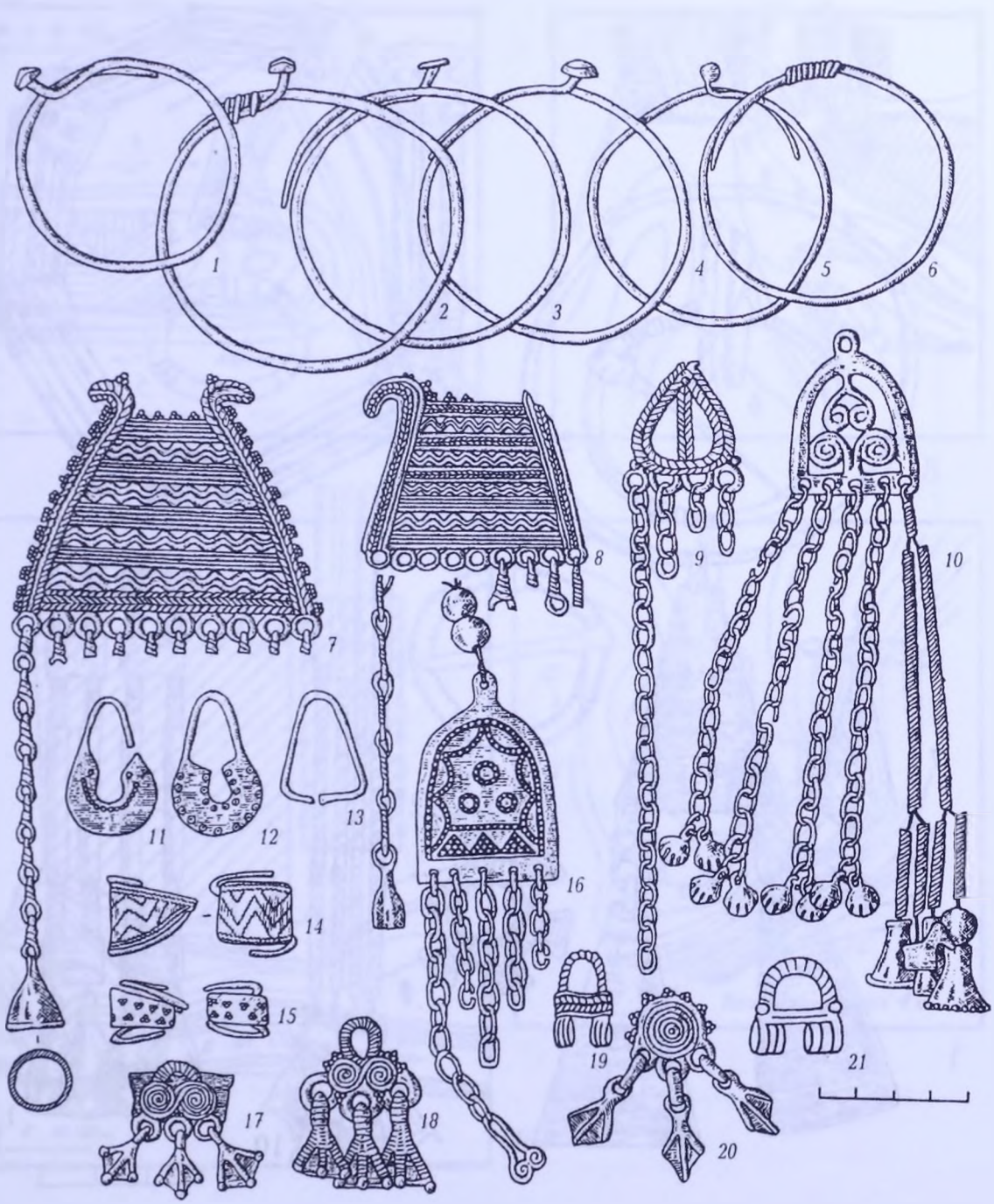

Рис. 24. **Украшения IX-XI вв.**
1–18, 20 – могильник Нижняя Стрелка;
19 – Черемисское кладбище; 21 – Юмский могильник.

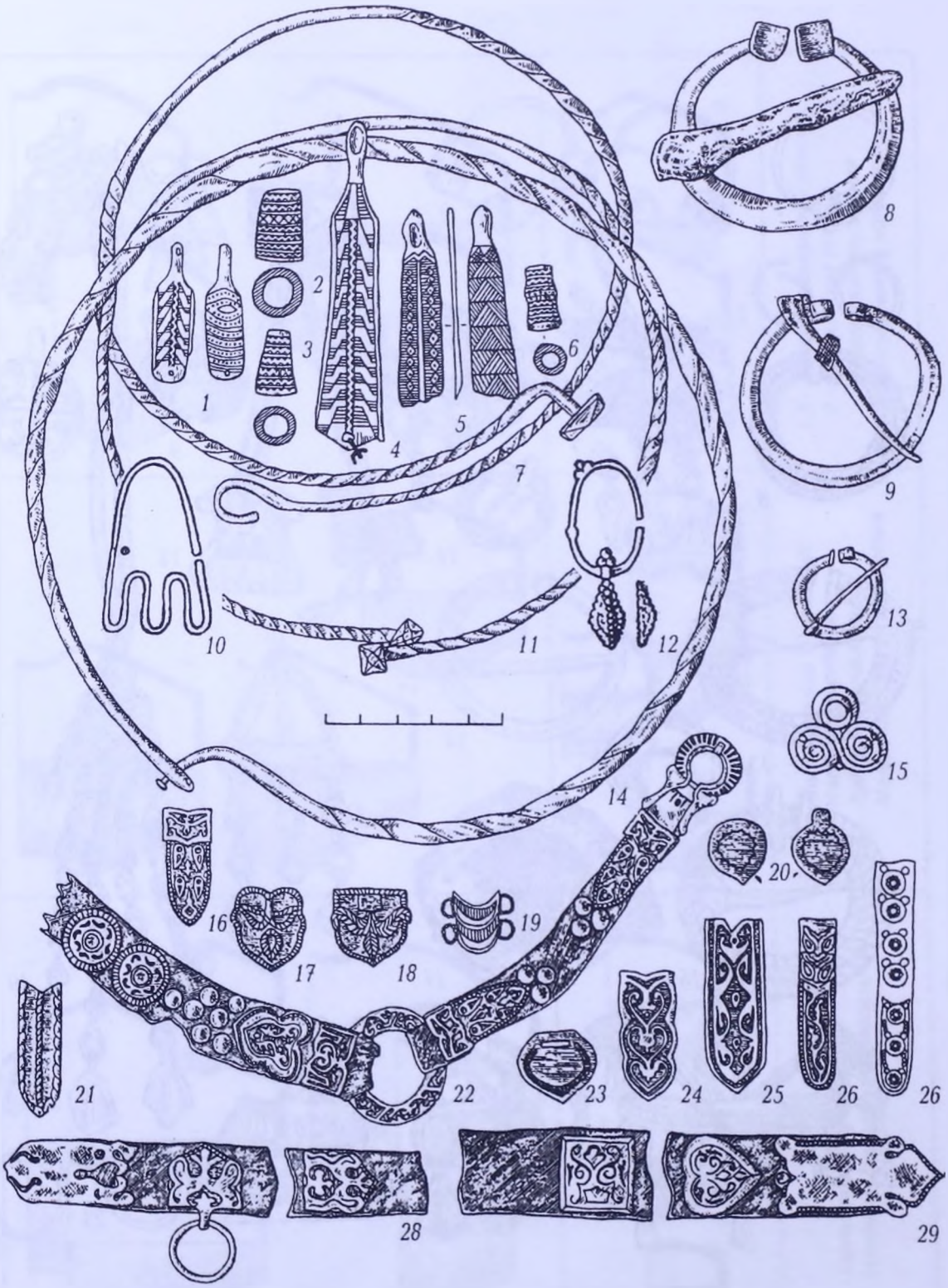

Рис. 25. **Украшения IX–XI вв.**
1–8, 11, 16–29 – могильник Нижняя Стрелка;
10, 11 – Черемисское кладбище, погр. 4;
12 – Веселовский могильник, погр. 1;
12, 15 – Дубовский могильник.

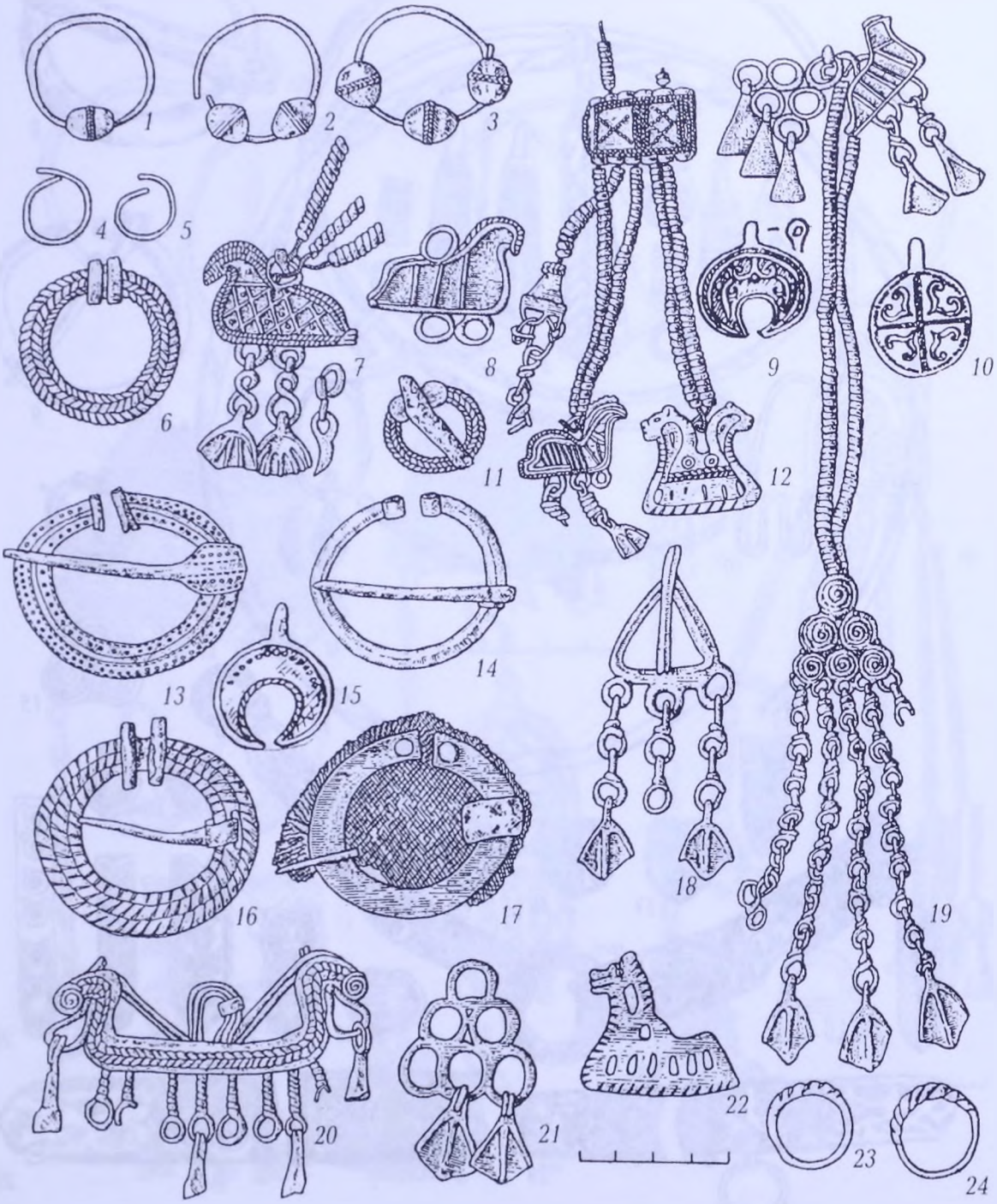

Рис. 26. **Украшения XI-XIII вв.:**
1, 3–5, 7, 9, 10, 15, 16 – Выжумский III могильник;
2, 6, 8, 14, 19 – Выжумский II могильник;
12, 17, 20–24 – Починковский могильник.

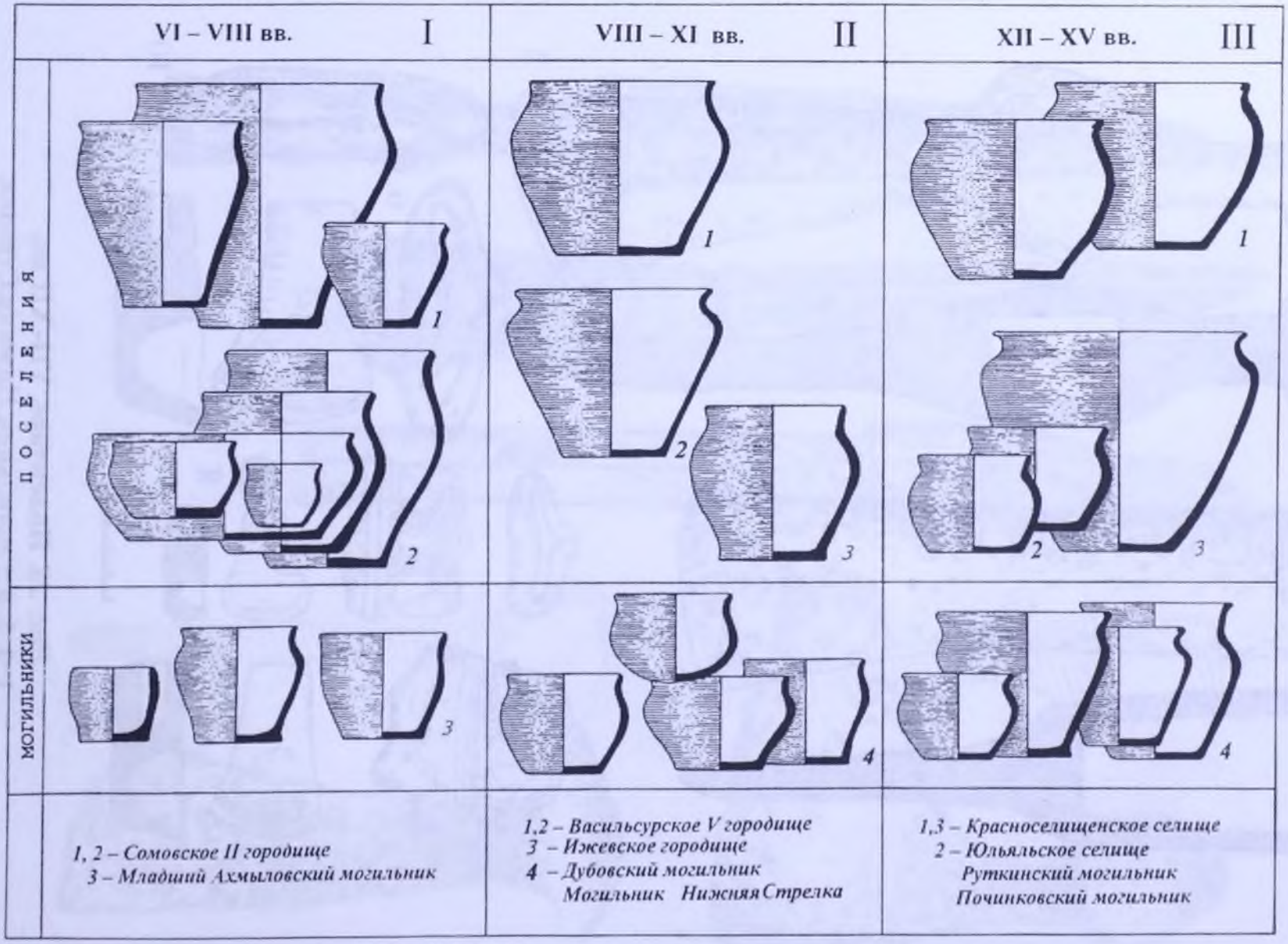

Рис. 27. **Керамика эпохи средневековья.**

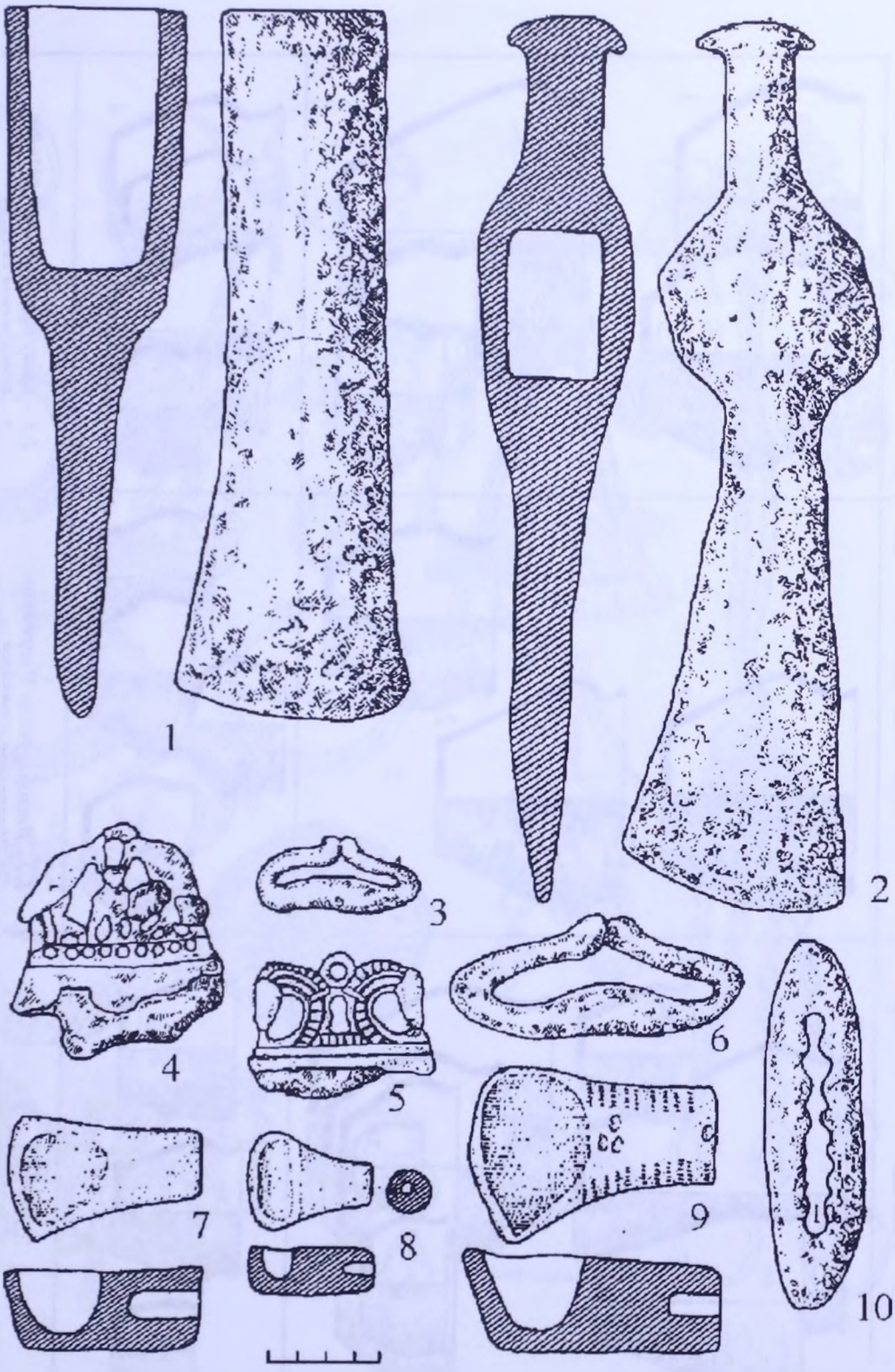

Рис. 28. **Инвентарь VII-XII вв.**
1–3, 5, 6 – могильник Нижняя Стрелка;
4, 9, 10 – Выжумский могильник;
7, 8 – Сомовское II городище.

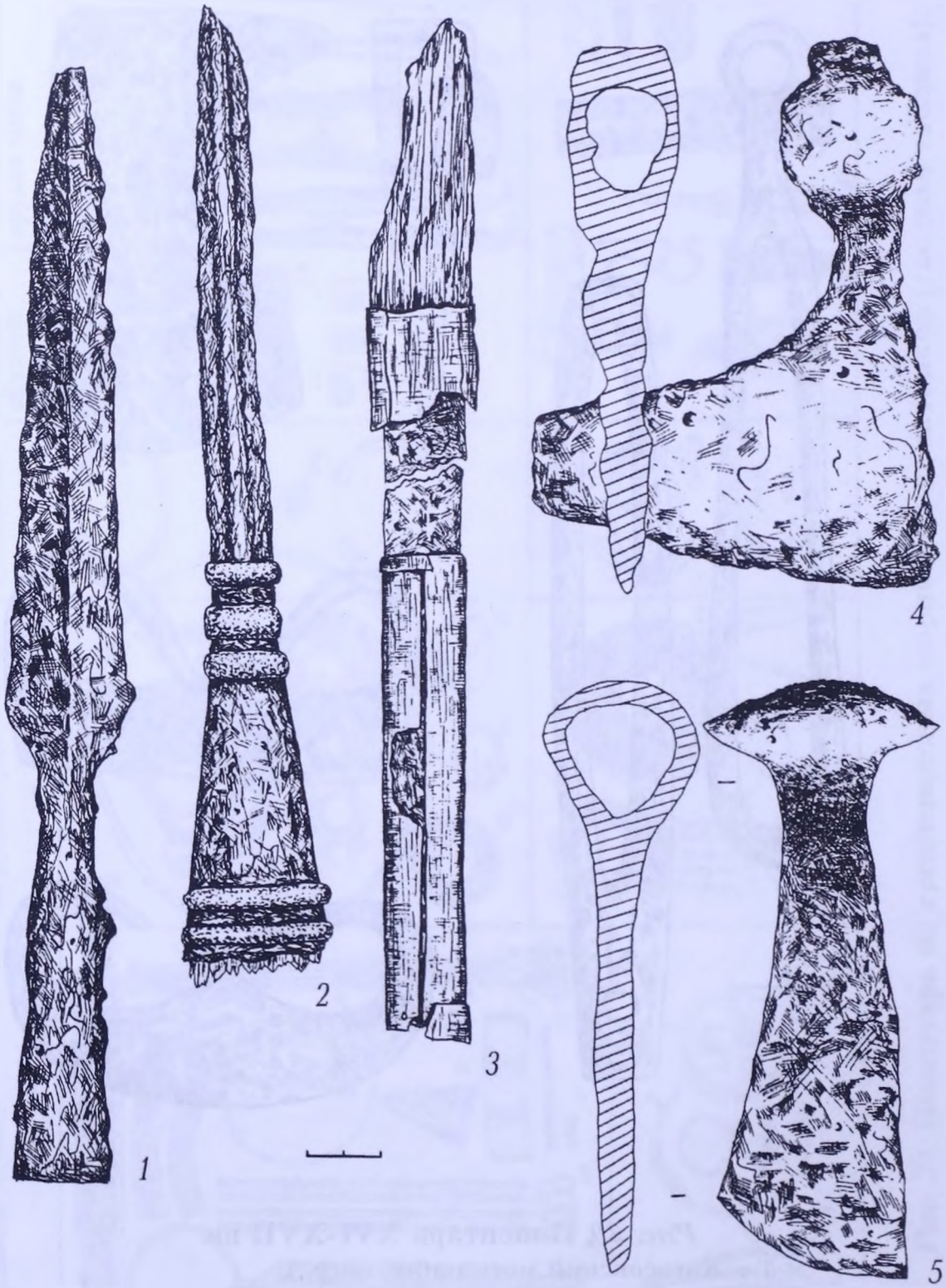

Рис. 29. **Инвентарь XI-XII вв. Могильник Нижняя Стрелка.**

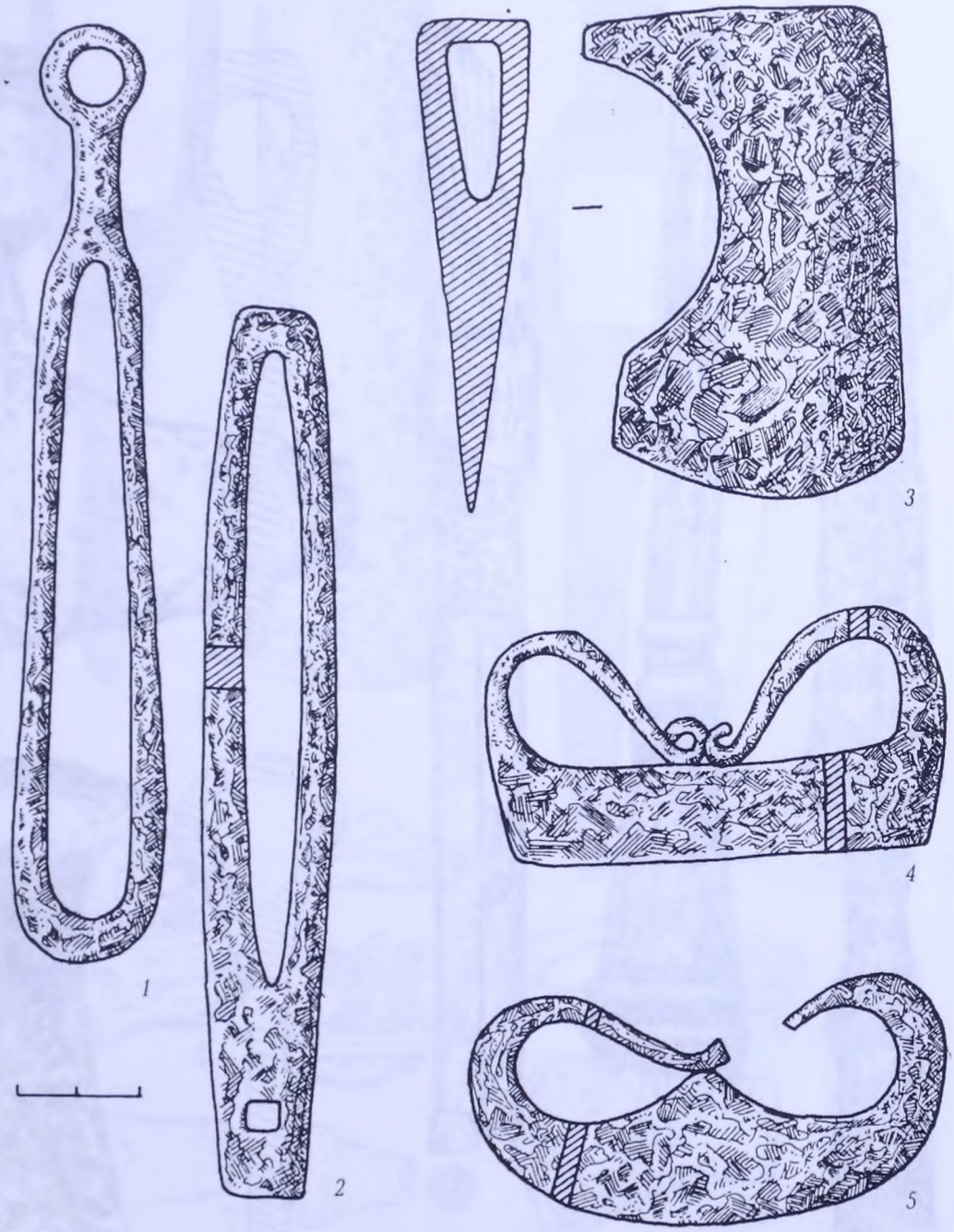

Рис. 30. **Инвентарь XVI-XVII вв.**

1 – Янгосовский могильник, погр. 1;
2 – Арзебелякский могильник, погр. 75;
3 – Картуковский могильник, погр. 111;
4 – Картуковский могильник, погр. 14;
5 – Арзебелякский могильник, погр. 20.

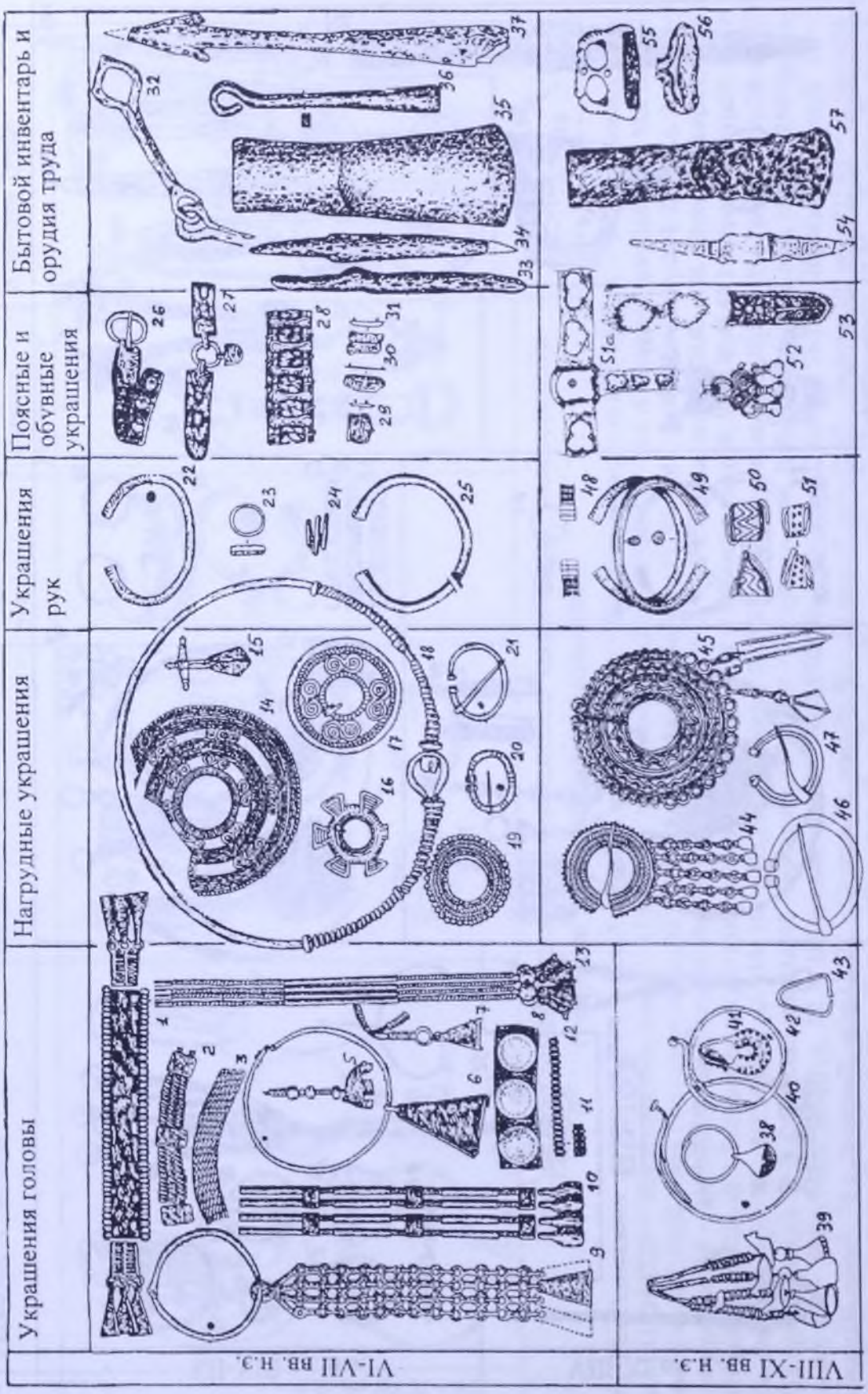

Рис. 31. **Инвентарь из средневековых марийских памятников (сводная таблица).**

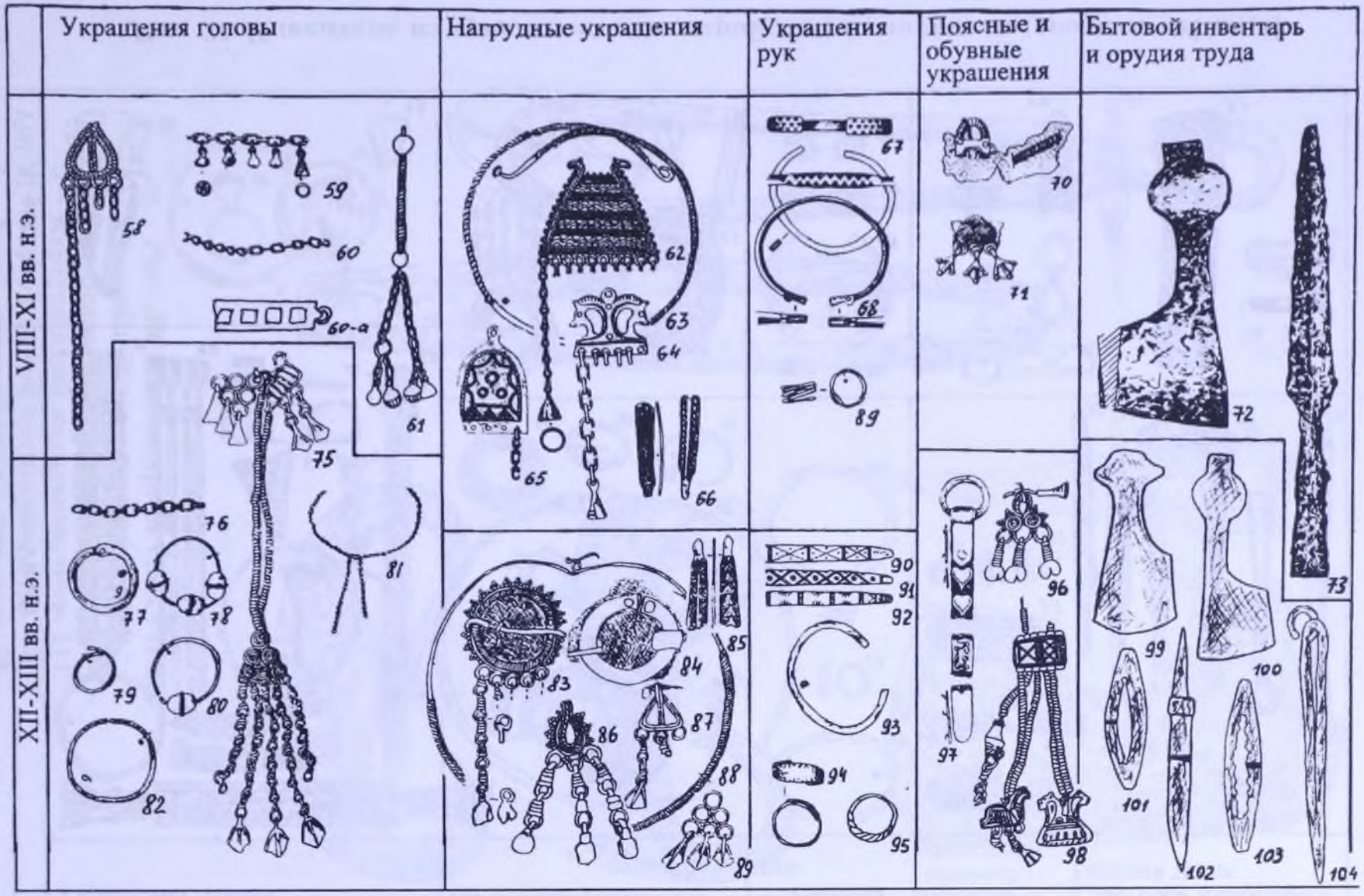

Рис. 31. **Инвентарь из средневековых марийских памятников (сводная таблица, продолжение).**

Рис. 31. **Инвентарь из средневековых марийских памятников (сводная таблица, продолжение).**

1,9 – Мл. Ахмылово, погр.19; 2,7,15,24 – Мл. Ахмылово, погр.82; 3,18,21 – Мл. Ахмылово, погр.122; 5,6,27,28 – Мл. Ахмылово, погр. 45; 8,10.13,16,17,25 – Мл. Ахмылово, погр.91; 11,12 – Мл. Ахмылово, погр.739; 14,20,26.37 – Мл. Ахмылово, погр.128; 19 – Мл. Ахмылово, погр.393; 22,35 – Мл. Ахмылово, погр.102; 23,28–31 – Мл. Ахмылово, погр.87; 33 – Мл. Ахмылово, погр.244; 36 – Мл. Ахмылово, погр.436а; 34 – Мл. Ахмылово, погр.23; 39,63 – Юмский м–к, погр.7; 38 – Н. Стрелка, погр.7; 39,62 – Н. Стрелка, погр.29; 41 – Н.Стрелка, погр.31; 42 – Н.Стрелка, погр.7; 43,53 – Н.Стрелка, погр.10; 44 – Веселово, погр.26; 60,51,45,48,49 Н.Стрелка, погр.17; 46,47 – Веселово, погр.20; 50 – Н.Стрелка, погр.15; 51а – Н.Стрелка, погр.8; 52,70,71 – Н.Стрелка, погр.19; 55,57 – Н.Стрелка, погр.26; 56,72 – Н.Стрелка, погр.5; 59 – Н.Стрелка, погр.38; 61 – Юмский, погр.6; 64 – Н.Стрелка, жрк 4; 65 – Н.Стрелка, жрк, 10; 67 – Н.Стрелка, погр.30; 68 – Н.Стрелка, погр.11а; 73 – Н.Стрелка, погр.35; 75,85,87,88,98 – Выжум.II, погр.3; 76,81 – Выжум.III, погр.7; 77 – Выжум.III, погр.8; 78 – Выжум.II, погр.11; 79 – Выжум.III, погр.20; 80 – Выжум.II, погр.2; 82 – Выжум.III, погр.21; 83 – Выжум.III, погр.11; 84 – Выжум.III, погр.10; 86 – Выжум.III, погр.4; 85 – Выжум.III, погр.5; 90 – Выжум.II, погр.5; 91,92 – Выжум.II, погр.6; 93,104 – Выжум.II, погр.1; 95 – Починок, погр.15; 96 – Выжум.III, погр.14; 97 – Выжум.III, погр.3; 101 – Починок, погр.6; 103 – Починок, погр.13; 105 – Кушлиды, погр.4; 106,107,109 – Картуково, погр.20; 108 – Чермышево, погр.40; 111 – Отары, погр.15; 112,113 – Арзебеляк, погр.45; 115 – Картуково, погр.29; 114 – М.Кугунур, погр.33.

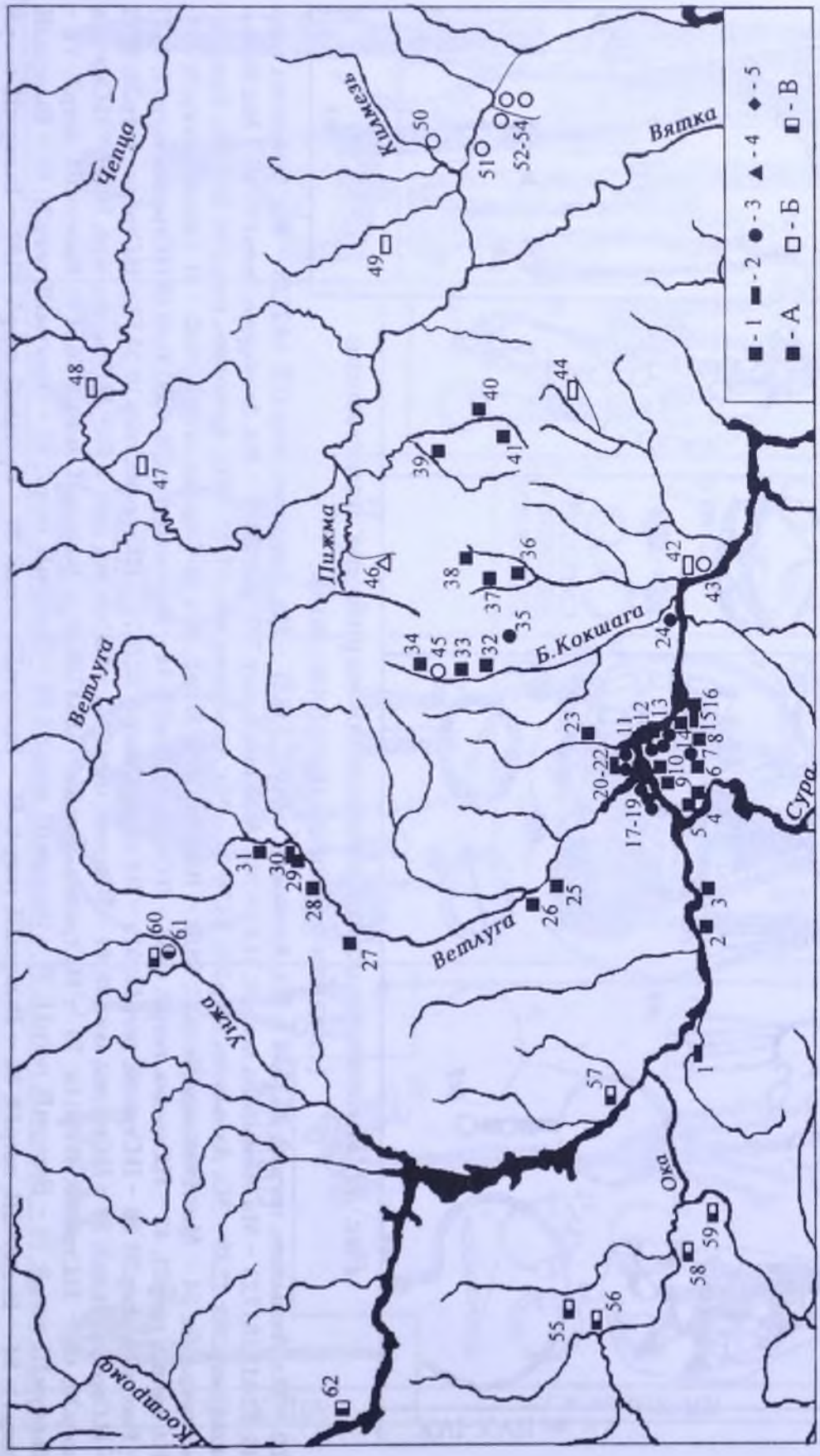

Рис. 32. **Карта расселения мари в VI-VII вв. н.э. (1 этап).**

К *рис. 32.* Карта расселения мари в VI-VII вв. н.э. (1 этап).

1 – Безводнинский могильник, 2 – Сомовское II городище, 3 – Сомовское I городище,
4 – Анинское городище, 5 – Васильсурское II городище, 6 – Пайгусовское городище,
7 – Березовское селище, 8 – Красногорское городище, 9 – Емангашское II городище,
10 – Владимирское городище, 11 – Носельское I селище, 12 – Шунангерское I селище,
13 – Шунангерское II селище, 14 – Юльяльское городище, 15 – Юльяльский могильник,
16 – Малахайское городище, 17 – Майданское I селище, 18 – Юринское селище,
19 – Сутырское II селище, 20 – Младший Ахмыловский могильник,
21 – Ахмыловское I селище, 22 – Ахмыловское II селище, 23 – Ардинское городище,
24 – Уржумкинское селище, 25 – Русенихинское городище, 26 – Богородское городище,
27 – Шилихинское городище, 28 – Спасское городище, 29 – Чортово городище,
30 – Могильник на Чортовом городище, 31 – Одоевское городище, 32 – Осиновское городище,
33 – Кубашевское городище, 34 – Цекеевское городище, 35 - Мазарское селище,
36 – Юшковское городище, 37 – Старосельское городище, 38 – Ернурское городище,
39 – Городище Большая Гора, 40 – Кушнурское городище, 41 – Лажвершинское городище,
42 – Арзебелякский (Ясачный) могильник, 43 – Арзебелякское (Ясачное) селище,
44 – Шор-Унжинский могильник, 45 – Пайбулатовское селище, 46 – Безводновский клад,
47 – Стрижевский могильник, 48 – Концовский могильник, 49 – Тат-Боярский могильник,
50 – Балминское селище, 51 – Тихаревское селище, 52 – селище Моторки II,
53 – селище Моторки IX, 54 – селище Моторки X, 55 – Холуйский могильник,
56 – Кочкинский могильник, 57 – Желтухинский могильник,
58 – Малышевский могильник, 59 – Подболотьевский могильник,
60–61 – Поповское селище и могильник, 62 – Дурасовское городище.

1 – городище; 2 – могильник; 3 – селище; 4 – отдельные находки;
5 – производственный объект.

А – марийские памятники; Б – памятники пермских финнов; В – памятники волжских финнов.

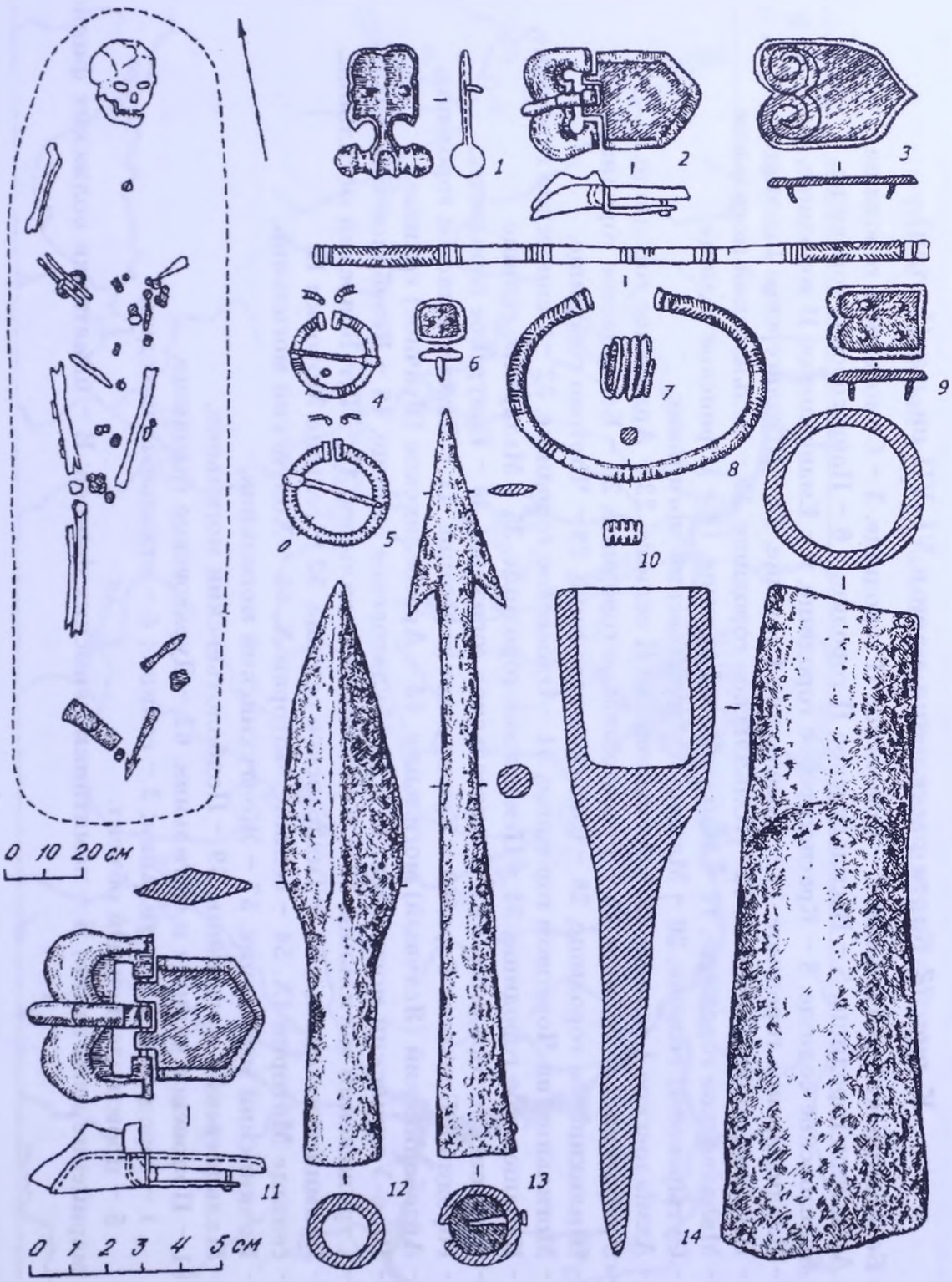

Рис. 33. **Младший Ахмыловский могильник. Погребение15.**

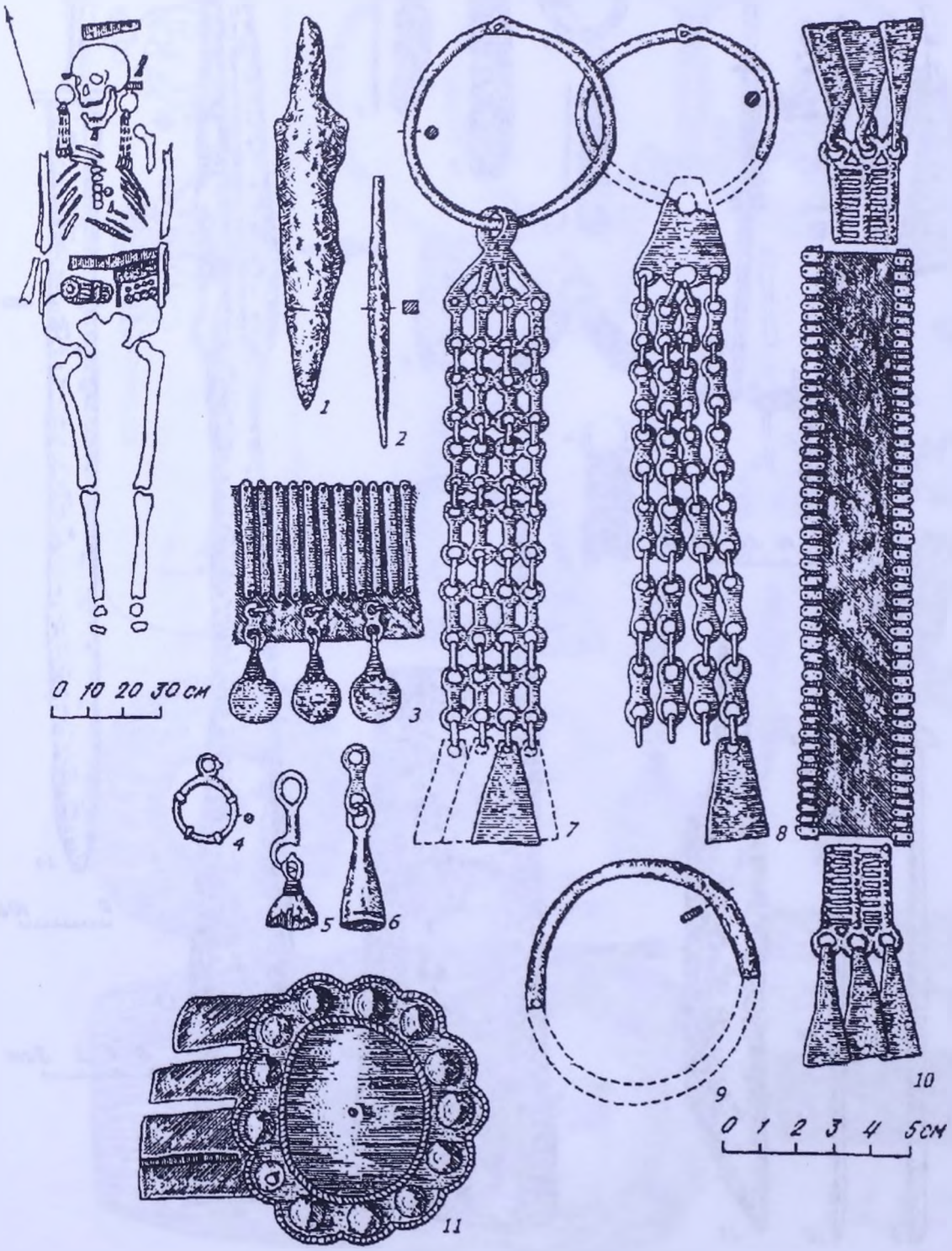

Рис. 34. **Младший Ахмыловский могильник. Погребение 19.**

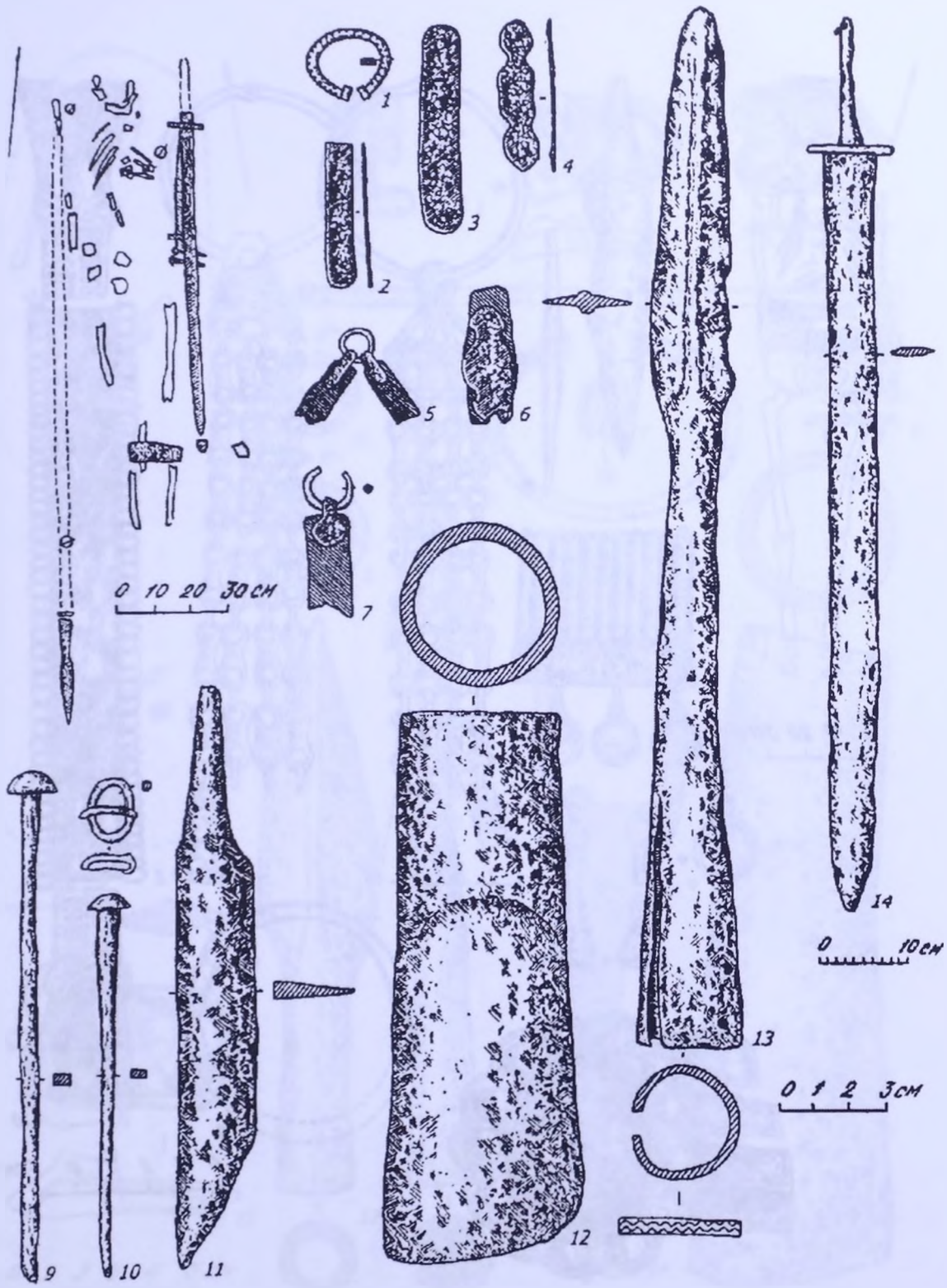

Рис. 35. **Младший Ахмыловский могильник. Погребение 43.**

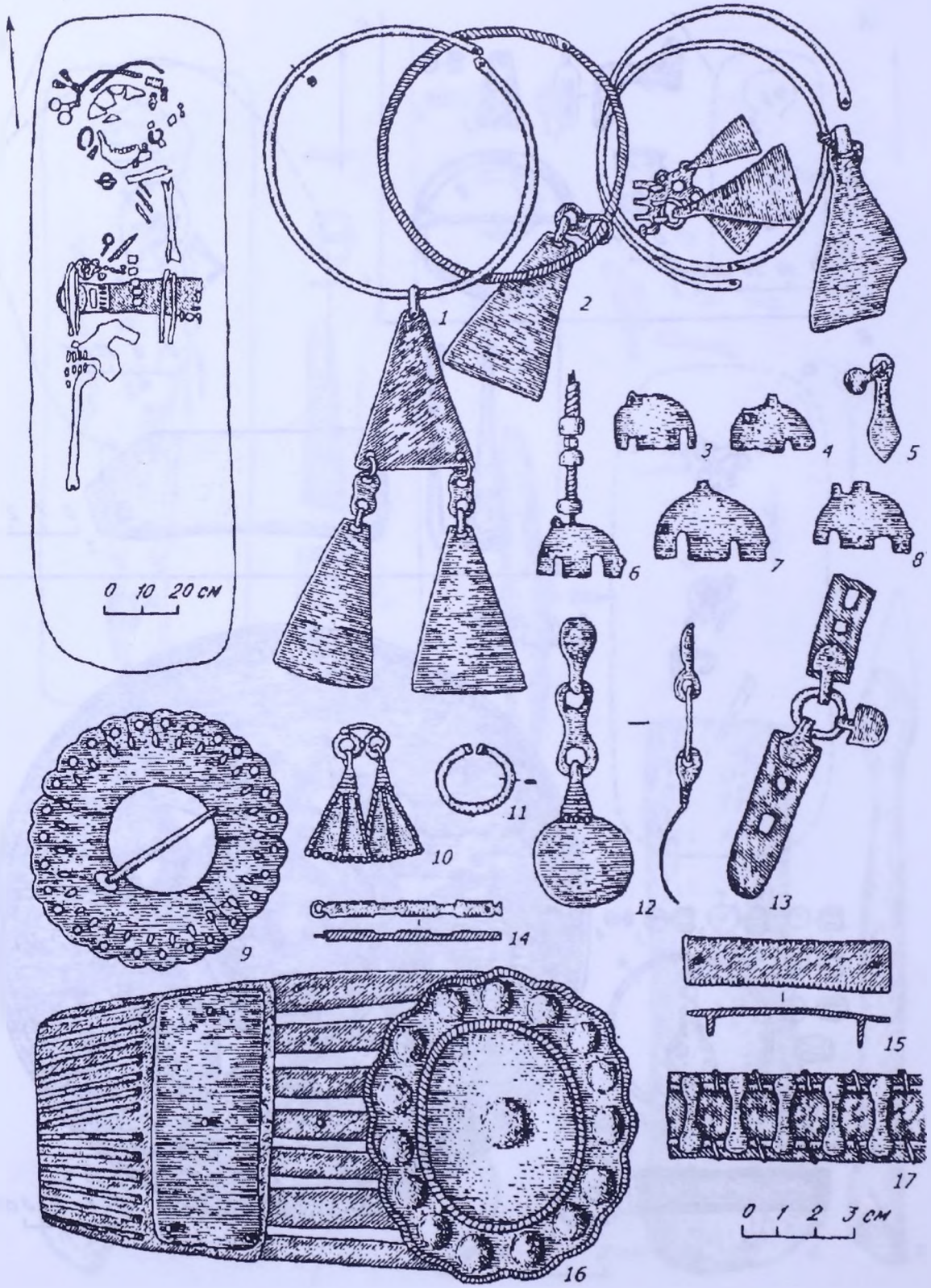

Рис. 36. **Младший Ахмыловский могильник. Погребение 45.**

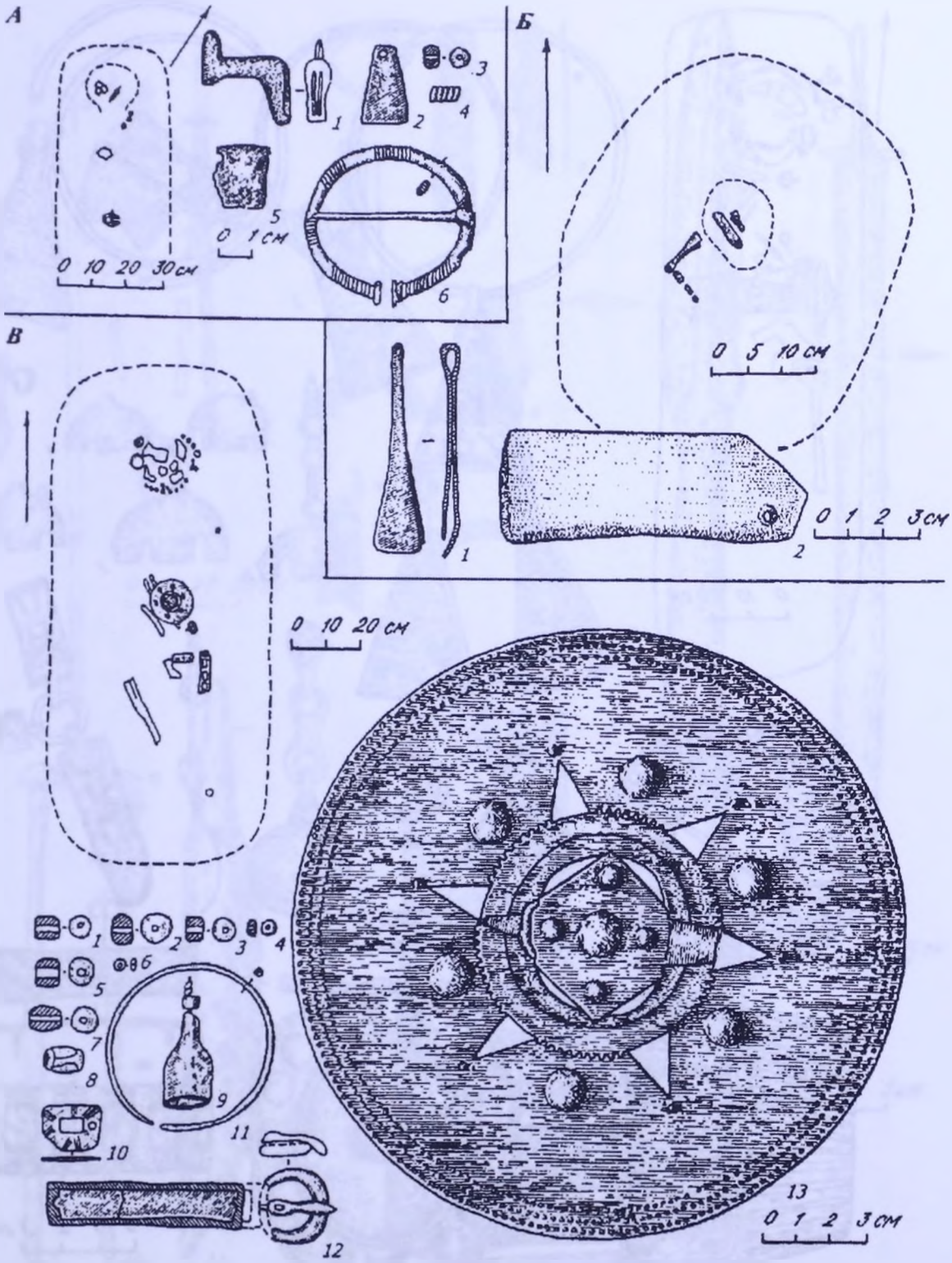

Рис. 37. **Младший Ахмыловский могильник.**
А – погребение 52; Б – погребение 51; В – погребение 41.

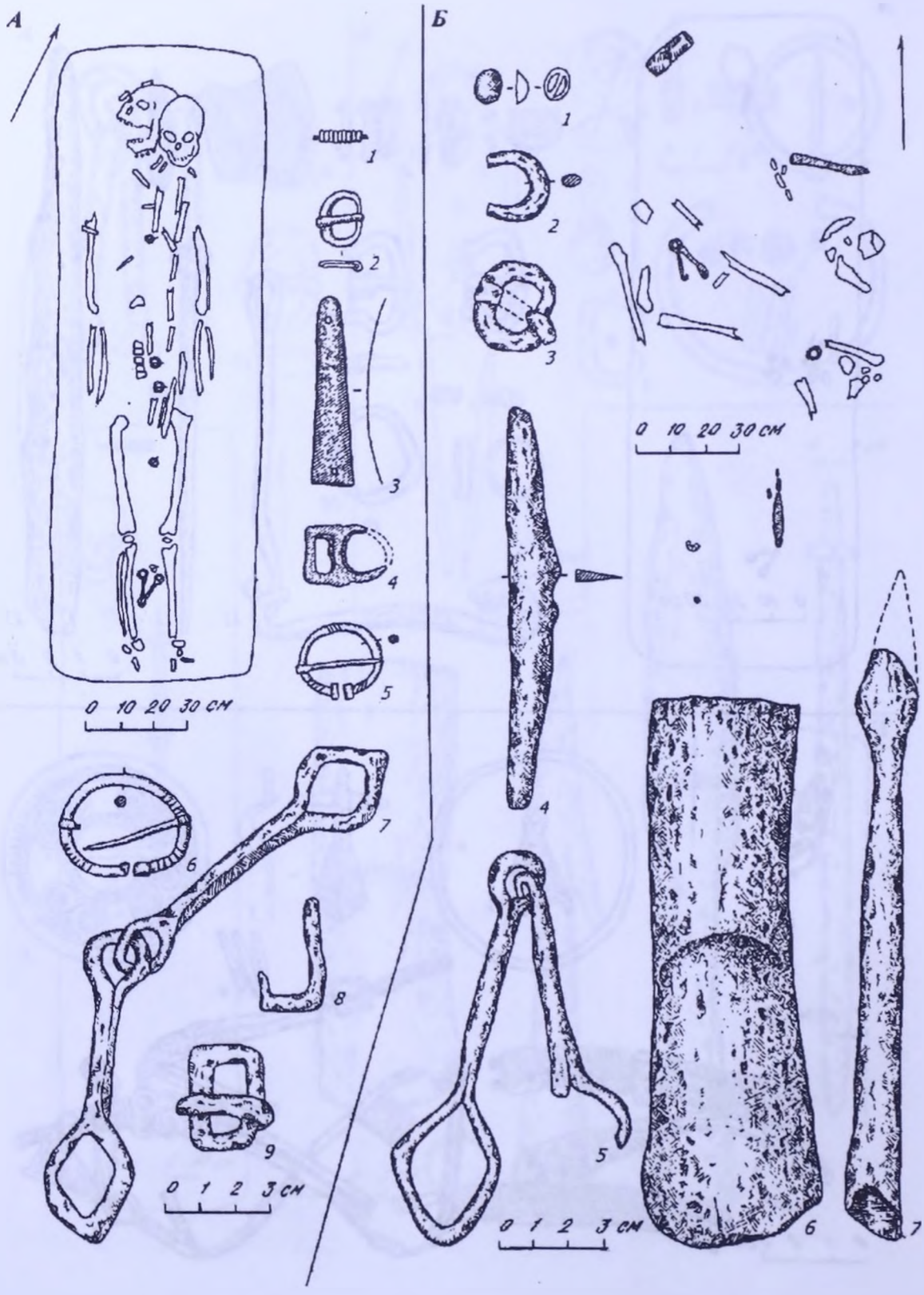

Рис. 38. **Младший Ахмыловский могильник.**
А – погребение 56; Б – погребение 44.

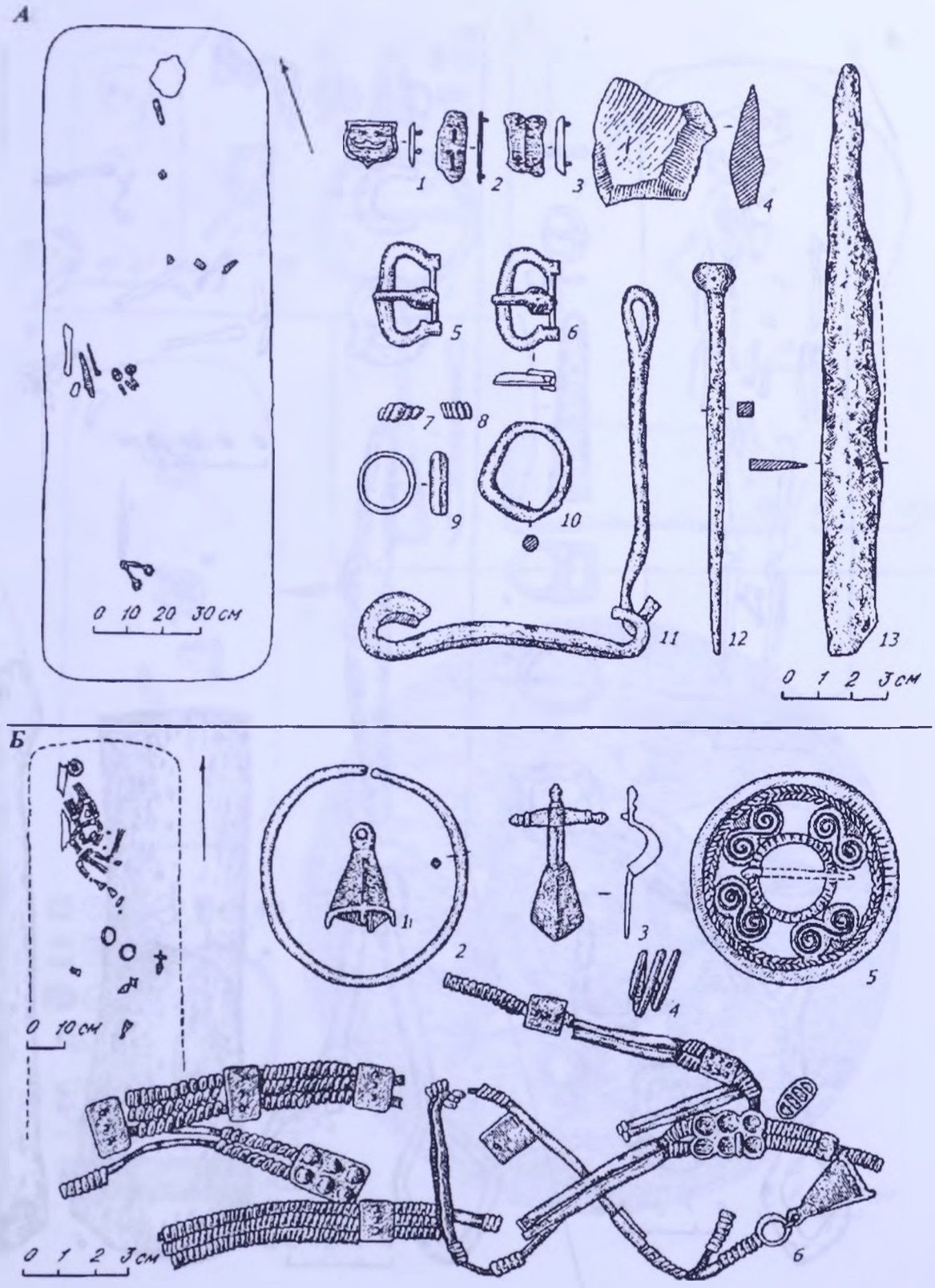

Рис. 39. **Младший Ахмыловский могильник.**
А – погребение 87; Б – погребение 82.

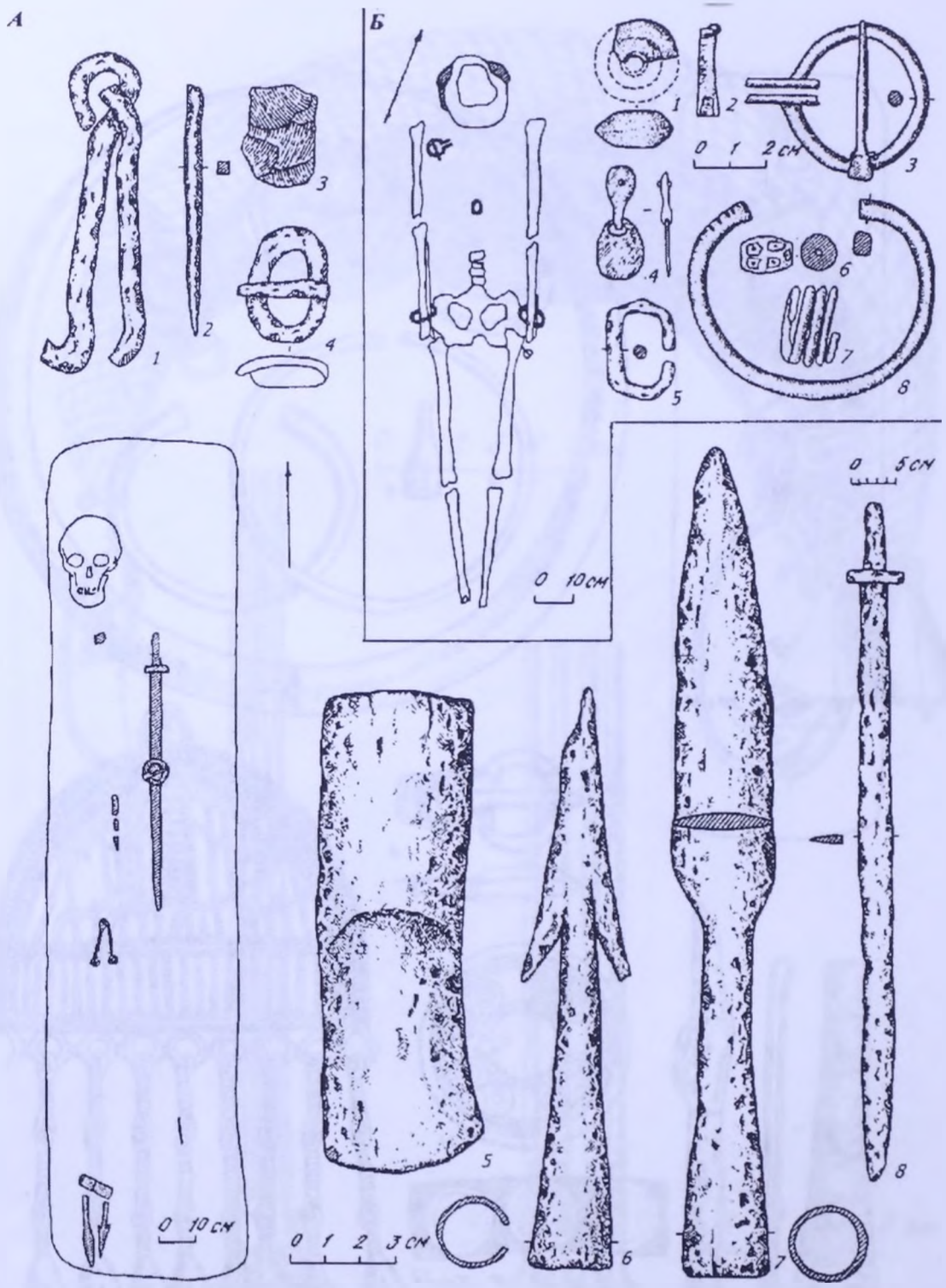

Рис. 40. **Младший Ахмыловский могильник.**
А – погребение 100; Б – погребение 89.

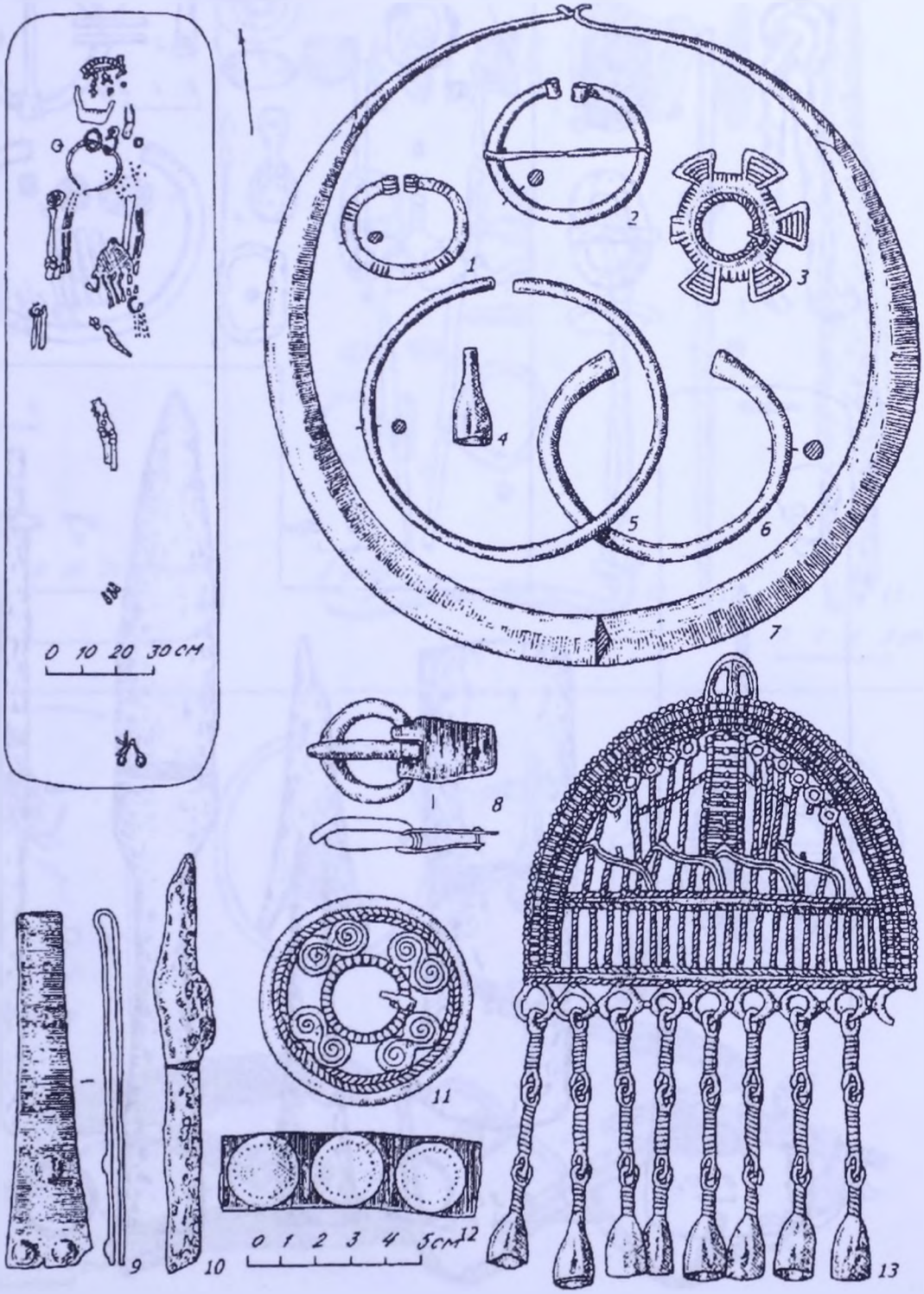

Рис. 41. **Младший Ахмыловский могильник. Погребение 91.**

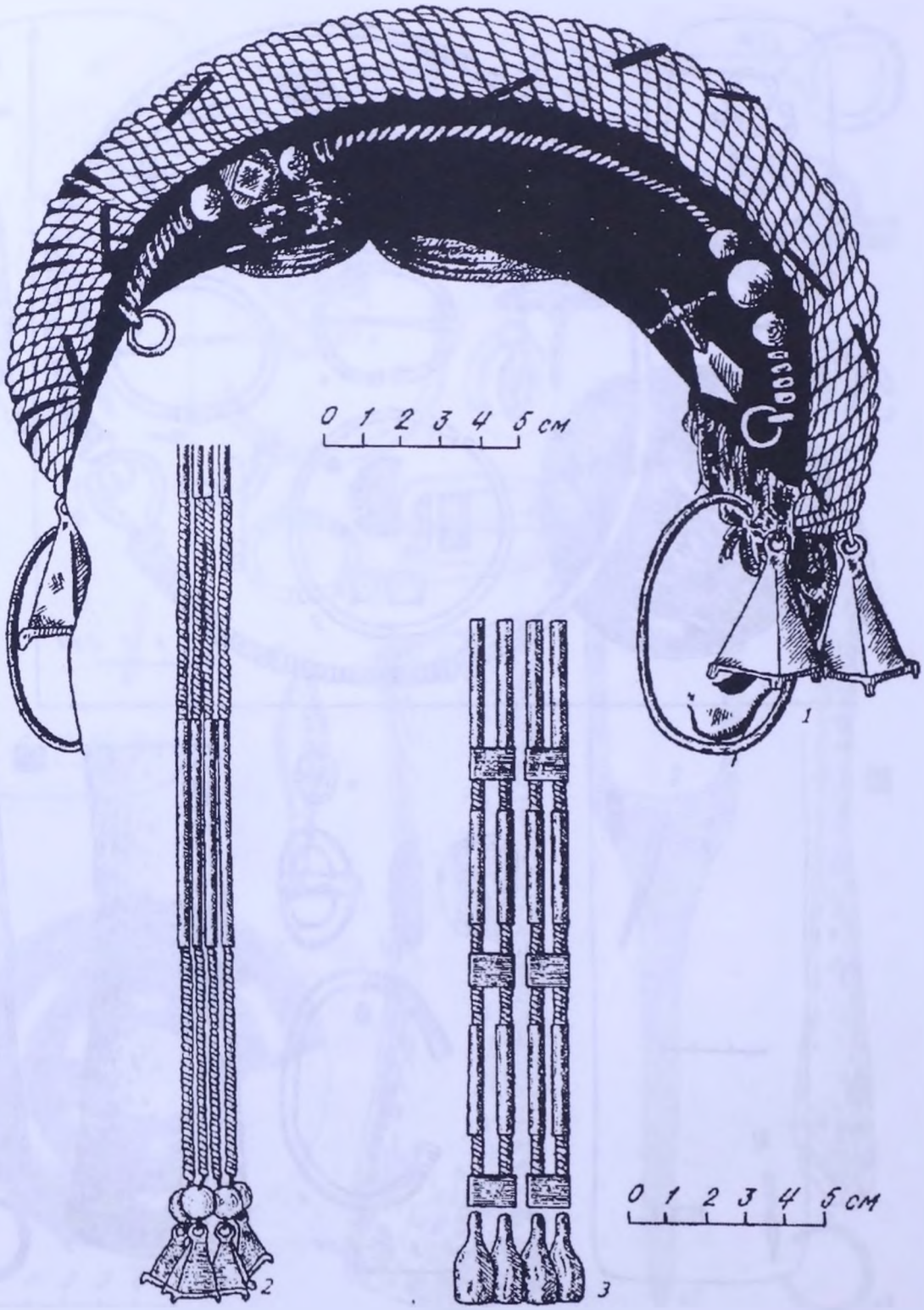

Рис. 42. **Младший Ахмыловский могильник. Погребение 91. (Реконструкция Г.А. Архипова).**

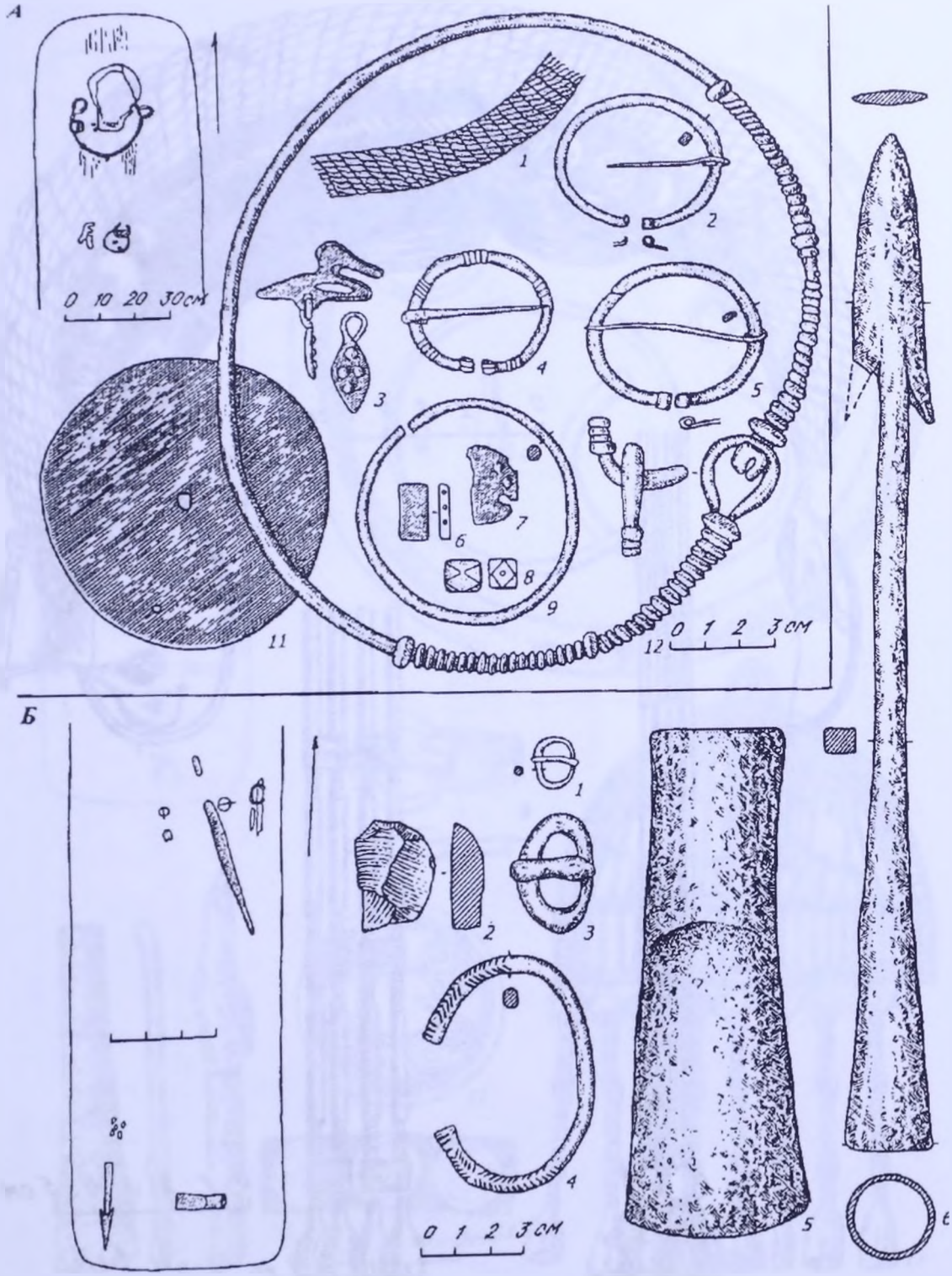

Рис. 43. **Младший Ахмыловский могильник.**
А – погребение 122; Б – погребение 102.

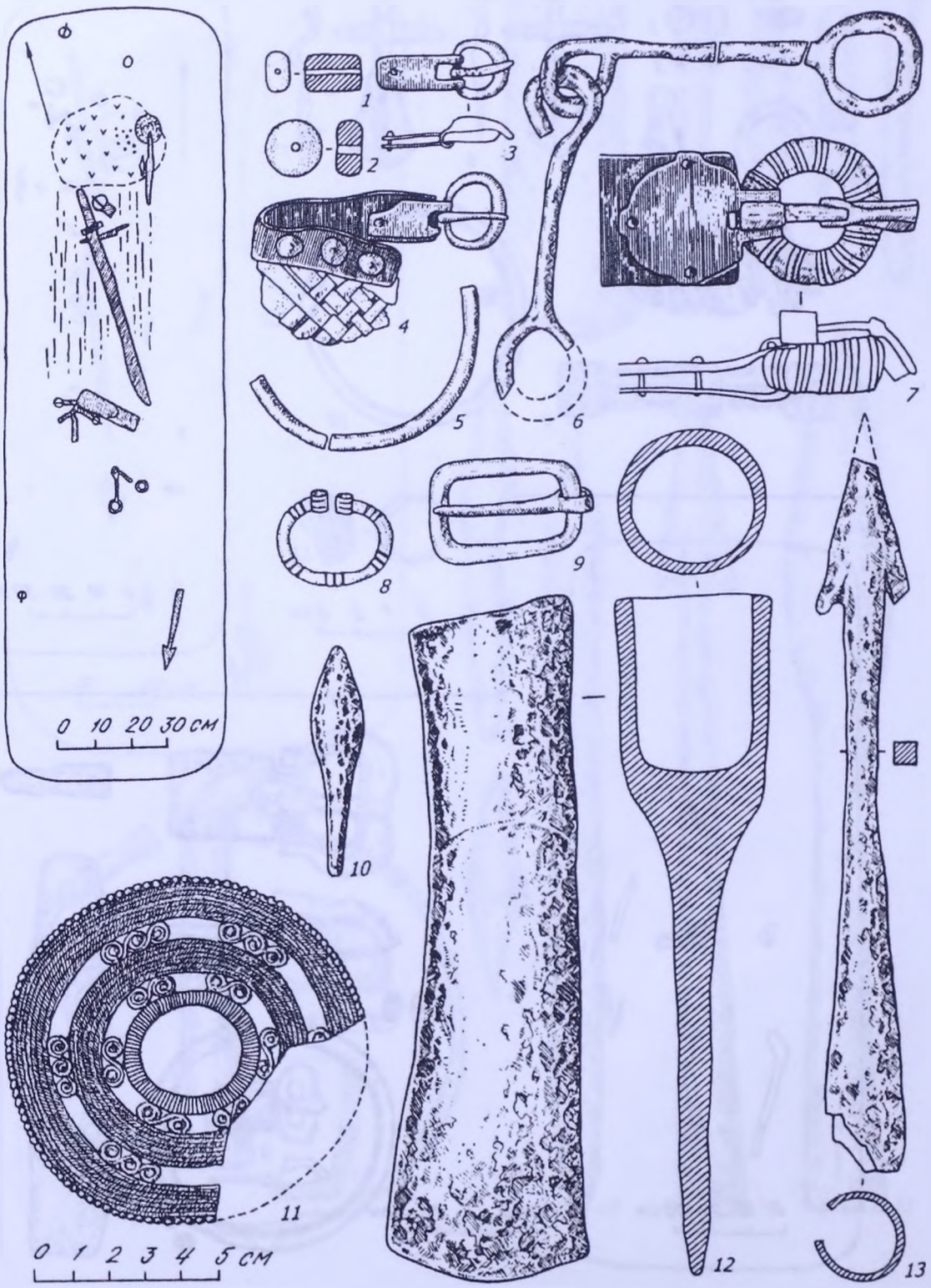

Рис. 44. **Младший Ахмыловский могильник. Погребение 128.**

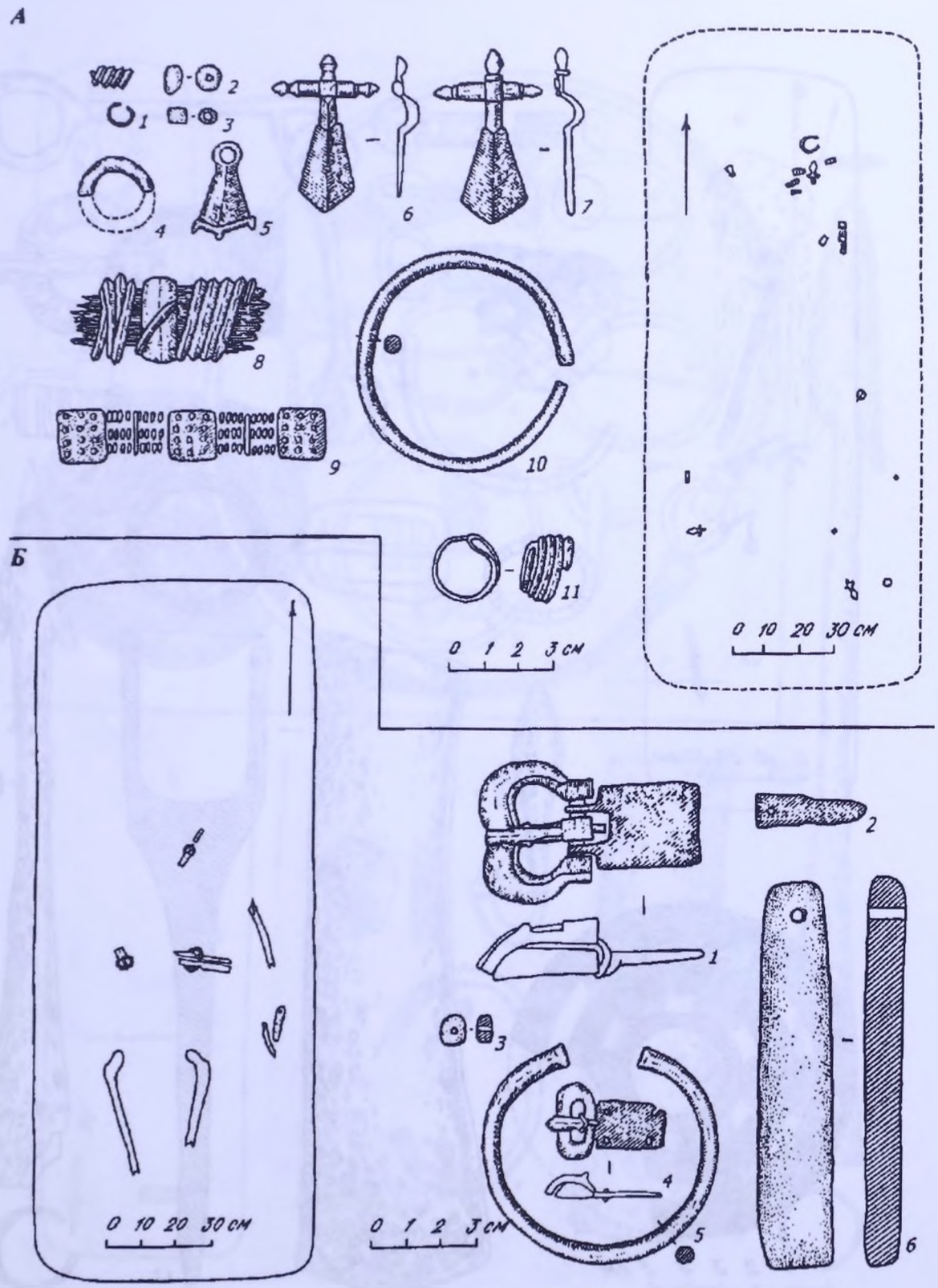

Рис. 45. **Младший Ахмыловский могильник.**
А – погребение 153; Б – погребение 153а.

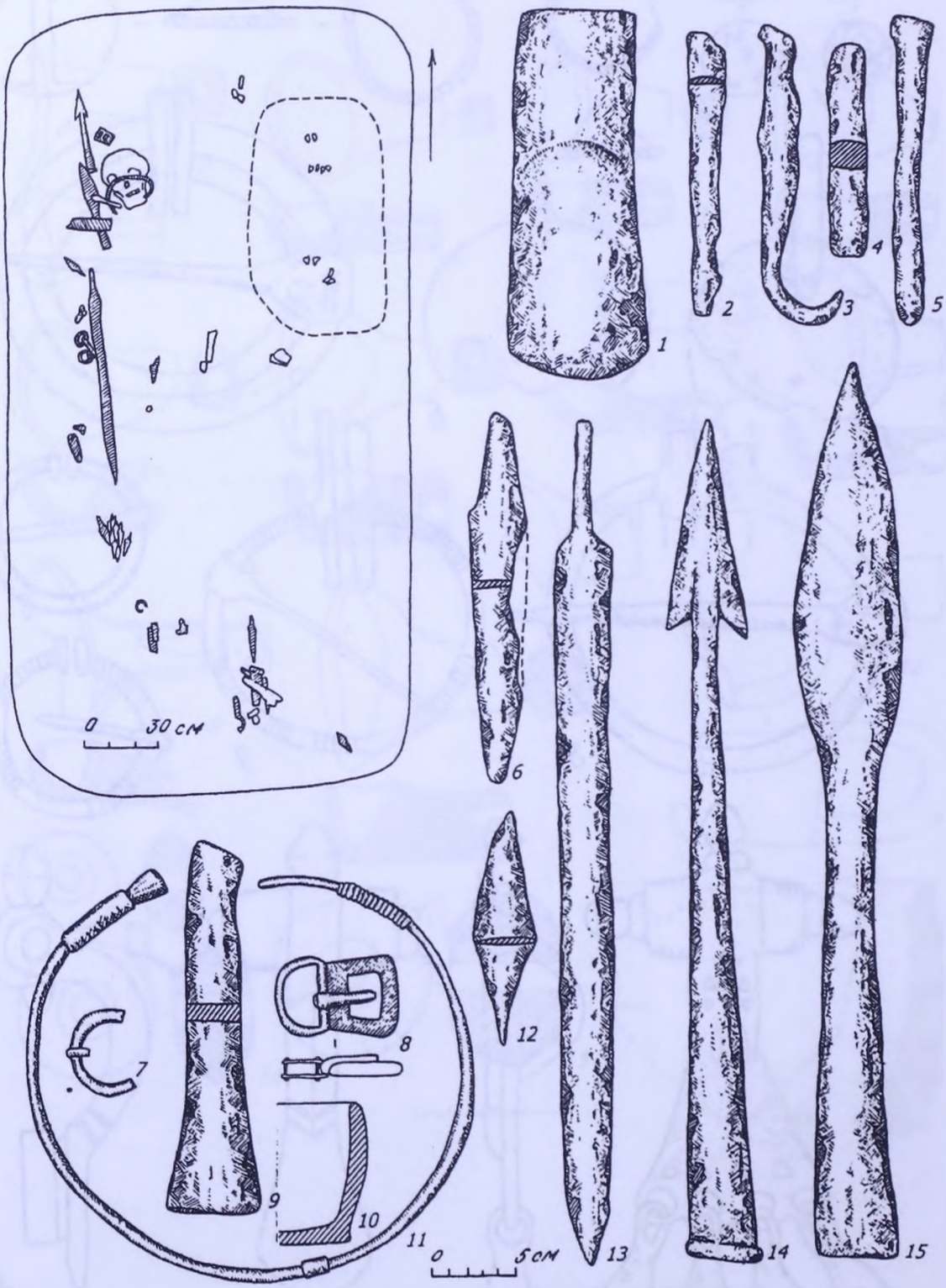

Рис. 46. **Младший Ахмыловский могильник. Погребение 487.**

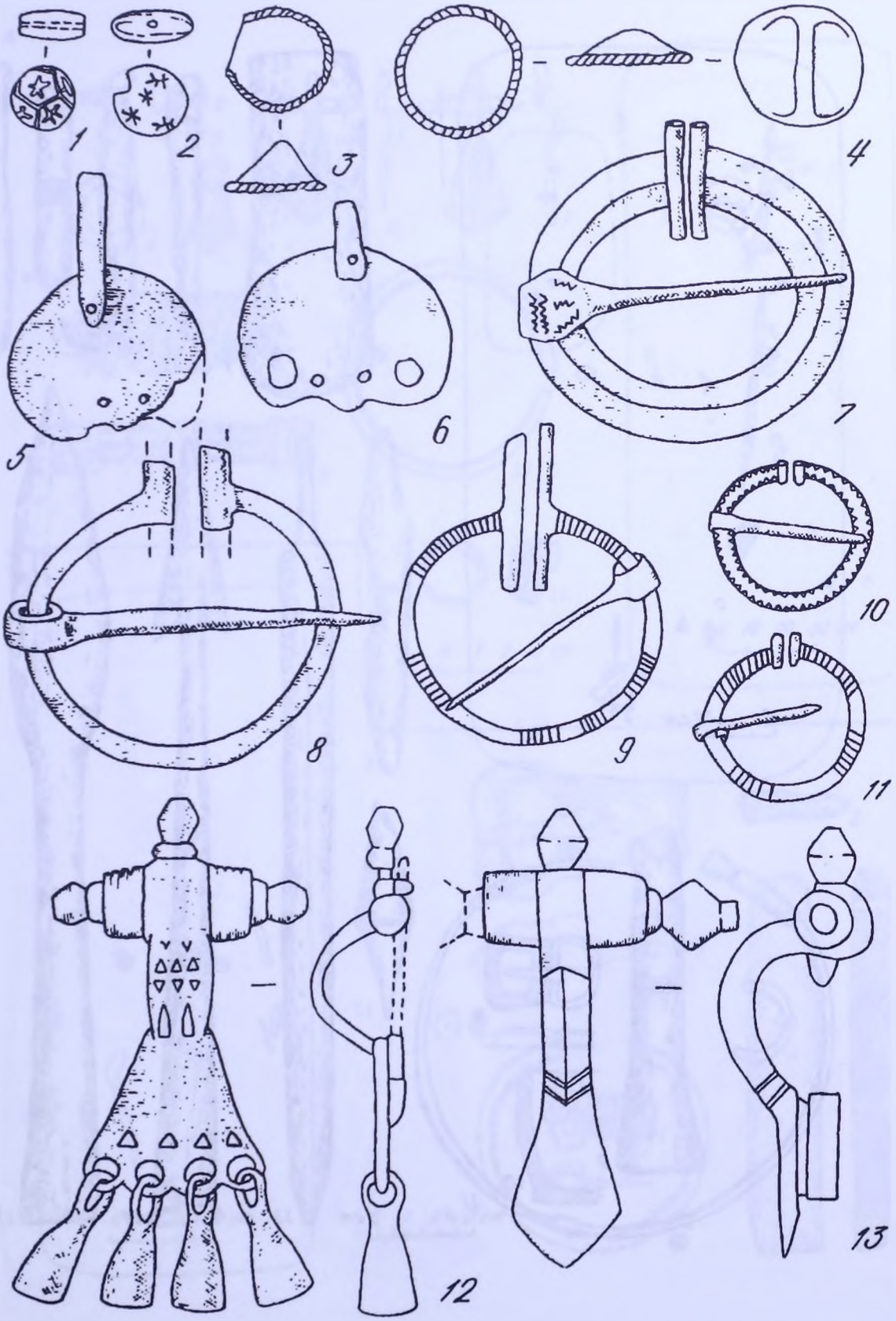

Рис. 47. **Могильник на Чортовом городище.**

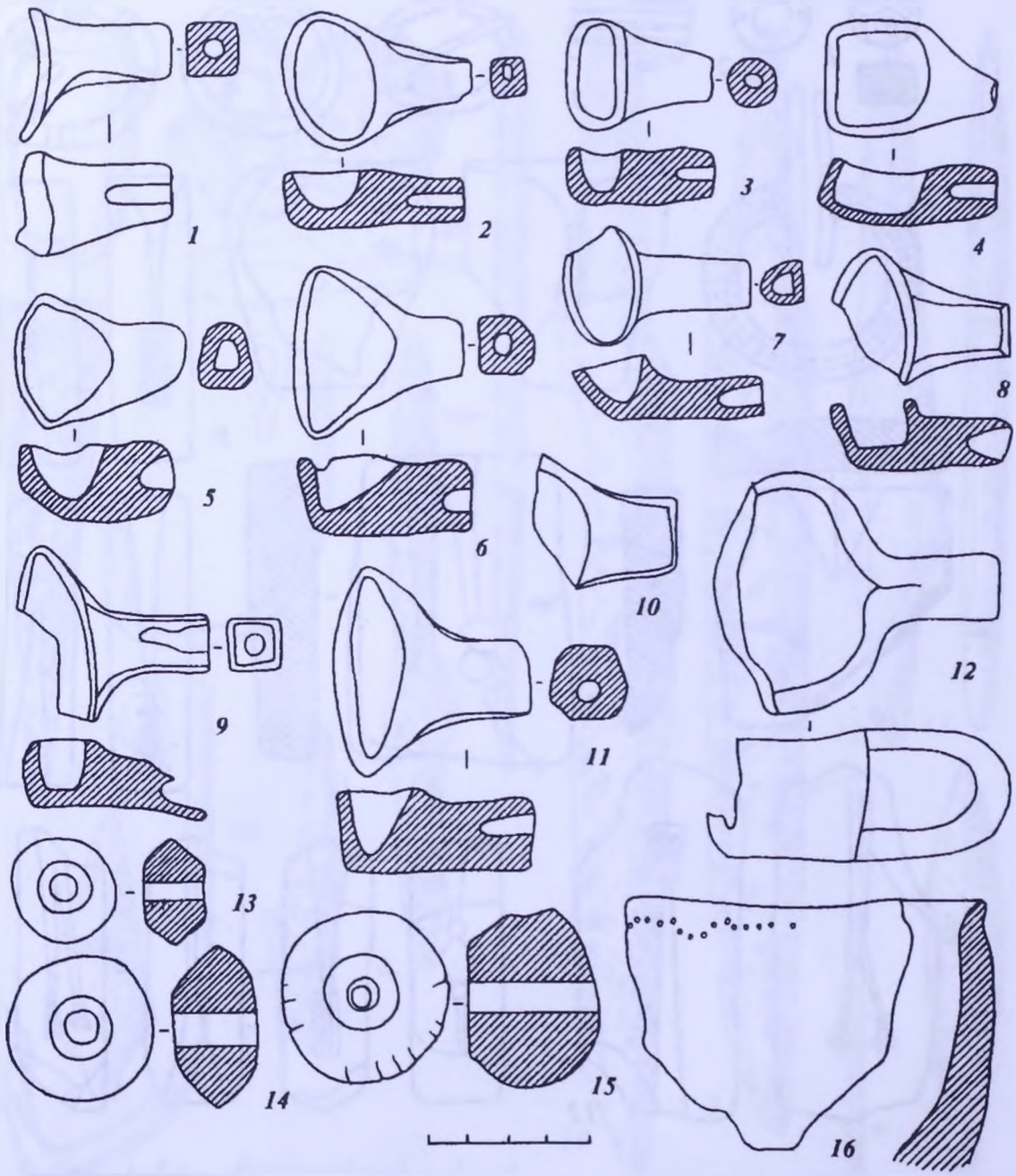

Рис. 48. **Сомовское II городище.**
Вещевой комплекс.
1–12 – льячки; 13–15 – пряслица; 16 – тигель.

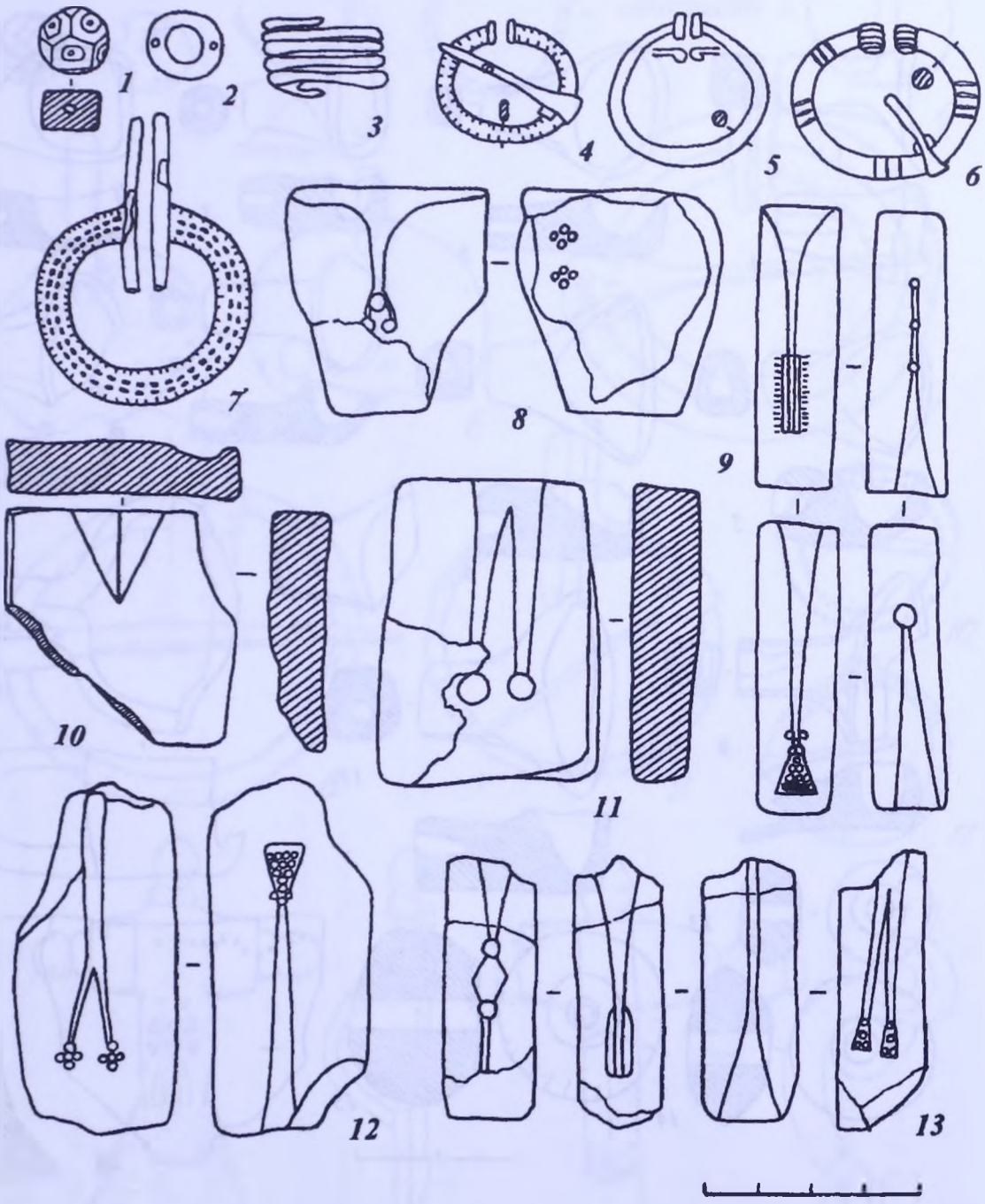

Рис. 49. **Сомовское II городище.**
Вещевой комплекс.
1 – бусина; 2–7 – изделия из цветного металла;
8–13 – литейные формы.

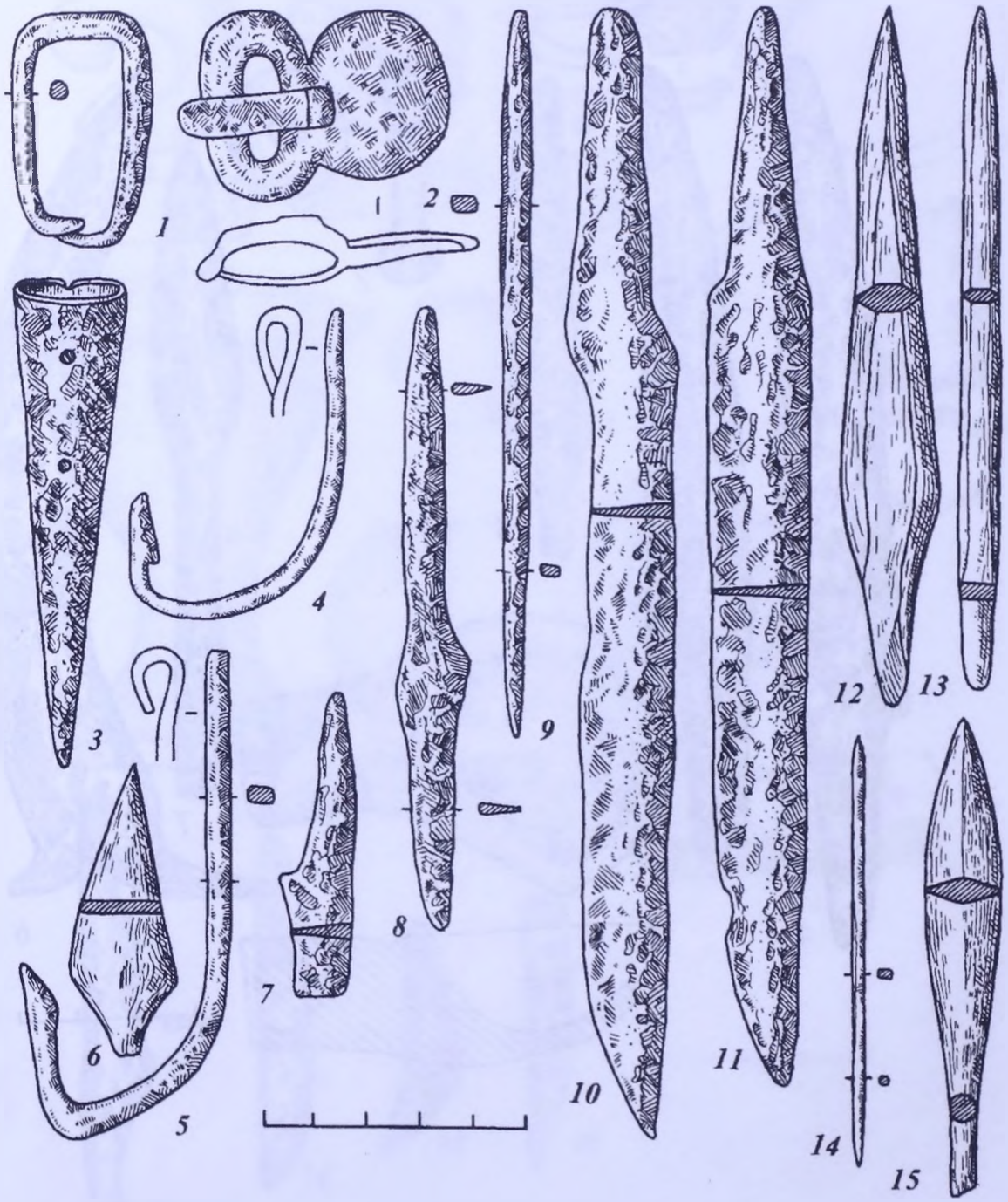

Рис. 50. **Сомовское II городище.**
Вещевой комплекс.
1–5, 7–11, 14 – железные изделия; 6, 12,13 – костяные изделия.

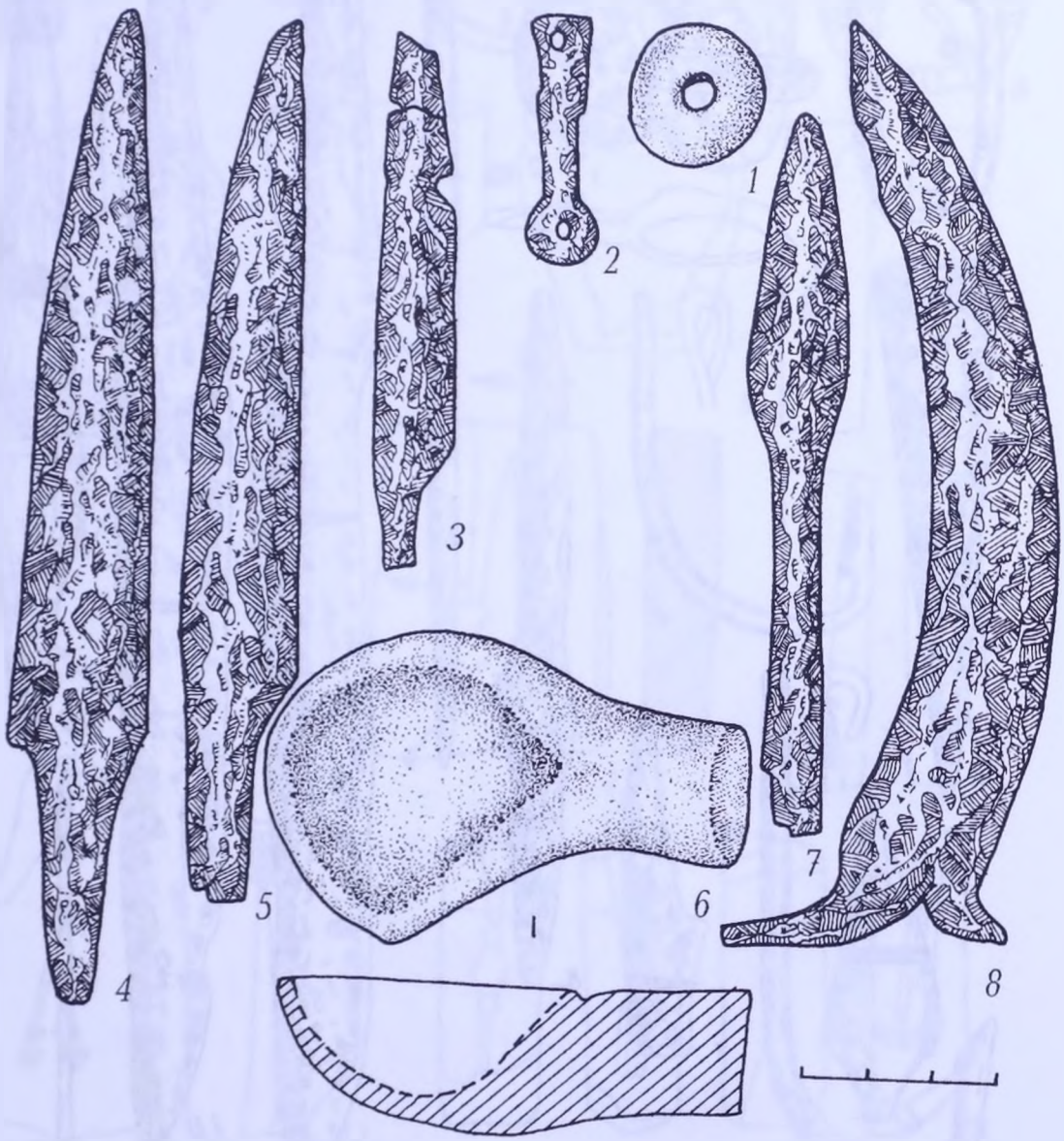

Рис. 51. **Ардинское городище. Вещевой комплекс.**

Рис. 52. **Кубашевское городище. Вещевой комплекс.**

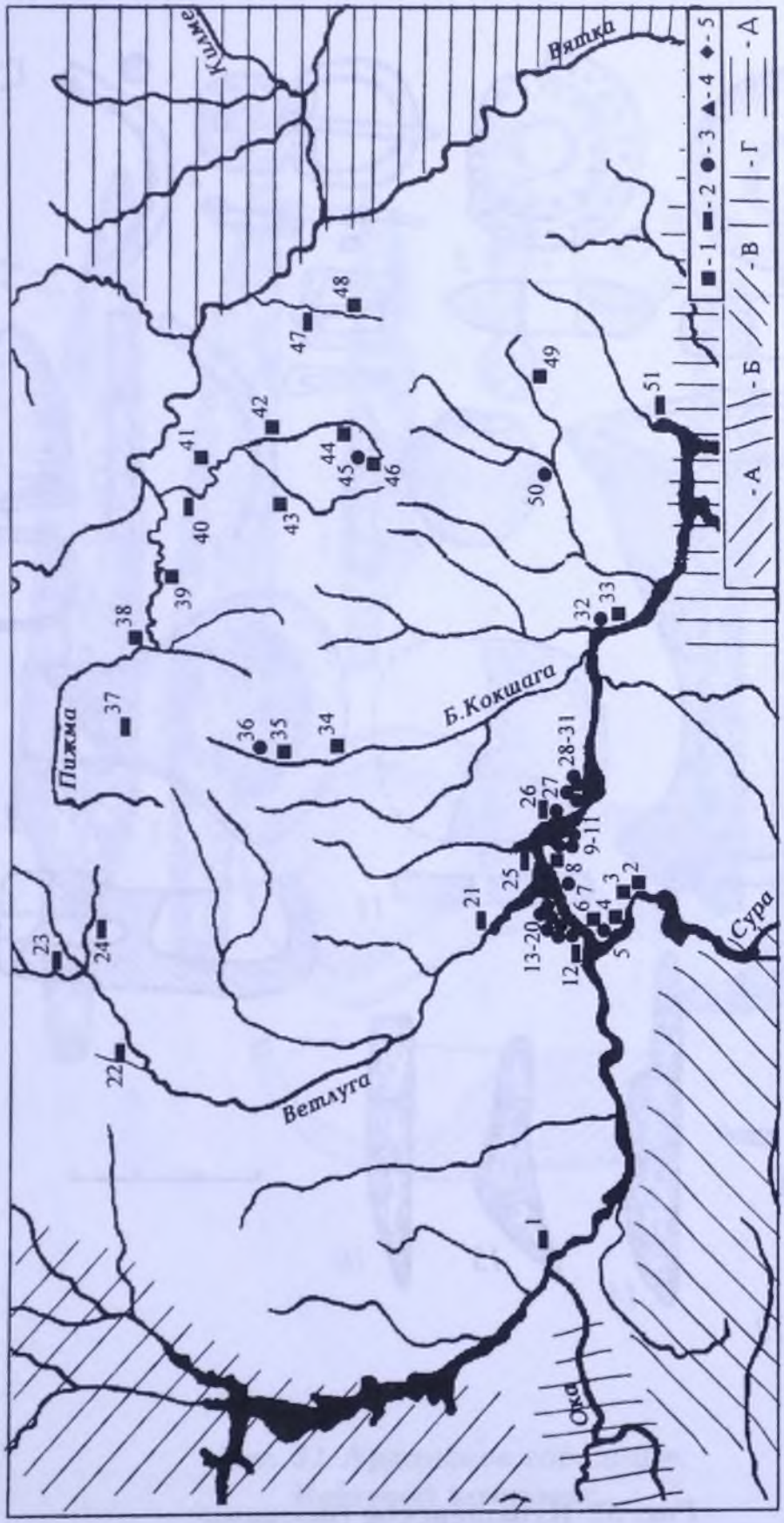

Рис. 53. **Карта расселения мари в VIII-XI вв. н.э. (2 этап).**

К *рис. 53.* Карта расселения мари в VIII-XI вв. н.э. (2 этап).

1 - Кантауровский могильник, 2 - Красноселищенское II городище,
3 - Красноселищенское I городище, 4 - Васильсурское V городище, 5 - Васильсурское селище,
6 - Барковское городище, 7 – Владимирское селище, 8 – Иванова Гора городище,
9 – Иванова Гора селище, 10 – Иванова Гора II селище, 11 – Шунангерское III селище,
12 - Могильник Нижняя Стрелка, 13 - Удельно-Шумецкое селище,
14 – селище Галанкина Гора, 15 - Кривое озеро селище, 16 - Майданское II селище,
17 - Майданское III селище, 18 - Майданское IV селище, 19 - Сутырское III селище,
20 - Сутырское IV селище, 21 - Выжумский III могильник, 22 - Ефанихинский могильник,
23 - Черемисское кладбище, 24 - Веселовский могильник, 25 - Руткинский могильник,
26 - Дубовский могильник, 27 - Дубовское селище, 28 - Паратское селище,
29 - Паратское XVI селище, 30 - Паратское XVII селище, 31 - Паратское XVIII селище,
32 - Звениговское селище, 33 - Звениговское городище, 34 - Кубашевское городище,
35 - Цекеевское городище, 36 - Пайбулатовское селище, 37 - Юмский могильник,
38 - Еманаевское городище, 39 - Ижевское городище, 40 - Кочергинский могильник,
41 - Бурыгинское городище, 42 - Кузнецовское городище, 43 - Большетанаковское городище,
44 - Верхнерегежское городище, 45 - Актуганское селище, 46 - Игисолинское городище,
47 - Лопьяльский могильник, 48 - Кушкобиляморское городище, 49 - Ашиязское городище,
50 – Нуршаринское селище, 51 - Борисковский могильник.

1 – городище; 2 – могильник; 3 – селище; 4 – отдельные находки;
5 – производственный объект.

А – меря; Б – мурома; В – мордва; Г – болгары; Д – пермские фины.

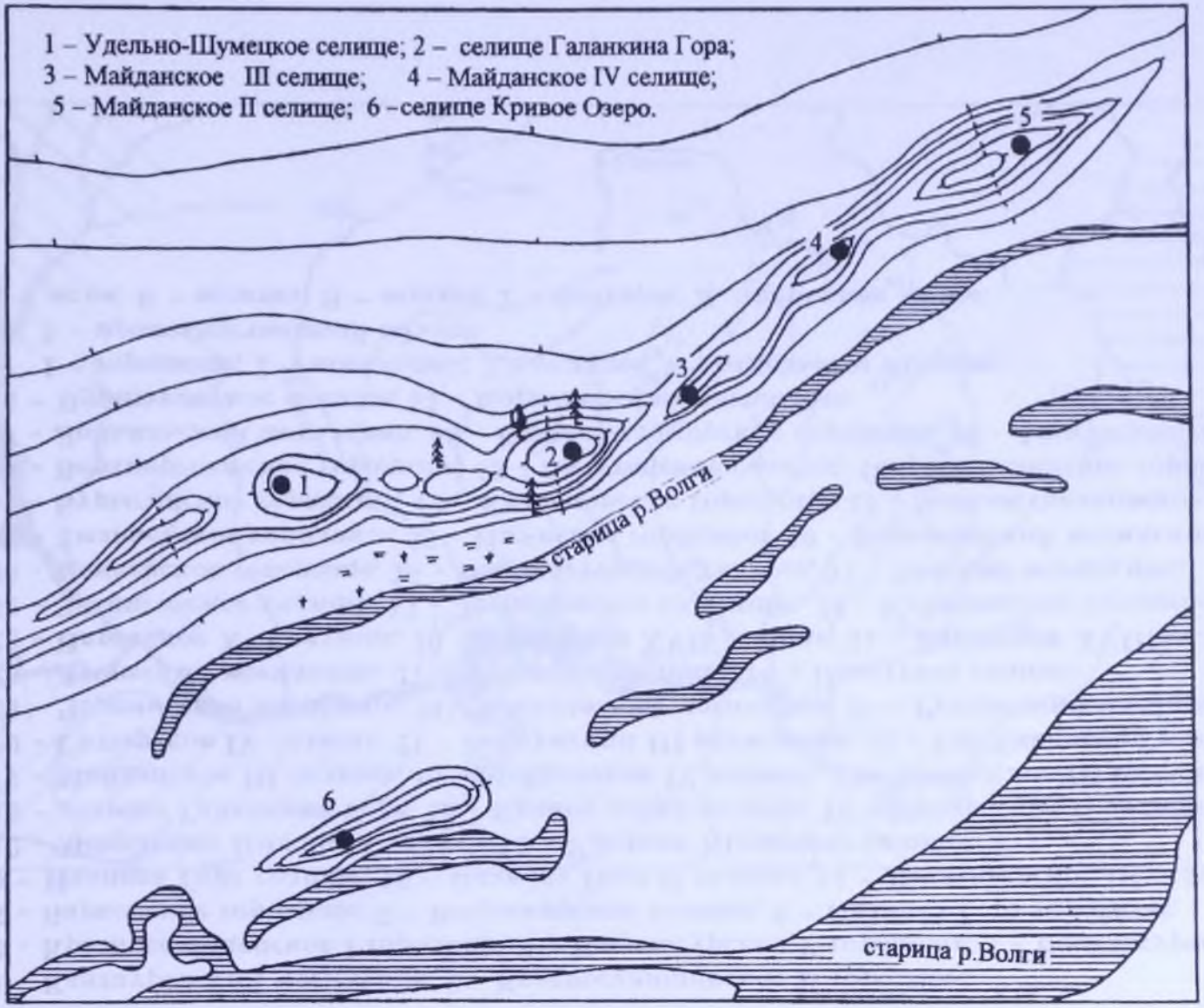

Рис. 54. **Куст населения рубежа I-II тыс. н.э. в Юринском районе Республики Марий Эл.**

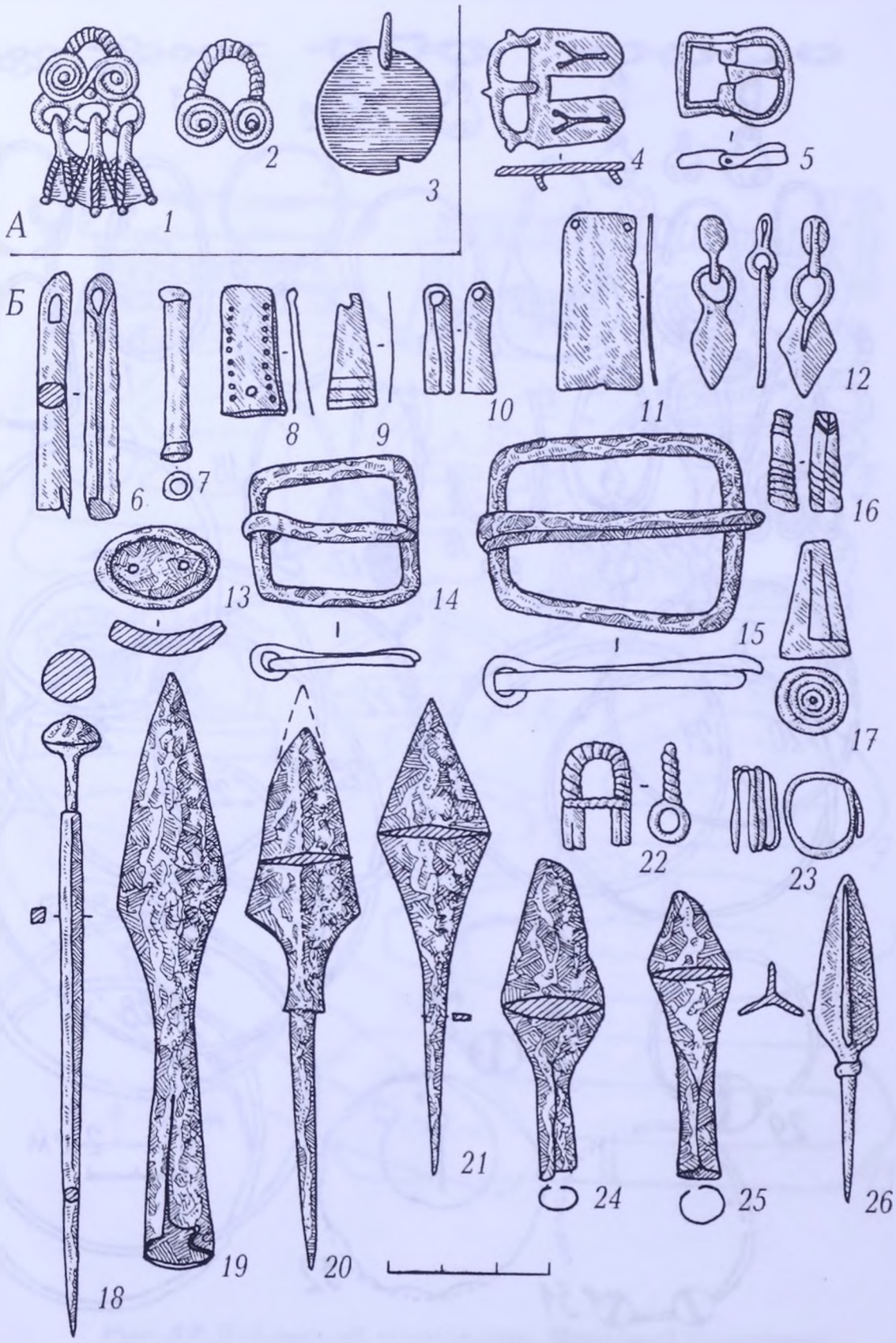

Рис. 55. **Ижевское городище. Вещевой комплекс.**

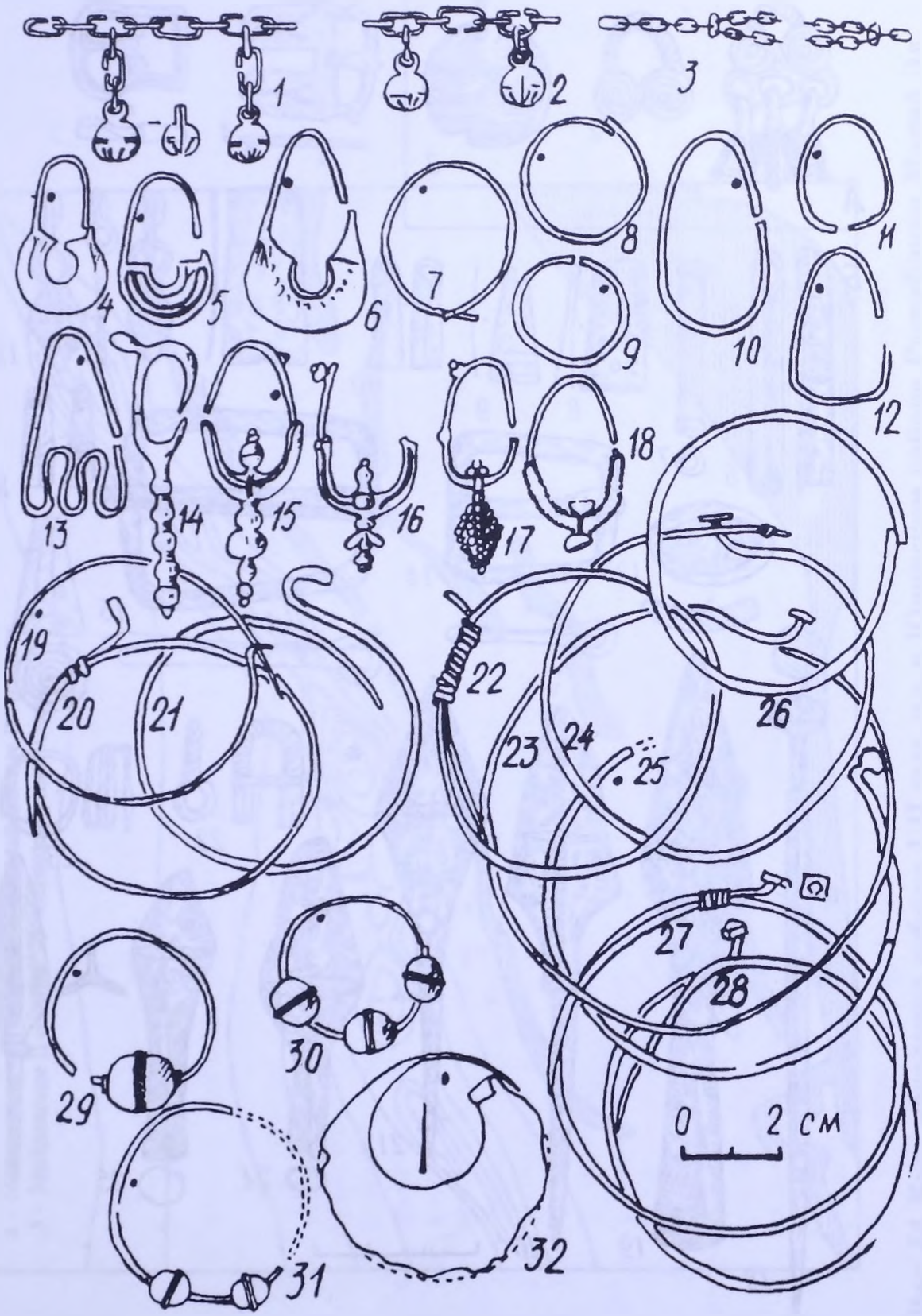

Рис. 56. **Дубовский могильник. Вещевой комплекс.**
[Архипов Г.А. 1984].

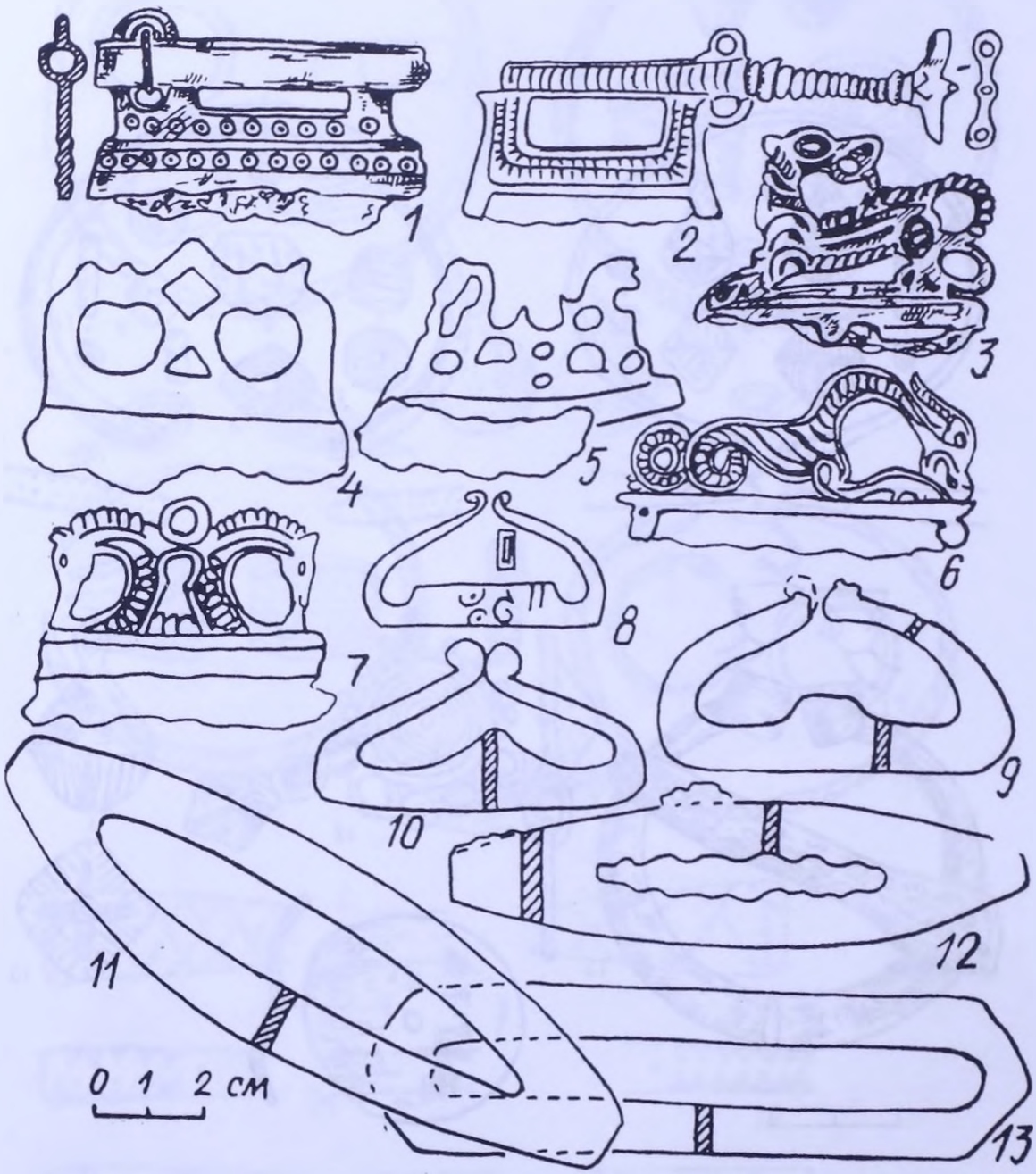

Рис. 57. **Дубовский могильник. Вещевой комплекс. [Архипов Г.А. 1984].**

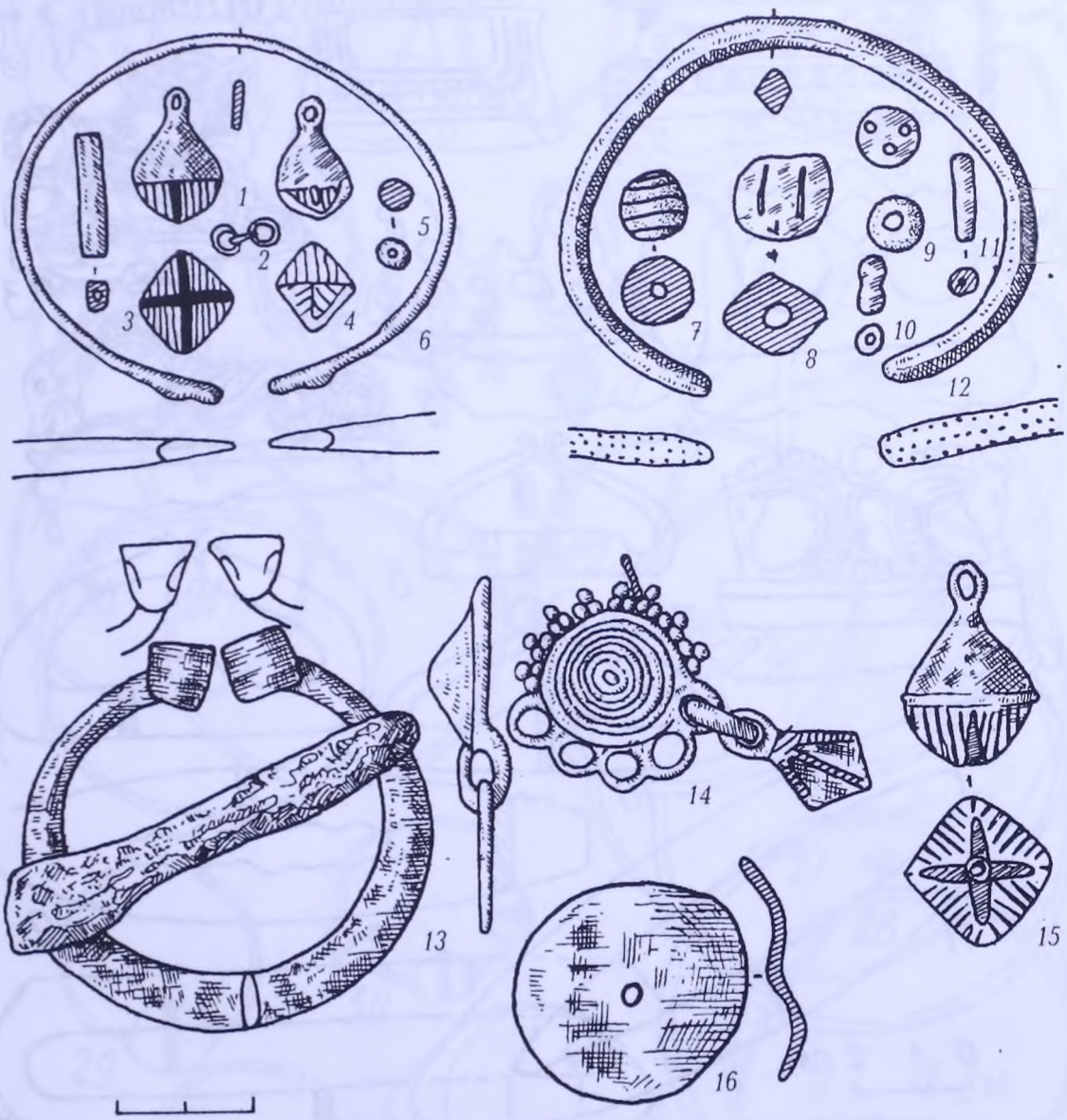

Рис. 58. **Могильник Нижняя Стрелка. Погребение 5.**

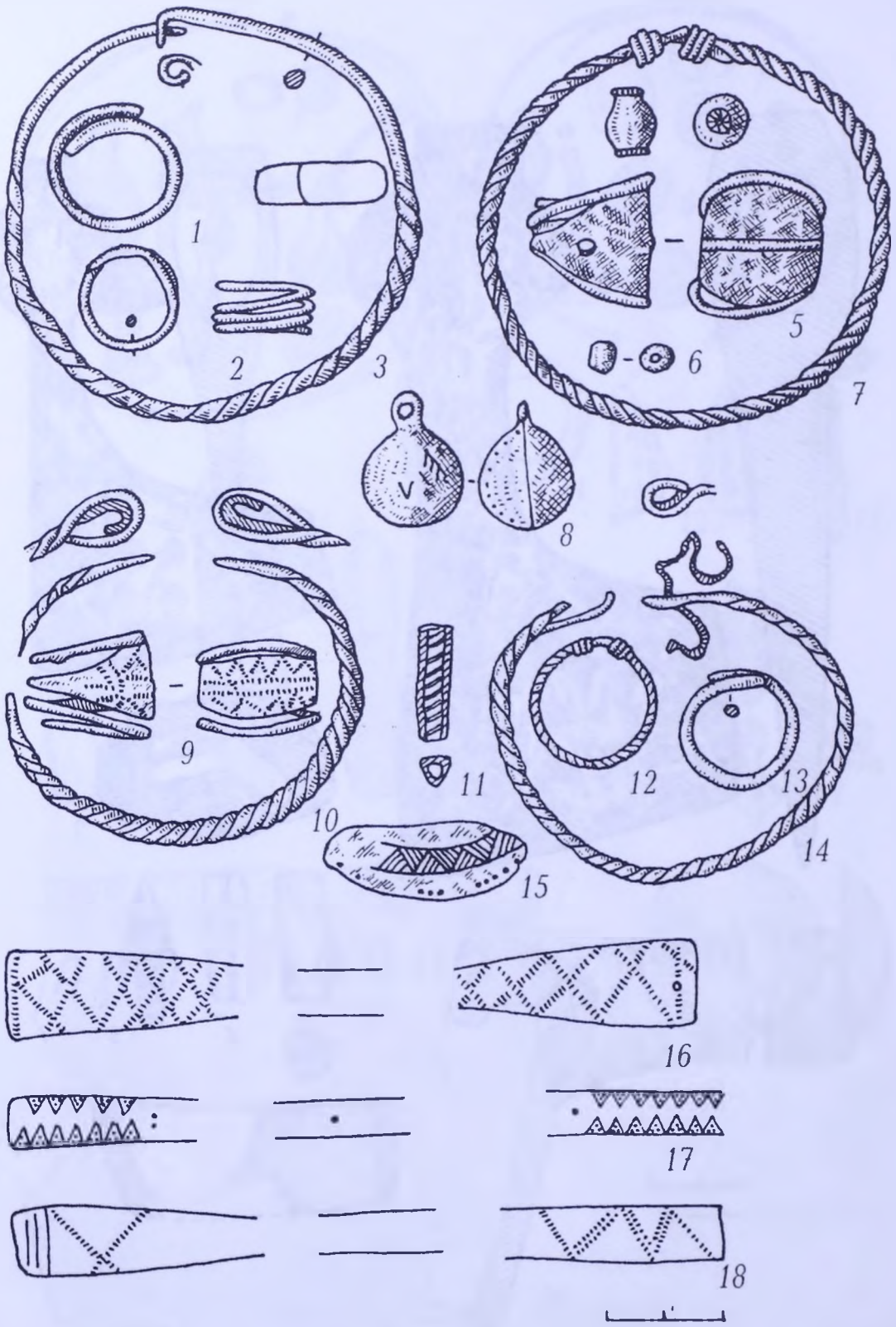

Рис. 59. **Могильник Нижняя Стрелка. Погребение 5.**

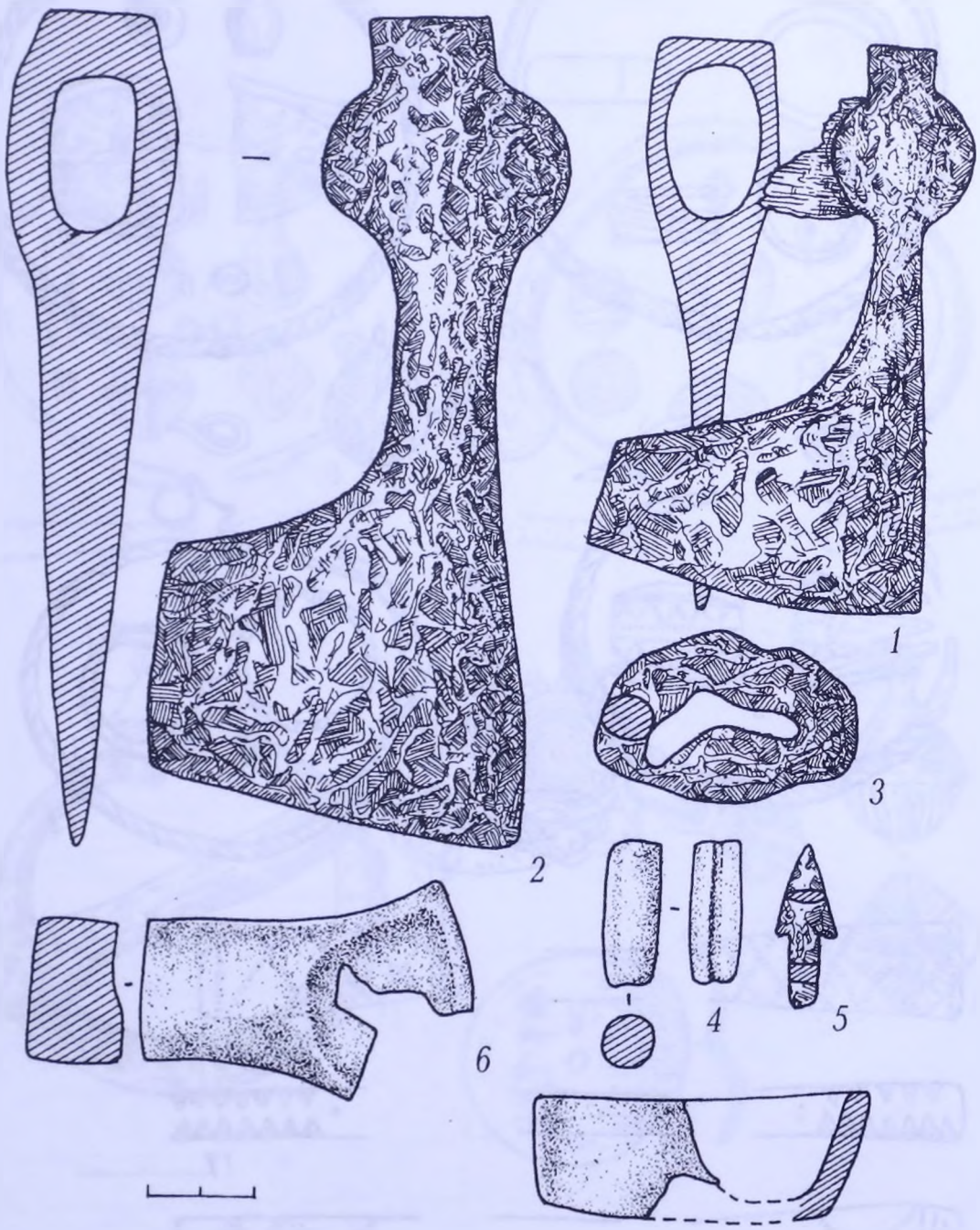

Рис. 60. **Могильник Нижняя Стрелка. Погребение 5.**

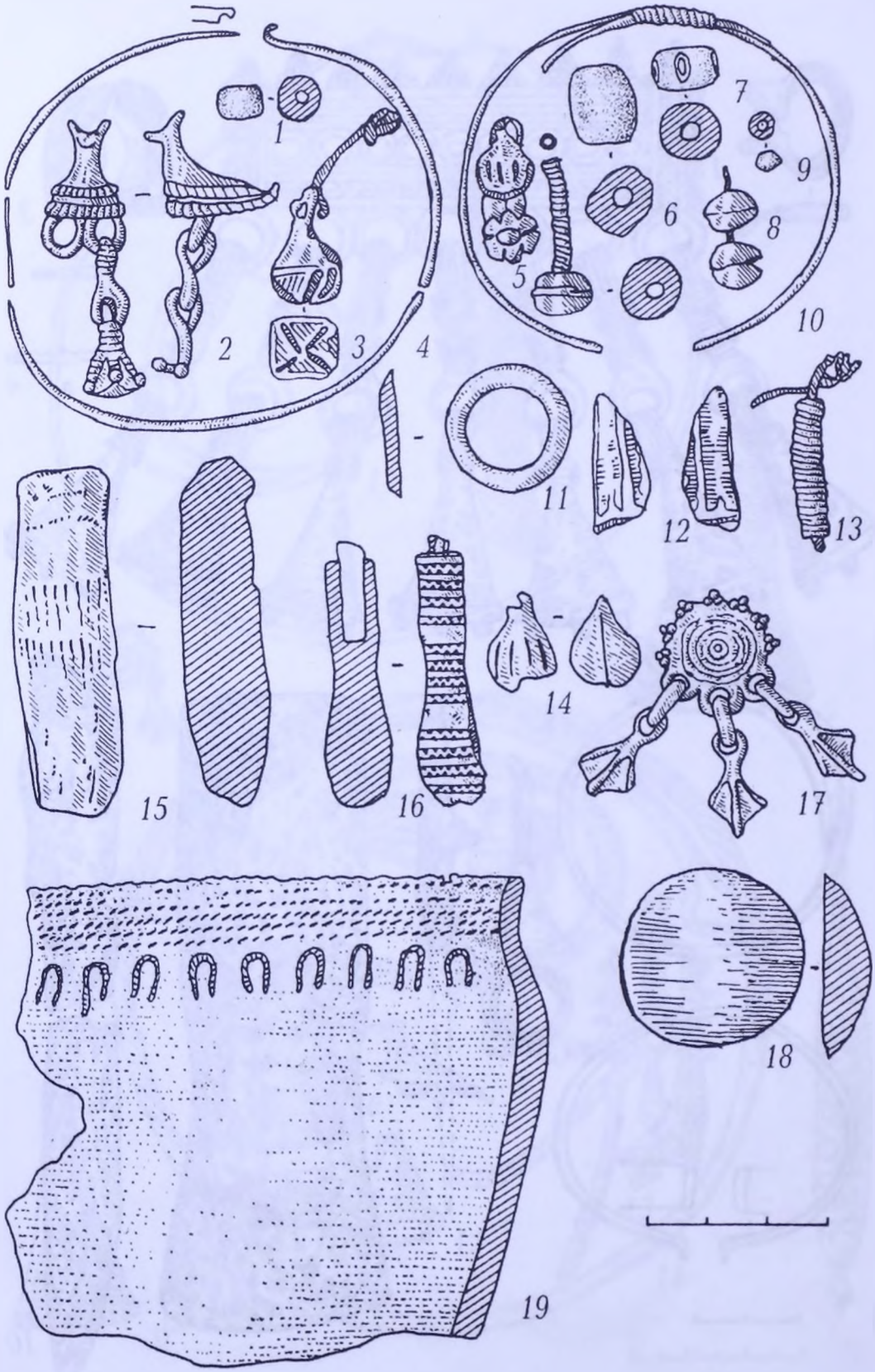

Рис. 61. **Могильник Нижняя Стрелка. Погребение 5.**

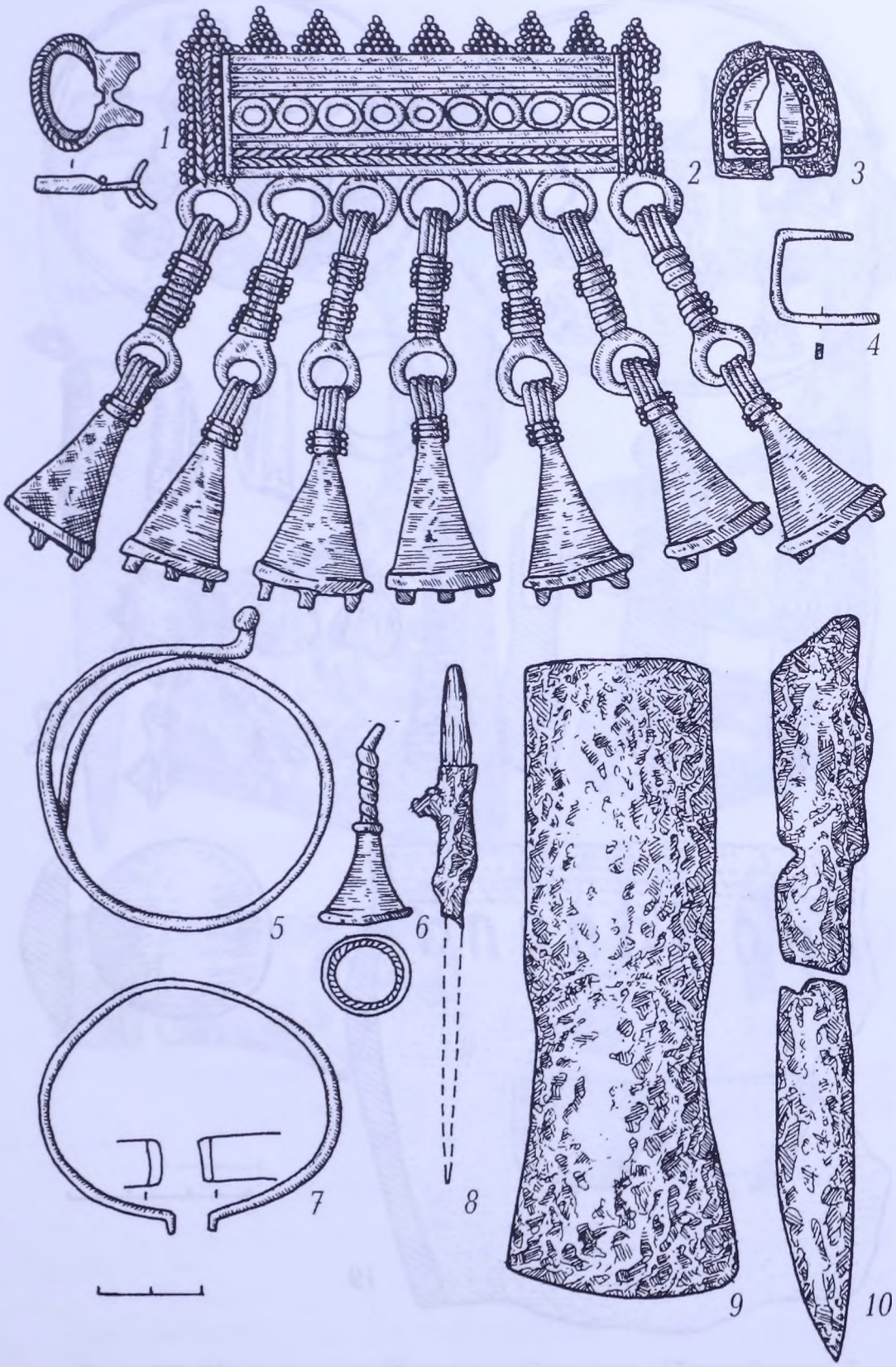

Рис. 62. **Могильник Нижняя Стрелка. Погребение 7.**

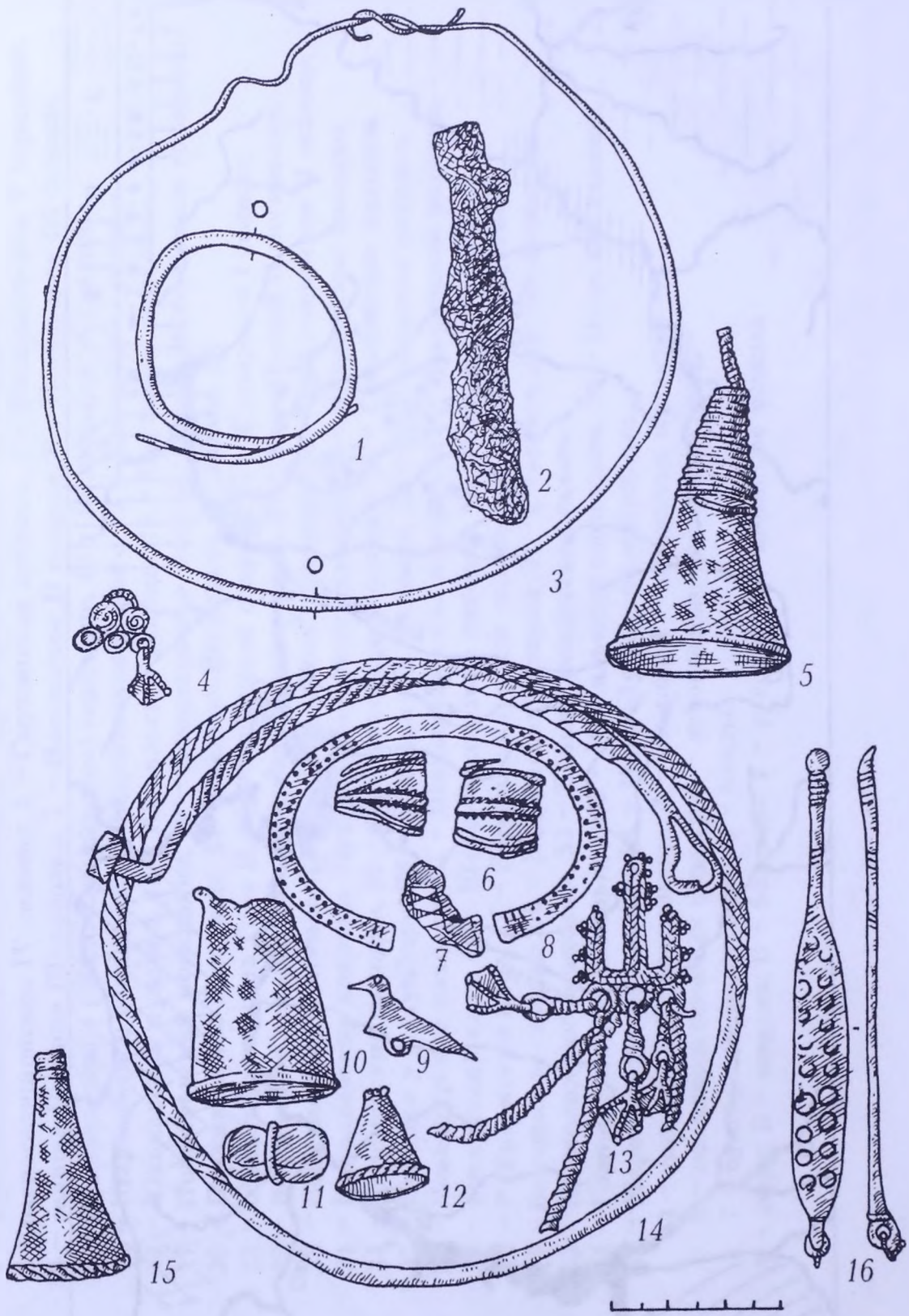

Рис. 63. **Могильник Нижняя Стрелка.**
1–3 – погребение 24; 4–16 – погребение 25.

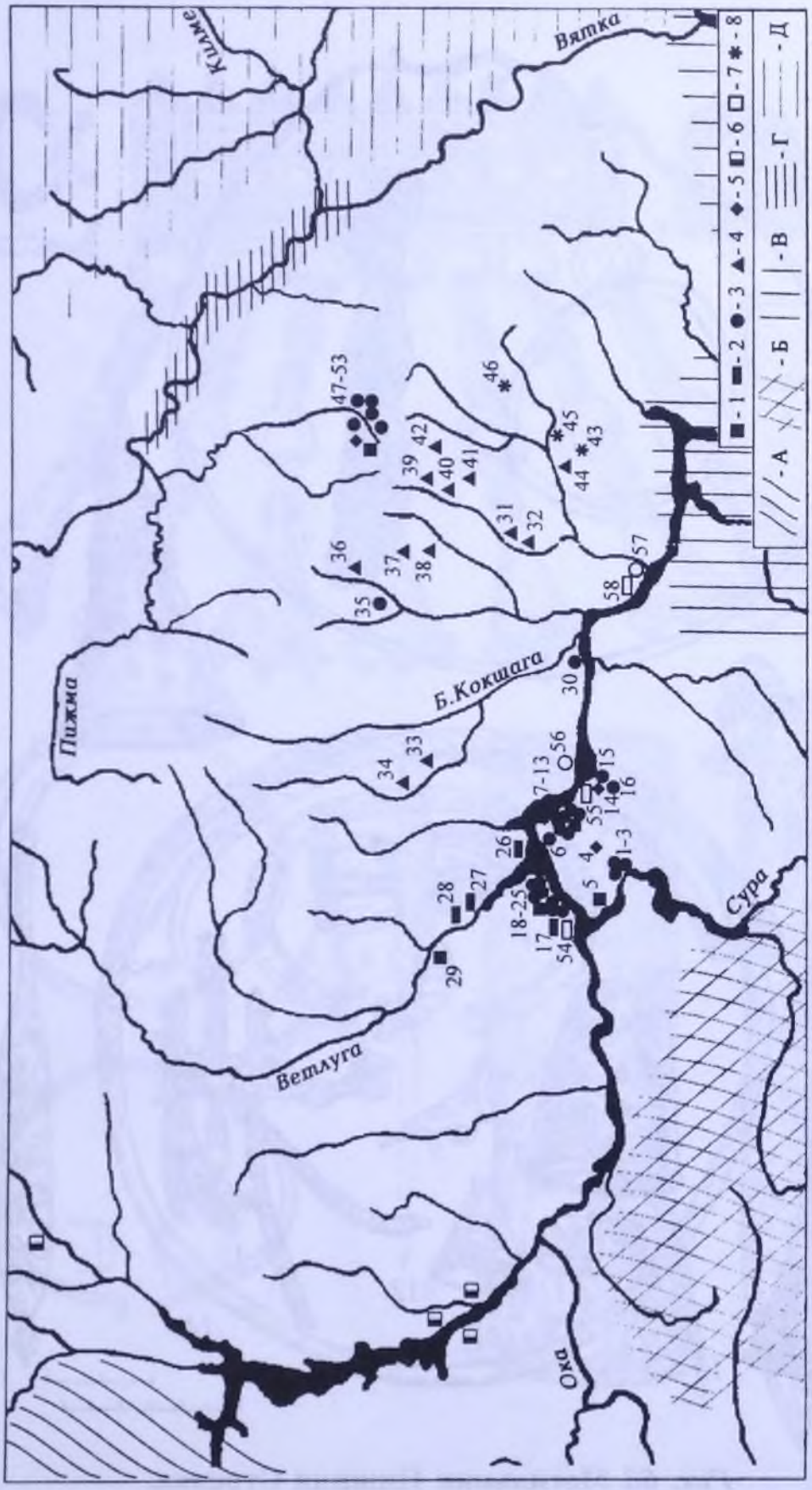

Рис. 64. **Карта расселения мари в XII–XV вв. н.э. (3 этап).**

К *рис. 64.* Карта расселения мари в XII–XV вв. н.э. (3 этап

1 – Красноселищенское II селище, 2 – Красноселищенское III селище,
3 Красноселищенское IV селище, 4 – Сиухинская кузница, 5 – Васильсурское V городище,
6 – селище Нижние Шелаболки, 7 – Носельское II селище, 8 – Носельское III селище,
9 – Важнангерское (Мало-Сундырское) городище, 10 – Важнангерское селище,
11 – Шартнейское селище, 12 – Яндушевское селище, 13 – Ключевское селище,
14 – Юльяльская кузница, 15 – Юльяльское селище, 16 – Сауткинское селище,
17 – Починковский могильник, 18 – Починковское селище, 19 – Горношумецкое городище,
20 – Починковское II селище, 21 –Удельно-Шумецкое II селище,
22 – селище Галанкина Гора II, 23 – Полянское селище, 24 – Сутырское I селище,
25 – Волоконное селище, 26 – Руткинский могильник, 27 – Выжумский II могильник,
28 – Выжумский III могильник, 29 – Успенское городище, 30 – Уржумкинское II селище,
31 – Николаевские находки, 32 – Шелангерские находки, 33 – Юванурские находки,
34 – Килемарские находки, 35 – Великопольское селище, 36 – Солонерские находки,
37 – Находки у д. Чумбари, 38 – Находки у д. Чкарино, 39 – Салтаковские находки,
40 – Чевернурские находки, 41 – Шиньшедурские находки, 42 – Кокремские находки,
43 – Сосновский клад, 44 – Шари-Боксадские находки, 45 – Светинский клад,
46 – Р. Уртемский клад, 47 – Руссколяждурское селище, 48 – Олминское селище,
49 - Бадьинское селище, 50 – Бадьинская кузница, 51 – Староюледурское селище,
52 - Шорсолинское городище, 53 – Большеляждурское селище,
54 – Горношумецкой могильник, 55 – Юльяльский могильник, 56 – Отарское селище,
57 – Мари-Луговское селище, 58 – Мари-Луговской могильник.

1 – городище; 2 – могильник; 3 – селище; 4 – отдельные находки;
5 – производственный объект; 6 – летописные русские центры;
7 – булгарские памятники; 8 – клады.

А – меря; Б – мордва; В – болгары; Г – русские; Д – пермские финны.

26 Заказ № 2017

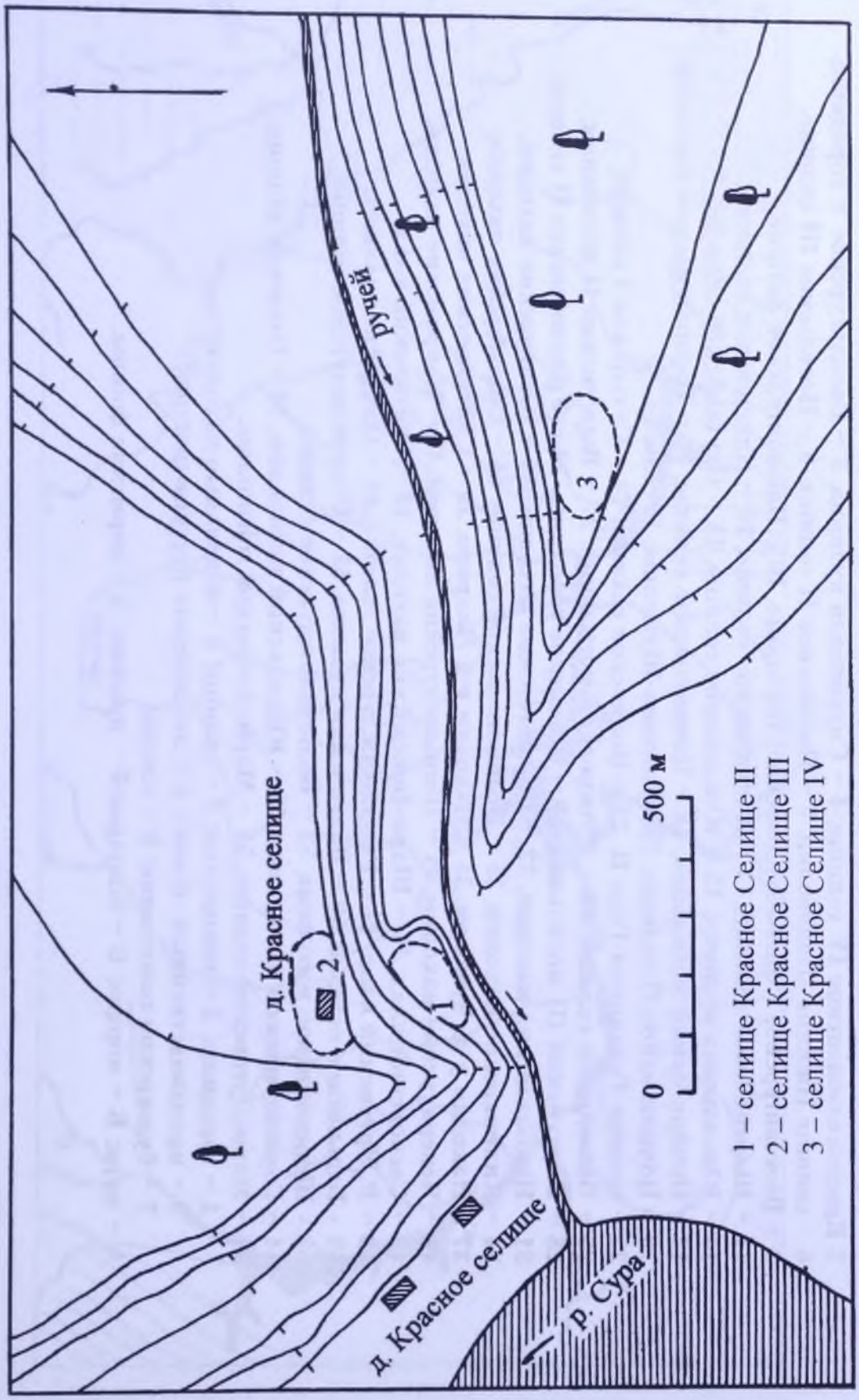

Рис. 65. **Куст памятников XIII–XIV вв. у д. Красное Селище.**

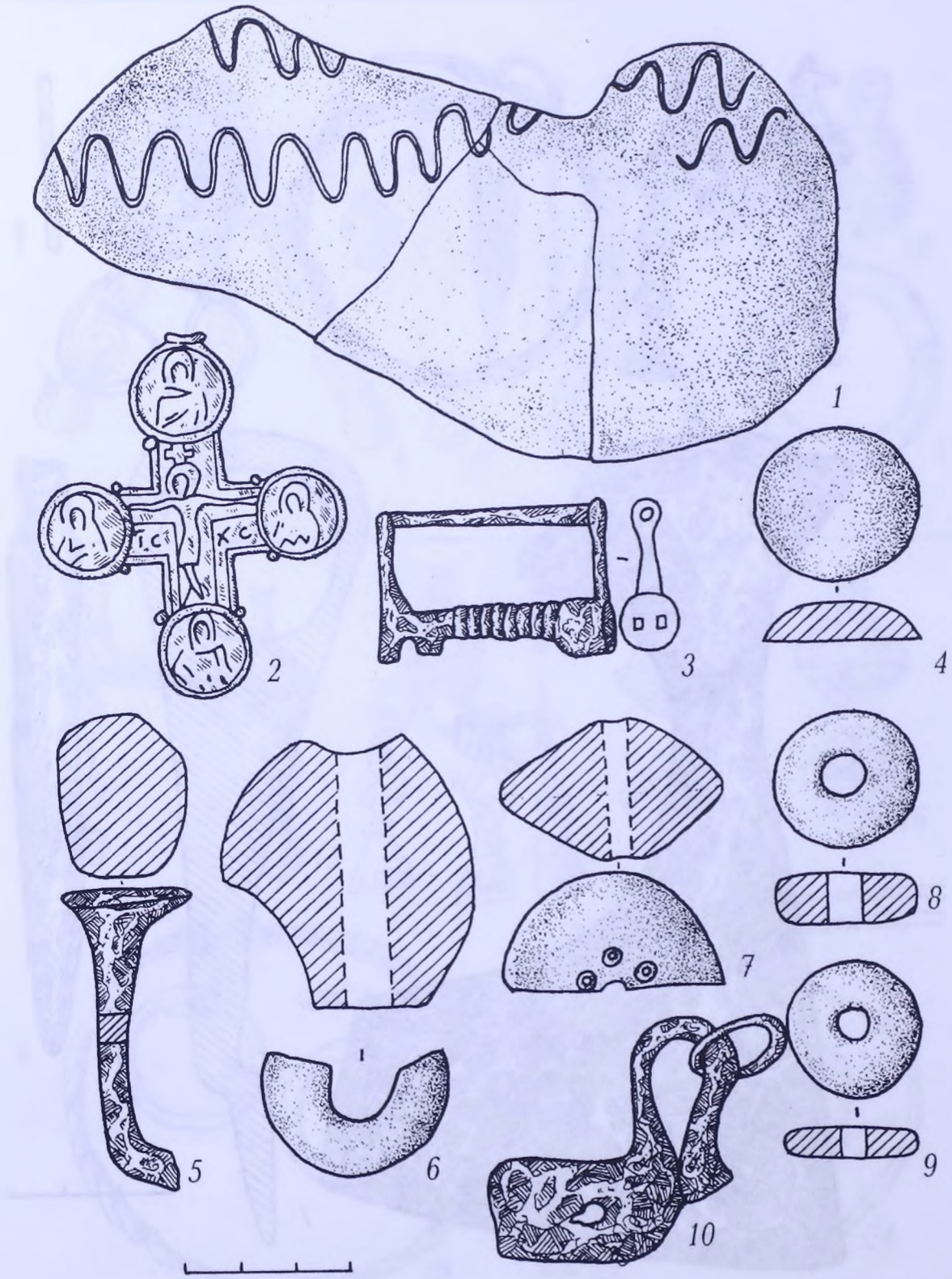

Рис. 66. **Васильсурское V городище. Вещевой комплекс.**

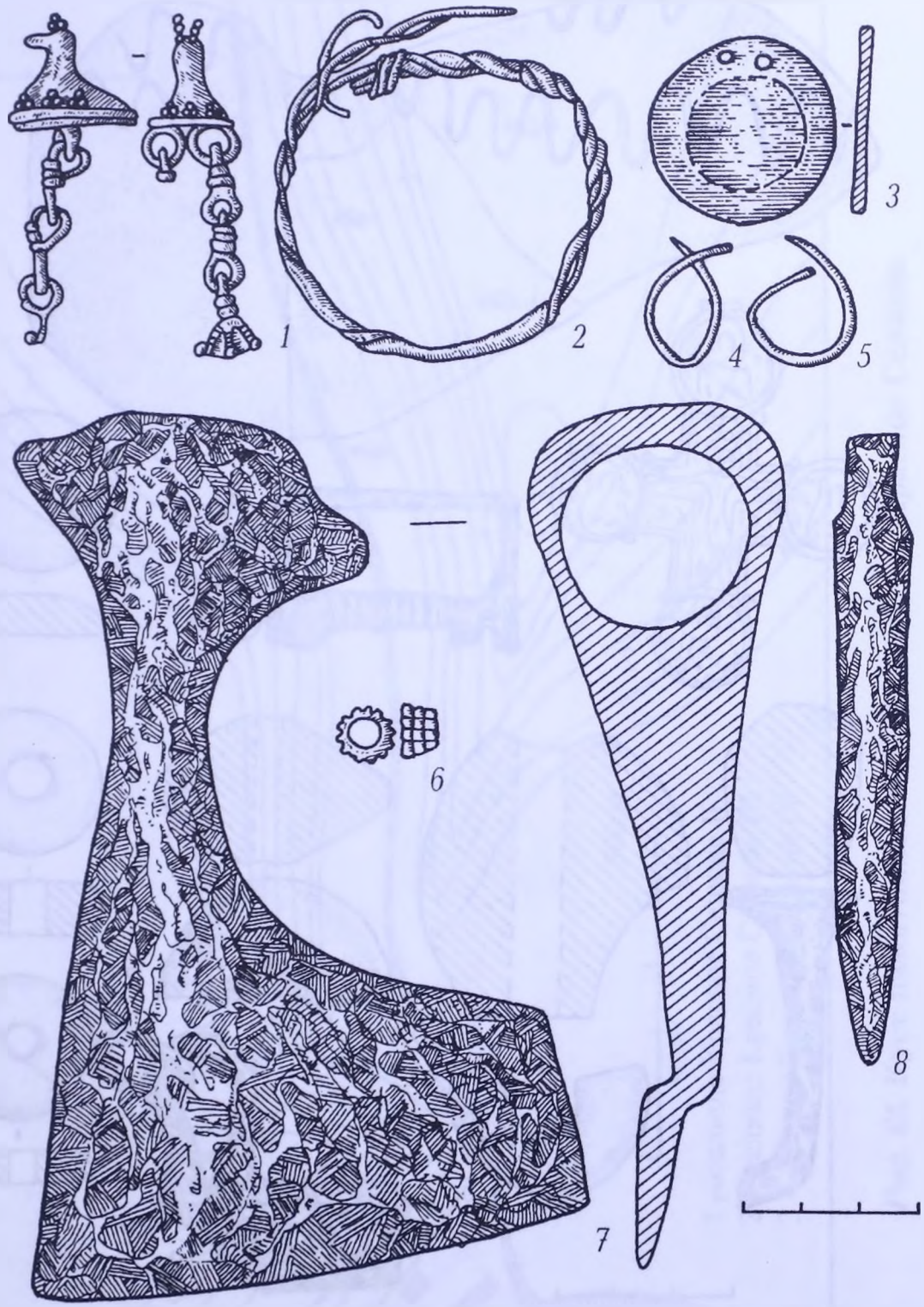

Рис. 67. **Выжумский III могильник. Погребение 8.**

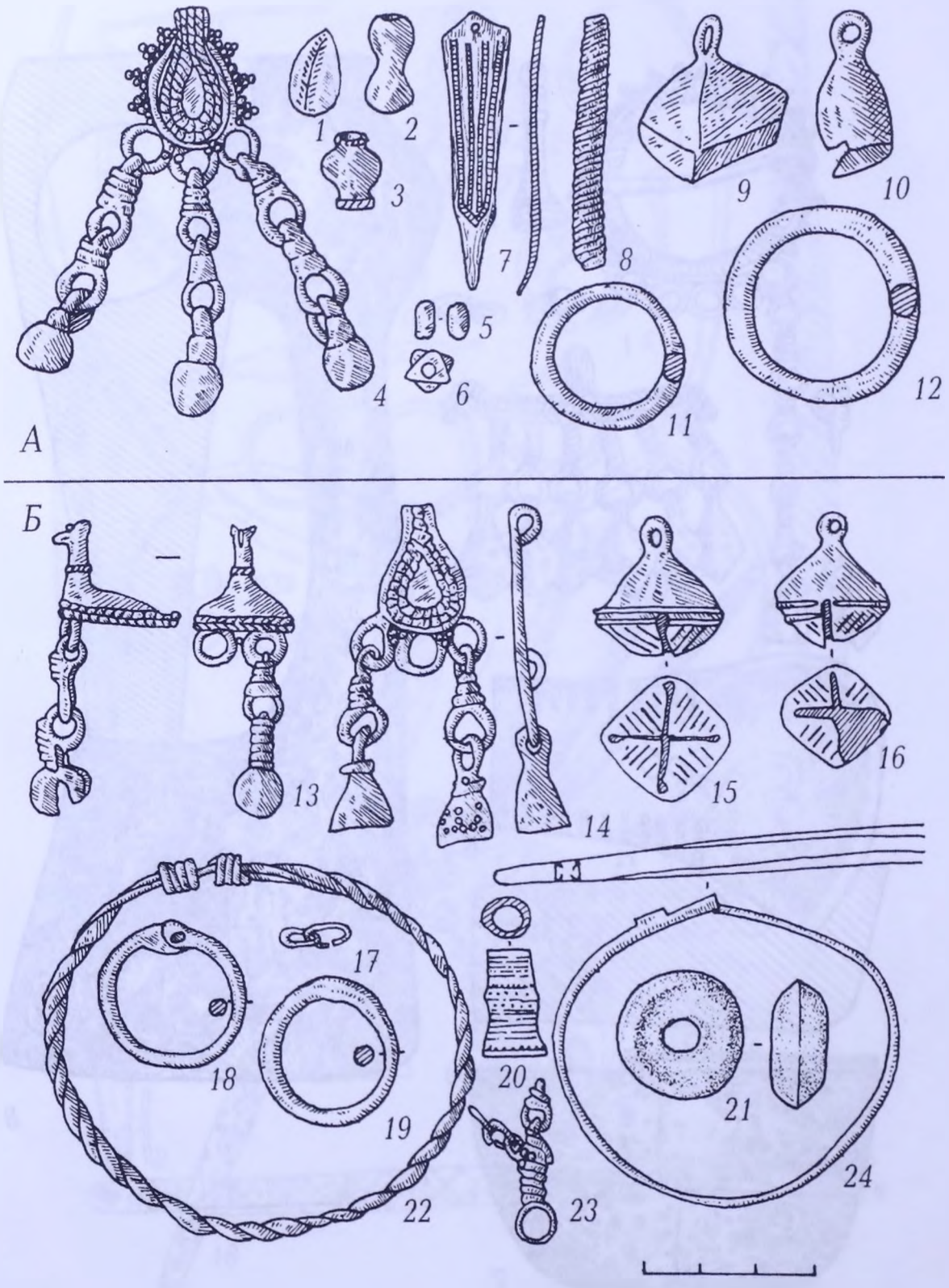

Рис. 68. **Выжумский III могильник.**
А – погребение 4; Б – погребение 11.

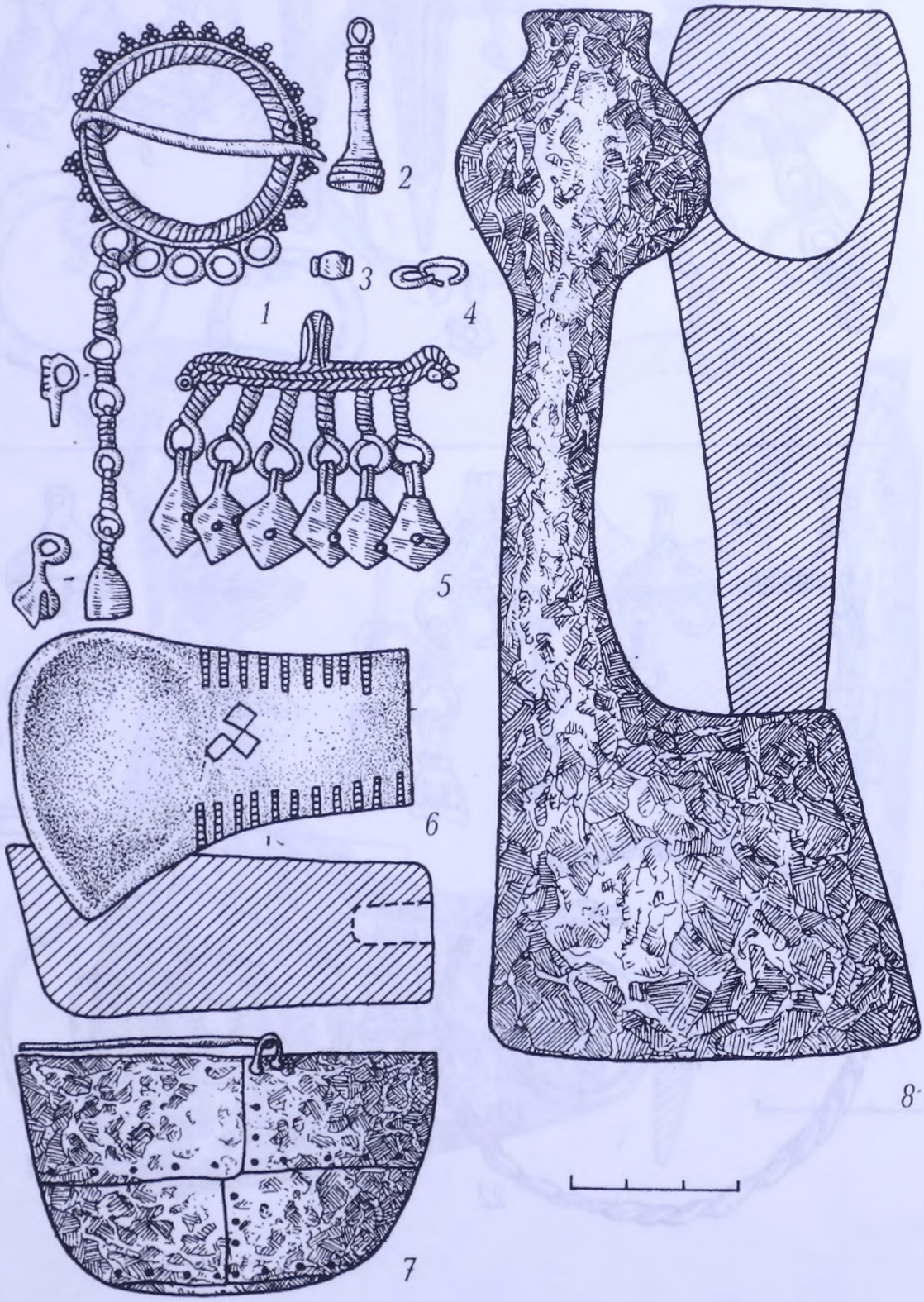

Рис. 69. **Выжумский III могильник. Погребение 11.**

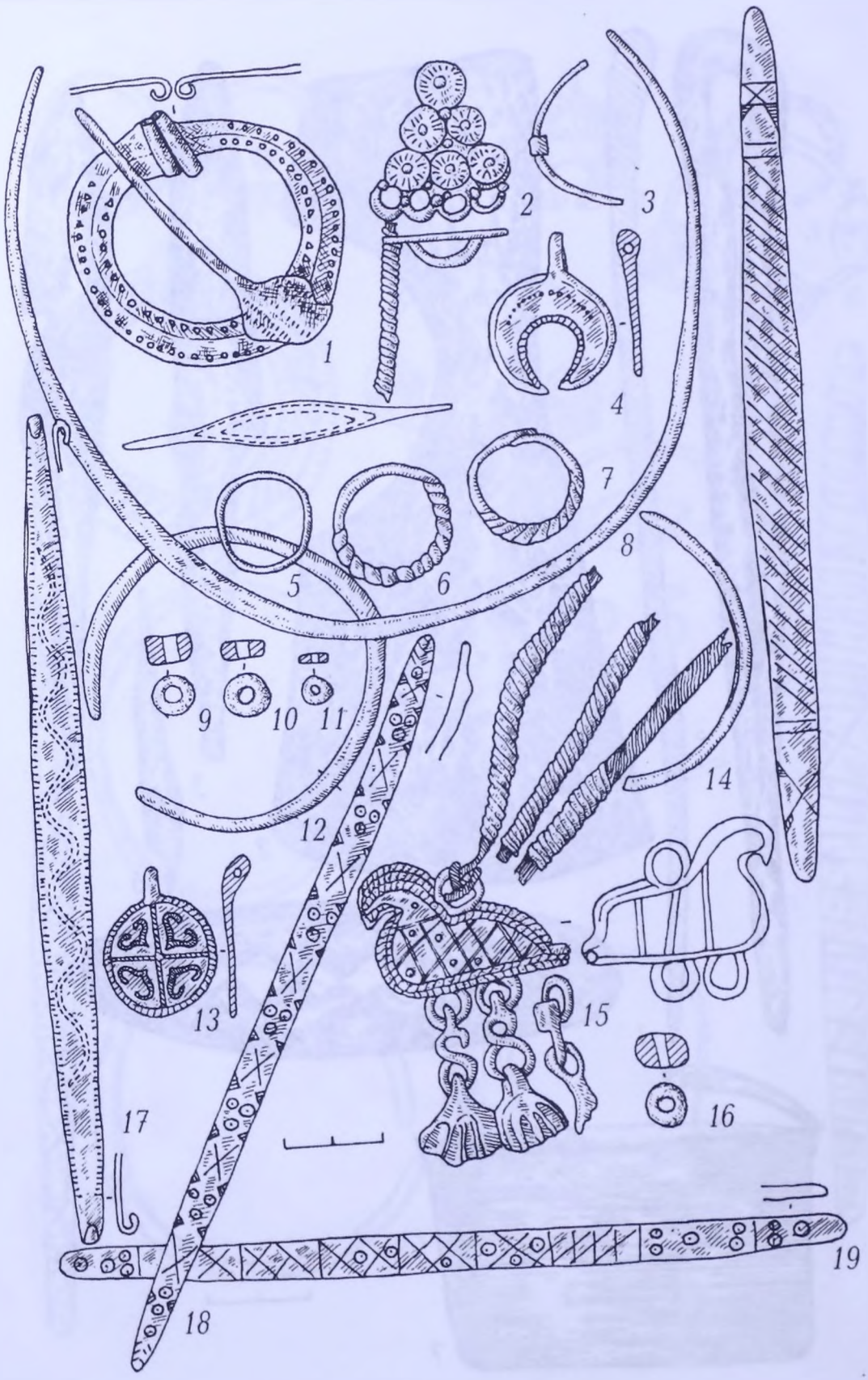

Рис. 70. **Выжумский III могильник. Погребение 22.**

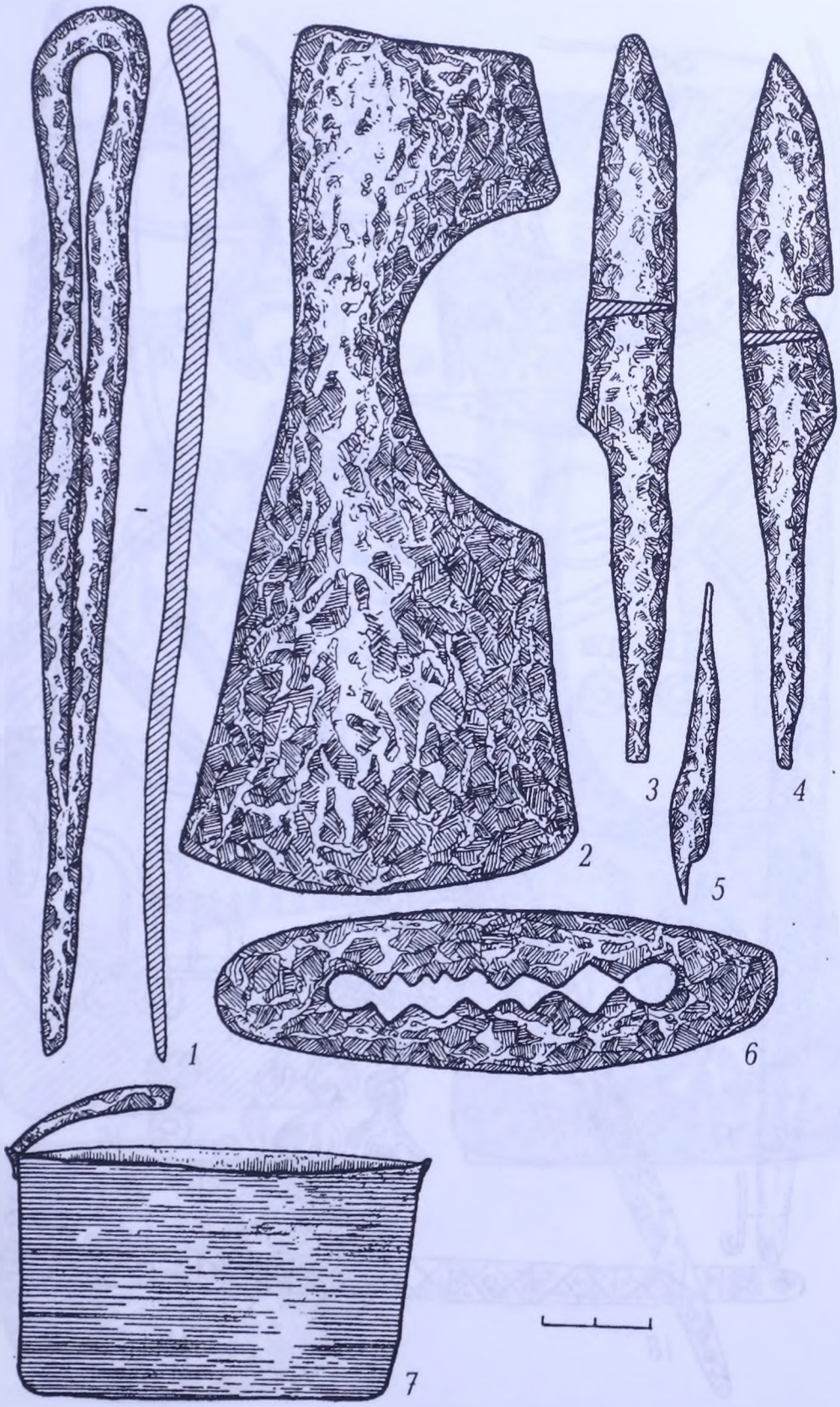

Рис. 71. **Выжумский III могильник. Погребение 24.**

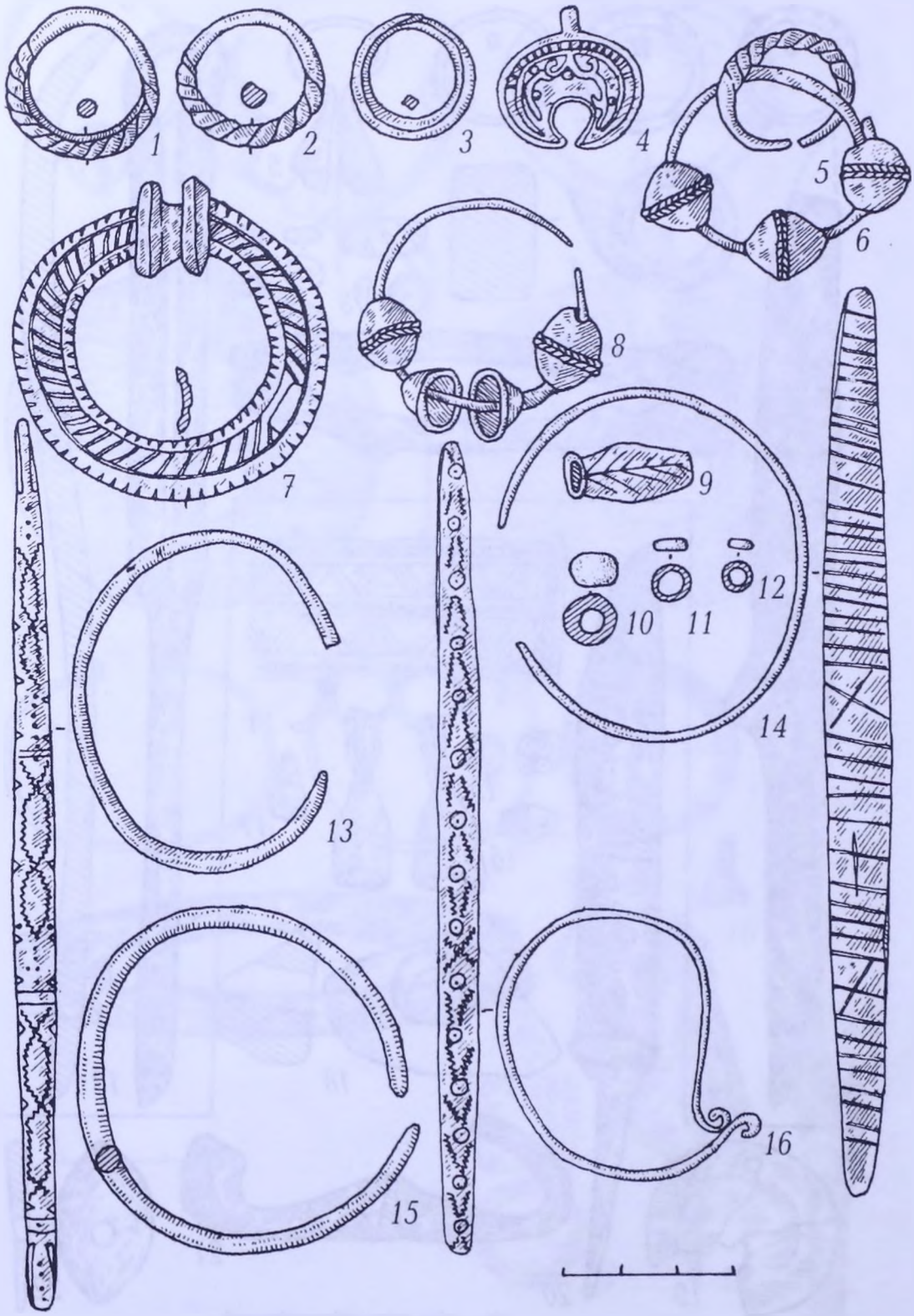

Рис. 72. **Выжумский III могильник. Погребение 24.**

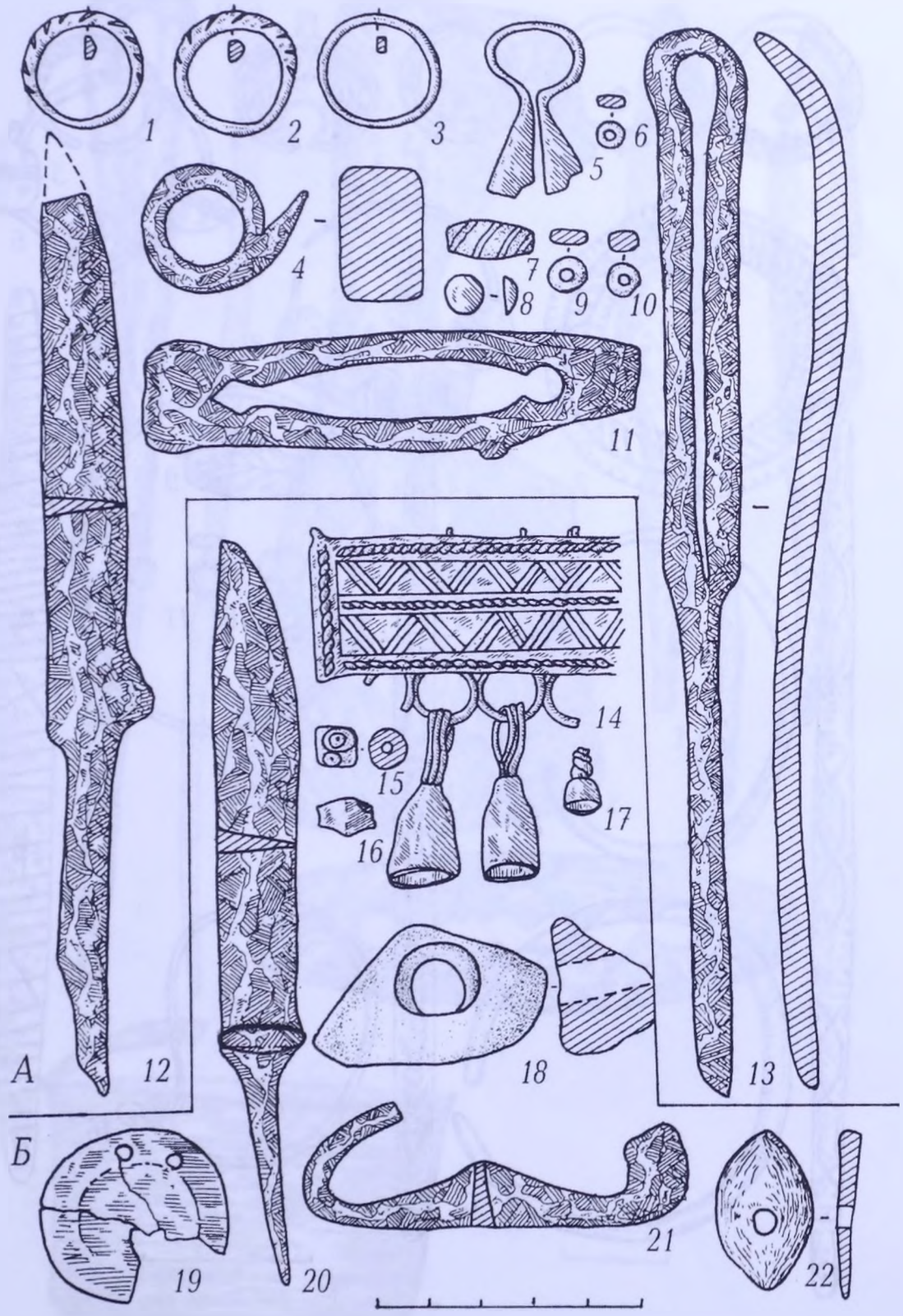

Рис. 73. **Руткинский могильник.**
А – погребение 5; Б – погребение 1.

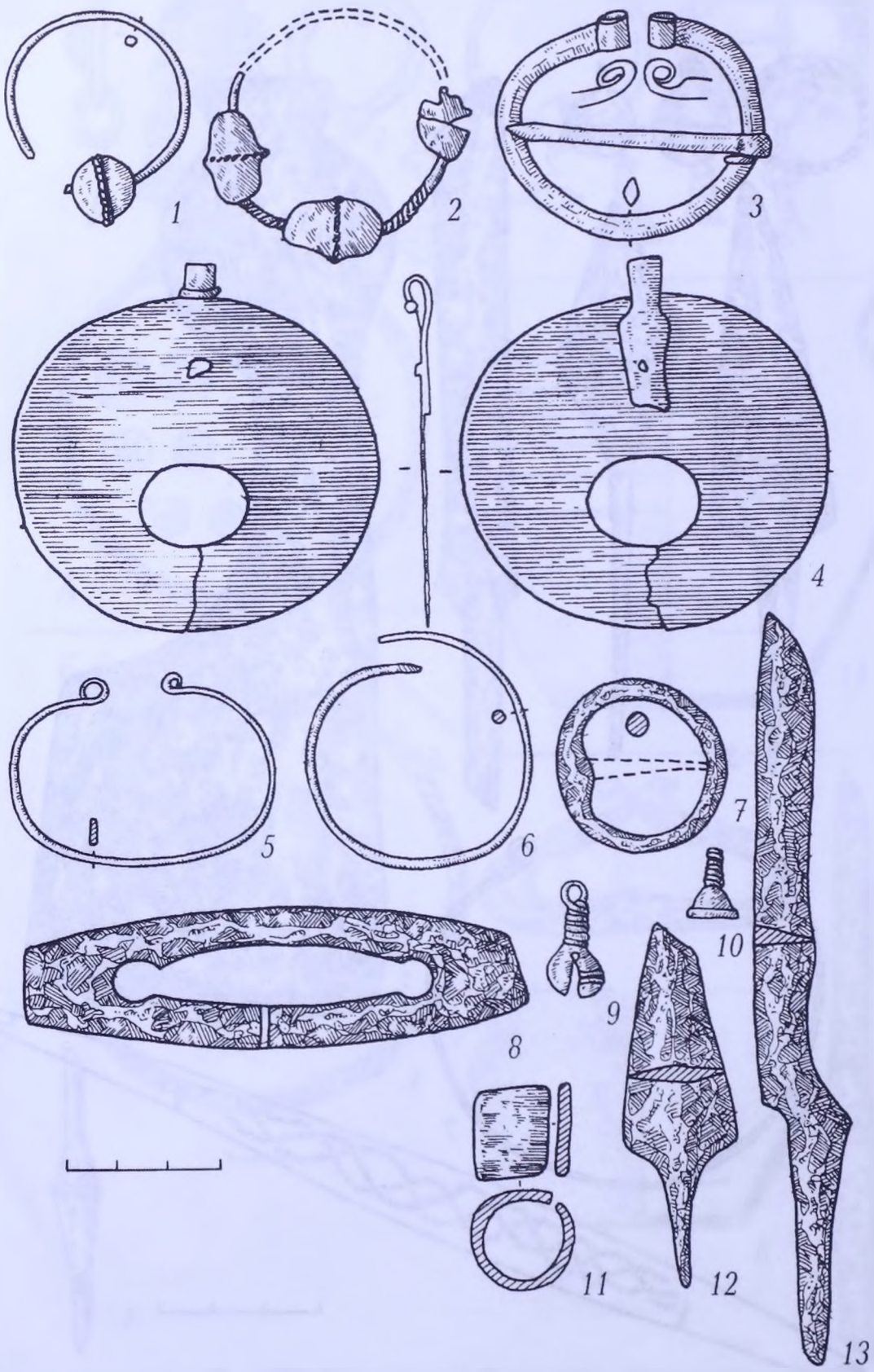

Рис. 74. **Руткинский могильник. Погребение 17.**

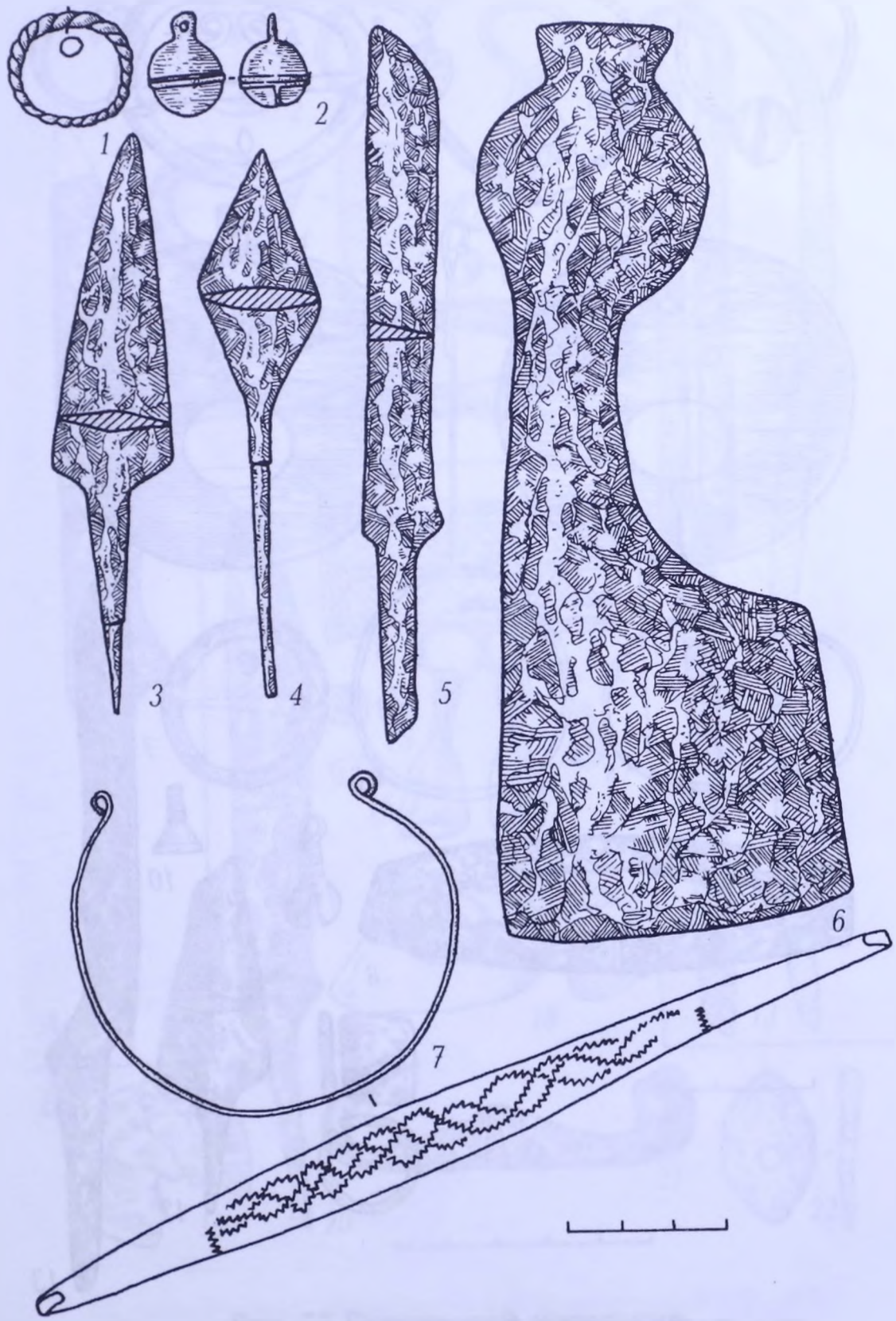

Рис. 75. **Руткинский могильник. Погребение 23.**

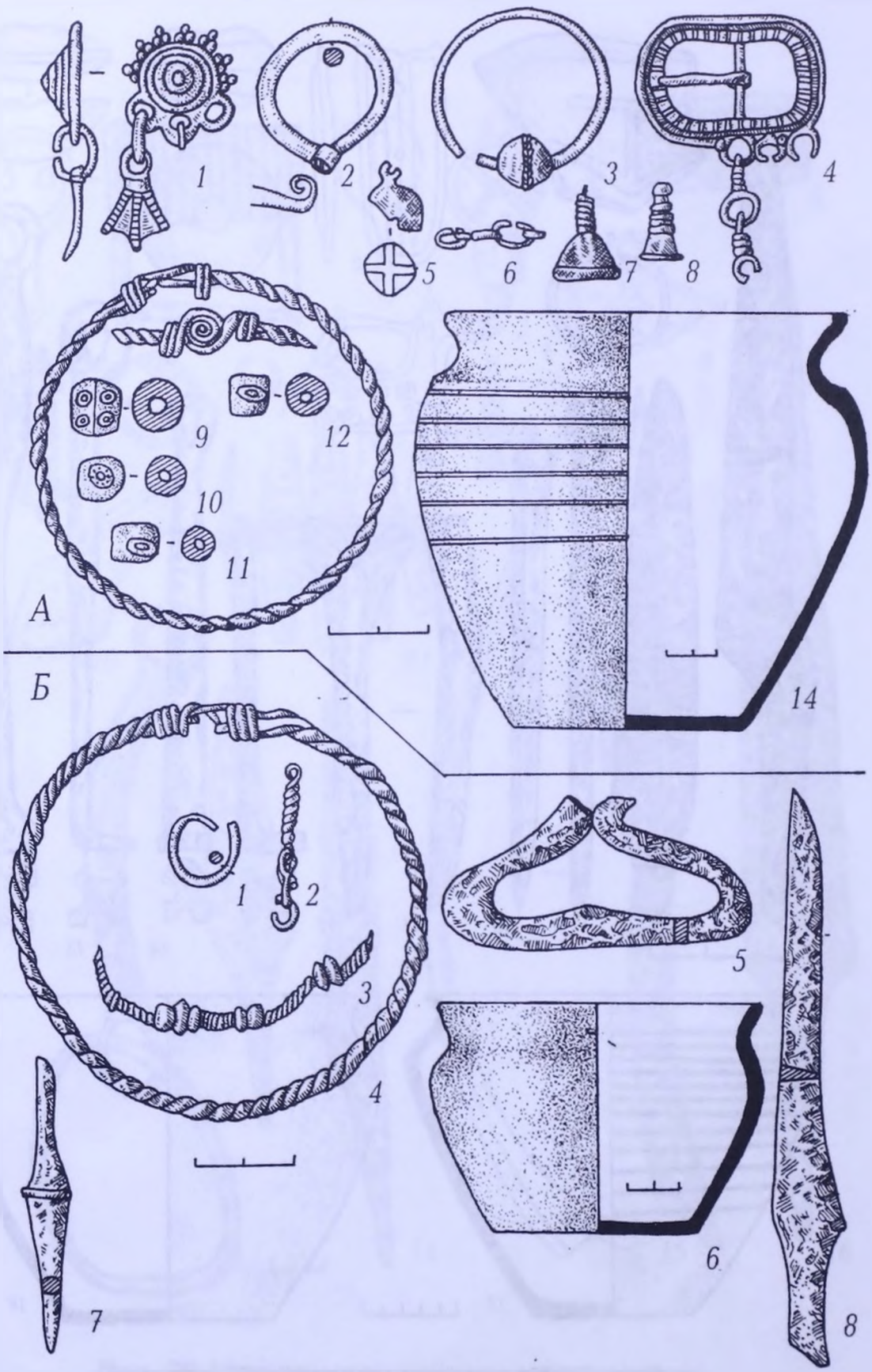

Рис. 76. **Руткинский могильник.**
А – погребение 16; Б – погребение 44.

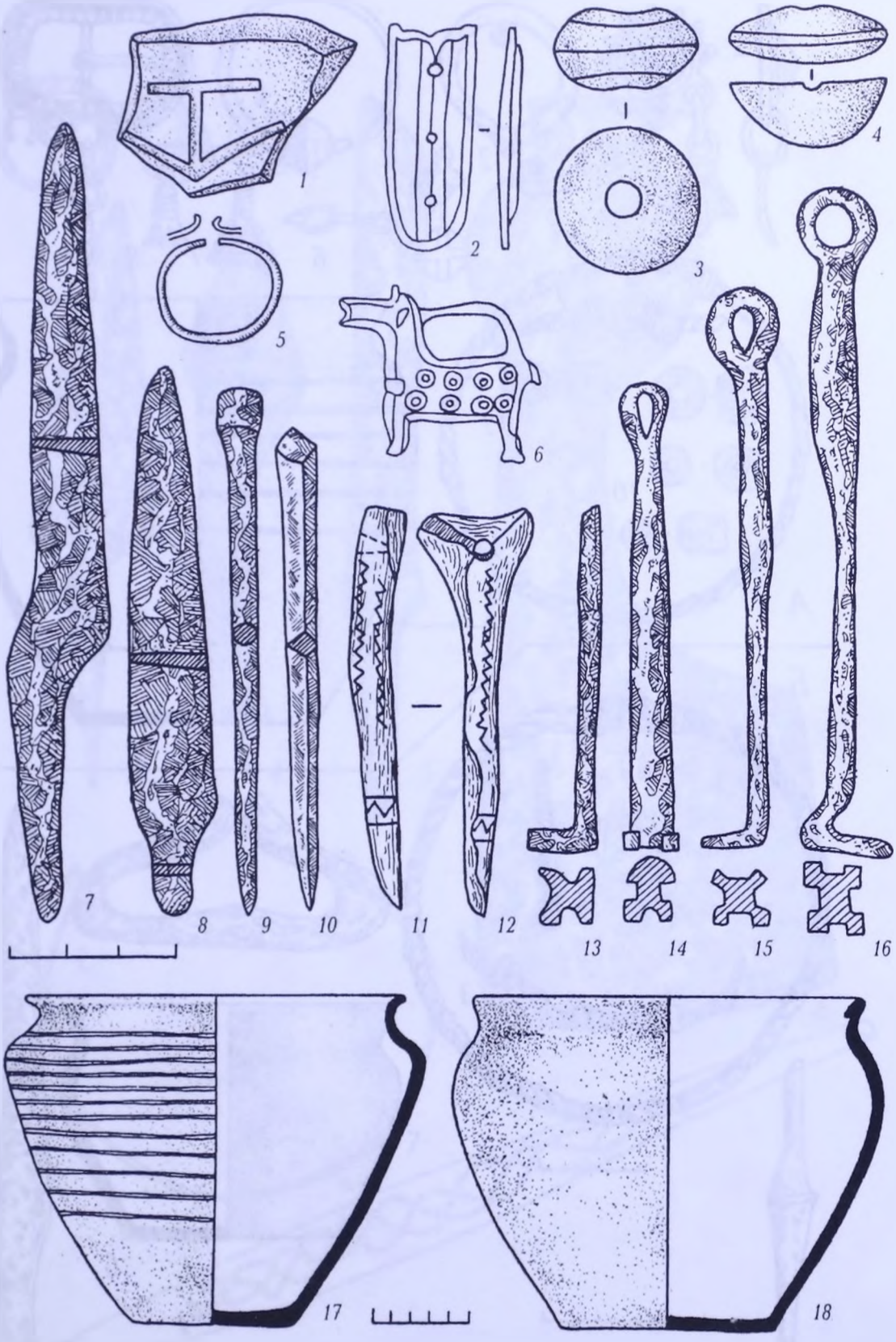

Рис. 77. **Красноселищенское II селище. Вещевой инвентарь и керамика.**

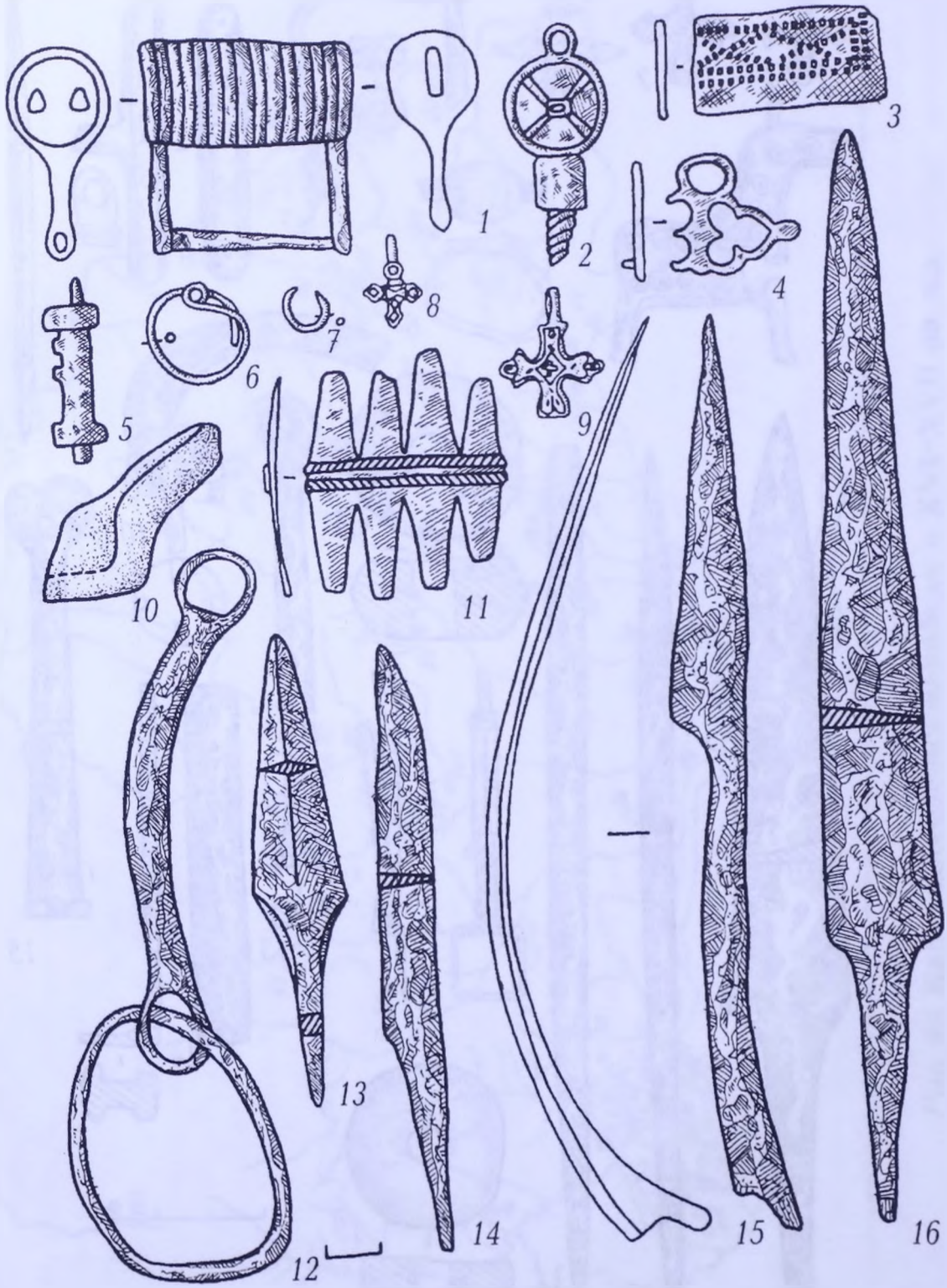

Рис. 78. **Юльяльское селище и могильник. Вещевой комплекс.**

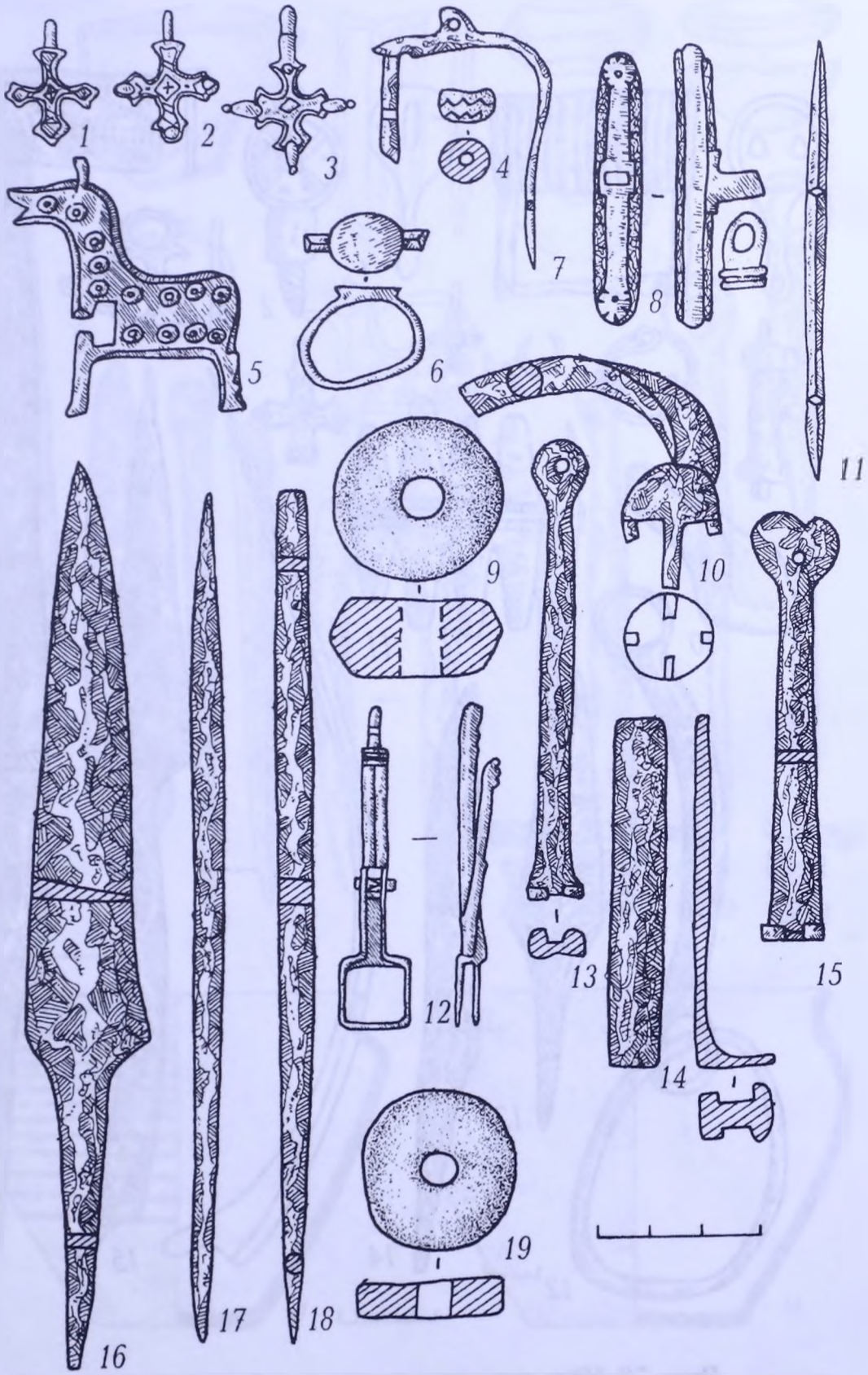

Рис. 79. **Важнангерское (Мало-Сундырское) городище. Вещевой комплекс.**

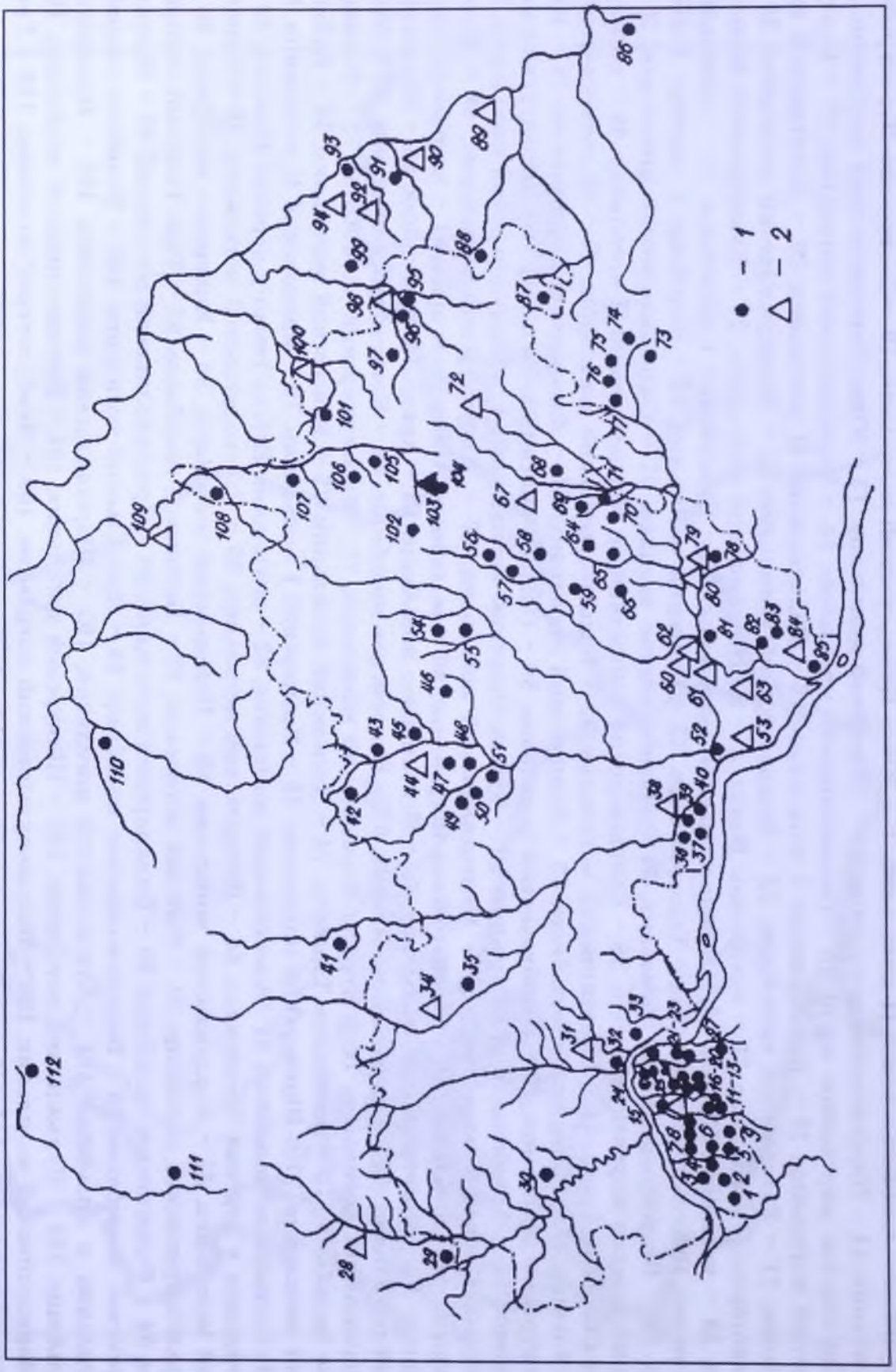

Рис. 80. **Карта расселения марийцев в XVI–XVII вв. н.э.**

К *рис. 80.* 1 – Шешмарский могильник, 2 – Исуткинский могильник, 3 – Микряковский могильник, 4 – Березовский могильник, 5 – Каранькинский могильник, 6 – Пайгусовский могильник, 7 – Салмандаевский I могильник, 8 – Салмандаевский II могильник, 9 – Юнга-Кушергинский могильник, 10 – Заовражно-Пертнурский могильник, 11 – Паратмарский могильник, 12 – Лузинский могильник, 13 – Юнга-Пернянгашский могильник, 14 – Сиухинское жертвенное место, 15 – Пальтикинский могильник, 16 – Чермышевский могильник, 17 – Картуковский могильник, 18 – Кадышевский I могильник, 19 – Кадышевский II могильник, 20 – Замятинский могильник, 21 – Янгосовский могильник, 22 – Важнангерский могильник, 23 – Малосундырский могильник, 24 – Иваногорский могильник, 25 – могильник Волна, 2 – Владимировский могильник, 27 – Кукшлидский могильник, 28 – мольбище Кузнец, 29 – Большепольский могильник, 30 – Выжумский I могильник, 31 – могильник Троицкие Выселки, 32 – мольбище Тарасова Гора, 33 – Отарский могильник, 34 – мольбище у деревни Ломбенур, 34 – Широкундышский могильник, 36 – Иванбелякские находки, 37 – Сидельниковский могильник, 38 – Кокшамарское жертвенное место, 39 – Кокшамарский I могильник и Кокшамарский II могильник, 40 – могильник Сосновая Грива, 41 – Сметанинский могильник, 42 – Большеоршинский могильник, 43 – Малокугунурский могильник, 44 – Чирковское мольбище, 45 – Акашевский могильник, 47 – Аксаркинский могильник, 48 – Цибикнурский могильник, 49 – Шойбулакский могильник, 50 – Ошламучашский могильник, 51 – Шоядурский могильник, 52 – Арзебелякский могильник, 53 – Чуваш-Отарский могильник, 54 – Верхушнурский могильник, 55 – Кораксолинский могильник, 56 – Немецсолинский могильник, 57 – Юшуттурский могильник, 58 – Весь-Шургинский могильник, 59 – Коркатовское погребение, 60 – мольбище Ага пайрем арка, 61 – мольбище Ташнурское, 62 – Ощутъяльское мольбище, 63 – Пекозинское мольбище, 64 – Аринский могильник, 65 – Маламашский могильник, 66 – Ердурский могильник, 67 – Кокремское мольбище, 68 – Кокремский могильник, 69 – Кучкопамашский могильник, 70 – Нуръял-Карамасский могильник, 71 –Марикужерский могильник, 72 – Усолинское мольбище, 73 – могильник Ташкичу, 74 – Досюмский могильник, 75 – Кунгерский могильник, 76 – Кубянский могильник, 77 – Шопнерский могильник, 78 – Яраморский I могильник, 79 – Яраморский II могильник, 80 – Челюскинское мольбище, 81 –Алексеевский могильник, 82 – могильник Шўгар ўмбал у деревни Полевая, 83 – могильник у деревни Часовенная, 84 – Петъяльский могильник, 85 – Руссколуговской могильник, 86 – Ахпайский могильник, 87 – Сардаяльский могильник, 88 – Пижмарский могильник, 89 – Кинерское мольбище, 90 – Верхнешурминское мольбище, 91 – Ройский могильник, 92 – Батинское мольбище, 93 – Тюм-Тюмский могильник, 94 – Родыгинское мольбище, 95 – Биляморский могильник, 96 – Уржумнолинский могильник, 97 – Нижнетурекское погребение, 98 – Большенолинское мольбище, 99 – Лопьяльский могильник, 100 – Большеруяльский могильник и мольбище, 101 – Кугушеньский могильник, 102 – Шараганурский могильник, 103 – Ирмарское мольбище, 104 – Нуръяльский могильник, 105 – Шинурский могильник, 106 – Кожласолинский могильник, 107 – Марисолинский могильник, 108 – Большекульшинский могильник, 109 – Чембулатское мольбище, 110 – Грековский могильник, 111 – Тоншаевский могильник, 112 – Большеошкарский могильник.

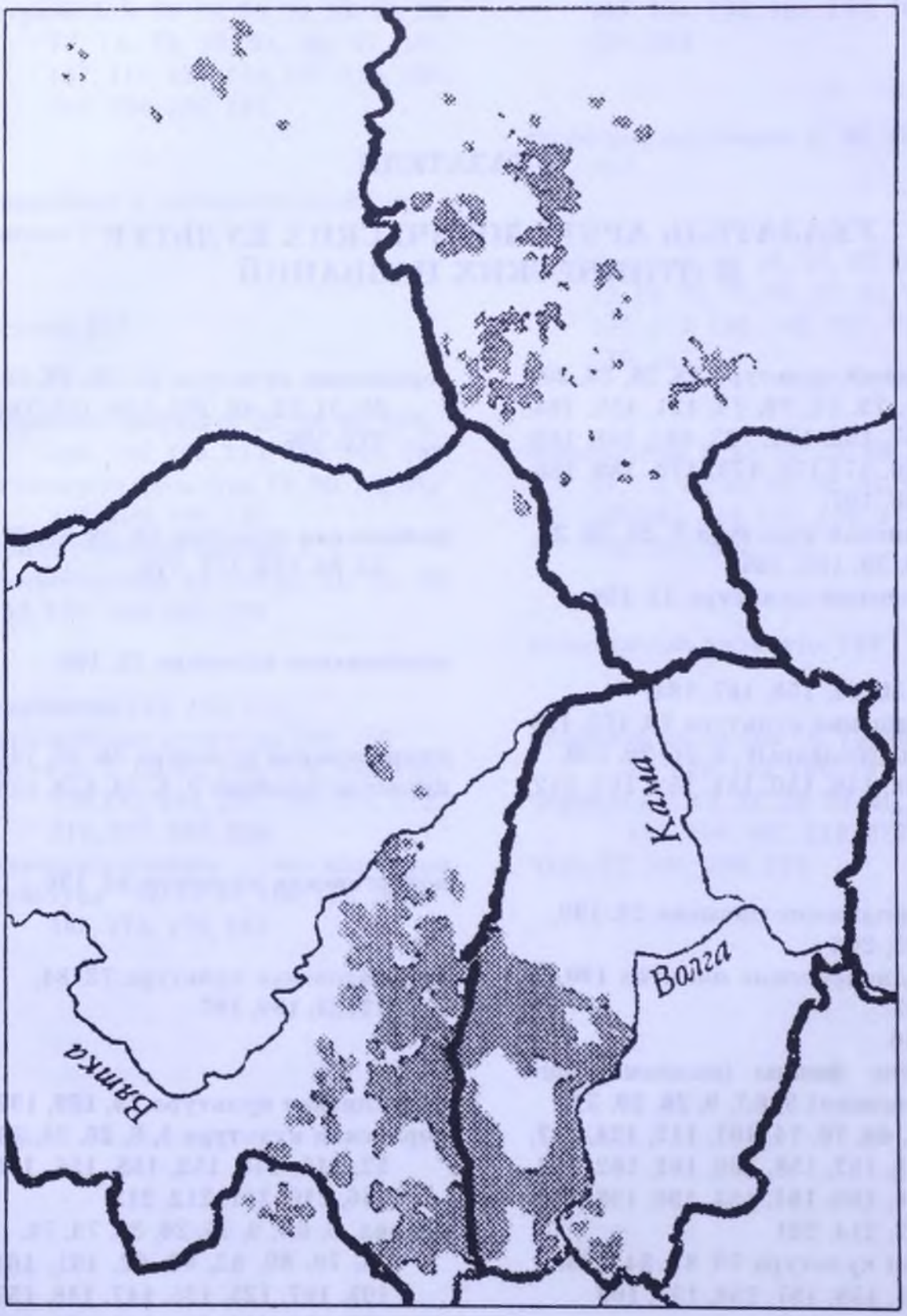

Рис. 81. **Карта расселения марийцев в 1860 г. (карта Риттиха, 1870).**

УКАЗАТЕЛИ

УКАЗАТЕЛЬ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

азелинская культура 18, 28, 29, 30, 31, 73, 77, 78, 79, 121, 155, 156, 157, 158, 159, 163, 164, 168, 169, 170, 171,172, 173, 179, 189, 186, 188, 197
ананьинская культура 9, 24, 25, 28, 29, 35, 155, 156
ахмыловская культура 31, 156

балты 30, 91, 158, 167, 184
бахмутинская культура 79, 122, 159
булгары (болгары) 5, 26, 30, 129, 138, 149, 150, 151, 152, 187, 212, 222

верхневолжские племена 23, 190, 193, 203
верхнеднепровские племена 190, 203
весь 166
волжские финны (волжско-финские племена) 5, 6,7, 9, 26, 29, 31, 52, 60, 70, 74, 101, 117, 124, 147, 148, 157, 158, 160, 161, 162, 164, 166, 180, 181, 184, 196, 198, 211, 213, 214, 221
вымская культура 73, 82, 84, 193, 155, 156, 157, 158, 159, 163
вятичи 51, 190, 203

городецкая культура 24, 25, 28, 29, 30, 31, 52, 86, 155, 156, 158, 166, 171, 186,

дьяковская культура 28, 29, 30, 31, 52, 86, 156, 177, 178

еманаевская культура 32, 196

именьковская культура 30, 86, 140
иранские племена 3, 5, 29, 129, 156

кочергинская культура 32, 196

ломоватовская культура 73, 84, 82123, 189, 197

мазунинская культура 79, 159, 197
мерянская культура 5, 8, 26, 28, 50, 52, 116, 146, 153, 155, 156, 160, 166, 210, 211, 212, 213
мордва 5, 6,7, 9, 25, 26, 30, 73, 74, 75, 79, 80, 83, 90, 92, 101, 104, 105, 107, 125, 135, 147, 148, 157, 159, 160, 164, 165-166, 175, 177,

181, 182, 185, 189, 198, 205, 211, 214, 218, 219
мурома 5, 8, 26, 30, 50, 52, 54, 55, 58, 73, 74, 79, 80, 91, 95, 97, 101, 107, 116, 126, 146, 147, 156, 160, 163, 164, 166, 167

население с псевдосетчатой керамикой 9

остяки 212

пермские финны 8, 23, 28, 31, 124, 156, 157, 168, 173, 195, 197, 198
поломская культура 79, 80, 82, 84, 122, 180, 189, 197
прибалтийские финны 5, 9, 157
пьяноборская культура 24, 25, 28, 155, 156, 168, 169, 186

радимичи 153, 192, 211
родановская культура 149, 189
русские 5, 15, 27, 129, 135, 152, 153, 154,192, 200, 205, 208, 211, 212, 216, 218, 219, 220.
рязанско-окских могильников культура 74, 79, 91, 100, 118, 160, 165, 175, 178, 183

славянская культура 26, 31, 32, 50, 51, 97, 99, 130, 151, 153, 154, 167, 191, 192, 193, 199, 200, 210, 211, 213

тюркское население 5, 30, 32, 92, 192

удмурты 6, 7, 15, 17, 22, 23, 25, 26, 32, 55, 74, 75, 82, 92, 94, 95, 100, 105, 123, 135, 142, 157, 179, 196, 220, 222

финно-угры 3, 23, 27, 32, 50, 54, 70, 71, 73, 74, 82, 83, 92, 97, 99, 100, 105,143, 144, 154, 156, 174, 176, 192, 195, 211, 212

худяковская культура 168

чепецкая культура 58, 79, 80, 82, 84, 122, 123, 189, 197
черемиса 5, 13, 22, 29, 39, 40, 55, 83, 155, 166, 167, 212, 217
чудь 22, 154, 166, 213

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Абрамово 159, 172, 175
Аверино 84
Агафоново 84
Азелино 169, 170
Акашево 215, 418
Аксаркино 13, 215, 283, 284, 288 418
Актуганово 41, 274, 275, 388, 389
Алексеевское 216, 418
Алметьево 135
Анинка 41, 174, 258, 259, 366, 367
Арда 20, 34, 35, 46, 53, 57, 58, 85, 115, 134, 146, 183, 260-261, 280, 302, 339–341, 365–367, 386
Арзебеляк 19, 63, 64, 75, 91, 106, 169, 215, 260, 261, 282–285, 287, 362, 418
Арино 215, 418
Армиево 73, 74, 79, 175, 180, 181
Атамановы Кости 169
Ахмылово 9, 10, 17, 30, 36, 62, 63, 64, 65, 68–70, 71, 74, 84, 90–93, 95–101, 103, 114, 118, 130–132, 139–141, 146, 156, 158–166, 168, 173–179, 180, 184, 186, 194, 221, 269, 283–287, 289, 302, 326–329, 334, 355, 359, 363, 366, 367-381, 418
Ахпай 216,418
Ашияз 42, 54, 266, 267, 281, 388, 389

Бадьино 41, 278, 279, 400, 401
Бадиково Старое 125
Балмы 366, 367
Барковка 42, 186, 264, 265, 388, 389
Батино 418
Бахмутино 79
Баяново 188
Безводновский клад 366, 367
Безводное (Безводнино) 64, 69, 74, 9, 95, 96, 103, 117, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 174, 180, 183, 184, 185, 186, 221, 283–287, 289, 326–329, 366, 367
Белоруссия 98,191
Березняки 86
Березово 268, 366, 367, 418, 419
Бигер-шай 15, 25
Билямор 15, 216, 282, 283, 288
Билямор Кушко 46, 186, 266, 267, 388, 389
Бирск 79
Богородское 41, 42, 115, 121, 136, 165, 174, 260, 261, 324, 325, 366, 367
Большая Гора 262, 263, 366, 367
Большеполье 13, 75, 215, 217, 418
Борисковское озеро 108, 109, 187, 388, 389,
Борки 96, 97, 175, 177
Булгар (Болгар) 150, 151, 186
Буртек 215
Бурыгино 11, 22, 195, 388, 389

Важнангер 14, 16, 19, 20, 21, 34, 35, 37, 38, 39, 40, 42, 45, 48, 54, 55, 56, 58, 133, 135, 139, 199, 208, 210, 213, 214, 215, 218, 266, 267, 274, 275, 281–283, 285, 287, 303, 323, 348–350, 400, 401, 416, 418
Варнино 73, 82, 84, 176, 177, 178, 187, 188, 193
Васильсурск 21, 35, 40, 41, 42, 43, 44, 49, 54, 57, 58, 69, 85, 86, 115, 118, 119, 123, 134, 135, 136, 146, 151, 174, 182, 186, 199, 200, 210, 213, 215, 258, 259, 266, 267, 270, 271, 280, 281, 302, 303, 310, 333,

342, 343, 359, 366, 367, 388, 389, 400, 401, 403
Великополье 278, 279, 400, 401
Венижи Малые 58, 82, 84
Веселово 13, 15, 16, 64, 67, 76, 77, 79, 80, 81, 84, 95, 105, 108, 109, 125, 134, 145, 152, 187, 189, 196, 198, 201, 209, 283–285, 287, 289, 296–299, 303, 305, 312, 313, 357, 363, 364, 388, 389
Весьшурга 216, 418
Весья-кар 50, 58
Ветлуга (река) 3, 12, 16, 18, 22, 32, 34, 40, 59, 129, 166, 174, 179, 187, 189, 196, 199, 200, 209, 214, 217
Ветлужско–Вятское междуречье 3, 9, 10, 15, 21, 30, 32, 52, 59, 102, 107, 116-118, 147, 149, 152, 156, 157, 168, 169, 173, 185, 186, 188, 192, 198, 199, 221, 222
Вичмарь 169, 215, 150
Владимирское 258, 259, 270, 271, 354, 366, 367, 388, 389
Волго–Вятское междуречье 11, 23, 24, 26, 28, 29, 98, 107, 116, 189, 209
Волго–Камье 77, 129, 149,
Волго–Клязьминское междуречье 167
Волго–Окское междуречье 5, 116, 148, 160, 161, 167, 178, 212
Волжская Болгария (Булгария) 149, 150, 151, 153, 154, 190, 192, 199, 214
Волна 215, 418
Волоконное озеро 276, 277, 400, 401
Выжум 16, 18, 10, 65, 75, 77, 80, 83, 84, 92, 93, 98, 100, 102, 105, 108, 109, 123, 124, 132, 134, 145, 146, 187, 199, 200, 201, 205, 209, 215, 217, 283–285, 287, 288, 303, 354, 358, 360, 364, 38, 389, 400, 401, 404-409, 418
Выползово 80
Вятка (река) 12, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 25, 29, 32, 34, 40, 68, 94, 118, 166, 171–173, 186, 188, 189, 195, 197, 198, 215, 217, 219, 220
Вятка 20, 29, 70, 187, 219
Гавердово 82, 84, 95, 96, 160
Галанкина Гора 37, 53, 56, 115, 160, 187, 270, 271, 278, 279, 280, 281, 302, 309, 344, 345, 346, 400, 401

Гороховец 150
Греково 19, 92, 94, 216, 282, 418, 419

Деменковский могильник 84
Досюм 216, 418, 419
Дубовский 17, 64, 67, 68, 70, 75, 77, 79, 80, 81, 84, 106, 109, 108, 120, 123, 125, 128, 129, 140, 142, 143, 145, 150, 151, 152, 187, 190-192, 196, 198, 199, 209, 211, 283-285, 287, 289, 298–299, 316-323, 357, 359, 388, 389, 392, 393
Дурасовское 178

Елово 75
Елхово 186
Еманаево 12, 13, 20, 22, 35, 46, 56, 57, 122, 138, 187, 195, 196, 197, 198, 221, 264, 265, 280, 302, 388, 389
Емангаши 174, 366, 367
Ердур 216, 418
Ернур (Мари Ернур) 34, 138, 174, 187, 262, 263, 366, 367
Ефаниха 388, 389

Желтухино 69, 74, 90, 103, 160, 161, 162, 165, 166, 175, 221, 326-329, 366, 367

Замятино 215, 218, 418
Звенигово 42, 85, 214, 264, 265, 74, 275, 388, 389
Звенигородское 86

Измерское 202
Иванова Гора 16, 20, 35, 42, 46, 48, 58, 116, 143, 146, 264, 265, 270, 271, 280, 309, 388, 389
Иванбеляк 418
Иваньково 74, 183
Игисола 34, 46, 264, 265
Иж 23, 187
Ижевское (городище на р. Иж) 11, 12, 13, 17, 20, 22, 35, 116, 122, 138, 146, 187, 188, 195, 196, 197, 198, 221, 264, 265, 302, 359, 388, 389, 391
Иран 127, 128, 130, 150
Ирмарь 19, 418
Исуткино 418

Кадом Старый 96, 97, 177
Кадочниковский 20
Кадышево 215, 354, 418
Казанское ханство 10, 217
Кама (река) 14, 24, 149, 186, 188
Кантаурово 108, 109, 187, 388, 389,
Каранькино 418, 419
Картуково 19, 63, 64, 67, 91, 92, 93, 215, 282–285, 287, 362, 365, 418
Килемары 400, 401
Кинер 418
Кичилькосьский 84, 125
Ключево 37, 38, 276, 277, 400, 401
Клязьма 167
Кожласола 418
Кокрем 216, 400, 401, 418
Кокшага 15, 16, 20, 169, 1784, 183, 189, 195, 209, 215, 217
Кокшамары 418
Коминтерновский могильник 175
Концово 163, 178, 186, 196, 326 – 329, 366–367
Кораксола 215, 418
Кораблино 82, 84
Кордон 73, 74, 169
Корино 75
Коркатово 215, 418
Кочергино (Дуброво) 13, 15, 16, 29, 64, 67, 70, 75, 77, 108, 109, 123, 138, 187, 189, 195, 196, 198, 221, 283–287, 289, 303, 305, 388, 389
Кочкино 70, 97, 163, 177, 178, 326–329, 366, 367
Красная Горка 174, 258, 259, 366, 367
Красное Селище 21, 37, 41, 46, 50, 51, 54, 56, 120, 135, 136, 139, 151, 199, 206, 262, 263, 274, 275, 281 303, 304, 310, 311, 312, 333, 359, 388, 389, 400, 401, 402, 414
Красный ключ 169
Кривое озеро 270, 271, 388, 389, 390
Крюковокужновский могильник 125
Кубашево 15, 20, 30, 34, 36, 41, 43, 46, 115, 121, 122, 146, 156, 158, 173, 174, 182, 183, 184, 195, 196, 197, 221, 260, 261, 302–309, 366, 367, 387, 388, 389
Кубяны 418
Кугунур Малый 20, 64, 67, 75, 91, 106 135,215, 282–285, 287, 418
Кугушень 216, 418
Кужеры Мари 216, 418
Кузнецово 264, 388, 389
Кузьминский могильник 125, 147, 182, 183
Кукшлиды 14, 67, 93, 215, 283-287, 365
Кульша Большая 418
Кунгер 18, 216, 418
Курманский 177
Кучко-Памаш 215, 418
Кушнур 262, 366, 367

Лажвершина 262, 366, 367
Лоемский 84
Ломбенур 418
Лопсола Нижняя
Лопьял 15, 16, 108, 109, 187, 195, 196, 198, 216, 221, 388, 389, 418,
Луговая Мари 23, 25, 30, 77, 78, 152, 169, 170, 171, 172, 186, 206, 213, 214, 400, 401
Луговая Русская 15, 216, 282–285, 288, 418
Лузино 215
Лушмор 169, 172
Ляждур Большой 278, 279, 400, 401
Ляждур Русский 41, 278, 279, 400, 401
Ляждур Старый 278, 279

Мазары 270, 271, 366, 367
Майдан 268, 269, 272, 273, 280, 366, 367, 388, 389, 390
Маламаш 216, 418
Малахай 14, 20, 35, 42, 115, 258, 259, 280, 302, 366, 367
Малиновка 19
Малмыж 135, 215
Малышево 70, 74, 80, 107, 108, 127, 366, 367
Марисола 418, 419
Мелетьский I могильник 19
Микряково 13
Молочное 24
Моторки 366, 367
Муром 126, 150, 166, 182
Мыдлань-Шай 176, 188, 189, 193

Немда 11, 15,. 189, 214
Немецсола 14, 215, 418
Нижняя Стрелка 20, 63, 65-72, 75-82, 84, 96, 105, 106, 108, 109, 123, 125, 127, 128. 130, 132, 136, 138, 140, 142–146, 150-153, 183, 187, 192, 198, 199, 211, 283-285, 287, 289, 290-293, 294,-297, 303, 305, 313-315, 356, 357, 359, 360, 361, 363, 364, 388, 389, 394-399
Николаевский 214, 400, 401
Новгород 50, 98, 104, 132, 141, 153, 154, 187, 190, 194, 203, 204, 205, 206, 207, 208
Новотроицкое 151
Ноля Большая 418, 419
Носелы 13, 16, 36, 37, 38, 54, 133, 134, 135, 268, 269, 274, 275, 281, 334, 353, 366, 367, 400, 401
Нуршари 388, 389
Нуръл-Карамас 216, 282, 418
Нурьялы 216, 282, 418
Нязь-Ворцы 75

Одоевское 27, 35, 41, 115, 121, 136, 138, 165, 174, 260, 261, 366, 367, 324, 325
Ока (река) 6, 26, 50, 116, 157, 160, 166, 167, 179
Окско–Клязьминское междуречье 167
Окско–Сурское междуречье 60, 100, 160
Олма 40, 278, 279, 400, 401
Орша Большая 215, 418
Осиновка 20, 35, 42, 260, 261, 366, 367
Отары 18, 19, 63, 65, 67, 75, 106, 109, 152, 214, 215, 282-284, 286, 288, 365, 400, 401, 418
Ошкары Большие 12, 418
Ошкинский 169
Ошламучаш 215, 418
Ошутьялы 418

Пайбулатовское селище 21, 195, 270, 271, 366, 367, 388, 389
Пайгусово 20, 35, 41, 46, 47, 53, 64, 115, 116, 174, 215, 218, 258, 259, 280, 283, 309, 302, 366, 367, 418
Пальтикино 19, 61, 215, 418

Паратмары 215, 218, 418
Параты 272, 273
Пекоза 135, 418
Первомайский 170
Пертнуры Заовражные 215, 418
Петропавловское 74, 179, 180
Петьял 216
Пижма 13, 22, 195
Пижмарь 216, 418
Поветлужье 16, 24, 27, 28 (гр), 29, 31, 110, 121, 128, 136, 155, 156, 158, 211, 213
Поволжье 3, 9, 10, 12, 14, 20, 22-25, 27, 28, 29, 31–34, 50, 52, 59, 83, 92, 100, 105, 111, 129-131, 136, 138, 145, 149, 153, 154, 156, 157, 166, 167, 171–173, 175, 178, 182, 185, 186, 191, 199, 201, 203, 204, 211, 213, 214, 219, 222
Подболотня 108, 109, 366, 367,
Полевая 216, 418
Полянки 276, 277, 400, 401
Попово 52, 74, 87, 97, 116, 117, 177, 366, 367
Починок 18, 70, 77, 83, 105, 123, 199, 201, 203, 210, 213, 214, 276, 277, 283, 285, 287, 303, 358, 359, 364, 400, 401
Прибалтика 152, 191
Прикамье 22, 23, 25, 32, 52, 73, 83, 92, 99, 100–102, 107, 122, 179, 193, 195, 197, 198, 221
Приладожье 149, 152, 191, 202
Примокшанье 100, 116, 160
Прионежье 149

Регеж Верхний 35, 186, 264, 388
Родыгино 418
Рождество 26, 186
Российское (Русское) государство 10, 138, 224
Русениха 35, 174, 260, 261, 366, 367
Русь 10, 26, 105, 108, 141, 149, 150, 152–154, 166, 191, 203, 207, 214
Руткинский 16, 18, 65, 68, 77, 93, 101, 102, 108, 109, 123, 134, 219, 187, 199, 203-205, 209, 303, 283-285, 287, 354, 359, 388, 389, 400, 401, 410-413
Руял Большой 216, 418
Рязань 52

Салмандаево 215, 418, 419
Салтаково 400, 401
Сарапульское 15
Сардаял 216
Сарлейка 75
Сарское 131, 181
Сауткино 37, 38, 40, 54, 199, 207, 208, 276, 277, 281, 303, 351, 400, 401
Северная Двина 154
Селикса-Трофимовский могильник 70, 73
Серпово 74
Сидельниково 215, 418
Сиухино 14, 16, 40, 135, 140, 174, 400, 401, 418
Скорняковское городище 12, 21, 187
Сметанино 12, 215, 418
Солонер 400, 401
Сомовка 21, 34, 35, 36, 48, 53, 56, 57, 110, 113–116, 117, 122, 124, 136, 138, 139, 141, 146, 147, 160, 173, 174, 181, 182, 185, 194, 221, 258, 259, 280, 324, 325, 306–308, 335-338, 359, 360, 366, 367, 383-385
Сосновая Грива 20, 65, 68, 75, 106, 282-285
Сосновка 400, 401
Спасское 174, 260, 261, 366, 367
Средняя Азия 127, 150
Старое Село 20, 34, 35, 42, 174, 186–187, 262, 263, 333, 366, 367
Стрижевский могильник 366, 367
Сувар 150
Суздаль 150, 153, 211
Сундырь Малый 13, 14, 17, 20, 21,

63, 67, 216, 285, 287, 418, 419
Сунцевский 169
Суворовский 169, 170
Сутыри 213, 268, 269, 272, 273, 276, 277, 367, 368, 388, 389, 400, 401
Сухона 154

Такталачук 207
Танаково Большое 35, 186, 264, 65, 333, 388, 389
Танкеевка 107, 108, 109, 182, 212
Тара (река) 167
Тарасова Гора 418
Тат-Боярский могильник 169, 366, 367
Ташкичу 18, 216, 418
Ташнуры 418
Тиганы (Большетиганский) 189
Теза (река) 167, 175
Тихаревское 366, 367
Тойма (река) 23
Тоншаево 418
Троицкие Выселки 215, 418
Троицкое 52
Тумовка 50, 52, 58
Турек Нижний 216
Тюм-Тюм 15, 18, 67, 77, 78, 94, 169, 170, 216, 283, 285, 287, 418

Урвановский 108, 109
Уржум 169, 172
Уржумка 77, 169, 170, 172, 186, 268, 269, 278, 279, 366, 367, 400, 401
Уржумноля 19–20, 63, 64, 75, 94, 216, 283–285, 288, 418
Уртем Русский 400, 401
Урьинский 84
Успенское 52, 35, 266, 400, 401
Усола 418
Ухтубужское 28
Ушнур Верхний 215, 418

Херсонес 98
Хлюпинский 169
Холуй 175, 366, 367
Хотимль 74, 80, 167
Худяки 32, 73, 169

Цекеево 21, 262, 263, 366, 367, 388, 389
Цибикнур 215, 418

Чабыровский могильник 75
Чевернур 400, 401
Челюскино 418
Чембулат 418
Чем-шай 15
Чепца (река) 22, 25, 74, 149, 173
Черемисский (могильник, кладбище) 12, 15, 67, 70, 71, 77, 79, 80, 81, 84, 108, 109, 130, 137-138, 187, 188, 196, 198, 209, 283, 285, 287, 289, 298, 299, 302, 305, 312, 356, 357, 388, 389
Черемыское озеро 167
Чермышево 19, 63, 64, 65, 215, 365, 418
Чирки 418
Чкарино 400, 401
Чортово городище 10, 12, 35, 42, 61, 65 ,69, 85, 96, 97, 115, 120, 121, 136, 146, 158, 165, 166, 168, 173, 174, 179, 180, 182, 184, 221, 260, 261, 324, 325, 355, 366, 367, 382
Чувашские Отары 418
Чебоксары 24, 51
Чудское озеро 98
Чулково 80, 107-109
Чумбари 400, 401

Шараганур 216, 418
Шартнейка 37, 274, 275, 304, 400, 401
Шатрищи 97, 177, 180

Шексна 154
Шелаболки Нижние 274, 275 281, 400, 401
Шелангер 400, 401
Шешмары 418
Шилиха 42, 174, 260, 261, 366, 367
Шинур 216, 418
Широкундыш 215, 418
Шойбулак 13, 65, 215, 418
Шокша 125, 175, 177
Шомовка 134
Шопнер 216, 418
Шорсола 40, 42, 58, 199, 214, 266, 267, 400, 401
Шор-Унжа 163, 169, 173, 186, 326–329, 366, 367
Шоядур 215, 418
Шумец Горный 199, 213, 266, 267, 400, 401
Шумец Удельный 270, 271, 276, 277, 280, 281, 347, 388, 389, 390, 400, 401
Шунангер 268, 269, 334, 366, 367, 388, 389
Шурма Верхняя 418

Ыджыдьельский могильник 84

Юванур 400, 401
Юледур Старый 41, 278, 279
Юльялы 14, 21, 35, 37–40, 41, 54, 56, 136, 140, 151, 166, 281, 323, 173, 180, 199, 205-208, 210, 213, 258, 259, 276, 277, 303, 352, 359, 366, 367, 400, 415
Юм (Загребинскоий могильник) 12, 15, 29, 70, 71, 76,77, 80, 81, 84, 108, 109, 123, 131, 138, 187-189, 195, 196, 198, 221, 283-285, 287, 298, 299, 303, 305, 356, 363, 364, 388, 389,
Юнга-Кушерга 215, 418
Юнга-Пернянгаши 215
Юрино 268, 269, 366, 367
Юшково 20, 34, 41, 42, 262, 263, 366, 367
Юшуттур 215, 418

Янгосово 215, 282, 362, 418
Яндушево 38, 276, 277, 400, 401
Ярамор 216, 418

СОКРАЩЕНИЯ

АО – Археологические открытия
АН СССР – Академия наук СССР
АН БССР – Академия наук Белорусской ССР
АС – Археологический съезд
АЭМК – Археология и этнография Марийского края
ВАУ – Вопросы археологии Урала
ВГВ – Вятские губернские ведомости
ВЯ – Вопросы языкознания
ИАК – Известия археографической комиссии
ИА РАН – Институт археологии Российской Академии Наук
ИГАИМК – Известия Государственной Академии истории материальной культуры
ИОИЭ – Известия общества истории и этнографии
ИЭ – Институт этнографии
ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры
ГИМ – Государственный исторический музей
КА УдГУ – Кабинет археологии Удмуртского государственного университета
КВГ – Календарь Вятской губернии
КГВ – Казанские губернские ведомости
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК – Краткие сообщения института истории материальной культуры
ЛОИА АН СССР – Ленинградское отделение Академии наук СССР
ЛАИ Удм.ГУ – Лаборатория археологических исследований Удмуртского Государственного университета

МАВГР – Материалы по археологии Восточных губерний России

Мар НИИ – Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева при Правительстве Республики Марий Эл

МАР – Материалы по археологии России

Мар АЭ – Марийская археологическая экспедиция

МАО – Марийская автономная область

МИА – Материалы и исследования по археологии

МНИИЯЛИЭ – Мордовский научно-исследовательский институт языка, истории и экономики при Правительстве Мордовии

ПИДО – Проблемы дореволюционных обществ

РА – Российская археология

СА – Советская археология

САИ – Свод археологических источников

СГАИМК – Сообщения Государственной Академии Института материальной культуры

СФУ – Советское финно-угроведение

СЭ – Советская этнография

ЦПО – Центральная промышленная область

УЗ ЧувНИИ – Ученые записки Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы и истории

ФУ – Финно-угроведение

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ. 3
ГЛАВА 1
ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ 11
§ 1. История изучения археологических памятников эпохи средневековья. 11
§ 2. Историография. 21
ГЛАВА 2
ГОРОДИЩА И СЕЛИЩА. 34
§ 1. Топография памятников и система расселения. . 34
§ 2. Оборонительные сооружения. 41
§ 3. Жилища и хозяйственные постройки. 48
ГЛАВА 3
МОГИЛЬНИКИ. 61
§ 1. Погребальный обряд. 61
ГЛАВА 4
КУЛЬТУРА И БЫТ. 89
§ 1. Украшения и детали одежды. 89
§ 2. Предметы быта и вооружения. 110
§ 3. Хозяйство. 132
§ 4. Культурные и торговые связи. 148
ГЛАВА 5
ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ТЕРРИТОРИИ И ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ МАРИЙСКОГО ЭТНОСА 155
§ 1. Об этнических основах марийского народа 155
§ 2. Этапы развития. 168
ЗАКЛЮЧЕНИЕ. 221
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 224
ПРИЛОЖЕНИЕ 1 256
ПРИЛОЖЕНИЕ 2 330
УКАЗАТЕЛИ 420
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 429

НИКИТИНА ТАТЬЯНА БАГИШЕВНА

МАРИЙЦЫ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ)

Монография

Редактор *Т.А. Рыбалка*
Технический редактор *Т.А. Рыбалка*
Художник *Б.С. Соловьев*
Компьютерный набор автора
Оригинал-макет *И.В. Тунаевой*
Компьютерный дизайн и цветоделение *Л.Г. Маланкиной*
Фото *С.В. Кузьминых, В.В. Никитина*

Подписано в печать 25.12.2002.
Формат 70x100/16. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. п. л. 34,83+0,5 вкл. Уч.-изд. л. 29,22+0,5 вкл.
Заказ №2017. Тираж 500.

ГУП «Марийский полиграфическо-издательский комбинат»
424000, г. Йошкар-Ола, Комсомольская, 112.

Никитина Татьяна Багишевна, кандидат исторических наук, заместитель директора Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В. М. Васильева при Правительстве Республики Марий Эл, заслуженный деятель науки Республики Марий Эл.

Т. Б. Никитина на протяжении 25 лет занимается археологическим изучением средневековой истории и культуры марийского народа, является автором 80 научных работ, в том числе трех монографий: «Марийцы (конец XVI-начало XVIII вв)», «Атлас археологических памятников Республики Марий Эл. Ранний железный век и средневековье» (в соавторстве с Архиповым Г.А.); «История населения Марийского края в I тыс. н.э. (по материалам могильников)».

